

Между ДОМОМ И ... ДОМОМ

Возвратная
пространственная
мобильность
населения России

Серия
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Редакционная коллегия:

Алексеев Александр Иванович, проф., д.г.н.,
Веденин Юрий Александрович, проф., д.г.н.,
Пилясов Александр Николаевич, проф., д.г.н.,
Тишков Аркадий Александрович, проф., д.г.н. (председатель),
Трейвиш Андрей Ильич, д.г.н.,
Филиппов Александр Фридрихович, проф., д.г.н.,
Шупер Вячеслав Александрович, проф., д.г.н.

*Российская академия наук
Институт географии*

*К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов,
А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин,
Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш*

МЕЖДУ ДОМОМ И ... ДОМОМ
**Возвратная пространственная мобильность
населения России**

УДК 314.72(470+571)
ББК 60.73(2Рос)-5
М 43

*Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда.
Проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения
в сельско-городском континууме»*

*Утверждено к печати
Ученым Советом Института географии РАН
Рецензенты:
Доктор географических наук А.И. Алексеев
Доктор географических наук В.Н. Стрелецкий*

М43

Авторский коллектив:

**К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.А. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев,
А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш**

Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. – М. : Новый хронограф, 2016. – 504 с. : ил. – ISBN 978-594881-367-7.

Коллективная монография посвящена *пространственной (географической) мобильности* людей в широком смысле этого слова. В ней рассмотрены, прежде всего, *регулярные возвратные миграции внутри России*, при которых человек не меняет место постоянного жительства, но значительную часть времени проводит в другом месте (и на пути к нему) с целью работы или отдыха. К XXI веку мобильность населения стала одним из символов и девизов развития общества. Ее факторы и соответствующие потоки помимо личных мотивов и обстоятельств зависят от стадии развития общества, текущих и притом географически дифференцированных социально-экономических условий. В книге рассматриваются предпосылки миграционной подвижности населения, связанные с поляризацией российского пространства, динамикой экономического развития и занятости населения. Подробно анализируются два основных вида возвратной мобильности: трудовые (маятниковые миграции и отходничество с недельным и более длительным циклом) и сезонные дачные миграции россиян. Для дачников, как и для отходников, характерна жизнь на два дома. Расстояния регулярных передвижений между ними могут достигать сотен километров. Рассматривается эволюция таких миграций, методы их изучения, основные векторы и масштабы перемещения, специфика ближних и дальних мест работы или дачной жизни. Исследование касается как всей России, так и отдельных ее регионов: пригородных и удаленных от столицы, северных и южных, западных и восточных. Оно помогает понять, сколько же людей реально живут в разных местах в разные часы суток, дни недели, сезоны года.

Книга предназначена для всех, кто интересуется историей и современностью России, ее географией и социально-культурными процессами.

© Коллектив авторов 2016
© Институт географии РАН 2016
© «Новый Хронограф» 2016

При оформлении книги использованы фотографии К.В. Аверкиевой, Т.Г. Нефедовой

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Часть 1	
Урбанизация, мобильность и сельско-городской континуум	
Глава 1.1. Российская урбанизация и мобильность населения	21
Глава 1.2. Сельско-городской континуум и пространственная мобильность населения	40
Часть 2	
В город за работой	
Глава 2.1. Эволюция отходничества	61
Глава 2.2. Современные социально-экономические предпосылки трудоустройственной мобильности населения России	83
Глава 2.3. Транспорт как предпосылка и индикатор возвратной мобильности населения	102
Глава 2.4. Методы изучения трудовых российских миграций на региональном, муниципальном и локальном уровнях	127
Глава 2.5. Векторы современных трудовых миграций	139
Глава 2.6. Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.	174
Глава 2.7. Трудовая мобильность как адаптация к кризису городских рынков труда на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке	194
Глава 2.8. Маятниковые трудовые миграции как образ жизни в агломерациях. Пример Московской области ..	207
Глава 2.9. Где найти работу в сельской местности. Пример Черноземья и Нечерноземья	242
Глава 2.10. На работу с юга в Москву. Пример Ставропольского края	266

Часть 3

Из города за воздухом

<i>Глава 3.1. Дачи, дачники и дачеведение</i>	283
<i>Глава 3.2. Дачи в России. Эволюция и типология</i>	300
<i>Глава 3.3. Методы изучения дач и результаты их применения</i>	318
<i>Глава 3.4. От дачных к коттеджным поселкам.</i>	
Пример пригородов Москвы и Санкт-Петербурга	336
<i>Глава 3.5. Бесстатусные поселки дачников</i> <i>за пределами столичных областей</i>	362
<i>Глава 3.6. Пригороды на Юге и Востоке страны:</i> <i>урбанизация или дезурбанизация?</i>	375
<i>Глава 3.7. Этапы дачной «колонизации»</i> <i>российской глубинки</i>	385
<i>Глава 3.8. Дальние дачи</i> <i>как временное убежище от цивилизации</i>	404
<i>Глава 3.9. Дачи на курортах</i>	419
<i>Заключение</i>	
Кому и зачем нужно знать о возвратной пространственной мобильности населения	437
Литература	444
Summary	465
Сведения об авторах	466

Введение

Эта книга – о *пространственной*, а точнее, о *географической* мобильности людей, в широком смысле слова миграционной. В ней рассмотрены прежде всего *временные возвратные миграции населения внутри России*, при которых человек не меняет место постоянного жительства, но значительную часть времени проводит в другом месте с целью работы или отдыха (смены деятельности).

Мобильность во всех ее видах и аспектах характерна для человечества и важна для его развития. Ей посвящена немалая литература, но не столь обширная, как более общим темам. «Миграцию» и «мобильность» (населения) в названиях, списках ключевых слов и аннотациях мы нашли в 200 тыс. из 22,9 млн публикаций, аккумулированных российской системой научного цитирования РИНЦ (по состоянию на июнь 2016 г.), или менее чем в одном проценте. Населения, расселения, демографии касаются до 5% работ, как и тем города, деревни, урбанизации и т.п. или социального, экономического, культурного пространства. На географическую (территориальную, пространственную) мобильность приходится 0,2% публикаций, а на возвратную (регулярную, периодическую) – еще на порядок меньше, особенно если отсеять техническую и биологическую литературу.

Мы не вдаемся в споры о соотношении терминов «миграция» и «мобильность», но видим хотя бы грамматические различия: слова, оканчивающиеся на «-ция» обозначают явления, процессы, а на «-ость» – состояния и свойства. Поэтому под мобильностью порой понимают не сами потоки движущихся людей, а их склонность к движению или же его интенсивность.

Небольшой опрос коллег по поводу определения некоторых терминов показал, что консенсуса нет. Для кого-то пространственная мобильность, в частности трудовая, – синоним трудовых миграций. Другим этот термин кажется аморфным, так как включает и короткие поездки, и долговременные, в основе которых лежит смена места работы, и постоянные перемещения дальнбойщиков, летчиков, моряков. Третьи сводят

мобильность к вертикальным перемещениям в социальном «пространстве». Четвертые считают пространственную мобильность важнейшим феноменом современного мира, внутри которого могут рассматриваться и миграции.

Нам представляется, что понятие «мобильность населения» отражает некоторое состояние общества, тогда как миграции служат ее конкретным воплощением. Поэтому в данной книге мы будем считать, что географическая мобильность начинается с перемещений за пределы населенного места, хотя ясно, что критерий условен и формален. Более того, чем короче дистанция, тем выше частота перемещений, но чем расстояния длиннее, тем движения заметнее и значимее для нас и для нашего окружения, социума, экономики.

Мы исследуем в книге именно возвратную пространственную мобильность, причем внутрироссийскую, что требует некоторых пояснений. Будучи социально-географическим явлением, она не совпадает с мобильностью социальной ни в ее вертикальной ипостаси, ни в горизонтальной. Сменить социальный слой, как и позицию внутри него (через брак, конфессию, работу), можно в одном и том же географическом пункте. Другое дело, что миграция, меняющая положение человека в геопространстве, сплошь и рядом основана на сложном сочетании мотивов. Факторы пространственной мобильности и ее потоки помимо личных целей и обстоятельств зависят от стадии развития общества, текущих и притом географически дифференцированных экономических, политических, институциональных условий. Размеры и неоднородность пространства крупных стран могут задавать возможности социальной мобильности, которая трансформируется в пространственную (рис. 1).

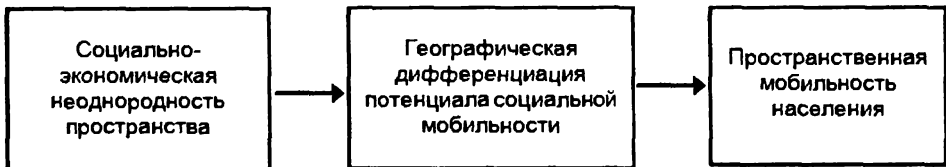

Рис. 1. Переход вертикальной социальной мобильности населения в пространственную

Пространственная мобильность населения, в отличие, но не в полном отрыве от социальной, типизируется по ряду признаков.

По времени и радикальности она делится на *безвозвратную* (переселенческую миграцию) и *возвратную* (оборотную, нередко регулярно-ритмическую).

По территории – от материков до муниципалитетов – это мобильность *внешняя и внутренняя*; внутри страны она выступает как *межрайонная, межселенная*.

По направлению, маршруту: *отточная и приточная* (эмиграция и иммиграция), *встречная, круговая, ступенчатая* (каскадно-замещающая: так, людей, уехавших в большой город из малого, заменяют сельские мигранты).

По мотиву: *экономическая* (трудовая, потребительская), *социальная* (учебная, лечебная, семейная), *экологическая, культурная, политическая* с их разновидностями (например, воинская, стрессовая беженская и др.).

По регуляции: *массово организуемая «сверху»*, вплоть до принудительной, и *неорганизованная, стихийно-индивидуальная*.

Особо отметим значение возвратных движений в прошлом и теперь. В древности люди, осваивая Землю и расходясь по ней, теряли связи с прародинами и знания о них, иначе планету спустя тысячелетия не пришлось бы «открывать» заново. И подвиги героев Великих географических открытий так известны именно благодаря тому, что они возвращались.

Есть основания полагать, что возвратные перемещения мощнее и неформальнее безвозвратных. В другие страны за год переселяются до 250 млн землян, а только международных туристических поездок Всемирная туристическая организация фиксирует более 1 млрд в год. Число поездок внутри стран, выходящих за рамки локальных местообитаний, точно неизвестно, но их, вероятно, не меньше 5 млрд в год. Самая жесткая власть не в силах их контролировать, регулировать и просто учитывать в полном объеме [Трейвиш, 2015]. Среди возвратных миграций можно выделить трудовые и рекреационные, включая столь характерные для России дачные. Они предполагают жизнь на два дома и определенный компромисс движения с покоем, странничества с оседлостью.

К XXI в. мобильность стала одним из символов и девизов развития вкупе с глобализацией, модернизацией, сервисно-информационным и коммуникационным бумом. Вместе с ростом благосостояния растет и географический кругозор населения, его тяга к передвижениям в пространстве. Со второй половины XX в. тренд определяется не столько сменой мест постоянного жительства, сколько циркуляцией между городами

и в сельско-городской среде. Это одним из первых заметил американский географ Вильбур Зелински [Zelinsky, 1971]. Противоречия мобильной и оседлой жизни, стирания границ, сжатия дистанций и пространства, его восприятия и массового «потребления» породили на Западе обширный дискурс [Hägerstrand, 1975; Meyrowitz, 1985; Thrift, 1996; Urry, 1995; Cairncross, 2001; Florida, 2008; Aybek et al., 2015]. Англичанин Джон Урри довел его до идеи некоей особой социологии мобильности [Урри, 2012].

Наибольший интерес в прессе, политике и даже науке вызывает трансграничная мобильность. Между тем, «как ни велики были размеры международных миграций в XX в., и по масштабу, и по значению они намного уступали внутренним миграциям, которые за одно столетие изменили сам принцип расселения людей в пределах освоенных ими территорий. Эти изменения были обусловлены важнейшим социальным процессом – урбанизацией» [Вишневыский, Дмитриев, 2016, с. 197].

Специфика России состоит в том, что урбанизация в условиях централизации власти ведет к концентрации финансовых ресурсов, бизнеса и человеческого капитала в Москве, активно эксплуатирующей ренту столичного статуса и агломерационный эффект [Зубаревич, 2012]. В меньшем масштабе, но порой еще ярче та же картина повторяется в регионах, где город-лидер, почти всегда официальный центр, больше второго по числу жителей в среднем вшестеро. Вместе с разреженной сетью городов, организующих пространство страны, это оборачивается его сильной поляризацией, формируя потоки миграций как со сменой мест постоянного жительства, так и временных, возвратных.

Интенсивность переселенческих миграций россиян при их невысоких доходах и перепадах цен на рынках жилья ниже, чем у жителей западных стран. Интенсивность межрегиональных переселений в США достигала в середине 2000-х гг. 26 на 1000 жителей, в Великобритании, Японии, Швеции – 20, в Австралии – 17, в Германии – 13–14. В России же показатель составлял 5,7 на 1000 чел. [Мкртчян, 2009)]. Вкупе с резкими контрастами уровня жизни это усиливает рецессию в депрессивных регионах [Туриев, 2010]. После распада СССР отмечался более чем двухкратный спад внутренних переселений [Зайончковская, Мкртчян, 2007]. Зато открылись огромные резервы временных трудовых миграций. Ими люди реагировали на системный кризис, ухудшение экономического положения и падение уровня жизни во многих районах, отсутствие в них перспектив трудоустройства при растущих крупногородских рынках труда.

Ряды работающих вне места проживания росли, привлекая внимание публики и специалистов. Иностранным рабочим (гастарбайтерам), обычно из бывших республик СССР, его уделялось больше, чем внутренним трудовым мигрантам, хотя оба потока, как минимум, сопоставимы. Вообще-то их точные параметры неизвестны, но в любом случае внутри-российские трудовые миграции изучены недостаточно.

Итак, деление на возвратные и безвозвратные миграции служит ключевым для данной книги (рис. 2). Они, конечно, взаимосвязаны, причем первые иногда даже относят к «незавершенной миграции» [Okolski, 1999; Kritz, 2002], считая собственно миграцией движение второго класса. Так или иначе, знаний о возвратных передвижениях явно не хватает, что в немалой мере определяет наш исследовательский интерес.

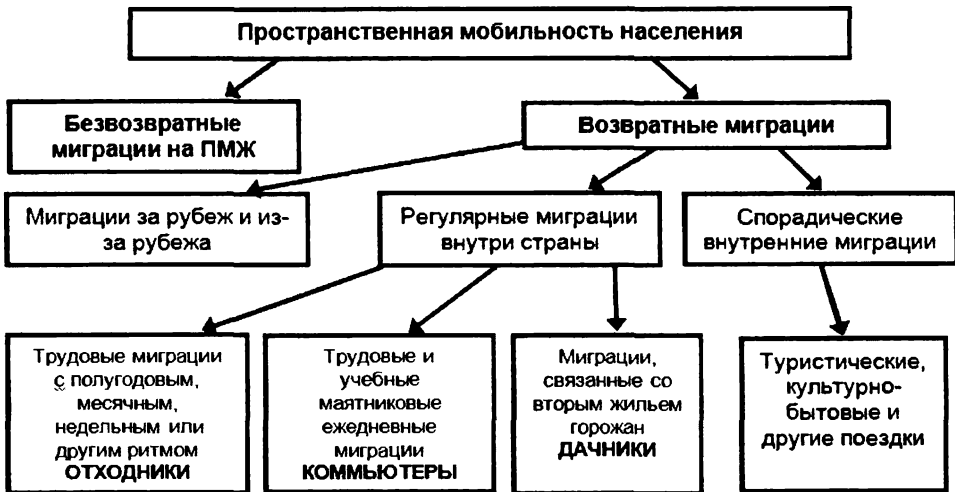

Рис. 2. Основные варианты пространственной мобильности населения

Лучше других изучены ежедневные передвижения в агломерациях, на которые географы обратили внимание еще в советские годы. Отметим хотя бы исследования Н. Петрова [1988] с позиций так называемой хроногеографии на примере Московского региона. Они показали, что население города, района и т.д. можно оценивать не по постоянной (часто условной, если не фиктивной) численности, но как дневное и ночное, летнее и зимнее, или в терминах жизнедеятельности, то есть в человеко-часах, накопленных всеми людьми, бывающими в данном месте. Надо признать, что широкой поддержки это направление тогда не получило.

Между тем территориальные масштабы и поле применения хроногеографии расширялись.

Маятниковым миграциям в последние годы уделяется немало внимания [Махрова, Кириллов, 2015; Чевтаева, Егунов, 2014; Кузьмин и др., 2013; Мальцева, 2012; Шитова, 2010; Шитова, Шитов, 2008]. Но и тут полного согласия специалистов нет. Одни понимают под маятниковыми миграциями только ежедневные поездки на работу. Другие [Флоринская и др., 2015] включают в них также работу «сутки через трое». В данной книге мы понимаем под маятниковыми миграциями такие регулярные перемещения на работу и обратно, для которых не требуется жилье у места работы.

Иное дело трудовые возвратные миграции с недельным (или пятидневным с возвращением на выходные) и более длительным ритмом. Их часто называют «отходом» по аналогии с крестьянским отходом на заработки в XVIII – начале XX вв. Некоторые признают термин устаревшим, другие [Плюснин и др., 2013] считают, что он точно отражает и современные процессы. В данной книге для обозначения возвратных трудовых миграций такого типа тоже используются термины *отход* и *отходничество*. Его возрождение оказалось поначалу малопонятным явлением. Поездки на работу из деревень и небольших городов, чаще всего в крупные центры, достигают уже сотен километров, формируя особый тип работника и человека, особую организацию его жизни. Исследования постсоветских отходников, или неоотходников по определению П. Великого [2010], появились недавно. Ю.М. Плюснин, Я.Д. Заусаева, Н.Н. Жидкевич и А.А. Позаненко изучали с помощью глубинных интервью поведение отходников дома и на работе, их специализацию, последствия разделенного образа жизни [Плюснин и др., 2013; Плюснин и др., 2015]. Оценки численности новых отходников давали и другие авторы [Денисенко и др., 2009; Мкртчян, 2009; Флоринская и др., 2015; Мкртчян, Флоринская, 2016; Ежемесячный мониторинг, 2016]. Были предприняты попытки и определения его географии, в т.ч. по немногочисленным доступным источникам [Мкртчян, 2009; Нефедова, 2015б, 2015в; Флоринская и др., 2015].

Вливаясь в этот пока не очень полноводный ручеек исследований российской трудовой мобильности, авторы данной книги пытаются рассмотреть ее через призму социально-пространственных контрастов, динамики экономики и занятости в регионах. Свою задачу они видят в анализе выталкивающих и притягивающих факторов трудовой миграции, взаимосвязи между главными городами и агломерациями с одной стороны, а с другой – небольшими городами и сельской местностью.

Труд и заработок – не единственные мотивы возвратной мобильности населения. Ее рост определяют и туристско-рекреационные потоки, из которых мы особо выделим специфичные для России сезонно-дачные. Кстати, в России их стимулы не сводятся к рекреационным или инвестиционным, включая существенную хозяйственную (подсобную аграрную, промысловую) составляющую. В обыденной и научной сфере термины *дача* и *дачник* не вызывают противоречий. А в официальных документах они, несмотря на массовость явления, отсутствуют, распадаясь на отдельные составляющие: садоводческие товарищества, коттеджные поселки. Дачники в деревнях полностью игнорируются властями. А явление это целостное. Для дачников, как и для отходников, характерна жизнь на два дома, формирующая на индивидуальном уровне связи между городом и его менее урбанизированным окружением, вплоть до классического сельского, а на уровне социально-географического пространства – селско-городские поля, или континуумы. Вот только первый и второй дом, а тем самым направления исходящих движений, при этом меняются местами (рис. 3). По массовости потоков из города на дачу и обратно, по роли дач в жизни населения России нет равных в мире. Однако официальная статистика точно так же беспомощна в фиксации этого явления, хотя, в отличие от отходников, дело тут касается собственности, которую при желании всегда можно зафиксировать.

Дачники покидают города на то или иное время давно, но масштабы и перспективы их движений до сих пор дискуссионны. Сколько людей пополняют летом и в выходные дни наличное население столичных пригородов и сельской глубинки? Какие расстояния готовы преодолевать эти люди, чем отличаются те из них, кого тянет подальше от крупных центров? Как они влияют на сельскую местность и каковы их отношения друг с другом, местными жителями и властями?

Исследования дачников, как ни странно, ведутся в Европе шире, чем в России. Но согласия по поводу того, как называть дачи, там нет: *second home*, *summer house*, *vacation house* и еще десятки терминов. В то же время русское слово «дача» понятно без перевода во многих странах, как «спутник», «бабушка», «водка». Это признак бренда. Становлению и развитию дачеведения как мирового научного направления посвящена специальная глава книги. Россия сильно отставала в этой области, хотя был небольшой всплеск изучения географии дач в позднесоветское время [Московский столичный регион, 1988; Лухманов, 1989 и др.] В последние годы поток работ, посвященных двудомному образу жизни россиян с постоянными возвратными миграциями между городом и сельской мест-

ностью как на короткие, так и на дальние расстояния растет [Бабурин и др., 2003; Махрова, 2006, 2015; Нефедова, 2012в, 2015; Овчинцева, 2012; Трейвиш, 2014; Малинова-Тзиафета, 2013 и др.].

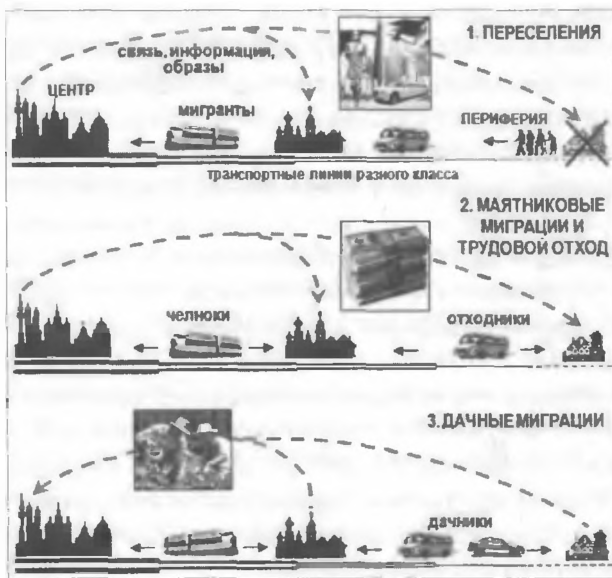

Рис. 3. Схемы встречных движений населения, образов центров и периферии и их влияния на населенные места в России
Источник: [Потенциал Ближнего Севера, 2014, с. 145]

Важность таких исследований не вызывает сомнений. Ведь распространение отходничества, как и дачного образа жизни, меняет понимание того, сколько же людей реально живут в разных местах в разное время года.

Исследование трудовых и дачных миграций требует применения самых разных методов и подходов. Отсутствие регулярного учета, стабильной статистической базы вынуждает искать новые методы оценки их числа и состава. Это и работа с неполной и некачественной статистикой по регионам, муниципальным районам, городам, и подключение дистанционных методов исследования для выявления размещения садовых и коттеджных поселков. Одновременно это и экспедиционные обследования отдельных районов, городов и деревень, включающие опросы и глубокие интервью с самими дачниками и отходниками, а также с пред-

ставителями региональной и муниципальной власти, бизнеса и местного населения. Как географов нас особенно интересовали пространственные различия в распространении внутрироссийской трудовой и дачной мобильности, ее социально-экономические причины, основные направления потоков между разноудаленными местами жизни, работы и отдыха.

Книга написана в рамках работы по проекту Российского научного фонда № 14–18–00083 Института географии Российской академии наук «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме». В ее основе лежат экспедиционные исследования в 2014–2016 гг. Московской и Ленинградской областей, примыкающих к ним Тульской, Владимирской, Тверской, Псковской, Новгородской областей, а также более удаленных Костромской, Вологодской, Курской, Тамбовской. Включены в исследование южные и восточные регионы: Ставропольский и Забайкальский края, республика Бурятия. При выборе регионов мы старались частично опираться на исследования по предыдущим проектам, чтобы можно было увидеть динамику процессов. Так, многолетние исследования сельской местности Ближнего Севера по Угорскому проекту¹ в рамках Сообщества профессиональных социологов способствовали выбору Костромской области как одного из ключевых объектов и для анализа мобильности городского и сельского населения. Проект Русского географического общества позволил увидеть исторические пласты формирования современной территории между Москвой и Петербургом во время путешествия в 2013 г.² Повторение этого маршрута по проекту РНФ в 2015 г. помогло по-новому осмыслить повышенную современную мобильность межстоличного населения. К исследованию сельского хозяйства Ставропольского края, сочетающего в себе черты юга Европейской России от черноземных до полупустынных районов, мы также многократно обращались в рамках разных проектов.

Данная книга состоит из трех частей.

Первая часть показывает общий контекст исследований возвратной мобильности населения. Глава 1.1 (Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш) рассматривает стадияльное развитие российской урбанизации как основного фактора миграций между городом и деревней и роль в них трудовых и рекреационных регулярно-возвратных движений. Глава 1.2 (А.И. Трейвиш) посвящена сельско-городскому континууму – полю и сложной сети взаимодействия городов с сельской местностью.

¹ См.: www.ugory.ru, а также Потенциал Ближнего Севера, 2014.

² См.: Путешествие из Петербурга в Москву, кн. 1 и кн. 2, 2015.

Вторая часть освещает трудовые миграции. Открывает ее глава 2.1 об эволюции отходничества (Т.Г. Нефедова), изменении его институциональных условий, масштабов и видов, состава отходников в досоветское, советское и постсоветское время. В главе 2.2 (Т.Г. Нефедова) прослежено изменение в постсоветское время социально-экономических предпосылок трудовых миграций населения. На обширном пространстве России миграции невозможны без развитой системы транспорта, исследованию которой посвящена глава 2.3 (А.С. Неретин). Глава 2.4 (К.В. Аверкиева и Е.В. Антонов) раскрывает методические сложности изучения современных возвратных трудовых миграций и основные приемы статистического и экспедиционного исследования на региональном, муниципальном и локальном уровне. Основные общероссийские географические векторы трудовых миграций населения и их сравнение с другими видами миграций рассмотрены в главе 2.5 (Т.Г. Нефедова). Е.В. Антонов в главе 2.6 с помощью карт и расчетов по муниципальным районам и городам анализирует результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. – единственного документа, позволяющего увидеть подробную географию трудовых миграций. Продолжением этого исследования, но по городам и регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока, служит глава 2.7 (Е.В. Антонов). Глава 2.8 (А.Г. Махрова, П.Л. Кириллов) сфокусирована на Московской области, выделяющейся самыми мощными трудовыми маятниковыми миграциями. В главе 2.9 К.В. Аверкиева сравнивает рынки труда в сельской местности Нечерноземья и Черноземья и рассматривает роль отходничества в занятости сельского населения. В главе 2.10 Т.Г. Нефедова показывает причины распространения отходничества в относительно благополучных районах Юга России.

Третья часть книги посвящена дачной мобильности населения. Ее философия, основанная на сочетании движения с покоем, ценности дачной жизни, и место России в мире по распространенности и изученности дач рассмотрены в главе 3.1 (А.И. Трейвиш). Эволюции российских дач, разнообразию их типов от лачуг до вилл, от ближайших к городу до удаленных на сотни километров, посвящена глава 3.2 (Т.Г. Нефедова). Методы исследования дач, включая социологические, статистические и иные, вплоть до использования космических снимков, рассматриваются А.Г. Махровой, А.А. Медведевым и Т.Г. Нефедовой в главе 3.3 Особенности пригородных дач, их плотность, частота посещений и роль для жителей Москвы и С.-Петербурга показаны в главе 3.4 (А.Г. Махрова). Поскольку дачи пригородами не ограничиваются, их распространение, особенно в виде сети садовых товариществ и коттеджных поселков, не

имеющих поселенческого статуса, но заметно влияющих на современное расселение, читатель найдет в главе 3.5 (Т.Г. Нефедова). Сложные процессы сочетания урбанизации и субурбанизации в пригородах южных и восточных городов, стягивающих сельское население, показаны в главе 3.6 (Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш). Результатам экспедиционного обследования дальних дач в сельских районах, где горожане покупают деревенские дома, посвящена глава 3.7 (К.В. Аверкиева, Т.Г. Нефедова), раскрывающая этапы дачного освоения вымирающих деревень. В отдельной главе 3.8 (Т.Г. Нефедова) показано взаимоотношение дальних дачников с местными жителями на основе опросов и тех, и других. Специфика курортных районов с сочетанием стационарных учреждений отдыха, садовых товариществ, коттеджных поселков, аренды и покупки горожанами домов рассматривается в главе 3.9 (Т.Г. Нефедова).

Татьяна Нефедова, Андрей Трейвиш

Часть 1

**УРБАНИЗАЦИЯ, МОБИЛЬНОСТЬ
И СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОЙ КОНТИНУУМ**

Глава 1.1

Российская урбанизация и мобильность населения

Задача этой главы – кратко охарактеризовать тот миграционный и поселенческий фон, на котором циркулируют возвратные потоки россиян. Ведь «жидкостная миграция» в нашем «текущем мире» [Вауман, 2000; Нефедова, Покровский, Трейвиш, 2015], охватывающая многие социальные слои и выходящая далеко за границы мегаполисов, появилась не на пустом месте. Демографический обмен городов, поселков, сел зависит от процессов урбанизации и дезурбанизации. Контрастные лишь на первый взгляд, они перетекают друг в друга в ходе эволюции и по-своему сочетаются в каждый момент в каждом месте. У этих явлений есть закономерности, отражаемые рядом теоретических моделей и схем. Чаще всего они именно эволюционные и показывают события в виде смены стадий, претендуют на выявление линии прогресса, модернизации.

Общие схемы исторической эволюции мобильности и расселения

Понимание растущей пространственной мобильности как признака модернизации поведения людей возникло около 45 лет назад. В 1971 г. В. Зелински увязал их друг с другом гипотезой «мобильного перехода» из 5 стадий как дополнения демографического, объясняющего сдвиги в естественном движении населения (рис. 1). Для нас важно, что Зелински заметил и предсказал опережающий переселенческие миграции рост возвратных потоков. Сейчас его переход связывают и со стадийными схемами урбанизации (эволюции всего расселения), которые диктуют преобладающие направления потоков.

Первую из них предложил Джек Джиббс [Gibbs, 1963], и в ней тоже было пять стадий с чередующимся притяжением людей населенными ме-

стами разного типа и размера³. Их географию модели этого типа сами по себе не включают. Но она есть у Ж.А. Зайончковской [1991], чьи эволюционные типы ведут от таких эпох, когда малые центры вписывались в сельские ареалы, к стадии их относительной автономии (в том числе пространственной, ибо города Нового времени чаще отрывались от аграрных баз ради освоения сырьевых и др.). Затем уже село жмется к городам, а в итоге прореженная руральная «ткань» интегрируется с урбанистической на новом уровне агломерационных и других сложных образований (рис. 2).

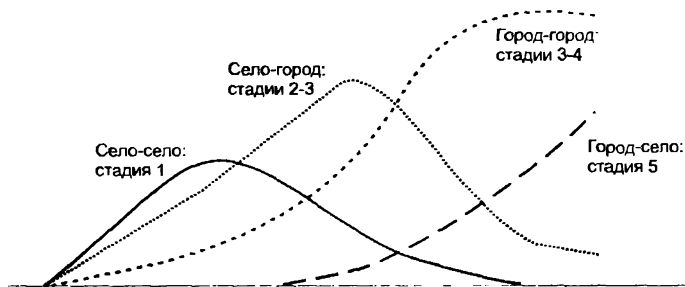

Рис. 1. Стадии мобильного перехода В. Зелински в одной из современных версий

Stages of Zelinsky's Model // Zelinsky's Model of Mobility Transition

Источник: <https://prezi.com/ur5nvqmxz4w/copy-of-zelinskys-model-of-mobility-transition/>

Универсальные модели требуют осторожности при их приложении к уникальным местам и странам с их историей. Например, войны и смуты могут вызвать исход людей из городов – кризисную, аномальную, неурочную контрурбанизацию. За ней обычно следует возврат к урбанизации, ее новый виток. Так было у нас в эпоху потрясений 1910–1920-х гг. Потом СССР проводил ускоренную индустриализацию, а ей сопутство-

³ Идеи Джиббса вылились затем в «теорию дифференциальной урбанизации» [Richardson, 1980; Fielding, 1989; Geyer, Kontuly, 1993] и вписались в концепцию перехода от собственно урбанизации, влекущей людей в крупные города, через некий разворот к контр-, или дезурбанизации, когда население притягивают малые городские и сельские пункты, но вскоре – и к реурбанизации. При этом стадии укорачиваются, снижаются контрасты показателей нетто-миграции и динамики людности разных «этажей», зато циркуляция между ними становится более интенсивной [Нефедова, Трейвиш, 2002].

вал взрывной рост городов за счет миграции крестьян и позже горожан из малых центров – в крупные. Многие исследователи полагают, что процесс стягивания населения России в ее главные города еще не завершен [Лейзерович, 2008; Мкртчян, 2013].

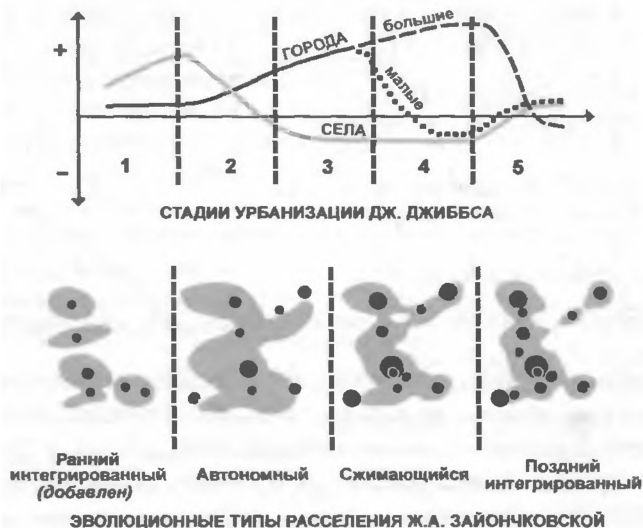

Рис. 2. Схемы эволюции расселения Дж. Джиббса и Ж.А. Зайончковской (графика дана в интерпретации А.И. Трейвиша, Т.Г. Нефедовой)

По ходу урбанизации, бурной в XX веке и запоздавшей относительно западной, Россия похожа на развивающиеся страны, особенно латиноамериканские. Кризис 1990-х гг. прервал крупногородскую концентрацию населения, но ненадолго. При этом людские потоки все чаще нацелены напрямик на самые крупные, престижные и богатые центры. Москва уже превосходит Санкт-Петербург по населению в 2,3 раза, а следующие за ним города – в 8–10 раз, что не удивительно, учитывая контрасты в уровнях развития, доходов и потребления. К столице подтягивались ее пригороды, поэтому разрыв между ней и Подмосковьем уменьшался, а между ним и окрестными регионами – увеличивался (табл. 1). Сверхконцентрация в России сочетается к тому же с разреженной сетью городов и с депопуляцией обширной периферии, что усиливает расслоение социального пространства, поляризует его.

Таблица 1. Некоторые показатели Московской области, ее соседей и России в целом на душу населения относительно Москвы (Москва условно = 10)

Регионы	ВРП		Доходы населения		Розничный товарооборот		Ввод жилья	
	2001	2012	2001	2013	2001	2013	2001	2013
Москва	10	10	10	10	10	10	10	10
Московская область	1,9	3,8	2,2	5,9	1,8	5,9	10,0	33,3
Областисоседи 1-го порядка	1,7	2,3	1,6	3,5	1,1	4,1	3,0	13,3
Россия в целом	2,7	3,8	2,7	4,7	2,0	5,3	5,0	16,7

Источник: расчеты авторов по [Регионы России, 2002; Регионы России, 2014]

Урбанизация на ранних стадиях мало отличалась у нас от любой другой. Позднее стала проступать специфика, связанная с климатом страны, ее социальными традициями и экономическими контрастами. К 1990 г. Россия, казалось, готовилась повернуть в сторону контрурбанизации [Нефедова, Трейвиш, 2002], хотя некоторые регионы вроде столичного шли впереди, а другие (аграрные, национальные и периферийные) отставали. Сдвиги 1990-х гг. вызвали череду колебаний: от временной дезурбанизации к новому взлету главных центров. Вначале часть неукорененных горожан бежала «на землю» и вместе с потоком репатриантов с окраин экс-СССР и России приостановила отток населения из глубинки. Он возобновился в 2000-х гг., подтверждая мнение о незавершенности урбанизации, и, видимо, продолжится, если не случится каких-то резких перемен, катастроф.

Человечество долго копило как хулы, так и хвалы разным типам поселений. Более 100 лет назад британский теоретик градостроительства Эбенезер Ховард подытожил их в виде схемы трех магнитов [Howard, 1902]. Вкратце она такова. Город привлекает своими возможностями, но он дорог, тесен, грязен и контрастен. На селе нет этих пороков, но там мало денег, занятий, общения. Выход – «градодеревня» (город-сад), где совмещены все «магнитические» плюсы. Двадцатый век показал, что фактически это спутники-пригороды крупных центров. Крупный город в современной России обладает тем же набором достоинств и изъянов, а его антиподом выступает малый город или поселок, все чаще слитый – на местности и в сознании – с сельским окружением (табл. 2).

Таблица 2. Некоторые достоинства и недостатки двух полюсов расселения в России

Достоинства	Недостатки
Крупный город	
1. Концентрация человеческого капитала	1. Дороговизна жилья, ряда товаров и услуг
2. Особая роль в экономике страны, близость к органам власти и управления	2. Сильное социальное расслоение, вероятность политических волнений
3. Концентрация центров и объектов культуры, разнообразие качественных услуг	3. Сложный состав жителей, проблемы этнокультурных отношений
4. Широкие возможности для образования, карьерного роста, проведения досуга	4. Транспортный коллапс, сильное загрязнение городской среды
5. Обилие работы, высокий уровень доходов, агломерационный эффект	5. Расползание и переуплотнение территории застройкой, конфликты землепользования
6. Преобладание социальных связей по службе, интересам, а не по родству и соседству	6. Социальная и территориальная разобщенность городского сообщества
Малый город и село	
1. Спокойная, размеренная жизнь	1. Монотонность, рутинность бытия
2. Использование и переработка местных ресурсов (сельскохозяйственных, лесных и др.)	2. Монопрофильность, зависимость от состояния немногих предприятий
3. Лучшая экологическая обстановка (если нет загрязняющего предприятия)	3. Проблемы с высшим образованием, карьерой, самореализацией
4. Возможность иметь свой дом и сад (огород)	4. Нехватка привлекательных рабочих мест
5. Опорная роль для окружающей территории, ее обслуживание	5. Дефицит инфраструктуры, качественного жилья и услуг
6. Преобладание связей по родству и соседству	6. Ограниченность связей, однообразие досуга

Привлекательность крупных центров России усиливали экономические кризисы и коллапс градообразующей базы многих средних и малых городов, бюджетные отношения, институты в целом, укрупнение малых

поселений и их социальной инфраструктуры (без того слабой) и т.д. Но при этом нарастали проблемы мегаполисов, усиливая стремление их жителей хотя бы к временному бегству из этих «каменных мешков».

Что же касается пригородов (внеядерных частей городских агломераций), то у нас, как везде, они тоже ущербны, а не только чудесны, как в схеме Э. Ховарда. Предоставляя возможность совмещения выгод городской и сельской жизни, они вместе с тем вбирают в себя дефекты той и другой, добавляя к ним собственные, такие как удлинение повседневных маршрутов и транспортная усталость, что особенно чувствительно для маятниковых мигрантов. Это ареалы уплотненной по сравнению с сельской местностью и часто более хаотичной, чем в городе-ядре, среды, где так же ожесточенно идет борьба за землю. И все же они привлекают в качестве своего рода компромисса мигрантов с дальней периферии, равно как и жителей главного города.

Учитывая это, снова обратимся к перипетиям новейшей истории сельско-городских миграций и динамики населения. Когда в 2000-х гг. на подъеме экономики возобновился приток в крупные центры, квартиры там стали недоступны по ценам, провоцируя особый тип полуурбанизации – массовое отходничество. Если работник не может купить (снять) семейное жилье, он живет на два дома, причем «дом» у места приложения труда редко бывает полноценным. В то же время субурбанизация и контрурбанизация западного типа с переселением из крупных городов в пригороды, в сельскую местность и ростом там рабочих мест в России пока выражены слабо. Зато теснота городских квартир в сочетании со страхом их потери тоже стимулирует горожан к жизни на два дома: зимой и по будням – в городе, летом и по выходным, праздничным дням – на даче.

Возвратная мобильность с трудовыми и социально-рекреационными целями стала заметно влиять на расселение. Оно все сильнее пульсирует по сезонам года, дням недели, часам суток. Так, по нашей оценке, разница в наличном населении Москвы в границах 2010 г. в зимний будний и в летний выходной день из-за поездок трудовых мигрантов, дачников, туристов и т.д. достигала 5 млн чел., более 40% ее официального населения в том переписном году. Одновременно сжимались либо разжимались, а точнее сказать, «размазывались» по территории зоны повышенной плотности населения в Подмосковье (рис. 3). Но пульсация не ограничена рамками Московского региона, вызывающие ее потоки идут дальше и касаются не только столицы с ее окружением.

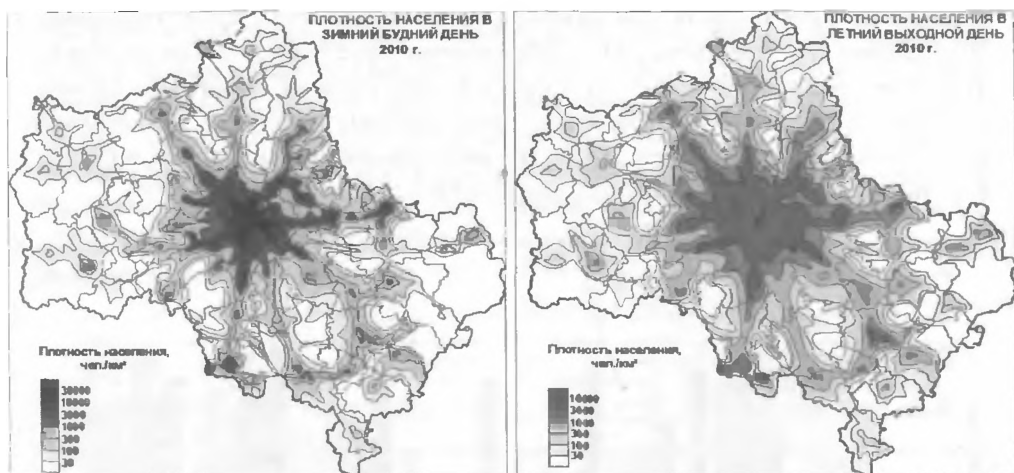

Рис. 3. Различия в плотности населения в Москве и Московской области в зимний рабочий и в летний выходной день, 2010 г.
 Источник: [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2012б]

Прежде чем вплотную заняться их анализом (оценкой), полезно уяснить, как менялись направления безвозвратных миграций-переселений. К тому же они более или менее верно показывают, на какой стадии урбанизации находится общество, да и грань между ними и возвратными миграциями бывает условной.

Куда ехали люди на постоянное жительство

В 1970–1980-х гг. мигранты пополняли все города, особенно большие (100–500 тыс. чел.), что соответствовало классической стадии урбанизации. К концу 1980-х гг. страна уже находилась на ее поздних этапах. И в 1991 г. главные центры показали отток населения, что можно было принять за начало дезурбанизации (рис. 4). Но причина была в другом. Глубокий кризис и дефицит продуктов питания вызвал обычную для России реакцию – бегство из города в деревню, но не такое массовое, как на заре СССР. В крупных городах позитивный баланс восстановился с притоком мигрантов из бывших союзных республик в первой половине 1990-х гг., хотя многие тогда ехали в небольшие поселения, где дешевле жилье (рис. 5). На рубеже веков более важной становится работа и предлагающие ее крупные центры, а малые теряют привлекательность. Впрочем, это зависит от их расположения: быстрее отдают население города,

далекие от мегаполисов или районов добычи ценного сырья [Мкртчян, 2011; Нефедова, Тревиш, 2010]. Исключение составляют места дислокации успешных иностранных и российских предприятий, особенно те, что вдобавок берут на себя функции вторых центров регионов, как, например, Шарья в Костромской области с населением 36 тыс. чел., откуда до Костромы более 300 км [Потенциал Ближнего Севера, 2014, с. 50].

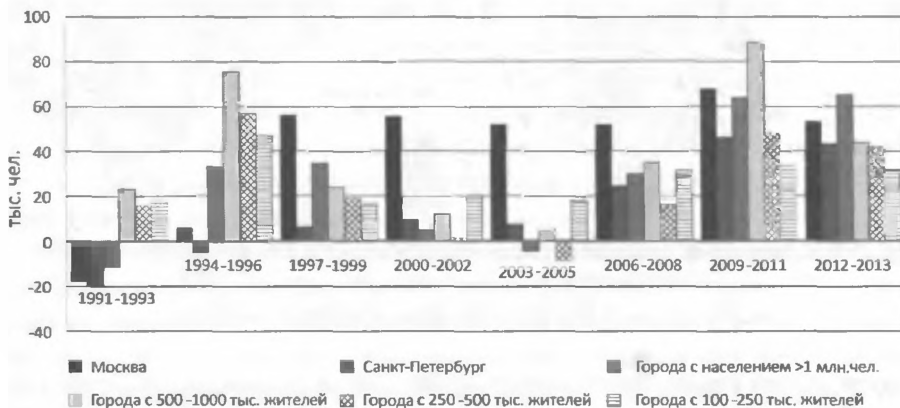

Рис. 4. Суммарный миграционный баланс на постоянное место жительства для Москвы, Санкт-Петербурга, крупных и больших городов России с 1991–1993 по 2012–2013 гг., тыс. чел. в среднем за год

Начало 2000-х гг. отмечено падением официально регистрируемых переездов на постоянное место жительства. Это связано со снижением потока репатриантов и отчасти с изменением правил учета мигрантов: с 2000 г. граждан СНГ перестали регистрировать по месту жительства в том же порядке, что и россиян [Мкртчян, 2011]. Новый всплеск миграций в конце 2000-х связан с новым изменением правил: в учет стали включать мигрантов, зарегистрированных в месте пребывания более 9 месяцев [Флоринская и др., 2015]. Но дело не только в этом. Именно тогда рост цен на жилье в больших городах вызвал замещение переселений на ПМЖ отходничеством ради временного труда и заработка.

Во второй половине 2000-х гг. сложившийся «бизнес» прописки в крупных центрах и адаптация в них самих отходников вновь увеличили число безвозвратных переселений. Вместе с причислением к мигрантам тех, кто регистрируется по месту пребывания на срок 1 год и более,

это дало всплеск миграций на ПМЖ, хорошо видный на рисунке 4. Но реальная масса переездов в большие города все равно занижена. Когда работодатель закрывает глаза на отсутствие регистрации в городе, она теряет смысл и для российского работника [Мкртчян, 2009]. Не зря при обследовании сельских поселений нас смущало обилие людей, особенно молодых, числящихся жителями деревни, о которых соседи и администраторы говорили: «Он давно уехал и почти не появляется. Раз-два в год родителей проведает...».

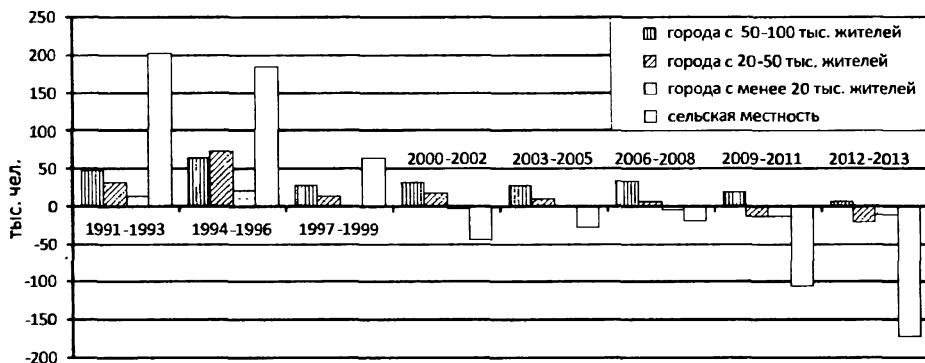

Рис. 5. Суммарный миграционный баланс на постоянное место жительства населения для средних, малых городов и сельской местности России с 1991–1993 по 2012–2013 гг., тыс. чел. в среднем за год

Возвратная трудовая миграция стимулирует и как бы готовит миграцию на ПМЖ. О намерении жить в городе заявляли вчетверо больше трудовых мигрантов (41% опрошенных), чем тех, кто на заработки не ездил [Мкртчян, 2009]. Правда, конкретные шаги для этого предпринимали всего 7% отходников.

В последние годы урбанизация нарастала за счет миграционного роста федеральных и региональных столиц. А города с населением менее 20 тыс. жителей уже с начала 2000-х гг. показывали отток, который только нарастал (рис. 5). С 2009 г. к ним присоединились города с 20–50 тысячами жителей. Но особенно заметно увеличивался в 2000-х гг. отток из сельской местности в большие и крупные города, поскольку малые и средние города теряли свою привлекательность.

Движущие этим процессом контрасты особенно заметны на примере Москвы. За 24 постсоветских года ее доля в официальной численности

занятых в РФ выросла с 6,9 до 10,0%, в обороте розничной торговли – с 11,5 до 16,8% и даже в промышленном производстве (хотя это город явно постиндустриальный) – с 6,7 до 15,3% [Регионы России, 2015]. А вместе с Московской областью показатели достигали, соответственно, 14,5%, 22,8% и 21,2%. В 2000-х гг. Москва аккумулировала 75–85% чистого притока мигрантов в Центральный федеральный округ [Мкртчян, 2009]. Быстро росли и ряды маятниковых мигрантов, отходников. Обилие прибывших на ПМЖ и временных рабочих размывало сам тип москвича. В меньших масштабах это происходило с другими крупными городами. Как и раньше, «страна урбанизировалась, но сами города “рурализовались”, одеревенчивались» [Вишневский, 1998, с. 100].

Постсоветское время изменило все обжитое пространство России. Чтобы понять, как распределялись в нем потоки официально регистрируемых мигрантов в города и из них, пришлось отказаться от стандартной сетки федеральных округов и разделить страну на 10 макрорегионов с принципиально разными направлениями миграции [Нефедова, 2014]:

1. Европейский Север в составе Мурманской, Архангельской областей, Ненецкого АО, Карелии и Коми республик;
2. Нечерноземье с городами основной части Центральной России, но без Москвы, С.-Петербурга и Московской области, имеющих свои траектории развития;
3. Собственно столицы и Московская область;
4. Среднее Поволжье и Урал от Самарской области, Татарстана, Башкирии до Пермской и Свердловской областей;
5. Равнинный Юг Европейской России, включая Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область и южное Поволжье;
6. Республики Северного Кавказа;
7. Юг Западной Сибири;
8. Отдельно нефтяные округа (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий);
9. Юг Восточной Сибири и Дальнего Востока;
10. Северо-восточные окраины страны от Якутска до Анадыря.

Три четверти горожан сосредоточены в четырех макрорегионах: в Нечерноземье с Москвой и Петербургом, в Среднем Поволжье, на Урале и Европейском равнинном Юге (рис. 6). Эти регионы в последние 20 лет и стали очагами притяжения мигрантов в города (рис. 7) вопреки сырьевой ориентации нашей экономики. Обе столицы и Подмоскovie получили за 20 лет дополнительно около 2 млн только зарегистрированных

мигрантов-переселенцев, другие города Нечерноземья – около 1 млн, а Европейского Юга – 1,5 млн. В то же время города малонаселенных Севера и Востока потеряли свыше 500 тыс. человек, уехавших отнюдь не в деревню, а в крупные города западной части страны. Восточная часть, по оценкам экспертов, потеряла даже больше, поскольку с 1995 г. недоучет внутренних мигрантов нарастал, составив к 2002 г. приблизительно 30% [Мкртчян, 2009; Население России, 2006].

Рис. 6. Распределение городского населения по макрорегионам, % По данным ВПН-2010 г.

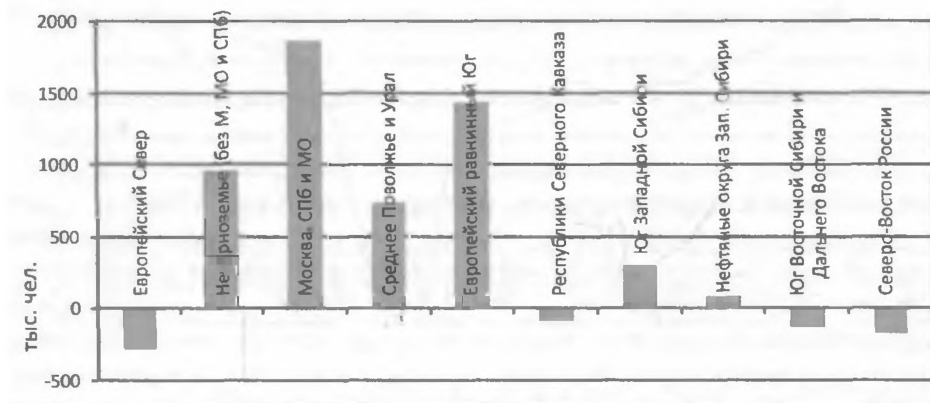

Рис. 7. Суммарный баланс миграций в города на постоянное место жительства по макрорегионам за 1991–2011 гг., тыс. чел.

В каждом макрорегионе процессы шли по-своему. Не только сельская местность на Севере, но и города, привлекавшие мигрантов в 1970–80-х гг., испытали сильный отток населения в начале 1990-х гг. Он уменьшился, но сохранился и в 2000-х гг. (рис. 8). Государство долгие годы стимулировало миграцию в районы Крайнего Севера специальными льготами и надбавками к заработной плате, а в отдельных случаях – и репрессивными мерами. Это привело к тому, что в зонах тяжелых природных условий образовался избыток населения, оценивавшийся в 20–40% [Зайончковская, 1991; Зайдфудим, 1993]. По имеющимся расчетам, Россия заселена равномернее ряда других крупных стран (США, Канады, Китая), причем именно за счет северных районов. Средний россиянин даже в западной части страны живет в более суровых климатических условиях, чем, например, швед, хотя среднегодовая температура в Швеции та же, что в Европейской России [Трейвиш, 2009].

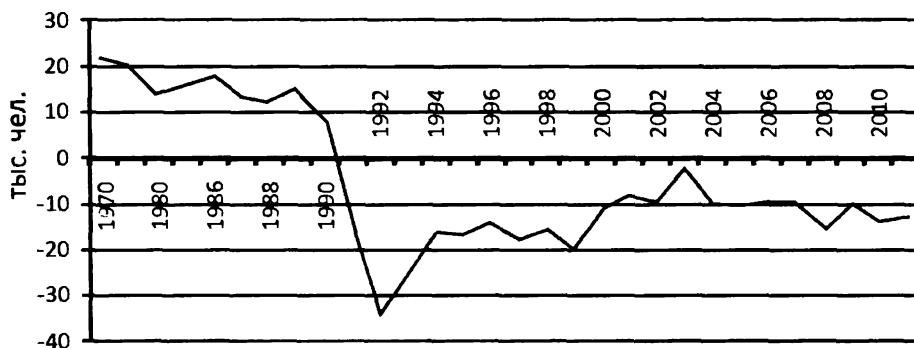

Рис. 8. Ежегодный миграционный баланс городов Европейского Севера, тыс. чел.

Уменьшение миграций в города нестоличных регионов Нечерноземья, особенно в малые и средние, фиксировалось уже в 1970-х гг. и резко усилилось на рубеже 1990-х. На короткий срок ситуацию переломил мощный приток мигрантов с севера и востока России и из республик бывшего СССР (140 тыс. чел. в 1994 г.). Он закончился, но суммарный миграционный баланс этих городов все-таки остался положительным, преимущественно за счет больших городов, и в последние годы колебался на уровне 20–40 тысяч в год (рис. 9). Диаметрально противоположная картина наблюдалась в федеральных городах, рост которых безуспешно ограничивали еще в советское время. В 1992 г. тут отмечались миграци-

онные потери (рис. 10), хотя и это вызывает у демографов сомнение. Положение восстановилось быстро, и в 2000-х гг. мигрантов стало больше прежнего. В последние годы столицы и Подмоскowie в сумме получали около 200 тыс. официальных мигрантов.

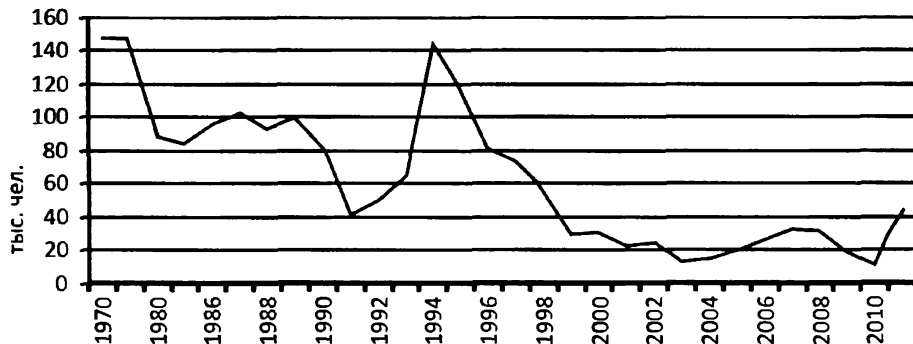

Рис. 9. Ежегодный миграционный баланс городов Нечерноземья (без столиц и Московской области), тыс. чел.

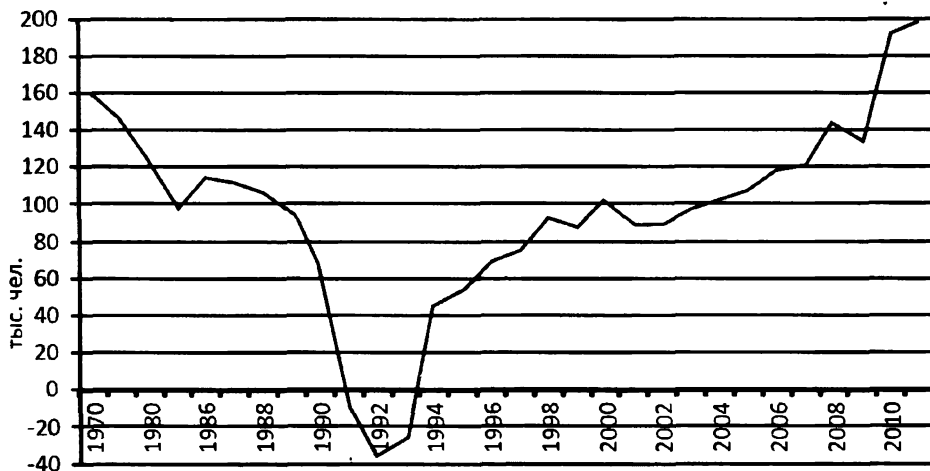

Рис. 10. Ежегодный миграционный баланс Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области, тыс. чел.

Среднее Поволжье и Урал были привлекательнее Нечерноземья в 1970-х гг., но приток туда тоже снижался (рис. 11). Заметен тот же бум в 1994 г., но спад вслед за ним был гораздо сильнее и доводил баланс до отрицательных значений. В последние годы ситуация выправлялась за счет прибытий из сельской местности макрорегиона.

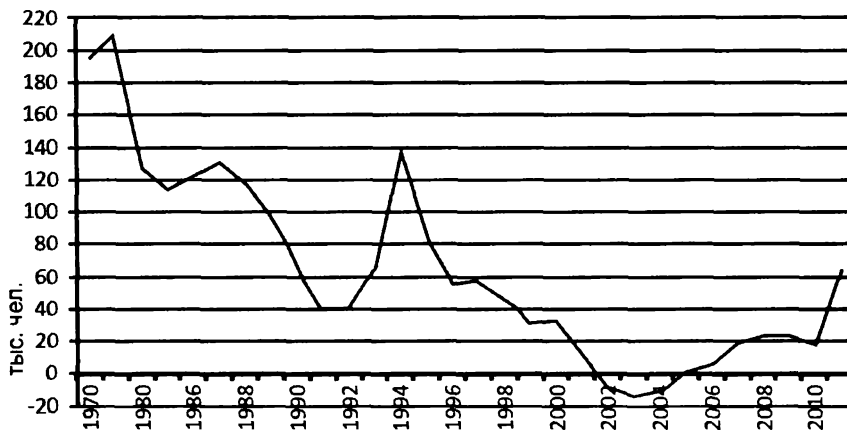

Рис. 11. Ежегодный миграционный баланс городов Среднего Поволжья и Урала, тыс. чел.

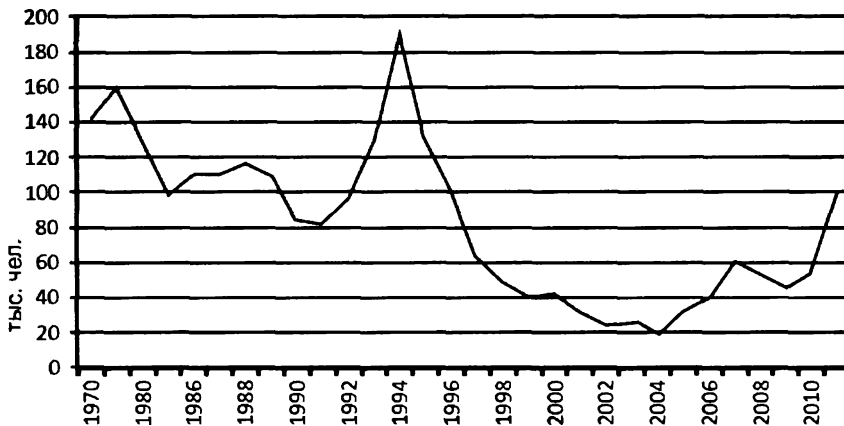

Рис. 12. Ежегодный миграционный баланс городов равнинного Юга России (без республик Кавказа), тыс. чел.

Города равнинного Юга Европейской России привлекали мигрантов всегда. В них ехали и местные селяне, и скопившие денег северяне, мечтавшие о теплых краях. В 1990-х гг. сюда устремились многие, включая выходцев из южных республик, в 1994 г. чистый приток достиг почти 200 тыс. чел. (рис. 12). После спада на рубеже веков он вновь стал расти. В городах северокавказских республик ситуация противоречивая, да и статистика ненадежна, так что график по ним опустим. Известно, что местное сельское население активно уезжало с гор на равнины и в города. Этот приток в «свои» города был нарушен военными действиями в Чечне, а временами его перекрывал отток русскоязычных горожан. Кроме того, часть сельских мигрантов выбирает города других регионов России.

Восточные города испытали наибольший отток мигрантов в начале 1990-х гг. На юге Западной Сибири он частично компенсировался мигрантами из сельской местности и сибирских республик (рис. 13). В гораздо меньшей степени это удалось городам нефтяных округов, куда чаще едут на временные работы отходники (вахтовики). На юге Восточной Сибири и Дальнего Востока не только село, но и города продолжали терять население (рис. 14–15). А баланс численности населения городов северо-восточных окраин, начиная с 1990 г., остается отрицательным (рис. 16).

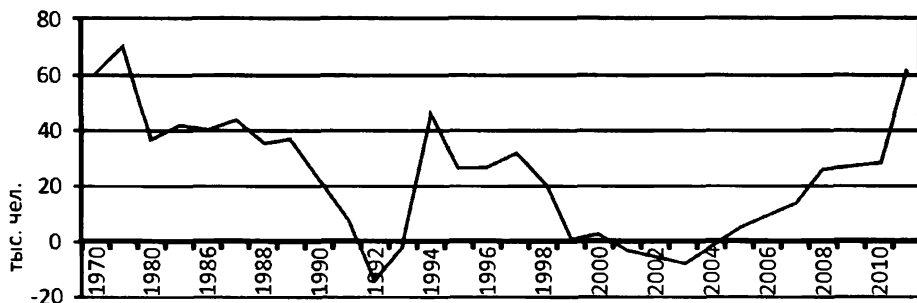

Рис. 13. Ежегодный миграционный баланс городов юга Западной Сибири, тыс. чел.

В целом, в 1990-е гг. часто менялись направления миграций, особенно в центре России. Для 2000-х гг. более характерны синхронные колебания потоков с постепенным нарастанием роли столиц и пригородов либо южных городов как основных миграционных аттракторов. При этом больше всего мигрантов за два десятилетия поглотила Москва (рис. 17–18).

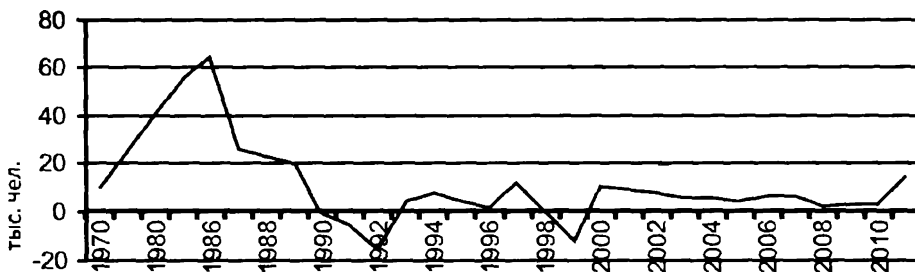

Рис. 14. Ежегодный миграционный баланс городов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, тыс. чел.

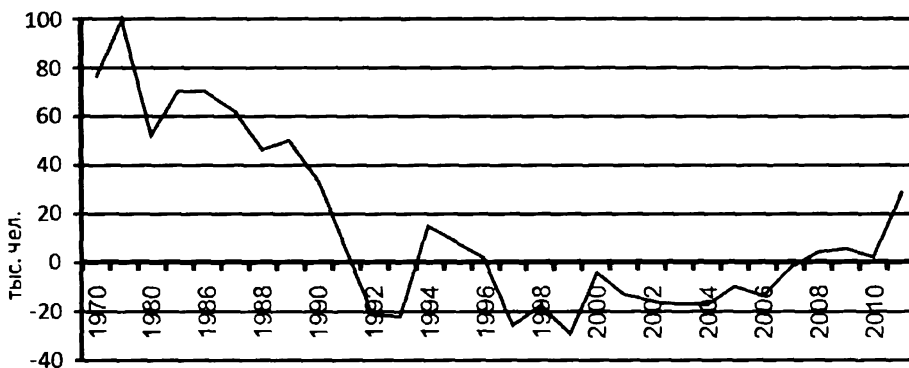

Рис. 15. Ежегодный миграционный баланс городов юга Восточной Сибири, тыс. чел.

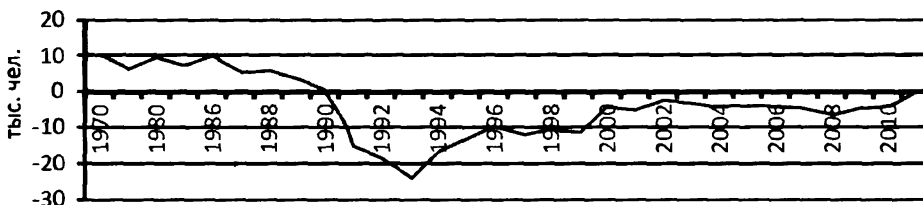

Рис. 16. Ежегодный миграционный баланс городов северо-востока России, тыс. чел.

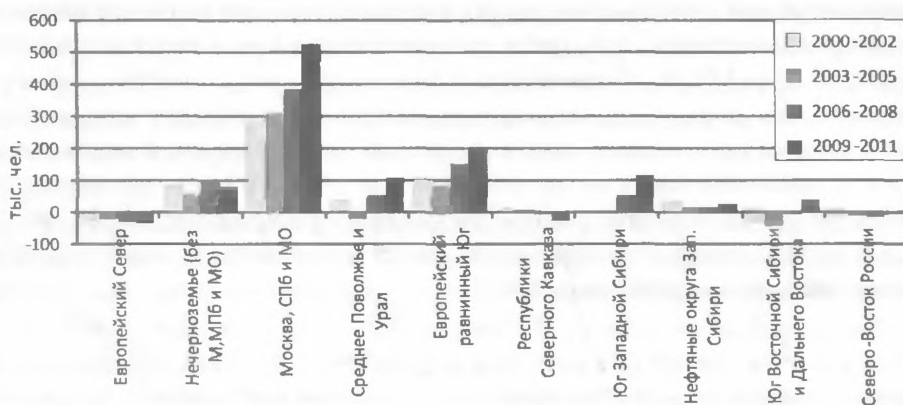

Рис. 17. Суммарный миграционный баланс городов по трехлетиям в разных макрорегионах в 2000-х гг., тыс. чел.

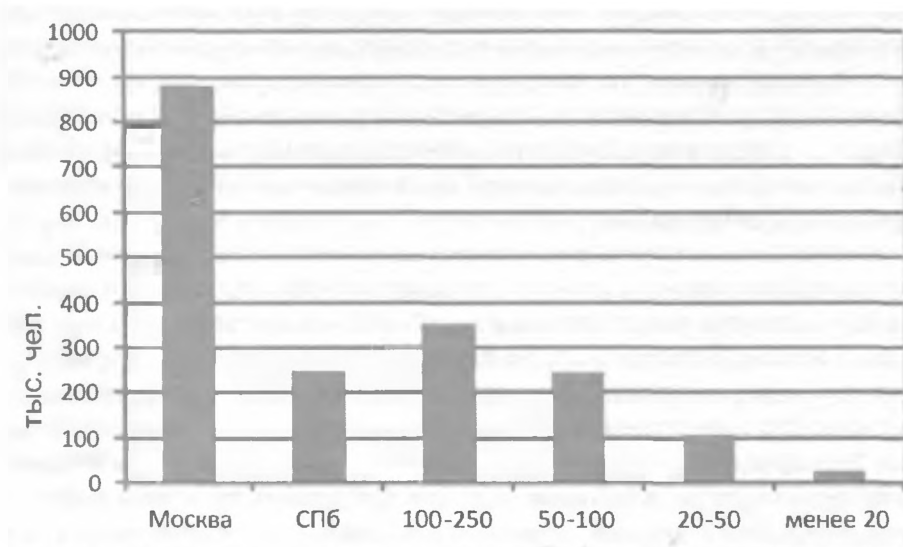

Рис. 18. Миграционный баланс на постоянное место жительства за 1991–2011 гг. в Москве, С.-Петербурге и городах Московской области разного размера, тыс. чел.

Все городское население страны выросло с 1991 по 2011 г. за счет безвозвратных миграций почти на 5 млн человек, в основном за счет крупных городов (см. подробнее главу 2.4). Это не только подтверждает гипотезу о

незавершенной урбанизации, но во многом объясняет и направленность миграций возвратных. Трудовые мигранты стремятся в те же центры, что и мигранты на ПМЖ. Многие из них рассматривают временную работу в крупном городе как ступень для окончательного переезда туда, но перешагнуть эту ступень удастся не всем. Владельцы загородной недвижимости в их основной массе не готовы покинуть города и тоже предпочитают жизнь на два дома, потому что в городе у них работа и зарплата (доход), а дача часто далеко, без городских удобств, особенно важных зимой, и привычной социальной среды.

* * *

Урбанизация и город веками способствовали строительству карьеры, предоставляли социальные лифты и шансы на повышение уровня жизни. Инерция контрастности пространства, возникшей в России в ходе урбанизации, очень сильна. Вот почему отходник, если может, остается в мегаполисе, а дачника, даже желающего переехать в глубинку, удерживают от этого шага ее бедность и запустение, недальновидная политика экономии на ее обустройстве. С другой стороны, масштабы обоих видов возвратных внутренних движений, по всей видимости, выделяют Россию на мировом фоне и в значительной мере определяют ее социально-пространственную специфику.

Можно выделить четыре этапа переселенческих миграций в города в постсоветский период. Первый – это начало 1990-х гг.: уменьшение потоков мигрантов в главные центры и рост глубинки в основном за счет приезжих с окраин бывшего СССР и России. Второй этап – это вторая половина 1990-х гг.: восстановление привлекательности крупных центров за счет внешних и внутренних потоков. Третий этап – это начало 2000-х гг.: спад фиксируемой миграционной активности, в т.ч. из-за изменений статистического учета, и усиление нерегистрируемых трудовых миграций (отходничества) в крупные центры. Четвертый этап – это вторая половина «нулевых годов»: резкий рост крупных центров за счет малых городов и сельской местности, то есть «высасывание» их населения и частичное укоренение в городах отходников и гастарбайтеров.

В течение постсоветского периода доминировали два географических направления миграционных потоков в города: а) в европейскую часть России из азиатской, в т.ч. на юго-запад, и б) в столичные регионы. Концентрацию населения в местах с большой численностью горожан сопровождало опустошение малонаселенных районов, то есть усиливалась

поляризация пространства. Западный дрейф городских миграций, характерный для всего периода, сохраняется до сих пор, несмотря на призывы к заселению восточных окраин. Им отчасти противостоял рост привлекательности региональных и межрегиональных центров в Сибири и на Дальнем Востоке, но ценой опустошения там прочих городов и сельских территорий.

Результатом быстрой советской урбанизации была высокая доля горожан в первом поколении. Сейчас сверхпривлекательность крупных центров еще заметнее нарушает иерархию миграций: из села – в малые и средние города, а из них – в большие. Не пройдя «социального отбора», мигранты на ПМЖ и отходники едут сразу в столицу региона или в Москву, С.-Петербург и вместе с «рабочими гостями» из менее развитых соседних стран пополняют армию полугорожан, слабо адаптированных к жизни в мегаполисе.

В целом анализ безвозвратных миграций указывает на прогрессирующее сжатие освоенного пространства России. «Очаговость» рынка труда отчасти компенсируется модернизацией городской и сельской экономики, но и она часто ограничена пригородами и южными районами. В отличие от советского периода развитие стало выборочным как в городской, так и в сельской местности. Его тормозят экономические кризисы, оскудение человеческого капитала в местах постоянных миграционных потерь, застарелая инфраструктурная необустроенность малых городов и сел.

Мечта людей о сочетании лучших качеств городской и сельской среды старше научной апологии урбанизации. В разные времена у разных народов она находила свое частичное воплощение. К нашим условиям подошел такой вид совмещения двух образов жизни, как временная дачная дезурбанизация, требующая пространственной мобильности, а при выезде надолго – дауншифтинга, т.е. отказа от карьеры, опрощения.

Два потока – центростремительный трудовой с нижних этажей системы поселений и центробежный дачный с верхних – взаимосвязаны. Массовость дачных миграций и редкость переселений горожан в сельскую местность, их слабая приживаемость там (хотя рабочие места они иногда создают) стимулируют отход местных жителей на заработки. А он, удерживая семьи работников в деревне и продлевая ее жизнь, зачастую способствует закреплению ее дачного характера.

Переплетаясь, эти потоки поддерживают и усиливают то условно сплошное поле сельско-городских отношений, которое наука именует континуумом и о котором пойдет речь в следующей главе.

Глава 1.2

Сельско-городской континуум и пространственная мобильность населения

Город и деревню долго считали антагонистами, и больше всего оснований дали для этого ранние этапы капиталистической урбанизации. В XX в. наряду с апологией города и взамен бегства от него в духе средневекового отшельничества или руссоистских идиллий появились новые идеи: советский лозунг сближения и стирания граней, концепт города-сада Э. Ховарда (см. главу 1.1), «органическая» архитектура «домов прерий» Ф.Л. Райта в США. Но реально «смычка» всюду шла скорее путем втягивания деревни в город, подчинения ему и переплетения с ним в растущих пригородах.

В 1920-х гг. в Америке темой занялись социологи и антропологи. Питирим Сорокин и Карл Циммерман [Sorokin, Zimmerman, 1929] шли от «идеалов» города и села к гамме переходов между ними по числу, плотности, мобильности жителей, их отношениям и занятиям, считая, что в большинстве общин есть признаки обоих. А Роберт Редфилд нашел в одной общине Тепостлан в 30 милях к югу от Мехико, где традиционный уклад встречался с новым урбанистическим, народно-городской (folk-urban) континуум [Redfield, 1930]. С годами все же закрепился термин сельско-городской континуум (rural-urban continuum), далее для краткости СГК.

Обычно идею СГК определяют от противоположного – как отрицание полярности города и села, их резкого территориального и социального раздела. Эти два «нераздела» дополняют друг друга как континуальные и дискретные построения. На условную континуальность может претендовать типология, а ее объекты – оставаться пространственно дискретными. Или наоборот. По В.В. Пациорковскому [2010, с. 29], сама непрерывность СГК, данная нам в конкретном пространстве и времени, воспринимается как конечное, прерывное отношение. Отсюда недалеко до признания

множественности СГК, разных по строению, связям, масштабам, от глобального до локального. К последнему явно относятся народно-городские континуумы Редфилда.

Социологи и культурологи в пору увлечения СГК сопрягали его с общинным *Gemeinschaft* и общественным *Gesellschaft* по Ф. Теннису, сплочением, стратификацией, модерном и традицией, образом жизни, вертикальной и горизонтальной мобильностью. С чем только не сопрягали... А в середине XX в. идею уже критиковали за неуместность на фоне кризиса сельских общин и фермерства под натиском крупного бизнеса и технологий [Mineg, 1952] или на том основании, что ни она, ни различия города и села неважны, если это одна цивилизация [Dewey, 1960]. К XXI в. макросоциология охладела к СГК уже из-за стирания сельско-городских контрастов: в «мировой деревне» выросли города-гиганты, а в «мировом городе» не стало былой деревни.

Впрочем, доля горожан на Земле едва успела превысить 50%. В любом случае СГК – подход к сложным формам расселения, где грани порой и впрямь так размыты, что у любого места есть признаки антипода, – важен планировщикам, географам и всем, кого интересует расселение. Здесь у него свои идейные спутники: эволюционные, центропериферийные. Но это не стадия и не таксон расселения, а скорее синоним явления в целом, понимаемого как непрерывное поле, но в каких-то рамках и масштабах, с разной долей города и села. СГК не устраняет их роли в жизни людей, разделении труда и служит не столько идеальным конструктом, сколько формой представления реальности, что не отменяет спроса на ее модели и схемы.

Далее в главе рассматриваются географическая экспликация ряда схем СГК, опыт их приложения к конкретным территориям, а также связи между видом континуума и пространственной мобильностью населения.

Географические свойства сельско-городских континуумов

Идея СГК пространственна, но схемы представляют ее по-разному. Дискретное дихотомическое деление на город и деревню противостоит континуальному на схеме из доклада Всемирного банка (рис. 1). Перевод надписей не буквален: средние города в источнике – вторичные, агломерация – расширенный метрополитенский регион, а мегарегион близок к тому, что иначе зовут мегалополисом. Он вообще-то должен включать

не одну, а несколько агломераций и не бывает резко отделен от сельского фона, который дифференцирован на этой схеме слабо.

Рис. 1. Сельско-городская дихотомия и континуум
Источник: [World Development Report, 2009]

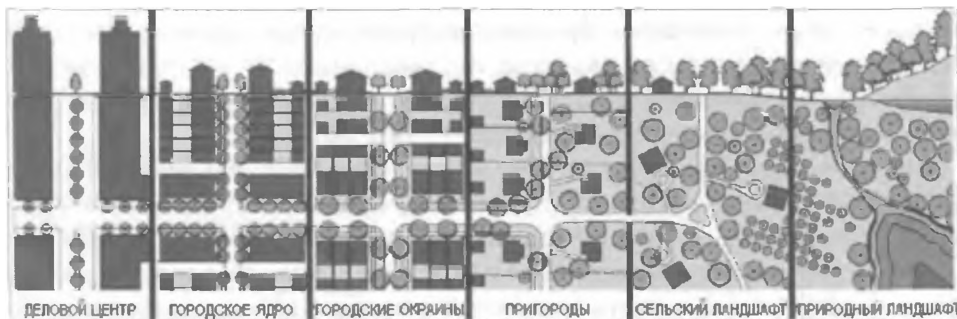
Богаче деталями схема английского географа Пола Клоука (рис. 2), где отражена эволюция пригородных селений. Одно перестроено в город-спутник (у автора *overspill town*, буквально город перелива, переселения из главного центра). Другие сохранили свои ядра, хотя более доступные обросли городской застройкой. За пределами 1,5-часовой изохроны есть деревня, где дома стали вторыми, дачными. Но вне агломерации и тут нет малых городов – центров сельской глубинки, то есть локальных СГК.

Рис. 2. Сельско-городской континуум по П. Клоуку
Источник: [Cloke, 1979]

Серия переходов от городского ядра к «пустой» природной территории изображена на рис. 3. Он нагляден и комментария не требует. Ясно,

что сельские и дачные ареалы в мощных урбанистических структурах позволяют совмещать и чередовать два образа жизни. Так, Центрально-Русский мегалополис в 3–4 раза обширнее Московского региона, ибо захватывает части других (см. рис. 11). Драйверы его роста городские, а вот по площади тут больше «села», чем города [Махрова и др., 2012б, 2016].

*Рис. 3. Пример ландшафтно-планировочной схемы-разреза СГК
Составлено автором по ряду однотипных интернет-источников*

С природным ландшафтом все сложнее. Его часто объединяют с сельским как «все не городское», что для территорий подходит тем хуже, чем они больше. Сам корень «сел» относится к населению, и скорее оседлому, а в странах вроде России много необжитых земель. Континуальность глобального пространства, нарастая с нашей мобильностью, на них влияет, но люди бывают всюду, а их стабильные поселения не повсеместны. Поэтому трудно утверждать, что местные СГК делят между собой без остатка территорию любой страны. В свою очередь, квазиестественные ландшафты без застройки (рощи, луга, овраги и др.) в плотном урбанизированном континууме не безлюдны. В СГК с сильной сельской компонентой это важные промысловые уголья. В общем, тут все относительно и зависит от масштаба.

Сельско-городские континуумы давно покрыли ойкумену своей сетью, только где-то она сплошная и частая, а где-то редкая и разорванная. Малый масштаб и простой состав не мешали населению «пульсировать» по сезонам года, нуждам прокорма и обороны⁴. Роль города мог

⁴ Так, уральский Аркаим, центр металлургии эпохи средней бронзы, имел округу, по которой его население растекалось, колеблясь в центре от 1 до 5 тыс. чел. Еще большие (до 10–30 тыс. чел.) трипольские аграрные селения не были долговечными и пару раз за столетие меняли адрес, возможно потому, что в энеолите на европейских лессах еще не сформировались настоящие черноземы. То был континуум не только каждого местообитания, но и региона их распространения и миграции.

раньше играть сельский ярмарочный или культовый центр, караван-сарай, замок сеньора, выроставший в город де-факто и де-юре либо нет. У агломераций и других сгустков современного населения тоже были предтечи: сельские зоны поливного земледелия с сетью городов или их эмбрионов. Они поныне завышают долю горожан против официальной (статистической) при оценке не по статусу пунктов, а по числу, плотности жителей и близости к большим центрам в ряде стран глобального Юга. И занижают в таких, как наша, где локальные SGK рассеяны, малы и не отвечают универсальным меркам городского населения, хотя оно там есть [World Development Report, 2009; Нефедова, 2013].

Приведенные выше схемы в основном статичны. Элементами динамики богаче всего простая модель (рис. 4), найденная в материалах ФАО по миграции [The urban-rural continuum, 1978; 1998]. Комментарий к ней гласит, что кривые со временем сменяют друг друга в порядке А – В – С. Они проведены в условном пространстве между абстрактным городом и такой же деревней, но горизонтальную сельскую ось можно принять за географическую, как при трехмерном показе варианта В с городом-горой и волнистым сельским плато, типичного, как сказано, для развивающихся стран. Широкое «предгорье» пригородов может быть и признаком перехода к варианту С. Но тогда на главном графике кривая С соответствует такой «полной» мегаполизации, которая успела вобрать в свой континуум все население страны и укоротить сельскую ось, то есть протяженность обжитого пространства.

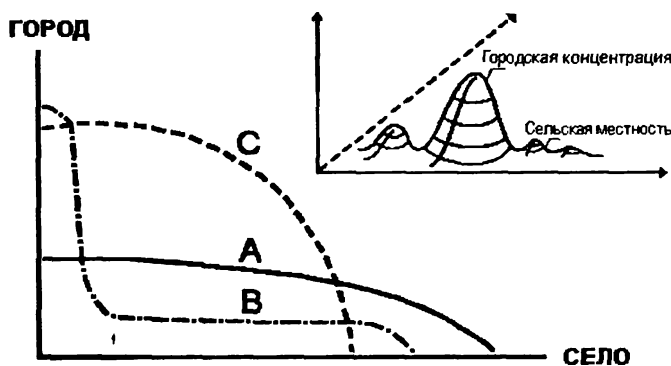

Рис. 4. Двухмерное представление сельско-городского континуума: версия ФАО.

А – страна с преобладанием сельского населения; В – страна с одним «приматным» крупногородским центром; С – «сбалансированный» вариант.

Справа вверху – трехмерное представление варианта В.

Разные схемы дополняют друг друга, отражая историческое развитие идеи СГК и ее географическую разномасштабность, «градуальную» природу. Конечно, деревня со временем становится ведомой городом во многих отношениях. Асимметрия их связей, в чистом виде наиболее характерная для Третьего мира, представлена в табл. 1. Важно, что они активизируются в СГК при сближении «полюсов», их взаимном географическом и социально-экономическом проникновении.

Таблица 1. Основные сельско-городские связи по К. Линчу

Тип связей	Сельская местность – город	Город – сельская местность
Ресурсно-экологические	Вода, энергия и т.д.	Загрязнение
Человеческие	Трудовая, учебная миграция	Возвратная/ пенсионная миграция
Продовольственные	Свежие продукты питания	Переработанная продукция
Денежные	Сбережения	Инвестиции
Идеологические	Крестьянизация, рурализация	СМИ, культурная урбанизация

Источник: *составлено по [Lynch, 2005]*

Опыт и методы градуирования континуумов

Довольно органична для СГК модель потенциала поля расселения. Популярная у географов в пору «количественной революции», она не исчезла. Примером служат поля показателей мирового развития [Тикуннов, 2009]. Континуальная логика ведет к покрытию ими даже морских акваторий. Самый безлюдный район мира – юго-восток Тихого океана, антиполюс массы азиатского населения, а «внехозяйственный» (в поле ВНП) – Антарктика, антипод северных ядер мировой экономики. Физикализм модели и ее интерпретация часто вызывали споры. В отличие от предыдущих, она конкретна и зависит от типа «масс», расстояний, потенциальных взаимодействий.

Другой опыт «построения» СГК есть в Америке, на родине идеи. На первый план вместо непрерывных градиентов (векторов) сельско-городских полей при этом часто выходят классификации дискретных единиц-

районов, а для количественных оценок и карт – градации шкалы. Разные ведомства группируют округа-графства США по их урбанизированности, выделяя метрополитенские, или агломерационные, и внеагломерационные ареалы.⁵ [Трейвиш, 2016]. Чем подробнее шкала, тем картина «континуальнее» и пестрее, но главные свойства у нее те же. «Городской мир» доминирует у Атлантики, в Калифорнии и во внутренних очагах урбанизации. Правда, иные городские округа Запада – страны, размером с целые области России, милями тянутся по пустыне, а «безъядерность» руральных округов Центральных равнин и Скалистых гор не означает отсутствия там локальных СГК. Просто они и их ядра (до 10 тыс. чел.) скромнее.

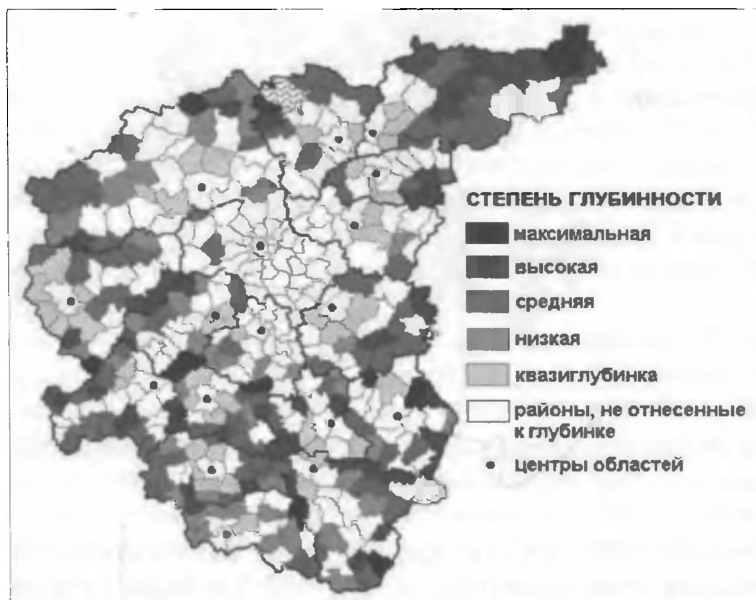
В России сложились свои традиции континуальной трактовки расселения. Не имея статистики маятниковых миграций, градоведы выделяли их потенциальные зоны по изохронам транспортной доступности центров, оконтуривая с их помощью агломерации и другие урбанизированные ареалы. Замену признака смежности базовых единиц (районов или поселений) другой стороной их взаимоположения, дистанционной, оправдывала и относительная слабость российской дорожной сети, повышающая ее значение для всех связей, в том числе внутри СГК. Составление сколь-нибудь точных карт было делом долгим, трудоемким [Лола, 2005 и др.]. Их обновление и мониторинг ситуации немислимы без новых ГИС-технологий, алгоритмы которых не вполне отработаны. В этом смысле имеют некоторые преимущества простые заокеанские методы.

Микроареалы локальных СГК у нас выделяли редко, в немногих регионах и чаще в Европейской России, особенно Центральной [Нефедова, 2003; Ткаченко, Фомкина, 2012–2014; Гунько, Глезер, 2015 и др.]. Эти разработки похожи на американские, хотя наряду с учетом соседства муниципальных районов используют оценки транспортного положения и концептуально опираются не столько на СГК, сколько на модель «центр – периферия». Но фактически они следуют логике континуума, на

⁵ Метрополитенские статистические ареалы (МСА) группируют округа-графства «ядерным» методом. К ядрам с населением от 50 тыс. чел. добавляют смежные округа при известной плотности горожан и частоте их трудовых поездок в ядро. Бюро переписей США с 2000 г. выделяет также микрополитенские ареалы при ядрах с 10–50 тыс. чел. К 2015 г. их было более 540, а МСА – 388. При скромных требованиях к ядрам МСА имеют в среднем 700 тыс. чел. и редко меньше 100 тыс. Ядру микроареала достаточно 10 тыс. чел., но в 95% случаев горожан там, как минимум, вдвое больше, а в среднем – около 50 тысяч.

что указывает присутствие переходных категорий, таких, как полугород, полупригород, полуглубинка.

В типологии муниципальных районов А.А. Ткаченко и А.А. Фомкина оценивали транспортное положение по числу пересечений района железными и автомагистралями. Их дополнял учет соседства с пригородом областного центра и класса райцентра по его размеру и статусу. Применялся принцип «максимальной достигнутой людности»: не текущей, часто уже меньшей, а той, что ранее позволила центру обрести потенциал обслуживания, привлечения местного населения. В ряде случаев подход оправдан, но сомнителен при такой общей деградации локального СГК, которая затронула и его ядро. Авторы не ставили задачи анализа всего континуума Центральной России, исследуя то его метрополитенскую часть, то прочую. Тестируя ее глубинность (рис. 5), они выделили две градации собственно глубинки, еще две – полуглубинки (они вдвое обширнее), а также квазиглубинку с низким статусом и слабым транспортом, но примыкающую к центру своей области, что снимает часть глубинных проблем. Напомним, что русская «глубинка» – это народный синоним научного термина «внутренняя периферия».

*Рис. 5. Глубинка в Центре России
Составлено по [Ткаченко, Фомкина, 2012–2014]*

У Т.Г. Нефедовой порядок соседства районов, отсчитанный от региональных и всех крупных центров, лежит в основе 4-членной схемы «пригород–периферия» (рис. 6). Исключения касаются столичных областей, где пригороды расширены районами более дальних рангов, и северных, где они иногда «урезаны». Картина проста и логична, но местами дискретизирована сетью регионов-субъектов. Большинство случаев, где нарушен порядок зон (полупригород контактирует прямо с периферией вместо полупериферии и т.п.), приурочены к границам регионов, влияющим на многие черты экономического и культурного ландшафта России.

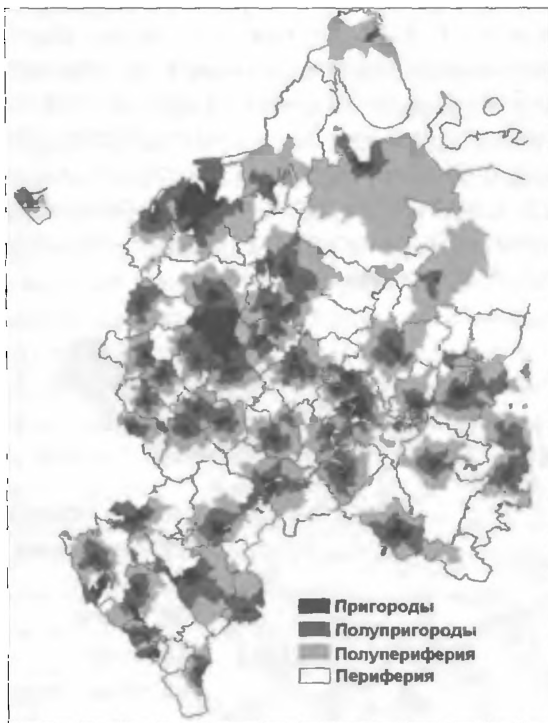

Рис. 6. Пригородно-периферийные зоны в регионах Европейской России
Составлено по [Нефедова, 2003]

Другое континуальное упражнение того же автора относится к городам, во многих из которых присутствуют или доминируют деревенские качества. Один из наглядных индикаторов – обеспеченность жилья канализацией. Вернее, ее отсутствие: туалет во дворе с выгребной ямой служит признаком застройки сельского типа, «частного сектора». По

статистике коммунального обустройства городов выделены их типы и оценена доля их площади, застроенной по-деревенски (рис. 7).

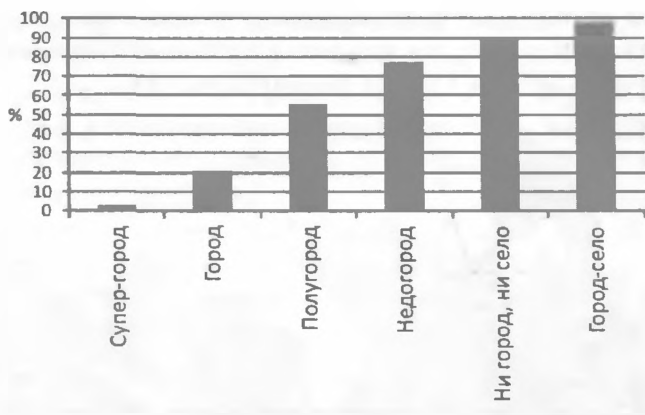

Рис. 7. Доля индивидуальной застройки в группах городов России, выделенных Т.Г. Нефедовой [2013] по обеспеченности жилого фонда канализацией, 2010, %

Супергородов оказалось 75, из которых 60 – малые и средние (наукограды и др.), то есть дело не только в размере центра. Однако 222 «просто города» – большинство региональных центров. В «настоящих» городах живут 60% горожан [Нефедова, 2003, 2013б], а многие сотни не совсем или совсем негородов обычно невелики. Отделить такой город от села по виду, статистике и другим признакам порой непросто. Ведь город – это прежде всего то, что признается таковым в каждом случае в каждой стране. А есть такие страны, где эти официальные статусы вообще отменены (Швеция, Финляндия).

Попробуем теперь типизировать СТК по регионам всей России, опираясь на схему ФАО (см. рис. 4), развернутую за счет смешанно-переходных типов. Типы разнятся прежде всего по территориально-урбанистической структуре: размерам и плотности городских (и сельских) поселений, наличию надгородских форм. Сводным показателем служил интегральный коэффициент урбанизированности [Полян, 2014, с. 263–281]. При уточнении принадлежности региона к тому или иному типу учитывались порознь его компоненты: распределение городских пунктов по людности, их доля в населении, плотность горожан и сельских жителей, присутствие в регионе крупных агломераций и наагломерационных образований, охват ими его территории. Вместо обозначений А,

В, С из схемы ФАО введены содержательные: сельско-мелкогородской (СМ), городской (Г) и мегагородской (МГ) типы. В тип СМ ради простоты включены необжитые ареалы, зато добавлены еще пять типов, особенно «на подступах» к мегагородскому. Регионы вообще-то – не лучшие ячейки для данной задачи, так что речь скорее идет о преобладании или сочетании разных типов СГК в их границах (рис. 8).

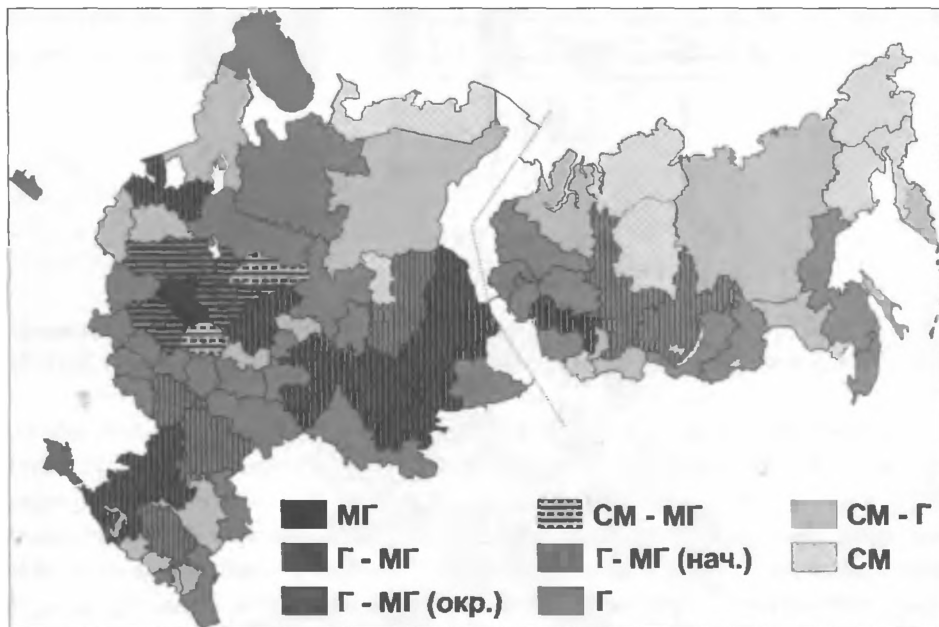

Рис. 8. Типы сельско-городских континуумов в регионах России (включая автономные округа, потерявшие статус субъектов РФ в 2000-х гг., без северных островов; города федерального значения объединены с окружающими регионами).

МГ – мегагородской; Г - МГ – промежуточный между городским и мегагородским; Г - МГ (окр.) – то же по окраине Центрально-Русского мегалополиса, СМ - МГ – промежуточный между сельско-мелкогородским и мегагородским; Г - МГ (нач.) – с начальными признаками перехода к мегагородскому; Г – городской с крупным центром; СМ - Г – промежуточный между сельско-мелкогородским и городским (с большим центром); СМ – сельско-мелкогородской

Мегарегион выделен один – Московский, ядро Центрально-Русского мегалополиса. За счет его окраин 6 смежных областей отнесены к особо-

му типу (без этого они были бы просто городскими). Две области, Рязанская и Костромская, чьи эксцентричные столицы входят в мегалополис, дают резкий переход к нему от руральной среды, где нет даже средних, 50-тысячных городов. Смесь признаков двух базовых типов найдена еще в 11 регионах с мощными агломерациями и «лестницей» малых, средних, больших, а то и крупных центров: от 250 тыс. чел. Горожан там обычно более 2 млн чел., немало жителей и в деревне. Те же свойства в меньших масштабах образуют тип с признаками начальной мегаурбанизации, часто примыкающий к ареалам Г - МГ.

Этот и крупногородской тип Г широко представлены в Главной полосе расселения. Без симптомов вырастания из «просто городской» стадии оставил свою область, где все прочие города малы, лишь один «миллионник», Омск. А признаком перехода к типу Г от сельско-мелкогородского служит центр, не доросший до размера большого (100 тыс. чел.). Исключения – Якутия, Карелия – включены в этот тип из-за сильной разреженности их социального пространства и доминирования лесных, сельских и полугородских ареалов. Регионы типа СМ, обычно северные и восточные, лишённые больших городов, состоят из локальных континуумов и «безъядерных» зон.

Неоднородность регионов как вместилищ СГК явно нарастает от последнего типа к первому. Малым локальным центрам часто недостает потенциала, чтобы создать «силовое поле» в своем окружении [Гунько, 2015 и др.]. Для сложных урбанизированных структур с высокой плотностью населения, деятельности, инфраструктуры типично переплетение СГК разного масштаба, хотя малые формы «в тени» города-гиганта нередко подавлены, если не поглощены им вместе с бывшими рощами, полями, лугами, фермами, дачами. То же самое относится к сочетаниям разных видов пространственной мобильности. Обратим внимание на некоторые ее особенности в СГК.

Мобильность населения в сельско-городских континуумах

Как уже отмечалось, частота движений статистически обратно пропорциональна расстоянию. Отсюда связь уровня мобильности с континуумом. По некоторым оценкам, до двух миллиардов земель вообще иммобильны, вернее – годами не покидают своих ареалов обитания, малых родин. Но это и есть локальные СГК, внутри которых люди все-таки перемещаются. Со своей стороны, плох тот континуум, где нет таких перемещений. Легко подсчитать, что, делая при этом в день всего 10 км,

за 30 лет можно одолеть свыше 100 тыс. км, или 2,7 длины экватора. Это больше, чем скопится за те же годы, если каждый год проезжать один раз 3,5 тыс. км.

Потому-то и в глобальном мобильном мире «без границ» подвижность тяготеет к местам скопления ее носителей, если они не завязтые номады. К ним, кстати, относятся топ-менеджеры международных корпораций, живущие не столько в одном месте и даже стране, сколько в офисах, отелях, аэропортах сети мировых городов. Это уже не кванты населения, а скорее его «волны», как в известном разделе физики, или персоны вроде оперного Фигаро: то тут, то там. Такой «накрутит» за активную жизнь сотни кругосветок, но не он, что называется, делает погоду.

СГК предоставляет свои сочетания кочевничества с оседлостью, ведь первое всегда ограничено временем и скоростью, достатком, здоровьем, интересами человека. В основе компромисса между ценностями «дороги» и «дома» тут лежит совмещение городского и сельского образов жизни, искомое людьми давно и, так или иначе, находимое. Прежде всего это «связка» мест жительства, труда, отдыха или подсобно-аграрных, промысловых и других альтернативных занятий, доступная в СГК любого масштаба.

Даже в слабый местный центр едут из деревни за работой, товарами, услугами, справками. А обратный поток? Хотя у жителей малых одноэтажных центров нет особой нужды в дачах, поводы посещать окрестности появляются уже потому, что здесь много местных уроженцев, имеющих на селе родню, наследные дома, которые нуждаются в поддержке и предоставляют ее для летнего отдыха, снабжения семей продуктами подворий. Дети и взрослые отправляются за город на экскурсии, пикники, состязания, охоту, рыбалку, сбор дикоросов. Все это особенно типично и экономически важно для лесных, нечерноземных СГК. Таково уж их состояние, расположение, типовая структура (рис. 9). Внутреннюю мобильность дополняет разновекторная внешняя: отходники, командировочные, дачники, туристы, просто дальние гости.

Выделить, очертить местные СГК хотя бы как зоны основного влияния их центров нелегко. М.С. Гунько [2015] делала это, задавая радиусы зон для городов Центральной России в зависимости от их размера экспертным путем. Ступенчатая шкала была редкой, с большими интервалами, но явно нелинейной. Наши расчеты показали, что ее можно аппроксимировать непрерывной функцией вида P/R^2 , где P – население центра, R – удаление от него. Степень в знаменателе означает не площадь, а силу трения расстояния, довольно большую для коммуникаций, реализуемых

порой пешком. В общем, это логика поля потенциала величиной не ниже 100 чел./км² при любой людности ядра СГК.

Рис. 9. Схема «островного» сельско-городского континуума в лесной зоне России

Ядрами на картосхеме по двум областям Ближнего Севера (рис. 10) признаны как города, так и поселки, включая сельские, если там не менее 3 тыс. жителей и выполняются функции райцентра, набор которых в идеале не зависит от статуса поселения. Показаны и зоны, формируемые ближайшими городами смежных регионов. Местами происходит их интерференция. Плотность постоянного населения в них редко опускается ниже 30 чел./км², а в среднем она вчетверо выше средней для обеих областей, которая, в свою очередь, чуть больше среднероссийской. Поэтому полсотни СГК, чьи ареалы занимают по этой версии пятую часть территории, концентрируют 92% ее обитателей.

В мегагородском континууме интерференция «мобильностей» максимальна. Самых движущихся людей тут миллионы, а поездок за пределы своих населенных мест – десятки и сотни миллионов в год. Это показывает условный расчет по Москве по статистике за 2012–2013 гг. [Численность и миграции..., 2013; Обследование..., 2013; Население..., 2015 и др.], с коррекцией, оценками и рядом допущений. Поясним кратко

данные и результаты. Переселений в город и из него регистрируется за год 0,3 млн, это и будет число условно однократных переездов мигрантов. Массу комьютеров (маятниковых мигрантов) примем за 1 млн, а частоту их поездок в одну сторону – за 230: без уикендов, праздников, отпусков и дней болезни. Участники более дальних и менее частых трудовых миграций, то есть российские отходники и гастарбайтеры из-за рубежа, грубо оценены в 1,5 млн на каждую группу. Дачников-москвичей, включая садоводов, арендаторов чужих дач, едущих в отпуск к родне и в свой сельский дом, не менее 5 млн. Средняя частота их поездок – 25 (на 135 нерабочих дней) – чуть выше, чем у отходников. Оценены вместе и основные прочие передвижения (табл. 2).

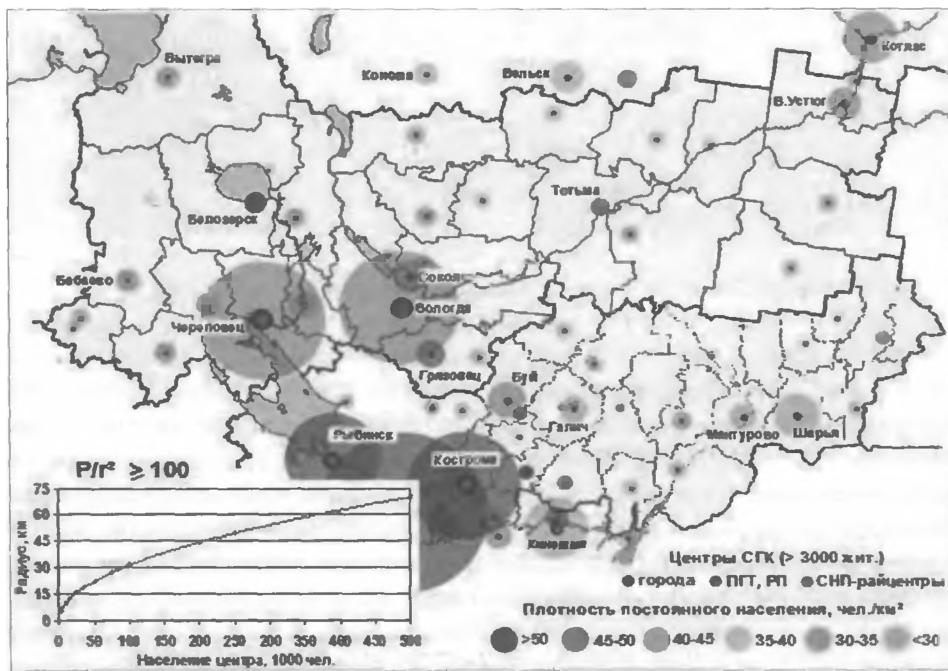

Рис. 10. Схема зон сельско-городских континуумов
Вологодской и Костромской областей
Составлено по расчетам автора

В сумме это 14 млн чел., больше постоянных жителей Москвы из-за ее временного населения и отчасти из-за двойного счета, особенно в графе «прочие». По числу поездок лидируют ежедневные комьютеры и дачники. Итог составил 410 млн – как если бы за год Москву посетили

все жители США и Германии, а если добавить Подмоскowie, то и Японии (правда, часть поездок жителей области дублирует учтенные московские). Из них не менее 250 млн поглощает мегаконтинуум, объединяющий Московский регион с соседними, даже без учета поездок жителей окраин большого СГК в обход его ядра. Вводя средние расстояния поездок по категориям, можно прикинуть общий годовой «пробег», максимальный у временных трудовых мигрантов.

Таблица 2. Ориентировочные параметры ежегодной мобильности населения в Москве

Категория	Участники, млн чел.	Ср. число поездок*	Всего поездок, млн	Средняя дистанция поездки, км*	Суммарно, тыс. км**
Мигранты на ПМЖ	0,3	1	0,3	1900	1,9
Компьютеры	1,0	230	230	55	25,3
Отходники	1,5	20	30	900	36,0
Гастарбайтеры	1,5	3	4,5	2500	15,0
Дачники	5	25	125	90	4,5
Прочие***	5	4	20	500	4,0
Итого	14,3	–	410	–	86,7

* За год в одну сторону.

** За год в одну сторону (безвозвратные мигранты) или в обе (возвратные) на 1 участника.

*** Туристические, деловые, гостевые визиты (без учета транзитных пассажиров).

Сам мегаконтинуум, или Центральный мегалополис, выделен ранее [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2012, 2016] в составе 9 основных агломераций во главе со столичной и 22 подмосковных городских кластеров 2-го порядка (субагломераций). На рис. 11 видно, что часть из них – краевые, которые могут играть роль своего рода мостов между основными. Население мегалополиса составляет примерно 25 млн чел. на площади 180 тыс. км², что дает плотность около 140 чел./км². Если агломерация – группа поселений, связанных, в первую очередь, ежедневными маятниковыми поездками, то для мегалополиса такой функциональной объединяющей пока не найдено. Можно допустить, что это комбина-

ция интенсивных суточных, недельных и отчасти других движений населения. Более подробно об их исследованиях можно прочесть в главах книги; здесь отметим, что полиритмичная многоцелевая мобильность характерна для таких образований.

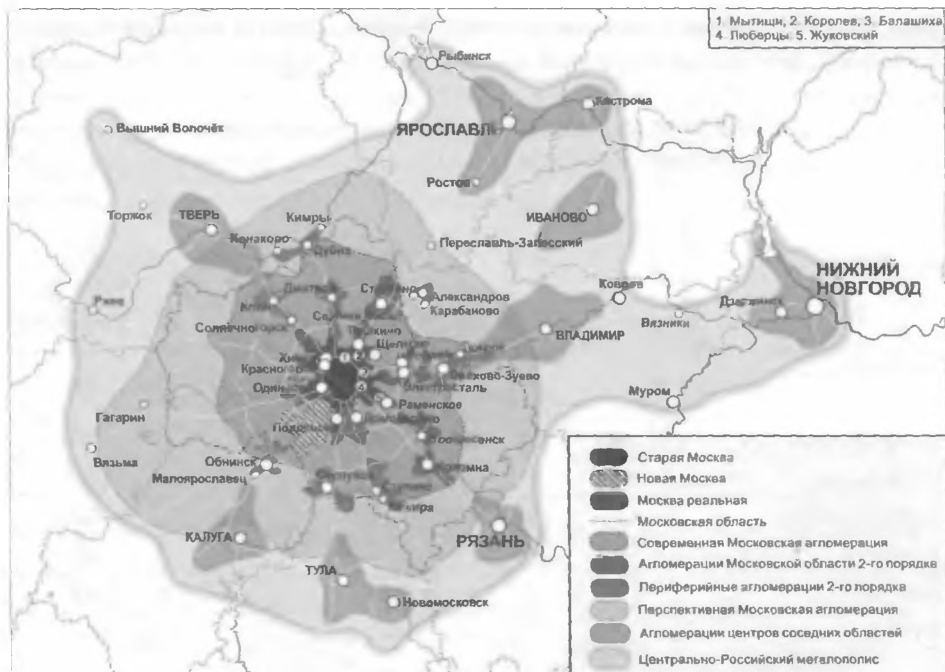

Рис. 11. Центрально-Российский мегалополис
 Источник: [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2012, 2016]

Вместе с жизнью многих ее участников на два и более дома это порождает особый феномен расселения – его пространственно-временную пульсацию. В пространстве она ярко выражена в сельско-городских (иногда почти чисто сельских или межгородских) континуумах, а во времени зависит от ритмики, особенно сезонной. Оценка, по разным данным, наличной людности этажей упрощенной иерархии поселений всей РФ – крупных городов от 250 тыс. жителей, малых пунктов, включая сельские (до 50 тыс. чел.), и тех, что оказываются между ними, дала довольно скромный «зазор» в 7–8 млн чел. Однако его хватило, чтобы инвертировать картину: зимой более «заполнен» верхний этаж, летом – нижний. На среднем городском этаже пульсация малозаметна (рис. 12).

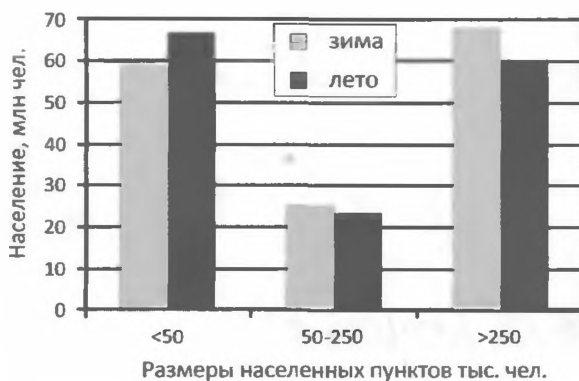

Рис. 12. Наличное население (млн чел.) трех основных классов населенных мест (тыс. чел.) России в средний зимний и летний дни 2010 г. По оценкам автора

* * *

В виде заключения с прикладным контекстом отметим проблемы управления, особенно территориального, которому, надо признать, чужда и неудобна сама идея СГК, как и пространственно мобильного населения. Чиновнику важно иметь дело с четкими границами, определяющими его полномочия. Пассажиры и колебания людности мест не могут игнорировать те, кто отвечает за транспорт, энерго- и водоснабжение, причем свои тут не редкость (достаточно вспомнить историю с отменой и возвратом электричек). Власти регионов и муниципалитетов, их планы, программы развития вверенных им территорий не готовы считаться с непонятными градиентами и непостоянством «своего» населения. Все социальные и административные показатели, задачи и нормы рассчитаны на цифры постоянные, хотя это сплошь и рядом всего лишь статистическая фикция. Между прочим, трудно понять, как при этом многие стратегии регионального и локального развития могут делать ставку на туризм с его самоочевидной пространственно-временной «волатильностью».

Управленцам всегда важен административный, теперь скорее муниципальный статус территорий, зачастую далекий от реалий социально-экономического пространства. Оно устроено иначе и чутко реагирует на положение места в разномасштабных континуумах, на приливы-отливы населения, колебания хозяйственной активности. Изучать эти явления наука обязана в любом случае.

Часть 2
В ГОРОД ЗА РАБОТОЙ

Глава 2.1

Эволюция отходничества

Отхожий промысел в конце XIX в. определялся как временная, чаще всего сезонная работа крестьян в Российской империи вне места постоянного жительства, когда на работу нужно «отходить», т.е. уходить из села или деревни, а хозяйство оставлять на месте. Людей, уходивших на заработки, называли «отходниками». Определения отходничества от Васильчикова [1881] до Ожегова [Толковый словарь...] и их изменение подробно рассмотрены В.М. Моисеенко [2012], Ю.М. Плюсиным и др. [2013].

Дореволюционное отходничество

Стимулом к самостоятельному отходничеству из деревень на заработки стал царский указ 1718 г., заменивший подворное обложение подушной податью. Податными считались все лица мужского пола. Поскольку натуральные поборы сменились финансовыми, для получения денег потребовались дополнительные заработки, которые на месте получить было почти невозможно.

Расширение отходничества фиксируется с 1830-х гг. В структуре отходников тогда преобладали мужчины. Например, в Ярославской губернии в 1844 г. на отходе было 60 тыс. чел., из которых женщины составляли лишь 2,7% [Богословский, Юрчук, электронный ресурс]. Пик отходничества был связан с освобождением крестьян в 1861 г. Они получили личную свободу, но земля оставалась во владении помещиков, и ее надо было выкупать. Увеличилась доля безземельных крестьян. В то же время развитие промышленности в больших городах требовало все больше

рабочих рук, формировался городской рынок труда. Все это стимулировало временные заработки уже свободных крестьян на отходе. Отхожие промыслы были законодательно закреплены: крестьяне как свободные сельские жители получили право отлучаться от места жительства с соблюдением правил, установленных общими законами и специальным положением [Моисеенко, 2012].

По данным земско-статистических исследований ряда уездов в Европейской России, отхожими промыслами занимались в 1880-х гг. не менее 5 млн человек ежегодно, а численность крестьян мужского пола постоянно увеличивалась (с 1958 г. по 1897 г. она выросла с 24 млн до 39) [Миронов, 1999, т. 1, с. 123]. Общая численность крестьян как сословия составляла 97 млн человек [Россия 1913, 1995, с. 219]. По оценкам С.А. Короленко, численность отходников составляла 5–6 млн чел., из них 2,5 млн направлялась на юг и восток Европейской России [Короленко, 1892]. Недоучет отходников составлял в разные годы до 30% [Моисеенко, 2015]. В одних губерниях отхожие рабочие не превышали 10% мужского рабочего населения, а в некоторых центральных (например, в Московской и Смоленской) их было больше 40%, в Новгородской губернии 1/3 мужчин была занята в разные периоды года вне своих хозяйств [Янсон, 1881].

Одну из причин развития отхожих промыслов многие авторы видели в недостаточном обеспечении крестьян землей, орудиями производства, многие были неспособны себя прокормить [Янсон, 1881]. Не хватало денег и на предметы первой необходимости. Отход заметно увеличивался в годы неурожая и голода. Небольшой размер земельного владения при многодетных (сказывалась новая фаза демографического перехода) семьях и низкие урожаи служили основными выталкивающими факторами, в то время как повышенный спрос на труд в городах и многоземельных районах – притягивающими факторами. Соответственно отход делился на земледельческий и неземледельческий.

Земледельческий отход был наиболее характерен для черноземных губерний средней полосы с сильным аграрным перенаселением (рис. 1), откуда отходники направлялись в более обеспеченные землей местности: в Заволжье, в Новороссию, на равнинный Северный Кавказ. Отходу в южные губернии способствовало и распространение на юге крупной земельной собственности, хозяева которой нуждались в батраках. На Северном Кавказе спрос на работников усиливался вследствие сравнительно крупного наделения землей казаков (до 30 десятин на душу мужского пола) и даже государственных крестьян (15 десятин).

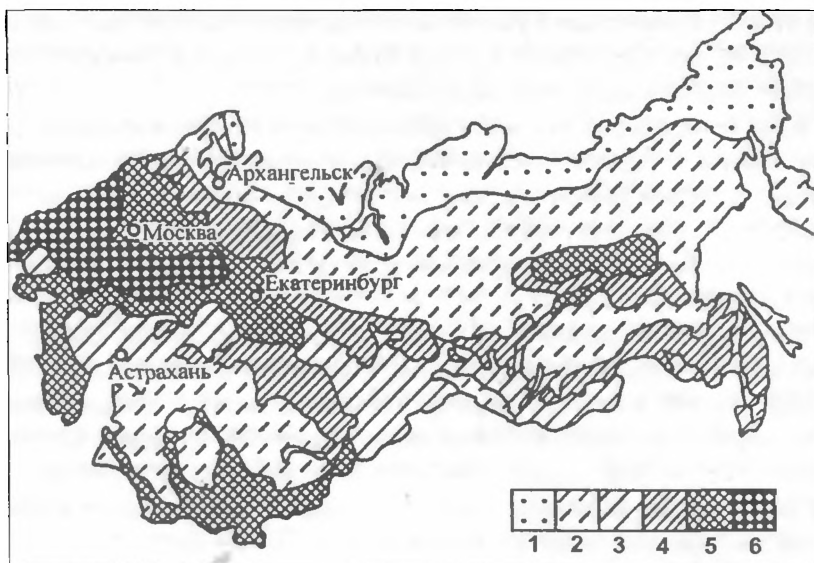

Рис. 1. Зоны избытка и недостатка населения на рубеже XIX–XX вв.
 1 – отсутствие населения, 2 – редкое заселение, 3 – неплотное заселение,
 4 – массовое заселение, 5 – сбалансированное, 6 – избыточное заселение
 Источник: [Рыбников, 1929]

Неземледельческий отход был более типичен для нечерноземной полосы. В Московской губернии в 1877–1882 гг. фабрично-заводские работы привлекали 28% отходников, кустарные промыслы – 35%, прочие работы – 37%. В Тверской губернии, по данным 1894 г., фабричных работников было меньше – 10%, занятых в кустарных промыслах – 42%, зато почти половина отходников промышляла извозом, торговыми промыслами или числилась прислугой, чему способствовало положение между Москвой и Петербургом [Отхожие промыслы, 1897]. Но большинство отходников из нечерноземных губерний искало работу в Москве и столичном Петербурге.

Многие авторы отмечали невозможность прокормиться с земли в Нечерноземье из-за малоземелья и плохих почв. В некоторых губерниях, например, в Вологодской, власти специально стимулировали развитие кустарных промыслов, чтобы задержать население в губернии. Но это не помогало. Крестьяне, уходя в отход, совершенно забрасывали земледелие или взваливали его на женщин. Горожане в Вологодской губернии составляли в конце XIX в. всего 4% населения, к тому же из-за их бедности отсутствовал спрос на труд крестьян и на их кустарные изделия.

В среднем, 15% взрослых мужчин (а из некоторых северо-восточных уездов – до 27%) отправлялись в отход в Ярославль, Архангельск, Петербург, Кострому [Внеземледельческие промыслы, 1903].

В Тульской области в отход в Москву и Тулу уходили младшие братья, в то время как старшие оставались часто на хозяйстве. Молодежь шла в отход с удовольствием, так как «на стороне жить было вольготнее» [Курцев, 2007]. При отсутствии молодых мужчин в отход в Москву шли девушки, главным образом, прислужгой, если они засиделись «в девках» и в 18 лет не вышли замуж.

Отправляясь на дальние заработки, крестьяне редко пользовались железной дорогой. Обследование Херсонской губернии в 1894–1895 гг. показало, что 84% прибыло на работу пешком, часто по тропинкам вдоль железнодорожного полотна, остальные – частично пешком, частично по железной дороге или пароходом [Отхожие промыслы, 1897; Внеземледельческие промыслы, 1903]. Иногда отходники перемещались в битком набитых вагонах, где сидели и спали на полу.

Помимо отхода в большие города и другие губернии в Нечерноземье был распространен ближний отход, связанный с местными промыслами, среди которых на первом месте стояли заготовка и сплав леса, а также охота. Кроме того, крестьяне были заняты в плотничьем, сапожном, кузнечном, валяльном, рыболовном, смолокурном, столярном, бондарном и других промыслах. Многие уезды специализировались на определенном виде промысла. Некоторые промыслы не требовали отхода и давали крестьянам доход, например, кружевной промысел в Вологодском и Кадниковском уездах Вологодской губернии. Начавшись с городских кружевниц, он при расширении и упрощении ассортимента перекинулся в деревню. Крестьянки охотно переходили к этому занятию, поскольку урожаи льна были плохи, а его цена низка из-за конкуренции фабричных материй [Внеземледельческие промыслы, 1903].

Иное дело промыслы, связанные с рубкой и сплавом леса. Например, лесопромышленники из Вологды, Костромы и Великого Устюга, заготавливавшие лес в Вологодской губернии, старались нанимать людей из той же губернии, хотя порой и из удаленных волостей. Средний заработок крестьян составлял 60–100 рублей, что было по тем временам немало. При этом они жили в лесу в наскоро срубленных избушках, порой с семьей. *«Крестьянин рядится осенью у лесопромышленника: вырубить, вывезти на реку свой плот, согнать до г. Макарьева Костромской губернии и охранять до продажи (некоторые сплавлили лес до Архангельска). Начало работ с ноября, редко с декабря. Мужчина рубит, а на его лошади*

женщина или подросток лес возит – это до 15-го марта, затем с открытия навигации плотит лес в плоты и плывет до лесной ярмарки все с женщиной или подростком, а там уже до продажи мужчина охраняет один» [Внеземледельческие промыслы, 1903, с. 126]. После такого отхода крестьянин и его лошадь возвращались в деревню очень утомленными, а надо было немедленно приниматься за сельскохозяйственные работы.

Еще более выгодными промыслами отходников были торговля и огородничество, которыми славились ярославские крестьяне. Жители ростовских деревень вокруг озера Неро ходили «ставить огороды» в другие губернии, а в Петербурге почти во всех трактирах работали отходники из ярославских деревень. Они славились бойкостью и предприимчивостью, недаром до сих пор вдоль дорог Ярославской области больше гостиниц, кафе и торговых заведений, чем вдоль других направлений. В середине XIX в. из Ярославской губернии ежегодно уходило более 100 тыс. человек, что составляло до 25% взрослого мужского населения губернии. Торговля давала рабочие места до 24% от всех отходников, трактирный промысел – 14% (в основном, из Любимского уезда), строительство – 13%, ремесло – 13%, прислуга – 12%, огородничество – 8%, работы на фабриках и заводах – лишь 7%. [Богословский, Юрчук, эл. ресурс]. Это отрывало крестьян от своего хозяйства. Например, из 12,7 тыс. отходников в 1901 г. в Любимском уезде на полевые сезонные работы в деревню вернулось лишь 849 человек [Богословский, Юрчук. Электронный ресурс].

Однако есть примеры успешного совмещения отхода с домашним хозяйством. Опираясь на «Письма из деревни» А.Н. Энгельгардта [2010], можно привести пример отхожего промысла граборов (земляные работы, корчевание и т.п.). *«Весною, как только сгонит снег, граборские рядчики отправляются по знакомым господам искать работы. Насчет помещения граборы... невзыскательны – была бы только печка, чтобы было где высушить мокрые онучи и изготовить кушанье. В граборских артелях все члены артели равноправны. Ни пьянства, ни шуму, ни буйства, ни воровства, ни мошенничества. Возвратившись домой, артель производит расчет: из заработанной артелью суммы, прежде всего, выделяется, с общего согласия, известный процент в пользу местной церкви, затем выделяются лапотные деньги рядчику, вычитается стоимость харчей, и остальное делится между членами артели согласно заработку каждого. Погуляв несколько дней, граборы принимаются за покос, непомерно работают все страдное время, так что даже заметно спадают с тела, в конце августа опять идут на граборские работы, на осеннюю упряжку, и возвращаются домой к зимней казанской. Отпразд-*

новав казанскую, погуляв на свадьбах, становятся на зимние работы» [Энгельгардт, 2010, с. 263–264].

Земская статистика в связи с неопределенностью термина «промыслы» не разделяла четко местные и отхожие промыслы, что затрудняло ее использование для анализа отходничества [Моисеенко, 2012]. Тем более, что крестьяне часто занимались и теми, и другими промыслами. Был разнობой и в других показателях. Исключение составляли лишь некоторые губернии, например, земства Московской и Нижегородской губерний ежегодно проводили и издавали мониторинг отходничества [Моисеенко, 2012].

В результате распространения отходничества и расслоения крестьян по финансовым результатам отхода в деревне зарождались первые ростки капитализма – ростовщичество (деньги под проценты давали перед отлучкой на работу, а также после нее неудачливым отходникам, которые вернулись к севу без заработка). Наиболее удачливые в торговле, возвращаясь, открывали свой трактир или лавочку.

Основным результатом отхода к концу XIX в. стало «окрестьянивание» городов. Значительная часть отходников оставалась в городах в крестьянском сословии. Многие отходники забрасывали землю. Это требовало регламентации передвижения крестьян.

Таковыми документами стали паспорта отходников. Они разрешали крестьянам покидать места своего проживания. При этом для работы в пределах своего уезда или вне его при выезде на расстояние не свыше 50 верст и на срок до шести месяцев вида на жительство не требовалось. Помимо годовых паспортов использовались и другие краткосрочные удостоверения. Последние до 1897 г. по числу превышали количество паспортов, но впоследствии именно годовые паспорта стали основными документами отходников [Моисеенко, 2012]. Для того чтобы получить внутренний документ, разрешающий передвижение по стране, крестьянин должен был состоять в сельской общине и не иметь задолженности по налогам и повинностям.

Паспортные книжки выдавались волостными старшинами, и по приговорам сельских общин в предусмотренных законом случаях могли быть изъяты. Все это создавало весьма коррупционную систему. С каждого паспорта местные чиновники, часто меняющие года подросткам и старикам, имели по 20 коп. Это было связано с тем, что все работники разделялись на три группы: полные работники, полуроботники (до 20 и старше 55 лет) и маломощные полуроботники (дети от 8 до 14 лет). Заработки на отходе для последних двух групп были ниже [Очерки по истории. Электронный ресурс].

В 1860-х гг. выдавалось 1,3 млн паспортов в год, в 1870-х – 3,7 млн, в 1880-х – около 5 млн, в 1890-х – 7,1 млн [Шаховской, 1903; Моисеенко, 2012]. Некоторые группы отходников паспортная система не учитывала: подростков, уходивших «на учење» в Москву и С.-Петербург, членов семей отходников. И хотя количество выданных паспортов не отражало реальное число отходников, для оценки различий в их пространственном распределении они могут быть использованы. Наибольшее число паспортов в начале XX в. было выдано крестьянам губерний, окружавших Москву (более 20% мужского трудоспособного населения), а в целом в Нечерноземной зоне на отходе были 10–20% трудоспособных мужчин [Рыбников, 1929; рис. 2].

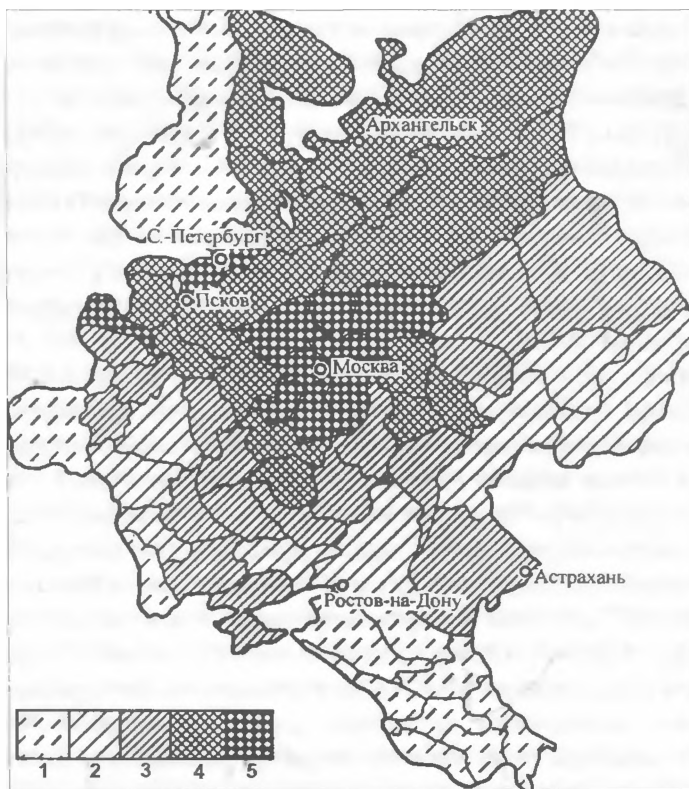

Рис. 2. Зоны выхода отходников в начале XX в. по доле мужского трудоспособного населения, которому выдавали паспорта
1 – менее 1%; 2 – 1-5%; 3 – 5-10%; 4 – 10-20%; 5 – более 20%.

Источник: [Рыбников, 1929]

С развитием капитализма темпы роста отходничества в центральных районах постепенно замедляются. Если в 1860-х гг. доля отходников, отправлявшихся в Москву, составляла 33%, то в 1906–1910 гг. – только 22%. [Милов, электронный ресурс]. Более привлекательными становятся Прибалтика, юго-западные районы и Новороссия, а также Приуралье и Сибирь.

В Сибири аграрная колонизация в XIX в. уступает место неземледельческому отходу. В отход уходят как крестьяне сибирских губерний из-за усиливающейся социальной дифференциации в деревне, так и из европейской части России. Крестьяне-отходники обслуживали перевозки грузов, работали строителями, нанимались на отдаленные рыболовные промыслы, сплавляли суда с хлебом, добывали соль, нанимались в работники на заводы, на угледобычу, работали на лесозаготовках, золотых приисках [Данилов, 1974]. Неурожаи начала 1890-х гг. привели к наплыву отходников в Сибирь с Урала и Поволжья. Половина рабочих на строительстве Транссибирской магистрали была из европейской части России. Столько же (около 40 тыс. чел.) составляли отходники из губерний Западной и Восточной Сибири [Ильиных, Мамсик, Ноздрин, электронный ресурс]. И все же из сибирских регионов отходников на 1000 человек было в два с лишним раза меньше, чем из европейской части России, прежде всего, из-за отсутствия перенаселения. И лишь к 1920 г. индустриализация, повысившая спрос на рабочие руки, как и по всей стране, усилила отход из деревни.

Некоторые кавказские народности также практиковали отход. Например, крестьяне-лезгины, не имевшие собственных земельных наделов, уходили на заработки в крупные экономические центры, нанимаясь копать оросительные каналы, сажать деревья, выжигать уголь. Часть отходников уходила на нефтяные промыслы Баку, где многие оставались на постоянной работе. Народы Дагестана составляли в разные годы 9–14% всех рабочих в Баку на нефтепромыслах [Отходничество в Лезгистане, электронный ресурс]. Уходили и в другие промышленные центры Кавказа – в Тифлисскую губернию, в Азербайджан и во внутренние губернии России, часто не возвращаясь на период летних сельскохозяйственных работ.

Благодаря отходникам население дореволюционной России было очень мобильным, хотя историки говорят о низкой горизонтальной социальной мобильности крестьянского сословия, имея в виду лишь переселения на постоянное место жительства с переходом в другое сословие [Миронов, 1999, т. 1, с. 145]. Тем не менее крестьяне постоянно передвигались по территории страны, работая вне места проживания, в т.ч. и курсируя между городом и деревней. Это связано не только с общим

количеством отходников, но и с их постоянной ротацией [Курцев, 2007]. Неземледельческий отход начинался порой в 10–12 лет. В процессе работы обучались грамоте, возвращались в деревню, женились, снова шли в отход. На место пожилых рабочих приходили молодые. Многие застре­вали в городах на годы, перевозили туда семью, а к старости возвраща­лись в деревню.

Отходничество было мощным двигателем урбанизации. Фактиче­ски неземледельческий отход стал предтечей современного движения сельского населения в крупные города. Л.А. Кириллов рассматривал не­земледельческий отход как явление, аналогичное западному движению сельского населения в городские и индустриальные центры. [Кириллов, 1899].

Все больше и больше отходников оставались в городах. Хотя часть крестьян возвращалась в деревню (на фабриках предпочитали рабочих до 40 лет), на их место прибывали новые молодые отходники. Появился такой феномен, как потомственные отходники. В 1902 г. перепись насе­ления выявила в Москве 791 тыс. чел. неместных уроженцев (72% насе­ления), в т.ч. 604 тыс. составляли крестьяне. Из них только 15% жили менее года, почти половина – от 1 до 10 лет, 21% – от 10 до 20 лет, и около 20% – более 20 лет [Курцев, 2007]. Примерно та же ситуация наблюдалась и в Петербурге, где доля «неместных» уроженцев составила в 1910 г. более 2/3 [Курцев, 2007]. Ю.Э. Янсон [1881] считал С-Петербург крестьянским городом: удельный вес крестьян составлял 40,7%: почти вся прислуга, рабочие, занятые в торговле, в трактирном деле. Этот процесс многие называют «окрестьяниванием» городского населения [Миронов, 1999, т. 1, с. 342]. Причем чем крупнее город, тем больше в него стремилось крестьян-отходников, частично оседая в нем, тем больше влияли дере­венские стандарты на городскую жизнь. Рабочие коллективы, во многом состоящие из крестьян, тоже воспроизводили крестьянский менталитет и элементы сельской общины [Миронов, 1999, т. 1, с. 344]. И даже ин­теллигенция находилась под влиянием крестьянского мировоззрения, склоняясь к народничеству [Бердяев, 1991; Миронов, 1999, т. 1, с. 349; Вишневский, 1998].

Отходники оказывали огромное влияние и на деревню, меняя свою жизнь и жизнь своей семьи. Они жили, как правило, более обеспечен­но, дома у них были просторнее, с печью по-белому, дети содержались в чистоте, одежда была чище [Жбанков, 1887]. Большинство из них было грамотными, они пили меньше, владели тем или иным мастерством. Это была элита деревни, за которой закрепился термин «питерщики». На-

пример, в Костромской губернии грамотность в отхожих уездах была в 2–2,5 раза выше, чем в лесных уездах [Моисеенко, 2012]. Они привносили в деревню образцы городской жизни, порой игнорируя традиционные уклады. И чем ближе к крупным городам, тем больше проникали в деревню городские элементы. Поэтому не только официальные органы, но и сами общины стремились затормозить эмансипацию деревни.

Однако и отрицательные последствия отходничества в дореволюционной России были велики. Тяжелый труд и условия жизни на отходе, плохое питание, трудная дорога часто вызывали повышенную заболеваемость отходников. Разобщенность семей снижала рождаемость. В губерниях, окружавших Москву, в деревнях преобладали женщины. Многие городские профессии отходников в деревне оказывались ненужными, но и в городе к старости они тоже были не нужны. При этом их хозяйство часто приходило в упадок. Молодежь отвыкала от земледельческого труда.

И хотя отходничество олицетворяло, по определению классиков [Ленин В.И., Развитие капитализма...], процесс отделения промышленности от земледелия, разлагая феодализм и внедряя капиталистические отношения, сельско-городской континуум в России представлял собой очень устойчивое явление. Безусловно, неземледельческий отход дал толчок развитию рынка труда и совместно с переселением крестьян в города значительно ускорил развитие страны. Но сильного отрыва массового населения городов от сельской местности, как и расслоения крестьянства, он все же не вызвал. Степень дифференциации крестьян, по мнению Б.Д. Миронова, несколько преувеличена. До отмены крепостного права группа крестьян-середняков преобладала над зажиточными и бедными. А после 1861 г. при быстром росте населения и уменьшении среднего земельного надела и количества скота на одно хозяйство именно неземледельческое отходничество стало тем амортизатором, который позволял сохранять крестьянам средний доход. *«Крестьянство до 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и лишь имело зачатки так называемого буржуазного расслоения»* [Миронов, 1999, т. 1, с. 125–128].

Тем не менее общий цикл сельско-городских перемещений оказался очень устойчивым в России и воспроизводится до настоящего времени: детство в деревне (или на даче), юность в городе, к старости возвращение в деревню (или дачная дезурбанизация современных пенсионеров) при выталкивании детей в город.

Отходничество в советское время

В 1920-х гг. отходники работали в крупных городах на фабриках и заводах, выполняя работы, не требовавшие квалификации. В конце 1920-х гг. интенсивность отходничества возросла. Индустриализация требовала рабочих рук. Было даже издано постановление 1930 г. об устранении препятствий для отходничества (рис. 3) и специальное Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве», в котором предусматривались определенные льготы колхозникам-отходникам, вплоть до отмены отчислений с заработка в фонды колхоза, предоставление работы по возвращению из отхода и даже учет колхозников-отходников при распределении колхозного урожая.

206. Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы.

В некоторых местностях Союза ССР местные органы власти, а также колхозные организации препятствуют свободному отходу крестьян, в особенности колхозников, на отхожие промысла и сезонные работы.

Такие самочинные действия, срывая выполнение важнейших хозяйственных планов (строительство, лесозаготовки и друг.), причиняют большой вред народному хозяйству Союза ССР.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Решительно воспретить местным органам власти и колхозным организациям каким бы то ни было образом препятствовать отходу крестьян, в том числе и колхозников, на отхожие промысла и сезонные работы (строительные работы, лесозаготовки, рыбные промысла и т. п.).

2. Окружные и районные исполнительные комитеты, под личной ответственностью их председателей, обязаны немедленно установить строгое наблюдение за проведением в жизнь настоящего постановления, привлекая его нарушителей к уголовной ответственности.

Председатель СНК Союза ССР А. И. Рыков.

Управляющий делами СНК Союза ССР и СТО Н. Горбунов.

Москва—Кремль.
16 марта 1930 г.

Распубликовано в № 75 Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 17 марта 1930 г.

Рис. 3. Постановление СНК СССР «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы» от 16 марта 1930 г.

Однако начавшаяся коллективизация изменила ситуацию. Сокращение доходов, получаемых от сельского хозяйства, угроза голода, репрессивные методы коллективизации выталкивали крестьян из деревни на заработки в города или на лесозаготовки, добычу полезных ископаемых, строительство дорог. В 1933 г. была введена паспортная система. По официальной версии, паспортизация проводилась в городах и рабочих поселках с целью учета населения и борьбы с преступностью. Было введено понятие «прописка по месту жительства», которая под видом регистрации сохранилась до сих пор. Всем, кто прибыл в города после 1 января 1931 г. и имел временные работы, в получении паспортов было отказано. Без прописки жить в городе было нельзя. Крестьяне вернулись в деревню.

Крестьянство было лишено паспортов и права передвигаться по стране, тем самым колхозники были официально прикреплены к месту проживания. Разрешение на работу в городах, на лечение, обучение могло давать лишь правление колхоза (рис. 4). Постановлением СНК СССР правления колхозов обязывались исключать из своего коллектива тех колхозников, которые самовольно, без зарегистрированного в правлении договора, бросают колхозное хозяйство [Отходники в советское время, электронный ресурс; Отмена отходничества, электронный ресурс]. На отходе еще продолжали работать единоличники, но репрессивное и налоговое давление на них было велико, вплоть до облав в городах. Паспорта в 1937 г. получили лишь крестьяне в приграничных зонах (из закавказских и среднеазиатских республик), а также жители присоединенных в 1939 г. к СССР территорий Латвии, Литвы и Эстонии.

Рис. 4. Постановление об отмене свободного отходничества из деревни 1933 г. Газета «За индустриализацию», 23 апреля 1933 г.

Самодетальное индивидуальное отходничество сошло на нет. Его заменил официальный набор колхозников на заводы и строительство (рис. 5). При этом колхозы должны были содействовать заключению договоров по оргнабору. Стране остро не хватало рабочих рук на предприятиях.

Рис. 5. Разъяснение закона об официальной вербовке крестьян на работу в городах. Газета «За индустриализацию», 23 апреля 1933 г.

Тем не менее сельские жители находили и другие способы работы в городе. Даже в сталинские времена домработницами и няньками, сиделками в больницах в крупных городах работали девушки и женщины из деревень.

Но главным средством пополнения крупных городов работниками из деревень, малых городов и союзных республик оставался оргнабор, который не прекратился и после выдачи паспортов всем жителям страны, когда он получил название «лимит». Многие из лимитчиков оставались в крупных центрах. В 1970–1980-х гг., в основном благодаря лимитчикам, при всех формальных ограничениях роста города население Москвы увеличивалось на 100 тыс. чел. в год.

Первые паспорта стали выдавать колхозникам в 1970 г., хотя «Положение о паспортной системе в СССР» было утверждено в 1974 г. В первую

очередь паспорта выдавали жителям сельской местности, работающим на предприятиях и в учреждениях, а также тем, кто в связи с характером выполняемой работы нуждался в документах, удостоверяющих личность. Паспортизация деревни завершилась лишь в 1981 г.

Однако свободное отходничество под видом бригад шабашников появилось гораздо раньше, в 1960-х гг., а максимального расцвета достигло в 1970–1980-х гг. Его импульсы теперь чаще исходили из городов. Позднее появились бригады и из села, в основном из южных республик. Хотя былой термин «отходничество» был забыт и заменен термином «шабашничество» или «калым», оно означало, как и отходничество, вид временного, часто сезонного промысла, любой неофициальный заработок вне места проживания.

В советское время чаще это были строительные работы, в т.ч. в сельской местности, в восточных районах России, в национальных республиках, за что строительные бригады получали оплату наличными. Власти закрывали на это глаза, но не поддерживали. Такой теневой способ подработки часто использовали студенты и интеллигенция. В отличие от шабашников, студенческие строительные отряды формировались организованно и поддерживались властью.

Еще одним видом преимущественно организованных трудовых миграций в советское время была вахта. И сейчас отходников часто называют вахтовиками, особенно, если это касается работы на дальних промыслах. Согласно российскому Трудовому кодексу (2001 г.), вахтовый метод применяется при значительном удалении места работы от места постоянного проживания работников в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями. Таким образом, и прежде, и теперь вахтовики – это прежде всего отходники на относительно длительный срок в удаленные районы, многие из которых живут в специальных модульных поселках.

Таким образом, в советское время отходничество не исчезло и не свелось полностью к официальным организованным формам. Если его масштабы и уменьшились, то благодаря тому, что население получило возможность переселяться в города, в т.ч. и благодаря массовому строительству бесплатного жилья. Миграционный приток в города из сельской местности на постоянное место жительства в 1960-1980 гг. составлял от 0,6 до 1 млн в год [Демографический ежегодник, 1995]. Так, несмотря на то, что в советское время правительство пыталось сдерживать рост Москвы, она постоянно превышала расчетное население. Вводились постановления о запрете создания промышленных предприятий в Москве и

области, ограничения в создании новых научных и учебных учреждений. Не помогало. Часть мигрантов оседала у ее границ, способствуя росту пригородов.

Современное отходничество

В начале 1990-х гг. в связи с повсеместным обвалом экономики, дефицитом денег и товаров появился еще один тип трудовой мобильности – челноничество, которое восполнило поставки из-за границы или из других городов сравнительно дешевых товаров на многочисленные рынки больших и малых городов. Челноками были люди самых разных профессий, включая интеллигенцию. Несмотря на массовость, этот вид коммерческой деятельности постепенно сошел на нет по мере развития других форм постсоветской рыночной торговли, сохранившись лишь в определенных группах людей, специализирующихся на торговле, и в определенных, чаще пограничных, районах.

К середине 1990-х гг. все чаще стали закрываться сельскохозяйственные предприятия и заводы в малых и средних городах. Высвободилось огромное количество рабочих рук. В то же время экономика крупных центров восстанавливалась быстрее. Туда и отправились массы людей, предлагая себя в качестве охранников, строителей, плотников, продавцов, прислуги, водителей, медицинских работников, учителей. Таким образом, *главное отличие современного отходничества состоит в том, что оно затрагивает не только сельское население, как в начале XX в., но охватывает широкий пласт населения малых, средних и даже некоторых больших городов.*

Современные трудовые миграции российских граждан можно условно разделить на две основные группы: маятниковые ежедневные (сменные, сутки работать, трое суток дома) миграции, характерные преимущественно для агломерационных зон крупных городов, и временный отход с более длительным ритмом. Термин «отходничество» приживался постепенно. Некоторые исследователи продолжали называть современное отходничество вахтовым методом [Зайончковская, Мкртчян, 2007]. Наиболее подробно отходничество как особый вид трудовых миграций и особая модель экономического поведения в наше время разобрано в книге «Отходники» [2013] Ю.М. Плюсиным с соавторами, по оценкам которых, современный тип отходничества сложился в середине 1990-х гг.

Современный отход на заработки весьма разнообразен и профессионально, и по длительности. Длительный отход на несколько месяцев

является наследником советских нефтяных вахт, которые практикуются и поныне в отдаленных сырьевых районах. Наиболее часто встречающиеся ритмы отходничества – неделя или две на работе, столько же дома, 20 на 20 дней, один или два месяца на работе и дома и т.д. Однако существуют и переходные формы, например, сменная работа на несколько суток, отход на рабочие дни недели с выходными дома и т.п. Обычно такой «полуотход» характерен для окраин агломераций и для областей, примыкающих к Московской. Кроме того, такие формы ближнего отхода практикуются и в глубинке с плохим состоянием дорог и отсутствием регулярного транспорта.

Власти, как правило, игнорируют подобные возвратные трудовые миграции российского населения. Изучение современных отходников крайне затруднено ввиду отсутствия их официального учета статистическими службами (см. подробнее главу 2.4). В последние годы Федеральная служба государственной статистики (ФСГС) стала давать оценки потоков трудовых мигрантов между регионами России, включая ежедневные маятниковые поездки. Ежеквартально в рамках ежегодных обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ) опрашивается 69 тыс. чел., что составляет 0,25% населения в год [Труд и занятость, 2013; Обследование населения, 2013]. В 2012–2013 гг. число отходников ФСГС оценивала в 1,6 млн чел., а общее число трудовых внутрироссийских мигрантов – в 2,3 млн чел. Тем не менее еще в 2010 г. перепись населения выявила 2,6 млн отходников.

По мнению многих экспертов, обе оценки очень занижены. Попытки распространить более детальные социологические исследования отдельных регионов на всю страну, давали иные оценки: от 3 млн [Зайончковская, Мкртчян, 2007], 4,5–6 млн человек [Рязанцев, 2004] до 15–20 млн [Плюснин и др., 2013, 2015]. В последнем случае это почти все трудоспособное население сельской местности и малых городов. Такой разницей оценок свидетельствует о слабой изученности феномена. Истина, как всегда, посередине. Доля трудоспособного населения, работающего именно на отходе, с отлучками из дома более чем на один день, но с постоянным возвращением, в обследованных нами сельских районах Нечерноземья колебалась от 5 до 30% населения в трудоспособном возрасте и зависела от их близости к крупному центру, транспортного положения, демографического состава населения, набора предприятий и их состояния, в общем, от экономико-географических факторов.

У ряда аналитиков завышение числа отходников связано с отнесением к ним тех лиц, особенно молодых, что зарегистрированы на месте,

хотя давно уехали в крупный центр, постоянно там живут, работают или учатся и не возвращаются. Рано или поздно они купят там квартиру, получают регистрацию. Поэтому их трудно отнести к мобильному населению. В отходники часто включают и тех, кто числится на месте незанятым, хотя неизвестно, работает человек на отходе или практикует теневую занятость, а то и просто остается безработным, не регистрируясь в соответствующих службах. В общем, определение числа современных отходников и тем более реальная география и типология отходничества требуют сочетания анализа разнообразной официальной статистической информации с детальным обследованием отдельных городов и сельских поселений. При этом выбор мест для подробного обследования также должен опираться на статистические параметры, чтобы не допустить «перекосов» полученной информации.

Современное отходничество Ю.М. Плюсниным с соавторами характеризуется следующими признаками [2013, с. 19–23, 2015], сближающими его с дореволюционным отходничеством: обязательный возвратный характер; временный, сезонный отъезд, связанный не с сезонностью работ на отходе, а с сезонностью содержания своего подсобного хозяйства не только в деревне, но и в малых городах (хотя есть и внесезонный отход); преобладание наемного труда, хотя есть и производители продукции (срубы) или услуг (извоз); стремление повысить благосостояние семьи.

Главным признаком отходничества Ю.М. Плюснин считает его инициативный и самостоятельный характер. Действительно, чаще всего отходники используют «сарафанное радио», объявления в газетах или присоединяются к работающим знакомым или родственникам. Тем не менее подробное обследование механизмов поиска работы населением и работников организациями в разных регионах Ж.А. Зайончковской и Н.В. Мкртчяном [2007] выявило и другие пути их взаимодействия, в частности, использование частных посредников, получающих мзду за свои услуги. В 1990-х гг. практиковалось и использование по договору «заемного труда», когда руководители в основном крупных предприятий, получившие заказ, брали работников у знакомых руководителей предприятий, временно находящихся в кризисе. И все эксперты подчеркивают недееспособность служб занятости в решении проблем занятости населения в малых городах и сельской местности.

Несмотря на то, что российские трудовые мигранты нацелены на заработок и часто готовы работать больше, чем местные жители, многие работодатели отмечают ненадежность отходников, связанную с их мобильным образом жизни [Зайончковская, Мкртчян, 2007]. Им не склон-

ны доверять работы, связанные с материальной ответственностью и сверхурочностью, так как они часто работают нелегально и могут уехать в любой момент. Живя в отрыве от семьи, некоторые из них склонны к асоциальному поведению.

Отходник начала XXI в. – это человек в возрасте 25–55 лет [Плюснин, 2013; Флоринская и др., 2015]. И этим он отличается от отходника начала XX в., который был заметно моложе. Однако подробное рассмотрение доли отходничества среди разных возрастных групп показало, что она наибольшая в группе 20–25-летних [Чудиновских и др., 2013]. Другое дело, что эта группа очень невелика в местах отхода, поэтому в общей массе отходников преобладают люди средних возрастов. Современная молодежь предпочитает уезжать в города безвозвратно.

В регионах вокруг крупных агломераций и южнее Москвы в отходничество вовлечены и женщины, работающие чаще всего в сфере услуг или на рутинных производствах. Но их немного, 83% всех отходников – это мужчины, в отличие от маятниковых мигрантов, среди которых мужчин только 61% [Флоринская и др., 2015]. Женщины в отход идут либо с мужьями, либо после развода.

Большинство опрошенных Ю.М. Плюсниним и его соавторами отходников имеет профессиональное образование – начальное или среднее. При этом отходничество нередко предполагает снижение профессионального уровня. Многие из них признаются профессионалами, но не по полученному образованию, а по факту обладания соответствующими навыками. Как замечают авторы, современное отходничество мало или никак не связано с системой профессиональной подготовки. Получив образование за общественный счет, они работают не по специальности, а отправляются на отхожие промыслы [Плюснин и др., 2015].

Специализация отходников связана, с одной стороны, с имеющимися ресурсами и традиционными навыками места проживания, а с другой стороны, с имеющимся спросом. Поэтому, например, жители малых городов и сел вдоль федеральных трасс часто занимаются извозом, работая дальнобойщиками. В некоторых селах вдоль трассы М10 между Москвой и Петербургом устраиваются дополнительные отстойники для фур и грузовиков работников, живущих поблизости [Путешествие ..., 2015, кн. 2, с. 132]. Расширение дач вокруг Москвы и Петербурга стимулировало как легальный, так и нелегальный бизнес по строительству деревянных домов в окружающих регионах, причем не только отходниками из северных областей, где, как пишет Ю.М. Плюснин с соавторами [2015], такие

навыки развивались веками. Они, действительно, предлагают дачникам бревенчатые срубы. Но строительство деревянных домов характерно и для отходников из малолесных районов юга Тверской и Нижегородской (например, г. Ардатова) областей, где в составе самостоятельных или интегрированных в те или иные фирмы строительных бригад отходники возводят щитовые или брусовые дома в Подмоскowie. Помимо строительства и транспорта наиболее популярны профессии охранников. То же касается и работы на предприятиях в крупных городах и их пригородах с более удлиненным ритмом. Бюджетная сфера также привлекает множество отходников (учителя, врачи, медсестры, полиция и т.п.). Во многих случаях отходники живут непосредственно на месте работы, что экономит средства на жилье. Отдельные примеры отходничества будут подробнее рассмотрены в главах книги.

Все это отчасти напоминает дореволюционное отходничество. Но есть два главных отличия. Первое состоит в том, что современный отход наиболее активного населения идет не только и не столько из мест с избытком трудовых ресурсов, но и из мест с их дефицитом. Причины такого отходничества подробно будут рассмотрены в следующей главе. Исследование территории между Москвой и Петербургом показало, что в населенных пунктах вдоль железной дороги, облегчающей проезд в крупные города, значительная часть вакансий в бюджетной сфере остается незанятой, поскольку большинство бюджетников работает в столицах.

Второе отличие проявляется в отсутствии интереса к земледельческому отходу, этим видом работ в основном занимаются иностранные рабочие из бывших советских республик, составляющие конкуренцию российским отходникам.

Отходники и гастарбайтеры

Когда говорят о трудовых мигрантах, чаще всего имеют в виду выходцев из бывших союзных республик, т.е. иностранных рабочих. Они действительно бросаются в глаза, особенно рабочие из Средней Азии, тогда как отличить российского отходника от мигранта из Белоруссии и Украины почти невозможно.

Феномен жизни на два дома с постоянной циркуляцией между ними воспроизводится и международными мигрантами. Только он преобразуется в феномен трансграничного существования, когда грань между страной происхождения и страной назначения размывается [Мукомель, 2012].

В отличие от безразличия к российским отходникам, федеральные власти предпринимают попытки учета и законодательной легализации иностранных трудовых мигрантов. С 2010 г. введена выдача патентов тем, кто работает в домохозяйствах. С 2014 г. введено правило об обязательном присвоении иностранным рабочим индивидуального налогового номера (ИНН), которое, тем не менее, успешно обходится многочисленными фирмами-посредниками. С 2015 г. иностранные рабочие обязаны сдавать экзамены по русскому языку, истории, законодательству. Несмотря на ужесточение правил трудовой миграции, число гастарбайтеров до 2015 г. постоянно росло. В 2011 г. легально работали 2,1 млн чел., в 2014 – 3,9 млн чел. [Воробьева, 2015]. Однако нелегалов гораздо больше. В 2014 г., по данным ФМС, в Россию въехало 17,3 млн чел., поставлено на учет 8,4 млн, получили патенты 2,4 млн [Воробьева, 2015]. По официальным данным, численность гастарбайтеров немного превышает число российских отходников. Однако и в этой сфере статистика не в полной мере фиксирует количество международных трудовых мигрантов. По оценкам экспертов, с учетом нелегалов их численность достигала в 2000-х гг. 6–7 млн чел. [Зайончковская, 2012; Денисенко и др., 2009], то есть в 3–6 раз больше. Разброс оценок составлял в 2010 г. от 4 до 15 млн чел. [Мукомель, 2012], при этом четверть, по оценкам Ж.А. Зайончковской, оседает в России навсегда. То есть хотя ситуация законодательно и кажется более строгой, на деле во многом похожа на фиксацию оценки количества отходников.

Если сравнить специализацию отходников и иностранных рабочих (гастарбайтеров) из стран ближнего зарубежья у предпринимателей и в домохозяйствах, то видно, что отходники и гастарбайтеры явно конкурируют друг с другом (рис. б), хотя различия есть. Работая в организациях и у предпринимателей, гастарбайтеры больше заняты в строительстве и в сельском хозяйстве, в то время как отходники – на транспорте и в бюджетной сфере. Что касается домохозяйств, то гастарбайтеры являются главными конкурентами отходников в строительстве. Доля строителей, работающих в домохозяйствах, одинакова и у гастарбайтеров, и у отходников, но только гастарбайтеров больше. Помощь семьям в сельском хозяйстве также ложится на гастарбайтеров, а услуги и транспорт домохозяйств – на отходников. При этом отходники, работающие в домохозяйствах, в меньшей степени сконцентрированы в столичном регионе, чем гастарбайтеры и отходники, занятые в бизнесе. Очевидно, что домохозяйства стараются нанимать рабочих из своих регионов.

Рис. 6. Структура занятости российских (отходников) и иностранных (гастарбайтеров) трудовых мигрантов у предпринимателей и в домохозяйствах населения По данным обследования в III кв. 2014 г. ФСГС (www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html).

Таблица 1. Отходники и гастарбайтеры: общая численность и доля работающих в Москве

		Общая численность, тыс. чел.	Работает в Москве и Московской области, %
Отходники	у предпринимателей	432,5	49
	в домохозяйствах	323	31
Гастарбайтеры	у предпринимателей	938	46
	в домохозяйствах	1340	41

По данным обследования в III кв. 2014 г. ФСГС www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html)

Общее число отходников, работающих у предпринимателей, в 2 раза меньше, а в домохозяйствах – в 4 раза меньше, чем иностранных рабочих. Отчасти это связано с тем, что расценки у российских рабочих, как

правило, выше, чем у иностранных мигрантов. Кроме того, многие мигранты оформляли патент для работы в домохозяйствах, будучи занятыми у юридических лиц [Воробьева, 2015]. И только с 2015 г. предпринимателям также разрешили привлекать мигрантов по патентам.

Как и отходники, иностранные рабочие чаще живут в местах работы в тяжелых условиях, в т.ч. в подвалах, регистрируясь в «резиновых» квартирах, или частных домах, или в арендованных квартирах. Согласно опросам последних лет, примерно 30% гастарбайтеров работали «бок о бок с россиянами» [Миграция и демографический кризис, 2010; Чудиновских и др., 2013], прежде всего с внутренними трудовыми мигрантами.

В целом, несмотря на то, что иностранных рабочих из-за большого числа нелегалов, чаще нанимают по заниженным расценкам, используя противозаконные методы оплаты труда, российские трудовые мигранты составляют им определенную конкуренцию. Они не связаны квотами, легче поддаются обучению, если им повезет с хорошей работой, и в значительной мере нацелены на переезд в города и переход на постоянную работу, что в долгосрочной перспективе выгоднее работодателям.

Тем не менее отходники, замещая российских мигрантов, переезжающих на постоянное место жительства, демонстрируют специфику и противоречия рынка труда в России. Временная трудовая миграция становится своеобразным капканом, отрицающим возможность устойчивой социально-экономической жизненной стратегии [Моисеенко, 2004б].

Глава 2.2

Современные социально-экономические предпосылки трудовой мобильности населения России

Отходники – бездомные, у которых есть дом,
трудоголики без постоянной и качественной работы,
домочадцы с «дистанционными семьями».
Это не их выбор – это условия, созданные государством.

А. Бессарабова, Е. Саркисова, Н. Михайлова

Куда отходит провинция //
Мир новостей, 21 мая 2016 г.

Отходничество, дающее российскому населению возможность зарабатывать вне места проживания и обеспечивающее работодателей трудовыми ресурсами, оказалось в постсоветских условиях часто единственным выходом и для тех, и для других. Рассмотрим, почему так произошло. Любое добровольное пространственное перемещение населения связано с действием двух групп факторов: выталкивающих и притягивающих. Среди основных причин, выталкивающих людей на работу из одних мест и притягивающих в другие, можно выделить следующие:

- усиление дефицита рабочих мест, отвечающих запросам жителей, в малых, средних городах и в сельской местности и увеличение потребности в занятых в крупных центрах и агломерациях;
- переход от «трудодефицитной» модели занятости при низкой производительности труда к «трудоэкономной», выявившей излишки трудовых ресурсов во многих районах;
- усиление градиента уровня зарплат и, шире, возможностей доходов населения в малых городах и сельской местности, с одной стороны, и в крупных центрах и агломерациях, с другой;

- недостаточное развитие малого бизнеса как альтернативной занятости населения в местах с кризисом крупных предприятий и низкими зарплатами на них.

Все эти процессы во многом связаны со спецификой организации пространства России, его очень сильной социально-экономической поляризацией.

1. Усиление экономического кризиса в небольших городах и увеличение потребности в занятых в крупных центрах и агломерациях

Восстановление общей «массы» экономики (ВВП) в 2000-х гг. не означало возврата к ее прежней структуре. Доля промышленности еще в 1990-х гг. всюду быстро падала, но к концу 1990-х гг. в стране оставалось еще немало промышленных регионов и городов. В середине 2000-х гг. в 20% городов занятость в промышленности составляла более 40%. Еще столько же городов имели 30–40% работников в промышленности. В общей сложности промышленные и полупромышленные города все еще составляли почти половину всех городов России [Нефедова, Трейвиш, 2010]. Кризис многих предприятий обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения, и предприятий, перерабатывающих местное сырье, заметно влиял на общее экономическое состояние городов, особенно небольших, где такие предприятия часто были основными работодателями. Доля убыточных предприятий в городах резко выросла в 1990-х гг. и начала постепенно уменьшаться после дефолта. Но и к 2013 г. каждое третье крупное и среднее предприятие в городах было убыточным (рис. 1).

При этом все более явно проступала закономерность: чем меньше город, тем выше вероятность его экономической и социально-демографической депрессии.

На состояние городов, «притягивание» или «выталкивание» ими населения для жизни и работы влияет множество факторов. Привлекательность городов для населения связана не только с их экономическим состоянием, в т.ч. возможностью заработать и потратить деньги, а также с перспективами профессионального роста, социальным обслуживанием и проведением досуга, бытовыми и прочими условиями жизни и т.п. Все эти показатели сильно зависят от местоположения, размера и статуса города [Зубаревич, 2010; Нефедова, Трейвиш, 2010; Мкртчян, 2011].

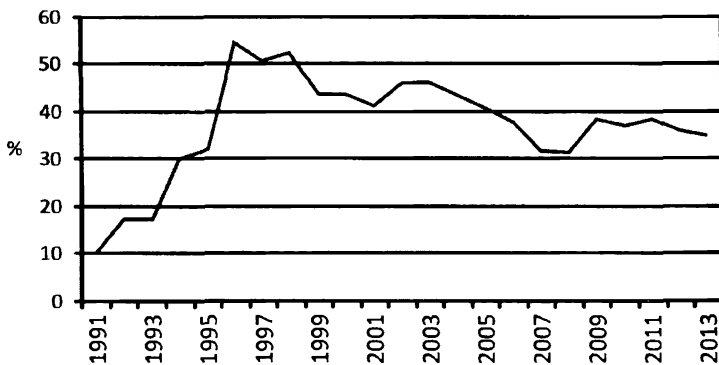

Рис. 1. Изменение доли убыточных предприятий в городах с 1991 по 2013 г., %
 Источник: база данных «Мультистат» Госкомстата РФ

Регулярный мониторинг городов позволил следить за динамикой их состояния и анализировать соотношение их параметров в разные периоды⁶. Например, коэффициент парной корреляции миграционного прироста (убыли) населения городов на 1000 жителей с показателем розничного торгового оборота и общественного питания на душу населения постепенно увеличивался и к 2010 г. достиг значения 0,6. Очевидно, что наиболее привлекательными в последние годы стали крупные центры с развитой сферой услуг и активным оборотом индивидуальных денежных средств. Даже по сильно заниженной официальной доле незанятого населения в городах и «бойкости» торговли видно, что обеспеченность горожан финансами и услугами падала с уменьшением размера города, а наличие свободного времени нарастало (рис. 2 и 3). При этом текущие кризисные изменения меняли показатели, но их соотношение в городах

⁶ Из банков данных «Паспорта городов» и «Мультистат» использовались следующие показатели: 1) инвестиции на душу населения; 2) доля убыточных предприятий и организаций; 3) доля незанятых в экономике в общей численности экономически активного населения; 4) средняя зарплата работников, отнесенная к прожиточному минимуму (за неимением данных о доходах населения в городах); 5) розничный товароборот, общественное питание и платные услуги на душу населения; 6) ввод жилья на душу населения; 7) обеспеченность жилого фонда канализацией. Ряды по каждому показателю ранжировались сначала отдельно, затем рассчитывались средние значения по всем показателям для данного города и переводились в удобную для восприятия пятибалльную систему (подробно методика рассмотрена в [Нефедова, Трейвиш, 2010]).

разного размера оставалось стабильным. Инвестиции в малые города приходят редко, экономика их дотационная, градообразующие предприятия закрываются или сильно сокращают производство, перспектив для населения мало.

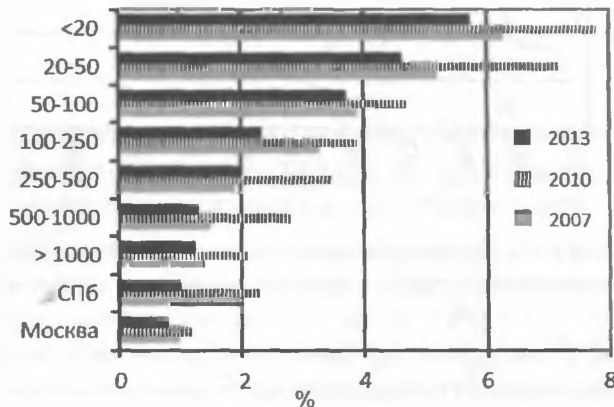

Рис. 2. Доля незанятого в экономически активном населении (имеющем или ищущем работу), в %, в городах с разной численностью населения, 2007, 2010, 2013 гг.

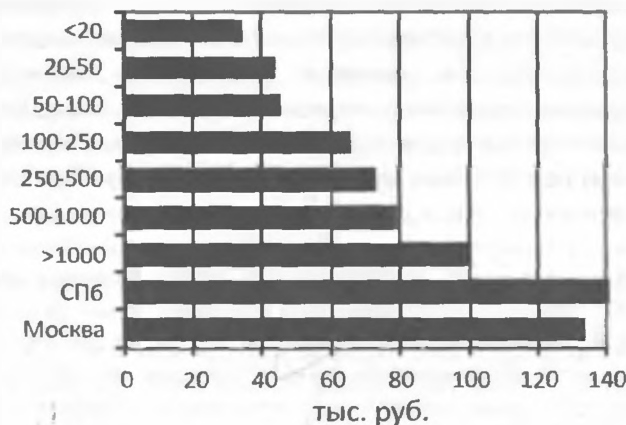

Рис. 3. Оборот розничной торговли и общественного питания на душу населения в городах с разной численностью населения, 2013 г., тыс. руб.

Источники: Паспорта городов, База данных «Мультистат», 2008, 2011, 2014

Таблица 1. Количество городов России с разными оценками относительного благополучия в 2013 г. от 5 (самые благополучные) до 1 (неблагополучные)

Города с населением, тыс. чел.	5	4	3	2	1	Всего городов
>1000	5	9	0	0	0	14
500–1000	2	17	2	0	0	21
250–500	2	28	10	0	0	40
100–250	12	30	40	8	4	94
50–100	8	35	50	39	12	144
20–50	7	43	91	120	80	341
<20	1	14	78	120	184	397
Всего городов	42	180	274	289	281	1051

Источник: База данных «Мультистат», 2013 г.

Из 1051 города, по которым проводилась оценка в 2013 г., 570 характеризовались неблагоприятием многих параметров, из них 504 – это малые города. К депрессивным городам, имеющим оценки 1 и 2 балла (с высокой долей убыточных предприятий, незанятого трудоспособного населения, низкими зарплатами и т.п.), можно отнести 2/3 малых городов и 1/3 средних, хотя суммарно в них проживает лишь 13 млн чел. Часть их трудоспособного населения может формировать основной потенциал отходничества. Начиная с 1990-х гг. в них наблюдается не только закрытие промышленных предприятий и сокращение рабочих мест, но и деградация социальной и транспортной инфраструктуры. Исключение составляют небольшие «нефтегазовые» города, а также города с иностранными инвестициями и энергетическими предприятиями.

На другом полюсе – крупнейшие центры, особенно Москва, и их агломерационные зоны, для которых характерны лучшие возможности трудоустройства, более высокие доходы, дополнительные возможности неформальных заработков, креативная среда и т.п.

Кроме размера города и его специализации, важным фактором относительного благополучия служит его положение по отношению к крупнейшим центрам. Среди депрессивных городов большая часть – это удаленные от региональных центров малые города. Влияние местоположения города, даже независимо от его размера, иллюстрирует табл. 2. Московская область, где расположена большая часть более благополучных больших (свыше 100 тыс. жителей) и средних (50–100 тыс.)

городов, не только сама привлекала инвестиции и создавала рабочие места, но и служила «базой» для мигрантов, желающих работать в Москве.

Столь сильная поляризация городов только подстегивает стремление населения как к переезду на постоянное место жительства, так и к поездкам на работу в крупные центры и их агломерации и пролонгирует в современных российских условиях крупногородскую стадию урбанизации.

Таблица 2. Миграционный баланс
на постоянное место жительства Москвы и окрестных областей
на 10000 человек населения, чел.

	1979– 88	1989– 94	1995	2000	2005	2010	2013
Москва	80	5	258	236	53	75	90
Московская область	50	36	86	76	83	108	139
Соседние области	13	48	60	-1	13	1	7
РФ	13	19	44	25	11	13	21

Источники данных: [Регионы России] за 1990-е и 2000-е годы, [Демографический ежегодник, 1995, 2014]

Приватизация квартир, появившийся рынок купли-продажи жилья с переходом к рыночным ценам вызвали снижение миграций в города на постоянное место жительства. Доля людей, никогда не переезжавших, т. е. местных уроженцев, к 2002 г. выросла – до 56% против 49% в 1989 г. [Мкртчян, 2009]. И хотя люди, безвыездно проживающие в местах своего рождения, заметно преобладают в населении страны, это не значит, что они не мобильны. Часть населения в пригородах – маятниковые трудовые мигранты, часть регулярно ездит работать «на отходе». Тем не менее невозможность купить квартиру в большом городе, продав дом в деревне или малом городе, и неразвитость рынка аренды относительно дешевого жилья создает для тех, кто желал бы переехать к месту работы, своеобразное «жилищное крепостничество» [Махрова, Кириллов, 2015], отчасти напоминающее положение крестьян в XIX – начале XX в. Люди вынуждены постоянно перемещаться между домом с хозяйством и работой, удаленной порой на сотни километров.

2. Кризис, закрытие многих сельскохозяйственных предприятий и деградация социально-экономической среды в периферийных районах сельской местности

Поляризация сельской местности и аграрной экономики привела к расслоению районов на относительно успешные южные и пригородные, с крупными агрохолдингами, фермерскими хозяйствами, и депрессивные, с заброшенными полями и фермами.

В Нечерноземье, особенно на периферии регионов, упадок сельского хозяйства во многом был связан с его неэффективностью в сложных природных условиях, оттоком и постарением населения еще в советское время [Лухманов, 2001, Нефедова, 2013а]. Главным фактором его сокращения были именно миграции, достигшие в позднесоветский период максимальной интенсивности в европейской части России (рис. 4). Удержать молодежь в сельской местности удавалось (и до сих пор удается) только южным республикам, краям и областям и пригородам крупных центров [Нефедова, 2013а; Мкртчян, 2013; Мкртчян, Кашницкий, 2014]. В Нечерноземье за несколько послевоенных десятилетий численность сельского населения сократилась вдвое, а в периферийных нечерноземных районах – на 80%. В условиях малой плотности населения отъезд молодых и наиболее активных жителей неизбежно приводил к деградации социальной среды, а это, в свою очередь, выталкивало молодое и среднеговозрастное население в города. Его бегство усиливала инфраструктурная и социальная запущенность деревень.

В начале 1990-х гг. в сельскую местность стали перебираться русские – репатрианты из бывших союзных республик, однако после этой непродолжительной подпитки отъезд в города возобновился (рис. 5). Дело усугубила естественная убыль сельского населения, в том числе в результате его постарения, особенно сильная на периферии нечерноземных регионов. В Нечерноземье разница в плотности сельского населения между пригородами и периферией регионов задолго до 1990 г. достигла 8–10 раз.

Новые институциональные условия, уменьшение дотаций сельскому хозяйству, появление конкуренции – все это вызвало разную реакцию предприятий на кризис и реформы 1990-х гг. и углубление очагов депрессии сельской местности. Подъем сельского хозяйства в 2000-х гг. почти восполнил потери 1990-х гг. (рис. 6). Однако, несмотря на увеличение валового производства, посевная площадь сокращалась вплоть до 2007 г. и продолжает сокращаться в районах со сложными природными условиями,

испытывавших сильную депопуляцию. поголовье крупного рогатого скота, несмотря на попытки его восстановления в отдельных крупных агрохолдингах, в целом по стране уменьшается. Это говорит об избирательности восстановления сельского хозяйства в 2000–2010-е гг. Относительно успешны лишь отдельные предприятия, которые и дают валовой прирост.

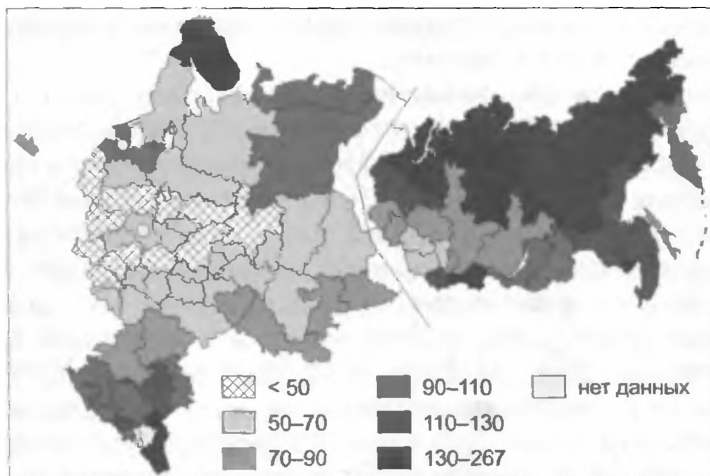

Рис. 4. Динамика сельского населения в регионах России, 1989 в % к 1959 г.
По данным [Демографический ежегодник, 1995]

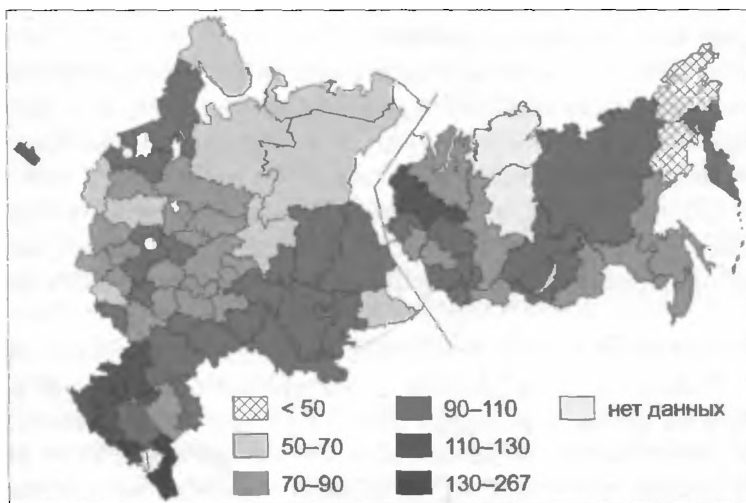

Рис. 5. Динамика сельского населения 2014 г. в % к 1989 г.
По данным [Демографический ежегодник, 1995; Численность населения, 2014]

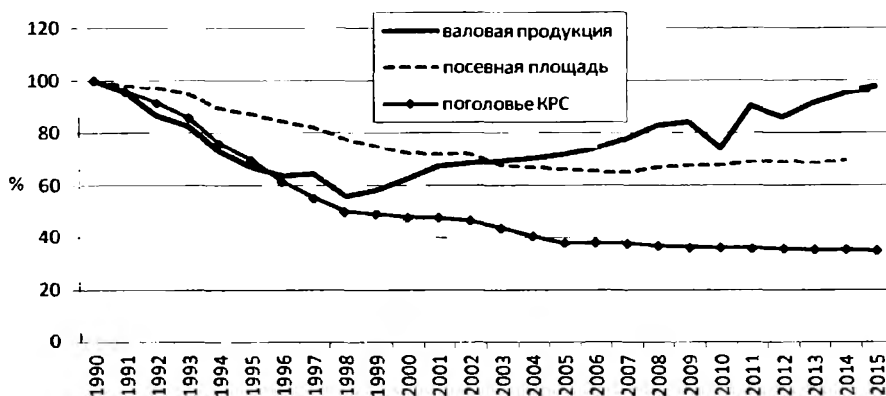

Рис. 6. Динамика производства сельскохозяйственной продукции, посевной площади и поголовья крупного рогатого скота в РФ в % к 1990 г.

Чтобы понять, что происходило в российском сельском хозяйстве в последние десятилетия, полезно посмотреть, куда смещалось производство и как менялись регионы-лидеры (рис. 7). Общий «сдвиг» сельского хозяйства в южные регионы России стал отражением нормального для рыночных условий территориального разделения труда – производство стремится в регионы, обеспеченные природными и трудовыми ресурсами; туда же стягиваются и капиталы.

Рис. 7. Регионы, увеличившие и уменьшившие долю в производстве сельскохозяйственной продукции за 1990–2013 гг.

3. Кризис одних предприятий сопровождался модернизацией других, результатом стал переход от «трудодефицитной» модели экономики с большим количеством занятых к «трудоизбыточной»

Общий тренд модернизации экономики в новых конкурентных условиях был неизбежен. Известно, что в советское время во многих отраслях наблюдалась повышенная занятость, но при очень низкой производительности труда предприятия испытывали дефицит работников.

В результате кризиса и модернизации крупных и средних предприятий при запаздывающем развитии сферы услуг численность занятых в экономике городов при росте их населения уменьшалась, хотя и плавно (рис. 8). Руководители предпочитали не увольнять работников, а переводить их на неполный рабочий день или неделю, отправлять в неоплаченные отпуска и т.п. Особенно это касалось промышленности, где в 2000 г., по официальным данным, 6,4% всех работников работали неполное время (в некоторых отраслях 10–14%) и 12,3% были отправлены в неоплачиваемые отпуска, в т.ч. в машиностроении – 14,5%, в легкой промышленности – 28% [Труд и занятость, 2001]. В результате при сравнительно невысокой официальной безработице и сильном сокращении реальных выплат люди вынуждены были искать дополнительные заработки.

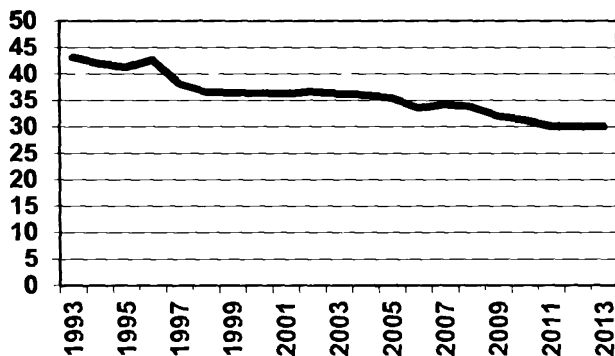

Рис. 8. Изменение численности занятых в городах с 1991 по 2013 г., млн. чел.
Источники: Паспорта городов, База данных «Мультистат», 2014

Уменьшение официальной занятости в обрабатывающих отраслях промышленности отчасти компенсировало изменение структуры заня-

тости, особенно в больших городах, повышение доли занятых в третичном секторе, а также в государственном управлении⁷ (рис. 9).

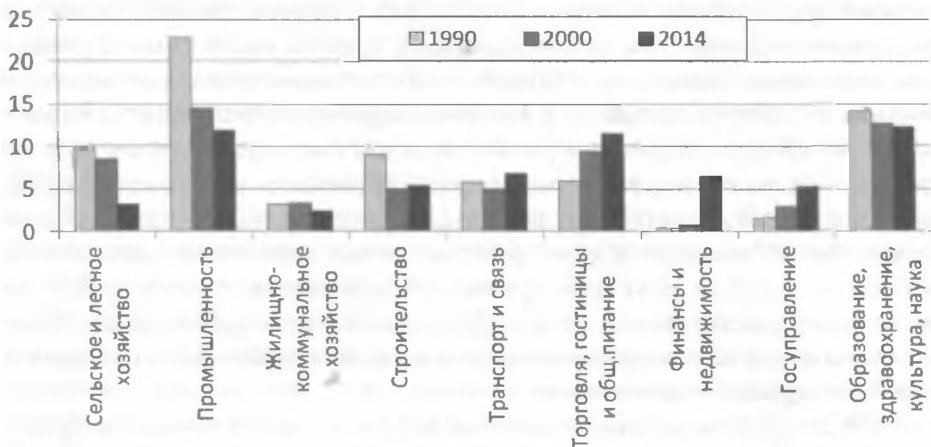

Рис. 9. Изменение численности занятых по отраслям экономики, млн чел. По данным [Труд и занятость, 2001, 2015]

Дискуссия о трудообеспеченности сельского хозяйства развернулась еще в 1980-х гг., когда дефицит трудовых ресурсов в селах был на слуху, и уборка полей не обходилась без помощи горожан. Одни сводили проблему к чисто демографическим факторам, т.е. уменьшению сельского трудоспособного населения из-за миграционного оттока и снижения рождаемости, другие связывали усиление дефицита работников с несовершенством организации отрасли. В 1980-х гг. потери рабочего времени от нерациональной организации производства достигали почти половины всех трудозатрат [Костиков, 1983].

⁷ В связи с изменением Общероссийского классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) на Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) точное сопоставление по данным общедоступной статистики затруднено. В частности, производство и распределение энергии, газа и воды ныне полностью входит в промышленность, а прежде входило только производство энергии. Все распределение воды, энергии, газа пришлось отнести к группе жилищно-коммунального хозяйства, которая выделялась в старом классификаторе. Тем не менее все вместе это занимает около 2 млн чел. и не сильно меняет общую картину уменьшения занятости в промышленности.

В постсоветское время занятость в сельском и лесном хозяйстве, особенно на крупных и средних предприятиях, уменьшалась гораздо более стремительными темпами, чем в экономике в целом (рис. 10). Помимо кризиса предприятий это было связано как с модернизацией производства, так и со сменой его специализации в процессе адаптации к рыночным условиям. Многие успешные хозяйства приобрели современные комбайны и оборудование. Агрохолдинги при полной механизации производства требуют гораздо меньше занятых. Расширение производства и экспорта зерна и подсолнечника при свертывании наиболее трудоемкого скотоводства, особенно молочного, высвобождало значительное количество работников. К тому же некоторые агрохолдинги привлекали рабочих из городов даже при наличии специалистов на местах. Все это выявило перенаселенность сельской местности и в значительной степени стимулировало отходничество даже из экономически благополучных сельскохозяйственных регионов.

В 2013 г. из 37 млн сельских жителей, 21 млн составляли люди трудоспособного возраста и только 4,9 млн, по официальным данным, было занято в традиционных для сельской местности отраслях: сельском, лесном хозяйстве, рыболовстве и охоте [Экономическая активность населения, 2014]. По найму на агропредприятиях числилось еще меньше – всего 2,3 млн чел., остальные, официально занятые – либо предприниматели, либо владельцы товарных личных хозяйств.

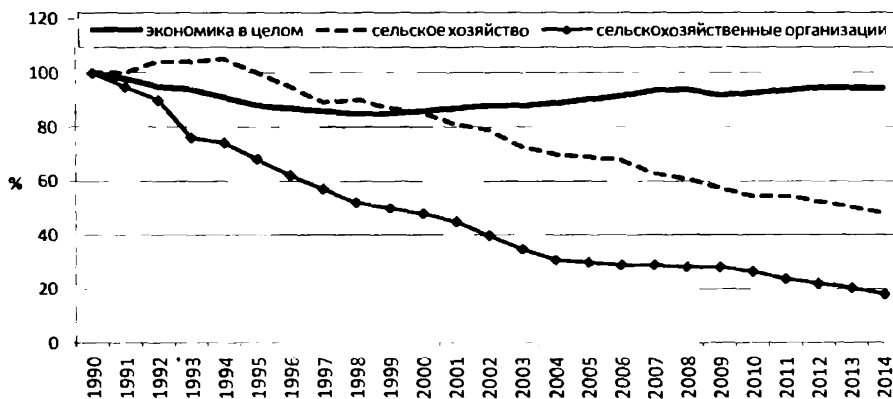

Рис. 10. Изменение занятости в экономике, в сельском хозяйстве в целом и в сельскохозяйственных организациях, в % к 1990 г.

По данным [Труд и занятость», 1995, 2001, 2007, 2010, 2013; Экономическая активность населения, 2002, 2009, 2011, 2014]

Таким образом, после советского дефицита трудовых ресурсов в современных условиях обнаружился излишек трудоспособного сельского населения из-за сокращения занятости в разных регионах, хотя и по различным причинам. Это активизировало урбанизацию и трудовую мобильность населения. В то же время обозначился дефицит квалифицированных кадров, поскольку выпускники средних и высших учебных заведений сельскохозяйственного профиля не возвращались в село. Власти имеют представление, в лучшем случае, о потребности в работниках со стороны крупных и средних предприятий, но диалог с малым бизнесом власти выстроить не могут [Зайончковская, Мкртчян, 2007]. Поэтому реально оценить баланс трудовых ресурсов могут лишь представители власти в отдельных муниципальных районах.

Причиной столь сильной зависимости сельской местности от одного предприятия послужила ее монофункциональность, созданная еще в советское время, когда даже переработку сельскохозяйственной продукции могли позволить себе лишь самые сильные и вхожие в партийные органы руководители. Это характерно даже для южных районов с крупными сельскими поселениями. Такие сельскохозяйственные «моносела» с сильным сокращением официальной занятости составляют не меньшую проблему, чем моногорода, о которых много говорят в последнее время.

Сокращение занятости привело к тому, что в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве в настоящее время занято лишь 22% работающих сельских жителей, в т.ч. 7% в растениеводстве и 13% в животноводстве в сочетании с растениеводством (рис. 11). Большая часть селян работает в бюджетной сфере (26%), торговле (12%), на транспорте (8%), в промышленности (9%), в других сферах⁸. Значительная часть не работает, в т.ч. живя на пенсии своих матерей⁹. Точно определить уровень реальной безработицы в сельской местности не позволяют никакие показатели. Большая часть безработных не регистрируется в службе занятости, а с другой стороны, распространены сезонные работы и неформальная занятость на промышленных предприятиях, в секторе услуг, по найму в домохозяйствах, в т.ч. на отходе.

⁸ См. подробно о занятости в сельской местности в главе 2.9.

⁹ Несмотря на увеличение в России ожидаемой продолжительности жизни при рождении, разница между мужчинами и женщинами все еще велика. В 2000 г. она составляла 13 лет (для мужчин – 59 лет, что соответствовало уровню некоторых центрально-африканских стран, для женщин – 72 года, в 2012 г. – соответственно 65 и 76 лет) [Демографический ежегодник, 2013].

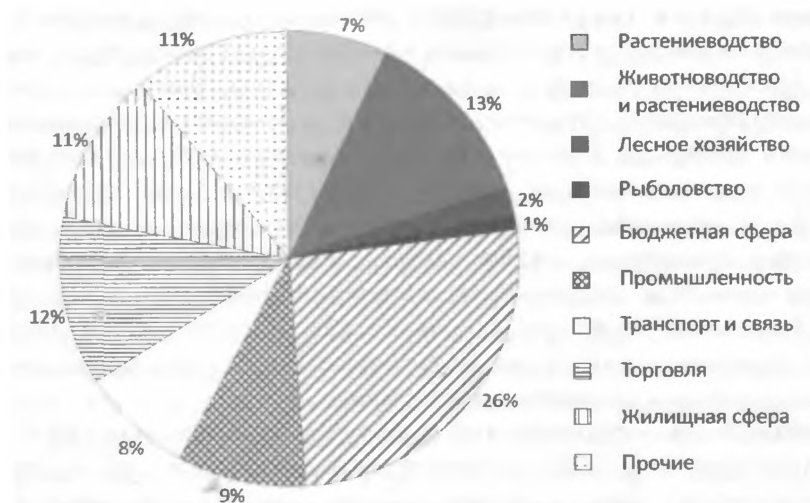

Рис. 11. Структура занятости экономически активного населения в сельской местности в среднем по РФ
 По данным [Труд и занятость, 2013;
 Экономическая активность населения, 2014]

Ситуация с занятостью усугубилась в последние годы в связи с кампанией объединения поселений и сокращения бюджетных рабочих мест: сокращение сельских администраций, закрытие школ, больниц и фельдшерско-акушерских пунктов, клубов и магазинов. Это повлекло за собой и уменьшение рабочих мест в жилищной сфере, торговле и т.д.

4. Различия в уровне зарплат в крупных городах, их пригородах и в глубинке

В постсоветские годы отраслевые и региональные различия в оплате труда усилились (рис. 12). Особенно заметно отстали зарплаты в сельском хозяйстве. В 1980-е гг. они были на среднероссийском уровне, в начале 1990-х не дотягивали и до 15% этого уровня, а сейчас составляют около 50% средних по России зарплат. К тому же кризис многих предприятий привел к усилению сезонности сельскохозяйственных работ: большую часть года работники, хотя и числятся официально, получают мизерную зарплату или не получают ее вовсе.

Советское промышленное наследие в малых и средних городах отчасти сохранилось, но оплата труда в них, как правило, низка, и чем дальше

от крупных центров, тем меньше. Исключение составляют лишь новые предприятия с иностранными инвестициями, но они, как правило, обходятся небольшим количеством работников.

Хотя в позднесоветский период за пределами крупных городов не хватало товаров, заработки населения позволяли им регулярно ездить из малых городов и сельской местности за покупками в крупные центры, особенно в Москву. Это повышало «теневую мобильность» (знаменитые электрички и автобусы с колбасой). Многоцелевые поездки в мегаполисы вносили социокультурное разнообразие в жизнь провинциалов. В 1990-х гг. без денег и при дорогом транспорте люди оказались «запертыми» в своих городках и деревнях. Теперь центры нужны им не для того, чтобы тратить, а чтобы зарабатывать, к чему и прибегает самая активная часть провинциального сообщества.

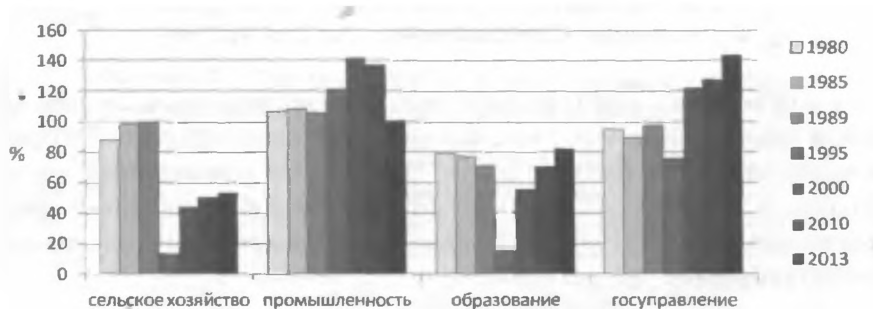

Рис. 12. Уровень зарплаты в разных отраслях в % к среднему по России (100%) с 1980 по 2013 г. По данным [Народное хозяйство, 1990; Труд и занятость, 1995, 2010, 2013]

Подробное обследование территории между Москвой и Санкт-Петербургом выявило 3–4-кратные градиенты средних зарплат (рис. 13) по муниципальным районам и городам в глубинке и в пригородах Москвы и Петербурга (не говоря о самих столицах). Концентрация в центре рабочих мест с более высокой зарплатой превращает Московскую агломерацию в мощный ареал притяжения, даже, если в городах и селах есть вакантные места. Это «выкачивает» остатки трудоспособного населения из окружающих областей. *Парадокс современной ситуации состоит в том, что люди едут работать в центры не только из тех мест, где нет работы на месте, но и из тех, где есть незаполненные рабочие места.*

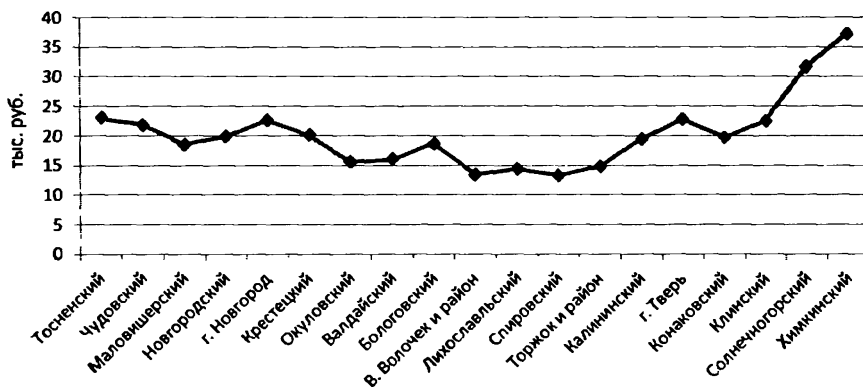

Рис. 13. Среднемесячная зарплата в районах и городах вдоль полимагистрали Санкт-Петербург – Москва в 2011 г., тыс. рублей
 Источник: [Путешествие..., 2015, кн. 1, с. 58]

Хотя отходники получают в крупных центрах больше, чем у себя дома, они, как правило, занимают непрестижные или некомфортные по оплате для жителей столиц рабочие места. Это создает повышенный спрос на отходников и гастарбайтеров у работодателей и пролонгирует процесс вытягивания трудоспособного населения из сельской местности, малых и средних городов.

5. Неготовность населения к малому бизнесу как альтернативе крупным предприятиям в кризисных районах

При сокращении занятости в промышленности и сельском хозяйстве можно было ожидать развития частного бизнеса, но это получило распространение только в городах, и то далеко не во всех сферах. В наибольшей степени индивидуальное предпринимательство развито в торговле и в строительстве (табл. 3). В промышленности люди все-таки ориентированы на крупные и средние организации, а в сельском хозяйстве, при значительном сокращении занятых на предприятиях, фермеры со своими работниками концентрируют лишь четверть всех трудозатрат по времени, причем большая их часть приходится все же на личные подсобные хозяйства.

Во многом недостаточное развитие малого предпринимательства связано с общими институциональными и административными барьера-

ми (налоги, бюрократия, отсутствие инфраструктуры сбыта, невозможность получения кредитов по приемлемым ставкам и т.п.). Что не менее важно, в местах длительной депопуляции в малых городах и сельской местности отъезд из поколения в поколение активной молодежи и работников привел к тому, что подавляющее большинство населения не готово к какой-либо коммерческой деятельности. Людей старшего поколения, как правило, все еще держит привычка к своему хозяйству и тот минимум социальной инфраструктуры при ее сильной недоинвестированности, который существовал еще в советские годы. Однако объединение поселений, делающее при больших российских расстояниях и отсутствии хороших дорог и транспорта недоступными пункты концентрации сельской инфраструктуры, безвозвратно выталкивает остатки молодежи в города или усиливает отходничество, порой с забрасыванием своего хозяйства.

Таблица 3. Доля фактически отработанного времени по типу занятости и сферам экономики в 2014 г., %

	За оплату в организациях	За оплату в сфере предпринимательства без образования юридического лица, в т.ч. у фермеров (включая хозяев и наемных работников)	Для собственных нужд	Всего
Сельское, лесное хозяйство, охота,	16,6	25,9	57,5	100
Обрабатывающая промышленность	82,0	17,5	0,5	100
Строительство	61,4	38,6	0	100
Торговля	47,9	52,1	0	100
Транспорт	72,8	27,2	0	100
Операции с недвижимостью	88,9	11,1	0	100

По данным [Труд и занятость, 2015]

В южных районах, где лучше сохранился человеческий капитал и более молодое население, в т.ч. из-за их миграционной привлекательности, малый бизнес имеет чаще сельскохозяйственную направленность, здесь больше фермеров [Нефедова, 2013]. Личное подсобное хозяйство тоже играет здесь более заметную роль. Однако сфера услуг рабочих мест не

формирует, как это произошло, например, в восточно-европейских странах. Это особенно заметно в крупных селах с населением в несколько тысяч человек. В советские годы значительную часть трудоспособного населения поглощали мощные колхозы. Сейчас их частично заменили агрохолдинги и фермеры, резко уменьшив занятость в агросекторе, да и сохранившиеся сельскохозяйственные предприятия сократили число работников в 2–3 раза. При этом нет ни кафе, ни других элементарных предприятий сферы услуг, а редкие маленькие магазинчики вытесняются федеральными торговыми сетями. Во многом это связано с пониженным платежеспособным спросом населения вдали от больших городов и с развитостью натурального обмена внутри крупных сел.

6. «Ловушка свободного времени»

В ряде мест сама привычка к отходничеству начинает блокировать экономическое развитие района или города. Месячный, недельный ритм труда или сменный режим формирует особый тип личности отходника [Плюснин и др., 2013]. В какой-то мере он наполовину фрилансер и, зарабатывая в городе, может дома вести хозяйство, подрабатывать по найму или у дачников, тем самым отличаясь от своих соседей более высоким уровнем благосостояния [Плюснин и др., 2015]. Но к ежедневному наемному труду ему психологически вернуться трудно. Хотя сами отходники часто говорят, что хотели бы жить по-другому, при появлении рабочих мест в своем городе или селе они часто придумывают массу отговорок, в том числе завышая требования к зарплате в местах проживания.

Молодые отходники стараются найти возможность переезда в большой город, где они работают. Однако приживаются в нем не все. Привычка иметь свободное время при отсутствии квалификации или потеря ее при смене профессии затрудняет их адаптацию в городе и отличает отходника от фрилансера-горожанина, чья работа связана, как правило, с высококвалифицированным трудом. «Ловушка свободного времени» для одних пролонгирует ненадежность положения отходника, для других создает большие сложности адаптации в крупном городе, особенно, если отходник из сельской местности.

* * *

Завершая этот раздел, можно сказать, что отходничество в данных институциональных условиях все-таки спасает миллионы населения от

безденежья и снабжает сравнительно дешевой рабочей силой значительную часть работодателей. В современных кризисных условиях это важно для развития экономики. Недаром министр экономического развития РФ в программной статье призывает к «повышению гибкости трудового законодательства и совершенствованию механизма трудовой миграции» [Улюкаев, 2016]. Хотя последняя, по мнению ряда экспертов, во многом является уродливым явлением, говорящем о нездоровье общества. Это очевидно даже из анализа его предпосылок. Сам факт отходничества, приводящий к потерям на значительной территории самой работоспособной части населения, только усиливает поляризацию пространства страны.

Районы и города массового отходничества становятся все более безнадёжными, и экономика, и численность населения там постепенно сжимается. «Нормальная страна – это страна, где точки роста есть почти везде... Если отходничество в России будет нарастать, то это будет означать ее отход от некоего магистрального цивилизованного пути развития» [Гонтмахер, 2013]. С другой стороны, при сильной поляризации пространства и разреженной сети больших городов отходничество становится, как это ни парадоксально, спасением для многих деревень. Пока большая часть отходников оставляет там свою семью и зарабатывает деньги для нее на стороне, сельская местность жива.

Глава 2.3

Транспорт как предпосылка и индикатор возвратной мобильности населения

Процесс учета возвратных миграций в нашей стране не налажен, вследствие чего государственные статистические источники информации не способны в необходимой мере предоставить какие-либо количественные данные, связанные с этим явлением. Выходом становится поиск косвенных методов, позволяющих оценить количество маятниковых мигрантов и отходников с определением всех векторов их перемещений (то есть территориального распределения и направления связей). Одним из наиболее подходящих способов становятся социологические методы, прежде всего опросы населения, а также выявление потоков исходя из условий работы пассажирского транспорта.

Методические проблемы оценки пассажиропотоков на различных видах транспорта

Маятниковые мигранты, отходники, дачники для поездок в любом случае пользуются одним из видов транспорта, которых в общем виде можно выделить четыре: *железнодорожный, авиационный, автобусный и личный автомобильный*. Такие экзотические виды транспорта, как речной, велосипедный или даже пешеходный, можно не рассматривать, так как их доли в общем пассажиропотоке крайне незначительны¹⁰.

¹⁰ Хотя между некоторыми городами пассажиропотоки на неординарном виде транспорта могут принимать значимые величины, например, на недавно открытую канатную дорогу между Нижним Новгородом и Бором переключилось большое число пассажиров, прежде пользовавшихся автобусами или личными автомобилями для поездок в региональный центр с различными целями.

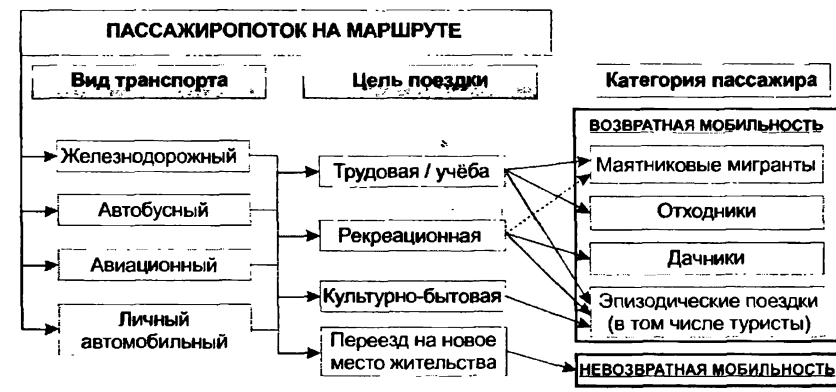

Рис. 1. Структура пассажиропотока для любого маршрута

На рис. 1 в общем виде представлено, каким образом можно определить величину возвратной мобильности на любом маршруте. После определения количества перевезенных пассажиров на каждом виде транспорта выявляются доли разных групп пассажиров со свойственными им целями поездки. Обычно выделяются три возможных цели поездки:

1) *трудовые и учебные* – связанные с регулярным перемещением между местом проживания и местом приложения труда или учебы в соответствии с неким ритмом: ежедневным, посменным, вахтовым и любым иным; а также поездки-командировки, случающиеся время от времени;

2) *рекреационные* – совершаемые с целью отдыха: это могут быть дачники, которые также обычно придерживаются некоего ритма (чаще всего – поездки «выходного дня»), и туристы, не имеющие строгого ритма поездок. Для России характерен процесс специфической субурбанизации, одной из сторон которой является стремление людей жить на два дома, один из которых расположен в сельской местности, но при этом сохраняется работа и часто квартира в городе. Такую категорию пассажиров также можно относить к маятниковым мигрантам, так как у них появляется привычка ежедневно вечером возвращаться к семье в свой загородный дом для отдыха от городской суеты, но на следующее утро вновь отправляться на работу;

3) *культурно-бытовые* – совершаются время от времени по мере необходимости и желания; принято считать, что они не имеют строгого ритма, и время поездки может свободно выбираться человеком и так же свободно переноситься при изменении обстоятельств.

Развитие общественного пассажирского транспорта и рост автомобилизации, повышение скоростей сообщения приводят к разнообразию возможных форм перемещения, поэтому данная типология может быть расширена. В любом случае, возвратная мобильность представлена различными группами пассажиров, и сложившиеся транспортные условия во многом ее определяют.

Данные о пропорциональном соотношении причин совершения поездок можно получить только в ходе социологических исследований, причем получить необходимую выборку – задача нетривиальная, так как необходимо набрать нужное количество респондентов для каждого маршрута. При работе на местности надо избегать смещения выборки, ведь для определенных часов дня будет характерно массовое передвижение отдельных групп пассажиров. Например, при опросе в вечерние часы будних дней (за исключением пятницы) почти все опрошенные будут маятниковыми мигрантами, которые возвращаются с работы или учебы, а в пятницу – часто отходниками; если проводить опрос в утренние дни суббота – рекреантами, а в дневные часы будних дней обычно осуществляются поездки с культурно-бытовыми целями, так как транспорт в это время обычно меньше загружен, а пассажиры этой категории не нацелены на прибытие в пункт назначения к конкретному времени. К тому же проведение такого рода опросов требует очень значительных затрат времени, так как транспортных маршрутов множество.

Выходом из этой ситуации можно считать сплошной опрос жителей, при этом в анкете может предлагаться перечислить все населенные пункты, куда данный человек направлялся в течение определенного времени хотя бы раз, с указанием причины поездки. Но чтобы получить релевантные значения для большинства маршрутов, опрашиваемое число людей должно быть очень большим. Например, если предположить, что пассажиропоток между Москвой и Тарусой может составлять около 300 тыс. чел. в год в обоих направлениях, и что в среднем каждый из пассажиров совершал поездки два раза в год, то всего 75 тыс. москвичей хотя бы раз за год бывали в Тарусе. Тогда при грубой оценке, что в Москве проживает 12 млн чел., можно определить, что придется опросить, как минимум, 160 жителей столицы, чтобы «отыскать» того, кто хотя бы раз посетил Тарусу, и поинтересоваться о целях его поездки. То есть, чтобы получить адекватные результаты о целях поездки сплошным методом, придется опросить десятки тысяч москвичей.

Выявлена еще одна проблема: психологически люди склонны забывать о тех поездках, которые совершаются уже на подсознательном уров-

не, к которым они привыкли. Так, долгожданную поездку на заграничный курорт или захватывающий поход по живописным местам Карелии респонденты вспомнят с большой вероятностью, а ежемесячные поездки в гости к родственникам, проживающим в 30 км от Москвы, – уже нет, тем более это касается маятниковых регулярных перемещений. Поэтому в результате таких опросов очень легко получить завышенную долю поездок с туристическими и культурно-бытовыми целями и заниженную долю поездок маятниковых мигрантов.

Официальная информация о пассажиропотоках на каждом маршруте – либо недоступна (реже), либо не рассчитывается вовсе (чаще). Для каждого из видов транспорта методика сбора данных о числе пассажиров различна.

Проще всего определить пассажиропотоки между двумя городами на *авиационном транспорте*. В сети Интернет в различных источниках предоставлена необходимая информация о частоте отправляемых рейсов и о типе воздушных судов, для каждого из которых известна их вместимость. Единственной неизвестной величиной остается их заполняемость, но такие данные иногда можно проследить в отчетах авиакомпаний. Обычно заполняемость воздушных судов на популярных направлениях составляет около 60–70% в «низкий» период и 70–90% в «высокий» период (летом и в праздничные периоды). При этом если перевозчик придерживается политики предложения билетов по более низким ценам, чем у конкурентов, то это приводит к более высокой заполняемости (например, это характерно для отечественного лоукостера «Победа»). На менее популярных направлениях, таких, как из Москвы в Вологду, Псков, Ижевск, Курск, Тамбов, Иваново, заполняемость воздушных судов обычно не превышает 60% во все периоды года, а в самые «низкие» месяцы года (например, февраль) загрузка может не превышать даже половины от общего числа кресел.

Особенностью авиационного транспорта является выраженная транзитность поездок значительной доли пассажиров: аэропорты «собирают» пассажиров с обширной территории, поэтому если самолет, например, летит в Казань, то это вовсе не означает, что все пассажиры стремятся именно в этот город, а не в его окрестности. Чем более разрежена сеть аэропортов с приемлемыми размерами авиационного сообщения, тем большую территорию охватывают зоны их влияния. Например, из аэропортов Элисты и Кургана выполняются рейсы на Москву, но их количество незначительно, поэтому некоторые их жители предпочитают летать в столицу через Волгоград и Екатеринбург соответственно,

где представлено больше авиаперевозчиков, а конкуренция между ними снижает величину среднего тарифа.

Для расчета пассажиропотоков между городами на *автобусном транспорте* можно использовать аналогичный принцип, если известно количество рейсов между парами городов. Но в этом случае данные о заполняемости могут быть получены только в ходе полевых исследований, так как в открытых источниках такая информация почти никогда не встречается. Сложность также заключается в том, что пассажиры могут выходить из автобусов на любой промежуточной остановке, поэтому простая оценка числа занятых мест на пункте посадки не даст искомым значений – нужно обязательно проводить мини-опрос пассажиров о конкретном пункте их назначения. Также следует учитывать распространение перевозчиков, отправляющихся не от официальных автостанций. Во-первых, их не всегда легко обнаружить, а во-вторых – бывает сложно понять, сколько рейсов ими реально выполняется. Еще одну проблему представляет собой пригородное сообщение, в котором автобусы зачастую отправляются «по наполнению», из-за чего сложно оценить общее количество рейсов в сутки, а именно в пригородном сообщении перемещается значительное число маятниковых мигрантов.

Монополистом в сфере организации *железнодорожных пассажирских перевозок* остается ОАО «РЖД» (точнее – многочисленные пассажирские компании, на которые оно подразделяется), и данных о пассажиропотоках на этом виде транспорта в последние годы не появляется в открытом доступе. Для оценки числа пассажиров, следующих на поезде в определенный город, теоретически можно использовать тот же принцип, что и для автобусного транспорта. Но в полевых условиях он мало применим из-за трудностей проведения опроса: пассажиры с трудом уловимы, вагонов в поезде много, деятельность интервьюеров на вокзалах и станциях тяжело санкционировать.

Ну и, наконец, в современных реалиях России почти невозможно оценить потоки на *личном автомобильном транспорте*. Могут быть предложены два варианта: либо поставить счетчики машин в реперных точках, но тогда сложно дифференцировать природу образования этих потоков (учет номеров машин вряд ли сможет решить эту проблему), либо делать приблизительные расчеты исходя из данных социологических опросов (но тогда мы вновь возвращаемся к вопросу о выборке).

За последние 10–15 лет явно отмечалась тенденция роста пассажиропотоков на личном автомобильном и авиационном видах транспорта при снижении перевозок пассажиров железнодорожным и автобусным.

При этом число перевезенных пассажиров с годами в целом росло. Пользование собственным автомобилем становится все популярнее на малых и средних дистанциях, ведь происходит постоянный рост автомобилизации, а тарифы на общественных видах транспорта растут не меньшими темпами, что и стоимость топлива. Расчеты показывают, что личный автомобильный транспорт является самым дешевым видом транспорта на большинстве корреспонденций. Если элиминировать факторы амортизации и необходимости прохождения регулярного сервиса, то можно применять следующий подход к определению стоимости поездки на нем:

$$C = \frac{l \cdot F_c \cdot F_{Pr}}{100 \cdot n}, \text{ где}$$

C – стоимость поездки (руб.);

l – дальность поездки (км);

F_c – расход топлива (л. / 100 км);

F_{Pr} – стоимость бензина (руб. / л);

n – количество человек в машине.

Так как расход топлива и стоимость бензина обычно являются инвариантными величинами, то количество пассажиров в автомобиле становится определяющим фактором, влияющим на стоимость поездки. Многие автолюбители уже давно пользуются этим принципом и стремятся найти попутчиков.

На дальних расстояниях (свыше 1000–1500 км от Москвы) главенствующую роль в обеспечении поездок играет авиационное сообщение, но на таких дистанциях доля регулярных поездок становится совсем небольшой в силу дороговизны проезда. Обычно большинство пассажиров перемещаются на такие расстояния с культурно-бытовыми, рекреационными целями, либо отправляются на работу или с работы в вахтовом режиме (с как минимум недельным ритмом).

Можно сделать вывод, что большинство мигрантов совершают поездки на тех видах транспорта, где оценить пассажиропотоки максимально сложно – это личный автомобильный, пригородный автобусный и пригородный железнодорожный. Без активной позиции самих перевозчиков по необходимости качественного учета перевезенных пассажиров будет невозможно решить проблему оценки пассажиропотоков мигрантов. Также должны быть изменены подходы к вопросу раскрытия ими информации, а также необходимо пресечение продажи билетов вне касс.

Подходы к оценке потенциала регулярной возвратной мобильности населения исходя из открытых данных о работе транспорта

Несмотря на отсутствие данных о количестве перевезенных пассажиров, вся остальная информация о параметрах пассажирского сообщения почти полностью открыта. Эти параметры можно разделить на четыре блока: частота отправления транспортных средств, тариф, время в пути, комфортность. Каждый из них можно оценить для всех видов транспорта, за исключением частоты сообщения для личного автомобильного транспорта, ведь им можно воспользоваться в любое время (и в этом его неоспоримое преимущество). Все эти показатели не дают точных значений величины потоков, но их анализ помогает понять потенциал и ограничения пассажиропотоков. В общем виде можно говорить, что чем ниже частота сообщения, выше тариф, больше время в пути и ниже комфортность, тем потенциал возвратной мобильности населения при прочих равных условиях ниже, и наоборот. Также важно фиксировать наличие конкуренции среди перевозчиков в различных видах транспорта на конкретном маршруте, ведь она проявляется в стремлении к созданию самых привлекательных условий для пассажиров¹¹. Наличие беспересадочного сообщения до нужного центра тяготения очень важно для пассажиров. Жители большинства центров административных районов, не расположенных на магистральных железных или автомобильных дорогах, вынуждены вначале добираться на внутрирегиональном автобусном транспорте до центров своих регионов (или до других крупных транспортных узлов), далее им приходится пересаживаться на прямой транспорт до Москвы. При этом происходят потери времени при его ожидании, а в случае смены вида транспорта – и время на переезд до другого терминала. К примеру, в Орле и Курске основные городские автовокзалы

¹¹ Например, появление низкобюджетного авиаперевозчика «Победа» заставило с декабря 2015 г. реформатировать структуру тарифных предложений для населения у других авиакомпаний, предлагая тариф «Базовый эконом» и более частое проведение промоакций, что сблизило всех основных воздушных перевозчиков страны с принципами работы лоукостеров. Запуск скоростных электропоездов «Ласточка» и поездов категории «Дневной экспресс» по многим направлениям в Центральной России и других регионах временно заставлял автобусных перевозчиков проводить политику демпинга, иначе они бы оказались неконкурентоспособны. Ведь указанные поезда также занимают нишу «сидячего» транспорта, но предлагают более комфортные условия проезда.

расположены очень далеко от железнодорожного вокзала, но перевозки в Москву на общественном транспорте, в основном, обеспечиваются по железной дороге, хотя большинство внутрирегиональных перевозок в обоих регионах осуществляются на автобусах. В конце прошлого года в Курске была открыта новая автостанция, примыкающая к железнодорожному вокзалу, и это событие было с большим удовольствием воспринято местными жителями.

Самым субъективным фактором выбора пассажиром вида транспорта является его комфортность, так как это понятие является сугубо индивидуальным. Кроме того, на маршрутах малой протяженности комфортными могут быть одни виды транспорта, а на дальних маршрутах – совсем другие. В общем случае принято считать, что наиболее комфортным видом транспорта является скоростной и ускоренный железнодорожный, особенно в силу своей новизны для России. Комфортность воздушного транспорта оценивается не так высоко из-за необходимости проходить формальные процедуры в аэропорту вылета и совершать поездки из городов в аэропорты или обратно, а последние не всегда удачно расположены. Любые сухопутные виды транспорта с сидячими местами являются относительно комфортными на небольших расстояниях, но если поездка занимает более 5–6 часов, то люди более склонны выбирать спальные вагоны поездов дальнего следования. Особое место занимает личный автомобиль. Он является в полной мере «личным пространством», в котором человеку находиться максимально комфортно, но длительные поездки (особенно сопряженные с транспортными заторами) приводят к усталости и напряжению водителя. Кроме того, автомобиль также относится к категории транспортных средств с сидячими местами, поэтому и в пассажирских креслах долгий путь вытерпеть не просто.

Комплексность и сложность пассажирского транспорта неоднократно отмечалась многими отечественными исследователями, которые глубоко погружались в изучение специфики его организации в нашей стране. П.М. Крыловым составлена типология региональных транспортных систем на основе ряда показателей с учетом различной роли каждого из них; рассматривались и параметры, не связанные с транспортом напрямую [Крылов, 2007]. В.Н. Бугроменко предложил рассчитывать интегральную транспортную доступность для оценки современного состояния транспортной сети и для нужд планирования ее развития [Бугроменко, 2012]. Для этого определяется надежность функционирования сети и оценивается транспортная доступность в ключе всеобщности (то есть между каждой парой точек). Разработанный им математический и

методический аппарат очень сложен, но оценивается многими учеными как один из самых совершенных. Локальные транспортные системы рассматривались А.Н. Приваловским [2008]: был сделан акцент на изучении их потенциала для обеспечения местных поездок в условиях современных рыночных реалий. Среди более ранних работ, где также ставился вопрос об уровне достаточности и развитости системы пассажирского сообщения на местном и региональном уровнях, стоит выделить работы В.П. Панферова [1961] и А.П. Полуэктова [1968].

Учитывая все тонкости и специфику современного пассажирского транспорта в России, имеющего значительную территориальную неоднородность, можно провести описание потенциала миграций населения в различных зонах (географических секторах и поясах) на примере тяготения к Москве, которая, с одной стороны, является наиболее привлекательным пунктом в качестве места приложения труда, а с другой – образует наибольший по размерам поток дачников и рекреантов. Даже не зная реальных величин потока пассажиров, абсолютно точно можно утверждать: чем более развито транспортное сообщение, тем больше пассажиров испытывают потребность в нем, иначе бы его не было – ведь сфера транспортных перевозок уже более 20 лет функционирует исключительно по рыночным законам спроса и предложения.

Анализ был проведен в трех зонах. Условно назовем их *ближней* (где сложились наиболее массовые перевозки маятниковых мигрантов – это Московская область, до 2–2,5 часов в пути до центра Москвы), *средней* (транспортное сообщение Москвы с населенными пунктами сопредельных областей и Ивановской области, до 5–6 часов в пути до центра Москвы) и *дальней* (оценка потенциала возвратной регулярной миграции с населенными пунктами остальных регионов России).

Ближняя зона: Московская область как основной ареал потоков маятниковых мигрантов

Потоки маятниковых мигрантов в Московской области на общественном транспорте почти полностью обеспечиваются автобусным и пригородным железнодорожным сообщением, но они имеют совершенно разную территориальную структуру.

Пригородные поезда курсируют по 11 радиальным линиям, имеющим несколько ответвлений (в Звенигород, Ногинск, Электрогорск, Балашиху, Дубну, Монино, Фрязино и Красноармейск). Также на территории Московской области проложено «большое железнодорожное кольцо», кото-

рое сейчас очень ограниченно используется для перевозок пассажиров, ведь главная его функция – отвод транзитных грузовых и некоторых пассажирских поездов от территории столицы. Хотя на каждом его участке курсируют несколько (обычно 3–4 пары) пригородных поездов в сутки, пассажиропотоки в них минимальны и обычно представлены дачниками, чьи участки расположены в непосредственной близости от остановочных пунктов железной дороги.

Так как почти все пригородные поезда радиальных направлений отправляются из Москвы, но на различное расстояние, интенсивность движения поездов с удалением от столицы постепенно сокращается (рис. 2), хотя этот принцип несколько нарушается пропуском некоторых остановок большинством пригородных поездов. На станциях, расположенных в крупных поселениях или транспортных узлах, например, Голицыно, останавливаются все проходящие там пригородные составы, но на каждом из промежуточных остановочных пунктов, расположенных между Одинцово и Голицыно, частота сообщения ниже. Из-за внедрения экспрессного транспорта жители небольших поселений испытывают недостаток сообщения, хотя проживают относительно близко к центру тяготения, а жители некоторых более отдаленных, но многолюдных поселений получают преимущество доступа к транспорту, движущемуся с высокими скоростями. Этот эффект описывал Б.Б. Родоман в книге «Поляризованная биосфера» [2002].

Почти все большие и средние города Московской области расположены на железнодорожных магистралях. Только два города, чья людность превышает 50 тыс. чел. – Лыткарино (56,4 тыс.¹²) и Дзержинский (51,3 тыс.) – не имеют на своей территории станций с действующим пассажирским сообщением, и до Москвы из них можно добраться только на автобусах. Пригородный железнодорожный транспорт отличается от автобусного разреженной сетью остановок, поэтому преимущество от его использования получают те, кто живет в непосредственной близости от станций. Для некоторых городов характерно расположение кварталов многоэтажной жилой застройки вблизи станций, например, в Пушкино, Раменском, Дедовске. В таких случаях можно предположить, что многим жителям, в том числе маятниковым мигрантам, будет удобно пользоваться электропоездами при поездках в Москву, и поэтому пассажиропотоки на них будут значительны. Этот тезис подкрепляется теми фактами, что

¹² Здесь и далее – данные Федеральной службы государственной статистики о численности населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 г.

в Пушкино и Раменское запущено тактовое сообщение на комфортных ускоренных поездах «Спутник», а сообщение Дедовска с Москвой на автобусном транспорте представлено лишь несколькими рейсами в сутки.

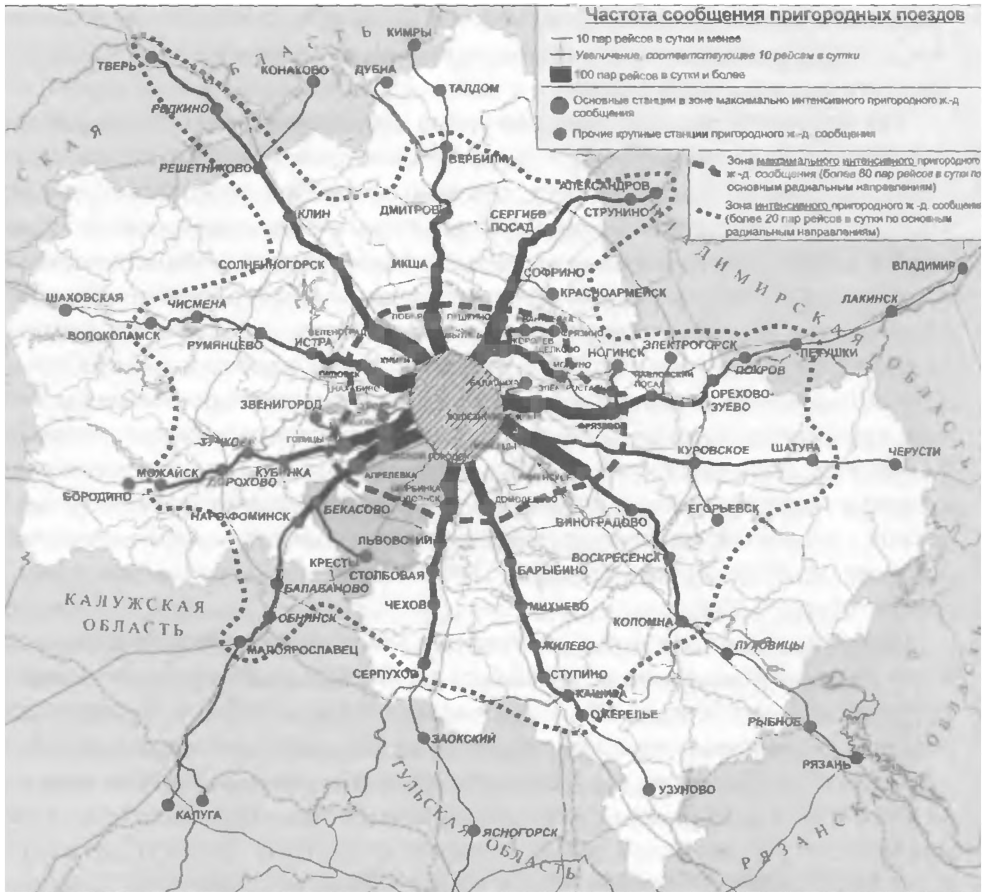

Рис. 2. Интенсивность пригородного железнодорожного сообщения: отправление поездов из Москвы

Но существует ряд примеров городов, где станции железной дороги расположены не очень удачно по отношению к жилой застройке. Это Мытищи, Химки, Красногорск, Видное и ряд других. Если жители таких городов выбирают пригородное железнодорожное сообщение для поездок в Москву, то обычно им приходится сначала добираться до вок-

Условные обозначения

Зоны различного потенциала возвратной миграции

максимальный потенциал возвратной миграции:
 на основных железнодорожных станциях и платформах останавливается не менее 60 поездов в сутки, автобусы курсируют с частотой не реже одного раза в 10-15 минут

высокий потенциал возвратной миграции:
 на основных железнодорожных станциях и платформах останавливается не менее 40 поездов в сутки, автобусы курсируют с частотой не реже 1 раза в 25-30 минут

средний потенциал возвратной миграции:
 на основных железнодорожных станциях и платформах останавливается не менее 20 поездов в сутки, автобусы курсируют по расписанию (более 20 рейсов в сутки)

низкий потенциал возвратной миграции:
 железнодорожного сообщения нет, автобусное сообщение редкое (не более 20 рейсов в сутки)

минимальный потенциал возвратной миграции:
 до Москвы можно добраться только с пересадкой (с использованием местного автобусного транспорта, регулярность движения которого обычно низка)

территория города Москвы

Пригородное железнодорожное и автобусное сообщение

пригородное железнодорожное сообщение
 (толщина линии соответствует частоте движения)

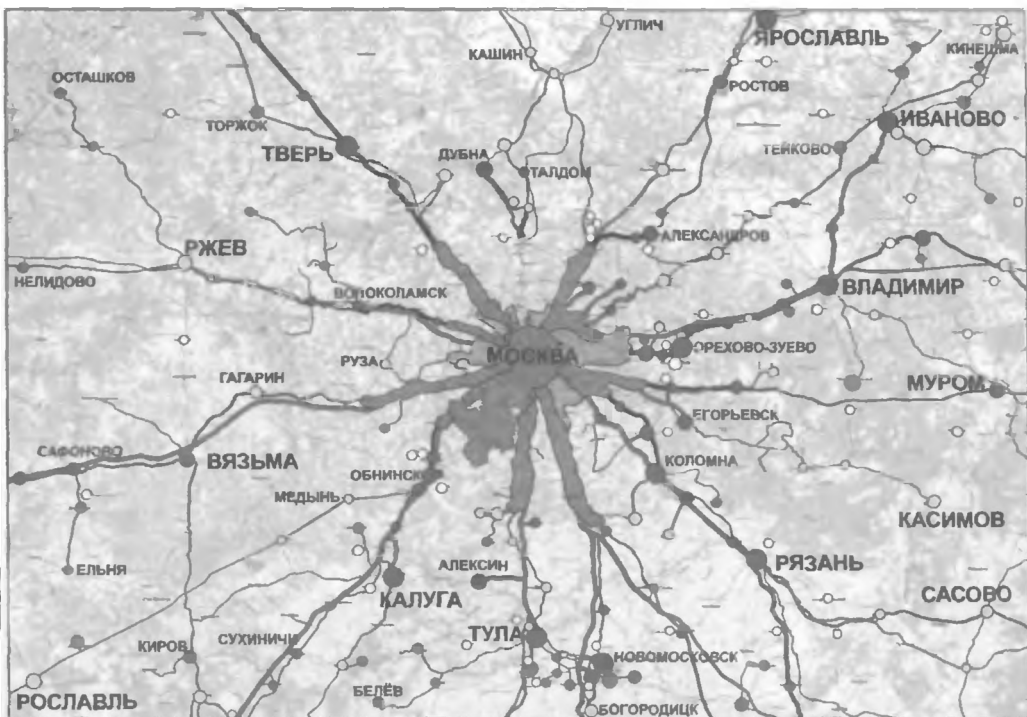
станции и платформы пригородного сообщения;
 указаны количество поездов, совершающих остановку, и их доля от общего количества поездов на участке

автобусное сообщение (не менее 20 рейсов в сутки)

автобусное сообщение (менее 20 рейсов в сутки)

конечные пункты автобусного сообщения

1. Рис. 3. Пригородное железнодорожное и автобусное сообщение в Московской области к северо-западу от Москвы

Условные обозначения

- зоны максимального потенциала возвратной миграции, расположенные вдоль железных дорог и автомагистралей с высокочастотным транспортным сообщением (полимагистралей)
- зоны высокого потенциала возвратной миграции, насыщенные густой сетью пригородного автобусного сообщения или расположенные вдоль железной дороги с высокочастотным пригородным сообщением
- территория города Москвы

Транспортное сообщение с Москвой за пределами зон максимального и высокого потенциала возвратной миграции

- пригородное железнодорожное сообщение
- дальнейшее железнодорожное сообщение (показано только за пределами зоны пригородного сообщения)
- автобусное сообщение

Толщина линии соответствует интенсивности сообщения

≡ 70 рейсов в неделю и менее

увеличение толщины на 0,05 мм соответствует 10 рейсам в неделю

≡ 200 рейсов в неделю и более

Потенциал возвратной миграции поселений исходя из транспортного положения в сети сообщений с Москвой

- высокий потенциал
- средний потенциал
- низкий потенциал
- поселение не связано прямым транспортным сообщением с Москвой

Показаны только поселения вне пределов зон максимального и высокого потенциала возвратной миграции. Размер кружка соответствует людности населенного пункта

- более 100 тыс.
- 50 - 100 тыс.
- 25 - 50 тыс.
- 10 - 25 тыс.
- 5 - 10 тыс.

II. Рис. 5. Потенциал возвратной миграции между Москвой и городами Центральной России

зала на внутригородском транспорте, чтобы затем пересесть на поезд. Это приводит к значительным потерям времени (транспорт надо ожидать 2 раза) и повышению ежедневных расходов на проезд. Поэтому в таких населенных пунктах наблюдается развитое автобусное сообщение с Москвой, представленное большим количеством маршрутов с высокой интенсивностью движения.

Кроме того, сейчас из Москвы проложены автобусные маршруты во все крупные населенные пункты ближнего и среднего пояса, которые не располагаются на железной дороге. Насколько значительной должна быть численность населения в том или ином поселке, чтобы был запущен прямой маршрут из Москвы? Точного ответа нет, все зависит от сложившихся условий транспортной среды, реальной потребности пассажиров в общественном транспорте, заинтересованности перевозчиков. Например, в многочисленные коттеджные поселки, которыми сейчас интенсивно застраивается запад Подмосковья, прямые автобусные маршруты не запускаются, но в новые жилые многоэтажные комплексы, такие, как «Пятницкие кварталы» на Пятницком шоссе или «Новомолоково» в районе села Молоково на ответвлении от Каширского шоссе, перевозчики назначают маршруты. В пределах кольцевой автодороги А107 («малая бетонка») все крупные населенные пункты, чье постоянное население превышает 1000 человек, обеспечены остановкой прямого железнодорожного или автобусного сообщения с Москвой. О поселениях с большим сезонным, но малым постоянным населением такого сказать нельзя.

В среднем поясе Подмосковья, которое можно примерно определить как территорию, расположенную между автодорогами А107 и А108 («большая бетонка»), сеть автобусных маршрутов прямого сообщения с Москвой сильно сокращается, количество пригородных поездов также падает. Но здесь наблюдается и резкое снижение плотности населения, и, что также важно, сокращается их маятниковая мобильность из-за увеличивающегося расстояния до Москвы (подробнее см. в главе 2.6.). В выгодном положении оказываются те населенные пункты, что расположены на магистралях, по которым следуют автобусы в среднеудаленные от Москвы крупные города: Наро-Фоминск, Сергиев Посад, Дмитров, Клин, в которые отправляется достаточное количество автобусов большой вместимости в сутки, и все желающие добраться до промежуточных меньших по размеру населенных пунктов из Москвы (или в обратном направлении) не испытывают проблем. Но из других поселений, которым не так «повезло» с географическим положением, сначала приходится добираться на местных автобусных рейсах до транспортных узлов, которые

ми обычно являются центры муниципальных районов, где расположено поселение, а затем совершать пересадку на электропоезд или автобус, следующий до Москвы. Но такой путь требует больших затрат времени и менее комфортен, поэтому жители или используют личный автомобильный транспорт, или переходят в категорию тех трудовых мигрантов, кто работает посменно или вахтовым образом.

На рис. 3 (рис. 3. – I на цветной вклейке) приведена схема транспортного сообщения Москвы с поселениями северо-западной части Подмосковья; выделяются пять типов зон, где сложились различные условия транспортной доступности по отношению к столице, что отражается на потенциале возвратной мобильности. Ближняя зона с максимальным потенциалом ограничивается Лобней, Зеленоградом и Дедовском: сеть автобусных маршрутов густо покрывает эту территорию, что создает возможность для большинства поселений не реже чем один раз в 10–15 минут отправиться в Москву в течение всего дня (за исключением ночного периода отсутствия сообщения с 0:00 до 5:00). Сеть общественного транспорта за пределами этой зоны сводится к полимагистрали, состоящей из авто- и железной дороги: лишь в северном направлении существуют три автобусных маршрута из Москвы, которые отклоняются от Дмитровского шоссе. Эти рейсы следуют в Аксаково, Марфино и Поселок дома отдыха Горки, но отправляются не чаще, чем раз в 40–60 минут.

Что касается пригородных электропоездов, то обычно до городов средней дальности отправляется 30–40 пар рейсов электропоездов в сутки, т. е. интервалы движения составляют 20–30 минут в часы пик, и до 45–60 минут в остальное время дня (за исключением ночного периода и традиционного дневного «окна»). При этом частота рейсов имеет заметно выраженные пороги, как, например, на Горьковском направлении Московской железной дороги: на этом участке комбинируется ряд крупных городов (таких, как Орехово-Зуево, Железнодорожный, Электросталь и др.) с очень плотной дачной застройкой (особенно до станции Фрязево). На рис. 4 отражен суточный график отправления пригородных поездов из Москвы: каждый столбик соответствует одному рейсу, а его длина соответствует протяженности маршрута. В утреннее время из Москвы по выходным дням назначаются два дополнительных рейса до Петушков и один до Орехово-Зуево; в промежутке между 10 и 11 часами до Фрязево сохраняется интенсивное движение только по выходным дням. Зато в вечернее время назначается много поездов по будням, следующих до Железнодорожного (из этого города Горьковского направления наблю-

дается максимальный пассажиропоток в Москву). Похожая система наблюдается и на других направлениях движения из Москвы.

Необходимость пропуска ускоренных поездов «Стриж» и «Ласточка», следующих до Нижнего Новгорода в течение всего дня, стала причиной не самого удобного графика движения пригородных поездов для пассажиров. Наблюдается большая скученность рейсов, особенно в дневное и вечернее время, что напрямую влияет на снижение комфортности поездов в столицу.

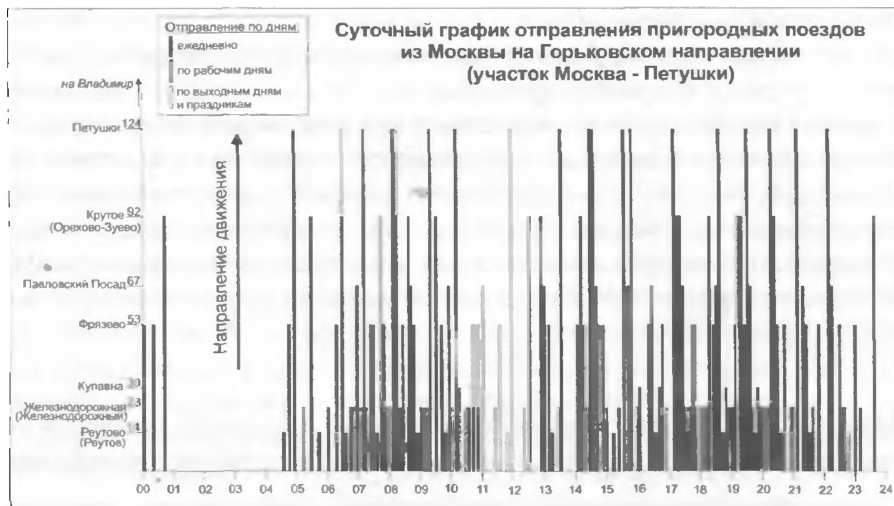

Рис. 4. Пример суточного графика отправления пригородных поездов из Москвы (участок Москва – Петушки)

В дальнем поясе Подмосквья, т. е. уже за пределами большой областной кольцевой автодороги, охват населения пассажирским транспортным сообщением сокращается еще сильнее. До таких городов, как Талдом, Волоколамск или Шатура, отправляется не более 25 пар рейсов электропоездов, а прямые автобусы из Москвы в эту зону отправляются лишь по считанному числу маршрутов. Сравнительно хорошая обеспеченность беспересадочным автобусным сообщением сложилась на Рязанском (М5), Рижском (М9) и Егорьевском (Р105) направлениях, где сеть является разнонаправленной. В случае Рязанского направления это связано с наличием двух относительно крупных городов, которые хотя и имеют станции немагистральных железных дорог-ответвлений, но не

получили прямого железнодорожного сообщения с Москвой. Это Озёры и Зарайск, также автобусы отправляются в Белоомут, Луховицы и Коломну – крупнейший город Московской области за пределами кольцевой автодороги А108. На Рижском направлении сложилось интенсивное автобусное сообщение, так как автодорога М9 отличается благоприятным скоростным режимом, а также благодаря наличию двух центров муниципальных районов без железнодорожного сообщения – Рузе и Лотошино. На Егорьевском направлении автобусы следуют в небольшие бывшие поселки при торфоразработках и санатории; маршрутов много, но частота движения обычно очень мала.

В советские годы транспортная обеспеченность Московского столичного региона подробно изучалась Г.А. Гольцем [1981]. В его многочисленных работах расселение и транспорт рассматриваются как единое целое: развитие пассажирского транспорта сопряжено с динамикой сети поселений, а транспортная подвижность населения напрямую зависит от затрат времени на поездки. Ставился вопрос определения фактической временной доступности центра города, в который устремляются жители агломерации. Работы Г.А. Гольца очень комплексны, и многие его идеи ценны и оригинальны.

Зона соседних с Московской областью регионов: отдельные очаги возможной миграции и условия для поездок отходников

Эта территория отличается от Московской области тем, что пассажиры получают возможность совершать поездки на дальнем железнодорожном транспорте, но сеть автобусного и железнодорожного сообщения редееет, и лишь жители отдельных городов и районов имеют возможность добираться до Москвы за относительно небольшое время. Схема транспортного сообщения с Москвой для этой зоны представлена на рис. 5 (рис. 5. – II на цветной вклейке), где для каждого поселения с людностью свыше 5 тыс. чел. определен потенциал возвратной миграции по отношению к столице как высокий, средний или низкий, исходя из количества рейсов и их структуры. На него влияют и такие характеристики, как количество транзитных рейсов (если их много, то это снижает потенциал), наличие ускоренного сообщения (поезда типа «Ласточка», «Стриж», «РЭКС», а также автобусы, не имеющие длительных остановок в промежуточных пунктах, повышают потенциал).

Особенно комфортные транспортные условия для жителей появляются на участках, расположенных вдоль транспортных магистралей, ве-

дущих из Москвы в соседние региональные центры, но в каждом случае есть своя специфика. В очень выгодном положении находится конгломерат крупных городов северо-востока Калужской области. Количество рейсов пригородных электропоездов, отправляющихся из них в Москву, сопоставимо с их числом для некоторых городов среднего и дальнего поясов Подмосковья, а количество транзитных автобусных рейсов, направляющихся в различные города Калужской области, усиливает преимущество Обнинска и в меньшей степени Балабаново и Малоярославца (в них транзитный автобусный транспорт не останавливается). Все три города уверенно входят в трехчасовую зону доступности центра Москвы. Зато из Жукова, Боровска и Ермолино добраться до Москвы можно только с пересадкой.

То же самое характерно для окрестностей Твери, Тулы, Рязани. Во Владимирской области почти весь запад региона обеспечен прямым железнодорожным или автобусным сообщением с Москвой: из Александра с высокой частотой отправляются пригородные электропоезда, из Киржача и Кольчугино налажено автобусное сообщение. Жители многочисленных поселений, расположенных вдоль полимагистрали, образуемой автодорогой М7 и Горьковским направлением железной дороги на участке от Покрова до Владимира, также могут воспользоваться многочисленными транзитными рейсами автобусов и электропоездов.

Другие территории значительно хуже обеспечены сообщением с Москвой. Большую часть центров муниципальных районов с относительно высокой людностью, расположенных в 5–6 часах езды от Москвы, соединяет автобусное сообщение со столицей, но частота движения обычно составляет до 5–7, иногда до 10 пар рейсов в сутки. В Ярославской области это относится к Угличу и всем городам, расположенным вдоль магистрали, ведущей до Ярославля. В Тверской области проведены маршруты до Старицы, Ржева и Кашина, в Смоленской области – до Дорогобужа и всех городов на пути в Смоленск, в Рязанской области – до Касимова. В Тульской, Калужской и Ивановской областях сеть автобусного сообщения является более разветвленной, но частота рейсов обычно еще меньше. В лучшем положении находятся города Алексин, Сухиничи, Новомосковск, Узловая и Шуя.

Сложившаяся сеть железнодорожных маршрутов дальнего следования в Москву территориально неоднородна и имеет две особенности: 1) мало поездов совершают промежуточные остановки в небольших городах и селах; 2) транзитные поезда оказывают благоприятное воздействие на транспортную доступность крупных городов, но почти никак

не способствуют увеличению доступности небольших поселений, через которые они проходят.

Среди поездов дальнего следования местного значения на рассматриваемой территории, важных для небольших населенных пунктов, можно выделить поезда 601 / 602 «Москва – Рыбинск», 662Э «Москва – Кинешма», 661А / 662А «Москва – Великие Луки». Также стоит отметить развитие программы запуска ускоренных поездов «Ласточка» и «Дневной экспресс», направляющихся из Москвы в Ярославль, Орел, Курск, Белгород, Смоленск, Нижний Новгород, Воронеж, Брянск, и совершающих остановки в меньших по людности городах, таких, как Сухиничи, Сафоново, Ярцево, Мценск и Ростов. Эти поезда отличает привлекательная тарифная политика и небольшое (по сравнению с электричками и поездами дальнего следования) время в пути. Но их маршрутная сеть пока сильно ограничена, хотя АО «Федеральная Пассажирская Компания» (почти полностью курирующая дальнейшее железнодорожное сообщение в России) признает программу успешной и имеет планы по дальнейшему расширению сети.

На рис. 6 показана роль каждого из действующих видов транспорта на маршрутах различной дальности. Чтобы сравнение было полноценным, выбраны маршруты, где действует 3–4 разных вида транспорта, а величины тарифов, времени в пути и частоты сообщения отличаются между собой. Всего рассматривается три вида транспорта, но железнодорожный можно разделить на три подвидов: пригородное, дальнее и ускоренное сообщение. Их важно учитывать по отдельности, так как их параметры сильно отличаются между собой. К примеру, до Владимира из Москвы можно добраться на любом из указанных подвидов, но поездка на пригородном электропоезде окажется самой дешевой и продолжительной, а на ускоренном поезде – короткой, но дорогой. В «Ласточках», курсирующих между Москвой и Смоленском, предлагается самый привлекательный тариф, высокая комфортность, а поездка займет всего чуть более четырех часов. А на маршруте «Москва – Нижний Новгород» запущенные ускоренные рейсы успешно конкурируют с авиационным транспортом. Если суммировать все затраты времени, связанные с перелетом, а именно время на поездку до аэропорта, прохождение всех формальных процедур, поездку из аэропорта Стригино до основных жилых массивов Нижнего Новгорода и время самого перелета, то самолет окажется «медленнее» ускоренного поезда и в два раза дороже.

Для более близких к Москве городов эффективность ускоренного сообщения уже не так высока. Это показано на примере Коломны и Ступи-

но: ускоренных рейсов меньше, чем обычных, а тариф почти в полтора раза выше, и для пассажиров это может не компенсировать 20–25-минутную экономию времени.

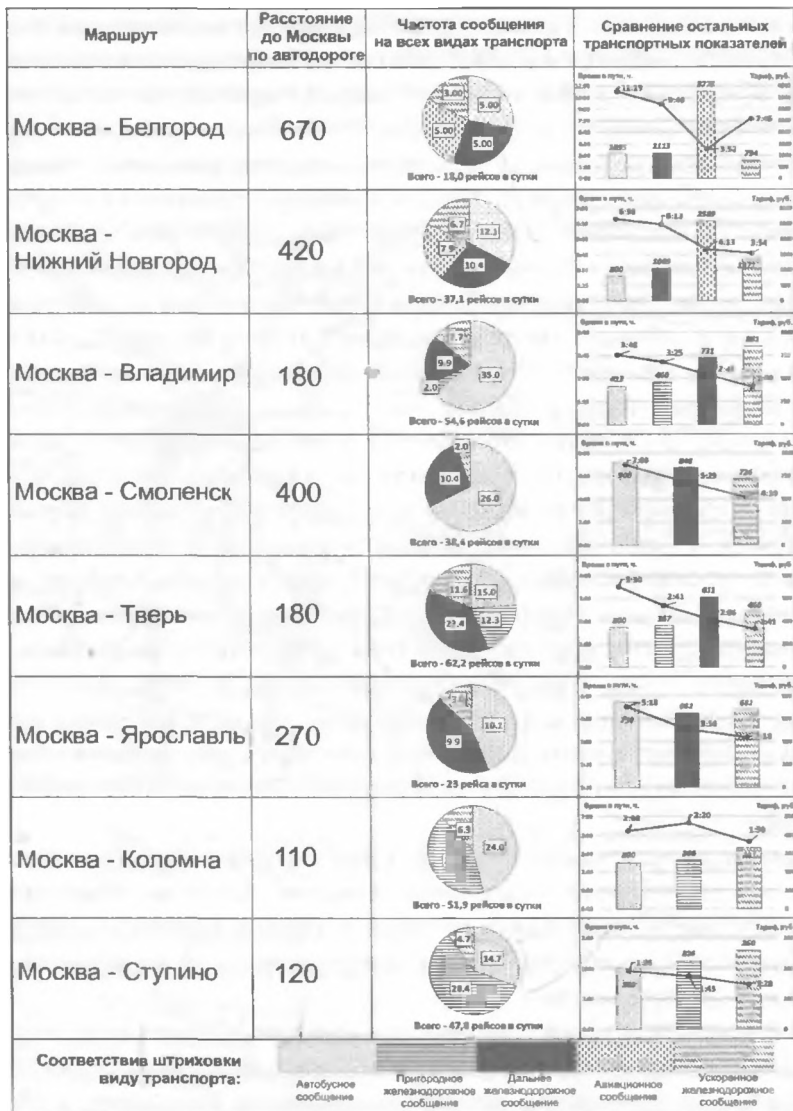

Рис. 6. Сравнение частоты сообщения, тарифов и времени в пути для разных видов транспорта на некоторых маршрутах

***Дальняя зона: некоторые территории,
имеющие наиболее благоприятное
транспортное положение для отходников***

Если в соседних с Московской областью регионах можно выделить территории, где имеются возможности не только для вахтового режима миграции, но и для поездок «одного дня» в главный для них центр тяготения – Москву, то для соседей Московской области второго порядка характерен режим миграции на работу со сменным, а скорее – с недельным и более длительным ритмом. Но для некоторых районов созданы более благоприятные условия, чем для остальных – попробуем выделить их.

С отдалением места проживания от Москвы люди все чаще пользуются авиационным транспортом (для разовых поездок), а для регулярных – автобусным и личным автомобильным. Дальнее железнодорожное сообщение также является оптимальным, так как среднее время в пути на нем из поселений таких регионов, как Курская, Тамбовская, Нижегородская, Вологодская и другие области, до Москвы составляет 7–10 часов, и для такой поездки большую комфортность приобретает проезд в плацкартном или купейном ночном вагоне. Отметим, что в позднее вечернее время поезда из этих мест отправляются чаще, чем в остальные периоды дня, и это удобно для пассажиров. Но если из крупных городов поезда в направлении Москвы обычно отправляются несколько раз в день, то для большинства других поселений частота сообщения обычно выражается 1–2 рейсами в сутки, и пассажирам приходится подстраивать свой график под их расписание. Это касается как городов и поселков, расположенных на второстепенных линиях (например, Орел – Льгов), так и тех, что находятся на магистралях, но которые часть поездов проезжает без остановки.

Помимо региональных центров в рассматриваемой зоне можно выделить совсем немного населенных пунктов, через которые проходит свыше двух пар поездов в день с вагонами разных ценовых категорий и в различные периоды дня, что делает комфортнее планирование поездок в Москву с рабочими целями.

Даже на сравнительно большом удалении от Москвы есть поселения, расположенные на железнодорожной магистрали, но в которых не останавливается ни один поезд дальнего следования. В соседних с Москвой регионах тоже есть такие случаи, но для таких поселений обычно созданы нормальные условия доступности Москвы с совершением одной пересадки. А, к примеру, для Нижегородской области такой принцип уже

не работает. В поселке Пижма (4 тыс. чел.) или городе Урень (12,1 тыс. чел.) не совершает остановки ни один поезд, следующий в направлении Москвы или из нее. А в сторону Нижнего Новгорода или Шахуньи, где останавливается значительное количество поездов, отправляются всего лишь 3–4 электропоезда в день (из Уреня – также незначительное число автобусов). Для пассажиров возникает трудность в согласовании расписания, а общее время в пути возрастает также из-за того, что скорость в необходимом для них предварительном пригородном сообщении обычно существенно ниже, чем в дальнем.

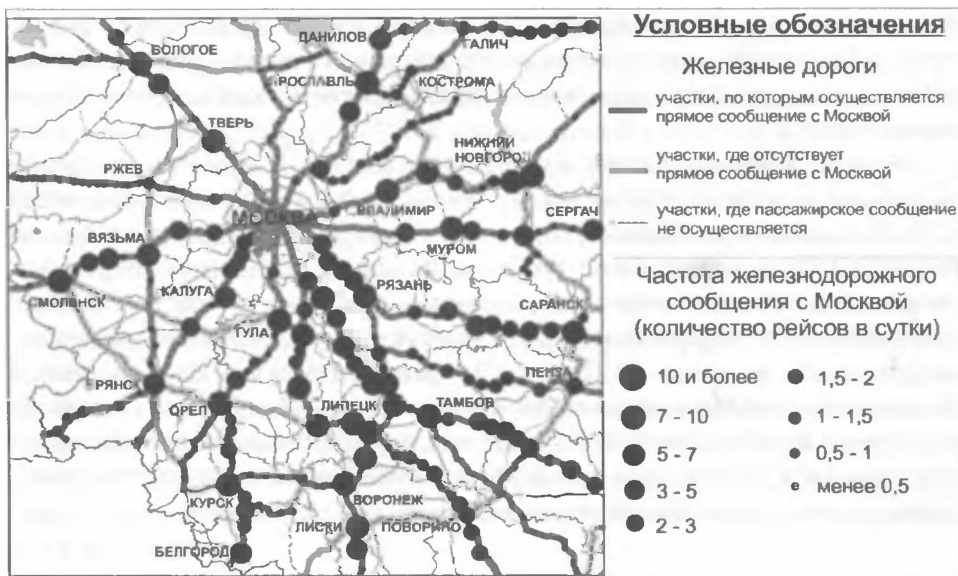

Рис. 7. Сеть дальнего железнодорожного сообщения городов Центральной России с Москвой и его частота

В некоторых регионах-соседах Московской области второго и третьего порядка все же сложилось интенсивное автобусное сообщение с Москвой, обычно нехарактерное для них. Эти города расположены к югу, юго-западу или юго-востоку от Москвы: Брянск, Воронеж, Липецк, Пенза. Особенно много транзитных автобусных рейсов, следующих по трассе М4 на юг: сказывается высокое качество этой магистрали, особый скоростной режим и отсутствие транспортных заторов на подъезде к Москве. За счет существования этих рейсов в зоне хорошей транспортной

доступности оказываются и некоторые малые города, например, г. Задонск (9,6 тыс. чел.) и село Хлевное (6 тыс. чел.) в Липецкой области.

В заключение скажем несколько слов об авиационном сообщении. В Центральной России аэропорты с действующим пассажирским сообщением находятся только в некоторых региональных центрах: Белгороде, Воронеже, Курске, Тамбове, Липецке, Пензе, Саранске, Иваново и Нижнем Новгороде, каждый из которых имеет воздушное сообщение с Москвой. В Костроме, Вологде и Ярославле аэропорты не всегда работали круглогодично, но в последние годы ситуация наладилась: регулярные рейсы из них отправляются в Санкт-Петербург, а летом назначаются рейсы на курорты Черного моря. Также заработали аэропорты во Владимире и Калуге, имеющие потенциал стать дополнительными базами для обеспечения авиационными перевозками жителей Московского столичного региона.

Но роль большинства из них не очень высока. К примеру, из Курска и Тамбова в сутки выполняется по одному рейсу в Москву на самолетах АTR-72 (вмещает до 70 пассажиров), а из Липецка – два рейса в сутки по рабочим дням и один рейс по субботам на самолетах Canadair regional jet (вмещает до 50 пассажиров). Фактически, пассажиропотоки на них сопоставимы с отправляемым числом пассажиров на одном-двух обычных автобусах. То же касается Пензы, Саранска и Иваново. Из Воронежа и Нижнего Новгорода в сутки в Москву вылетает 8–9 рейсов на самолетах различных классов вместимости, но оба города имеют отличную транспортную доступность и на других видах транспорта, поэтому авиасообщение играет скорее вспомогательную, а не основную роль.

Роль местного железнодорожного сообщения в обеспечении мобильности населения малолюдных районов

Помимо трудовых миграций в Москву, Санкт-Петербург и другие крупные центры тяготения население многих регионов, особенно сельское, часто ездит на работу и в расположенные рядом небольшие города. Поэтому в последнее время особенно остро встают вопросы обеспеченности местным транспортом. Рассмотрим эту проблему на примере Костромской области, где летом 2015 г. проводились полевые исследования размеров пассажиропотоков на местных поездах (рис. 8).

В настоящее время в Костромской области курсирует совсем небольшое количество рейсов пригородных и местных поездов, причем за последнее десятилетие размеры движения почти не менялись. Сейчас на

участках Буй – Вологда, Буй – Данилов, Буй – Шарья отправляется по две пары местных поездов, на участках Кострома – Галич и Шарья – Поназырево – по одной паре. На маршрутах Ярославль – Нерехта – Кострома и Ярославль – Нерехта – Иваново отправляются пригородные электропоезда, но и их размеры движения относительно невелики (хотя при коротких дистанциях они связывают между собой города с большой людностью). В 2003 г. только на участках Кострома – Нерехта и Николо-Полома – Шарья курсировало в два раза больше местных поездов – пять и четыре пары соответственно.

Возвратная миграция населения наиболее ярко проявляется в окрестностях Костромы и Шарья, а также городов Мантурово и Галич. Но на линии Кострома – Галич размеры пассажиропотоков совсем невелики – это связано с близким прохождением к железнодорожной линии на участке до Судиславля автодороги Р243, связывающей Кострому и Киров. Очень много транзитных автобусных маршрутов, а также местных автобусов по маршруту Кострома – Судиславль следует по ней, при этом автобусный тариф на короткой дистанции почти не отличается от стоимости проезда на пригородном поезде. Важно, что при пользовании автобусным транспортом в тех местах, где интенсивность его сообщения высока, пассажирам почти не приходится подстраиваться под расписание. Но местные поезда не могут отправляться с такой же частотой в малолюдных районах – это экономически нерентабельно для перевозчиков. Поэтому железной дорогой пользуются, в основном, либо льготники (которые не всегда имеют право на льготу при проезде в автобусах), либо люди, проживающие крайне близко к остановочным пунктам железной дороги, но не к автодороге.

Вдоль северного хода Транссибирской магистрали на участке, проходящем через Костромскую область, сформировалась густая сеть небольших рабочих поселков, чередующихся с городами и крупными селами. В советское время в них заготавливался лес, но сейчас это производство сократилось, и рынки труда в этих поселениях сильно сжались, поэтому сохранение местных поездов имеет большое значение для этой местности.

Несмотря на строительство новой качественной автодороги, соединившей Буй и Шарью, междугородное автобусное сообщение по ней почти не получило развития. Чтобы достигались более высокие скорости движения, автодорога огибает большинство поселков и городов с севера; заезд автобусов в поселки требовал бы больших затрат времени. Поэтому пассажирам привычнее перемещаться на традиционных местных поездах, ведь их остановки расположены очень удобно по отношению к

зонам жилой застройки. Но теоретически автобусные маршруты могли бы стать очень привлекательными для пассажиров по тарифам: тарифы в междугородном автобусном сообщении почти повсеместно устанавливаются самими перевозчиками, а на пригородных рейсах они утверждаются постановлением администрации региона. Костромская область является исключением: в ней максимальная стоимость проезда установлена законом для обеих категорий маршрутов; в пригородном сообщении стоимость 1 пасс.-км составляет 2,11 руб., а в междугородном – 2,54 руб. Стоимость проезда в местных поездах по согласованию перевозчика с органами власти Костромской области установлена в размере 29 руб. за 10 км, что является максимальной величиной среди всех регионов европейской части России.

Действующие автобусные маршруты имеют явно выраженный радиальный рисунок: из Костромы многие междугородные маршруты отправляются по трассам на Буй, Галич и Шарью, а также на юг, в направлении Нерехты, Иванова и Ярославля. Но автобусного сообщения по местным хордовым автодорогам почти нет, центрами многих муниципальных районов являются небольшие поселения, где нет своих операторов. Межмуниципальное автобусное сообщение в обход Костромы тоже практически не сформировалось. Это связано с продолжающейся депопуляцией небольших поселений региона и небольшими пассажиропотоками, что обуславливает повышенные риски перевозчиков при запуске новых маршрутов.

Проблемой организации пассажирского транспортного сообщения в Костромской области является несогласованность расписаний двух видов транспорта между собой, приводящая к значительным потерям времени в пути, что существенно ограничивает возможности для возвратной мобильности. Кроме того, в Костроме автовокзал и железнодорожный вокзал находятся на некотором удалении друг от друга и не формируют единый пересадочный комплекс. Но в Мантурово, Шарье и Галиче автовокзалы совмещены со зданиями железнодорожных вокзалов, что удобно для пассажиров.

Если проводить параллели с другими регионами, то везде наблюдается похожая ситуация: упадок пригородного и местного железнодорожного сообщения, резкое повышение тарифов на железнодорожном транспорте в последние годы. Почти все пассажирские перевозки в пригородном и межмуниципальном сообщении производятся автобусным транспортом. Количество рейсов по направлениям определяется численностью населения города – пункта назначения и его дальностью.

Сети местных (внутримуниципальных) автобусных перевозок обычно представлены очень ограниченным (до 10–15) количеством маршрутов, частота сообщения по которым может составлять не более 1–2 рейсов в неделю. Интенсивность сообщения почти не увеличивается в последние годы, так как общее повышение мобильности населения компенсируется его депопуляцией.

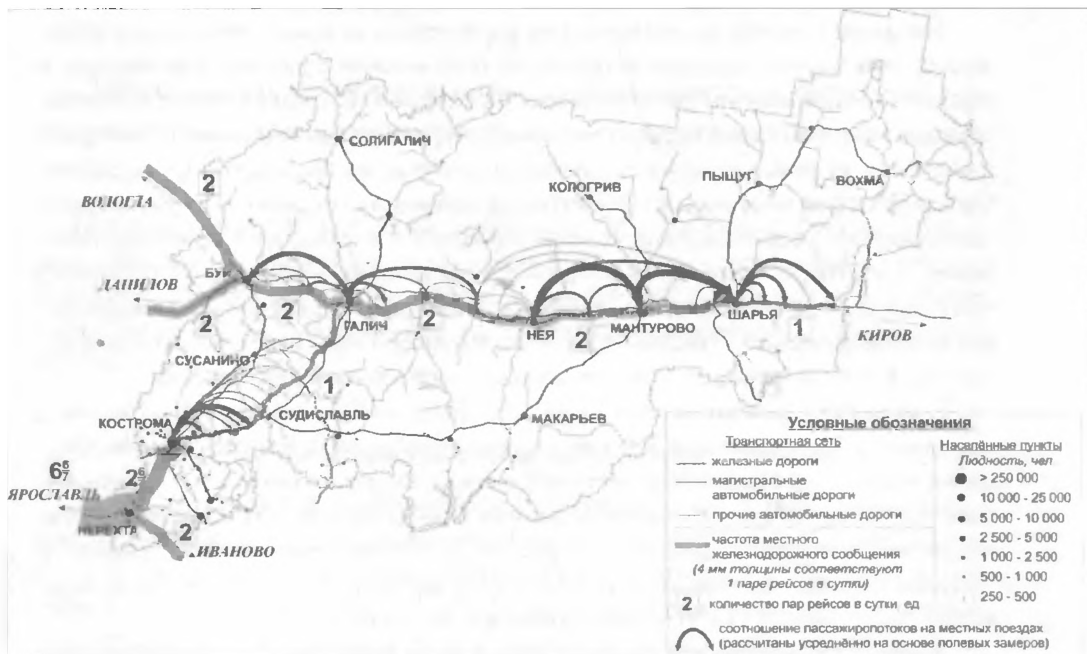

Рис. 8. Система железнодорожного сообщения в Костромской области и оценочная величина местных пассажиропотоков на участках, где проводились полевые замеры

* * *

Транспортная доступность территорий Центральной России на различных видах транспорта в значительной степени зависит от расстояния до Москвы, к которой стремятся потоки трудовых мигрантов. В ближнем поясе Подмосковья (в пределах кольцевой автодороги А107, или на расстоянии 30–35 км от МКАД) регулярным транспортным сообщением с Москвой обеспечены все населенные пункты кроме совсем небольших деревень и коттеджных поселков, но и они, как правило, имеют остано-

ку автобуса или пригородного железнодорожного сообщения в радиусе 3–4 км. В среднеудаленной зоне регулярность прямого сообщения с Москвой начинает резко сокращаться: маршруты пригородных электропоездов и автобусов прокладываются только до крупных населенных пунктов, как правило – центров муниципальных районов, и наиболее выгодное транспортное положение оказывается только у тех поселений, которым «повезло» расположиться на этих маршрутах.

Но даже фактор расположения на полимагистрали не всегда становится благоприятным для небольших населенных пунктов. Проявляется эффект своеобразной поляризации пространства, когда более крупные населенные пункты обеспечены пассажирским сообщением с центром тяготения лучше, чем пункты, расположенные на маршруте, их соединяющем. Жители населенных пунктов, не имеющих прямого пассажирского сообщения с Москвой, вынуждены совершать пересадку в транспортных узлах, до которых сначала добираются на местном (обычно автобусном) транспорте. Но частота его движения не всегда достаточна для комфортного планирования поездок, а вынужденные потери времени при ожидании во время пересадок делают поездку еще менее комфортной.

В ходе исследования выяснено, что лишь небольшая часть городов и поселков в Центральной России связана с Москвой напрямую. Необходима корректировка существующей сети, а также подходов к планированию промежуточных остановок на различных видах транспорта, чтобы люди, не имеющие возможности реализовать свой трудовой потенциал в родном городе или селе, могли добраться до крупных центров, предлагающих рабочие места с устраивающей их оплатой.

Анализ сложившейся транспортной сети позволяет со значительной степенью достоверности определить ареалы возвратной мобильности населения разного ритма, так как постепенно пассажирский транспорт становится все более зависим от законов свободного рынка: сообщение возникает только там, где в нем есть потребность.

Глава 2.4

Методы изучения трудовых российских миграций на региональном, муниципальном и локальном уровнях

Методы изучения трудовой мобильности населения в России можно разделить на два основных вида: камеральный, базирующийся на анализе данных официальной статистики, и полевой, который состоит в сборе и обработке статистической информации непосредственно в местах проведения исследований.

Камеральный анализ статистических данных

Среди источников информации существуют как специализированные исследования собственно трудовой мобильности населения путем его опроса, так и косвенные оценки, базирующиеся на сопоставлении структуры населения, рынков труда, транспортных потоков, налоговой и пенсионной статистики и т.д. В нашей стране со второй половины 2000-х гг. органами государственной статистики ежегодно проводится так называемое Обследование населения по проблемам занятости (далее – ОНПЗ)¹³, репрезентативное на уровне субъектов РФ и содержащее информацию о состоянии региональных рынков труда. С конца 2000-х гг. в данном обследовании также фиксируется информация о внутренней трудовой миграции населения, ее ритме и направлениях, что позволяет сформировать базовые представления о трудовой миграции в России.

Безусловное преимущество данных ОНПЗ состоит в их временной регулярности и методологическом единстве, что позволяет рассматри-

¹³ С I квартала 2016 г. название периодической публикации было изменено на «Обследование рабочей силы». Для краткости, здесь и далее будем называть это исследования в прежнем сокращении – ОНПЗ с указанием года проведения исследования.

вать потоки трудовых мигрантов как динамический процесс, реагирующий на внешние факторы (в частности, общеэкономическую конъюнктуру или реализацию масштабных инвестиционных проектов). Очевидны и недостатки ОНПЗ. Основной – возможность обобщения информации лишь на региональном и федеральном территориальных уровнях и невозможность анализа рынков труда на локальном (районном и поселенческом) уровне. Другой недостаток обусловлен выборочным характером обследования, что вызывает обоснованные вопросы к репрезентативности результатов. Тем не менее данные ОНПЗ позволяют оперативно проводить мониторинг состояния региональных рынков труда, оценивать количественный порядок и основные направления межрегиональной трудовой миграции, а также получать некоторые социально-демографические характеристики целевых групп мигрантов.

Основная часть трудовых миграций населения в России – внутрирегиональные, однако данные ОНПЗ лишь приблизительно оценивают численность мигрантов (в последние годы и ритм миграции), не предоставляя информации о территориальной организации потоков. Чтобы выявить пространственную структуру трудовых миграций внутри региона, нужно располагать данными, репрезентативными на уровне муниципалитетов, однако такие исследования в нашей стране не проводятся. В результате, единственным источником информации становятся сплошные обследования населения, а именно Переписи населения.

Пространственная трудовая мобильность населения фиксировалась в нескольких ключевых пунктах Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее – ВПН-2010). Важнейшие из них – о местоположении работы (вопросы № 11.2 и 11.3 в переписном листе): в населенном пункте проживания, внутри своего региона, за пределами своего региона с уточнением конкретного субъекта Федерации. Остальные вопросы переписи (например, пол, возраст, семейное положение, уровень образования и др.) в комбинации с вопросами о местоположении работы позволяют сформировать «социальный портрет», изучить возрастные, гендерные, экономические и иные характеристики трудовых мигрантов.

Оценка достоверности данных ВПН-2010 в отношении пространственной организации трудовой мобильности основывается на следующих соображениях. Методология ее проведения предусматривала возможность заполнения переписных листов на основе административных источников при невозможности проведения личного опроса или отсутствия респондента [Федеральный..., 2002, ст. 6, п. 3]. В этом случае должны были быть заполнены только основные графы переписных ли-

стов (пол и возраст), однако, по всей видимости, значительная часть дополнительных вопросов, в том числе и о месте работы, была заполнена переписчиками «по своему усмотрению» [Андреев, 2012]. Можно предположить, что переписчики при этом либо оставляли графу о местоположении работы пустой, либо указывали (для людей в трудоспособном возрасте), что место работы расположено в населенном пункте проживания, что избавляло их от необходимости дополнительно «выдумывать» ответы на уточняющие вопросы.

Отсюда следует, что общая численность людей, работавших за пределами населенного пункта постоянного проживания, Переписью занижалась. Сильнее всего это проявляется в крупнейших городах и в некоторых регионах Северного Кавказа (где достоверность результатов Переписи вообще ставится под сомнение [Белобородов, 2014]). Вместе с тем к данным по населению, указавшему наличие основной работы за пределами населенного пункта проживания и тем более конкретный регион выезда, можно относиться с большим доверием, поскольку видимых причин «сочинять» эти сведения для неопрошенных людей у переписчиков не было. В целом, достоверность и полноту данных о трудовой мобильности населения по материалам ВПН-2010 можно охарактеризовать как максимальную (или, по крайней мере, сравнимую с ОНПЗ). Несмотря на обоснованное недоверие к результатам переписи, ее данные позволяют установить базовые характеристики трудовой мобильности населения на уровне муниципальных образований и отдельных населенных пунктов (подробнее см. главу 2.6.).

В настоящий момент использование данных ВПН-2010 осложняется тем, что они устаревают, и соотносить их с данными ОНПЗ или иными статистическими материалами за последние годы становится все менее целесообразно. Тем более, что в экспертных интервью в различных регионах часто звучит мнение о существенном изменении численности трудовых мигрантов по сравнению с ситуацией 5–6-летней давности.

Дополнить и уточнить прямые наблюдения трудовой мобильности на уровне муниципалитетов позволяют косвенные оценки. Одним из таких методов является *сопоставление емкости локальных рынков труда с численностью трудовых ресурсов*.

Методика оценки емкости рынка труда в муниципальных образованиях предполагает использование только официальных статистических материалов. Под емкостью рынка труда подразумевается общее количество официальных и неофициальных (неформальных) рабочих мест. Суммарное число официальных рабочих мест рассчитывается как сум-

ма среднегодовых рабочих мест по организациям (далее – занятость в организациях) и в предприятиях малого и среднего бизнеса (далее – занятость в МСБ). Поскольку в сфере МСБ возможны две организационные формы ведения деятельности (с образованием юридического лица и индивидуальные предприниматели – ИП), то общее число рабочих мест рассчитывается как сумма среднегодовой численности работников у юридических лиц и общей численности работников у ИП (включая партнеров, помогающих членов семьи, наемных работников).

Статистика количества неофициальных рабочих мест на уровне муниципальных районов, городских округов, сельских и городских поселений не разрабатывается. Для всех субъектов РФ, тем не менее, на основе данных выборочного обследования населения по проблемам занятости органы статистики рассчитывают оценочные число и долю неформальной занятости в общем количестве рабочих мест. Из-за отсутствия иной стандартизированной информации по неформальной занятости для всех муниципальных образований принимается региональный коэффициент неформальной занятости (доля неформально занятых от общей численности работающего населения). Информация об источниках данных для расчета емкости рынка труда муниципального образования представлена в табл. 1.

На основе информации об общей численности занятых в формальном секторе экономики (сумма занятости в организациях и МСБ) и регионального коэффициента неформальной занятости вычисляется количество неформальных рабочих мест. В совокупности эти три крупных сектора работодателей формируют локальный рынок труда муниципального образования.

Поскольку в первой половине 2016 г. еще отсутствовала информация об итогах сплошного обследования МСБ за 2015 г., провести исследование возможно только на 2010 г. Обследование 2010 г. совпадает с годом проведения ВПН-2010, что дает возможность комбинировать данные этих двух источников.

На основе рассчитанной таким образом емкости рынков труда муниципальных образований и информации о трудовых ресурсах, полученных из ВПН-2010, можно рассчитать баланс трудовых ресурсов или, иначе говоря, оценить масштабы и направления трудовых миграций. Баланс трудовых ресурсов высчитывается как разность емкости рынка труда муниципального образования и численности его жителей, указавших в Переписи наличие работы. Если емкость рынка труда превышает численность жителей, имеющих работу, это означает, что населенный

пункт имеет положительный миграционный баланс (положительное сальдо), т.е. на работу приезжает больше людей, чем из него выезжает. Наоборот, если число людей, имеющих работу (резидентов муниципального образования), больше оценочной емкости локального рынка труда, это означает, что муниципалитет имеет отрицательный миграционный баланс. Использование данных о наличии работы может быть заменено оценкой численности населения в трудоспособном возрасте для тех лет, когда Перепись не проводилась, однако это даст большую погрешность.

Таблица 1. Источники данных о емкости рынка труда в муниципальном образовании

<i>Данные</i>	<i>Источник данных</i>	<i>Ссылка на ресурс</i>	<i>Доступные даты</i>
Среднесписочная численность работников организаций	База данных «Экономика городов России» портала Мультистат, база данных показателей муниципальных образований	~ http://www.multistat.ru/?menu_id=9310004	По городам: с 1991 по 2013 гг.
		http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm	По муниципальным образованиям: с 2006 г. по н. в.
Среднегодовое общее количество работников в субъектах малого и среднего предпринимательства (по юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям)	Сплошное наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства	http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/region.htm	2010 г., 2015 г. (на данный момент не опубликованы)
Численность занятых в неформальном секторе	Обследование населения по проблемам занятости	http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766	С 2006 по 2015 г.

Располагая оценкой сальдо трудовой миграции и данными о выездной трудовой миграции, полученными из материалов ВПН-2010 (вопросы № 11.2 и 11.3 в переписном листе о местонахождении работы), можно рассчитать входящий и исходящий потоки трудовых миграций. Данная оценка будет приблизительной из-за недоучета выездной трудовой миграции в Переписи, однако она является безальтернативной.

Предлагаемая методика, тем не менее, с высокой точностью может оценивать сальдо трудовых миграций. Основная погрешность, заложенная в ней, состоит в приблизительной оценке неформального сектора на основе данных по всему региону. Поэтому эта методика должна лучше проявлять себя для крупных городов и региональных центров (поскольку именно они и формируют основную выборку для всего региона), хуже – для малых городов, в каждом из которых размеры неформальной занятости могут сильно отличаться.

Поскольку методика предполагает использование данных сплошного обследования малого и среднего бизнеса, то она применима только для тех годов, когда такие исследования проводятся. На уровне регионов применение данной методики возможно для любого года, начиная с 2006 г., когда стали проводиться обследования населения по проблемам занятости.

Важнейший результат расчета сальдо трудовых миграций на уровне муниципалитетов заключается в возможности установить конкретные муниципалитеты-акцепторы трудовых мигрантов, что недостижимо с использованием других методик и данных.

Полевые исследования

Большинство специалистов отмечает, что единственный достоверный способ подсчитать на локальном уровне общую численность отходников и маятниковых мигрантов – это *поквартирный или подомовой обход*. Однако даже при допущении, что большинство жителей согласятся быть опрошенными, этот метод крайне трудоемкий и требует больших затрат времени.

Исследования по проекту «Отходники», проведенные сотрудниками лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ [Плюснин и др., 2013; 2015], опирались на поквартирный обход в рамках разработанного в лаборатории метода «сагиттального картирования». Новизна этого метода состояла в том, что исследователи проводили обход жителей в малых городах и крупных селах по главной улице (*«Мы выбирали в горо-*

де улицу, которая пересекает весь его вдоль (делит город сагиттально); это обычно самая длинная и центральная улица с домами как частного сектора, так и многоквартирными» [Плюснин и др., 2013, с. 53]). Такой способ применялся в большей мере при поиске респондентов для проведения глубинных интервью, а не для статистического учета численности отходников. Тем не менее даже при внушительном массиве интервью, проведенных в рамках проекта (суммарно свыше 200 в 60 населенных пунктах), репрезентативной картины по каждому обследованному городу или селу так и не сложилось.

Другой вариант проведения полевых исследований внутренних трудовых миграций – это *опросы и анкетирование* жителей в рамках *репрезентативных выборок*. К таким методам, позволяющим одновременно оценить и численность трудовых мигрантов, и их состав, а также получить некоторые качественные характеристики, прибегали исследователи рынков труда в малых городах [Мкртчян, Флоринская, 2016] и в сельской местности [Великий, 2010]. В рамках работы по проекту «Трудовая мобильность населения малых городов России: текущие оценки и потенциал для российского рынка труда. Миграция и риски возникновения трудных жизненных ситуаций» под руководством Ю.Ф. Флоринской проводились телефонные опросы жителей четырех малых городов (по два в европейской и азиатской частях России, расположенных вне зон влияния крупных агломераций), что позволяло выявить численность трудовых мигрантов и количество домохозяйств, где хотя бы один из членов вовлекался в трудовую миграцию на протяжении последних пяти лет. Затем в городах методом экспертных интервью выявлялись факторы трудовой мобильности населения и проводился анализ местных рынков труда на основе всех доступных статистических материалов. Качественные оценки, полученные в рамках подобного полевого исследования, оказались схожими с данными ВПН-2010 и, в обобщенном виде, с итогами ОНПЗ.

Для обследований малых городов применяются также различные *балансовые методы* (описанные выше или более сложные, предложенные в работе по проекту «Отходники» [Заусаева, 2013]), с опорой на местную статистику (материалы центров занятости населения, статистики, собираемой районными администрациями и не попадающей в официальные статистические издания). Но и они не всегда позволяют провести качественный анализ рынка труда. Причиной тому является низкое качество статистики или ее отсутствие. Далеко не в каждом городе в центрах занятости либо в отделах администраций рассчитываются балансы трудовых

ресурсов и даже численность экономически активного населения, иногда специалисты оперируют лишь показателем численности населения в трудоспособном возрасте и более точной информации о трудовых ресурсах не имеют.

В сельских населенных пунктах долгое время информация о занятости населения, в том числе о занятости за пределами населенного пункта, фиксировалась в *похозяйственных книгах*. Анализ материалов похозяйственных книг, пусть и трудоемкий, позволял получить наиболее полную информацию и о структуре занятости населения, и о численности трудовых мигрантов. В настоящее время работа с похозяйственными книгами осложняется нормами использования персональных данных, а также реформой самих похозяйственных книг: теперь сведения о занятости сельских жителей в них не отражаются, а основное внимание уделяется надворным постройкам и подсобным хозяйствам, а не сельским жителям. Поэтому этот источник информации подходит для целей исследования трудовой мобильности все меньше.

Благодаря тому, что в сельской местности информацией о занятиях сельских жителей обладают главы сельских поселений и сотрудники сельских администраций, одним из методов исследования сельских рынков труда и занятости населения являются *экспертные интервью*. Сотрудники администраций сельских поселений могут «мысленно пробежаться по улицам» (из интервью с главой Рыбино-Будского сельского поселения в Обоянском районе Курской области) и назвать численность и отходников, и маятниковых мигрантов.

Опираясь на такой метод, в некоторых регионах уже проводились собственные *мониторинги численности отходников и/или маятниковых мигрантов*. Так, по инициативе департамента по труду и занятости Костромской области в 2007 и 2012 гг. был проведен мониторинг численности отходников по муниципальным районам. Сотрудники департамента, как и другие специалисты, замечают, однако, что такая методика не всегда давала качественные результаты. Наиболее приблизительные оценки были получены в тех случаях, когда в составе сельских поселений оказывались населенные пункты с численностью населения свыше 1000 человек – при такой людности главы сельских поселений просто не могут знать всех отходников [Плюснин, Слободской-Плюснин, 2014]. Проведенный мониторинг должен был выявить только занятых за пределами Костромской области, хотя отходничество возможно и в пределах одного региона, особенно если он имеет такую большую площадь, как Костромская область.

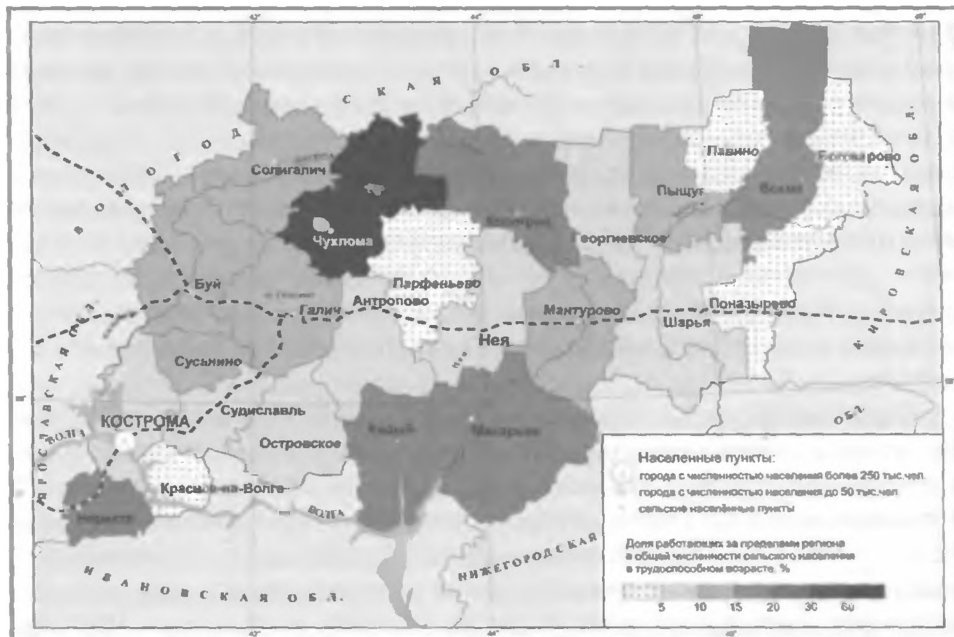
Если сопоставить результаты мониторинга (рис. 1) с данными ВПН–2010 (рис. 2), видны различия в ситуации (возможно, сказалось то, что мониторинг проводился в 2012 г., а перепись населения – в 2010 г., однако существенных изменений на рынке труда за эти годы не происходило). По результатам переписи населения доля работающих за пределами Костромской области оказывается ниже (7,1%), чем по результатам мониторинга (10,4%).

Характер территориальной дифференциации доли трудовых мигрантов, работающих за пределами Костромской области, в занятом населении (рис. 1) выглядит довольно сложно. Чрезвычайно высок процент таких трудовых мигрантов на рынке труда в Чухломском районе (что, в целом, не противоречит идее унаследованности традиций отходничества, выявленных в других исследованиях [Плюснин и др., 2013], но вызывает некоторые сомнения из-за аномально высокого значения, свыше 60%). Повышенная доля работающих за пределами Костромской области наблюдается как в районах на границе с Ярославской областью, так и в периферийных удаленных районах, Кологривском и Вохомском. Поэтому качество подобного мониторинга ставится многими учеными под сомнение.

Территориальная дифференциация трудовых мигрантов по результатам микроданных переписи (рис. 2) вызывает у исследователей меньше вопросов. Наибольшая доля работающих за пределами области – в Нерехтском районе (66%), который граничит с Ярославской областью. Вслед за ним с большим отрывом – Буйский район (23%), отличающийся удобным транспортным положением на пересечении крупных железнодорожных магистралей и также расположенный на границе с Ярославской областью. Затем идут районы, традиционно (еще с XIX в. [Владимирский, 1927; Жбанков, 1891]) известные как места отхода сельского населения: Макарьевский (13%), Чухломский (10%), Солигаличский (8%) и другие. Минимальная доля трудовых мигрантов – на периферии региона (Вохомский, Октябрьский, Павинский, Межевской районы), а также в районах, расположенных вокруг Костромы, так как в них более распространены ежедневные или сменные трудовые поездки в региональный центр.

Еще одна методика, позволяющая более точно оценить численность трудовых мигрантов и роль трудовых миграций в занятости населения, – *комбинирование материалов экспертных интервью с сотрудниками администраций сельских поселений и балансового метода*. Для этого требуется получить данные о численности трудоспособного населения,

реально проживающего на территории сельского поселения (такие данные, как правило, есть у сотрудников сельских администраций), и полный перечень рабочих мест, существующих в поселении. Разница между количеством занятых рабочих мест и численностью наличного трудоспособного населения позволит оценить приблизительное число тех, кто не занят на месте либо имеет неформальную занятость в пункте проживания.

*Рис. 1. Доля работающих за пределами Костромской области от общей численности населения в трудоспособном возрасте
 По материалам мониторинга областного
 Министерства по труду и занятости, 2012 г.*

Оценить пропорцию между теми, кто исключен из местных рынков труда либо имеет неформальную занятость, и трудовыми мигрантами можно только с помощью экспертных интервью. Как правило, главы сельских поселений хорошо знают, сколько жителей имеют товарные подсобные хозяйства, сколько – перебиваются случайными заработками, сколько в селе иждивенцев, кто и как надолго выезжает на заработки в другие города и регионы. Иногда подобная информация четко фиксируется в статистических материалах администраций сельских поселений.

разрабатываемых для внутреннего пользования. С появлением в 2013 г. данных ВПН-2010 стало возможным уточнить количество иждивенцев, получателей пособий и самозанятых: на это направлен вопрос № 10.1 переписного листа «Основной источник дохода». Но данные Переписи ежегодно устаревают, поэтому комбинировать местную статистику и материалы переписи становится все более проблематично.

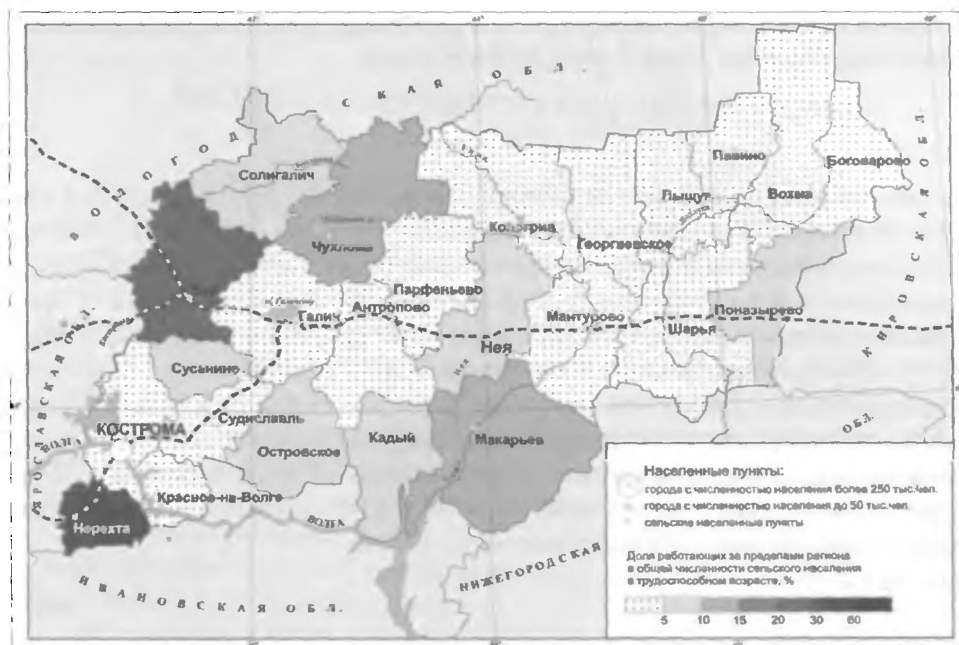

Рис. 2. Доля работающих за пределами Костромской области от общей численности населения в трудоспособном возрасте По данным ВПН-2010

В отдельных случаях подробную информацию о структуре занятости сельского населения можно получить, не прибегая к полевым исследованиям. В ряде регионов для каждого сельского поселения разработаны подробные *паспорта*, где приводится детальная характеристика состава населения и иногда даже указывается структура занятости населения и число отходников. Но единого образца паспортов сельских и городских поселений, как и нормативного акта, требующего их наличия, нет, поэтому говорить об универсальности методики использования паспортов не приходится. Даже в границах одного района полнота и качество инфор-

мации в паспортах сельских поселений нередко очень сильно различаются.

Иногда детальную информацию о рынке труда можно найти не в паспортах сельских поселений, а в общих материалах на их сайтах. Так, даже в пределах одного региона в одних районах подробные сведения о местных рынках могут быть размещены на сайтах всех сельских поселений, в других районах такую информацию можно почерпнуть только из отчетов глав сельских поселений, а в остальных районах информации о локальных рынках труда может не быть вовсе.

* * *

Возможности для дистанционного анализа структуры занятости и ее оценки ежегодно увеличиваются, но единой системы предоставления информации на локальном уровне по-прежнему нет. Поэтому давать оценки численности и доли трудовых мигрантов в структуре населения страны и регионов можно используя либо ежегодно устаревающие микроданные ВВП-2010 г., либо используя материалы ОНПЗ, принимая во внимание все возможные обобщения, неточности и недостатки. Для исследований на локальном уровне лучше всего подходят полевые экспедиционные исследования, но и их результаты сильно зависят от квалификации и заинтересованности глав сельских поселений и сотрудников их администраций, а также от квалификации исследователей.

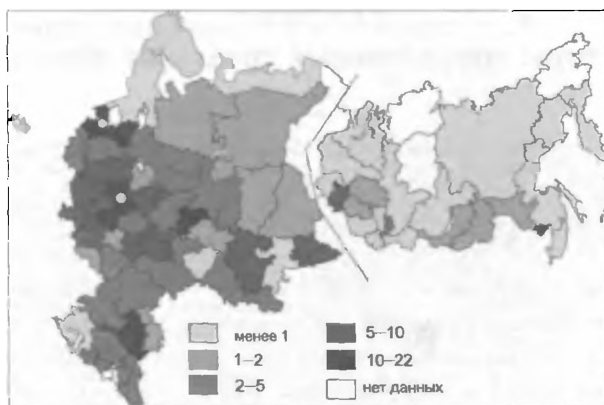
Глава 2.5

Векторы современных трудовых миграций

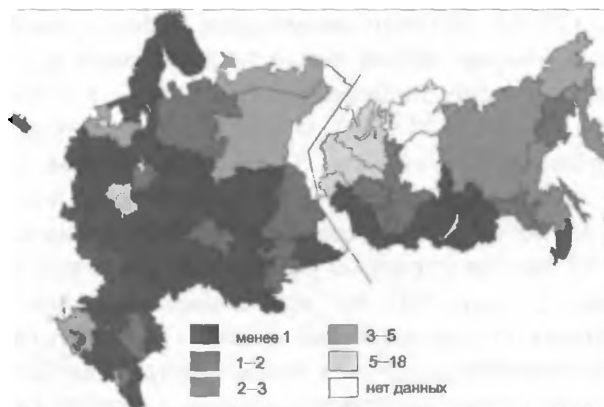
В главе рассмотрены основные направления межрегиональных трудовых миграций российского населения в сравнении с другими видами миграций. Несмотря на ранее рассмотренные недостатки основного источника (ОНПЗ) (см. подробно главу 2.4), он дает регионально дифференцированную информацию, важную для географического анализа. К тому же для понимания причин мобильности населения важно использовать иные социально-экономические и демографические показатели, представленные также в региональном разрезе в многочисленных справочниках Федеральной службы государственной статистики. Для понимания процессов в более крупном масштабе можно подключать и другие уровни обследования по городам или муниципальным районам отдельных регионов, что и будет показано в конце данной главы и в последующих главах (см. главы 2.6. и 2.7).

Материалы ОНПЗ в плотно населенных районах наиболее адекватны. Например, в Москве общее число приезжающих в столицу трудовых мигрантов достигает, по данным ОНПЗ, более 1,1 млн чел., причем почти половина из них (470 тыс.) совершает ежедневные маятниковые миграции из Московской области. Само Подмосковье привлекает, по официальным данным, 183 тыс. трудовых мигрантов, что не компенсирует отток трудоспособного населения в столицу. К ним в Подмосковье добавляется 150 тыс. иностранных рабочих, получивших разрешение на работу в России, и около 100 тыс. приезжающих на постоянное место жительства (правда, трудоспособных из них – около половины). Все эти сложные потоки перемещающегося населения требуют постоянного мониторинга. Однако его нет, поэтому приходится опираться на официальные данные, выборочные наблюдения и оценки специалистов.

Несмотря на недостатки региональной информации, ее анализ, представленный на картах (рис. 1, 2 и 3), позволяет оценить масштабы въезда и выезда отходников в разных регионах России. Кроме того, полезно сопоставить пространственные вариации отходничества с привлекательностью регионов для иностранных рабочих, получивших разрешение на работу, и для населения, переезжающего на постоянное место жительства (рис. 4 и 5, табл. 1 и 2).

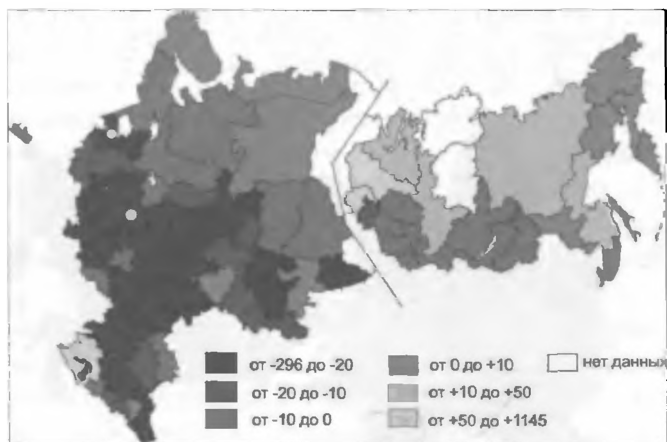
*Рис. 1. Отношение числа выезжающих работать в другие субъекты РФ к численности занятых в своем регионе, 2012 г., %
По данным [Труд и занятость, 2013]*

*Рис. 2. Отношение числа въезжающих работать в субъект РФ к численности занятых в данном регионе, 2012 г., %
По данным [Труд и занятость, 2013]*

Важность такого рода сопоставлений показывает простой пример. Белгородская область как одна из аттрактивных для мигрантов областей России привлекла в 2012 г. 8,6 тыс. населения на постоянное место жительства (баланс въезда и выезда), в 2013 г. – 6.6 тыс. [Численность населения, 2013, 2014]. Из них лишь немногим более половины мигрантов были трудоспособного возраста. При этом, по заниженным данным, работать в другие регионы в 2012 г. уехало 8,4 тыс., а в 2013 г. – 12 тыс. трудоспособного населения. Так что, несмотря на кажущееся благополучие миграционного баланса, область теряет трудовые ресурсы.

Наибольший отток трудовых ресурсов испытывают пригородные Московская и Ленинградская области, отдающие своих работников Москве и Петербургу (рис. 1). Велики потоки трудовых мигрантов и из соседних с ними регионов, которые, в отличие от пригородов столиц, не получают компенсацию из других областей (рис. 2). При этом зона сбора трудовых мигрантов столичными регионами в последние годы заметно расширилась (рис. 3). Даже при заниженных показателях баланса въезда и выезда отходников и гастарбайтеров видно, что по массовости они значительно больше, чем нетто-баланс населения на постоянное место жительства.

*Рис. 3. Баланс въезда и выезда российских трудовых мигрантов на временную работу в субъектах РФ, 2012 г., тыс. чел.
По данным [Труд и занятость, 2013]*

При этом регионы предпочтения отходников и гастарбайтеров несколько различаются (рис. 4). Если российские трудовые мигранты едут

преимущественно в Москву, Петербург, нефтяные районы и Краснодарский край, то зона притяжения гастарбайтеров гораздо шире. Помимо этих субъектов, это также поволжские, уральские и сибирские регионы.

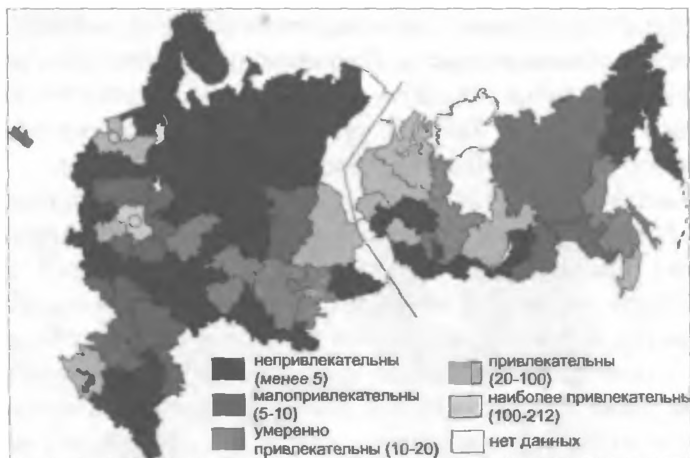

Рис. 4. Привлекательность субъектов РФ для иностранных граждан, получивших разрешение на работу, по субъектам РФ, 2012 г. (оценивалось по общей численности в тыс. чел.). По данным [Труд и занятость, 2013]

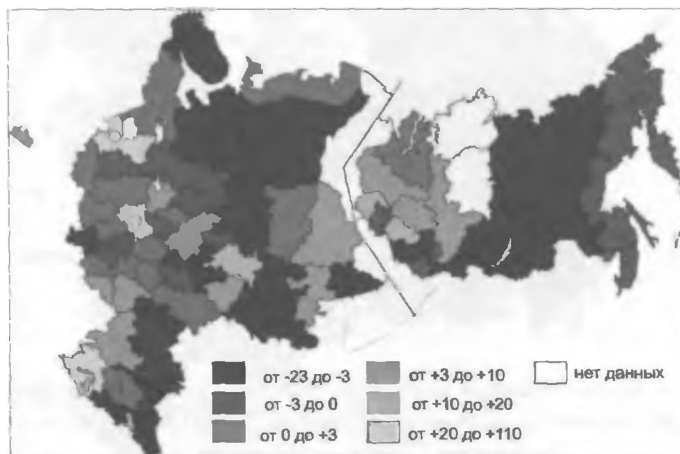

Рис. 5. Привлекательность субъектов РФ для миграций в города на постоянное место жительства, 2012 г. (оценивалось по миграционному балансу, тыс. чел.) По данным базы «Мультистат» за 2012 г.

Десять субъектов РФ концентрировали в 2012–2013 гг. 87% всего въезда российских трудовых мигрантов из региона в регион (табл. 1), в том числе Москва – 51%, Московская область – 8%. Эти же десять субъектов привлекли 65% иностранных рабочих, а их города – 80% всех мигрантов на постоянное место жительства. Сельская местность была и остается непривлекательной как для миграций на ПМЖ, так и для отходников. Проведенные опросы показали, что к переезду в сельскую местность для работы даже по специальным программам готовы лишь 6–7% безработных [Денисенко и др., 2009].

Максимальный выезд населения на заработки характерен для Башкортостана, однако он направлен в нефтяные округа Сибири (68%), на нефтедобывающие предприятия Коми и Татарстана, а в крупные центры (Москву, Екатеринбург) направляются лишь по 5% отходников. Отход в большинстве других регионов Европейской России все же ориентирован на столицу. Тульская и Владимирская области обеспечивают 16% всех отходников в Москве и Московской области, Ивановская и Тверская дают еще 9% отходников. Выделяются Брянская и Смоленская области, республика Чувашия, Пензенская, Тамбовская области.

Существует устойчивое представление, что основной отход в Москву и Московскую область идет из нечерноземных областей в связи с упадком их сельского хозяйства и множеством малых депрессивных городов. Примыкающие к столичному региону области дают действительно 32% всех отходников, работающих в столичной агломерации. Однако все остальные регионы Нечерноземья, человеческий потенциал в которых сильно истощен, дают всего 12%. Зато еще 31% приезжает из Поволжья, особенно из республик (14%), и 23% – с юга России¹⁴. Так, Ставропольский край поставляет в 2,5 раза больше отходников в столичный регион, чем, например, Костромская область.

Попытаемся сравнить выталкивающие и притягивающие факторы отходничества и других видов миграций населения. В качестве таковых использовались отдельные показатели по субъектам РФ. Прежде всего напрашивается сопоставление с безработицей населения. В 2012 г., по статистике, в России насчитывалось около 8 млн незанятого экономически активного населения (ЭАН), или около 10% ЭАН. Максимальное число незанятых было на Северном Кавказе (почти 30%), в Центральном и Северо-Западном ФО – 11–12%, восточнее – около 8%. Численность безработных, рассчитанная по методике Международной организации тру-

¹⁴ Рассчитано по данным Обследования населения по проблемам занятости, 2013 г.

**Таблица 1. Десять субъектов РФ – лидеров по притоку
трудовых мигрантов и их привлекательность
для иностранных рабочих и миграций
на постоянное место жительства в города
и сельскую местность, 2012 г.**

Субъекты РФ -	Общее число въехавших в субъект РФ из других регионов на заработки, тыс. чел.	Отношение въехавших в субъект РФ из других регио- нов на зарабо- тки к общему числу занятых в субъекте, %	Баланс въезда и выезда трудовых мигрантов в субъекте РФ, тыс. чел.	Общее число иностран- ных рабочих, получивших разрешение на работу в субъекте РФ, тыс. чел.	Баланс мигра- ций в горо- да на ПМЖ, тыс. чел.	Баланс мигра- ций в сельскую местность на ПМЖ, тыс. чел.
г. Москва	1153,8	17,6	1144,9	211,1	99,5	6,3
Московская обл.	183,3	6,2	-294,7	149,3	98,4	11,2
г. Санкт-Петербург	180,4	7,1	170,2	148,5	74,1	0,0
Тюменская область	126,9	6,5	125,7	77,1	19,9	-3,1
Ханты-Мансийский АО	96,6	10,6	96,4	41,7	7,2	-2,2
Краснодарский край	83,8	3,6	61	54,4	36,3	10,0
Ямало-Ненецкий АО	46,3	12,4	45,9	21,6	0,4	-1,6
Ленинградская обл.	28	3,7	-107,4	34,7	14,6	12,6
Свердловская обл.	22,1	1,1	-4,8	26,6	9,8	-3,0
Республика Татарстан	21,6	1,2	-13,1	18,4	10,8	-1,0
10 регионов	1942,8			783,4	370,8	29,3
в % к РФ	87%			65%	80%	

По данным [Труд и занятость, 2013; Регионы России, 2013; Численность и миграции, 2013].

**Таблица 2. Десять субъектов РФ – лидеров по оттоку
трудовых мигрантов и их привлекательность/непривлекательность для иностранных рабочих и
мигранций
на ПМЖ в города и сельскую местность, 2012 г.**

Субъекты РФ	Общее число выехавших из региона в другие субъекты РФ на заработки, тыс. чел.	Отношение выехавших из региона в другие субъекты РФ на заработки к общему числу занятых в регионе, %	Баланс въезда и выезда трудовых мигрантов в субъектах РФ, тыс. чел.	Общее число иностранных граждан, получивших разрешение на работу в регионе, тыс. чел.	Баланс миграций в города на ПМЖ, тыс. чел.	Баланс миграций в сельскую местность на ПМЖ, тыс. чел.
Московская обл.	478	16,3	-294,7	149,3	98,4	11,2
Респ. Башкортостан	136,2	7,6	-130,5	11,4	0,5	-9,4
Ленинградская обл.	135,4	18,1	-107,4	34,7	14,6	12,6
Тульская обл.	91,5	11,9	-89,4	14,4	-2,8	2,5
Чувашская респ.	74,1	13,0	-70,1	0,9	1,1	-5,5
Владимирская обл.	61,3	8,8	-56,3	9,7	-2,2	-0,7
Омская обл.	52,8	5,6	-51,8	1,6	1,1	-4,2
Пензенская обл.	48,1	7,2	-47	3,0	-0,4	-1,8
Ростовская обл.	46,7	2,4	-36,4	8,3	10,8	-7,2
Ивановская обл.	46,5	9,4	-43,9	1,8	1,1	0,0
10 регионов	1170,6			237,1	122,1	-2,5
в % к РФ	52%			20%	27%	

По данным [Труд и занятость, 2013; Регионы России, 2013; Численность и миграции, 2013].

да, достигала 4,2 млн чел. (в предыдущие годы – до 6,3 млн), их средний возраст – 35 лет [Труд и занятость, 2013]. Коэффициент корреляции доли незанятых в ЭАН с показателем отношения числа выезжающих из региона трудовых мигрантов к занятым в нем, тем не менее, не очень высок и равен 0,29. Более важным выталкивающим фактором ($K = -0,33$) служат низкие зарплаты или доходы населения. Именно доходы (зарплата)¹⁵ оказались наиболее важным фактором для всех миграций в города¹⁶, особенно отходников.

В меньшей степени притягивает или отталкивает отходников состояние промышленности и сельского хозяйства (табл. 3), в отличие от иностранных рабочих, для которых относительно развитая промышленность более важна. И хотя между въездом отходников в регион и промышленным производством на душу населения есть положительная связь, для баланса въезда и выезда этот показатель совсем не значим, что говорит о сильном промывном режиме в таких регионах. Регионы с повышенными объемами производства сельскохозяйственной продукции на душу населения, наоборот, демонстрируют наибольший отъезд в отход, что отчасти объясняется перенаселенностью сельского Юга.

Наиболее значимые коэффициенты корреляции всех миграций фиксируются с показателем розничного товарооборота на душу населения, что подтверждает тот факт, что почти все мигранты, а отходники особенно, стремятся в крупнейшие города, прежде всего в Москву, в столицы своих регионов или крупнейшие центры с развитой сферой услуг. В целом, поток отходников идет в регионы-доноры даже в большей степени, чем приток мигрантов на постоянное место жительства и иностранных рабочих (хотя сильно заниженные показатели численности мигрантов не позволяют утверждать это однозначно).

Расчеты показали, что для отходников привлекательны те же регионы и города, что и для основного потока мигрантов, приезжающих на постоянное место жительства, – прежде всего крупные города, Москва и Подмосковье. Коэффициент корреляции баланса въезда/выезда российских трудовых мигрантов и нетто-миграций городского населения на ПМЖ составляет 0,51. Несмотря на лукавство всех показателей, отражающих масштабы миграций, очевидны некоторые общие векторы переме-

¹⁵ В разрезе регионов эти два показателя имеют коэффициент корреляции 0,93.

¹⁶ В данной работе доходы не сравнивались с прожиточным минимумом в регионах, поскольку отходники тратят деньги не там, где зарабатывают, а дома.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции разных видов миграций с социально-экономическими показателями субъектов РФ на душу населения, 2012 г.

	Доходы населения	Объем промышленной прод.	Объем сельскохозяйственной прод.	Оборот розн. торговли	Инвестиции	Ввод жилья	Финансовый результат деятельности организаций
Отношение числа выезжающих из субъекта трудовых мигрантов из РФ к числу занятых в нем	-0,33	-0,22	0,23	-0,21	-0,21	0,11	-0,17
Отношение числа въезжающих в субъект трудовых мигрантов из РФ к числу занятых в нем	0,63	0,37	-0,25	0,59	0,44	0,25	0,78
Баланс выезда и въезда трудовых мигрантов	0,39	0,08	-0,19	0,52	0,07	-0,12	0,34
Отношение числа иностранных рабочих, въезжающих в субъект РФ, к числу занятых в нем	0,60	0,46	-0,27	0,48	0,55	0,27	0,27
Баланс миграций на ПМЖ городского населения	0,32	0,02	0,1	0,55	0,03	0,37	0,25
Баланс миграций на ПМЖ сельского населения	0,19	0,08	0,01	0,21	0,09	0,24	0,05

Рассчитано по данным [Регионы России, 2013; Труд и занятость, 2013]

Векторы современных трудовых миграций

щений населения. Это подтверждают и другие исследователи [Мкртчян, 2009]. А поскольку наиболее полная информация имеется о мигрантах на ПМЖ, спускаясь на следующий масштабный уровень привлекательности или непривлекательности городов для мигрантов, рассмотрим их предпочтения, предполагая, что потоки отходников в города могут следовать теми же путями.

Изменение привлекательности городов разного размера

На рис. 6–12 показано, какие города были наиболее привлекательны в разных макрорегионах (см. главу 1.1) в постсоветское время (суммарный поток по трехлетиям) [Нефедова, 2014]. На Европейском Севере в 1990-х гг. наиболее пострадавшими оказались столицы регионов и средние города (рис. 6). В последние годы нарастал отток из малых городов. В целом, городское пространство Севера деформировалось в сторону увеличения роли сотысячников и малых полусельских городов, выживающих промыслами.

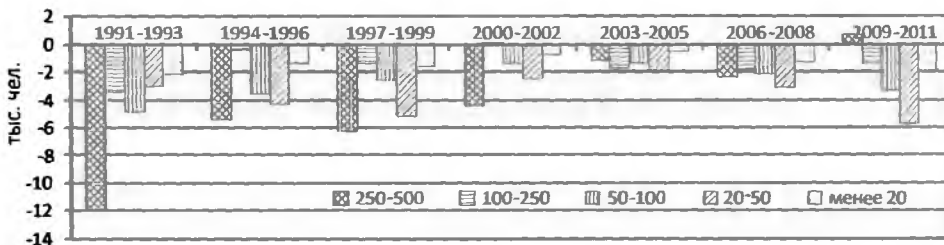

Рис. 6. Миграционный баланс городов разного размера по трехлетиям на Европейском Севере с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

В Нечерноземье наиболее привлекательными были региональные столицы, хотя временный спад миграционной активности в начале 2000-х гг., как и в России в целом, на графике на рис. 7 виден явно. В целом за 20 лет в максимальном выигрыше оказались города с населением 250–500 тыс. жителей. Хотя для этих областей, окружающих столичный регион, все официальные показатели прибавки населения не соответствуют действительности, поскольку значительная часть трудоспособного населения, особенно в малых городах, – это отходники, которые работают в столицах или рядом с ними.

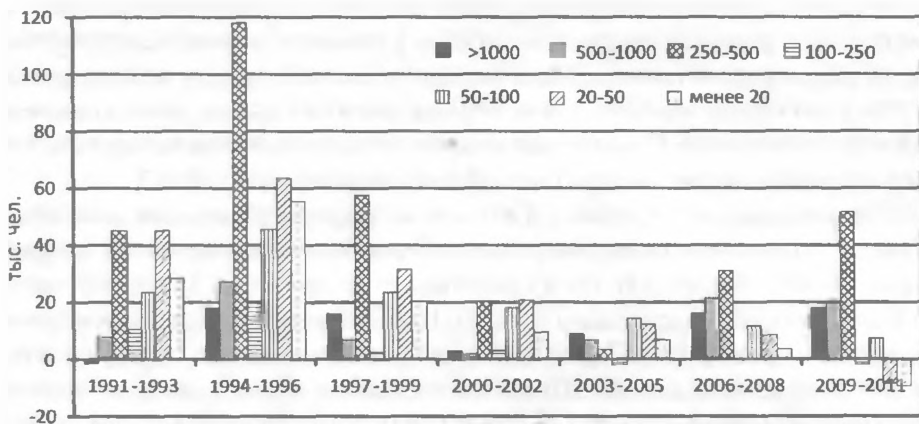

Рис. 7. Миграционный баланс городов разного размера по трехлетиям в Нечерноземье (без Москвы, С.-Петербурга и Московской области) с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

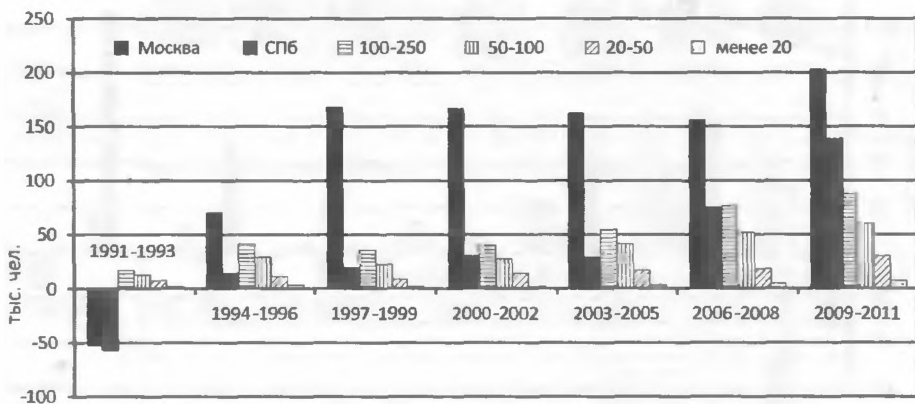

Рис. 8. Миграционный баланс по трехлетиям Москвы, С.-Петербурга и городов Московской области разного размера с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

Совсем иная ситуация была в столичных субъектах РФ. После сокращения притока населения в самом начале 1990-х гг. Москва стала максимально привлекательной с 1997 г. При этом постепенно увеличивалась привлекательность Санкт-Петербурга и сотысячных городов Московской области (рис. 8). Население всей России стягивалось в крупнейшие центры страны. Роль средних городов Московской области также воз-

растала. А малые города были привлекательны для отходников и гастарбайтеров из соседних стран из-за более дешевого жилья, но статистика их не фиксирует. В целом, Московская область по вводу нового жилья с 2004 г. обогнала Москву, заняв первое место в стране. Доля покупателей недвижимости в Подмоскovie из Москвы составляла около 15%, а из других регионов превышала треть [Махрова, Нефедова, 2013].

Миграционная ситуация в 1990-е гг. в Среднем Поволжье и на Урале отчасти напоминала общероссийские процессы и положение в Нечерноземье. Однако в 2000-х гг. пространство стало меняться в сторону гораздо более резкой поляризации (рис. 9). Население все больше привлекают города-миллионеры, в то время как все остальные города (за исключением 500-тысячников в 2009–2011 гг.) показывали отток либо в региональные центры, либо в столицы. В наихудшем положении оказались города с населением менее 20 тыс. жителей, усиливающийся отток жителей из которых нивелировал все прибавки 1990-х гг.

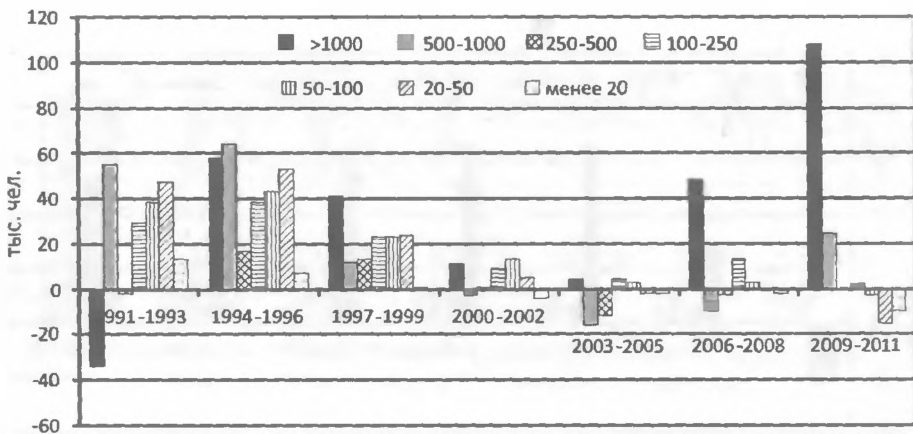

Рис. 9. Миграционный баланс городов разного размера по трелетиям в Среднем Поволжье и на Урале с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

На юге Европейской России практически все города привлекали население, и только с 2009 г. из малых городов начался отток (рис. 10). Однако максимальная прибавка населения характерна для городов с населением от 250 тыс. до 1 млн чел. При этом для кавказских республик были характерны иные тенденции с оттоком населения даже из столичных городов, хотя эти данные наименее надежны.

Миграционное пространство в Западной и Восточной Сибири очень контрастно. На юге Западной Сибири даже крупнейшие города в русле общего западного дрейфа миграций в России [Зайончковская, 2012] временами давали отток. Но к концу 1990-х и в 2000-х гг. именно они оставались привлекательными для своего населения и мигрантов из стран СНГ (рис. 11). И даже северные нефтяные округа, показывавшие разную динамику, включая рост малых городов, к концу нулевых пришли к повышенной привлекательности наиболее крупных центров.

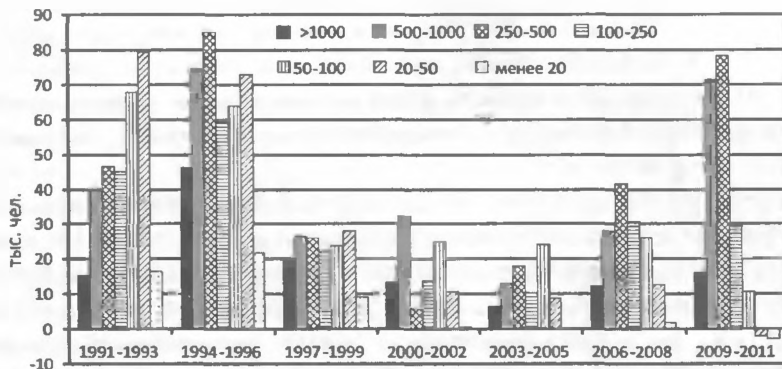

Рис. 10. Миграционный баланс городов разного размера по трехлетиям на равнинном европейском Юге с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

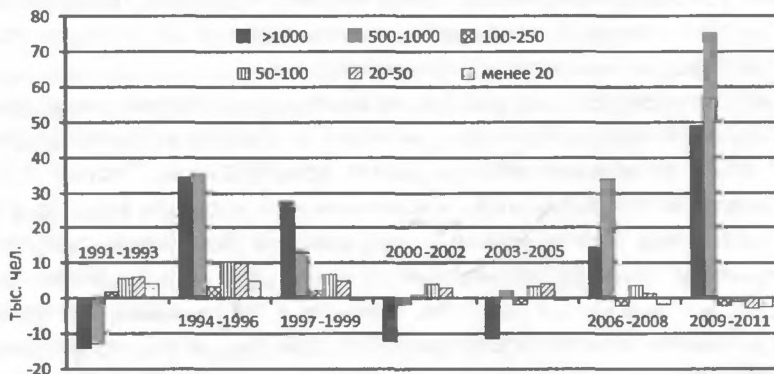

Рис. 11. Миграционный баланс городов разного размера по трехлетиям на юге Западной Сибири (без нефтяных округов) с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

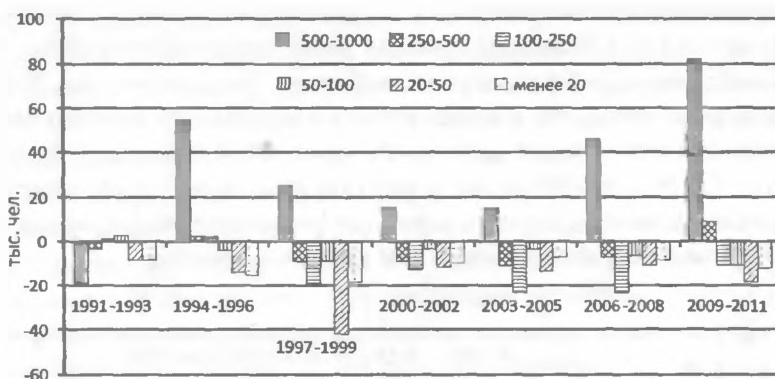

Рис. 12. Миграционный баланс городов разного размера по трехлетиям на юге Восточной Сибири и Дальнего Востока с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

В Восточной Сибири и на юге Дальнего Востока только столицы регионов были и остаются привлекательными и для переселения, и для работы, для остальных городов характерен перманентный отток населения (рис. 12). Отмечается даже частичная замена прежних установок на выезд молодежи восточных регионов из страны желанием переехать либо в Москву и С.-Петербург, либо в центр своего региона [Данилова, 2010]. В результате восточно-сибирские и дальневосточные города в большинстве своем потеряли население, особенно сильно – сотни тысячные и малые города. Привлекательными остались лишь столицы как некие «соборы в пустыне». На северо-востоке страны население теряли практически все города, общие миграционные потери населения за 20 лет достигли 20% городского населения этого макрорегиона.

Все эти тенденции еще раз доказывают ориентацию населения России на крупные городские центры. Они начались не вчера [Трейвиш, 2003] и лишь усиливают поляризацию пространства России. На фоне продолжающейся урбанизации формируются и географические векторы отходничества. Его причины и направления поездок на работу лучше рассмотреть на примере отдельных регионов. Экспедиционное обследование их муниципальных районов, городов и населенных пунктов, беседы с представителями администраций и с самими отходниками позволяют понять, что толкает население к такому разделенному образу жизни. Далее приводятся примеры трех типов регионов: относительно удаленной Костромской области, соседней с Подмосковьем Тульской области и территории между Москвой и Петербургом, включающей северо-запад

Московской, Тверскую, Новгородскую и юг-восток Ленинградской областей. Обобщение показателей мобильности населения на муниципальном уровне для всей России представлено в следующей главе.

Костромская область

Кострома как центр субъекта РФ в макроэкономическом плане может быть отнесена к периферии Центрального федерального округа. Еще в большей степени это касается всей Костромской области. Во многом это определило и социально-экономическое положение ее городов.

Города области, кроме столицы региона, в большинстве своем заметно теряют население. Кострома с ее 273 тыс. жителей в 2014 г. уступает по населению столицам соседних регионов: Ярославлю (602 тыс.), Иваново (409 тыс.). Поэтому ее влияние распространяется на небольшую территорию, тем более, что Кострома расположена в юго-западном углу области, вытянутой более чем на 300 км. По существу оно заметно в муниципальных районах, являющихся соседями первого и второго порядка. Кроме столицы, в регионе нет больших городов. Городской округ Шарья на востоке (удаленный от региональной столицы на 260 км) в 7 раз меньше Костромы.

В 2000-х гг. наметились основные точки экономического роста региона: Кострома, соседний город Волгореченск (где расположены Костромская ГРЭС и трубный завод, входящий в структуру «Газпрома»), а также Шарья на востоке области, все больше берущая на себя роль второго центра региона, в т.ч. и из-за эксцентриситета его столицы. И хотя «бурный рост» численности населения в Шарье в 1990-х гг. связан с присоединением поселка Ветлужский, в последние годы благодаря миграционному приросту темпы уменьшения населения замедлились. Соотношение абсолютных и относительных (на 1000 чел. населения) размеров естественной убыли и миграционного притока/убыли населения в разных городах области на рис. 13 и 14 показывает, что лишь Кострома и Шарья оставались привлекательными для мигрантов и меньше теряли население из-за естественной убыли благодаря более молодому населению.

Экономическое положение городов Костромской области на фоне других городов России неблагоприятно. Во всех городах зарплата не сильно превышала прожиточный минимум (в 1,5–2 раза), за исключением Костромы и Волгореченска, где заработки выше. Однако тратили люди свои деньги часто в Костроме, которая выделяется по объему

розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения, или в других крупных центрах за пределами области. Кострома и Волгореченск отличаются и по темпам/объемам ввода жилья, что служит хорошим индикатором общей экономической активности. От них заметно отстают Шарья и Галич. Вместе с Буйем и Нерехтой их все же можно отнести к группе городов-середняков, которые отчасти сохранили промышленные производства или привлекли новые инвестиции, например, завод древесно-стружечных плит «КроноСтар» в Шарье. Остальные города пытаются выживать, опираясь на деревообработку и местную пищевую индустрию там, где они сохранились. Жизнь во многих малых городах замерла, почти ничего не строится, большая часть их территории – сельские дома, не обустроенные даже элементарными удобствами. Отсутствие рабочих мест и крайне низкие зарплаты толкают население в отход.

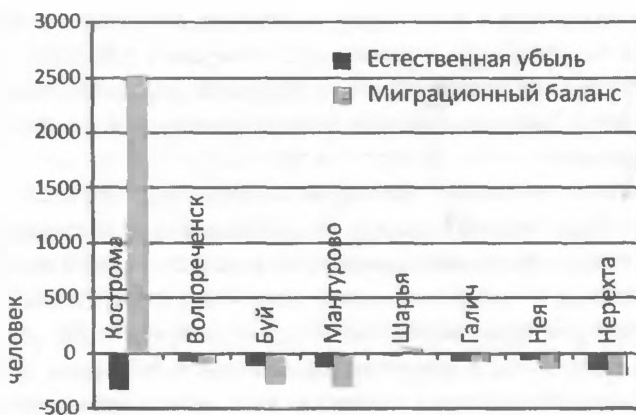

Рис. 13. Естественная убыль и миграционный баланс городов Костромской области, чел., 2012 г.

Сельская местность Костромской области также весьма контрастна. В ней осталась треть от численности сельского населения 1959 г. И даже за последние 25 лет потери сельского населения составили 30%. И прежде население максимально концентрировалось вдоль р. Волги и вблизи г. Костромы на юго-западе Костромской губернии. Сейчас из-за эксцентриситета столицы региона плотность сельского населения особенно резко падает на восток, причем эта ситуация сложилась задолго до 1990 г. и сохраняется (рис. 15). Самые сильные потери произошли в

советское время. Только в пригородном Костромском районе с 1959 г. почти не изменилась численность сельского населения, в то время как во всех остальных районах его осталось менее трети (рис. 16). В некоторых районах на периферии области с начала XX в. численность сельского населения уменьшилась почти на порядок, а с 1959 г. — в 4–5 раз. А сильное сокращение посевной площади и поголовья скота началось еще с 1980-х гг. (рис. 17).

Рис.14. Коэффициенты естественной убыли и миграционного прироста по городам Костромской области, человек на 1000 чел. населения, 2012 г.

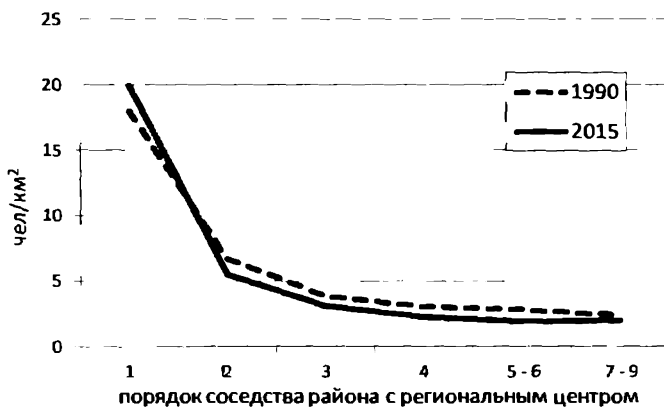

Рис.15. Изменение плотности сельского населения внутри Костромской области по мере удаления от центра, чел./км²

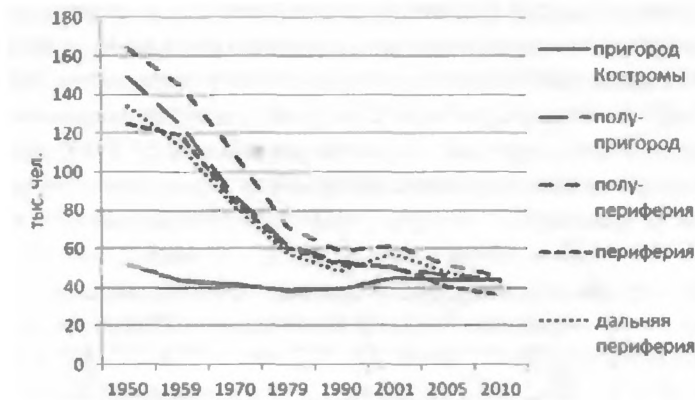

Рис. 16. Численность сельского населения Костромской области по зонам удаленности от Костромы с 1950 по 2010 г., тыс. чел.

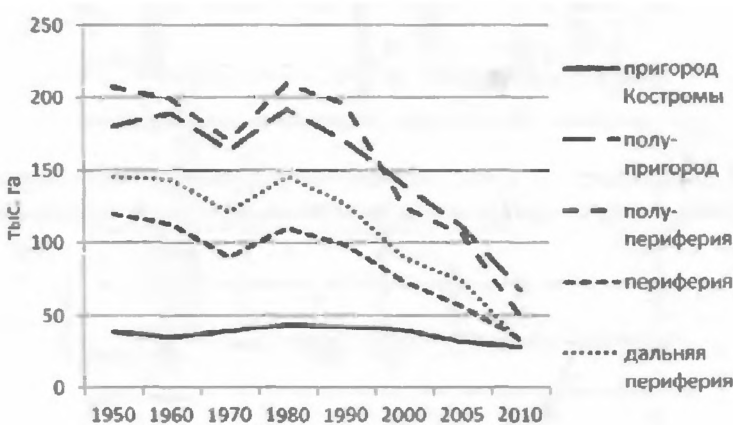

Рис. 17. Посевная площадь в зонах разной удаленности от Костромы с 1950 по 2010 г., тыс. га

Тем не менее в отдельных очагах сельское хозяйство развивается. «Шуваловские колбасы», созданные на базе свиноводческого комплекса в пригороде Костромы, равно как и знаменитая костромская порода коров, стали брендами Костромской области (хотя на периферии области от нее получают лишь четверть надоев молока, на которые она способна). Известна и Сырная биржа в Костроме, где продается продукция маслосырзаводов области. В некоторых районах работают филиалы региональных агрохолдингов. Однако пищевая промышленность нуждается

в стабильной сельскохозяйственной базе, которая при сильном упадке агропроизводства за пределами пригородного района оказалась ненадежной.

Леса во многих районах занимают большую часть территории, хотя тоже распределены неравномерно. Наибольшая лесистость отмечается на севере и востоке области, где заготовка и переработка леса составляют основную занятость населения. На сельскохозяйственных предприятиях области в последние годы официально было занято до 20% работающих в сельской местности. Однако занятость эта во многом фиктивная, привлекает всех работников, в основном, в страду. В остальное время, особенно на периферии области, и работы почти не было, и зарплаты были минимальны.

Пригородный Костромской район концентрирует и население, и агропроизводство. На 3,4% территории живет четверть сельского населения и производится такая же часть сельскохозяйственной продукции области. Сюда приходит бизнес, идет укрупнение агропредприятий. Значительная часть населения пригорода работает в Костроме. В периферийных и полупериферийных районах сохранилось менее четверти населения 1959 г., из них только 20% живут в населенных пунктах, насчитывающих более 100 человек, остальные рассредоточены по малым деревням.

Обследования одного из поселений Мантуровского района на периферии области (сосед Костромы шестого порядка), удаленного от столицы региона на 230 км, показали, что 53% зарегистрированного там населения в трудоспособном возрасте не работает на месте. Одни учатся или постоянно работают в городах, другие периодически уезжают «в отход», третьи впали в состояние застойной безработицы или имеют социальные пособия [Нефедова, 2013; Потенциал ближнего Севера, 2014, с. 15–73]. А максимальная доля занятых была характерна для бюджетной сферы, которая в связи с объединением поселений и переносом центра поселения в село, расположенное в 15–20 км, начинает быстро сокращаться (Подобно о сельской занятости в Нечерноземье см. в главе 2.9).

По результатам обследования 2014 г. выявлено, что до трети трудоспособного мужского населения, находящегося на военном учете, не работает по месту регистрации (то есть в деревнях поселения). Около 5% – это отходники, работающие в Москве и Подмосковье по несколько месяцев либо в режиме 20 дней работы на 20 дома (дальний отход). Еще 7–8% работают в ближайшем малом городе в будние дни с приездом на выходные в деревню (ближний отход), а до 20% живут в Москве, Костроме, Шарье и др. городах, лишь изредка приезжая домой.

Всего в Костромской области, по данным ВПН-2010, работали вне места проживания в сельской местности 13 тыс. чел., в городах и поселках городского типа – 18 тыс. Но из-за того, что больше сельских жителей работает в своем регионе, хотя и за пределами пункта проживания, уезжает в другие регионы примерно поровну городских и сельских жителей – по 5 тыс. чел.

Данные ОНПЗ за 2013 г. подтверждают, что главное направление отхода из Костромской области – Москва и Московская область, хотя их общее число, по официальным данным, тоже невелико и составляет 15 тыс. чел. Повышена доля поездок на работу в соседний Ярославль и в Санкт-Петербург (рис. 18). Интересно, что дальний отход характерен не столько для периферии области, где серьезные проблемы с сельскохозяйственными предприятиями, но осталось мало активного населения, сколько для пригорода: 55% всех выезжающих из области – это жители юго-западных районов и городов, ближайших к Москве и с более плотным населением (рис. 19).

Рис. 18. Направления движения отходников из Костромской области
По данным ОНПЗ, 2013 г.

Приведем несколько примеров рабочих биографий местных отходников, составленных по их рассказам в процессе глубинных интервью. Кстати, свою работу они называют вахтой, а слова «отход» и «отходник» даже не знают. Многие ездят в отход нерегулярно, часто без оформления, подрабатывая порой у частных, но тоже с отсутствием в несколько не-

дель или месяцев. Их, скорее, можно отнести, по классификации в главе 2.9, к разряду «калымщиков».

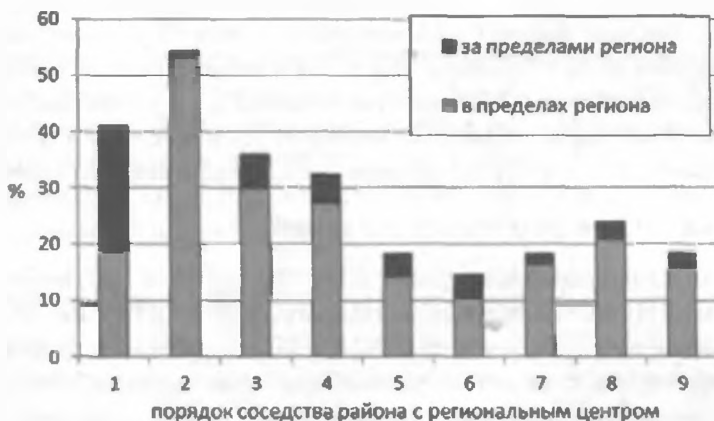

Рис. 19. Распределение доли работающих за пределами пункта проживания по районам Костромской области, %
По данным ВПН-2010

Константин, 55 лет. Мантуровский район. Местный.

После армии еще в 1980-х уехал в Подмосковье, проработал там несколько лет, но потянуло на родину. Вернувшись, работал сначала лесником, потом уехал в Шарью работать помощником машиниста, застряв там на 13 лет. После развода вернулся в свое село. Год был безработным. Потом работал в дорожном управлении района с официальной зарплатой 5 тыс. руб. (хотя «грязными» иногда удавалось заработать до 10 тыс. руб.). Зимой работы не было, стоял на бирже, получая минимальные 4,5 тыс. руб. Друзья позвали работать на заводе в Люберцах в Московской области: 20 дней работы по 12 часов в день, 20 дней дома. За время работы получает 30 тыс. руб. Добирается до работы на автобусах с пересадкой в Костроме, так дешевле – 1000 руб. Работа тяжелая и вредная, делают резиново-опорные части для мостов. Очень устает. В Москву не ездит, не до нее. Живет при заводе в общежитии бесплатно, комната на троих. Из этого села ездят на тот же завод еще трое, более молодых.

Работать в своих городах, по его словам, не выгодно. В Мантурово закрылись птицефабрика, хлебозавод, давно уже не работает льнозавод. Остались лишь фанерный и молочный комбинаты. На

молочный можно попасть только по благу. А на фанерном – текучка, зарплата 10–15 тыс. руб., но дисциплина очень жесткая, даже покурить нельзя. Ездить в Мантурово (35 км) каждый день очень накладно (только билет до Мантурово стоит 75 р.), тем более дорого снимать там квартиру. Да и сами мантуровские ребята ездят в отход в Москву, Московскую область и на «нефтянку». Если бы можно было заработать на месте 20 (или хотя бы 15) тыс.р. в месяц, никуда бы не ездил. В деревне с огородом этого достаточно.

Николай, 50 лет. Мантуровский район.

По мобилизации после армии (был моряком) не мог найти себе место, сильно пил. Потом в один момент завязал и больше не пил ни капли, ни по какому поводу. В начале 1990-х приехал в деревню, где брат работал на колхозной пасеке. Но работы в колхозе уже не было, колхоз лихорадило, зарплату не платили. В 1990-х освоили специфический промысел: разбирали старые, но еще крепкие брошенные дома и вновь собирали их в Московской области. Ездил в Екатеринбург, работал там несколько месяцев, делал мебель. Дважды ездил на вахту на Север по полгода. Потом вновь вернулся к поездкам в Московскую область, вместе с мантуровскими ребятами сколачивали бригаду около 6 человек и ехали на стройку. В перерывах собирал клюкву за рекой, за 7 км ходил. Можно заработать 20 тыс. руб. за сезон. В 2000-х гг. вместе с братом и другом, переехавшим в деревню из Москвы, зарабатывали на строительстве или переборке домов – искали заказы по Интернету и раза два в год уезжали на месяц-два на заработки, в основном в Подмосковье. Работал на том же заводе в Люберцах, что и Константин, но с интервалом месяц на заводе, месяц дома. Но тяжело, бросил. Платили 30 тыс. руб., а меньше, чем за 50 тысяч в месяц на такую тяжелую работу не хочет ехать (ведь реально получается по 15 тыс. руб. в месяц). Сейчас работы нет. Здесь в деревне согласился бы на 20 тысяч к лесникам, хотя там тоже отъезд, порой на несколько недель, особенно зимой. Но туда не пробиться, все свои. В колхозе не платят. В Мантурово работы тоже нет. Последнее время мечтает завести свое дело, хочет разводить свиней. Но нужен трактор, а значит, начальный капитал. Опыт других, пытавшихся получить в областной администрации деньги на организацию и развитие фермерского хозяйства, показывает, что это невозможно. Пока sporadически подрабатывает у дачников и покупает продукты в долг. Жена не работает. Настрое-

ние самое упадочное. Считает, что население государству не нужно. Молодежь спивается без работы. Если ничего не получится, уйдет на путину, ведь моряк все-таки.

Специализация работы, связанная с изготовлением и перебором срубов домов, весьма типична для лесных районов. Недаром Ю.М. Плюнин с соавторами [2015] выделяют особый тип костромского отходника-строителя. Однако в нашей практике опросов костромичей гораздо чаще встречались люди, занимающиеся на отходе совсем иными делами, например, работающие в охране.

Сергей, 52 года. Г. Шарья.

Поехал на вахту, как он сам говорит, впервые. До этого проработал в Шарье в железнодорожном депо 30 лет. И вдруг по программе оптимизации депо ликвидировали, а ремонт вагонов передали в Котлас. Более сотни человек разом оказались без работы. В Шарье еще работают мясокомбинат, розлив минеральной воды и, главное, комбинат древесно-стружечных плит «КроноСтар» – новое предприятие, построенное в 2000-х гг. на немецкие инвестиции. Но работать там тяжело. У немцев такая дисциплина, что русскому мужику не продохнуть. Даже в туалет нельзя отойти до положенного перерыва. А зарплату все время понижают, пользуясь безвыходным положением безработного населения. Когда открыли, платили 30–40 тысяч, сейчас – 15–20 тыс. руб. в месяц. Поговорил с друзьями, посоветовали попробовать поехать в консьержи в Москву: две недели отсидеть в подъезде жилого дома за 20 тысяч, зато две недели свободен. Казалось бы, легкая работа, и телевизор есть. А тоска заедает, ведь отойти надолго нельзя, и спать, и есть приходится тут же, в каморке. И дорога занимает 12 часов, и поезд в один конец стоит 1,5 тыс. руб. В самой Шарье живет с женой в частном доме, обменяли на него квартиру в многоэтажке, да еще доплату получили. Но зато огород помогает, картошка, овощи свои.

Михаил, 47 лет. Из села Григорцево Нерехтского района Костромской области

Консьерж со стажем. Ездит в Москву в том же режиме: две на две недели. В его деревне был мощный колхоз, где он работал механизатором на тракторе. Теперь работы нет. Консьержем сидит уже несколько лет, такой режим его устраивает и позволяет со-

держат свое хозяйство. Было три коровы, теперь осталась одна и телка. Деревня большая, есть кому продавать молоко и мясо. К тому же в малых деревнях вокруг полно дачников из Москвы и Ярославля, можно подработать у них пока две недели дома. Так что к 20 тыс. руб. на отходе добавляется 10–15 тыс. руб. в месяц.

В его селе отходников много: работают в охране, водителями, на стройке сварщиками. Чаще в Москве и Московской области. Но есть заработки на железной дороге с отходом на месяц, класть кабель. Или в Ярославле, куда можно ездить на электричке каждый день.

Интересно, что его сменщик из г. Нерехты Костромской области, проработавший консьержем несколько лет, проходил несколько этапов. В первые годы работа его устраивала, он активно общался с жильцами дома. Потом жильцы стали замечать, что он начал пить к концу срока «сидения». Потом взял себя в руки и во время двухнедельного перерыва подрабатывал в Москве ремонтом квартир, домой ездить перестал. Потом вызвал из Нерехты жену, какое-то время они ремонтировали квартиры вместе. Потом он исчез. Говорят, что он перебрался с семьей в Москву и сделал ремонт своей профессией. Это довольно типичный путь отходников, особенно из малых городов, которых не держит свое хозяйство. По рангу работа на отходе при выборе места для переезда на ПМЖ уступает только переезду к родственникам [Мкртчян, 2009]. Человек может заранее устроиться, снять жилье, он уже ориентируется в городе, и адаптация к новой жизни проходит легче и быстрее.

Тульская область

В отличие от Костромской области, где отходничество – это следствие развала экономики, отчасти связанного с деградацией социальной среды, в Тульской области само отходничество порой становится не следствием, а причиной кризиса экономики. Относительная близость к Москве, мощные центры притяжения работников на юге Московской области – все это, как насос, вытягивает трудоспособное население из районов, особенно расположенных между Московской областью и Тулой. Здесь, по данным ОНПЗ, на работу в другие регионы уезжает до 80 тыс. чел., почти все едут в Москву и Московскую область (рис. 20). Перепись населения показывала 70 тыс. чел., работающих в других регионах, а еще 93 тыс. работали в Тульской области, но не в пунктах проживания.

В северных районах, прилегающих к Московской области (Заокский, Ясногорский и Веневский), работа нашлась лишь для 50% тех, кто указал место работы. За пределы пунктов проживания ездят 20 тыс. чел., из них 14 тыс. – в Москву и Московскую область. Из столичного региона за работниками некоторые фирмы присылают даже специальные корпоративные автобусы.

Рис. 20. Направления движения отходников из Тульской области
По данным ОНПЗ, 2013 г.

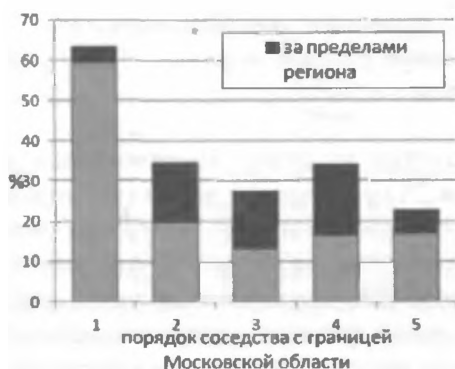

Рис. 21. Распределение доли работающих за пределами пункта проживания в районах Тульской области по мере удаления от границы с Московской областью, %
По данным ВПН-2010

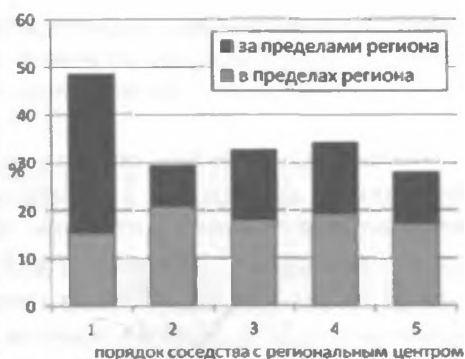

Рис. 22. . Распределение доли работающих за пределами пункта проживания в районах Тульской области по мере удаления от Тулы, %
По данным ВПН-2010

Потенциала Тулы с населением 486 тыс. чел. хватает лишь на пригородный район и частично районы к западу, востоку и югу от нее, остальных работников в значительной мере перехватывает Москва (рис. 21 и 22). В пригородах Тулы всего 37% работает в пунктах проживания, но уже в районах-соседах второго порядка – 65%, а в удаленных южных – более 80%.

Тула и ее пригородный Ленинский район (сейчас их объединили в единый городской округ) продолжали притягивать сельское и городское население и на ПМЖ (рис. 23). Из средних городов оставался привлекательным только г. Щекино (58 тыс. жителей) к югу от Тулы, а из многих малых городов население стремилось уехать.

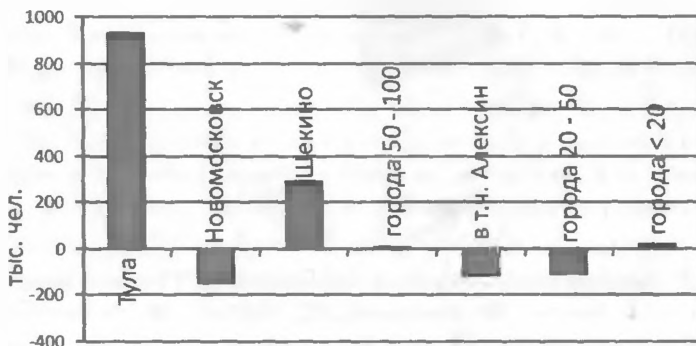

Рис. 23. Миграционный прирост/убыль населения в среднем за год в 2009–2012 гг. в городах разного размера Тульской области
По данным паспортов городов

Поскольку Тульская область находится на стыке Нечерноземья и Черноземья, территория в пригородах Тулы и южной части области в значительной степени распахана, а сельское хозяйство успешнее, чем в других областях Нечерноземья. Там активно работают агрохолдинги, есть фермеры [Гуныко, 2015]. На севере области предприятия менее конкурентоспособны. Многие колхозы ликвидированы, поголовье скота в северных районах резко сократилось. Во многом это связано с переориентацией этой зоны на выполнение рекреационной функции для жителей Москвы (о дачниках в Тульской области см. главу 3.5).

Пригородно-периферийные различия в области ярко выражены и усиливаются. Сельское население концентрируется вокруг Тулы (рис. 24) и в целом в центральной промышленной зоне (рис. 25) и уезжает из северной и южной периферии.

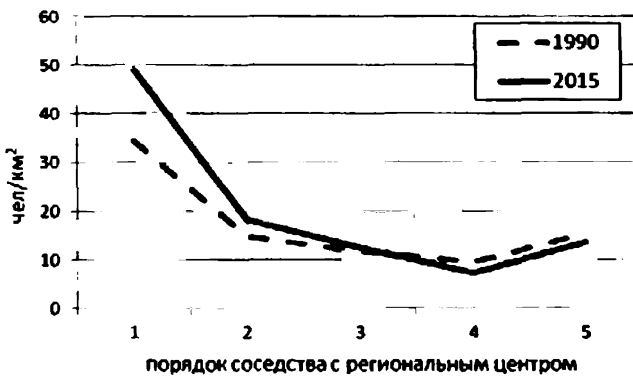

Рис. 24. Плотность сельского населения по мере удаления от Тулы, чел./км²

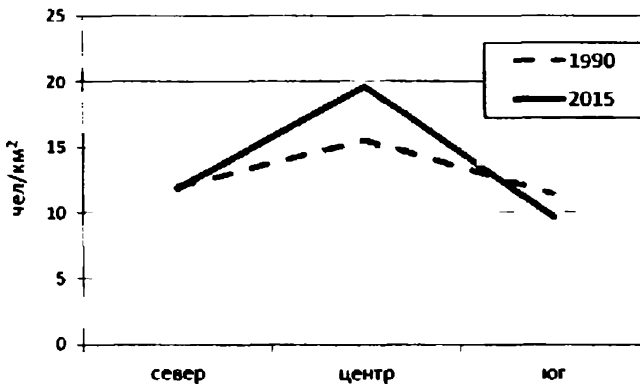

Рис. 25. Плотность сельского населения по широтным зонам Тульской области, чел./км²

С целью исследования особенностей трудовых миграций в районах, примыкающих к Московской области, было проведено обследование Заокского и Ясногорского районов на севере Тульской области. Были проведены интервью с представителями администраций этих районов и некоторых сельских поселений, в них входящих. Рассказы чиновников скорее напоминают крики отчаяния и полную неспособность справиться со столь массовым отходничеством.

Главная проблема для этих районов – ухудшение финансового положения, ведь подоходный налог, формирующий во многом районные бюджеты, остается в Москве и Московской области. В результате, не-

смотря на дачный бум и многочисленные стройки коттеджей, большинство районов области, особенно в северной ее части, остаются дотационными на 60%.

Заокский район (сосед первого порядка к Московской области), расположенный вдоль живописных берегов Оки, – один из самых дачных, летом население в нем увеличивается с 22 до 200 тыс. чел. Однако массовые стройки дач и коттеджей, пришедшие на смену предприятиям, на занятость местного населения, по словам представителей администрации, влияют мало. На эти стройки приглашают, в основном, узбеков или отходников-строителей из других регионов.

В самом районе из 5 тыс. трудоспособного населения официально занято только 2 тыс. При этом все острее обозначаются проблемы некомплектованности рабочих мест в бюджетной сфере. Ведь зарплата в 2014 г. составляла в ней в среднем 9–10 тыс. руб. Необходимость выполнения указов президента о повышении зарплаты, как и всюду, обходится просто: работают 10 человек, а оформлено 3–4 (что, кстати, также влияет на зазор между количеством трудоспособного и занятого населения). Но, главное, что врачи, учителя, любые работники едут в Московскую агломерацию. Районная больница не укомплектована кадрами, поскольку в Бутово в больнице зарплата в 2–3 раза выше. В отход ездят целыми бригадами: на стройки, на предприятия («Данон», «Ролтон» во многом держатся на отходниках из Тульской области), на перевалочные базы, в торговлю. И хотя условия, например, на предприятии «Ролтон» весьма тяжелые (температура в цехах доходит до 40°C) ради зарплаты в 25 тыс. руб. в 2014 г. люди готовы были ездить. Тем более, что на юге Московской области можно работать и в маятниковом режиме (например, от п. Заокский до Серпухова 30 км, полчаса езды на автобусе). По оценкам специалистов районной службы занятости, Московская агломерация оттягивает 40–45% экономически активного населения, что примерно соответствует и данным ВПН-2010.

Ясногорский район также примыкает в Московской области, но расположение многих населенных пунктов вне основных трасс, особенно на севере района, делает для их населения Московский регион менее доступным. Но и здесь проблемы с врачами и педагогами те же (по оценкам, около 30% учителей работают в Москве, что связано в т.ч. и с сокращением ставок). Отсюда ездят работать еще и в Домодедово, до которого 2 часа, и даже на завод в г. Электросталь (3 часа езды). В ежедневном режиме это невозможно. Работают в режиме сутки через трое.

Поскольку районный центр Ясногорск равноудален от Серпухова и от Тулы, его жители ездят работать и в Тулу (40 минут на автобусе). Собственные предприятия города с населением 15,7 тыс. чел. закрываются. Особенно болезненна была трансформация машиностроительного завода, сократившего численность занятых с 6,5 тыс. до 500 человек. Пока еще работает завод «Металпласт» (около 1000 занятых), ставший филиалом московского предприятия. Значит, налоги поступают в Москву (как и с завода «Ревякинский металлопрокат», выпускающего ревякинские лопаты). Закрылся молочный завод, закрывают сельские больницы.

В Ясногорском районе обрабатывают только 33% от площади посевов 1990 г., причем 40% пахотных угодий и почти все поголовье скота принадлежит одной компании «Интеркрос Центр». Из 148 зарегистрированных фермеров реально работают только 10. Соответственно, сельскохозяйственная занятость сильно уменьшилась, а доля отходников из сельской местности, преимущественно с недельным ритмом, увеличилась. Причем ездят и мужчины, и женщины. При таком ритме скотину держать невозможно. Личное подсобное хозяйство тоже свертывается. Местное предпринимательство, особенно в торговле, тоже сжимается из-за засилья федеральных торговых сетей (три магазина «Магнит», один «Дикси»).

По оценкам поселковых администраций, официально не занято до 80% трудоспособного сельского населения. Как и в Костромской области, оно делится на три группы: неформально занятые на месте, чаще у дачников, застойные безработные и трудовые мигранты, работающие в Туле или в Московской области. Доля последних здесь выше, чем в Костромской области.

Российское межстоличье. Тверская и Новгородская области

По данным обследования территории между Москвой и С.-Петербургом в районах и городах, расположенных вдоль авто- и железнодорожной магистралей в Тверской и Новгородской областях, от 10 до 30% экономически активного населения ездят работать в столичные регионы [Путешествие..., 2015, кн. 2]. Именно эти притрассовые муниципальные районы и города, с одной стороны, привлекают больше инвестиций, в т.ч. в сельское хозяйство, строительство, переработку, но в них же население более мобильно. Поэтому проблемы нехватки рабочих рук, особенно в

малооплачиваемой бюджетной сфере, стоят наиболее остро. Эти проблемы усиливаются большим количеством дачников, увеличивающих нагрузку на бюджетную сферу, особенно на поликлиники и больницы.

По данным ОНПЗ, отходники четко распределяются между Москвой и Петербургом. В Новгородской области за пределы области уезжают работать 14 тыс. чел., ориентированных на северную столицу: 8 тыс. ездят на работу в С.-Петербург и 3,5 тыс. – в Ленинградскую область (рис. 26).

Рис. 26. Направления движения отходников из Новгородской области
По данным ОНПЗ, 2013 г.

Рис. 27. Направления движения отходников из Тверской области
По данным ОНПЗ, 2013 г.

В Тверской области масштабы отходничества значительнее: 51 тыс. чел., при том, что населения всего вдвое больше. По данным ОНПЗ, отходники ориентированы преимущественно на Москву и Московскую область (рис. 27), хотя 5 тыс. работают в С.-Петербурге и 2,5 тыс. – в Ленинградской области. Около двух тысяч ездят работать в Краснодарский край и Белгородскую область.

Обследование расписания пригородных электричек по Ленинградскому направлению показало заметную ступенчатость в их частоте, приуроченную к пиковому времени поездок на работу и обратно. Наиболее часто идут электрички до Крюково, следующие явные ступени – Подсолнечная (64 км от Москвы), Клин (89 км) и Решетниково (105 км, поворот на Конаково). Эти расстояния характерны больше для маятниковых трудовых миграций и дачников. Тем не менее между Тверью (163 км) и Москвой курсировало до 16 электропоездов в будние дни (время в пути от 2 до 3,5 часов), причем в Москву рейсы концентрируются утром, а из Москвы – вечером [Неретин, 2015]. Ориентация населения на отход на всем этом пространстве привела к тому, что в открывшейся новой больнице Лихославля в 2013 г. некому было работать, так как весь медицинский персонал работал в Москве и Московской области в режиме отхода. [Путешествие..., 2015, кн. 2, с. 203–209]. Контрасты в состоянии городов между Москвой и С.-Петербургом хорошо видны в табл. 4.

Таблица 4. Число городов в столичных и межстоличных регионах с разными оценками экономического состояния без областных центров

Города	Число городов с разной оценкой состояния				Всего городов
	Лучшие	Хорошие	Средние	Депрессивные	
Ленинградская обл.	3	12	10	6	31
Новгородская обл.	0	0	2	7	9
Тверская обл.	0	1	1	20	22
Московская обл.	6	42	22	10	80
Всего	9	55	35	43	142

Источник: [Путешествие ..., 2015, кн. 1, с. 48–50]

В Московской области 60% всех городов получили повышенные оценки по сумме показателей (о методах и результатах оценки состояния городов см. в главе 2.2), притом, что их жители активно пользуются и

благами самой столицы. В Ленинградской области таких городов половина. В Тверской области, наоборот, подавляющая часть городов, кроме Конаково и Удомли, получили довольно низкие оценки. В Новгородской области к депрессивным можно отнести 8 из 10 городов (средние оценки получили только Боровичи и Валдай). В городах с низкими оценками благополучия проживает огромная часть городского населения: почти 400 тыс. чел. в Тверской и 100 тыс. в Новгородской области.

В пригородных Московской и Ленинградской областях почти все города, даже малые, оставались привлекательными для переезда населения на ПМЖ (рис. 28). В межстоличных Новгородской, Псковской и Тверской областях города продолжали концентрировать местное сельское население до 2000 г., к тому же в первой половине 1990-х гг. они служили пристанищем для переселенцев из стран СНГ (рис. 29). Однако к концу 1990-х гг. они начали терять привлекательность. Дольше «держатся» средние города с населением свыше 50 тыс. жителей, собирающие остатки сельского населения, но и они к 2010 г. уже имеют нулевой миграционный прирост из-за переезда населения ближе к крупным центрам. Вместе с естественной убылью стареющего городского населения это приводит к уменьшению численности населения почти всех городов между столичными регионами. Тем не менее и в небольших городах межстоличья в 2000-х гг. возникают новые предприятия [Аверкиева, 2014б]. Однако они единичны на фоне упадка бывших советских заводов и требуют гораздо меньше занятых. К тому же зарплаты в муниципальных районах и городах в глубинке в 3–4 раза ниже, чем в пригородах Москвы и Петербурга (не говоря о самих столицах) [Путешествие ..., 2015, кн. 1, с. 35–63].

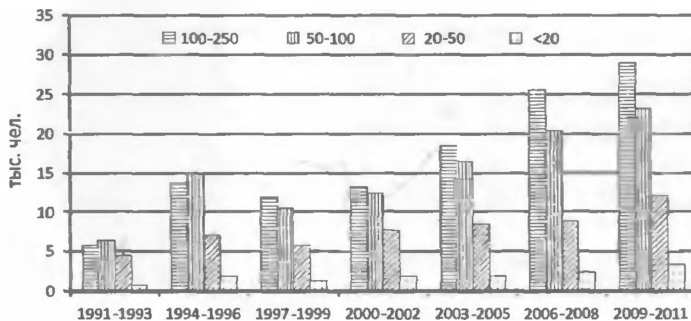

Рис. 28. Миграционный баланс городов разного размера на ПМЖ в пригородных Московской и Ленинградской областях по трехлетиям, тыс. чел.

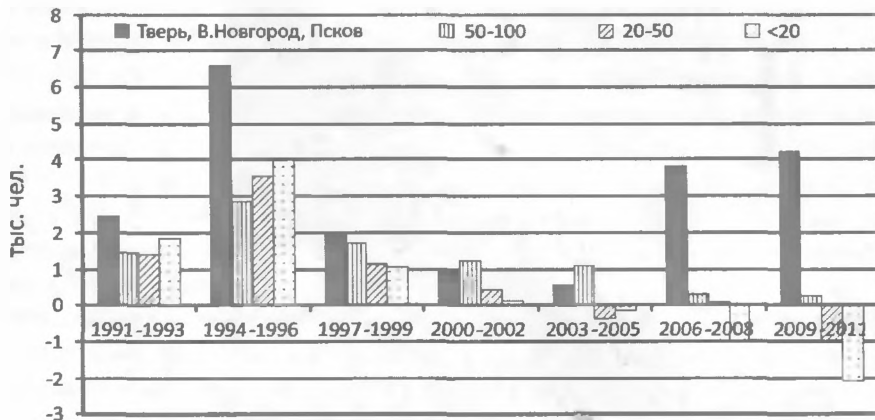

Рис. 29. Миграционный баланс городов разного размера на ПМЖ в Новгородской, Псковской и Тверской областях по трехлетиям, тыс. чел.

Для сельской местности межстоличья характерны общие проблемы Нечерноземья со стягиванием населения и инвестиций к пригородам и экономическое и социальное опустынивание глубинных территорий между Москвой и Петербургом [Путешествие..., 2015, кн. 1, с. 37-65].

Таблица 5. Роль районов разного местоположения в сельской местности и сельском хозяйстве Тверской области в 2011 г.

	Районы, пересекаемые трассой М10	В т.ч. пригородные Калининский и Конаковский	Прочие районы, примыкающие к Московской области	Остальные районы
Доля в территории, %	22	7	20	59
Доля в численности сельского населения, %	41	20	23	36
Плотность сельского населения, чел./км ²	7,5	10,5	4,7	2,5
Доля в производстве мяса, %	61	54	27	12
Доля в производстве молока, %	33	18	7	60
Доля в производстве картофеля, %	34	16	24	42

Рис. 30. Плотность сельского населения между Москвой и Петербургом в 1898 г., чел./км²

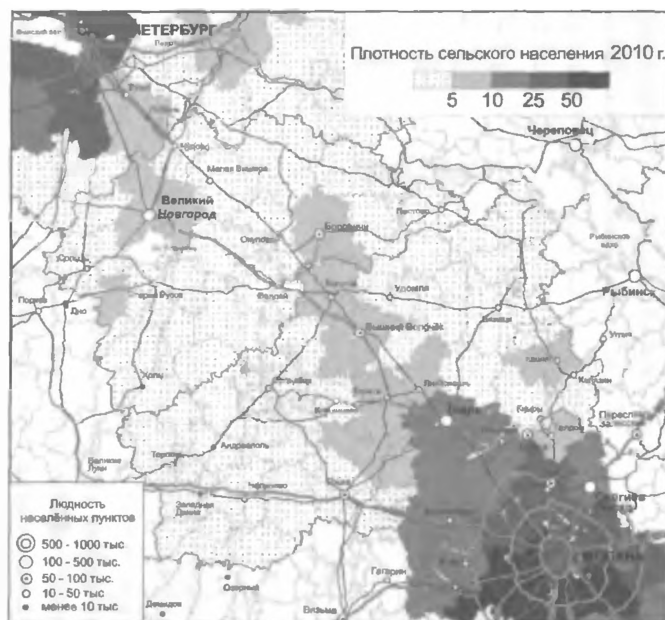

Рис. 31. Плотность сельского населения между Москвой и С.-Петербургом в 2010 г., чел./км²

Однако в этих районах заметное влияние оказывает и полимагистраль Москва – Санкт-Петербург, хотя поезда и машины, казалось, пропускают эти местности на большой скорости, не замечая их. Табл. 5 показывает, что и население, и новые предприятия, в т.ч. агрохолдинги с молочным скотоводством, свиноводством, птицеводством, тяготеют либо к районам у трассы, либо к пригородам Твери и Новгорода, особенно к зонам контакта столичных агломераций с соседними областями (таков, например, Конаковский район Тверской области или Чудовский район Новгородской).

Положение между двумя столицами давало этим территориям новые импульсы развития, связанные с ее реосвоением и выборочным приходом инвестиций. Однако столицы уже поглотили большую часть сельского населения межстоличья и продолжают это делать, притягивая отходников. Лишь в самой глубинке (Валдайский, Крестецкий районы) обилие дачников и появление агрохолдингов частично компенсирует потерянную занятость оставшегося немногочисленного трудоспособного населения.

Глава 2.6

Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Большинство работ о трудовой мобильности населения ввиду недостатка статистической информации до недавнего времени опиралось на данные по регионам, агломерациям и городам, а также на косвенные оценки емкости рынков труда и численности экономически активного населения, транспортных потоков и т.д. Они затрудняли формирование целостного представления о многих аспектах трудовой мобильности населения в пространстве всей России. Заметный прогресс в ее изучении произошел лишь в последнее десятилетие. С одной стороны, более полной стала исследовательская база – прошла Всероссийская перепись населения 2010 г. Впервые была опубликована официальная статистика по интенсивности и направлениям трудовых миграций на уровне регионов. С другой стороны, интенсифицировалось само явление трудовой мобильности, особенно с начала 2000-х гг.

В ряде обобщающих работ последних лет на основе данных ОНПЗ предприняты попытки исследовать не только количественные и демографические характеристики трудовых мигрантов, но и территориальную организацию возвратных трудовых миграций в России в целом [Мкртчян, 2009; Нефедова, 2015б, 2015в; Флоринская и др. 2015]. Однако данные ОНПЗ с выборочным охватом мигрантов, репрезентативные на уровне субъектов РФ, представлены уже в генерализованном виде и не позволяют проводить исследования на более низком территориальном уровне (муниципальных образований и отдельных поселений), изучать региональную дифференциацию трудовой мобильности. Такую возможность предоставляют только данные ВПН-2010, до сих пор практически не применявшиеся в исследованиях подобного рода.

Данное исследование преследует две основные цели. Первая из них заключается в формировании представления о характере и структуре потоков трудовых мигрантов на уровне муниципальных образований, в том числе с использованием картографических методов. Вторая цель состоит в формализации этой структуры с помощью количественных методов, ее соотнесении с базовыми географическими факторами дифференциации трудовой мобильности. В качестве факторов выступают тип населения (сельское, городское), пространственное положение муниципалитета относительно ближайшего регионального центра и фактор напряженности на локальном рынке труда. Предполагается, что для муниципалитетов большинства регионов России эти факторы по отдельности или в совокупности могут служить основными детерминантами, объясняющими пространственную организацию трудовой мобильности населения.

По данным ВПН-2010, из 64,47 млн чел., имеющих работу, у 85,5% она находилась в населенном пункте их проживания, у 6,94 млн чел. (10,8%) – в другом населенном пункте региона, у 2,41 млн чел. (3,7%) – в другом регионе. Здесь и далее условимся называть две последние группы внутрирегиональными и межрегиональными трудовыми мигрантами соответственно, а *трудовую мобильность будем оценивать через долю занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта.*

В целом по стране трудовая мобильность населения оценивается лишь в 14,5%, но в отдельных регионах может достигать 25% и более (рис. 1). Еще сильнее дифференциация трудовой мобильности внутри регионов: по некоторым муниципалитетам (особенно в западной части России) ее уровень может превышать и 70% (рис. 3 и рис. 4 – IV и V на цветной вклейке).

Максимальный уровень трудовой мобильности наблюдается в регионах Европейской России (см. также главу 2.5), где расположены крупные городские агломерации и основные акцепторы межрегиональных мигрантов (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край). Высоки значения трудовой мобильности в республиках Северного Кавказа и Поволжья (особенно в Марий Эл и Чувашии). Меньший уровень трудовой мобильности отмечается в регионах Севера, Сибири (кроме юга Западной Сибири) и Дальнего Востока.

На первый взгляд, наиболее очевидным и простым фактором трудовой мобильности может быть *тип населенного пункта.* Предполагается, что в городах возможности для трудоустройства потенциально выше, чем в сельской местности, особенно испытывающей кризис сельскохозяйственной занятости. В пользу этой гипотезы говорит факт большего

уровня пространственной мобильности сельского населения почти во всех регионах страны (рис. 5).

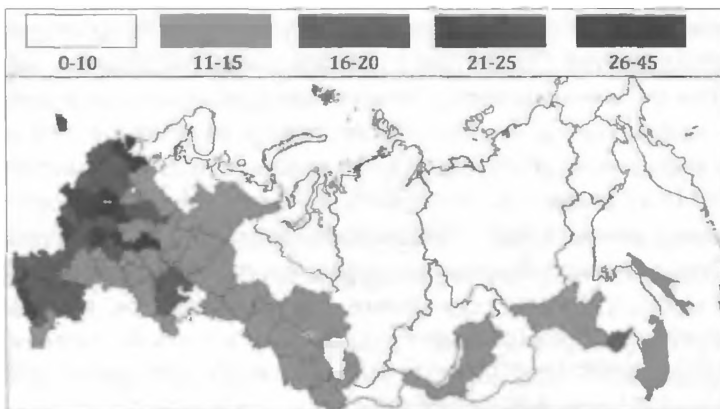

Рис. 1. Доля трудящихся, чья работа находится вне населенного пункта их проживания¹⁷, %
Рассчитано по данным ВПН-2010

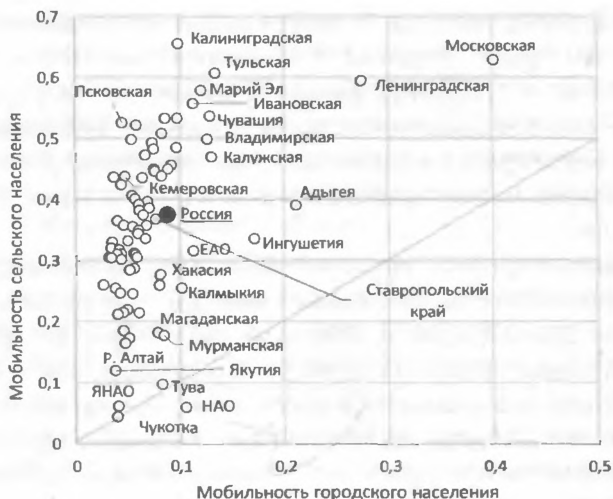
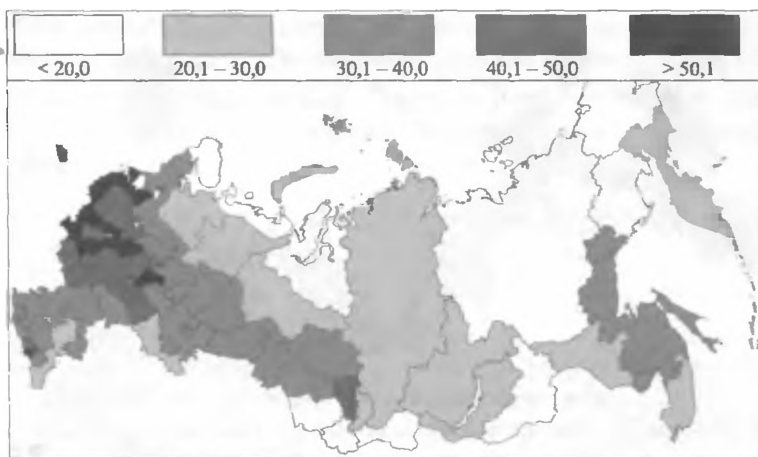

Рис. 5. Трудовая мобильность сельского и городского населения регионов России (без Москвы и Санкт-Петербурга)
Рассчитано по данным ВПН-2010

¹⁷ Здесь и далее границы муниципальных образований приводятся по состоянию на 01.01.2015, данные пересчитаны с учетом административных преобразований Москвы и Московской области.

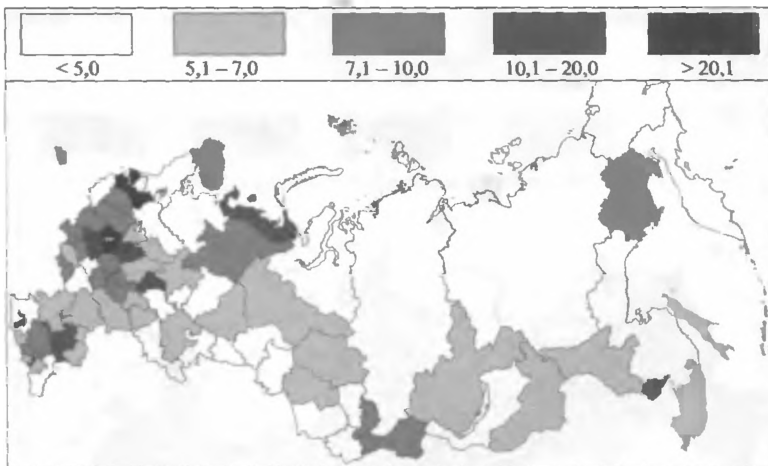
В среднем, свыше половины сельских жителей трудятся за пределами населенного пункта проживания в некоторых регионах Центральной России, Поволжья, Северо-Запада (рис. 6), где их трудовая мобильность в целом несколько выше, чем на востоке и севере страны. Повышенной трудовой мобильностью городского населения выделяются те регионы, где города входят в зону влияния крупных городских агломераций (рис. 7), например, Ленинградская и Московская области, а также республики Адыгея (Краснодарская), Чувашия и Марий Эл (Казанская), ЕАО (Хабаровская). Относительно высокие значения (выше 10%) имеют также Калужская, Тульская, Владимирская, Ивановская области, сильное влияние на которые оказывает Москва, а также республики Калмыкия (за счет интенсивно протекающих межрегиональных трудовых миграций из г. Городовиковска и г. Лагань в Москву) и Ингушетия вместе с ресурсным НАО.

*Рис. 6. Доля трудящихся среди сельского населения, чья работа находится вне населенного пункта их проживания, %
Рассчитано по данным ВПН-2010*

Исследование на уровне муниципальных образований подтверждает гипотезу о важности статуса населенного пункта для мобильности населения в целом для РФ: линейный коэффициент корреляции (ЛКК) между долей сельского населения и интенсивностью трудовых миграций составляет 0,6 для 2202 муниципалитетов (без МО Москвы и Санкт-Петербурга), хотя и различается по регионам страны. Высокий ЛКК

(выше 0,5) отмечен в большинстве регионов Центральной России (кроме Московской области), Урала и Северного Кавказа (46 субъектов РФ). В Сибири и на Дальнем Востоке при значительно большей трудовой мобильности сельского населения, чем городского, какой бы то ни было строгой зависимости на уровне муниципальных образований не обнаруживается. Видимо, на трудовую мобильность населения, при ее в целом низких уровнях, в этом случае определяющее влияние оказывают иные факторы, прежде всего – позиционный. В сочетании со слабостью транспортной инфраструктуры, большими расстояниями, разреженной сетью населенных пунктов, особенно крупных городов, он повышает издержки пространственных перемещений, особенно для маятниковых миграций.

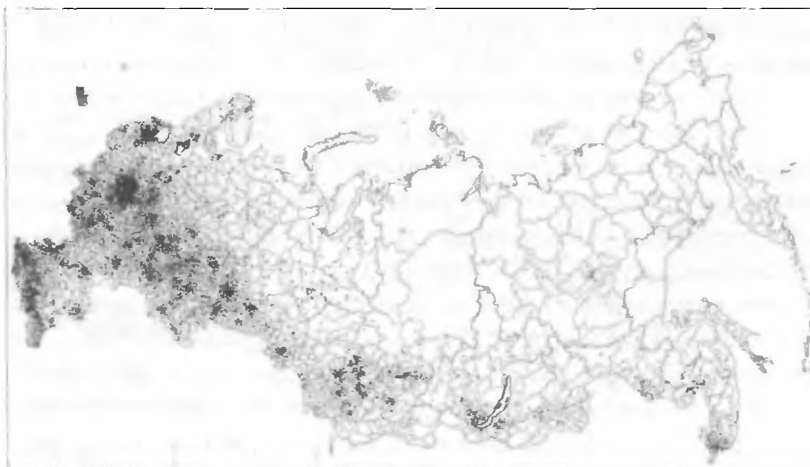

*Рис. 7. Доля трудящихся среди городского населения, чья работа находится вне населенного пункта их проживания, %
Рассчитано по данным ВПН-2010*

Влияние позиционного фактора на трудовую мобильность населения исследуется на примере маятниковых трудовых миграций населения. Перепись не содержит сведений о частоте и ритме внутрирегиональных и межрегиональных миграций. Поэтому невозможно утверждать, что все внутрирегиональные миграции являются маятниковыми и что у всех межрегиональных миграций более длинный ритм (не ежедневный). В данном случае мы все-таки исходим из предположения, что значительную часть маятниковых миграций, особенно в небольших регионах европейской части России, составляют внутрирегиональные миграции, а так

же те, которые совершаются из первого (иногда второго в зависимости от конфигурации) по порядку пограничного района соседнего региона в исследуемый. Допустим также, что все трудовые мигранты из Московской области в Москву и из Ленинградской области в Санкт-Петербург являются маятниковыми, что в действительности не так (по данным ОНПЗ 2012 г., в Москве ежедневными «маятниками» трудились 91,4%, еженедельными – 6,5%; в Санкт-Петербурге 75,2% и 14,7% соответственно).

Территориальную организацию маятниковых трудовых миграций населения, исходя из указанных выше допущений и коррекций, иллюстрирует рис. 8. На нем отчетливо проявляются крупнейшие агломерации страны, сформированные вокруг региональных центров и крупных городов. Большая часть маятниковых трудовых миграций, согласно допущению, осуществляется в пределах зон влияния региональных столиц. Помимо Московского столичного региона и Санкт-Петербургской агломерации наибольшая маятниковая мобильность (свыше 100 тыс. мигрантов в ближайших к центру муниципалитетах и в городах-ядрах) характерна для Краснодарской, Ростовско-Новошахтинской, Екатеринбургской, Нижегородской, Самарско-Тольяттинской и Новосибирской агломераций.

*Рис. 8. Маятниковые трудовые миграции населения (внутрирегиональные и пограничные межрегиональные).
Одна точка соответствует 700 маятниковым мигрантам
По данным ВПН-2010*

Данные о маятниковых миграциях делают возможной количественную оценку пространственного распределения их интенсивности в зависимости от расстояния до ближайшего регионального центра. Оно рассчитано между геометрическими центрами муниципалитетов по прямой на поверхности Земли с привлечением корреляционного анализа. Интенсивность большинства взаимодействий в пространстве изменяется нелинейно, поэтому в качестве аппроксимирующей кривой для описания соответствия взята не прямая, а логарифмическая кривая (т.е. две переменные исследуются на предмет не линейной, а логарифмической зависимости). Если распределение интенсивности маятниковых миграций в муниципалитетах будет хорошо описываться логарифмической кривой (с коэффициентом детерминации более 0,5 или, иначе, с АКК по модулю 0,7 и более), то будем называть такое распределение *правильным*. Это будет означать, что на интенсивность маятниковых миграций влияет почти исключительно один региональный центр, а остальные крупные поселения (в силу их отсутствия в регионе или по каким-либо иным причинам) не вносят в это распределение существенных возмущений. В случае отсутствия значимой взаимосвязи между логарифмом расстояния и интенсивностью маятниковых миграций (АКК менее 0,5 по модулю), можно говорить о сложно устроенной системе этих миграций внутри региона с несколькими субцентрами и другими «возмутителями» *правильного* распределения. Такое распределение будем называть для краткости *неправильным*. Исключим также из анализа все региональные центры, поскольку нет смысла рассматривать маятниковые миграции из них в зависимости от расстояния до других региональных центров.

По результатам расчета АКК для всех муниципальных образований *правильное* распределение было обнаружено в 17 регионах, средние значения соответствия (АКК в пределах $-0,5...-0,7$) имели еще 35, полное отсутствие взаимосвязи (АКК менее 0,3 по модулю) – лишь 10 регионов (рис. 9). Это подтверждает факт моноцентричности регионов России, недостаток неформальных городов-лидеров [Нефедова, Тревиш, 2005].

Приведем примеры двух противоположных типов регионов – Омской области (с *правильным* распределением интенсивности трудовых миграций (рис. 10)) и Кемеровской области (с *неправильным* распределением) (рис. 11). Для Омской области характерно почти полное соответствие распределения логарифмической кривой, что обеспечивается отсутствием других крупных городов, кроме миллионного Омска (второй по численности населения город Тара в 2010 г. имел чуть более 27 тыс. чел. населения при удалении от Омска более чем на 250 км). Харак-

терно, что с затуханием маятниковой миграции от центра к периферии, по сходному логарифмическому закону растет доля межрегиональных мигрантов (коэффициент корреляции 0,65).

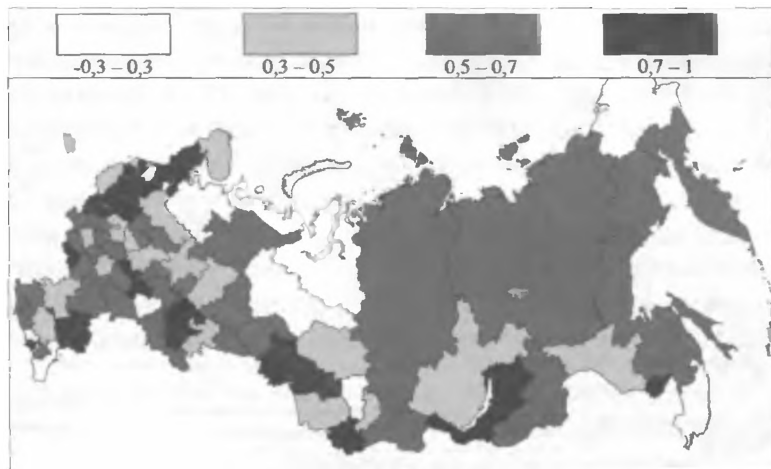

Рис. 9. Линейный коэффициент корреляции между логарифмом расстояния от центра муниципального образования до ближайшего регионального центра (по прямой на поверхности Земли) и долей маятниковых мигрантов в общем числе работников. Рассчитано по данным ВПН-2010

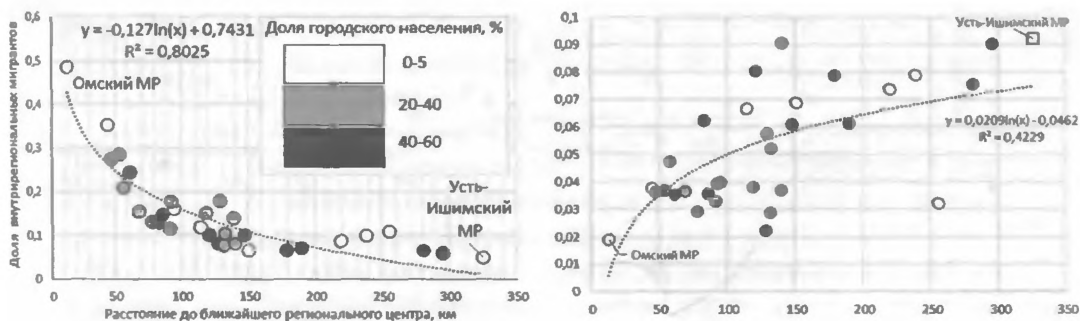

Рис. 10. Внутрорегиональные и межрегиональные трудовые миграции населения муниципальных образований Омской области (доля от общего числа работающих, от 1). Рассчитано по данным ВПН-2010

Характерной особенностью, определяющей географию трудовых внутрирегиональных миграций в Кемеровской области, является обилие городов и ее фактическая двухцентровость – региональный центр г. Кемерово меньше по людности, чем г. Новокузнецк. Города «фрагментируют» потенциально однородное поле трудовых миграций, создавая вокруг себя «хинтерланд» трудовых ресурсов, который обычно представляет собой соседний сельский муниципальный район (рис. 11). В отличие от других крупногородских агломераций, например, Московской, трудовая мобильность населения собственно городов невелика, и основу всех коммьютеров составляет именно сельское население, что что выделяет Кемеровскую область на фоне других регионов. Для подобных полицентричных регионов, безусловно, требуется создание более сложных моделей на основе данных по конкретным поселениям (которые также доступны в базе данных ВПН-2010), морфологии дорожной сети и сети расселения.

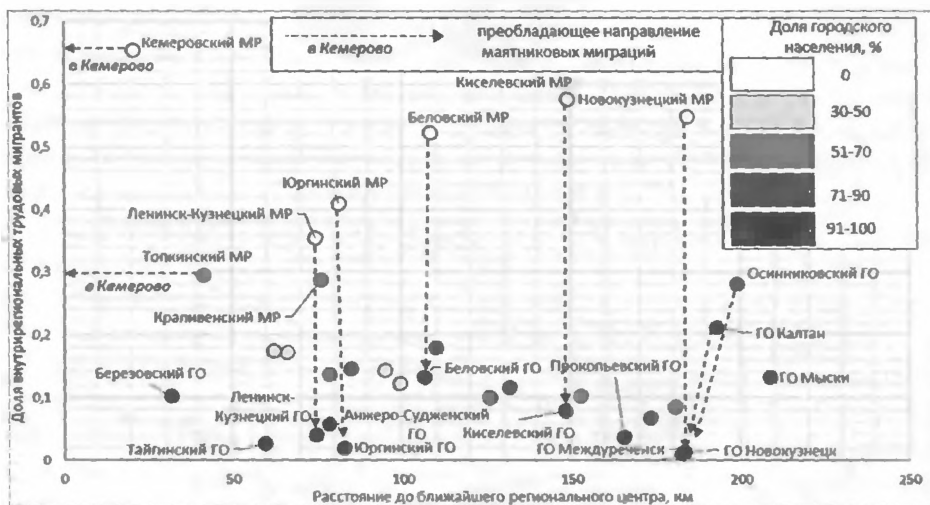
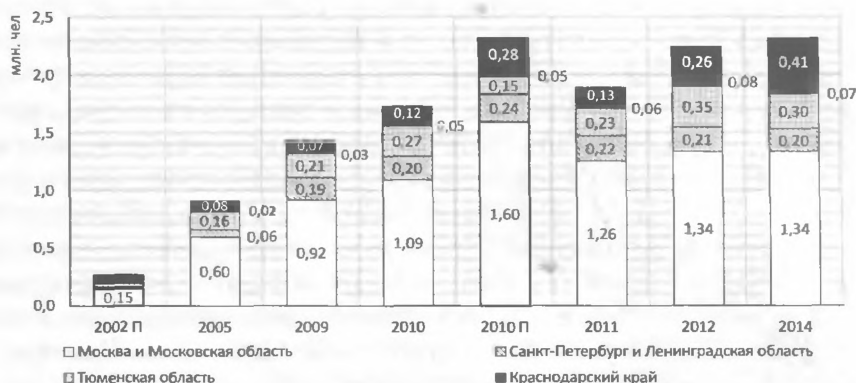

Рис. 11. Внутрирегиональная дифференциация трудовой мобильности населения Кемеровской области
 Рассчитано по данным ВПН-2010

Межрегиональные трудовые миграции

Данные ВПН-2010 позволяют оценить географию и количество межрегиональных трудовых мигрантов. Так, численность трудовых межрегиональных мигрантов (даже заниженная из-за особенностей проведения

ВПН-2010 (см. главу 2.4) составила 2,35 млн чел., что почти на 600 тыс. чел. (на 34%) превышает оценки ОНПЗ того же года и примерно соответствует оценкам ОНПЗ 2012/2014 г. (рис. 12).

• Рис. 12. Основные регионы-акцепторы трудовых мигрантов из субъектов РФ (без международных мигрантов)

По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости (2005, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014 гг.), ВПН-2002, ВПН-2010

К крупнейшим акцепторам трудовых мигрантов, согласно данным ВПН-2010, относятся Москва и Московская область (почти 70% от суммы по РФ), Санкт-Петербург и Ленинградская область (около 10%), а также Тюменская область с автономными округами (чуть более 6,5%)¹⁸. Интенсивность трудовых межрегиональных миграций иллюстрирует рис. 13 – VI на цветной вклейке.

Важнейшим вопросом, возникающим при изучении системы межрегиональной трудовой миграции, является вопрос о ее структуре. Сформированы ли устойчивые межрегиональные рынки труда и как они локализируются в пространстве? Каковы границы зон «отхода» населения в три крупнейших центра? Некоторые ответы на эти вопросы дают данные переписи, проиллюстрированные на рис. 14 и 15 (рис. 14 и 15 – VII и VIII на цветных вклейках).

Три указанных крупнейших акцептора трудовых мигрантов формируют вокруг себя зоны «хинтерланда», откуда «выкачивают» трудовые

¹⁸ По данным ОНПЗ, однако, абсолютное число трудовых мигрантов в Тюменскую область с автономными округами до двух раз больше, чем по данным Переписи.

ресурсы. Наиболее обширным хинтерландом обладает Московский столичный регион, чье влияние распространяется от регионов Нечерноземья и Предуралья до самых государственных границ на западе и юге. Вторым, сопоставимым по охвату территории, является хинтерланд Тюменской области и ее автономных округов, раскинувшийся от Среднего Поволжья до Новосибирской области и Алтайского края. Зона преимущественного влияния Санкт-Петербурга охватывает Европейский Север и Северо-Запад. В европейской части страны существуют и другие регионы-акцепторы трудовых мигрантов (их можно назвать акцепторами второго порядка, например, Свердловская, Самарская области, Республика Татарстан и др.), однако их влияние распространяется, в основном, на соседние регионы. Аттрактивной силы даже региональных центров в европейской части России, как правило, недостаточно, чтобы проникнуть в соседние регионы глубже, чем на 1–2 приграничных муниципалитета.

Территориальная организация трудовых межрегиональных миграций в азиатской части страны выглядит значительно проще: подавляющее их большинство направлено в соседний регион, при этом глубина проникновения хинтерланда может быть значительной и распространяться почти на весь регион (так, для абсолютного большинства муниципалитетов Приморского края основным внешним рынком труда является Хабаровский край).

На рис. 14 и 15 выделены лишь преобладающие направления трудовых миграций, но они не дают представлений о дифференцированности потоков из муниципалитетов. Для этого предлагается воспользоваться индексом Херфиндала–Хиршмана (рис. 16. – IX на цветной вклейке): его значения изменяются от 0 до 1 и соответственно указывают на высокую и очень низкую степень диверсифицированности потоков. Оказывается, что на территории европейской части РФ существуют две крупных «воронки» трудовых ресурсов вокруг Москвы и Санкт-Петербурга, практически полностью фокусирующие на себе межрегиональные трудовые миграции. Аттрактивная сила Москвы настолько велика, что ни одной области, например, Черноземья, не удастся перехватить потоки трудовых мигрантов из соседних регионов. Разнообразие в потоках трудовых миграций закономерно возрастает с удалением к периферии, в том числе в переходных зонах, особенно в Предуралье, являющемся лимитрофной зоной хинтерландов Москвы и Тюменской области, а также находящемся под сильным влиянием акцепторов второго порядка.

Дифференцированность в потоках трудовых миграций на востоке страны имеет мозаичную структуру: с одной стороны, во многих при-

граничных муниципалитетах трудовые миграции сконцентрированы лишь на соседние регионы, с другой стороны, для многих «глубинных» районов, удаленных от региональных границ, потоки трудовых миграций значительно дифференцированы. Дальние межрегиональные миграции из них в соседние регионы происходят дисперсно.

Если внутрирегиональные трудовые миграции, как было показано, в большинстве регионов европейской части России зависят от расстояния до акцептора (региональной столицы или другого крупного города), то для межрегиональных миграций в Москву (и отчасти в Санкт-Петербург) этот фактор оказывается значим лишь в зоне с преобладанием маятниковых миграций (рис. 17 и 18). Так, количество трудовых мигрантов в Москву убывает примерно до расстояния в 150 км (в этом радиусе проживает около 62% мигрантов), однако затем их количество стабилизируется и существенно снижается лишь за пределами 600 км удаленности (рис. 19 – X на цветной вклейке). При этом и за этой сверхдальней границей проживает, по крайней мере, еще каждый десятый трудовой мигрант. Распределение трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге отличается большей долей комьютеров из соседней Ленинградской области и присутствием мигрантов с более отдаленной от города периферии: уже за пределами 450-километровой зоны количество дальних трудовых мигрантов стабилизируется.

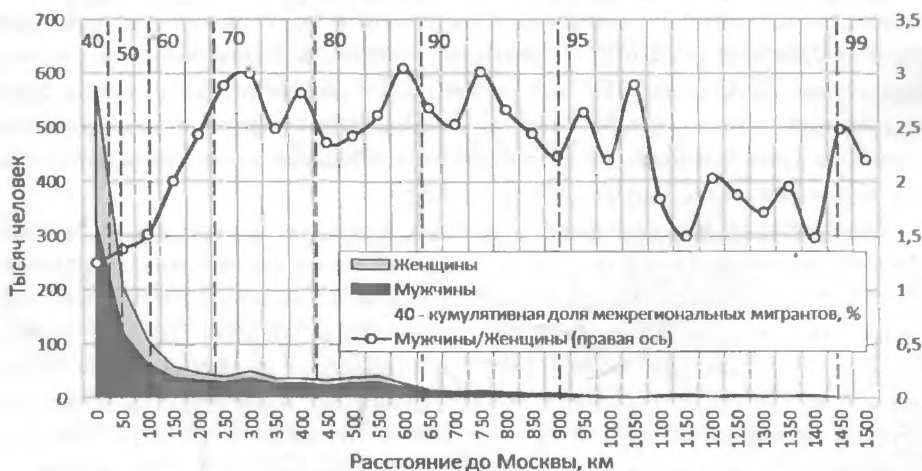

Рис. 17. Численность межрегиональных трудовых мигрантов, работающих в Москве, по 50-километровым зонам удаленности
 Рассчитано по данным ВПН-2010

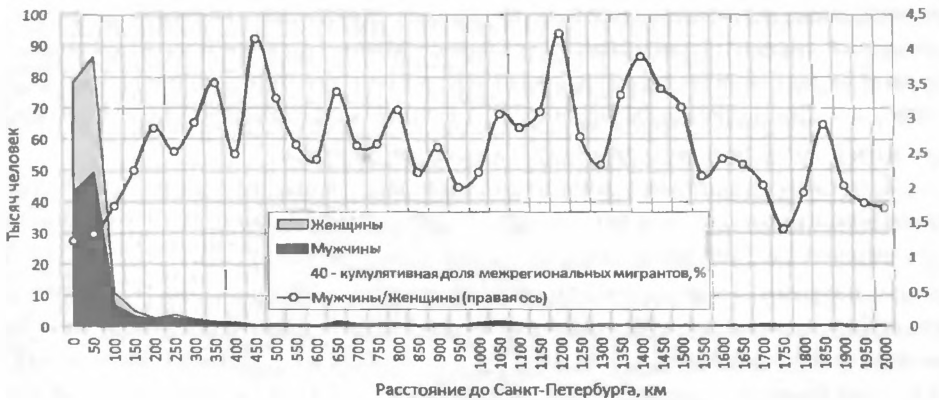
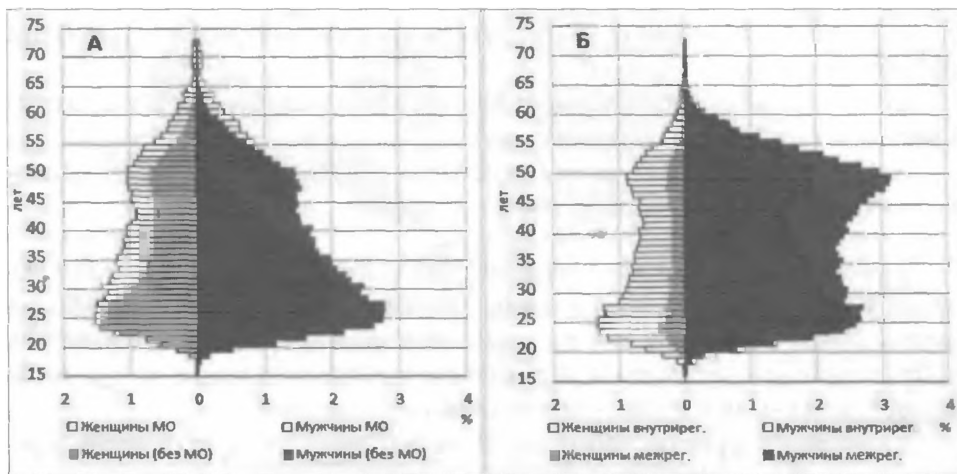

Рис. 18. Численность межрегиональных трудовых мигрантов, работающих в Санкт-Петербурге, по 50-километровым зонам
 Рассчитано по данным ВПН-2010

С увеличением расстояния от Москвы и Санкт-Петербурга заметно меняется гендерный состав трудовых мигрантов. Если в ближней зоне (преимущественно с ежедневным маятниковым режимом) мужчины лишь немного преобладают над женщинами (а в пределах Московской области различия и вовсе минимальны, рис. 19 А), то уже с 200–250-километровой зоны их становится в два и более раз больше. Еще более значительны различия в гендерном и возрастном составе трудовых мигрантов в ресурсных регионах – тяжелые условия и в основном «мужские» профессии обуславливают исключительно малую долю женщин среди вахтовиков и отходников. Так, в Тюменской области с автономными округами доля женщин среди трудовых мигрантов из-за пределов региона составляет лишь около 8,5% (рис. 19 Б).

В отличие от Москвы, привлекающей в основном молодежь и мигрантов в возрасте до 35–40 лет, среди дальних межрегиональных мигрантов в ресурсные регионы обнаруживается пик мужчин предпенсионного возраста, даже более многочисленный, чем локальный максимум 25-летних. Различия в половозрастных структурах трудовых мигрантов на «столичных» и на ресурсных рынках труда указывают на принципиально различный контингент трудовых мигрантов. Москва и Санкт-Петербург принимают в основном молодежь, которая готова к трудностям жизни отходника и еще не устала от них, не обзавелась семьями. Столицы дают шанс всем. Не имея специального образования, человек может найти свою нишу на рынке труда – от разнорабочего и грузчика до охранника.

На промыслах требуются совсем иные специализации – в цене люди рабочих профессий, дефицит которых остро проявился именно в последнее десятилетие в связи с непопулярностью среднего специального образования в нашей стране. Именно поэтому на вахтах в нефтегазовом секторе так велика доля 40–50-летних мужчин, получивших специальное образование еще в СССР, но «выброшенных» со своих локальных рынков труда в переходный период из-за ликвидации предприятий и оптимизации численности занятых на оставшихся.

*Рис. 19. Половозрастная структура трудовых мигрантов, работающих в Москве (А) и в Тюменской области с автономными округами (Б)
Рассчитано по данным ВПН-2010*

Фактор напряженности на локальном рынке труда

Данные ВПН-2010 позволяют оценить влияние ключевого, на первый взгляд, выталкивающего мигрантов фактора – напряженности на локальном рынке труда. Для определения степени его влияния предлагается исследовать зависимость интенсивности межрегиональной трудовой миграции от дефицита рабочих мест в местах оттока трудовых мигрантов. Можно предположить, что, если человек не может найти работу в своем населенном пункте или регионе, то он будет пытаться трудоустроиться за его пределами. При этом помимо количества рабочих мест в пункте проживания на трудовую мобильность населения в современных усло-

виях влияет множество других факторов (см. главу 2.5). Проверим соотношение: чем меньше рабочих мест внутри региона, тем больше в исследуемом муниципалитете доля отходников в общем числе работников. Дефицит рабочих мест предлагается вычислять по формуле:

$$D = \left(1 - \frac{S + R}{ЭАН + ЛПХт}\right) \cdot 100\%, \text{ где}$$

D – дефицит рабочих мест внутри региона,

S – число трудящихся, чья работа находится в населенном пункте места жительства,

R – число трудящихся, чья работа находится внутри своего региона (условные «маятники»),

ЭАН – численность экономически активного населения (куда входят занятые в экономике и безработные),

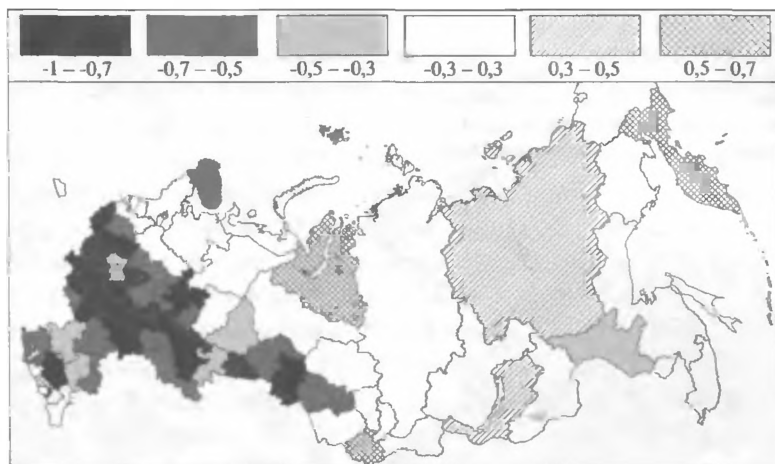
ЛПХт – занятые в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) в трудоспособном возрасте (не входят в ЭАН).

В результате значение D отражает долю жителей, которые могли бы, но не могут трудоустроиться внутри региона из-за отсутствия рабочих мест и оказывают давление на локальный рынок труда. Чем ближе D к 100%, тем более напряженной является ситуация на рынке труда, и наоборот, чем ближе к нулю – тем более благополучной.

Для оценки влияния значения D на интенсивность дальних межрегиональных миграций предлагается рассчитать линейный коэффициент корреляции между D и долей дальних межрегиональных мигрантов в общем числе трудящихся по каждому региону РФ в разрезе муниципальных образований (рис. 20 и 21 – XI и XII на цветных вклейках).

Для всех муниципальных образований РФ (кроме Московской области, Москвы и Санкт-Петербурга, исключенных из рассмотрения) АКК между двумя данными показателями составляет лишь 0,207, однако он очень сильно отличается по регионам и частям страны (рис. 22). Наибольшее соответствие между напряженностью на локальном рынке труда и интенсивностью трудового отхода наблюдается в центральной части РФ и в Поволжье. Высокое соответствие также обнаруживается в муниципальных образованиях Среднего и Южного Урала, юга Западной Сибири (до Новосибирской области), главным направлением отхода из которых являются нефтегазовые округа Тюменской области. Далее к востоку соответствие очень малое, а иногда даже обратное. Такое распределение можно интерпретировать так: высокая напряженность на внутреннем рынке труда выталкивает трудовых мигрантов за пределы

своих регионов в поисках работы, но только в тех частях страны, где есть емкие акцепторы трудовых мигрантов.

*Рис. 22. Коэффициент корреляции между дефицитом рабочих мест внутри региона и интенсивностью межрегиональных трудовых миграций
Рассчитано по данным ВПН-2010*

Зонирование территории России по трудовой мобильности населения

Исходя из оценки трудовой мобильности населения России на основе данных ВПН-2010, представляется возможным разделить всю территорию на несколько зон, отталкиваясь в первую очередь от интенсивности трудовой миграции в целом и характеристик ее отдельных компонентов (рис. 23).

Для *Центральной зоны (I)* характерна максимальная среди всех зон средняя мобильность населения, что обусловлено высокой плотностью крупных городов (прежде всего региональных центров), индуцирующих вокруг себя поле интенсивных маятниковых миграций. Московский столичный регион образует собственную подзону (выходящую «языками» в соседние с Московской областью регионы) и отличается максимальными значениями трудовой мобильности населения (свыше 35%). Являясь крупным акцептором межрегиональных мигрантов, эта подзона оказывает сильное влияние на трудовую мобильность во всей зоне, она привлекает работников, в том числе из периферийных по отношению к

региональным центрам муниципалитетов (не затронутых маятниковой миграцией), повышая значения мобильности населения в них до уровня 20 и более процентов.

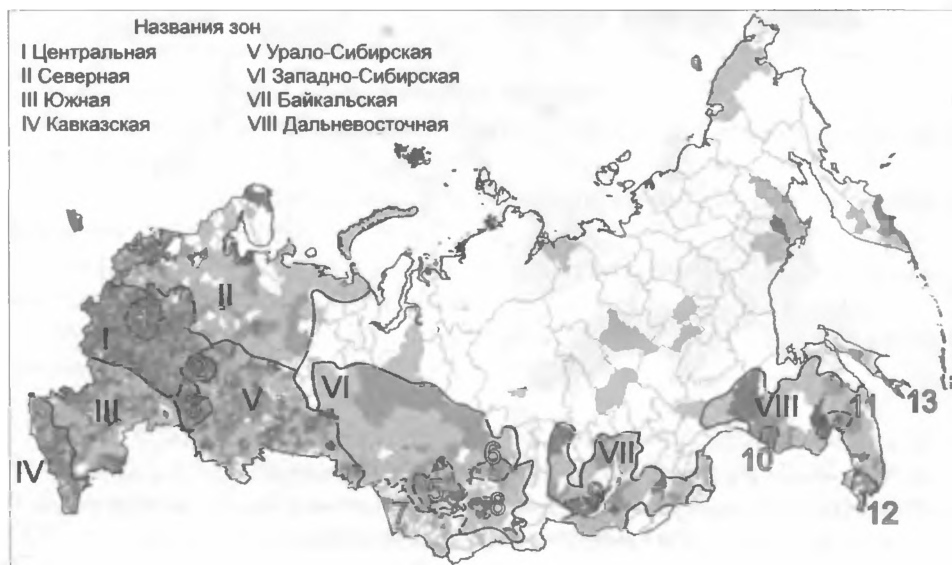

Рис. 23. Зонирование территории России по трудовым миграциям населения. В качестве основы использована карта интенсивности трудовых миграций

В восточной части *Центральной* зоны выделяются две подзоны с экстремально высокими значениями трудовой мобильности. Подзоны состоят из Московской области, Чувашии, Марий Эл, а также западной части Республики Татарстан (2), Самарской области, восточной части Ульяновской и западных районов Оренбургской области (3). В обеих подзонах интенсивна маятниковая миграция, которая дополняется разнонаправленной межрегиональной миграцией.

Северная зона (II) включает регионы Европейского Севера и Северо-Запада. Трудовая мобильность населения в этой части страны меньше, чем в *Центральной*, за исключением Северо-Западной подзоны (4, включая Калининградскую область) за счет интенсивно протекающей маятниковой трудовой миграции и влияния Санкт-Петербурга. На остальной территории зоны по трудовой мобильности выделяются пригороды Петрозаводска, Архангельска, Мурманска и Сыктывкара, а количество отходников крайне незначительно (в среднем не более 2% от численно-

сти работающего населения). Обращает на себя внимание значительная разреженность межстоличья – севера Тверской и юга Новгородской областей по интенсивности трудовых миграций (рис. 2, 3 и 13 – III, IV и VI на цветных вклейках).

Для территорий *Южной* зоны (III) в целом характерны средние уровни трудовой мобильности населения, которая имеет тенденцию к увеличению с севера на юг к границам *Кавказской* (IV) зоны, где мобильность населения резко возрастает. В то же время в этой зоне велика дифференциация трудовой мобильности по муниципальным образованиям по причине разреженной сети региональных центров, вследствие чего возникают обширные «лакуны» между ними. Например, между дугой Краснодар – Ставрополь – Элиста – Волгоград – Самара и дугой Ростов-на-Дону – Воронеж, а также в Заволжской части, с низкими значениями трудовой мобильности (рис. 2, 3 и 13 - III, IV и VI на цветных вклейках), заметен дефицит крупных городов. Низкая трудовая мобильность в этих «лакунах» помимо позиционного фактора связана также с тем, что они занимают преимущественно сельские территории с относительно стабильным сектором сельского хозяйства, удерживающим население от дальних трудовых миграций. Региональные центры и крупные города инициируют маятниковую миграцию только в ближайших пригородных районах, в то время как межрегиональная трудовая миграция относительно слаба (кроме муниципалитетов Республики Калмыкия и северной части зоны).

Для *Кавказской* зоны (IV) характерна высокая трудовая мобильность населения, главным образом, за счет интенсивно протекающих маятниковых и ближних межрегиональных миграций при относительно небольшом распространении дальнего отхода. Высокая плотность крупных городов (региональных центров) и их расположение позволяют говорить о наличии пояса маятниковых миграций внутри зоны с локальными экстремумами в районе Краснодарской агломерации и вдоль оси Ставрополь – Черкесск – Пятигорск – Нальчик – Владикавказ – Грозный – Махачкала. В отличие от *Южной*, мобильность сельского населения внутри *Кавказской* зоны значительно более высокая (30% и более), кроме горной части республики Дагестан (до 20%, в среднем 10–15%).

Распределение трудовой мобильности по муниципальным образованиям *Урало-Сибирской* зоны (V) в целом предопределяется географией маятниковых трудовых миграций, за исключением Курганской области и Республики Башкортостан, где велики межрегиональные трудовые миграции в Тюменскую область. Большое число городов, в том числе круп-

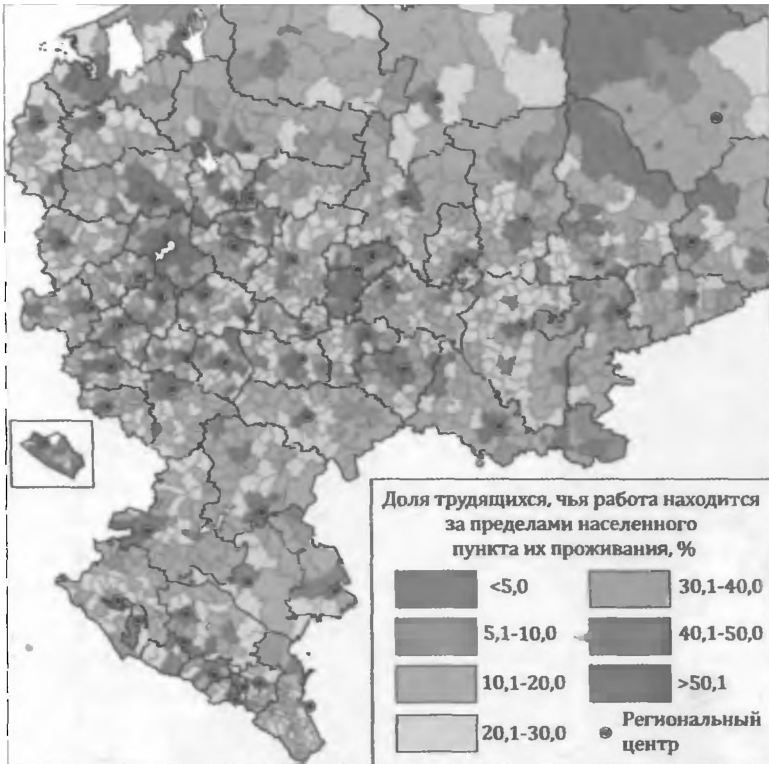
ных, в этой зоне вносит существенное возмущение в нормальное распределение маятниковых миграций относительно регионального центра (кроме Омской области и Республики Башкортостан), особенно в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях.

Обширная *Западно-Сибирская* (VI) зона не представляет собой монолитного образования и распадается на несколько подзон, которые сильно различаются между собой. Мобильность населения муниципалитетов Омской области, севера Тюменской, запада Новосибирской во многом формируется за счет межрегиональных трудовых миграций в Тюменскую область (вместе с автономными округами). Кроме того, наиболее вероятно, что большинство внутрирегиональных миграций в северо-западных районах Томской области направлено не в региональную столицу (которая расположена далеко от них и плохо связана коммуникациями), а в северо-западную часть области на нефтяные промыслы (в район г. Стрежевой). Таким образом, основной поток трудовых мигрантов из указанных муниципалитетов направляется в регионы нефтедобычи и представляет собой вахтовую миграцию. Три из четырех подзон (5, 6, 8) выделяются из-за распространения в них интенсивных маятниковых миграций при их практическом отсутствии между подзонами. Наиболее крупная подзона (5) объединяет муниципалитеты вблизи столиц и крупных городов Алтайского края, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей. Значительно меньшее абсолютное число маятниковых трудовых миграций осуществляется в пределах Красноярской (6) и Минусинской (Абаканской, 8) агломераций. Города Бийск, Рубцовск, Горно-Алтайск и Славгород имеют небольшую пригородную зону (принимают трудовых мигрантов из соседних районов), за пределами которой внутри 7-й подзоны трудовые миграции крайне слабы. Это объясняется низкой мобильностью как городского, так и сельского населения на этих преимущественно аграрных территориях.

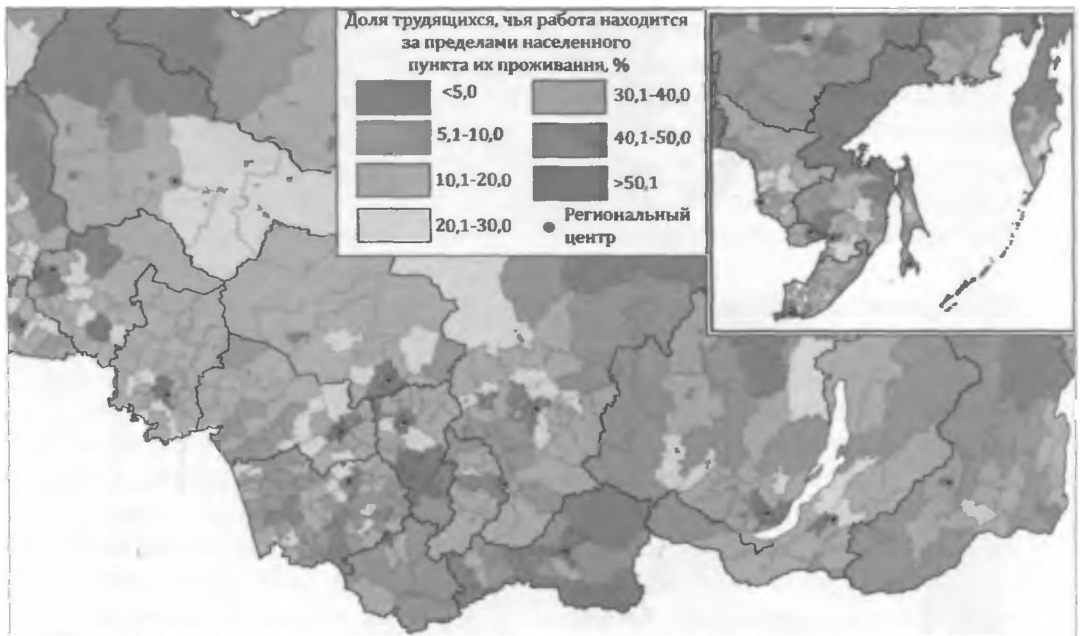
Байкальская (VII) и *Дальневосточная* (VIII) зоны охватывают часть основной полосы расселения вдоль южной границы страны. Трудовая мобильность в них относительно низка и предопределена спецификой системы расселения – низкой плотностью сельского населения, малым количеством крупных городов при больших расстояниях между ними. Исключение составляют немногочисленные агломерации Восточной Сибири и Дальнего Востока. На их фоне выделяются Иркутская (9), Благовещенская (10), Хабаровская (11), Владивостокская (12) и Южно-Сахалинская (13) подзоны, формирующие вокруг себя сильные поля маятниковых миграций. На всей остальной территории востока страны

III. Рис. 2. Интенсивность трудовых миграций населения (в условной шкале) по результатам ВПН-2010 в разрезе муниципальных образований (по месту выезда)

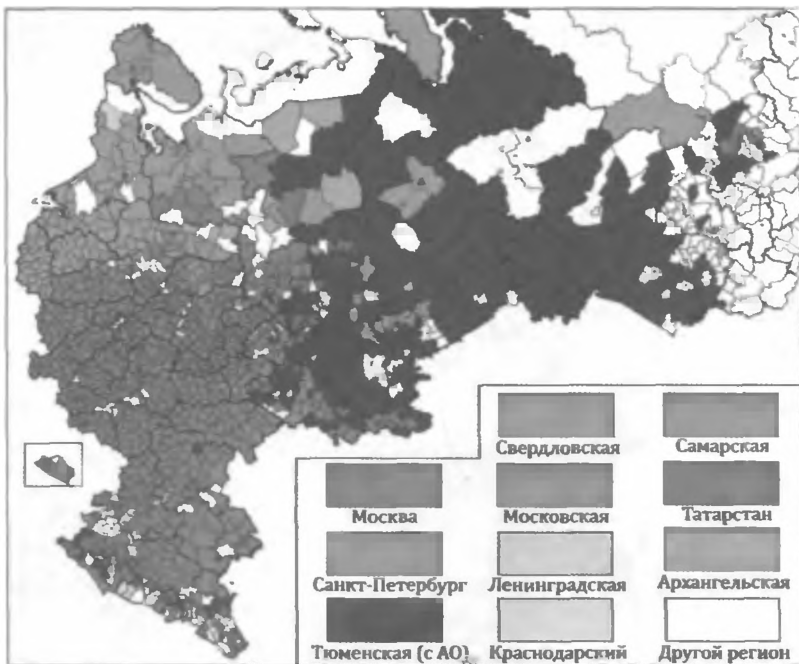
IV. Рис. 3. Трудовая мобильность населения западной части РФ (фрагмент карты «Трудовая мобильность населения РФ»)

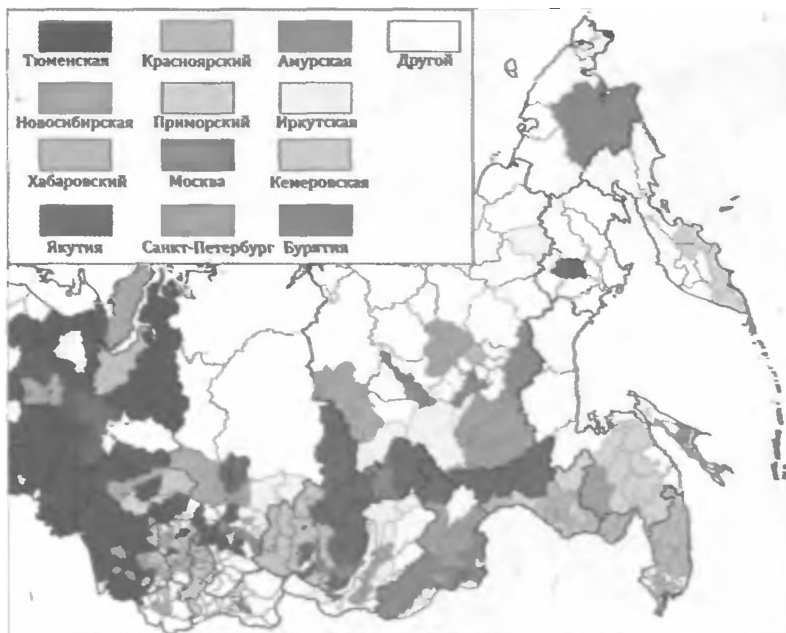
V. Рис. 4. Трудовая мобильность населения восточной части РФ (фрагмент карты «Трудовая мобильность населения РФ»)

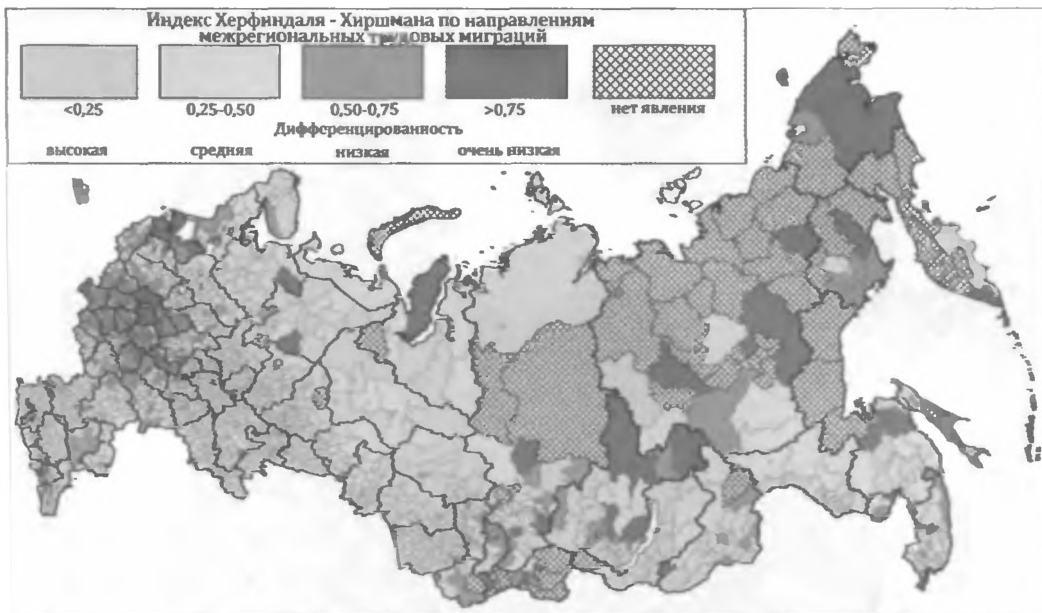
VI. Рис. 13. Интенсивность дальних межрегиональных трудовых миграций населения (в условной шкале) по результатам ВПН-2010 в разрезе муниципальных образований (по месту выезда)

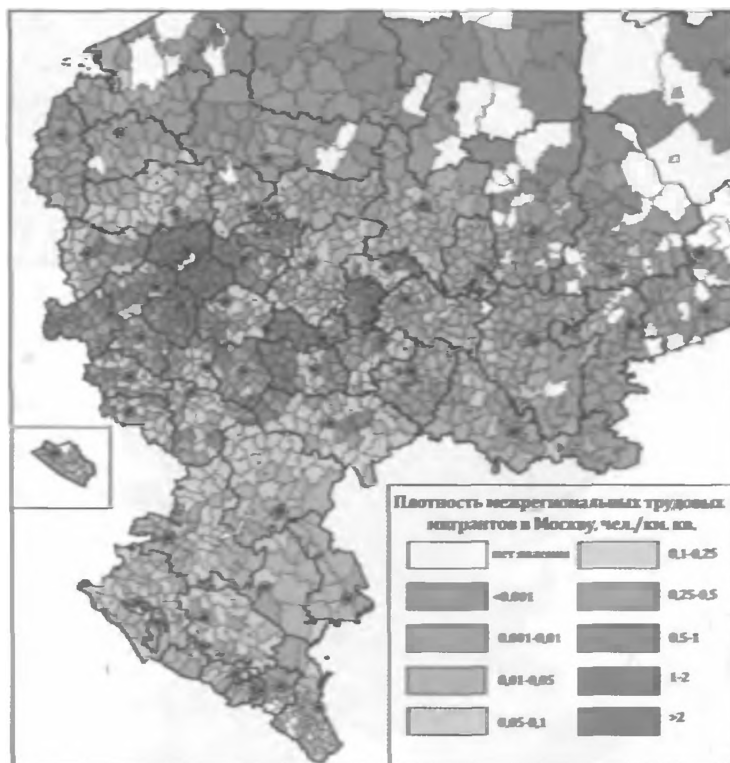
VII. Рис. 14. Первые места по направлению выезда трудовых мигрантов из муниципальных образований западной части РФ

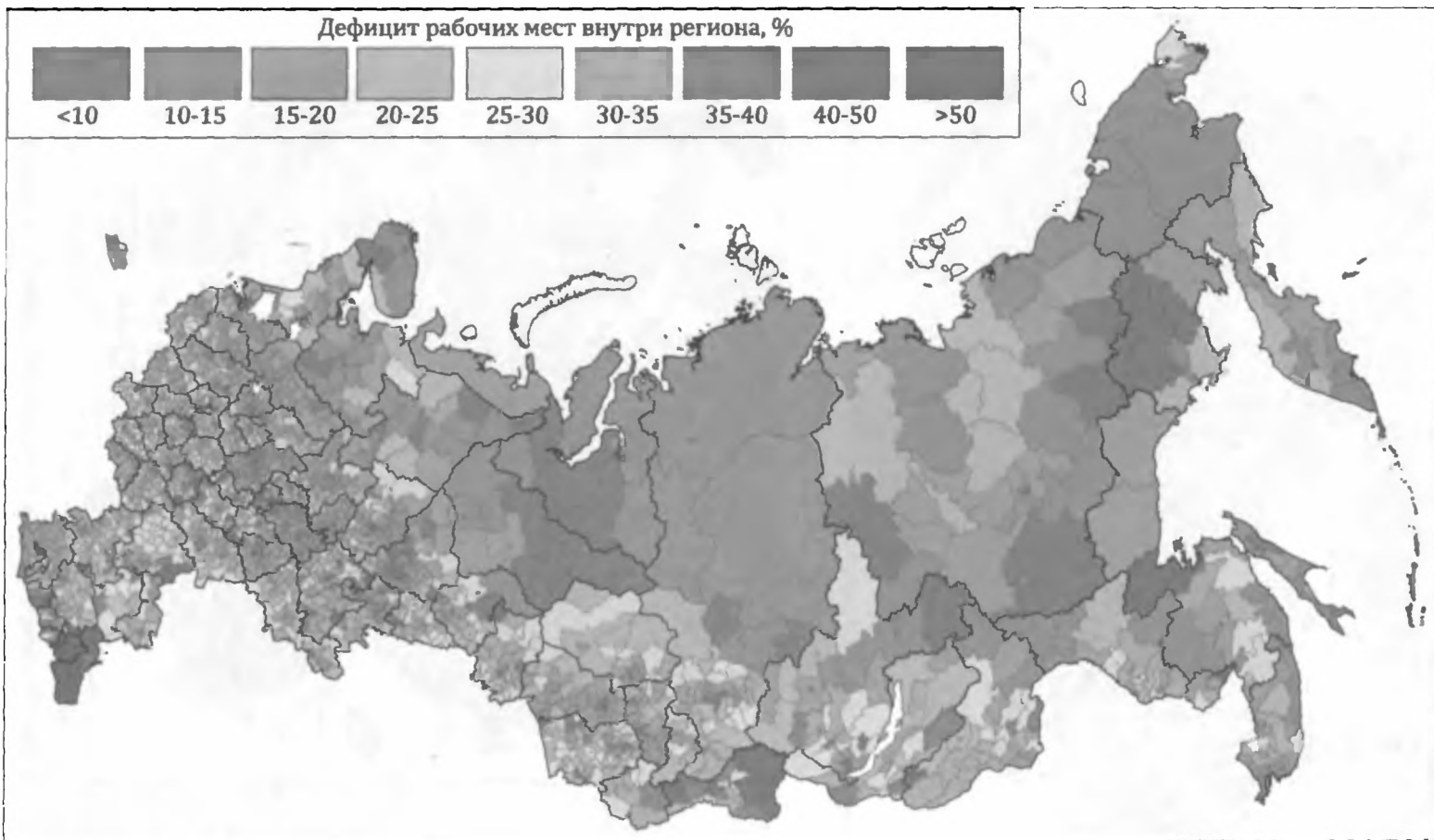
VIII. Рис. 15. Первые места по направлению выезда трудовых мигрантов из муниципальных образований восточной части РФ По данным ВПН-2010

IX. Рис. 16. Диверсифицированность потоков межрегиональных трудовых миграций по направлениям (Индекс Херфиндаля-Хиршмана)

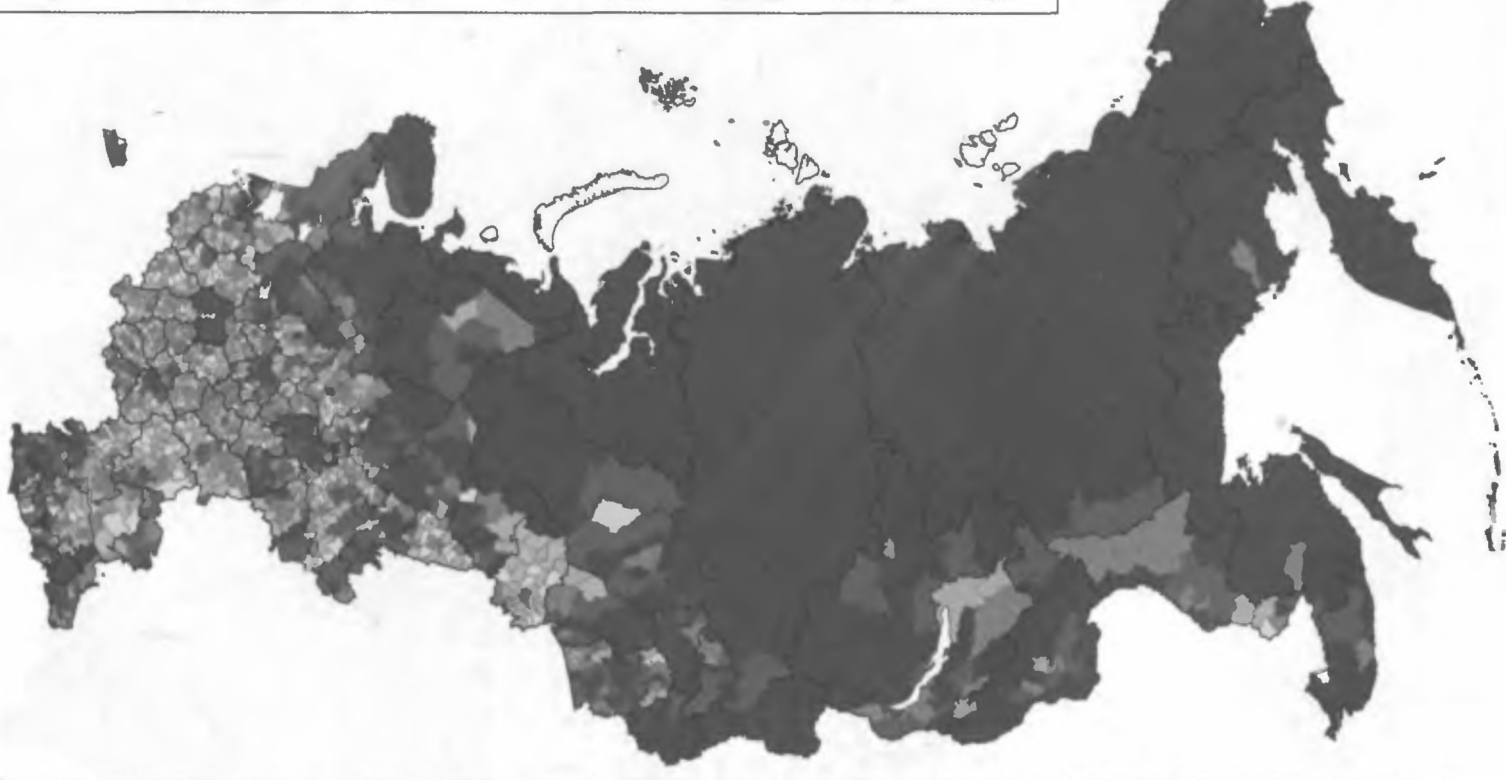
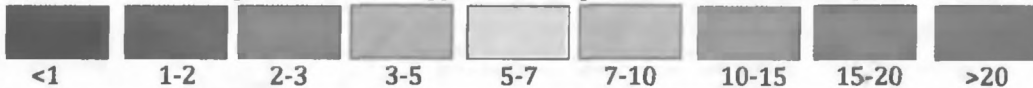

X. Рис. 19. Межрегиональные трудовые миграции в Москву

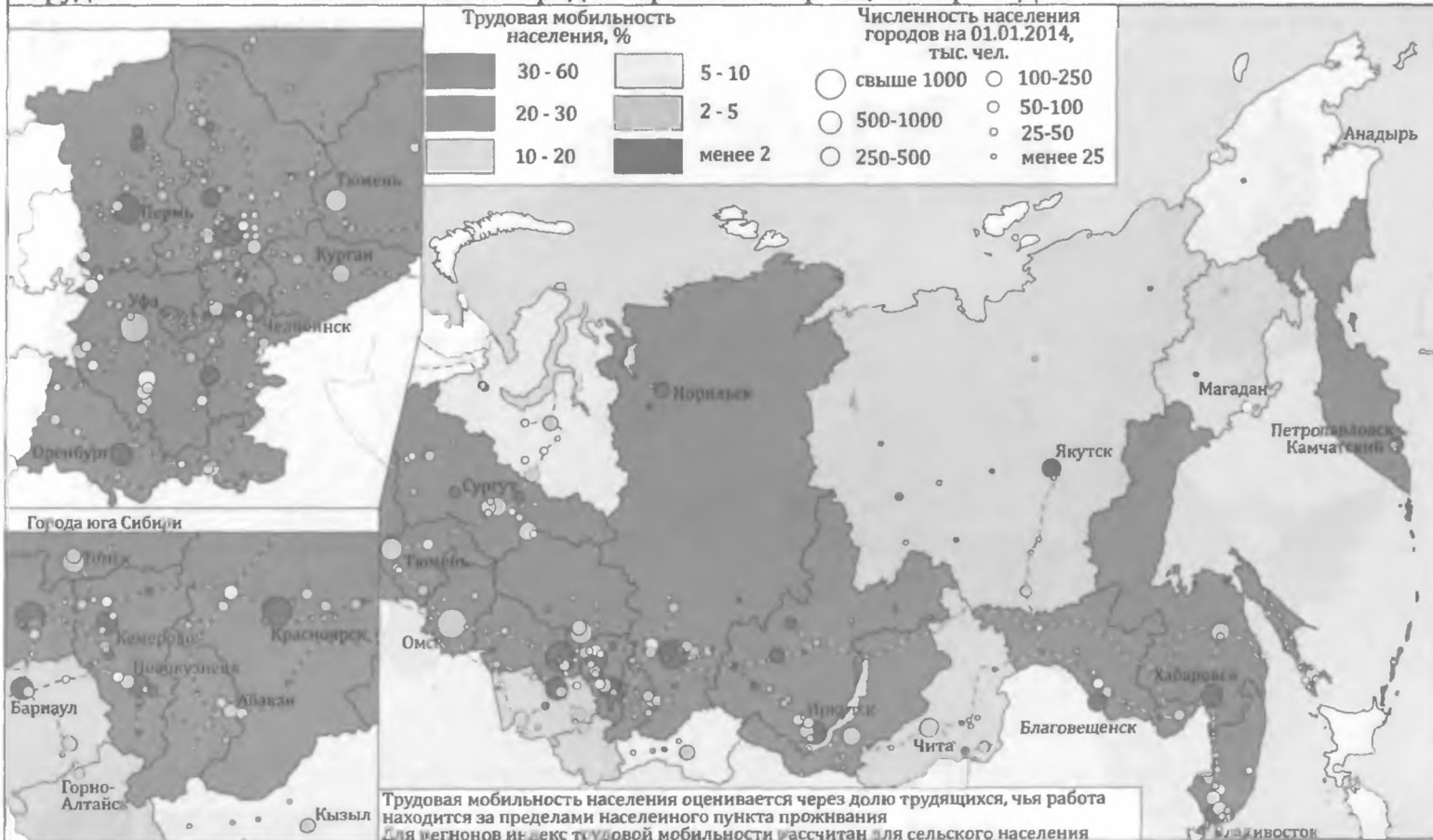
*XI. Рис. 20. Дефицит рабочих мест на рынке труда региона, по муниципальным образованиям.
По данным ВПН-2010*

Доля дальних межрегиональных трудовых мигрантов в общем числе работников, %

*XII. Рис. 21. Интенсивность дальних межрегиональных трудовых миграций по муниципальным образованиям.
Примечание: допущено, что межрегиональные миграции из первого пограничного (иногда второго) муниципалитета, а также все межрегиональные миграции из Московской и Ленинградской области в Москву и Санкт-Петербург соответственно являются маятниковыми*

Трудовая мобильность населения городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока

ХIII. Рис. 4. Трудовая мобильность населения городов и регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока

относительно интенсивные трудовые миграции заметны лишь в пригородах региональных столиц (Якутска, Петропавловска-Камчатского, Магадана) и в некоторых пограничных муниципалитетах. Трудовая мобильность населения этой части страны – крайне низкая.

* * *

Всероссийская перепись населения 2010 г. является единственным источником данных о трудовой мобильности населения на локальных территориальных уровнях (муниципалитетов и отдельных населенных пунктов). Несмотря на недостатки в методологии ее проведения, она, тем не менее, позволяет установить характер внутрорегиональной дифференциации трудовой мобильности и определить круг факторов, влияющих на нее.

К важным факторам, влияющим на структуру возвратных миграций, относятся тип поселения (сельский или городской) и расстояние до ближайшего регионального центра (позиционный фактор). Первый оказывает значимое влияние на территориальную организацию трудовой мобильности населения более чем в половине регионов России. Второй значим для более чем 60% субъектов РФ.

Межрегиональный рынок труда в России имеет сложившуюся территориальную структуру. Крупнейшие акцепторы трудовых ресурсов (Московский столичный регион, Санкт-Петербургская агломерация и Тюменская область с автономными округами) формируют собственные хинтерланды. Население территорий, входящих в них, реагирует на выталкивающее давление напряженности на локальных рынках труда. На востоке страны недостаток спроса на труд и большие транспортные издержки сдерживают активизацию трудовой мобильности населения и не приводят к инициации межрегиональных миграций даже в тех муниципалитетах, где напряженность на рынке труда высокая.

Структура трудовых миграций, исследованная на уровне муниципалитетов, позволяет разделить территорию России на несколько зон трудовой мобильности. Их конфигурация определяется структурой расселения, расположением крупных городов (региональных центров) и положением относительно межрегиональных акцепторов трудовых мигрантов.

Глава 2.7

Трудовая мобильность как адаптация к кризису городских рынков труда на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке

Резкий спад экономики России в 1990-е гг., банкротство большого числа крупных и средних предприятий привели к сокращению численности занятых и сжатию региональных и локальных рынков труда. Уменьшение спроса на труд за счет оптимизации и повышения производительности труда продолжилось и в 2000-е гг.

Таковой была общая тенденция, однако были ли масштабы сокращений и особенно их последствия одинаковыми для всех территорий и типов населенных пунктов? Как адаптировалось население к кризису локального рынка труда? Какую роль в этом процессе сыграла такая форма адаптации, как возвратная трудовая мобильность?

Ответить на эти вопросы непросто. Локальные рынки труда в нашей стране исследовались мало, прежде всего из-за недостатка достоверной информации, собирать которую приходится почти исключительно в ходе полевых исследований, особенно для сельской местности. По рынкам труда городов доступной информации значительно больше, в том числе динамической. С выходом данных ВПН-2010 и результатов сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства появился набор необходимой информации, который позволяет делать первые выводы по большому массиву населенных пунктов. В данной главе предлагается рассмотреть города Урала, Сибири и Дальнего Востока¹⁹, где, трудовые миграции имеют меньшее распространение, чем в европейской части РФ, и в основном сконцентрированы вокруг крупных городских агломераций (см. главы 2.5 и 2.6).

¹⁹ Здесь и далее рассматриваются все города восточнее Пермского края, Республики Башкортостан и Оренбургской области за исключением ЗАТО.

Одним из основных статистических показателей с длинным временным рядом, характеризующим рынок труда, является численность занятых в крупных и средних предприятиях и организациях. В позднесоветское время и в начале рыночных реформ в них была занята подавляющая часть работников. Именно крупные и средние предприятия и организации обеспечивали возможности трудоустройства в городах с адекватной оплатой труда и социальными гарантиями, поддерживали за счет налогов экономику городов и местные бюджеты.

В городах Урала, Сибири и Дальнего Востока сокращение численности занятых в организациях происходило с начала 1990-х гг., и к началу 2010-х гг. составило примерно 35% (с более чем 14 млн чел. до 9,3 млн). Наибольшие численные и территориальные изменения происходили в 1990-х гг. (шоковая реакция на кризис) и с середины 2000-х (процессы рыночной оптимизации занятости и кризис 2008-2009 гг.). Наименьшее снижение численности занятых за весь период произошло в городах Западной Сибири (особенно до кризиса 2008–2009 гг.), наибольшее – на Урале и на Дальнем Востоке, однако оно было неравномерным во времени (рис. 1).

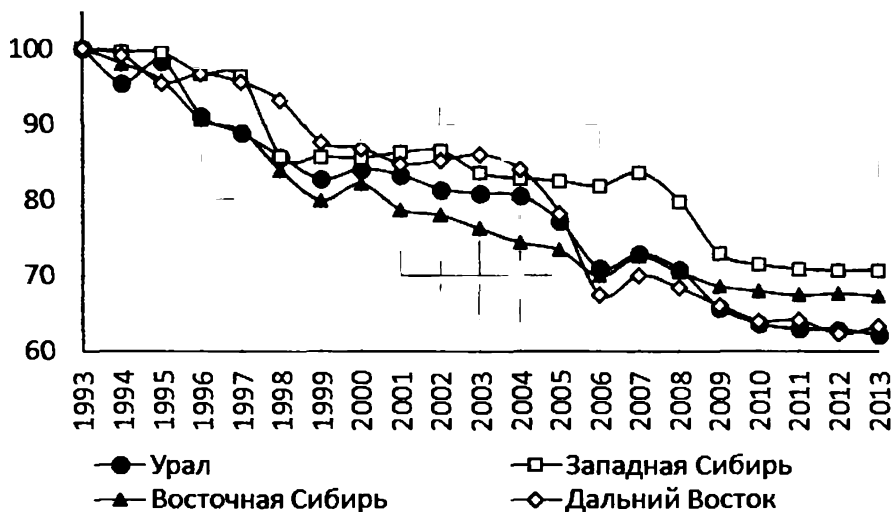

Рис. 1. Изменение среднесписочной численности работников организаций в городах, по макрорегионам, к уровню 1993 г., % (1993=100)
По данным базы «Мультистат»

Помимо географической специфики обнаруживается прямая связь динамики численности занятых с численностью населения городов (табл. 1). Наименьшее снижение занятости наблюдалось в крупнейших городах с численностью населения свыше 250 тыс. чел., что связано с особенностями рынка труда (наличие значительного количества государственных и бюджетных учреждений регионального уровня, здравоохранения, образования и т.д.). Максимальное падение – в небольших городах (от 25 до 100 тыс. чел.). Максимальные трудности испытали самые малые города, что характерно и для других регионов России (см. главу 2.2).

Таблица 1. Динамика численности занятых в предприятиях и организациях по городам Урала, Сибири и Дальнего Востока, в % от уровня 1993 г.

Группа по численности населения, тыс. чел.	1998	2005	2009	2013
более 1000	88,0	82,0	70,7	71,0
500–1000	96,3	87,7	75,7	75,3
250–500	83,3	85,1	73,3	69,6
100–250	82,6	73,4	65,3	62,2
50–100	84,0	71,5	61,5	56,5
25–50	85,2	73,5	61,2	56,0
менее 25	80,3	69,1	69,7	63,7

Численность занятых выросла лишь в 5% городов Урала, Сибири и Дальнего Востока. К ним относятся города двух типов – нефтегазовые центры (в т.ч. молодые, возникшие в позднесоветское время или уже в 1990-е гг.), такие, как Тарко-Сале, Белоярский, Надым, Новый Уренгой и т.д.; и некоторые региональные центры, например, Салехард, Ханты-Мансийск, Южно-Сахалинск. Наибольшее падение характерно для монопрофильных городов, или постмоногородов, промышленная занятость в которых была доминирующей и сжалась до минимума. Рост числа городов, в которых численность рабочих мест на предприятиях сократилась более чем в два раза, остановился к 2007 г. на уровне 65–70 (рис. 2). Однако экономический кризис 2008–2009 гг., сильно затронувший ресурсные отрасли, привел к тому, что их число удвоилось и достигло в 2013 г. 38% от общего числа. Количество городов с небольшим и умеренным падением численности занятых постоянно уменьшалось.

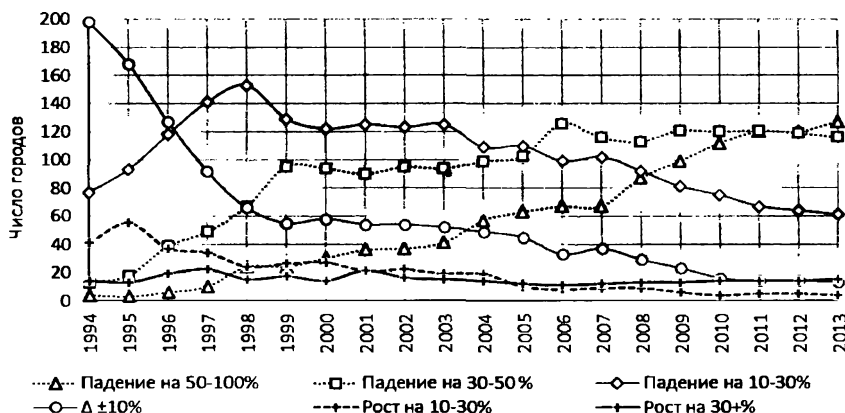

Рис. 2. Число городов с разной динамикой среднесписочной численности работников организаций, в % к уровню 1993 г.

Сокращение числа работников крупных и средних организаций может говорить как о кризисе экономики городов, так и о процессе оптимизации деятельности экономических агентов. В любом случае, оказавшись за пределами этих, по сути, корпоративных советских структур, работники сталкивались со сложным выбором дальнейших действий.

Стратегии адаптации населения к трансформационным процессам на рынке труда можно подразделить на два основных типа – активные и пассивные (табл. 2); к активным отнесены те, которые предполагают какие-либо действия, позволяющие населению остаться на рынке труда, к пассивным – приводящие к исключению из него.

Таблица 2. Модели адаптации населения к кризисным явлениям на рынке труда и экономике города

Активные			Пассивные
Адаптация на местном рынке труда	Переориентация на внешние рынки труда	Переезд на новое место жительства	Уход с рынка труда
Малый бизнес и предпринимательство (МСБ) Теневая, неформальная занятость	Комьютинг Отходничество		Личное подсобное хозяйство Иждивение в семье Иждивение за счет государства Безработица

Среди активных форм адаптации населения, предусматривающих сохранение прежнего места жительства, прежде всего стоит выделить варианты адаптации на местном рынке труда и переориентацию на работу за его пределами. Приоритет в выборе той или иной формы адаптации зависит от множества факторов, в том числе экономико-географического положения города, его статуса, отрасли специализации, людности, институциональных условий, качества трудовых ресурсов и др. Многообразие возможных сочетаний этих факторов приводит к сложному сочетанию форм адаптации в городах²⁰.

Тем не менее можно выделить и некоторые типичные формы, свойственные для той или иной группы городов (например, с хорошим или исключительно плохим ЭГП, с конкурентоспособной отраслью специализации или, напротив, кризисной и т.д.). В частности, для кризисных моногородов наиболее популярными (кроме переезда на новое место жительства) были пассивные формы адаптации, которые, напротив, имели минимальное распространение в городах Севера и Крайнего Севера. Адаптация в малом бизнесе и теневом секторе более распространена в южных, аграрных регионах, а также в региональных столицах и их пригородах. Именно в последних широкое распространение получила занятость вне места постоянного проживания.

На общем фоне такая внешняя трудовая занятость практически незаметна. Среди населения в трудоспособном возрасте во всех городских округах Урала, Сибири и Дальнего Востока трудовые мигранты составляют скромные 3,6% (рис. 3), а их численность среди трудоспособного населения почти в 20 раз меньше, чем работающих по месту жительства – трудовая мобильность, таким образом, оказывается меньше 5% (при средних значениях по стране в 14,5%) (см. главу 2.6.). В отличие от сельской местности восточных регионов России городов, где она достигает 50% и более, мало (рис. 4 – XIII на цветной вклейке).

²⁰ Это относится и к населению в трудоспособном возрасте, и к работающим пенсионерам. Среди населения городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в трудоспособном возрасте единственным источником средств к существованию по ВПН-2010 (от трудовой деятельности или любой формы государственной или семейной поддержки, либо ЛПХ) обладали около 82% населения, двумя – 16%, тремя и более – 4% населения. В некоторых городах доля населения в трудоспособном возрасте с единственным источником средств к существованию может падать до экстремально низких значений: 40% и менее (например, в г. Алзамай – 9,3%, г. Макушино – 26,4%, г. Куртамыш – 30,1% ит.д.), что говорит о сложностях адаптации в них.

Рис. 3. Структура населения в трудоспособном возрасте по положению на рынке труда по городским округам Урала, Сибири и Дальнего Востока в 2010 г. Рассчитано по данным ВПН-2010, ОНПЗ 2010, сплошному наблюдению за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства²¹

Трудовая мобильность населения в азиатской части России как у городского, так и у сельского населения (рис. 1–3 в главе 2.6) существенно ниже, чем в европейской части в силу ряда причин. Основные из них – гораздо более разреженная сеть крупных городов, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, при слаборазвитой транспортной инфраструктуре и лимитированной емкости рынка труда. Ближние трудовые миграции в такой ситуации становятся объективно возможными лишь для небольшой части населения, непосредственно проживающей в пригородах региональных столиц и индустриальных центров. Для дальних (межрегиональных) миграций барьером становятся не только большие расстояния, но и ограниченная емкость рынков труда.

Для регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока традиционно еще с советских времен существовал крупный («внешний» по отношению к основной полосе расселения) рынок труда «северов»: нефтегазовых регионов Западной Сибири, сырьевых регионов Восточной Сибири и северо-востока. В настоящий момент хинтерландом нефтегазовых округов Тюменской области являются регионы Урала (частично и Поволжья) и юга Западной Сибири, другие регионы-аттракторы привлекают трудовых мигрантов в основном из соседних субъектов Федерации. В постсоветское время, несмотря на масштабное переформатирование добываю-

²¹ По методике, предложенной в главе 2.4.

Таблица 3. Динамика основных социально-экономических характеристик некоторых городских округов Урала, Сибири и Дальнего Востока с преобладанием адаптации на внешних рынках труда

Город	Динамика численности населения, 1991-2015, ±%	Динамика ЧН за счет миграций 2013/1991, ±%	Динамика численности работников организаций, 2013/1993, ±%	Динамика привлеченного объема промышленного пр-ва (2011-2012)/(1991-1992)	Динамика привлеченного объема инвестиций, (2012-2013)/(1991-1992)	Сальдо трудовых миграций/ емкость локального рынка труда, ±%	Население в трудоспособном возрасте, %											
							Адаптация на локальном рынке труда					Адаптация на внешнем рынке труда			Уход с рынка труда			
							Крупные и средние предприятия и организации	В МСБ и неформальной занятости всего	МСБ	Неформальная занятость	Внешняя трудовая занятость, всего	из них		Пасивные формы адаптации, всего	из них			
												Внешняя внутр.прет. занятость	Межрегиональная занятость		Внешняя	ЛПХ	Иждивение в семье	Иждивение на гос.д.р-стве
Анны	4,3	0,2	-48,6	3,46	2,14	-57,8	16,0	19,9	15,0	4,8	37,3	37,1	0,2	26,8	0,7	17,9	7,7	0,4
Сосновоборск	25,0	14,0	-61,5	0,34	1,08	-72,1	20,6	18,7	12,5	6,2	35,5	35,0	0,5	25,3	0,2	16,1	8,7	0,2
Сысерть	-6,7	-1,4	28,6	0,43	1,80	-118,3	19,6	25,2	19,6	5,6	30,8	30,4	0,4	24,4	1,0	16,1	6,9	0,4
Арамль	8,8	11,7	-10,3	0,38	0,95	-20,6	22,7	23,0	17,3	5,7	29,9	29,5	0,3	24,4	0,4	17,8	5,9	0,3
Агидель	-2,0	-24,4	-76,6	1,05	0,07	-8,7	11,0	26,0	18,4	7,5	28,2	13,1	15,1	34,8	0,6	24,7	9,3	0,3
Дегтярск	-13,1	12,5	-71,4	0,10	0,18	-118,9	18,9	25,0	19,5	5,5	27,9	27,2	0,7	28,2	0,5	17,0	10,3	0,5
Березовский (Свердл. обл.)	16,9	22,4	-39,9	2,50	0,93	-39,3	24,3	24,1	18,1	6,0	27,7	27,2	0,5	23,9	0,5	16,5	6,4	0,4
Верхняя Пышма	19,1	23,8	-18,7	1,77	2,45	-15,9	29,4	20,8	14,5	6,2	26,0	25,8	0,3	23,8	0,4	16,6	6,5	0,3
Долинск	-25,1	-17,7	-40,8	0,10	5,51	-38,6	15,8	25,7	20,1	5,6	25,4	25,2	0,2	33,0	0,6	20,3	11,4	0,6
Копейск	-1,3	16,4	-46,6	0,47	0,25	-55,1	29,2	19,8	12,8	7,0	25,3	24,9	0,4	25,7	0,6	16,1	8,7	0,2
Среднеуральск	17,0	23,1	-58,3	6,67	0,88	-52,1	31,6	19,7	13,3	6,4	25,2	24,9	0,3	23,5	0,1	16,7	6,3	0,4
Нижняя Салда	-17,0	-2,0	-36,1	0,65	0,82	-50,4	40,6	15,5	8,5	7,0	23,3	23,1	0,3	20,6	1,7	9,4	9,3	0,3
Обь	13,5	24,4	-11,4	н/д	16,56	4,1	36,2	17,0	9,0	8,0	22,7	22,4	0,3	24,2	1,1	16,7	6,1	0,2
Невьянск	-20,1	-1,3	-61,4	0,38	0,33	-33,0	24,0	25,3	19,2	6,1	22,5	22,1	0,4	28,3	1,0	16,2	10,8	0,3
Осинники	-30,0	-10,3	-69,5	0,25	0,26	-37,9	31,8	15,4	10,1	5,4	20,1	19,9	0,2	32,7	0,9	17,9	13,7	0,2
Дивногорск	-3,2	3,6	-52,5	0,77	4,37	-20,5	28,8	21,4	13,5	7,9	20,0	19,5	0,5	29,8	0,5	21,1	7,8	0,4
Реж	-13,2	-2,7	-65,5	0,45	1,00	-39,2	28,4	24,6	18,0	6,6	18,9	18,1	0,7	28,1	1,2	15,7	11,0	0,2
Бердск	28,6	33,6	-51,9	0,55	0,27	-31,7	22,6	36,0	27,2	8,8	17,8	17,3	0,5	23,6	0,3	16,1	6,8	0,4
Карпинск	-25,2	-9,4	-64,7	0,26	0,51	-24,8	33,0	23,3	16,3	7,0	16,9	15,9	1,0	26,8	0,7	15,1	10,6	0,3
Сорск	-24,1	-19,6	-29,5	1,40	0,23	-25,7	40,4	17,3	5,7	11,6	16,0	9,8	6,1	26,3	0,4	17,2	8,3	0,4
Калтан	-15,8	0,1	-32,2	1,03	3,91	-55,0	36,2	16,7	10,7	6,0	15,5	15,3	0,3	31,5	1,3	16,8	13,3	0,1
Верхняя Тура	-32,1	-15,2	-69,4	0,42	0,23	-35,2	40,6	17,6	10,3	7,2	15,3	14,3	1,0	26,6	0,9	12,4	12,9	0,4
Артемовский	-24,4	-14,3	-64,9	0,20	0,48	-48,7	27,7	25,7	19,1	6,6	15,2	13,7	1,5	31,3	1,5	15,9	13,5	0,4
Искитим	-14,8	-4,4	-46,6	0,65	0,51	-19,5	33,0	28,3	19,1	9,2	14,5	13,9	0,6	24,2	0,7	15,5	7,7	0,3
Корсаков	-26,9	-20,0	-71,2	0,17	0,73	-36,8	22,3	35,0	27,2	7,8	14,1	13,7	0,4	28,5	0,4	17,8	9,6	0,7
Верхотурье	-2,5	11,0	-63,5	0,09	0,77	-72,5	22,6	31,4	24,7	6,7	13,9	13,2	0,7	32,1	2,8	12,7	16,3	0,4

щей промышленности, этот относительно емкий рынок труда «Северов» (третий по величине после Москвы и Санкт-Петербурга) демпфировал кризисные явления и продолжал играть важную роль при трудоустройстве населения в масштабах всей страны.

Однако его размеры существенно уступают рынкам труда крупных агломераций и региональных центров: во внутрирегиональную миграцию в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока вовлечено, по разным оценкам, от 5 (ОНПЗ 2014) до 7 раз (ВПН-2010) больше населения²², чем в межрегиональную (для России в целом эта разница составляет около 3-х раз). Таким образом, в трудовых миграциях в азиатской части России бóльшую роль играют именно ближние, внутрирегиональные миграции. В свою очередь, это говорит о том, что в Азиатской России для такого типа адаптации, как внешняя трудовая мобильность, чрезвычайно важным фактором является конфигурация систем расселения.

Оценить масштабы и территориальную организацию трудовой мобильности в городах можно двумя методами. Первый основан на прямом опросе работников о месте их работы (что возможно лишь по данным ВПН-2010) и подходит для всех городов. Второй подход основан на балансовом методе (см. главу 2.4), применимом только для городских округов из-за отсутствия статистики по городским поселениям. Сочетание двух методов позволяет получить оценку не только масштабов исходящего потока трудовых мигрантов, но и притока мигрантов в города (рис. 5).

Региональные центры аккумулируют примерно 70–75% входящего потока трудовых миграций. Крупнейшими акцепторами являются города Урала и юга Западной Сибири, как образующие крупные городские агломерации (Екатеринбург, Пермь, Барнаул, Новосибирск и др.), так и со слаборазвитыми агломерациями (Тюмень, Омск и др.), но со значительным сельским населением пригородов. Среди нестоличных центров притяжения выделяются центры нефте- и газодобычи (Нижневартовск, Новый Уренгой, Бузулук, Когалым, Сургут и др.), металлургии (Норильск, Магнитогорск, Новотроицк, Нижний Тагил). Центрами притяжения также могут быть и транспортные центры в относительно густонаселенных районах (например, Находка), и даже за их пределами, если город является важнейшим транспортным узлом (как, например, Тында, обслуживающая БАМ). Как видно, балансовая оценка потоков трудовых миграций

²² Данное значение приводится для всего населения. Для городов Урала, Сибири и Дальнего Востока по переписи 2010 г. количество внутрирегиональных мигрантов примерно в 4 раза больше, чем межрегиональных.

существенно превосходит оценки, сделанные по результатам переписи – только на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке 100-тысячные потоки в ядро фиксируются в 9 региональных столицах.

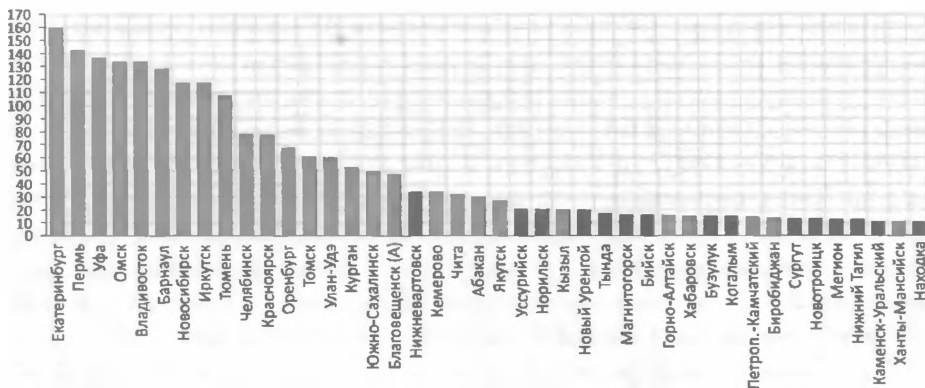

Рис. 5. Оценка притока трудовых мигрантов в городские округа Урала, Сибири и Дальнего Востока (для потоков свыше 10 тыс. чел.). Темным тоном выделены города, не являющиеся региональными центрами. Рассчитано по данным ВПН-2010, ОНПЗ 2010, сплошному наблюдению за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства 2010

Далеко не все городские округа имеют положительный баланс трудовых миграций. К числу доноров трудовых мигрантов можно отнести в основном пригороды крупных городов (Копейск, Калтан, Сосновоборск и многие другие), некоторые города-базы, обслуживающие добычу полезных ископаемых (Муравленко, Лангепас, Пыть-Ях). Заметную часть (по количеству) городов нетто-доноров трудовых мигрантов составляют небольшие города, испытывающие кризис локальных рынков труда, находящиеся за пределами ближних поясов агломераций, но не на экстремальном удалении от них (например, Сорск, Шарыпово, Карабаш, Реж и др.).

Трудовые миграции населения можно рассматривать под разным углом: с точки зрения экономических, социальных, бюджетных эффектов для населения и городов акцепторов/доноров трудовых мигрантов. Первостепенным представляется вопрос о том, что дают трудовые миграции собственно работникам и членам их семей: это вынужденный вариант адаптации для выживания либо эффективный способ приложения труда в городах с высокопроизводительными рабочими местами, обеспечивающий достойный уровень жизни работнику. Ответ на этот вопрос,

по всей видимости, неоднозначен и во многом зависит от типа трудовой мобильности и вида занятости.

Результаты, полученные по данным социологических исследований трудовых мигрантов в малых российских городах [Рощина, 2008; Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., 2016], указывают, что работа на выезде позволяет домохозяйствам иметь доходы не менее, а зачастую выше, чем у работников, трудоустроенных по месту жительства. По всей видимости, это действительно так – в малых городах основу местного рынка труда формируют бюджетный сектор и малый бизнес, в которых уровень оплаты труда значительно ниже, чем в среднем в экономике. Но справедливо ли это для средних и крупных городов, особенно – промышленных? Низкие оценки трудовой мобильности населения в таких городах, основанные на результатах ВПН-2010, скорее, говорят об обратном.

Как возможность внешней трудовой занятости влияет на население городов? Если рассматривать города-доноры мигрантов, то наибольшие позитивные эффекты, по всей видимости, должно иметь население пригородов крупнейших региональных центров, осуществляющее ежедневные маятниковые миграции. Можно предположить, что «позитивным» ответом населения на адаптацию данного типа в городах-донорах будет желание оставаться в них, располагая достаточными финансовыми ресурсами от трудовой деятельности за пределами города. Индикатором служит показатель ввода жилья в городе: если жилье строится, то население, выражаясь фигурально, голосует и «ногами», и «рублем». Низкие душевые уровни ввода жилья могут одновременно означать как сравнительную непривлекательность такого рода инвестиций для населения, так и недостаточные уровни дохода для их осуществления.

Рассуждая аналогично, можно рассмотреть также сочетание миграционного прироста и интенсивности трудовых миграций (рис. 6). Среди всех городских округов, расположенных в пригородах, особо выделяются некоторые города из ближних поясов агломерации Екатеринбурга (Березовский, Верхняя Пышма, Среднеуральск, Арамилы и др.), Челябинска (Копейск), Новосибирска (Бердск), Тюмени (Ялуторовск, Заводоуковск), Красноярска (Дивногорск, Сосновоборск), Абакана (Черногорск), Южно-Сахалинска (Анива) и др. Эти города извлекают максимальную выгоду из своего близкого положения к быстроразвивающимся центрам. Платежеспособный спрос, генерируемый относительно высокими заработками в крупном городе, обуславливает высокую инвестиционную активность населения на рынке недвижимости (с учетом более низкой стоимости «входа» на него в пригородах), этому способствует и интенсивный ми-

грационный приток из других муниципалитетов региона и даже из-за его пределов.

В городах-пригородах реализуется комбинированный тип адаптации через миграцию в них и трудоустройство на внешнем рынке труда. Так, Сосновоборск (пригород Красноярска), почти половина жителей которого ездит на работу в региональный центр, увеличил свою людность за счет миграционного прироста с 1991 г. на 14%, хотя численность рабочих мест в организациях за это время сократилась на 61,5% (табл. 3).

Близость к региональному центру, однако, не всегда подобным образом влияет на пригороды. Если региональный центр относительно слабый (например, Курган, Биробиджан, Благовещенск), либо недостаточно развита транспортная инфраструктура (например, Южно-Сахалинск), это приводит к тому, что в большинстве городов, расположенных вблизи таких региональных центров и связанных с ними интенсивными трудовыми миграциями, наблюдается заметный миграционный отток населения.

Для мигрантов большей части остальных городов-доноров адаптация путем переориентации на внешние рынки труда, по всей видимости, является механизмом выживания населения, а его долгосрочной стратегией – переезд на новое место жительства. Основная причина – их относительно удаленное положение от внешнего рынка труда за пределами 1–1,5-часовой транспортной доступности от региональной столицы (например, Невьянск, Артемовский) или невысокие емкость рынка и уровень заработной платы в нестоличных городах-акцепторах (например, для жителей Карпинска в Краснотурьинске). Временные и транспортные издержки в этих городах, в результате, существенно снижают привлекательность трудовых миграций и делают их конкурентными только в случае отсутствия иных вариантов адаптации.

При отсутствии возможностей для осуществления ближних трудовых миграций альтернативным видом адаптации на внешних рынках труда становится отходничество или вахтовая трудовая миграция. Этот тип трудовой активности сопряжен с максимальными экономическими и социальными издержками для работников (более высокая стоимость проезда и жизни, оторванность от семьи и дома, потеря трудовых навыков, незащищенность от произвола работодателей на неофициальных рабочих местах и др.).

Ограниченная емкость рынка труда азиатских «северов» (прежде всего Тюменской области с автономными округами) приводит к тому, что отходничество имеет заметное распространение и влияние только на

территории от Урала до юга Западной Сибири. Особенно велика его роль в Омской и Курганской областях, Республике Башкортостан, имеющей исторические трудовые связи с нефтегазовыми регионами. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке дальние межрегиональные трудовые миграции имеют место, но их роль в смягчении проблем локальных рынков труда муниципалитетов малозаметна.

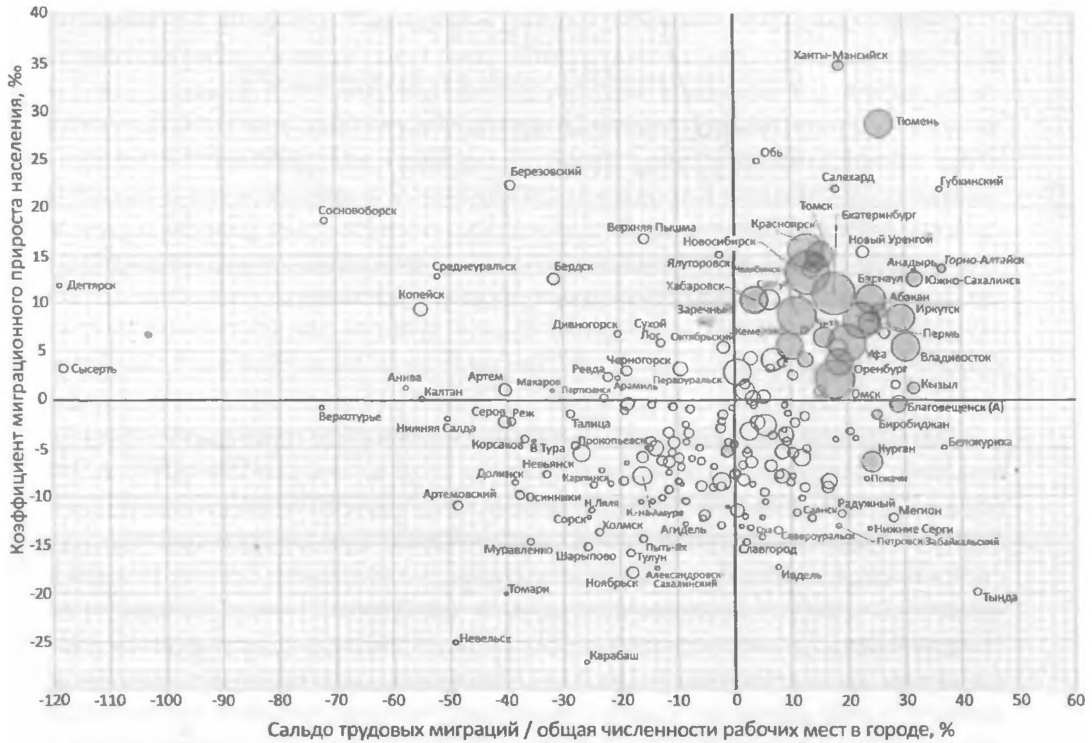

Рис. 6. Миграции населения и баланс трудовых ресурсов в ГО Урала, Сибири и Дальнего Востока (в среднем за период 2010–2013 гг.). Площадь пунсона пропорциональна численности населения по данным ВПН-2010. Темным тоном выделены региональные центры

Кризис локальных рынков труда на таких территориях не ведет к выталкиванию избыточных трудовых ресурсов за пределы своих регионов из-за отсутствия емких акцепторов (см. подробнее главу 2.6), а приводит к уходу населения с рынка труда (переходу к пассивным формам адаптации) или постепенному выезду. Подобная ситуация наблюдалась нами

неоднократно, особенно часто в городах ресурсной сферы вне крупных агломераций (например, в Нерюнгри, Краснокаменске). Сокращение численности занятых на градообразующих предприятиях этих городов (угледобывающем «Якутугле» и Приаргунском производственном горно-химическом объединении, основным видом деятельности которого является добыча урана), произошедшее в последнее время, привело к оттоку населения.

Переориентация высвободившихся трудовых ресурсов на внешние рынки труда затруднена в силу устойчивой тенденции к снижению спроса на труд в добывающем секторе (из-за повсеместной механизации) и низких «конверсионных» возможностях работников для приобретения иных профессий, которые к тому же не будут востребованы в их промышленных городах. Коридор адаптационных возможностей в малых и средних городах Восточной Сибири и Дальнего Востока довольно узок, в том числе и из-за отсутствия необходимых предпосылок для реализации модели адаптации через внешнюю трудовую занятость.

* * *

Возвратная трудовая мобильность населения как одна из возможных моделей адаптации населения к кризису локальных рынков труда в городах Урала, Сибири и Дальнего Востока не получила своего широкого распространения за пределами ближнего пояса пригородов крупных региональных столиц. Лишь для части наиболее успешных из них внешняя занятость смогла существенно сгладить проблемы на локальных рынках труда, проявившиеся в переходный период с 1991 г. и сохраняющиеся по наши дни. В остальных городах, где такая форма адаптации практикуется значительной долей населения, возможность внешней занятости является ресурсом для реализации выездных миграционных стратегий и не удерживает население.

Глава 2.8

Маятниковые трудовые миграции как образ жизни в агломерациях. Пример Московской области

Трудовая маятниковая миграция как одна из форм трудовой подвижности населения играет особую роль в формировании и развитии городских агломераций как атрибут и индикатор их связности. Эти процессы наиболее ярко выражены в крупнейшей в стране Московской столичной агломерации, на примере которой с применением разных подходов будут проанализированы масштабы и пространственные особенности трудовых маятниковых миграций.

Факторы формирования маятниковых потоков населения на работу в отечественной и зарубежной практике идентичны и определяются в основном соотношением градиентов доходов от трудовой деятельности и издержек на обеспечение жизнедеятельности (стоимости жизни). При этом принципиально различаются механизмы их формирования. В условиях субурбанизации западного типа происходил переток трудовых ресурсов из районов, прилегающих к местам приложения труда, в места с более низкими издержками проживания, т.е. переселение из ядра в пригороды. В крупнейших советских и постсоветских агломерациях, напротив, увеличение потоков трудовых маятниковых мигрантов из пригородов происходило в результате центр-периферийного дисбаланса рынков труда и ускоренного прироста стоимости труда в ядрах агломераций без переселения в них. Особенностью постсоветских агломераций остается наличие в них дачников, формирующих альтернативную систему расселения с выраженной сезонной пульсацией, что приводит в теплый сезон к увеличению потока коммьютеров.

Сколько трудовых маятниковых мигрантов в Московской агломерации?

(Результаты применения разных методик)

В РФ проблема оценки масштабов внутриагломерационных колебаний размещения населения продолжает оставаться «terra incognita» в сфере статистического учета и исследования расселения. Несмотря на очевидность и «осязаемость» ежедневных трудовых потоков населения как таковой формальный учет их объемов в отечественной практике не ведется. В пределах Московской агломерации учет маятниковых мигрантов особенно актуален, так как это не только ареал самых масштабных возвратных миграций, но и место проявления новых трендов в их развитии: именно здесь они наиболее интенсивны и в то же время изменчивы. При этом накопленный опыт исследований этого полигона [Браде и др., 2013; Махрова, 2014; Махрова и др., 2012; Махрова, Кириллов, 2015] позволяет провести сравнительный анализ как методов исследования, так и оценок пульсации численности населения ядра и пригородной зоны агломерации²³, в т.ч. – с учетом их сезонной изменчивости.

В зарубежной практике статистического учета сбор информации о возвратной мобильности, как правило, так же, как и в России, выходит за рамки программ текущих оценок населения и расселения, но осуществляется в виде регулярных специализированных исследований. Например, Бюро цenzов США проводит «Оценки дневного населения с учетом маятниковых мигрантов» [Commuter..., 2006–2010]. Национальное статистическое ведомство Великобритании осуществляет оценки, привязанные к данным переписей населения, которые выполнены в рамках «Модели маятниковых миграций» [Commuting..., 2011]. Эти исследования содержат сведения о размещении рабочих мест, а также позволяют определять миграционный обмен между муниципалитетами, проводить сопоставление численности их наличного и постоянного населения, выявлять пространственную дифференциацию концентрации населения в течение недельного и суточного циклов.

Федеральная статистическая служба России учета компьютерных передвижений населения не ведет. Исключением стала перепись населения 1970 г., давшая информацию об объеме и направлениях поездок и

²³ Вопрос о границах Московской агломерации, а также ее ядра и пригородной зоны остается открытым и разными авторами трактуется по-разному; в данной работе она упрощенно рассматривается в границах Москвы и Московской области.

на меж- и внутрирегиональном уровнях; в дальнейшем при проведении переписей такой учет не проводился. Высокая стоимость обследований трудовых маятниковых миграций, проведенных в двух пилотных муниципалитетах Москвы и Московской области, стала главной причиной отмены ранее планировавшегося опроса компьютеров при проведении переписи населения 2002 г., причем такая же ситуация повторилась и в 2010 г. [Шитова, Шитов, 2013].

Как же измерить масштабы и структуру маятниковых миграций в российских условиях? В данной работе для оценки трудовой маятниковой миграции были использованы разные источники информации, включающие как условно количественные, или прямые, так и косвенные показатели (табл. 1). К ним относятся данные, получаемые из федеральных и региональных статистических сборников, Пенсионного фонда РФ, баланса трудовых ресурсов по Москве и Московской области и др. Кроме того были использованы результаты социологических опросов, рассматривающих вопросы трудовой возвратной миграции населения, а также обобщены материалы исследований, ранее проводившихся по данной тематике. В последнее время при проведении оценок помимо опросов, как и в данной работе, все чаще прибегают и к новым методам, включая данные операторов сотовой связи, несмотря на их погрешности и допущения.

Таблица 1. Информационные источники для оценки трудовых маятниковых миграций

Условно прямые методы	Косвенные методы
1. Данные Пенсионного фонда РФ (предоставляются в деперсонифицированном виде)	1. Данные об объемах пассажиропотоков (по числу проданных билетов в пригородном сообщении) – оцениваются различия в объеме пассажиропотоков в будние и выходные дни
2. Социологические опросы	2. Сопоставление числа занятых в экономике муниципальных образований с численностью экономически активного населения (по отдельным муниципальным образованиям пригородного пояса агломераций)
3. Баланс трудовых ресурсов	3. Данные о локализации активности в сетях мобильной связи, позволяющие оценить текущее местонахождение людей и их передвижения с разными ритмами
4. Данные о временной регистрации	

Согласно данным Росстата о межрегиональных трудовых миграциях в 2012 г. в Москву приехало 1,15 млн чел., а из Московской области выезжало 479 тыс. работников. Выезд из Москвы составил лишь 8,9 тыс. мигрантов, в то время как в Московскую область въехало 183 тыс. чел. (рис. 1) [Труд и занятость, 2013]. Очевидно, что основная часть трудового потока в Москву и область к маятниковым ежедневным миграциям имела мало отношения, столичный регион стягивал работников со всей Европейской России (см. подробнее главы 2.4 и 2.5).

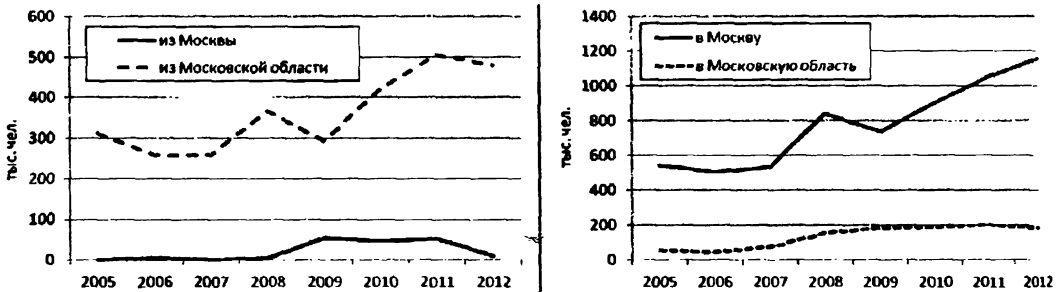

Рис. 1. Межрегиональная трудовая миграция, число въехавших и выехавших, тыс. чел.
По данным [Труд и занятость в России, 2014]

Тем не менее, по данным ОНПЗ, значительная часть трудовых поездок в Москву (41%) совершалась в ежедневном режиме, а из 479 тыс. выезжавших на работу из Московской области 437,5 тыс. работало в Москве. При этом масштабы трудовой маятниковой миграции между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью оцениваются скромнее: центростремительный поток был равен 102 тыс., а центробежный – 5 тыс. чел. Согласно этим данным, все остальные маятниковые перемещения в стране составляют около 154 тыс. чел., хотя трудовые маятниковые миграции между российскими городами и их окружением распространены широко [Флоринская и др., 2015]. Хотя эти оценки большинством исследователей признаются сильно заниженными, в любом случае потоки между Москвой и Московской областью намного больше, чем в других агломерациях, включая Санкт-Петербургскую.

В самой природе маятниковых миграций заложена определенная их ритмичность. Представление о временных ритмах возвратных миграций

дал опрос²⁴, проведенный в 2013 г., который показал, что, в среднем, каждый день на работу ездят около 10% всех респондентов. Близкие параметры характерны и для поездок с частотой 2–3 раза в неделю. Именно эти две категории респондентов могут быть отнесены к трудовым маятниковым мигрантам. В процентном отношении доля этих двух групп варьирует от 13% (Воронежская агломерация) до 21–22% (Краснодарская и Казанская) в общей структуре опрошенных (рис. 2).

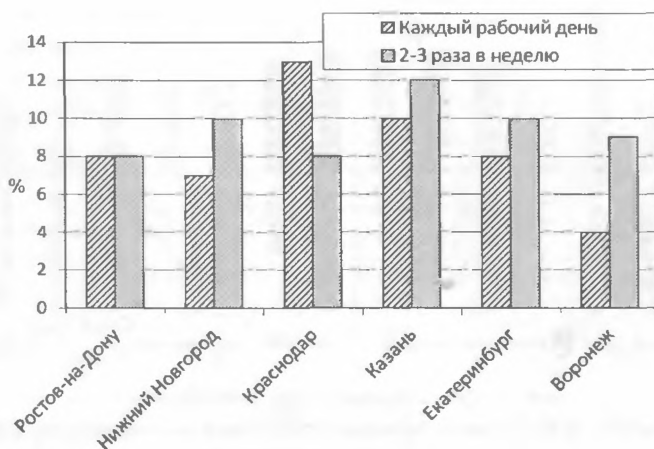
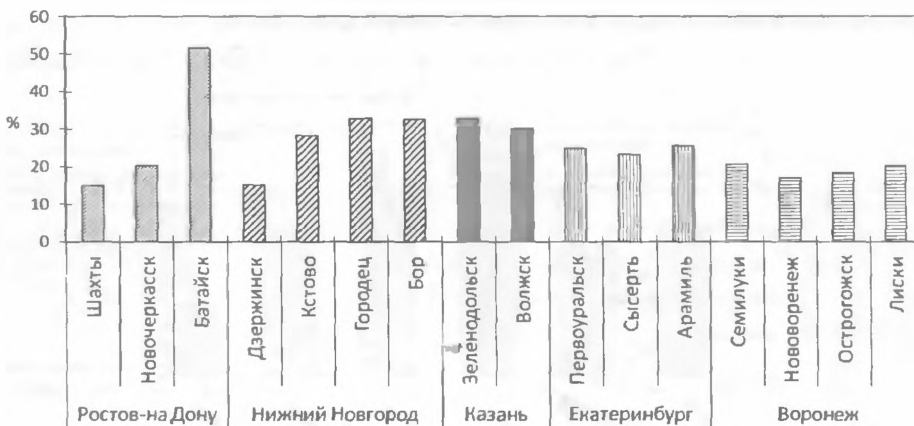

Рис. 2. Временные ритмы трудовых маятниковых миграций в некоторых агломерациях, доля «регулярных» поездок на работу в город-центр от общего числа опрошенных, 2013 г. По данным опроса Центра стратегических разработок (см. подстраничную сноску)

Для отдельных частей внешних поясов агломераций маятниковые миграции являются своего рода специализацией. Оценка, сделанная с привлечением данных о численности населения каждого города-спутника в трудоспособном возрасте, показывает, что трудовые маятниковые миграции охватывают до 30% численности населения трудоспособного

²⁴ Опрос проводился Центром стратегических разработок в 16 городах-спутниках Воронежской, Екатеринбургской, Казанской, Краснодарской, Нижегородской и Ростовской агломераций. Выборка, объем которой составил 2500 респондентов, строилась пропорционально численности населения и социально-демографическим показателям населения этих городов. Авторы благодарны П.А. Чистякову за возможность использования материалов.

возраста. При этом размах охвата маятниковыми миграциями в отдельных городах составляет от 15 до 40% их трудоспособного населения, достигая рекордных 50% в Батайске – пригороде Ростова-на-Дону (рис. 3). Эти оценки показывают, что уровень и масштабы трудовых маятниковых миграций намного выше, чем по данным ОНПЗ.

*Рис. 3. Доля «регулярных мигрантов» в трудоспособном населении городов-спутников некоторых агломераций, по данным опросов населения, 2013 г.
По данным опроса ЦСР*

Серия других оценок, которые были сделаны специально по трудовым маятниковым миграциям населения Московского региона, также существенно различается между собой (табл. 2).

Оценки балансов трудовых ресурсов, которые на региональном уровне периодически дают службы по труду и занятости населения, традиционно занижают распространенность трудовых маятниковых миграций, хотя и менее существенно в сравнении с данными ОНПЗ. Так, по оценке профильного комитета правительства Московской области в 2012 г., за пределы региона выезжало 890,4 тыс. трудовых маятниковых мигрантов, а приезжало на работу из других регионов, включая Москву, 190,2 тыс. чел. К этим результатам близки данные ВПН-2010, согласно которым численность жителей Московской области, работающих на территории другого региона, подавляющая часть из которых ездит на работу в Москву, составляла 891 тыс. чел. [Флоринская и др., 2015].

Таблица 2. Оценки потоков трудовых маятниковых миграций по Москве и Московской области

Источники данных	Год	Оценки, млн. чел.			
		Москва		Московская область	
		Въезд	Выезд	Въезд	Выезд
Всероссийская перепись населения 2010 г.	2010				0,9
Обследование населения по проблемам занятости	2012	0,4			0,4
Баланс трудовых ресурсов (оценки одного из авторов)	2005	1,2	0,3	0,3	1,2
Баланс трудовых ресурсов Комитета по труду и занятости правительства Московской области	2014			0,2	0,9
Пенсионный фонд РФ, Налоговая служба РФ (по данным Шитова, 2008)	2001	0,9-1,2			0,9-1,2
	2005	1,2	0,3	0,3	1,2
Пенсионный фонд РФ	2014	0,8	0,5	0,5	0,8
	Исследование А.А. Эпштейна	2013	0,6	0,7	0,7
1,0*			1,0*		
Центральная пригородная пассажирская компания и Московско-Тверская пригородная пассажирская компания	2014, пассажиропоток за февраль	14,4			14,4
Социологический опрос «Центра экономики инфраструктуры»	2014, зима	1,2	0,3	0,3	1,2
	2014, лето	0,3*			0,3*
Данные операторов сотовой связи	2015	1,3	0,4	0,4	1,3

* – москвичи, живущие в Московской области и ездящие на работу в Москву

Относительно новым и достаточно любопытным источником данных служит деперсонифицированная информация Пенсионного фонда (далее – ПФ) РФ о месте жительства и месте работы, но сложность полу-

чения делает ее малодоступной. По наиболее полным оценкам на 2005 г. поток на работу из Московской области в Москву достигал 1,2 млн, а из столицы в область – около 300 тыс. компьютеров [Махрова, 2014а]. Эта величина близка к исследовательским оценкам состояния масштабов ежедневной маятниковой миграции в данном направлении, которые составили 800–1300 тыс. чел. [Шитова, 2006; Шитова, Шитов, 2008]. Проведенный этими же авторами анализ по состоянию на 2001 г. на основе совместного применения базы данных ПФ, налоговой инспекции и государственного реестра российских предприятий, «обнаруженных» ими в открытом доступе в сети Интернет, и результатов балансового метода показал близкий результат: центростремительный поток был оценен в 0,9–1,2 млн чел. [Шитова, Шитов, 2013].

Главный недостаток данных ПФ связан с тем, что с момента получения индивидуального номера налогоплательщика (ИНН) может неоднократно поменяться адрес регистрации работника, что никак не будет отражено в его ИНН. Причем со временем эти расхождения будут только нарастать, что демонстрируют результаты оценок, сделанных на основе этих данных в 2014 г. (табл. 2). Вопросы вызывает и достоверность такого существенного изменения пропорций центростремительного и центробежного потоков, которое в течение довольно долгого времени было достаточно устойчиво. Въезд в Москву составлял около 80%, выезд – около 20% общего объема маятниковой миграции, хотя подвижки в этих пропорциях возможны в связи с развитием процессов суб- и реурбанизации [Махрова, 2014а].

Вероятно, рост населения Московской области из-за притока мигрантов, ориентированных на столичный рынок труда, но купивших жилье в области из-за дороговизны московских квартир, не учтен в центростремительном потоке (статистика показывает их как жителей других регионов, работающих в столице). Кроме того, «ложных» москвичей, постоянно живущих и работающих в Московской области, ПФ относит к категории маятниковых мигрантов²⁵. Таким образом, невозможность отразить изменение адреса регистрации в данных Пенсионного фонда делает этот источник информации мало применимым для анализа маятниковых миграций.

²⁵ Так, 20% жителей коттеджного поселка «Дмитровец» круглый год проживают в своем загородном жилье, сохраняя при этом московскую регистрацию, при этом половина из них работает в Московской области.

Представление о масштабах и направлениях поездок коммьютеров дает транспортная статистика. В середине 1980-х гг. в результате сбора сведений о проданных абонементх на электрички, дополненных данными учета счетчиками пассажиров в часы пик в узлах пересадок с пригородных электричек/автобусов на метро, были получены оценки объемов маятниковых миграций. Въезд на работу в Москву составлял 750 тыс. чел., а выезд в область – около 150 тыс. чел. [Трифонов, Махрова, 1985].

В настоящее время доступны данные РЖД о годовом объеме пассажиропотока между станциями пригородного сообщения. Вместе с информацией об интенсивности движения транспорта по ним можно лишь косвенно определить размер пассажиропотока и выделить зоны разной интенсивности поездок, а также центры и узлы трудового тяготения. Качество этих данных обесценивает значительное число безбилетных пассажиров, включая так называемых «полузайцев», наличие нелегальных перевозчиков, а также практика перевозки пассажиров с выдачей билетов только по требованию.

Так, анализ данных Центральной пригородной пассажирской компании и Московско-Тверской пригородной пассажирской компании показал, что за февраль 2014 г. из Московской области в Москву приехало 14,4 млн пассажиров (в среднем по 514 тыс. чел. в день). При этом более 80% пассажиропотока было сформировано на станциях, расположенных в пределах 50 км от центра столицы, т.е. в радиусе часовой доступности. Среди них выделяются 12 крупнейших центров, формирующих около 50% пассажиропотока. Основная часть этих городов, за исключением Подольска и Раменского, сконцентрирована вблизи МКАД; кроме того выделяется северо-восточное направление (Мытищи, Королев, Пушкино), которое дает около 16% пассажиров.

В российской практике еще одним новым источником информации стали данные о передвижениях абонентов сотовых компаний, которые входят в группу так называемых BigData («большие данные»), отражающих в том числе особенности поведения маятниковых мигрантов и дачников. Как и данные РЖД, они служат в большей степени для делимитации зон трудового тяготения и в меньшей – для определения численности мигрантов. Первая из работ такого рода по Москве была выполнена в 2013 г. на основе данных сети Мегафон, в которой основное внимание было уделено трудовой подвижности населения в границах города [Богоров и др., 2013]. Аналогичные данные о поездках на работу,

но уже на основе передвижений абонентов трех ведущих сотовых операторов (МТС, Мегафон и Билайн)²⁶ показывают, что размеры центростремительного и центробежного потоков комьютеров в 2015 г. составили 1,3 и 0,4 млн чел. (эти результаты неплохо согласуются с основным массивом оценок).

Разброс имеющихся оценок усиливает востребованность использования социологических опросов. В распоряжении авторов было обследование Центра экономики инфраструктуры, проведенного в 2014 г.²⁷. Согласно его результатам, численность маятниковых мигрантов из Московской области в Москву оценивалась в 1,2 млн чел., а встречный поток – в 300 тыс. чел. Кроме того, эти данные позволяют оценить категорию «ложных» москвичей, которые постоянно живут в области, но ездят на работу в столицу: их численность, изменяясь по сезонам года, превышает 300 тыс. чел.. Соцопрос позволил оценить численность трудовых маятниковых мигрантов, едущих на работу в суточном режиме, а также работающих в режиме удаленного доступа и фрилансеров, которые редко (по мере необходимости) посещают свое официальное место работы, их оказалось около 100 тыс. чел. [Махрова, Кириллов, 2015].

Еще одна попытка установить истину была предпринята в 2013 г. с применением метода трудового баланса и данных натуральных обследо-

²⁶ Вся информация о трудовых маятниковых миграциях, основывающаяся на использовании данных сотовых операторов, заимствована из статьи, подготовленной А.Г. Махровой, П.А. Кирилловым и А.Н. Бочкаревым «Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт использования данных сотовых операторов». Авторы благодарят Департамент информационных технологий правительства г. Москвы за возможность использовать собираемые им данные о передвижениях абонентов сотовой связи для написания статьи.

²⁷ Для анализа трудовых маятниковых миграций населения в работе были использованы результаты социологического опроса, проведенного Центром экономики инфраструктуры. Объем выборки составил 1200 респондентов по Москве и 4000 респондентов по Московской области. Выборка строилась пропорционально численности населения и социально-демографическим показателям административных округов города, за исключением Зеленограда, а также аналогичным характеристикам муниципальных образований Московской области. Авторы благодарны П.А. Чистякову за возможность использования результатов опроса.

ний транспортных потоков²⁸. Полученные результаты дают более высокие значения центробежного потока и числа москвичей, постоянно живущих в области. Возможно, это связано с тем, что оценка численности «ложных» москвичей, постоянно проживающих в Московской области, сделана на основании объемов жилья, построенного в Подмосковье, и доли покупателей-москвичей без учета того, что значительная часть введенного жилья представлена дачами москвичей.

Что же мы имеем в итоге? Величины потоков трудовой маятниковой миграции, полученные с использованием разных методов, отличаются разбросом значений и довольно сложно интерпретируются, что требует совместного применения разных источников данных. Тем не менее эти замеры показывают, что происходит изменение традиционных типов подвижности, прежде всего за счет москвичей – обладателей жилья в области, которые живут на два дома, мигрируя между работой, городским (первым) и загородным (вторым) жильем.

Где живут и куда едут на работу трудовые маятниковые мигранты?

Маятниковые мигранты, ежедневно прибывающие из Московской области в Москву, являются одним из важных источников пополнения трудовых ресурсов столицы, что связано со сложной территориальной структурой рынка труда Москвы и Московской области.

Концентрация мест приложения труда с повышенным уровнем оплаты труда в столице при дефиците ее собственных трудовых ресурсов делают Москву привлекательной для трудовых мигрантов из пригородной зоны. Как удалось выяснить, за годы рыночных реформ произошло увеличение размеров трудовой маятниковой миграции в Москву из Московской области: по наиболее достоверным данным, поток трудовых мигрантов в Москву достигает от 1 до 1,2–1,3 млн. чел. (в конце 1980-х гг. он оценивался примерно в 750 тыс.). При этом из Москвы в Московскую область выезжает с трудовыми целями около 300–400 тыс. чел. Таким образом, сальдо маятниковой миграции составляет примерно 0,8–1,0 млн. чел.

²⁸ Работа проводилась А.А. Эпштейном для оценки потенциала развития сети скоростного внеуличного транспорта в центральной части Московской области по методике, разработанной совместно с одним из авторов данной статьи в рамках работы по актуализации Генерального плана Москвы в 2007 г. Авторы благодарят А.А. Эпштейна за возможность использования результатов этого исследования.

Рост миграционной подвижности населения и потоков коммьютеров как из области в Москву, так и из Москвы в область был характерен и для более ранних периодов развития Московского региона [Трифонов, Махрова, 1985]. Так, за 1980-е гг. въезд на работу в Москву из пригородов вырос с 600 до 750 тыс. чел., а выезда – со 120 до 150 тыс. чел. Потоки трудовых маятниковых миграций формируются с течением времени и довольно слабо подвержены изменениям, что связано в первую очередь с инерционностью системы расселения, транспортной сети и размещением мест приложения труда. Наиболее значительные подвижки могут быть связаны с созданием или закрытием рабочих мест и диспаритетом в уровне оплаты труда, что и наблюдалось в течение всех 25 лет рыночных преобразований.

Существенно лучшая динамика социально-экономического развития Москвы, более высокие размеры заработной платы и разнообразие мест приложения труда привели к тому, что за постсоветский период город существенно расширил зону своего трудового тяготения. В кризисные 1990-е гг. экономика столицы смогла быстрее адаптироваться к рыночным условиям, продолжая, в отличие от других регионов страны, включая Московскую область, наращивать, а не сокращать численность занятых в отраслях экономики, что усилило привлекательность ее рынка труда. К 2005 г. численность работающих увеличилась на 18% или на 960 тыс. чел., причем численность занятых в таких новых отраслях, как операции с недвижимым имуществом, общая коммерческая деятельность по обеспечению рынка и финансово-банковская деятельность выросла почти в три раза.

К этому времени из регионов ближайшего окружения – соседей первого и второго порядка Москвы – только Московская и Калужская области достигли 90% от уровня занятости конца советского периода. Такая динамика стимулировала рост трудовой маятниковой миграции не только из Московской области, но и из соседних регионов, население которых стало в больших масштабах ездить на работу в Москву, приведя к расширению зоны трудового тяготения столицы (подробнее см. главу 2.5 и главу 2.6). Усиление притягательности столичного рынка труда проявилось и в росте сальдо маятниковых миграций, которое увеличилось с 1990 по 2005 г. с 500 до 800 тыс. чел. [Махрова и др., 2008].

В Московской области из-за значительного спада в кризисный период лишь к 2012 г. среднегодовая численность занятых достигла уровня 1990 г., и хотя устойчивый рост происходил со второй половины 1990-х гг., только в 2000-е гг. по среднегодовым темпам роста занятых

область приблизилась к Москве. Создание новых рабочих мест с довольно высоким уровнем заработной платы на территории Московской области вблизи границ Москвы из-за субурбанизации деловых и торгово-развлекательных функций в период экономического роста привело к увеличению потока трудовых маятниковых мигрантов из Москвы в Московскую область, который, как уже отмечалось, в настоящее время оценивается примерно в 300–400 тыс. чел. (для сравнения, в 1992 г. выезд на работу из Москвы в область составлял около 150 тыс. чел.) [Makhrova, Molodikova, 2007].

В период экономического роста в Московской области число мест приложения труда увеличивалось не только в муниципалитетах ближнего, но среднего и дальнего Подмоскovie. В отдельных очагах экономического роста (Ступино, Клин, Дубна и др.), в которых вследствие процессов реиндустриализации активное развитие получили отрасли экономики, ориентированные на региональный рынок сбыта, ежедневный въезд на работу стал превышать выезд. Эти города и районы сами стали испытывать дефицит собственных трудовых ресурсов, в том числе из-за того, что значительная часть их населения работает в Москве, а свободные рабочие места заполняются мигрантами из соседних областей.

Маятниковым миграциям населения, в которые вовлечено в общей сложности почти 18% всех занятых в пределах Московского столичного региона, отводится важнейшая балансирующая роль на рынке труда Москвы и Московской области. При этом рост числа маятниковых трудовых перемещений населения из области в город увеличивался на протяжении прошедших 25 лет почти пропорционально различиям в темпах роста численности занятых между столицей и областью, что отражает изменение пропорций между центробежным и центростремительным потоками. Как уже отмечалось, и в конце советского времени, и в постсоветский период это соотношение было достаточно устойчиво. Въезд в Москву составлял около 80%, а выезд – около 20% общего объема маятниковой миграции, и лишь к 2015 г. с учетом изменившихся границ Москвы центробежный поток достиг 24% (в старых границах города этот показатель составил 22%). Таким образом, в зависимости от динамики численности занятых в отраслях экономики в отдельных регионах меняется объем трудовых маятниковых поездок между ними, что является важным для оценки размеров и направлений миграций на перспективу.

Население всех без исключения муниципалитетов Московской области вовлечено в трудовые маятниковые миграции в столицу, причем для потоков комьютеров характерен ярко выраженный центр-

периферийный градиент, что показывает анализ данных разных источников информации (табл. 3). В эту форму повседневных взаимодействий в наибольшей степени вовлечено население ближнего к столице пояса муниципалитетов – в среднем почти треть его жителей регулярно ездит в Москву. Эти территории ближних пригородов окончательно интегрировались с ядром агломерации, а ряд городов в связи с пространственным развитием столицы оказался более включенным в ее структуру, чем отдельные районы самой Москвы. По мере удаления от столицы миграционная активность снижается в геометрической прогрессии при одновременном повышении объема миграционного обмена со смежными областями – в третьем поясе регулярно ездят на работу в Москву только 6–9% жителей внешнего пояса (рис. 4).

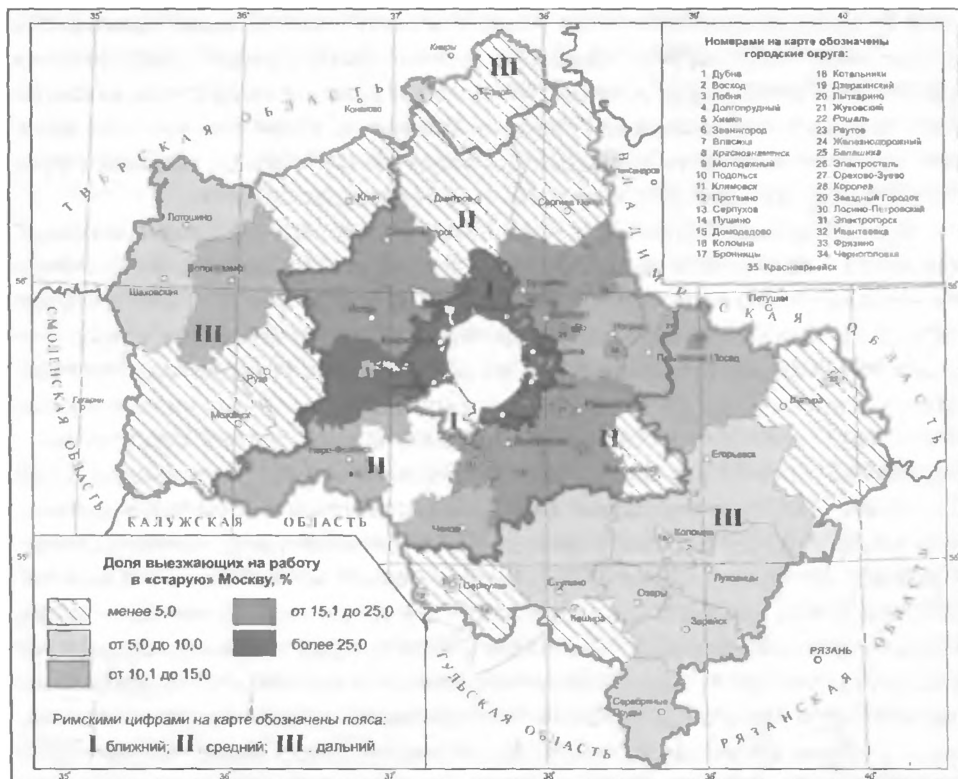

Рис. 4. Удельный вес трудовых маятниковых мигрантов, выезжающих на работу в Москву, в % к общей численности работающих. По данным операторов сотовой связи

В динамике наблюдается снижение абсолютных и относительных значений трудовых маятниковых миграций из зоны дальних пригородов, что в целом отражает рост обеспеченности рабочими местами жителей Московской области, заметно снижая поток из дальних пригородов. Для населения периферийных муниципалитетов высокая длительность поездки на работу и обратно (по 2–3 часа в каждую сторону), а также сама работа занимает большую часть суток. Это снижает возможность ежедневных поездок, но увеличивает привлекательность работы в Москве в суточном или другом более редком ритме.

Таблица 3. Оценка динамики центростремительного потока трудовых маятниковых мигрантов в Москву по поясам периферийности Московской области*

Пояса	Структура потока, тыс. чел.				Структура потока, %			
	данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные соц. опроса	данные сотовых операторов*	данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные соц. опроса	данные сотовых операторов*
	2005 г.	2005 г.	2014 г.	2015 г.	2005 г.	2005 г.	2014 г.	2015 г.
1-й пояс	0,6	0,5	0,6	0,7/0,8	41,7	42,3	54,0	61,3/63,3
2-й пояс	0,4	0,4	0,5	0,4/0,4	33,4	32,9	37,1	31,8/30,4
3-й пояс	0,2	0,3	0,1	0,1/0,1	24,9	24,8	8,9	6,9/6,3
всего по области	1,2	1,2	1,2	1,2/1,3	100	100	100	100/100

* – в числителе указан размер потока в Москву в новых границах, в знаменателе – размер потока в Москву в старых границах.

Пропорции в распределении маятниковых мигрантов по секторам, как и по поясам, в общих чертах повторяют структуру размещения населения и занятых Подмосковья. Максимальное число работников «поставляет» на столичный рынок труда восточный сектор области – более 1/3 от общего числа трудовых мигрантов, и такая картина сохраняется на протяжении всего рассматриваемого периода. До расширения территории Москвы наименее сильно в миграционный обмен был вовлечен западный сектор, и при пересчете потоков в старых границах столицы

на его долю по-прежнему приходится минимальная часть от всего центростремительного потока, несмотря на опережающий рост его численности населения (табл. 4).

Таблица 4. Оценка динамики центростремительного потока трудовых маятниковых мигрантов в Москву по секторам Московской области

Сектора	Структура потока, тыс. чел.				Структура потока, %			
	2005 г.		2015 г.		2005 г.		2015 г.	
	данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные сотовых операторов*	данные сотовых операторов**	данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные сотовых операторов*	данные сотовых операторов**
север	320,6	347	389,9	389,9	27,1	27,4	31,5	28,9
восток	456,7	463	446,1	446,1	38,5	36,6	36,1	33,1
юг	203,7	243	157,0	268,4	17,2	19,2	12,7	19,9
запад	204,2	214	243,9	243,9	17,2	16,9	19,7	18,1
всего по области	1185,1	1267	1236,9	1348,3	100,0	100,0	100,0	100,0

* – размер потока в Москву в новых границах

** – размер потока в Москву в старых границах

Среди отдельных муниципалитетов наибольшим объемом маятниковых трудовых миграций выделяются территории первого и второго поясов с большой численностью проживающего населения, однако в их составе произошел ряд изменений. В 2005 г. в десятку муниципалитетов-лидеров входили все пять районов и два городских округа (Химки, Балашиха) из зоны ближних пригородов, а также три района (Раменский, Наро-Фоминский, Щелковский) второго пояса (табл. 5). В 2015 г. из муниципалитетов второго пояса остался только Раменский район, а в состав лидеров вошел Реутов, который с 2012 г. связан со столицей метро, и Солнечногорский район, непосредственно граничащий с Зеленоградом (рис. 5).

Наиболее слабы миграционные связи с Москвой у наиболее отдаленных муниципалитетов, а также в городских округах с небольшой численностью населения, причем в динамике эта тенденция стала еще более

выраженной (табл. 5). По сравнению с 2005 г. из состава аутсайдеров вышел г. Котельники (первый пояс), который более чем удвоил численность своего населения при одновременном улучшении условий транспортной связности со столицей благодаря появлению метро, а также Черноголовка, Красноармейск (второй пояс), Коломенский район и Электрогорск (оба – третий пояс). При этом суммарное сокращение потоков маятниковых миграций в Москву из муниципалитетов-аутсайдеров может быть связано как с определенным улучшением ситуации в экономике Подмосковья, так и с недоучетом поездок, которые совершаются в суточном, а не в ежедневном режиме на работу, что особенно характерно для периферии области.

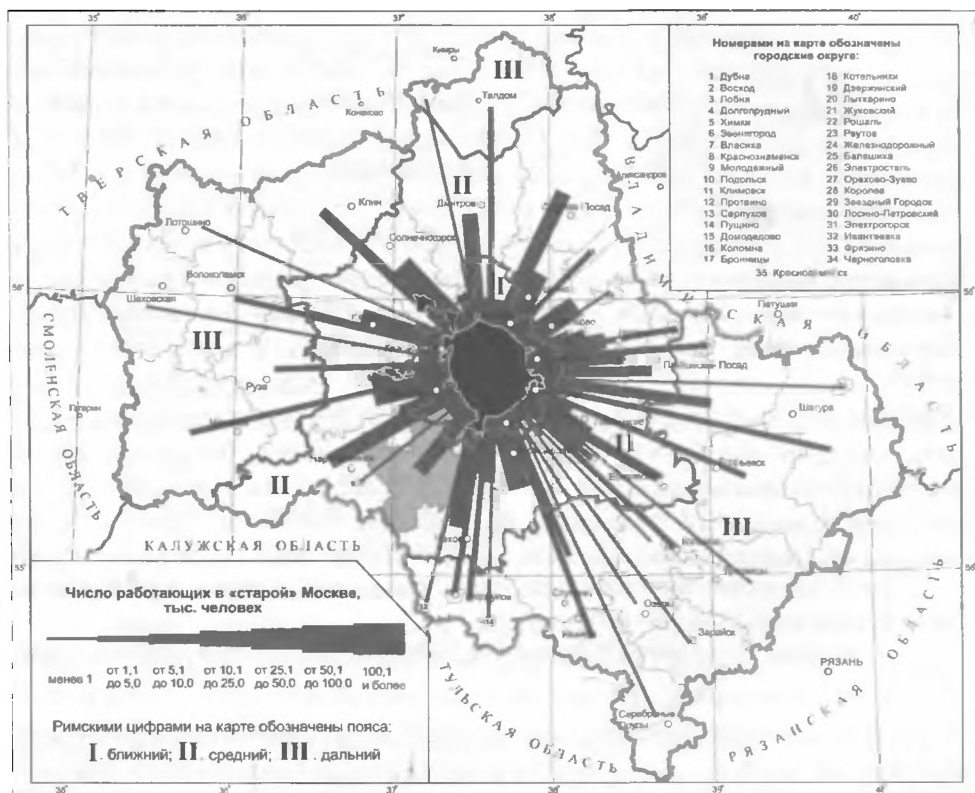

Рис. 5. Центростремительный поток в Москву из муниципалитетов Московской области, 2015 г. По данным операторов сотовой связи

Таблица 5. Муниципалитеты лидеры и аутсайдеры по выезду трудовых маятниковых мигрантов в Москву, тыс. чел.

Муниципалитеты – лидеры	Численность мигрантов		Муниципалитеты – аутсайдеры	Численность мигрантов	
	2005 г.	2015 г.		2005 г.	2015 г.
Люберецкий район	78,6	110,3	Восход	0,0	0,0
Балашиха (с г. Железнодорожный)	77,9	132,2	Молодежный	0,0	0,1
Одинцовский район	70,9	101,1	Пушино	1,5	0,4
Мытищинский район	65,5	77,1	Лотошинский район	2,0	0,1
Химки	51,8	74,6	Электрогорск	2,8	1,3
Раменский район (с г. Бронницы)	44,6	44,7	Черноголовка	2,8	0,9
Красногорский район	40,4	79,3	Котельники	3,2	24,9
Наро-Фоминский район	40,2	19,6	Красноармейск	3,6	1,1
Щелковский район	39,9	33,9	Протвино	3,9	0,6
Ленинский район	39,2	51,3	Шаховской район	4	0,3
Солнечногорский район	29,0	41,0	Коломенский район	4	0,9
Реутов	21,2	37,5	Озерский район	4	0,4
			Серебряно-Прудский район	4,8	0,2
			Зарайский район	5,0	0,3
			Звездный городок	н/д	0,5

Курсивом отмечены муниципалитеты, входившие в состав лидеров (аутсайдеров) в рассматриваемый год.

По данным Пенсионного фонда РФ (2005 г.) и операторов сотовой связи (2015 г.).

Потоки маятниковых трудовых миграций жителей области в столицу распределяются в пределах города неравномерно, что связано с централизованностью размещения рабочих мест всех без исключения отраслей экономики Москвы. Стабилизация веса Центрального административного округа (ЦАО) в структуре рабочих мест на уровне 35% наметилась лишь к середине 2000-х гг., и только к 2015 г. его удельный вес немного

снизился (до 29%). За пределами границ ЦАО внутригородское распределение рабочих мест довольно равномерно за исключением округов с относительно небольшой численностью населения (Северо-Западный, Зеленоградский, Троицкий и Новомосковский округа).

Значительная часть трудовых маятниковых мигрантов из Московской области (около 24%) работает в Центральном административном округе, где по-прежнему сконцентрирована значительная часть всех рабочих мест и имеется наибольший дефицит собственных трудовых ресурсов. Этому способствует и размещение железнодорожных вокзалов в центральной части города, так как железнодорожный транспорт по-прежнему перевозит основную часть коммьютеров. Одновременно многие трудовые мигранты «оседают» в периферийных районах Москвы, что сокращает время в пути и позволяет коммьютерам из более отдаленных муниципалитетов работать в столице. Как показывают результаты соцопроса, более 60% маятниковых мигрантов из западных муниципалитетов области предпочитают работать в административных округах своего направления, включая Центральный административный округ [Махрова, Кириллов, 2014]. Такая модель выбора приоритетов по локализации места работы коммьютерами подтверждается и данными операторов сотовой связи, которые показывают, что в структуре центростремительного потока мигранты, которые едут на работу в центр, составляют около $\frac{1}{4}$, а почти $\frac{3}{4}$ «оседают» в округе на своем «луче», куда они едут из пригородов.

Существенную роль фактора транспортной доступности (комфортности миграций) при выборе места приложения труда подтверждает регрессионный анализ пространственного распределения маятниковых миграций в разрезе муниципальных образований Московской области. На рис. 6 хорошо виден градиент доли маятниковых мигрантов в зависимости от удаленности Москвы.

При этом качество описания линейной регрессией распределения центростремительного потока в Москву в ее «старых границах» повышается при использовании фактора физической удаленности (рис. 6, 7), а для центральной зоны города (Центральный административный округ) – фактора транспортной (временной) доступности (рис. 8). В первом случае (для Москвы в «старых границах») полученная регрессия позволяет определить градиент снижения охвата населения маятниковыми миграциями в 0,3% на 1 км удаления от Москвы.

Граница условного перелома потока коммьютеров проходит примерно в 50 км от МКАД, тем самым выделяя зону «эффетивных» ма-

маятниковых миграций, которая характеризуется выраженным градиентом снижения маятникового потока в среднем на 1,2% на 1 км расстояния от ядра агломерации (рис. 7). По сути, она является продолжением пояса городских спальных районов на территории области, а маятниковые перемещения населения по формальным критериям могут быть даже названы внутригородскими (особенно с учетом того, что значительная часть комьютеров, как правило, стремится трудоустроиться в близлежащих к месту жительства частях Москвы).

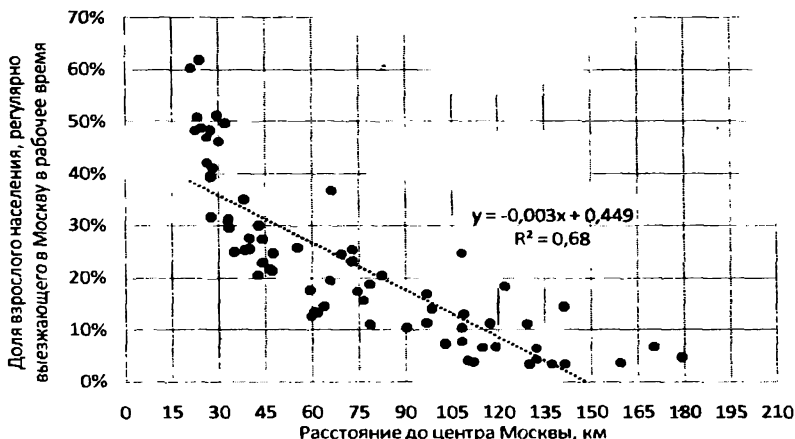

Рис. 6. Зависимость доли взрослого населения, выезжающего на работу в Москву, от расстояния до центра города

За пределами этого пояса мощность миграционных потоков значительно сильнее дифференцирована и поляризована между городами, стоящими на транспортных путях, и межлучевыми пространствами. Здесь полученный на основании регрессии градиент центрбежного снижения привлекательности маятниковых миграций существенно замедляется – до 0,1% вовлеченности на каждый километр удаления.

Для потока маятниковых мигрантов в центральную часть города ключевым становится фактор транспортной доступности, градиентное снижение которого можно оценить в 0,07% на 1 минуту поездки (рис. 8). Причем убывание доли маятниковых мигрантов, работающих именно в ЦАО, с ростом расстояния происходит более равномерно: в отличие от всего центростремительного потока зона «эффективных» миграций отчетливо не проявляется.

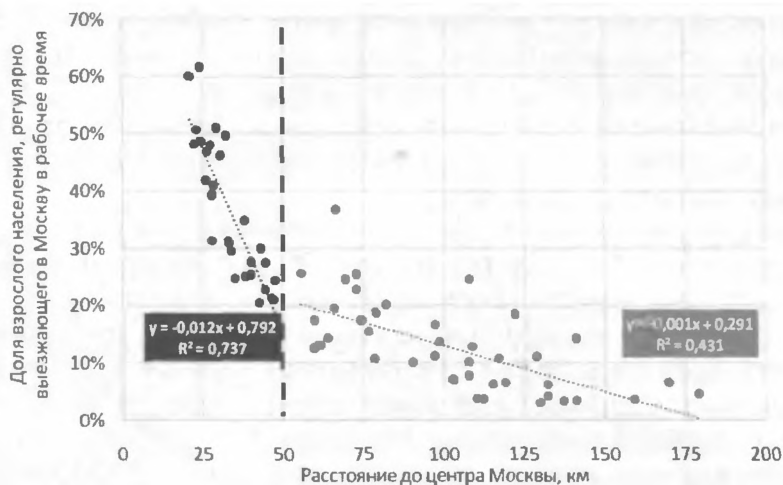

Рис. 7. Граница зоны «эффективной» маятниковой миграции в Москву

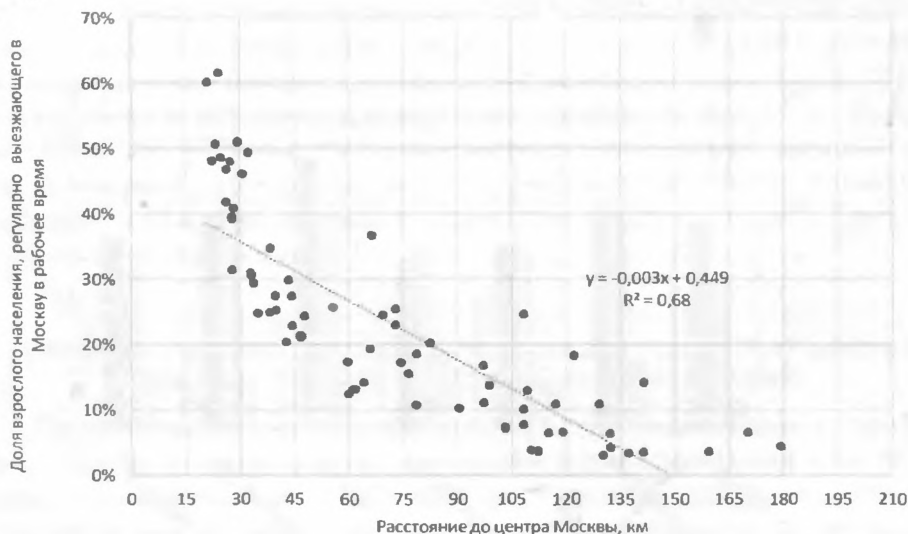

Рис. 8. Зависимость доли маятниковых мигрантов в центр Москвы от времени поездки

Другим важным следствием регрессионного анализа является выделение границ гипотетических зон «эффективной» маятниковой миграции в Москву и «нулевой эффективности» маятниковых миграций, гра-

ница которой удалена от рабочих мест центра столицы почти на 150 км. Периметр «сбора» работников Центра ограничен почти трехчасовой изохронной транспортной доступности (точное значение – 170 минут), что для Московской агломерации почти на час превышает традиционный для отечественных методик делимитации границ агломераций критерий двухчасовой доступности.

Диапазон маятниковых миграций напрямую зависит от размеров агломераций. Так, в других крупнейших российских агломерациях, центры которых намного уступают Москве по численности населения, временной рубеж зоны тяготения или времени, которое тратит основная часть респондентов на поездку, не превышает 1,5 часов. В пределах этой зоны формируется более ¾ всех маятниковых мигрантов, что позволяет считать ее внешней границей или территорией «водосбора» мигрантов. При этом наиболее высокая временная доступность (89%) характерна для поездок в Казань, а наиболее низкая (67%) – для поездок в Санкт-Петербург, что отражает притягательность такого миграционного магнита, как северная столица (рис. 9).

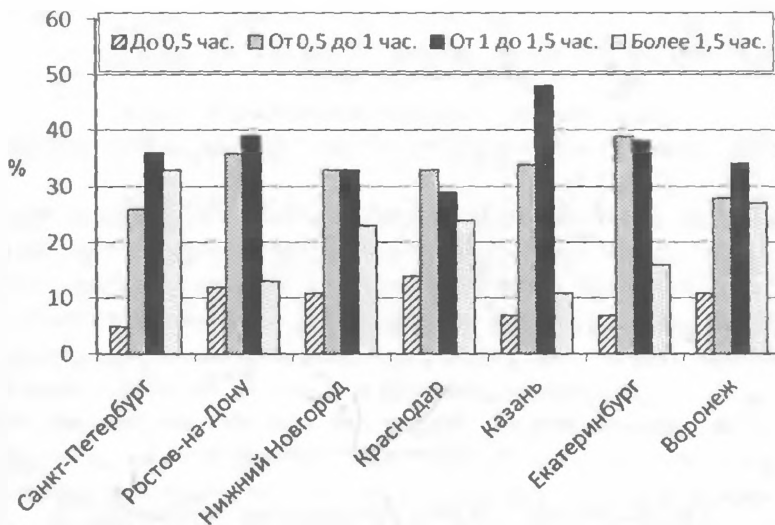

Рис. 9. Продолжительность времени поездок на работу трудовых маятниковых мигрантов в некоторых агломерациях По данным опроса ЦСР

Таким образом, при развитии рынка труда Московской агломерации, так же как и других городских систем, фактор доступности места работы относительно места жительства является ключевым, что повышает привлекательность локальных центров занятости, расположенных в Московской области, и их рынков труда.

Пригородная зона Московской агломерации уже в позднесоветское время отличалась полицентричностью. В настоящее время здесь довольно много городов (35), играющих роль подцентров трудового тяготения, среди которых можно выделить «окраинные» города (edge cites) как самодостаточные центры занятости, проживания и проведения досуга [Махрова, 2014а]. Первая группа таких центров (Химки, Красногорск, Одинцово и ряд других ближних спутников столицы) примыкает к городу-ядру, быстро наращивая офисно-деловые и торгово-развлекательные функции в расчете на спрос москвичей и своих жителей. Вторая группа – это ядра удаленных агломераций второго порядка, расположенных как в Московской, так и в соседних областях (см. карту Центрально-Российского мегалополиса, рис. 11 в главе 1.2). Часть из них – Дубна, Ступино, Обнинск – тоже развились в центры приложения труда и потребления, приуроченные уже к внешним рубежам агломерации, что говорит о появлении признаков относительно самодостаточной североамериканской постсубурбии [Golubchikov, Phelps, Makhrova, 2011]. Однако центров, которые соответствуют всем показателям «окраинного города», включая необходимые объемы площадей торговых и офисных центров, в Подмосковье пока всего два – Химки и Красногорск [Махрова, 2014а].

Локальные рынки труда Подмосковья: центры тяготения и выталкивания маятниковых мигрантов

Притягательность локальных рынков труда подмосковных городов будет рассмотрена на примере двух агломераций второго порядка: Химкино-Зеленоградской и Серпуховской локальных систем расселения. Первая из них интересна не только своей бицентричностью, но и тем, что один из ее центров – Химки – развивается как сложившийся «окраинный» город, а Зеленоград изначально развивался как часть Москвы. Выбор второй агломерации, кроме ее контрастного положения на периферии, связан с тем, что два из пяти городских населенных пунктов, которые входят в ее состав (Пушино и Протвино), имеют статус городских округов. Благодаря этому по ним есть данные по потокам комьютеров,

что позволяет провести более детальный анализ передвижений трудовых маятниковых мигрантов внутри этой локальной агломерации.

Центральные города Химкино-Зеленоградской агломерации при почти одинаковой численности населения (соответственно 240 и 237 тыс. чел.) имеют очень разные «пирамиды» потоков коммьютеров. Химки, теряя население в обмене маятниковыми мигрантами с Москвой, имеет положительный баланс в обмене мигрантами и с соседними муниципалитетами Московской области, и с Зеленоградом (рис. 10). Причем рынок труда Химок с его разнообразием мест приложения труда при вполне столичном уровне заработной платы и близости к МКАД гораздо привлекательнее для Зеленограда и для жителей прочих округов Москвы. Еще одна особенность этого города как миграционного магнита – широкая территория «водосбора» маятниковых мигрантов, которая не ограничивается муниципалитетами, расположенными вдоль Октябрьской железной дороги, а охватывает соседние территории, связанные с Химками менее удобным по своей надежности автомобильным сообщением. В целом Химки по особенностям организации трудовых маятниковых миграций могут быть отнесены к транзитному типу центров с реверсивным характером потоков коммьютеров.

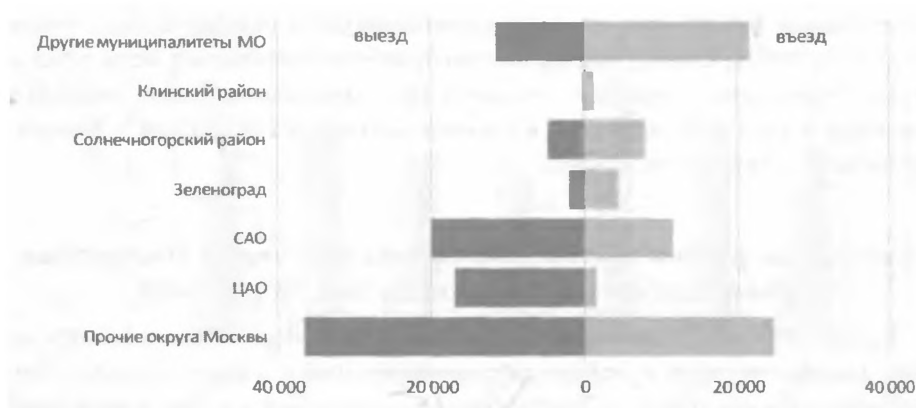

Рис. 10. Химки: баланс потоков трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г., чел.

По данным операторов сотовой связи

В отличие от Химок Зеленоград служит центром тяготения в основном для населения соседнего Солнечногорского района (и в меньшей степени для Клинского района), хотя в 1970-е и 1980-е гг. его рабочие ме-

ста активно привлекали и жителей Химок (рис. 11). Он тяжело пережил 1990-е гг., позже Химок стал выходить из кризиса и медленнее трансформировать отраслевую структуру своей экономики, что сказывается на его рынке труда [Путешествие ..., 2015, Книга 2]. В этом отношении «профиль» въезда и выезда Зеленограда гораздо ближе к Серпухову, который также выделяется взаимными потоками комьютеров с Серпуховским районом (рис. 11, 12).

Зеленоград, который со всех сторон окружен Солнечногорским районом, по своей сути выполняет ту же функцию районного центра для части соседнего района. Многие из городских поселений на территории района, включая такие крупные, как п.г.т. Андреевка и Поварово с более чем десятитысячным населением, входят в зону тяготения этого столичного округа. При этом, как и у Химок, у него положительный миграционный баланс с подмосковными муниципалитетами, а в обмене с другими округами Москвы, несмотря на столичный статус, из-за большей удаленности для Зеленограда характерны меньшие размеры центробежного и центростремительного потоков. Фактически он представляет собой промежуточный тип центра тяготения второго порядка, для которого, как и для Химок, характерны довольно активные связи со столицей, но более значительные въездные и выездные потоки направлены в населенные пункты окружающего его района (рис. 11).

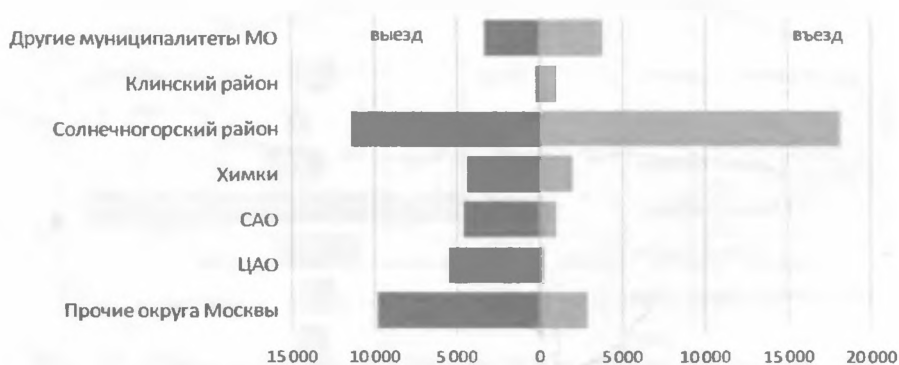

Рис. 11. Зеленоград: баланс потоков трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г., чел.

По данным операторов сотовой связи

Для Серпухова связи с Москвой еще менее значимы, чем для Зеленограда; особенно истончен центробежный поток. Менее выражена и его роль локального центра трудового тяготения: в обмене комьютерами

с муниципалитетами Подмосковья он теряет население. Однако, как показывает пример Пущино и Протвино, для поселений, входящих в состав Серпуховской агломерации второго порядка, рынки труда и Серпухова, и Серпуховского района выступают в качестве главных центров притяжения, на которые у этих городов приходится около 90% всех связей с подмосковными территориями (рис. 12).

При этом в Серпуховской агломерации второго порядка увеличивается число «полукомьютеров-полуотходников», а также возрастает поток из приграничных муниципалитетов соседних Калужской и Тульской областей (это не отражается в статистике, но фиксируется в ходе полевых обследований этих территорий – см. главу 2.2). Показателен пример пограничного Протвино, куда и откуда можно ходить пешком на работу в соседний город Кременки Жуковского района Калужской области, хотя формально такие работники относятся к категории трудовых маятниковых мигрантов.

Общей чертой «миграционного профиля» Серпухова и Зеленограда является отрицательный миграционный баланс с окружающими их районами, так как их рынки труда благодаря появлению значительного числа новых промышленных предприятий в результате процесса реиндустриализации весьма привлекательны для серпуховчан и зеленоградцев. При этом численность населения, проживающего и в Серпухове, и в Зеленограде, больше, чем в окружающих их районах, что не мешает им поставлять, а не получать комьютеров.

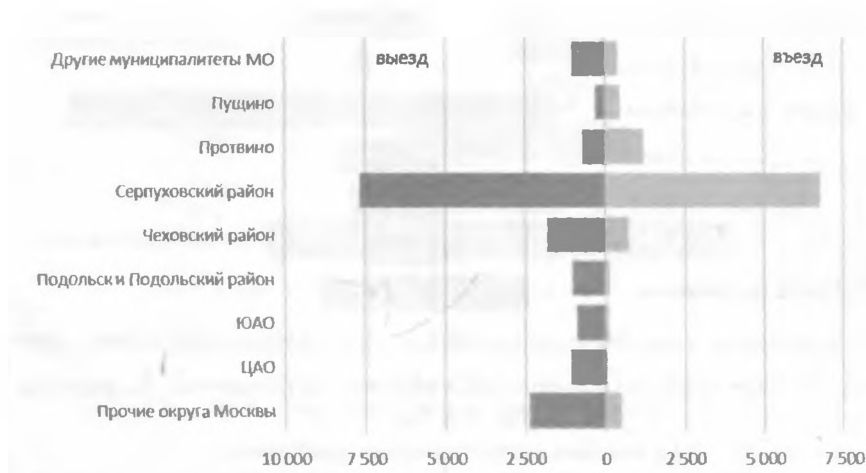

Рис. 12. Серпухов: баланс потоков трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г., чел.

По данным операторов сотовой связи

Сезонные колебания маятниковых миграций

Трудовые маятниковые миграции подвержены сезонным колебаниям, что связано как с массовым наступлением отпусков в летний период, так и с переездом части городского населения на дачи, откуда они ездят на работу. Центростремительный поток своего максимума достигает в ноябре (1,3 млн чел.) при двух минимумах – в июле и январе, первый из которых связан с летними отпусками, а второй – с зимними праздниками (рис. 13). Близкие значения октября – ноября можно рассматривать как наиболее полно отражающие размер ежедневных трудовых маятниковых миграций, хотя в октябре еще ощущается влияние конца отпускного периода.

Размах колебаний размеров центробежного потока (из Москвы в область) меньше (рис. 13). Его пик приходится на июль, что, по-видимому, связано с особенностями учета москвичей-дачников с их двудомной моделью проживания (на даче и в городской квартире). Вероятно, «нормальное» значение численности москвичей, работающих в области, превышает 400 тыс. чел., что фиксируют показатели и октября, и ноября (соответственно 401 и 407 тыс. чел.).

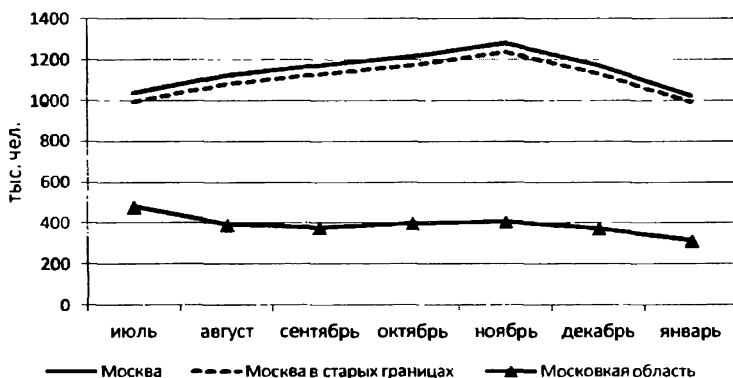

Рис. 13. Динамика трудовой маятниковой миграции, 2015 г., тыс. чел.
По данным операторов сотовой связи

Вклад дачников-москвичей в центростремительный поток трудовых маятниковых миграций можно оценить и через изменение его значений в летний и зимний период в муниципалитетах–лидерах и аутсайдерах (табл. 6). При почти неизменном составе первой десятки лидеров под-

вижки наблюдаются только в позициях, занимаемых отдельными районами и округами. В небольших по площади городских округах и районах с высокой долей городского населения москвичи-дачники не компенсируют сокращение потока коммьютеров в Москву из-за летних отпусков местного населения (уровень замещения составляет 0,7). В менее урбанизированных районах с большими территориальными ресурсами для дачного расселения соотношение летнего и зимнего потока повышается до 0,8 (рис. 14).

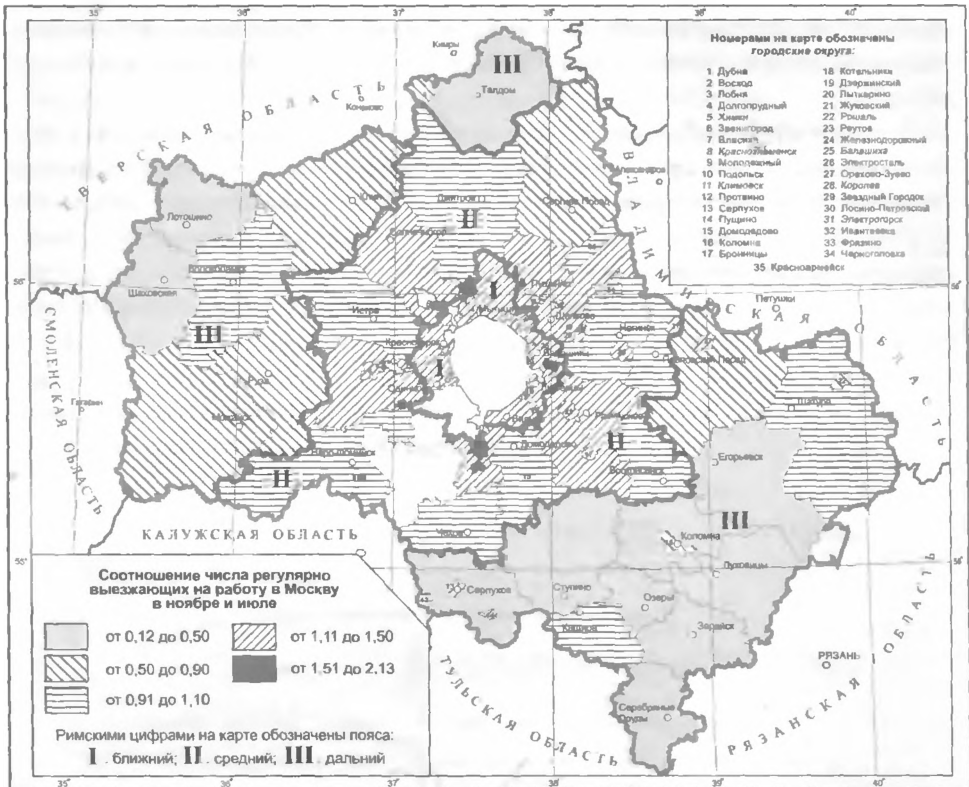

Рис. 14. Сезонные колебания центростремительного потока трудовых маятниковых мигрантов, 2015 г.
 По данным операторов сотовой связи

Эта зависимость от доли городского населения и размера территории прослеживается и по муниципалитетам-аутсайдерам. Причем здесь сильно выражено влияние эффекта «низкой базы», когда небольшой

количественный рост или убыль потока приводит к сильному изменению соотношения численности коммьютеров в летний и зимний сезон. В городских округах с небольшим числом москвичей-дачников он или понижается до 0,5, или повышается до 1,1–1,8. При этом в периферийных муниципальных районах с большей выраженностью рекреационно-дачных функций и небольшой численностью постоянного населения поток трудовых маятниковых мигрантов вырастает в несколько раз (табл. 6).

Таблица 6. Муниципалитеты–лидеры и аутсайдеры по численности центростремительного потока, июль – ноябрь, 2015 г.

Муниципалитеты – лидеры	Численность коммьютеров			Муниципалитеты – аутсайдеры	Численность коммьютеров		
	июль, тыс. чел.	ноябрь, тыс. чел.	июль к ноябрю, %		июль, тыс. чел.	ноябрь, тыс. чел.	июль к ноябрю, %
Балашиха	94,1	132,2	0,7	Восход	0,0	0,0	1,8
Люберецкий район	76,6	110,3	0,7	Молодежный	0,0	0,1	0,5
Одинцовский район	83,8	101,1	0,8	Пушино	0,3	0,4	0,7
Мытищинский район	61,9	77,1	0,8	Рошаль	0,3	0,2	1,8
Красногорский район	57,2	79,3	0,7	Звездный городок	0,3	0,5	0,7
Химки	53,9	74,6	0,7	Протвино	0,7	0,6	1,1
Ленинский район	39,0	51,3	0,8	Зарайский район	1,0	0,3	3,2
Раменский район	36,0	43,7	0,8	Электрогорск	1,0	1,3	0,8
Солнечногорский район	32,2	41,0	0,8	Лотошинский район	1,0	0,1	7,8
Щековский район	27,6	33,9	0,8	Озерский район	1,1	0,4	3,1
Пушкинский район	27,6	33,4	0,8	Шаховской район	1,5	0,3	5,3
Щековский район	27,6	33,9	0,8	Серебряно-Прудский район	1,3	0,2	8,1

Курсивом отмечены муниципалитеты, входящие в десятку лидеров/аутсайдеров в рассматриваемый месяц.

По данным операторов сотовой связи.

Все эти сложные, накладывающиеся друг на друга потоки перемещающегося населения с разными временными интервалами требуют не только постоянного мониторинга, но и оценки того, какие расселенческие нагрузки в разные сезоны года испытывают ядро и пригородная зона. Существующие исследования сезонности расселения в агломерациях крайне немногочисленны из-за отсутствия информации.

Трудовые маятниковые мигранты: собирательный портрет и повседневные практики

Обобщая представления о современных маятниковых миграциях и маятниковых мигрантах, отметим, что уровень трудовой мобильности населения Московской области следует расценивать как умеренный: среди взрослого населения, охваченного регулярными поездками в Москву, он составляет около 18% [Махрова, Кириллов, 2015]. Как отмечают различные исследователи и показывают результаты соцопроса²⁹, их основу образуют люди в активной фазе трудоспособного возраста, причем маятниковые миграции остаются привлекательными для большей части населения вплоть до пенсионного возраста [Шитова, Шитов, 2013, Флоринская и др., 2015].

Отметим гендерную дифференциацию трудовой мобильности населения. Доля мужчин, выезжающих на работу в Москву, в среднем на 5% выше аналогичного показателя среди женщин, что с учетом возраст-но-половой структуры населения почти выравнивает их структуру, хотя мнения о гендерной структуре маятниковых мигрантов расходятся. Если в исследованиях Ю.Ю. Шитовой доли мужчин и женщин в потоке маятниковых мигрантов в Московской области практически равны [Шитова, 2009], то по другим данным они соотносятся в пропорции 61:39 в пользу мужчин [Флоринская и др., 2015]. С учетом того, что активная возрастная фаза, как правило, сопровождается началом реализации карьерных установок современного населения, то это означает повышенную долю несемейных в структуре комьютеров.

Определяющим критерием выбора места работы является и уровень образования. Среди населения с высшим образованием уровень вовлеченности в маятниковые трудовые миграции выше среднего на 5%. При этом существенные различия отмечаются при сопоставлении этого по-

²⁹ Для характеристики портрета маятниковых мигрантов использованы результаты уже упоминавшегося социологического опроса Центра экономики инфраструктуры.

казателя с группой населения со средним или средним специальным образованием (23% против 14%), хотя среди обеих групп практически одинаков уровень популярности локальных рынков труда (38 и 40%). Проведенные ранее исследования показывают, что образовательный уровень маятниковых мигрантов выше среднего по территориям выхода, что собственно и позволяет им находить себе места на рынках труда ядра агломерации [Шитова, 2009].

Среди факторов выбора места работы в Москве на первое место по популярности ожидаемо вышел ответ, отражающий дифференцированность рынка труда столицы и уровень оплаты. При этом результаты опроса показали практически идентичный ответ среди мужчин и женщин. Вместе с тем существенные расхождения наблюдаются в зависимости от возраста респондентов. Общая система критериев выбора места работы сильнее проявляется среди молодых, а для работающих пенсионеров более существенным оказываются квалификационный критерий и комфортность коммуникаций.

Выбор Москвы в качестве места работы предпочтительнее среди молодого поколения. В то же время и доля собственного населенного пункта в структуре ответов представителей младшей когорты трудоспособного возраста также выше средней. Вместе с тем большая часть респондентов (39% всех опрошенных) работает в пределах своего населенного пункта. Однако и этот показатель имеет существенную территориальную дифференциацию, отражающую центр-периферийные различия в выборе и доступности московского рынка труда.

Особенность рынка труда Московского столичного региона – его полиерархичность, при которой значительная часть регулярных трудовых миграций замыкается в пределах «участков жизнедеятельности». В основном, их конфигурация определяется транспортной доступностью мест приложения труда, т.е. преимущественно они ориентированы вдоль основных транспортных маршрутов и/или замыкаются в пределах крупнейших агломераций второго порядка. При этом для самих мигрантов, живущих в одном, а работающих в другом населенном пункте, характерна размытая или «транзитная» территориальная идентичность, когда масштабная реконструкция улиц Москвы может волновать их больше, чем, например, создание пешеходных улиц в городе, где они живут.

Как показывает анализ многих работ, наиболее важными для объемов и направлений потоков комьютеров, кроме доступности места работы, является состояние рынков труда (уровень безработицы и заработной платы) и жилья (финансовая доступность аренды или покупки жилья)

[Шитова, 2009]. Поиск компромисса между временем и стоимостью поездок на работу, стоимостью проживания и уровнем дохода ставит маятниковых мигрантов перед необходимостью выбора между уровнем заработной платы, местом работы, арендой/покупкой жилья в городе-центре или на периферии, т. е. в Москве или в Московской области.

Несмотря на подтягивание области к столице, уровень среднедушевых доходов жителей Москвы в 1,6 раза выше, чем в Подмоскovie, и эта разница стимулирует маятниковую миграцию. При этом развитие привлекательных локальных рынков труда в Подмоскovie и в соседних регионах, расширение практики удаленного доступа к месту работы, фрилансерства сдвигает основной фокус с рынка труда Москвы как главного приоритета, делая выбор мест приложения труда более разнообразным.

Высокая доля собственников жилья, своеобразная форма современного «крепостничества» россиян сдерживает трудовую мобильность населения. Отсутствие нормального рынка арендного жилья, который бы не носил теневого «серого» характера, и разрыв в ценах на жилье между Москвой и областью более чем в два раза также способствуют маятниковым миграциям, а не переселению ближе к месту работы. В свою очередь, поездки москвичей с дачи как второго дома на работу в Москву и область, аренда жилья компьютерами, когда они возвращаются домой только на выходные, суточный ритм работы – все эти новые адаптивные практики нивелируют влияние барьеров рынка жилья.

Фактором, который препятствует развитию трудовых миграций, остается низкая финансовая (в РФ нет практики возмещения мигрантам транспортных затрат из выплаченных налогов или нелинейного снижения тарифов с увеличением расстояния) и временная доступность работы. На фоне низкого уровня развития общественного транспорта компьютеры предпочитают пользоваться личным автомобилем и маршрутками, что делает условия поездки более комфортными. При этом перегруженность транспортной сети региона приводит не только к увеличению времени поездки, но и к размазыванию выраженности часов «пик», что особенно заметно в вечернем интервале.

Доступность работы и перегруженность дорог – фактор номер один для трудовых маятниковых мигрантов, что отмечают все респонденты, опрошенные авторами:

– Уже Москва, которая еще была 15 лет назад, превратилась в какое-то придорожное заведение...

– Просто, знаете, уже невыносимо стало. Машин все больше и больше прибавляется. Ярославское шоссе загружено так... У нас не

то, что пробки, у нас стало еще хуже. Я могу пешком идти вдоль дороги быстрее, чем машины едут.

Многие респонденты хотели бы найти достойную работу поближе:

– Меня не километраж пугает, а время от дома до работы. Если я мог найти достойную работу, с достойной заработной платой, чтобы мне хватало на жизнь, на семью...

– Конечно, найти работу рядом с домом – это на самом деле очень большой плюс, потому что дорога занимает очень много времени и очень много сил. ...Я вот с Лобни ездил на шоссе Энтузиастов, у меня занимала дорога два–два с половиной часа в один конец, то есть пять часов жизни у меня уходило просто впустую. ... Проработав там полгода на должности коммерческого директора, с очень хорошей зарплатой, я плюнул на все и сказал: «Не нужны мне эти деньги, не нужна мне эта должность».

Не спасает и работа в Подмосковье: дороги стоят как из области в Москву, так и из Москвы в область. Причем эта проблема затрагивает и людей с удаленным режимом работы: ездить, хоть и не так часто, приходится и им.

– Мы поставляем продукты в сети. Раньше арендовали офис, но сейчас нет такой необходимости, я работаю на дому. Все у нас складские помещения находятся за МКАДом, я живу в центре, то есть ездить мне категорично неудобно.

И лишь в случае, когда транспортная доступность становится неплохой или, по крайней мере, приемлемой, респонденты начинают отмечать плюсы жизни за МКАД.

– В Красногорске транспортная доступность, в принципе, хорошая. Единственное, что пешком через мост надо идти до метро достаточно долго, поэтому горки частые. На своей машине нереально выехать, добраться, поэтому вот это минус. Но нет толкотни, московской суеты, спокойно приезжаешь, гуляешь. Есть, где гулять: там парки гдрнольжные, тут спуск со «Снеж.ком», лес недалеко...

Проблемы с трафиком и перегруженность дорог не отмечают в качестве первостепенных только комьютеры, работающие дистанционно и практически не связанные с поездками на работу.

–Я по специальности бухгалтер-экономист, и последние годы мне очень удобно... Тем более вот в этот год дочери заканчивают одна 9-й, другая 11-й класс, у нас сейчас подготовка, репетиторы, мне удобно быть дома. Последние несколько лет я вообще дистанционно работаю, фриланс в двух торговых компаниях, по чуть-чуть беру подработочку.

Кроме этих условно прямых факторов, на стремление к достижению баланса между издержками от маятниковой миграции и доходами от нее накладываются индивидуальные приоритеты поведения комьютеров (возрастные, образовательные, профессиональные, семейные и другие), которые также ведут к росту трудовой мобильности.

* * *

Маятниковые миграции – явление вынужденное, но уже ставшее образом жизни для значительной части населения как реакция на пространственные социально-экономические пропорции (вернее даже диспропорции), присущие городским агломерациям. В позднесоветское время маятниковые миграции воспринимались как временное явление, следствие дисбаланса в рабочих местах и размещении населения. Сейчас они рассматриваются как многокомпонентный процесс, который связан не только со стратегией выживания из-за нехватки рабочих мест и/или низкого уровня зарплат, но и с осознанным выбором человека, т.е. имеющий под собой не только экономическую, но и социальную основу.

С одной стороны, естественным наследием маятниковых миграций «советского типа» являются те категории населения, которые за счет работы в Москве при проживании в периферийных районах реализуют ренту маятниковой занятостью через соотношение относительно высоких доходов при умеренных издержках проживания. Эта категория расширяется за счет увеличения числа жителей примыкающих к Москве муниципалитетов области.

С другой стороны, продолжающееся развитие классической субурбанизации западного типа сопровождается повышением доли в структуре маятниковых потоков комьютеров, которые не вынужденно, а осознанно выбирают маятниковые миграции (вернее, допускают возможность ежедневных перемещений на дальние расстояния) в качестве одного из элементов своего суточного графика жизнедеятельности. Взамен повышения издержек на трудовые миграции эта категория населения получает

возможность постоянного проживания в комфортном природном, дачном или «полудачном» окружении, большую площадь жилых помещений и др. Главные отличия этой категории «субурбанизировавшихся» маятниковых мигрантов – высокая доля «белых воротничков», менеджмента среднего и, реже, высшего звена или людей «свободных» и «полусвободных» профессий. Кроме того, в их структуре гораздо ниже доля женщин.

Это грубое разделение трудовых маятниковых мигрантов на две группы (условно – маятниковые мигранты и комьютеры) трудно уловимо прямым статистическим учетом, но в повседневности оно проявляется через диверсификацию личных стратегий и повседневных практик, отражая все многообразие современной жизни.

Глава 2.9

Где найти работу в сельской местности Черноземной и Нечерноземной России?

Чтобы оценить роль трудовых миграций в занятости населения, стоит рассмотреть структуру рынков труда в целом. На примере сельских территорий в различных районах Черноземья и Нечерноземья удалось выделить основные сферы приложения труда сельских жителей и проанализировать структуру местных рынков труда. Сельские территории были выбраны не случайно. Исследования Е.В. Антонова [Антонов, 2016] показали, что сельское население более мобильно и в большей степени вовлечено в процессы трудовой миграции, чем городское. Вторым фактором выбора сельских территорий для детального изучения локальных рынков труда стала необходимость использования полевых методов в отсутствие подробной статистики, при этом реалистичные оценки можно было получить лишь в небольших территориальных ячейках – сельских поселениях с людностью не более 1000–1500 человек.

В рамках исследования рассматривалось население только в трудоспособном возрасте. Исходная гипотеза предполагала, что число работающих пенсионеров в сельской местности невелико и не значимо в масштабах исследования, однако анализ данных Всероссийской переписи населения (ВНП)-2010 показал, что работают 10% сельских пенсионеров. Собранные первичные статистические данные, по возможности, включали и сведения о работающих пенсионерах, однако полностью избежать ошибки, связанной с учетом этой категории работающего населения, не удалось.

В процессе анализа данных Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), данных ВПН-2010 и материалов интервью была составлена общая схема возможных источников средств к существованию для сельских жителей (рис. 1). Несмотря на то, что исследование опира-

лось на теорию структурированного рынка труда, приходится отмечать, что грани между различными сферами приложения труда или вариантами поступления средств к существованию очень тонкие, а некоторые сегменты рынка труда пересекаются. Так, работники бюджетной сферы нередко содержат товарные личные подсобные хозяйства (ЛПХ), выступая при этом как самозанятое население. Занятые на производстве, особенно в лесном бизнесе, зачастую трудоустроены неофициально, поэтому могут быть отнесены как к работникам промышленности, так и к «калымщикам» на временных заработках. Нередки пересечения категорий «калымщиков» и иждивенцев, пенсионеров и самозанятых и др.

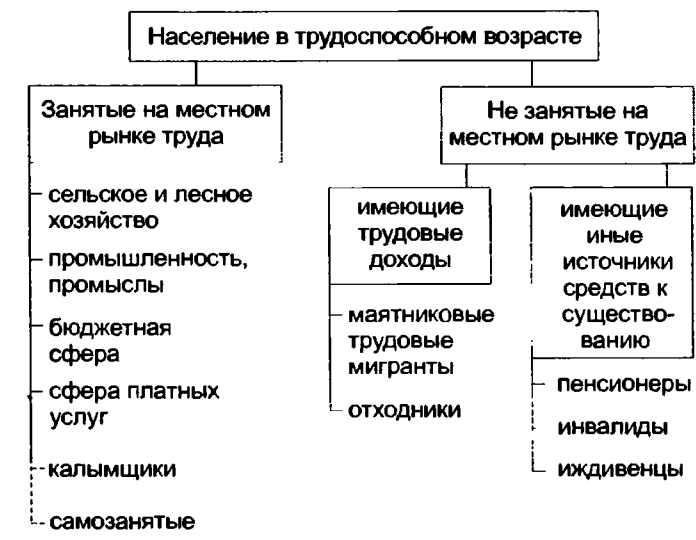

Рис. 1. Схема рынка труда и вариантов источников дохода для сельских жителей трудоспособного возраста

К занятым в сельском хозяйстве были отнесены работники сельскохозяйственных предприятий и фермеры с наемными работниками. Данные об этой категории занятых можно получить либо в администрациях сельских поселений, либо в управлении сельского хозяйства в районном центре. Там же можно найти информацию о численности занятых в бюджетной сфере, в сфере платных услуг и на производстве. Занятые в товарных ЛПХ были отнесены к категории самозанятых. Информацию об их числе можно получить либо у глав сельских поселений, либо с помощью

микроданных ВПН-2010 (признак «личное подсобное хозяйство» в вопросе № 10.1 «Основные источники дохода»). Нетоварные ЛПХ в исследовании не учитывались.

К категории «калымщиков» (по терминологии О.П. Фадеевой и З.И. Калугиной – «сельских фрилансеров», [Калугина, 2012; Фадеева, 2013]) были отнесены сельские жители, не имеющие постоянного места работы, но осуществляющие эпизодическую трудовую деятельность – например, сезонные работники на сельскохозяйственных предприятиях; люди, оказывающие услуги жителям села; сборщики дикоросов и др.

В составе населения, не включенного в локальные рынки труда, были выделены две категории: трудовые мигранты и экономически неактивное население. К первым отнесены те, кто совершает трудовые поездки за пределы населенных пунктов постоянного проживания. Трудовые мигранты разделены на работающих за пределами своего региона и работающих в границах региона, но за пределами населенных пунктов постоянного проживания. Категории межрегиональных и внутрирегиональных мигрантов не тождественны категориям отходников и маятниковых мигрантов соответственно (по аналогии с классификацией трудовых мигрантов в главе 2.6). Согласно данным ОНПЗ, около 25% работающих за пределами своих регионов ежедневно возвращается домой, т.е. работает в режиме маятниковых миграций, при этом часть работников, не покидающих границ своего региона, может работать в вахтовом режиме, как отходники, особенно в больших по площади областях.

В экономически неактивное население включены жители, имеющие иные источники средств к существованию: различные государственные пенсии и пособия либо поступления от родственников и других лиц. Самый распространенный вариант – это жители трудоспособного возраста, живущие на пенсии пожилых родителей, либо домохозяйки при работающих мужьях.

Набор вариантов источников дохода или средств к существованию практически не отличается между регионами России, но доля сельских жителей в различных сегментах рынка труда заметно варьирует в зависимости от природных ресурсов и условий, а также от особенностей социально-экономического положения сельских территорий. Далее будет детально рассмотрена структура локальных рынков труда в сельском Черноземье и Нечерноземье. В Нечерноземье были выделены два типа сельских поселений: «аграрно-промышленного» типа в староосвоенном центральном Нечерноземье и лесосельскохозяйственного типа на большом удалении от крупных промышленных центров.

Выбор регионов и районов проведения исследований (табл. 1) был экспертным. Выбирались регионы в европейской части России, не граничащие с Московской и Ленинградской областями. Среди муниципальных районов умышленно исключались пригородные районы, где ожидалась повышенная трудовая мобильность в маятниковом режиме. По возможности, выбирались районы с различным состоянием экономической базы и имеющие различную транспортную связность с региональными центрами.

Таблица 1. Районы и регионы проведения исследований

район	регион	муниципальный район	количество обследованных сельских поселений
Черноземье	Курская область	Льговский	3
		Обоянский	4
	Тамбовская область	Моршанский	1
		Мичуринский	4
		Жердевский	2
		Рассказовский	1
Агропромышленное Нечерноземье	Костромская область	Нерехтский	3
	Ивановская область	Шуйский	5
		Южский	4
Лесо-сельскохозяйственное Нечерноземье	Костромская область	Антроповский	1
		Кологривский	1
	Вологодская область	Тарногский	3
		Великоустюгский	3

Суммарно в 35 сельских поселениях 13 муниципальных районов пяти регионов были проведены 128 интервью с сотрудниками администраций муниципальных районов и сельских поселений, с основными работодателями и непосредственно с сельскими жителями.

Черноземье

По результатам анализа материалов, полученных в рамках полевых работ [Аверкиева, Землянский, 2016], и их соотнесения с данными

ВПН-2010 для обследованных сельсоветов в регионах Черноземья была выделена структура рынка труда, представленная на рис. 2. В первую очередь бросается в глаза диверсификация рынка труда и отсутствие доминирующих видов занятости или источников дохода сельского населения.

*Рис. 2. Структура занятости сельского населения в трудоспособном возрасте (в обследованных сельсоветах Курской и Тамбовской областей)
По материалам интервью и данным ВПН-2010*

Стандартную полную занятость имеют от силы 35–40% сельских жителей трудоспособного возраста (хотя и занятость в сельском хозяйстве не всегда можно считать полной из-за увольнений на зимний период, и далеко не все трудовые мигранты трудоустроены официально). Чуть менее 1/5 трудоспособного населения имеют неформальную занятость (в обследованиях по вопросам занятости их относят к самозанятым, преимущественно это работники ЛПХ и «калымщики»). Около 30% сельских жителей трудоспособного возраста в Черноземье относятся к экономически неактивному населению – это получатели различных государственных пособий (к ним же были отнесены и получатели пособий по безработице) и иждивенцы.

Рассмотрим сегменты рынка труда, представленные на рис. 2, более детально. Доля занятых в сельском хозяйстве (лесное хозяйство в регионах Черноземья практически отсутствует) варьирует от 1,5 до 35%, при этом максимум наблюдается там, где есть крупное сельскохозяйствен-

ное предприятие, а также развито фермерство. Но таких мест мало, чаще встречается ситуация, когда численность занятых на предприятии стремительно сокращается, а несколько фермерских хозяйств не компенсируют убыли рабочих мест. В среднем по рассмотренным сельским поселениям занятость в сельском хозяйстве составила только 11%.

По всей России занятость в сельском хозяйстве ежегодно сокращалась на протяжении последних 20–25 лет (см. главу 2.2). За 18 лет (с 1995 по 2013 гг.) отрасль потеряла 3,2 млн занятых, численность работников сократилась на 29%. В Сибири и на Дальнем Востоке снижение достигло 60–80%, в большинстве регионов Нечерноземья – почти 50%. Наименьшее сокращение отмечено на юге России, а в ряде республик (Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия) число занятых в отрасли возросло. В Центральном Черноземье работников сельскохозяйственных предприятий стало меньше в среднем на 20%, отрасль потеряла свыше 150 тыс. чел.

Сокращение занятости в сельском хозяйстве не всегда приводит к падению объемов производства, так как высвобождение работников может быть связано с интенсификацией технологического процесса. Современная сельскохозяйственная техника обрабатывает большие площади при меньших трудозатратах, новые технологии животноводства также требуют значительно меньшего числа работников.

В Черноземье 2000-х гг. сочетались несколько процессов: предприятия повышали эффективность растениеводства (за счет новой техники, более урожайных сортов и т.д.), отказывались от малорентабельного скотоводства, которое всегда требовало больше работников, а в свиноводстве переходили на максимальную автоматизацию. Поэтому даже при заметном с середины 2000-х гг. росте производства большинства видов сельскохозяйственной продукции (за исключением молока и мяса крупного рогатого скота, далее – КРС) происходит постоянное сокращение занятых в сельском хозяйстве (рис. 3).

К аграрной занятости близка и работа в ЛПХ, которая относится к нестандартным формам занятости. В Черноземье сложились хорошие условия для ведения подсобного хозяйства: природные условия позволяют получать большие урожаи, а крупные аграрные предприятия или фермеры, работающие на земельных паях сельских жителей, снабжают их зерном и сеном в качестве арендной платы, что позволяет содержать скот, свиней или птицу с минимальными издержками. Поэтому хотя бы небольшое хозяйство есть почти у каждого, но товарных ЛПХ немного из-за трудностей со сбытом продукции. Доля занятых в товарных ЛПХ

по обследованным сельским поселениям составила около 10%. Этот показатель варьирует по сельским поселениям от 3% там, где много рабочих мест, до 26% в тех поселениях, где наблюдается максимальное сжатие рынков труда при кризисном состоянии сельскохозяйственных предприятий.

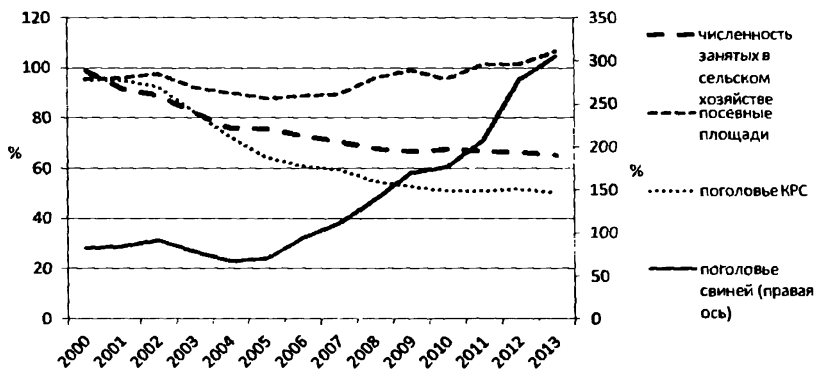

Рис. 3. Динамика численности занятых в сельскохозяйственном производстве, посевных площадей, поголовья КРС и свиней по регионам Центрального Черноземья, в % к 1999 г. По данным сборников «Регионы России» за 2000–2014 гг.

Респонденты отмечают утрату навыков сельскохозяйственного труда у современных жителей села. Отказ от товарного ЛПХ происходит и в связи с ростом благосостояния жителей села (поездки на заработки, доступность многих видов сельскохозяйственной продукции в торговых сетях). «Раньше из каждого двора утром выходила корова, сейчас – выезжает машина» – из интервью со специалистами администрации Старотарбеевского сельского поселения Мичуринского района Тамбовской области.

Занятых в промышленности в обследованных сельских поселениях оказалось лишь 3% – в основном, благодаря тому, что в выборку попало поселение, где размещается крупное предприятие, обслуживающее нефтегазовый транзит. В большинстве других сельских поселений практически нет промышленных предприятий. Изредка в сельской местности можно найти небольшие производства строительных материалов или местную переработку сельскохозяйственного сырья. В населенных пунктах, расположенных на железной дороге, занятость в промышленности дают хлебоприемные предприятия.

Иногда промышленные занятия сельского населения коренятся в исторической практике. Так, в Платоновском сельсовете Рассказовского района Тамбовской области 24 малых предприятия специализируются на вязке шерстяных носков. Там их вяжут давно, поскольку еще в советские годы работники Арженского суконного комбината (расположен в районном центре – г. Рассказово) имели возможность «выносить» с предприятия шерстяную нить, и многие жители района подрабатывали вязкой носков. В настоящее время суконный комбинат прошел через процедуру банкротства, но «носочная» традиция живет, пряжу предприниматели покупают по всей России, а в селах района *«почти в каждом доме стоит вязальная машина, за неделю всегда можно лишнюю тыщонку заработать»* (из интервью с заместителем главы Платоновского сельсовета). Такие примеры единичны. А в целом сельская промышленность в Черноземье слабо развита. Переработка сельскохозяйственного сырья осуществляется в районных центрах, там же размещаются и другие промышленные предприятия, чаще всего находящиеся в нестабильном экономическом положении.

Слабо развита и сфера платных услуг. В этом сегменте занято в среднем 3% жителей сельского Черноземья. Это связано как с низким платежеспособным спросом сельского населения, так и с нежеланием сельских жителей оформлять свою деятельность как индивидуальное предпринимательство. Поэтому многие услуги, которые реально оказываются на возмездной основе (строительство, ремонт и др.), в статистику не попадают. Основную официальную занятость в секторе коммерческих услуг дают сельские предприятия торговли и, реже, общественного питания. В крупных селах также встречаются парикмахерские, швейные мастерские и другие небольшие предприятия бытового обслуживания. Доля занятых в секторе платных услуг повышается (до 8% при среднем значении 3%), если в сельской местности расположены крупные учреждения: дома отдыха, пансионаты, санатории, детские оздоровительные лагеря.

Важную роль на сельских рынках труда играет сфера бюджетных услуг, в основном учреждения социального обслуживания. В среднем в ней занято 12% трудоспособных жителей. Эта доля варьирует от 6 до 26% в зависимости от того, какой набор учреждений расположен в пределах сельских поселений. Она минимальна в тех сельских поселениях, где прошли объединения и укрупнения школ, больниц, детских садов, сельских администраций. Максимальная доля бюджетников наблюдается там, где расположены крупные социальные учреждения районного или областного значения: дома престарелых, детские дома, интернаты и др.

Работа в бюджетной сфере – самая желанная для сельских жителей, поскольку дает стабильную занятость и оплату труда без сезонных колебаний. Единственное, что вызывает опасения жителей, – это постоянная угроза оптимизации бюджетных учреждений, связанная с укрупнением сельских поселений.

К числу получателей бюджетных денег в качестве основного источника средств к существованию относятся пенсионеры в трудоспособном возрасте, инвалиды и адресаты иных государственных пособий. Они входят в группу экономически неактивных сельских жителей. Суммарно получателей таких пособий больше, чем сотрудников предприятий сельского хозяйства и КФХ, в структуре занятости сельского населения Черноземья они занимают около 10%. Эксперты отмечают, что поиск возможности получать какое-либо пособие – одна из самых распространенных стратегий сельских жителей [Великий, Бочарова, 2014]. При этом демографы говорят о сокращении экономически неактивного населения и его доли в общей численности населения трудоспособного возраста за последние 10–12 лет [Варшавская, Денисенко, 2015]. В сельской местности Черноземья получение небольшой пенсии или пособия позволяет иметь средства на покупку товаров длительного пользования, а основную часть продуктов питания сельские жители могут получать на своих подворьях. Поэтому подобная стратегия поведения на рынке труда является довольно распространенной.

Еще многочисленнее группа иждивенцев трудоспособного возраста, основным источником средств для жизни которых является финансовая поддержка родственников или иных лиц либо алименты. Это в основном женщины. С одной стороны, они больше задействованы в домашнем хозяйстве, в уходе за детьми и пожилыми родственниками, а с другой – для них меньше вакансий в сельском хозяйстве, промышленности, услугах по ремонту и других видах работы. Женских профессий в сельской местности Черноземья становится все меньше, особенно в условиях постоянного сокращения поголовья КРС. Большинство женщин уже не обращаются в районные отделения центров занятости населения. Нередкой является практика, когда муж имеет работу за пределами села (в районном центре с ежедневными поездками или в удаленном городе, где трудится в вахтовом режиме), а жена занимается нетоварным или малотоварным подсобным хозяйством.

Самая трудная для изучения группа – это «калымщики»: участники временных бригад по строительству и ремонту; те, кто выполняет небольшую работу, помогая в домохозяйствах других жителей (подвоз и

колка дров, вспашка огородов, прополка); занятые частным извозом без оформления деятельности, сезонные работники в сельском хозяйстве, сборщики грибов и ягод и др. Их в структуре занятости сельских жителей Черноземья оказалось около 9%. Такая занятость нередко дополняется нетоварным или малотоварным сельским хозяйством, нередко «калымщики» переходят в другие сегменты рынка труда.

За пределами своих населенных пунктов работают около 22% сельских жителей трудоспособного возраста. Рост трудовых миграций в Черноземье начался в середине 2000-х гг., когда происходили крупные преобразования в сельском хозяйстве: организация крупных агрохолдингов, скупка земельных паев, интенсификация аграрного производства. Респонденты отмечают, что поначалу преобладали поездки на большие расстояния в вахтовом режиме (т.н. отходничество), а сейчас большее распространение получают маятниковые миграции. Сказываются возраст, ухудшение здоровья и постепенное выравнивание заработной платы в ряде сегментов рынка труда между крупнейшими городами и региональными и даже районными центрами. Как в Курской, так и в Тамбовской области распространены ежедневные поездки на крупные животноводческие комплексы и другие предприятия аграрно-промышленного комплекса (АПК). Например, сельские жители Льговского района Курской области ездят в соседний Коньшевский район на свиноводческие комплексы и комбикормовый завод, а из Обоянского района – в соседнюю Белгородскую область на агрокомплексы компании «Мираторг».

На момент проведения исследований работающих за пределами своих регионов в Черноземье было примерно в 1,5 раза меньше, чем тех, кто работает вне населенных пунктов постоянного проживания, но не покидает регион. По мнению большинства респондентов, примерно половина работающих в других регионах – это высококвалифицированные работники (в прошлом – механизаторы или инженеры, работавшие в сельском хозяйстве), они находят работу в крупных городах на различной технике и имеют высокую заработную плату. Для них такая работа – вынужденная мера, вызванная, с одной стороны, отсутствием подходящей работы с достойной оплатой труда на местах, с другой – потребность в дополнительных средствах, связанная с семейными нуждами.

Вторая часть работающих в других регионах – это чаще всего сельская молодежь без квалификации. Такие отходники устраиваются в крупных городах охранниками, кассирами в торговых центрах, реже – разнорабочими на предприятиях. Они чаще бывают бессемейными, выбирают работу в крупных городах отчасти в стремлении вырваться за пределы

своих населенных пунктов, согласны на не очень высокую оплату труда и ценят время между вахтами, которое чаще посвящают отдыху, а не дополнительной работе и труду в подсобном хозяйстве. *«У этих отходников уже другой менталитет, такие ребята, перекаати-поле, тешат этим самолюбие. Поработали в Москве и здесь две недели дурака валяют»* – из интервью с главой Рыбино-Будского сельского поселения Обоянского района Курской области. Их вряд ли стоит относить к кадровым резервам сельской местности, поскольку они зачастую не хотят устраиваться на работу на сельскохозяйственные предприятия. *«В сельском хозяйстве надо работать, а не с газеткой сидеть. Там-то сиди себе под кондиционером, а тут – в поле на тракторе. Кто же такое захочет?»* – из интервью с руководителем СПК им. Карла Маркса в Жердевском районе Тамбовской области. И даже предприятия обрабатывающей промышленности в районных центрах не являются привлекательными для них.

Аграрно-промышленное Нечерноземье

При построении структуры занятости сельского населения в трудоспособном возрасте для регионов аграрно-промышленного Нечерноземья был добавлен сегмент занятости в лесном хозяйстве в связи с большей значимостью лесной сферы в занятости населения, а также объединены сегменты получателей различных пособий и иждивенцы, поскольку в Ивановской области в одном из районов при проведении ВПН-2010 иждивенцев переписали как получателей пособий по безработице, что неверно. В целом, структура занятости в сельском Нечерноземье диверсифицирована, но даже при беглом анализе бросается в глаза повышенная доля сельских жителей, вовлеченных в процессы трудовой миграции (рис. 4).

Стандартную полную занятость имеют 55–65% сельских жителей трудоспособного возраста. Всего 8% трудоспособного населения имеет неформальную занятость (самозанятые и «калымщики»). К экономически неактивному населению относится 22% сельских жителей трудоспособного возраста в Нечерноземье. Трудовые мигранты составляют свыше трети сельских жителей трудоспособного возраста.

Занятых в сельском хозяйстве в регионах – 9%. Этот показатель варьирует от 0% (в нескольких сельских поселениях не оказалось ни одного действующего сельскохозяйственного предприятия) до 25–29% в поселениях, где сохранились крупные коллективные хозяйства с «колхозной» организацией.

С ростом мобильности населения работа в сельском хозяйстве уже не требует проживания в сельской местности. Нередки случаи, когда специалисты и даже работники массовых профессий в аграрной сфере проживают в городе – районном центре или в удаленных от места работы сельских населенных пунктах.

Рис. 4. Структура занятости сельского населения в трудоспособном возрасте (в рассмотренных сельсоветах Костромской и Ивановской областей) По материалам интервью и данным ВПН-2010

Занятость в лесном хозяйстве в районах аграрно-промышленного Нечерноземья невелика, в среднем по обследованным сельским поселениям она составляет всего 1%, лишь в отдельных населенных пунктах достигая 30%. Лесное хозяйство идет по пути повышения производительности труда, многие операции механизуются (особенно в лесозаготовках), поэтому даже при развитии лесной отрасли существенного роста занятости сельского населения не предвидится. Респондентами отмечается невысокая квалификация работников предприятий деревообработки (со слов глав сельских поселений в Южском районе Ивановской области, «туда идут одни непутевые ребята», «у нас происходит круговорот бездельников по пилорамам») при невысоком уровне оплаты труда (10–15 тыс. рублей в месяц в 2014 г.). При этом на лесозаготовках или на предприятиях глубокой переработки древесины отмечается более высокий уровень оплаты труда и меньшая текучесть кадров.

В отдельных населенных пунктах, особенно на территории Ивановской области, имеются промышленные предприятия. Большинство из них возникло еще в конце XIX в., в период массовой индустриализации, когда, не только «мужик шел на фабрику», но и «фабрика шла к мужику» [Ленин, Развитие капитализма в России]: в селах размещались заготовительные и раздаточные конторы, которые координировали труд надомников, а также строились небольшие фабрики. В советские годы фабрики были национализированы, надомники объединены в артели, объемы сельского производства поддерживались до тех пор, пока это позволяла ресурсная база (как, например, мех для шапок) или пока рабочие оставались на селе, а не переезжали в города.

Большинство старинных предприятий уже не действует в рамках исторической специализации. Сельские прядильные фабрики прекратили работу вместе с «головными организациями» в городах – районных центрах. Некоторые производства, требовавшие особых навыков (например, строчевышивальные фабрики), закрылись в связи с выходом большинства работниц на пенсию. Но корпуса старых фабрик сохраняются, они могут вместить новые производства. Осталась и некая «производственная культура», когда жители сел готовы работать в традиционных для этой местности отраслях промышленности. Так, во многих крупных селах Шуйского района Ивановской области действуют различные швейные фабрики, до недавнего времени сохранялись небольшие прядильно-ткацкие производства, большинство которых сейчас находятся в стадии переоборудования под нужды пищевой промышленности. Постоянно появляются малые предприятия по пошиву различных изделий. В редких случаях встречаются предприятия деревообработки (например, наследник артели по производству дуг и оглобель – Васильевский деревообрабатывающий комбинат, на котором из привозной древесины производятся «парадные» кресла и стулья для областных и районных администраций, отделов ЗАГС и др.).

Примечательно, что швейное производство в Ивановской области сохраняется не только в тех селах, где эта деятельность существовала традиционно, но и в советских рабочих поселках, возникших совсем на иных началах. Показателен пример села Мугреевский³⁰, где после ликвидации торфозаготовительного предприятия и закрытия одной из четырех исправительных колоний в соседних Талицах осталось много безработных.

³⁰ Многие поселки сельского и городского типа в Ивановской области в 2000-х гг. были переименованы в села, поэтому нередко грамматические коллизии типа «село Мугреевский», «село Центральный» и т.п.

Глава сельского поселения добился открытия в селе швейного цеха – филиала крупного производства в районном центре. И многие жители села, до этого не сталкивавшиеся с подобным ремеслом, стали осваивать новую профессию.

В Нерехтском районе соседней Костромской области также находятся небольшие сельские предприятия. Например, фабрика художественной росписи деревянной игрушки, где активно используется труд надомников. При этом текстильная и швейная отрасли сохранились только в районном центре, а сельских фабрик не было и не предвидится.

Доля занятых в бюджетном секторе составляет около 10%. Она минимальна в сельских поселениях, где были упразднены различные учреждения социальной сферы, а максимальна – в поселениях, где сильно «сжалась» сельскохозяйственная занятость и не осталось почти никакой иной сферы, кроме бюджетной, а также там, где размещаются учреждения социальной опеки и иные стационары. В этих случаях доля бюджетной сферы может достигать четверти и более [Аверкиева, 2016].

Известны случаи возникновения учреждений социальной опеки с негосударственным финансированием: частные дома престарелых, реабилитационные центры и другие. В связи с закрытием сельских школ нередко высвобождаются добротные школьные здания, которые районные власти продают частным лицам. Так, на базе упраздненных сельских школ уже функционируют дом престарелых «Тихие Зори» в селе Марьинское и детский дом в селе Ковалево в Нерехтском районе. И за пределами исследованных нами регионов есть проекты создания туристического центра на базе школы в дер. Первитино Лихославльского района Тверской области [Титова, 2015]. Занятые в таких учреждениях относятся к сегменту занятых в сфере платных услуг.

Всего занятых в секторе платных услуг в рассмотренных районах оказалось не так много: в силу невысоких доходов сельских жителей из платных услуг в селах востребована только торговля и частный извоз. Даже магазины есть не в каждом селе, а некоторые до сих пор относятся к бюджетной организации РайПО. В среднем, в торговле заняты 3–4% населения в трудоспособном возрасте, более высокие показатели (6–8%) отмечаются в крупных селах с более развитым рынком труда и более высокими доходами сельского населения, а также в селах, популярных у дачников.

Доля пенсионеров и иждивенцев в среднем по рассмотренным сельским поселениям составляет 21% от населения в трудоспособном возрасте. Повышенная доля пенсионеров в трудоспособном возрасте на-

блюдается в тех населенных пунктах, где размещаются войсковые части, исправительные и другие учреждения, сотрудники которых выходят на пенсию раньше.

Наибольший сегмент в структуре занятости и источников доходов сельских жителей аграрно-промышленного Нечерноземья занимают трудовые мигранты, работающие за пределами населенных пунктов постоянного проживания, но не покидающие пределов своего региона. Их оказалось 29% от населения в трудоспособном возрасте. Отчасти такой высокий показатель связан с мелкоселенным типом сельского расселения, когда места приложения труда оказываются рассредоточенными по небольшим селам и малым городам. При этом респонденты также отмечают рост мобильности сельского населения при наличии густой транспортной сети, что не характерно для нечерноземных регионов. Старо-промышленная Ивановская и юго-западный край Костромской области, как и соседние районы Ярославской области, в этом смысле – исключение.

Так, например, в Шуйском районе, где при относительно высокой плотности населения (18 чел./км²) практически все населенные пункты связаны автомобильными дорогами с твердым покрытием, отмечается очень высокая территориальная подвижность населения. Жители ездят на работу не только в районный центр, но и в другие сельские населенные пункты, где находят для себя более привлекательные рабочие места (на более современных сельскохозяйственных или промышленных предприятиях, в торговле). В Ивановской области распространены поездки на предприятия текстильной отрасли. Такая же ситуация наблюдалась около 100–120 лет назад, когда сельские женщины уходили работать на предприятия Иванова и Кохмы [Шаповал, 2013]. Обычно на заработки решаются отправиться, если есть на кого оставить дом, и режим таких трудовых поездок бывает не столько маятниковым, сколько сменным (2–3 суток) или даже в режиме короткой вахты, когда работницы возвращаются домой только на выходные, но, тем не менее, работают в пределах Ивановской области.

Трудовых мигрантов, работающих за пределами своих регионов, в структуре занятости сельского населения в трудоспособном возрасте оказалось всего 7%. В отход отправляются и мужчины, и женщины, но чаще мужчины. Нередко в семье жена – работница бюджетной сферы, а муж ездит на заработки. Мужчины обычно работают охранниками («Мужья обычно едут если не в Талицах тюрьму охранять, то в Москву в ЧОП» – из интервью с директором швейной фабрики в Южском рай-

оне Ивановской области), также распространены строительные бригады, которые занимаются установкой срубов или ремонтными работами. В последние несколько лет стали популярны поездки на промышленные предприятия Московской области: это дает официальную занятость, наличие трудовой книжки, страховки. Респонденты отмечают более ответственное отношение трудовых мигрантов к своей занятости. Женщины чаще находят работу сиделками при пожилых людях, реже – в торговле.

Наиболее высокая доля работающих за пределами регионов отмечается в таких сельских поселениях, которые либо расположены вблизи региональной границы (как, например, часть сельских поселений в Нерехтском районе на границе с Ярославской областью, где отходником является каждый пятый сельский житель в трудоспособном возрасте), либо там, где сельские рынки труда «сжались» в наибольшей степени, а районные и региональные центры не могут обеспечить сельских жителей работой из-за слабой экономической базы.

Лесосельскохозяйственное Нечерноземье

В структуре занятости сельского населения лесосельскохозяйственного Нечерноземья, в данном исследовании представленного восточными районами Вологодской и центральными и восточными районами Костромской области, выявлены те же сегменты, что и в рассмотренных регионах Черноземья и агропромышленного Нечерноземья. Но соотношение сегментов в данном случае заметно отличается: отмечается высокая занятость сельского населения в лесном хозяйстве и заметно бóльшая занятость в бюджетном секторе при сравнительно небольшой роли трудовой мобильности. Такая структура, казалось бы, свидетельствует о более благополучной в сравнении с рассмотренными ранее примерами ситуации на рынке труда. Но в районах лесосельскохозяйственного Нечерноземья гораздо выше доля сельских жителей, прописанных в сельской местности, но давно не проживающих по месту прописки, которые при составлении диаграмм не учитывались. Иными словами, здесь много тех, кто де-юре мигрантами не является, но де-факто уже давно сменил место жительства.

Стандартную полную занятость имеют около 60–70% сельских жителей трудоспособного возраста (хотя занятые в лесном секторе не всегда бывают оформлены официально по ряду причин, которые будут рассмотрены позже). Не более 10% населения в трудоспособном возрасте имеют неформальную занятость в ЛПХ либо как «калымщики». К экономиче-

ски неактивному населению можно отнести примерно почти четверть сельских жителей в трудоспособном возрасте.

Рис. 5. Структура занятости сельского населения в трудоспособном возрасте (в рассмотренных районах Вологодской и Костромской областей)
По материалам интервью и данным ВПН-2010

В сельском хозяйстве занято 9% сельского населения в трудоспособном возрасте. В обследованных муниципальных районах населенные пункты, где практически нет коллективных сельскохозяйственных предприятий, встречаются довольно редко (за исключением поселков при леспрохозах). Кроме того, благодаря сохранению молочной специализации многие хозяйства дают больше рабочих мест, чем хозяйства с растениеводческой специализацией. Более высокая аграрная занятость отмечается в сельских поселениях Вологодской области, при этом в центральных и восточных районах Костромской области наличие сохранившегося сельскохозяйственного предприятия с занятостью свыше 10–15 человек – скорее исключение.

Более устойчивое положение сельскохозяйственной отрасли в Вологодской области по сравнению с соседней Костромской и другими областями Нечерноземья связано с рядом факторов. Не последний среди них – институциональный. При принятии Лесного кодекса 2006 г., когда так называемые «колхозные леса» (леса, находившиеся еще с советского периода в собственности сельскохозяйственных предприятий) отчуждались в Гослесфонд, региональные власти приняли решение, согласно

которому все сельскохозяйственные предприятия могли взять принадлежавшие им ранее леса в долгосрочную аренду на льготных условиях. Это позволило им сохранить дополнительный источник дохода, а в 2010-х гг. сделало сельское хозяйство привлекательным для местных предпринимателей: приобретая сельскохозяйственное предприятие, они получали доступ к лесным ресурсам. Кроме того, в Вологодской области существуют внутренние программы стимулирования развития различных отраслей сельского хозяйства, а также сохранилась определенная культура ведения сельского хозяйства.

В лесном секторе занят каждый пятый сельский житель в трудоспособном возрасте. Учет занятых в этой сфере – задача очень непростая. В лучшем случае, в официальные статистические данные попадают сведения о количестве предприятий и индивидуальных предпринимателей в лесном бизнесе. Количество наемных работников – вопрос тонкий. В одном случае на лесозаготовки и предприятия деревообработки устраиваются те, кто хочет быстро заработать. Их работодатели зачастую не оформляют официально, понимая, что бумагами придется заниматься дольше, чем такой работник реально проработает. Возможно, было бы правильнее отнести занятых в лесном секторе к «калымщикам». Также распространенной является практика оформления наемных работников как самостоятельных ИП, предоставляющих услуги «головному» предпринимателю. На такой шаг многие идут для оптимизации налогообложения.

Тем не менее лесной бизнес в регионе действительно развит, особенно на севере и востоке Вологодской области. Практически в каждом населенном пункте есть хотя бы небольшое предприятие деревообработки, нередки случаи и более развитой сельской промышленности – настоящие деревообрабатывающие заводы, производящие широкий ассортимент обрезной доски и погонажных изделий. По мере усложнения производства в лесном секторе появляются рабочие места и для женщин: они работают на склейке изделий, сортировщицами, ведут учет продукции.

Отделить лесное хозяйство от перерабатывающей промышленности непросто. Зачастую работники лесного сектора по сути являются работниками промышленности. Тем не менее сельская промышленность рассматривалась отдельно, в нее входят такие предприятия, как пищекомбинаты, еще сохранившиеся в некоторых крупных сельских населенных пунктах, а также льнозаводы, цеха хлебопечения, кустарные предприятия металлообработки и др. В среднем, в промышленности заняты всего 2% сельских жителей трудоспособного возраста.

Наиболее обширный сегмент в структуре сельских рынков труда в Вологодской области – это бюджетная сфера. В ней занято 20% сельских жителей трудоспособного возраста. Во многом это связано с тем, что в условиях крупноочагового (кустового) расселения [Солдатова, 2010] и/или больших расстояний между населенными пунктами оптимизация учреждений социального обслуживания происходит медленнее. Кроме того, в крупных селах нередко работают предприятия коммунального обслуживания, которые, хотя и являются частными организациями, все равно осуществляют работу на средства бюджетных учреждений и тесно с ними связаны. Поэтому их сотрудники также были отнесены к работникам бюджетного сектора.

Более высокая людность населенных пунктов и большие расстояния способствуют развитию сферы платных услуг, в первую очередь – торговли. Предоставлением платных услуг занимаются 5% сельских жителей трудоспособного возраста. Как и в других регионах, доля занятых в сфере платных услуг остается заниженной, т.к. многие услуги предоставляются на возмездной основе, но неофициально. Многие жители не хотят оформлять свой бизнес.

Крайне невысокой (всего 3%) является доля самозанятых, в данном исследовании – работников товарных ЛПХ. Коров у населения практически нет (так, например, на сельское поселение, где проживает около 1300 человек, приходится примерно 15 коров), немногим больше – телят и поросят на откорм. Коров не держат по ряду причин. С одной стороны, сельское население стареет, *«а молодые уже не готовы вкалывать, как их родители»* (из интервью с работниками СПК им. Ленина в Тарногском районе Вологодской области). С другой стороны, купить молоко в магазине может практически любой сельский житель. Платить больше за «домашнее» молоко готовы не все сельские жители, в основном его берут дачники. Но такое сезонное хозяйство не дает большого дохода. Кроме того, в сельской местности стало труднее приобретать корма, особенно в тех поселениях, где прекратили работу сельскохозяйственные предприятия. У большинства сельских жителей есть огороды; овощами, картофелем, плодами и ягодами многие обеспечивают себя сами. Кроме того, сейчас популярно разводить домашнюю птицу, кроликов. Тем не менее товарных хозяйств – единицы. Продавать продукцию соседям нет смысла, поскольку все заняты примерно одним и тем же, а других рынков сбыта (крупных трасс, рынков в районных центрах) практически нет. Иногда в районных центрах проводятся сельскохозяйственные ярмарки – это дает возможность продавать продукцию, но редко приводит к росту товарности подсобных хозяйств.

Тех, кто имеет эпизодические заработки, «калымщиков», тоже сравнительно немного – всего 6%, хотя, как уже отмечалось, часть работников лесного сектора также может быть отнесена к этой категории. Как и в других регионах Нечерноземья, «калымщиками» являются те, кто занят сбором дикоросов (в деревнях в сезон организуются пункты приемки ягод, грибов и лекарственных трав, но уже не от РайПО, а от перекупщиков из районных центров и более удаленных городов). Также есть те, кто оказывает платные услуги соседям.

Получателей различных государственных пособий, как и иждивенцев, в структуре населения в трудоспособном возрасте в Вологодской области не так много – суммарно 21% (12% получателей пособий и 9% иждивенцев). По всей видимости, сказывается суровость природных условий и более высокая стоимость жизни, когда без дополнительных заработков прожить бывает довольно трудно. Получающие пособие по инвалидности стараются перебраться в города или хотя бы в более крупные районные центры, где многие услуги предоставляются централизованно, лучше развита инфраструктура. Остальные или уезжают из сельской местности, или находят работу. Тем не менее респонденты говорят о том, что жить на пенсию пожилых родителей или даже оформить пособие по уходу за престарелыми (как правило, теми же родственниками) – это распространенная стратегия среди жителей трудоспособного возраста.

Трудовые мигранты составляют около 12% сельского населения в трудоспособном возрасте – немного, особенно в сравнении с обследованными регионами аграрно-промышленного Нечерноземья и Черноземья. Большие расстояния до крупных городов, низкое качество дорог приводят к тому, что осуществлять ежедневные трудовые поездки практически невозможно и зачастую некуда – ситуация на рынке труда в районных центрах также неблагоприятна. Отходничество распространено чуть больше. В отход отправляются либо бригады по строительству деревянных срубов, либо отдельные работники, работающие в вахтовом режиме на строительстве и обслуживании газопровода в Республике Коми и Архангельской области, а также сотрудники бригад по строительству дорог. Жители поселков при леспромхозах ездят вахтой на лесозаготовки в Архангельскую область.

Сравнения и итоги

Сельская местность предоставляет довольно широкий набор вариантов занятости для сельских жителей, хотя назвать сельские рынки труда

емкими все же не получается. Как было сказано в главе 2.2, количество рабочих мест в реальном секторе (сельском, лесном хозяйстве, промышленности) постоянно сокращается либо в связи с модернизацией производства (в первую очередь, в растениеводстве, в лесозаготовках), либо вслед за угасанием самих отраслей (например, молочного хозяйства в Черноземье и ряде регионов Нечерноземья). Вслед за оптимизацией расходов на содержание учреждений социального обслуживания падает количество рабочих мест в бюджетном секторе. Из-за этого все чаще сельские жители либо вовлекаются в процессы трудовой мобильности, пополняя ряды маятниковых мигрантов и отходников, либо находят способы получать государственные пособия (по инвалидности, по уходу за пожилыми или опеке над детьми из детских домов), либо уходят в неформальную занятость.

Таблица 2. Структура занятости сельского населения в обследованных сельских поселениях, %

	Черноземье	Аграрно-промышленное Нечерноземье	Лесо-сельскохозяйственное Нечерноземье
занятые в сельском хозяйстве	11	9	9
занятые в лесном хозяйстве	0	1	19
занятые в промышленности	3	9	2
бюджетники	12	10	20
занятые в сфере платных услуг	3	3	5
самозанятые	10	4	3
«калымщики»	9	4	6
получатели различных пособий и иждивенцы	29	21	12
внутрирегиональные трудовые мигранты	14	31	8
межрегиональные трудовые мигранты	9	8	5

Источник: составлено автором по материалам полевых исследований и данным ВПН-2010.

Одним из путей решения проблемы сельской занятости является развитие фермерства и малого предпринимательства, но к таким шагам большинство сельских жителей пока не готово. Постепенно появляются крепкие фермерские хозяйства, чему отчасти способствуют федеральные грантовые программы «Семейная ферма» и «Начинающий фермер», но их явно недостаточно, чтобы дать работу всем желающим. Не возникает и малых предприятий в других сферах экономики, ни в производстве, ни в секторе услуг. И дело не только в консерватизме сельских жителей и дефиците предпринимательской инициативы, но и в постоянном усложнении отчетности и росте налогового бремени на предпринимателей. Поэтому многие «сельские предприниматели» существуют в рамках теневой экономики.

В табл. 2 представлена структура занятости сельского населения в регионах Черноземья и Нечерноземья: при схожем наборе сегментов рынка труда их соотношение в разных регионах сильно различается.

Отметим основные особенности сельских рынков труда, присущие всем типам изученных территорий:

- ♦ невысокая роль занятости в сельском хозяйстве, что явно свидетельствует о том, что сельское население перестало быть аграрным. При этом сокращение занятости в сельском хозяйстве далеко не всегда приводит и не является следствием сокращения объема производства сельскохозяйственной продукции;

- ♦ самозанятость в товарных ЛПХ заметна на рынке труда лишь в Черноземье, где выше плодородие почв, развиты рынки сбыта продукции, и где более густая транспортная сеть позволяет самостоятельно возить на продажу продукты с личных подворий. Также поддержанию товарных ЛПХ способствуют крупные сельскохозяйственные предприятия, которые в качестве арендной платы за земельные паи по-прежнему выдают сельским жителям зерно, свекольный и подсолнечный жмых, предоставляют технику для вспашки огородов и уборки сена. В Черноземье в товарных ЛПХ задействовано почти столько же сельских жителей, сколько и в коллективных предприятиях и фермерских хозяйствах. В Нечерноземье ЛПХ носят нетоварный характер и несущественно влияют на занятость сельского населения;

- ♦ занятость в лесном секторе заметна лишь в лесосельскохозяйственном Нечерноземье, особенно в Вологодской области, где более мягкие, чем в соседних областях, институциональные условия способствуют сохранению объемов лесозаготовок, а большие рас-

стояния до центров переработки или рынков сбыта необработанной древесины способствуют развитию переработки на месте;

- сельская промышленность развита очень слабо и не вносит заметного вклада в занятость сельского населения. Лишь на отдельных территориях, где производства и промыслы существуют продолжительное время, как, например, в Ивановской области, сельская промышленность способствует расширению сельских рынков труда;

- бюджетная сфера в Нечерноземье дает большой вклад в занятость сельского населения, чем сельское хозяйство, особенно в Вологодской области, где кустовая форма расселения и большие расстояния способствуют сохранению большего числа учреждений социальной сферы. Сохранение занятости в бюджетных учреждениях важно для всех территорий, потому что именно бюджетная сфера дает занятость сельским женщинам, для которых не остается рабочих мест в высокотехнологичном сельском или лесном хозяйстве;

- повсеместно не менее 1/5 населения относится к экономически неактивному. Более высокая доля экономически неактивного населения в трудоспособном возрасте отмечается в регионах Черноземья, где более комфортные природные условия и высокие урожаи в АПХ позволяют существовать на сравнительно небольшие государственные пособия или на помощь родственников и других лиц;

- в процессы трудовой мобильности вовлечены жители всех изученных регионов. Наиболее мобильны сельские жители старосвоенного аграрно-промышленного Нечерноземья, хотя общее число трудовых мигрантов выше из регионов Черноземья. Высокий процент занятых за пределами мест постоянного проживания в аграрно-промышленном Нечерноземье связан и с мелкоселенным расселением, и с более кризисной ситуацией в сельской экономике в целом, и с определенной преемственностью и даже традициями отходничества, сложившимися более 150 лет назад. Наименее мобильны жители сельской местности лесосельскохозяйственного Нечерноземья. Большие расстояния не позволяют совершать регулярные ежедневные и даже вахтовые трудовые поездки, поэтому при отсутствии работы на местах сельские жители нередко переезжают либо в районные и областные центры, либо за пределы регионов, сохраняя на какое-то время сельскую прописку.

* * *

Поддержание основных функций сельской местности (производство сельскохозяйственной продукции, обслуживание сельского населения, инфраструктурных и других объектов на селе) требует почти в три раза меньше людей, чем проживает в сельской местности в настоящее время. Очевидно, что сама функция деревни постепенно меняется. О переходе от аграрной (либо лесохозяйственной) производящей функции к селитебной и рекреационной уже говорят исследователи [Нефедова, 2013; Потенциал Ближнего Севера, 2014; Алексеев, Сафронов, 2015], размышления о роли сельской местности встречаются и в словах респондентов.

«Вообще не очень понятно, какой смысл в сельской местности? Хорошего образования в школах не будет, если в школе мало учеников. Чтобы были ученики, надо, чтобы в селах жило по 2000 человек, но тогда будет много трудоспособных жителей – а где для них найти работу? В сельском хозяйстве столько не надо. Надо двигаться в сторону малых городов, чтобы были разные варианты приложения труда». Так рассуждал директор крупного хозяйства в Обоянском районе Курской области во время интервью, которое проводил автор раздела.

С одной стороны, можно ожидать активизации миграции сельских жителей в города, поскольку процесс урбанизации в России еще не завершен (см. главу 1.1). С другой стороны, их переезд в город сдерживает не только дороговизна недвижимости, но и нежелание переселяться. Тем, кто до настоящего времени не покинул родные села, зачастую нравится жить в сельской местности, они хотели бы найти работу на месте. Поэтому задача создания сельских рабочих мест по-прежнему актуальна. Представители районных органов власти возлагают надежды на фермерство или на развитие более трудоемкого животноводства. Вопрос о строительстве предприятий по переработке местного сырья не поднимается, поскольку многие перерабатывающие предприятия, расположенные в районных центрах, до сих пор находятся в кризисном состоянии. По всей видимости, реальным выходом в сложившейся ситуации остается рост мобильности сельских жителей (что невозможно без развития и поддержания дорожной сети) и гибкая реакция на изменения локальных рынков труда при сохранении личных подсобных хозяйств как надежного продовольственного «тыла».

Глава 2.10

На работу с юга в Москву. Пример Ставропольского края

Большинство исследователей отходничества рассматривают районы Центральной и Северо-Западной России, проводя аналогии с местами максимального дореволюционного отхода в Москву и Петербург. Тем не менее зоны выхода трудовых мигрантов значительно расширились, охватив и южные регионы. Ставропольский край с его черноземами на западе, полупустынями на северо-востоке и предгорными лугами на юге, расположенный на фронтире православного и мусульманского мира представляет собой образец южного района Европейской России с самыми разными видами занятости населения.

Главные отличия Юга от Нечерноземья, помимо природных условий, – лучший человеческий капитал и иная система расселения. Это регион поздней волны урбанизации [Белозеров, 2009], здесь не было столь длительной депопуляции. Для края характерна повышенная плотность сельского населения (от 10 до 30 человек на км²) и крупные села. В населенных пунктах с численностью жителей более 5 тыс. чел. живет около 40% сельского населения, а в поселениях с числом более одной тысячи – почти 90%. Здесь сохранились сельскохозяйственные предприятия с высокой продуктивностью. Заброшенных полей на равнинном Северном Кавказе, особенно в его западной части, почти нет. Большой интерес к агропромышленному комплексу проявляют и инвесторы, и малые предприниматели, здесь много фермеров. Тем не менее проблемы занятости сильно обострились, особенно в сельской местности с ее слабыми сервисными функциями и отсутствием «местообразующих» производств, кроме сельскохозяйственного. Это усилило временный отток населения на заработки.

Отходничество во многом пересекается с понятием неформальной занятости, хотя часть отходников может работать вполне легально. Само понятие неформальной занятости расплывчато, хотя это мощный сегмент российского рынка труда. Именно теневая занятость и отсутствие статистических данных о ней сильно затрудняют изучение отходничества. Данные официальной статистики о состоянии рынка труда, включая трудовые балансы, не дают адекватной информации о реальной картине занятости населения. С уверенностью можно говорить лишь о тех, кто занят по договорам гражданско-правового характера, платит страховые взносы в Пенсионный фонд. В наибольшей степени это касается крупных и средних сельскохозяйственных предприятий, да и то не полностью, хотя в 2000-х гг. зарплата «в конверте» стала уже не столь массовым явлением. У фермеров и индивидуальных предпринимателей со статусом физического лица часто официально оформлены лишь руководитель и высшее звено помощников. Это сильно затрудняет исследование отходничества на юге России.

Районы и методы исследования

Отсутствие адекватной официальной статистики вызвало необходимость привлечения разных источников информации. Наиболее надежны непосредственные обследования территории на уровне поселений. Первая экспедиция в Ставропольский край была предпринята в 2003 г. с целью изучения занятости сельского населения и роли личных подсобных хозяйств в его жизнеобеспечении [Нефедова, Пэллот, 2006]. Были подробно обследованы разные типы районов края. Основными факторами, дифференцирующими районы, обычно служат природные условия, удаленность от больших городов и национальный состав населения. В Ставрополье все три фактора выражены очень ярко. Хотя природные зоны и «режут» административные районы, с некоторой долей условности все муниципальные районы можно разделить на 4 группы с разными природными предпосылками жизни и деятельности людей (рис. 1): от сухостепных и полупустынных на севере и северо-востоке края до степного благодатного Прикубанья на западе. Они заметно отличаются по видам занятости и характеру сельскохозяйственного землепользования, что видно хотя бы по доле посевной площади в территории районов (рис. 2).

Рис. 1. Районы с разными природными предпосылками земледелия: 1 – сухостепенные и полупустынные; 2 – предгорные и с пересеченным рельефом; 3 – степные с благоприятными условиями; 4 – степные с наиболее благоприятными условиями

Рис. 2. Доля посевной площади в территории районов, 2010 г.

Пригородно-периферийные различия удобнее всего выявлять методом соседства по отношению к региональным центрам. «Городов-миллионеров» в крае нет, хотя есть ярко выраженные полюса развития – быстро растущий Ставрополь с населением 420 тыс. чел. и агломерация городов Кавказских Минеральных Вод, по численности превышающая

столицу региона в полтора раза (602 тыс. чел. в 2014 г.). Соответственно выделяются два пригородных ареала (рис. 3). С формированием Северокавказского ФО с центром в Пятигорске последний имеет все шансы узурпировать лидерские функции в крае. Две переходные зоны можно назвать полупригород и полупериферия. При эксцентриситете столицы к западу, а Кавминвод – к югу региона, на севере и востоке сформировалась обширная периферийная зона, которая почти совпадает с природной зоной со сложными природными условиями.

Рис. 3. Пригородно-периферийное положение районов: 1 – периферия, 2 – полупериферия, 3 – полупригороды, 4 – пригороды

Рис. 4. Районы с повышенной долей разных народностей

Русское население преобладает на западе и в центре Ставрополя (рис. 4). Греки и армяне концентрируются вокруг Кавминвод. По типу хозяйствования в сельской местности они мало отличаются от русских. Иное дело – кавказские народности, сосредоточенные по границам с республиками на северо-востоке, востоке и юго-востоке края. Они чаще занимаются животноводством, и увеличение их численности ведет к заметному изменению типов занятости.

Во время экспедиции 2011 г., целью которой был анализ динамики сельскохозяйственного производства на юге России, типичным представителем которого служил Ставропольский край [Нефедова, 2012, Ioffe, Nefedova, de Beurs, 2013], были обследованы те же типы сельских районов, что в 2003 г. с разным сочетанием факторов.

И, наконец, во время обследования Ставропольского края в 2014 и 2015 гг. по проблемам занятости и отходничества, исследовались Ставропольская и Кавминводская агломерации и прилегающие к ним районы. Проведена серия глубинных интервью с представителями региональных министерств и ведомств, муниципальных и сельских администраций, руководителями предприятий, фермерами, населением. Для сравнения с экспертными оценками и данными наблюдений привлечена региональная и муниципальная статистика, а также ведомственные материалы, данные ОНПЗ за 2013 г. и материалы прессы.

На рис. 5 показаны расчеты, выполненные по балансу трудовых ресурсов Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края с учетом оценок разных специалистов этого министерства [Доклад о состоянии, 2014]³¹. Они определяют долю неформальной занятости в крае в среднем в 24%, что соответствует общероссийским оценкам. Численность безработных, зарегистрированных в государственной службе занятости, составляет всего 19 тыс. чел. Уровень официальной безработицы в крае низок (1,3%), а по методике Международной организации труда он составляет 5,1%, что тоже немного. По этому показателю Ставропольский край находится на среднероссийском уровне и занимает 42-е место по напряженности на рынке труда [Обследование населения, 2014], хотя его позиции относительно среднероссийских показателей постепенно ухудшаются. При этом если из всех трудовых ресурсов вычесть формально и неформально занятых, студентов, льготников (многие из

³¹ В трудовые ресурсы включено: население в трудоспособном возрасте, работающие пенсионеры и подростки, а также иностранные рабочие по региональной квоте.

которых также работают), остается «зазор» в 280 тыс. чел. Значительная часть этого незанятого населения, как считают специалисты края, работает на отходе вне Ставрополья. *«В крае 200 тысяч нелегалов: такси, бытовое обслуживание на дому, прудовое хозяйство и т.п. Половина безработных работает нелегально. Начали борьбу с нелегалами, а получили увеличение отхода. Неизвестно, что лучше»* – из интервью автора с представителем Министерства труда и занятости.

Эти оценки дают лишь основу для размышлений, но есть и более детальные обследования. В 2014 г. администрация Грачевского сельского муниципального района, примыкающего с севера-востока к пригородному Шпаковскому району, запросила у всех поселений данные о месте работы их жителей (рис. 6). Выяснилось, что из 14,8 тыс. экономически активного населения (из которых 1,4 тыс. – это работающие пенсионеры) почти 6 тысяч работают за пределами района. При этом 1055 человек зарегистрированы в районе, но не проживают и крайне редко появляются в нем (живут в городах или в соседних республиках, их вряд ли можно считать отходниками), а 4725 человек работают вне района, в том числе на отходе в Москве, Московской области, Ростове-на-Дону, часть – маятниковые мигранты в Ставрополь, хотя разница в зарплатах не очень велика (в Грачевском районе она составляет 80% от среднеобластного уровня, в Ставрополе – 120% [Ставропольский край, 2014]). При росте цен на билеты и бензин это не оправдывает ежедневные затраты на проезд. Уровень официальной занятости в районе примерно такой же, что и в крае в среднем, а неформальной – ниже в силу ограничений сбыта продукции и неразвитости сферы услуг из-за бедности населения. Население в большей степени выживает с помощью отходничества, причем весьма дальнего с месячным и даже полугодовым ритмом.

По данным ОНПЗ, за пределы Ставропольского края в 2013 г. выезжали на работу всего 37 тыс. чел.³² Этот показатель, полученный экстраполяцией на все население опросов незначительной его доли³³, намного ниже оценок местных специалистов и экспертов. Тем не менее территориальную организацию отходничества он отчасти отражает. Почти 40% отходников едет в Москву и Московскую область, каждый пятый – в Краснодарский край, во всех случаях – с периодичностью несколько не-

³² http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm (дата обращения: 20.12.2014)

³³ Ежеквартально в РФ опрашивается 69 тыс. чел., что составляет 0,25% населения.

дель. Из привлекательных для отходничества регионов можно выделить Тюменскую область с нефтяными округами (12%) и Ростовскую область. Ежедневные обмены трудовыми ресурсами характерны для соседних республик, хотя доля таких маятниковых трудовых мигрантов составляет около 5% (рис 7).

Рис. 5. Структура занятости/незанятости трудовых ресурсов Ставропольского края

По статистическо-экспертным данным

Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края

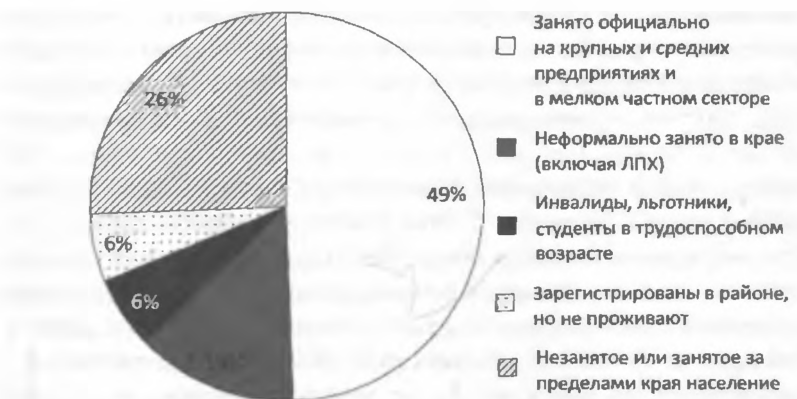

Рис. 6. Структура занятости/незанятости трудовых ресурсов Грачевского района

По данным поселковых и муниципальной администраций Грачевского района

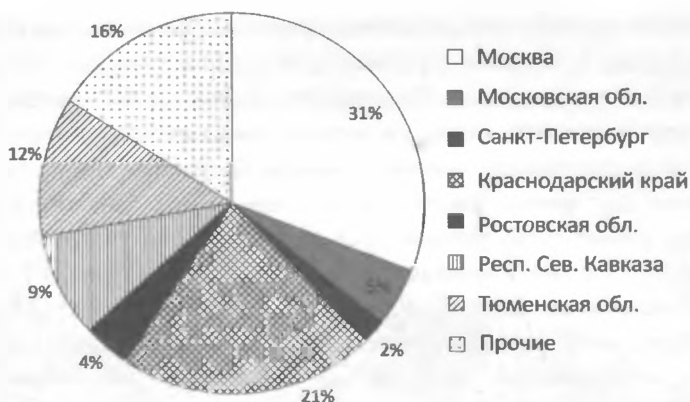

Рис. 7. Направления движения отходников из Ставропольского края
По данным ОНПЗ, 2013

Из интервью автора с представителями Министерства труда и занятости: «Отход в Москву стал бичом края. В 2014 г. под инвестиционные проекты создали 42 тысячи рабочих мест. Удалось заполнить лишь 30 тысяч. Невинномысск на «Ставсталь» переманивает из других отраслей. Покрываем лишь 70% потребности рабочих специальностей. Из ближайших сел набираем».

Доля незанятого на месте проживания населения увеличивается обычно рядом с крупными городами за счет маятниковых мигрантов. Специфика обоих пригородных районов состоит в том, что половина сельского населения в них работает либо в Ставрополе и г. Михайловском, либо в городах агломерации Кавминвод, а треть – на отходе в других регионах, поэтому доля трудовых мигрантов получается особенно высокой (рис. 8).

В Ставропольском крае она оказалась повышена также в относительно благополучных сельскохозяйственных районах на западе и юго-западе региона (рис. 9), где лучше сохранилась колхозная система с расширением производства зерновых культур и доминирует русское население [Нефедова, 2012а, 2013а], а также в некоторых центральных районах края. Это связано с несколькими причинами. На западе края распространены крупные села и станицы (от 1,5 до 10–15 тыс. чел.) с моноаграрной специализацией, в которых обычно отсутствует переработка агропродукции, а сфера услуг не развита. Переориентация крупных агропредприятий на производство выгодного зерна (доля зерновых культур в посевной

площади во многих районах увеличилась с 50% до 70–80%) привела к уменьшению кормовых угодий и отказу от малорентабельного молочного скотоводства, которое сохранилось в крайне незначительном числе предприятий и у населения. Поскольку скотоводство наиболее трудозатратно, эти перемены вызвали резкое сокращение занятости даже в успешных сельскохозяйственных районах. Фермеры также занимаются здесь преимущественно растениеводством, и им требуется минимум работников. Более того, финансовая состоятельность крупных и более мелких хозяйств стимулировала их модернизацию, покупку новой техники. Это уменьшило потребность хозяйств в работниках (для растениеводства, помимо специалистов, необходимы квалифицированные механизаторы и чернорабочие с минимальной зарплатой, в качестве которых часто используют мигрантов из-за рубежа). Агрохолдинги также следуют этим тенденциям, даже если, кроме растениеводства, занимаются птицеводством или свиноводством в современных модернизированных комплексах.

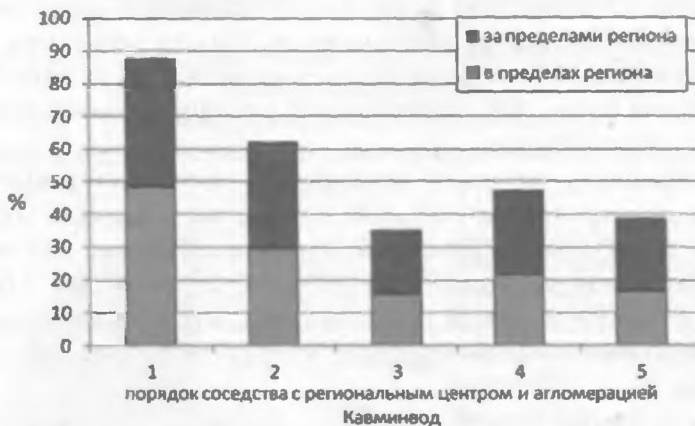

Рис. 8. Распределение работающих за пределами пункта проживания по районам Ставропольского края по мере удаления от Ставрополя и Кавминвод

Кроме того, часть предприятий закрылась, их место заняли фермеры. Поляризация сельской местности внутри края, как и всюду в России, усилилась. Важны были и психологические факторы. Несмотря на то, что человеческий капитал здесь сохранен лучше, чем в Нечерноземье с его длительной депопуляцией, русскому населению крупных сел и станиц, привыкшему к наемному труду в благополучных колхозах, было труд-

нее начать свое дело в современных институциональных условиях, при сложности получить кредиты, постоянных проверках с коррупционной составляющей и ожесточенной борьбе за землю³⁴. Выходом из безденежья стал переход к самообеспечению на своих приусадебных участках либо отход на заработки.

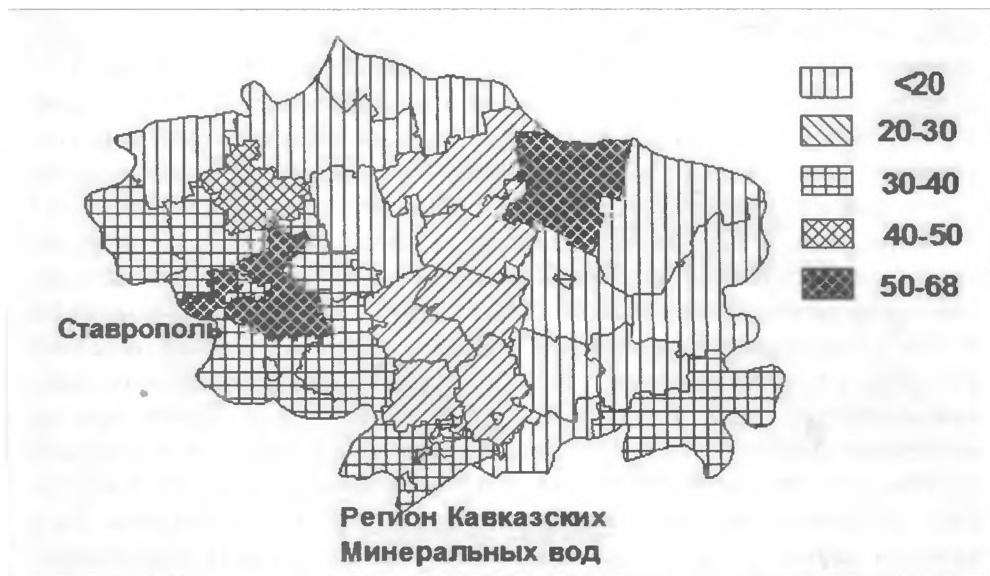

Рис. 9. Доля незанятого в месте проживания населения в трудоспособном возрасте в 2013 г.

По данным Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края

На востоке и северо-востоке региона, как и в предгорных районах с более сложными природными условиями и животноводческой специализацией, крупные предприятия сохранились хуже. Большую часть продукции производят хозяйства населения. Главная специализация фермеров, чаще – выходцев из Дагестана, – животноводство. Кроме того, фермеры и население выращивают овощи. Многие хозяйства не зарегистрированы. Это могут быть и семейные хозяйства, и хозяйства с работниками и даже предприятия на арендованных землях, организованные приезжающими на сезон мигрантами (например, корейцами из Средней Азии). Объем произведенной ими продукции и значительная часть скота или

³⁴ Земельные паи населения находятся, как правило, в аренде у колхозов или фермеров или выкуплены агрохолдингами.

не учитываются в статистике, или сильно занижены. Кредиты они не используют, число наемных работников неизвестно.

Тем не менее занятость здесь за счет многочисленных частных хозяев выше, чем в более благополучных зерновых западных районах (исключение составляют районы на границе с Чеченской Республикой и некоторые северные). Особенно сильно разрушено овцеводство на крупных предприятиях. Основными производителями стали частные хозяйства, которые увеличили стада овец до нескольких сотен и тысяч голов. Кооперации между ними нет, что затрудняет их модернизацию. Инвестиции в такие районы идут из республик. Русское население не может конкурировать с такими хозяйствами, что приводит к его оттоку из районов, граничных с республиками, и многих срединных районов Ставрополья.

Конфликты и напряжение, связанные с переездом или с работой мигрантов из республик Северного Кавказа, в своей основе имеют часто хозяйственную подоплеку. В 1970–1980 гг. приток кавказских народностей в села Ставрополья был связан с искусственным дефицитом трудовых ресурсов в советское время и востребованностью традиционных навыков животноводства (большинство работало чабанами). Теперь при повышенной фактической безработице в сельской местности и дефиците пастбищных ресурсов вокруг сел и кошар большие стада скота кавказских мигрантов вызывают недовольство как местного населения, так и администраций. Но процесс, набравший силу, остановить невозможно, т. к. сложились мощные диаспоры, которые привлекают соплеменников, которых из своих республик выдавливают безработица и малоземелье. Оседая в равнинных районах, горские жители довольно быстро воспроизводят местный тип демографического поведения. Их естественный прирост постепенно снижается, своих двух-трех детей они стремятся переселить в города и дать им образование, тем самым также усиливая урбанизацию.

Различия между западом и востоком края видны и по направлению отходничества. Например, в прикубанском Новоалександровском районе отходники ориентированы на Краснодарский край, а в восточном Курском развиты тесные связи с республиками, особенно с Чечней и Дагестаном (рис. 10–11).

В крупноселенных южных селах и станицах изменение специализации на менее трудоемкое растениеводство даже на успешно работающих агропредприятиях и их модернизация привели к высвобождению значительной части рабочей силы и к реально очень высокой доле незанятого населения (хотя официально регистрируется безработными лишь малая

их часть). Во многих районах около 1/4 трудоспособного населения работает вне места прописки, в том числе в Москве, или пытается выжить с помощью личного хозяйства. Отходничество стало одним из стабилизаторов напряженности рынка труда в сельских монофункциональных населенных пунктах. Однако в малых и средних городах распространение отходничества может способствовать возникновению дефицита работников, особенно для вакансий с низкой оплатой.

*Рис. 10. Направления движения отходников из Новоалександровского района, запад Ставропольского края
По данным ВПН-2010*

*Рис. 11. Направления движения отходников из Курского района, восток Ставропольского края
По данным ВПН-2010*

На юге России различия между муниципальными районами в характере занятости и направлениях отходничества велики и связаны не только с природными условиями, расстоянием до городов, но и с этническими факторами. Например, в западных и центральных районах Ставропольского края с более успешным сельским хозяйством при резком сокращении занятости русского населения на крупных агропредприятиях и в подразделениях агрохолдингов проблемы оказались острее, чем на более депрессивном востоке, где произошла частичная компенсация потерь рабочих мест за счет неформальной деятельности диаспор кавказских народностей. При этом официальная статистика часто показывает обратный результат, поскольку теневой сектор на востоке края гораздо обширнее. Учесть степень занятости и незанятости населения в сельской местности на востоке края невозможно из-за наплыва нерегистрируемого населения из соседних республик. Для них Ставропольский край служит местом не выхода, а притяжения на временные заработки на предприятиях или для ведения мелкого неформального бизнеса.

Для южных районов характерна пространственная сегрегация по этническому признаку. Славянское население переезжает из северных и восточных районов Ставрополя на постоянное место жительства на плодородный запад, где сокращаются рабочие места, но можно вести товарное личное хозяйство, совмещенное с отходничеством, либо в города и оба пригородных ареала Ставрополя и Кавминвод, откуда возможны маятниковые миграции в города.

Южные районы европейской территории России и в советское время привлекали население, а в постсоветские годы стали местом притяжения и населения, и инвестиций, особенно в сельское хозяйство. Трансформация сельской местности выявила аграрную перенаселенность в зерновой зоне юга. В этом принципиальное отличие современного отходничества от такового в начале XX в., когда южные районы были местом притяжения отходников из Центральной России. Сейчас равнинный и предгорный юг европейской части притягивает лишь мигрантов из кавказских республик, Узбекистана и Азербайджана. После вступления Армении и Киргизии в ЕвразЭС, увеличился поток на работу в Ставрополье и из этих стран, поскольку им не надо получать разрешение на работу, сдавать экзамены, достаточно лишь уведомления. Все это создает дополнительное напряжение на рынке труда и усиливает отъезд местного населения из сельской местности и малых городов в большие или на заработки в другие регионы. Вероятно, кризис, начавшийся в 2014 г., постепенно сократит рынки труда крупнейших центров страны. Из-за сокращения в них

рабочих мест часть отходников, возможно, вернется в свои села и города, а их семьи еще в большей степени перейдут на натуральное хозяйство.

Из интервью с представителем районной администрации Левокумского района:

«Не пускаем китайских овощеводов. Пусть свои едут из республик виноград убирать, овощи выращивать. У нас даргинцев много, все скот держат. Много незарегистрированных, да и сколько скота никто не знает. Он в степи гуляет, разве его пересчитаешь? Они ведь не отчитываются. Только когда стали давать 58 тысяч при оформлении хозяйства, выяснилось, что скота намного больше, чем мы думали, просто часть легализовали, машины купили. На строительство – киргизы приезжают, а если квалификация нужна, то и турки. Предприятия просят квоту на иностранцев: узбеков или киргизов. Местные так не могут работать и не хотят за гроши. Местные в последние годы уезжают. А если и не уезжают, то где-то еще работают, в Ростов ездят, даже в Москву, не хотят в сельском хозяйстве. Хотя в прошлом году квоту ввели – приезжих работников должно быть не больше, чем местных».

* * *

Южные районы лучше сохранили и даже привлекли молодое и активное население. Однако более высокое качество человеческого капитала, инициативность населения лишь усилили урбанизацию в Ставрополье и отход в города за его пределы, поскольку в современных институциональных условиях русское население в мелком частном бизнесе, в основном неформальном, проигрывает в конкуренции с представителями других народностей.

Хотя ситуация в Ставропольском крае и отражает общую картину на юге России, она имеет и специфические особенности, связанные с большим влиянием этнохозяйственных проблем и недостаточной мощью главных центров. В результате в Ставрополье весьма распространен дальний отход основной массы населения за пределы края в города-миллионники либо маятниковые миграции в пригородах Ставрополя и городов Кавминвод. Например, в Ростовской области при более значительных внутрирегиональных контрастах в заработках и сильном притяжении Ростова-на-Дону больше развит отход в региональный центр [Долгов, 2014].

Решение проблем занятости в таких регионах с сохранившимся человеческим капиталом лежит в сфере стимулирования на федеральном и региональном уровнях развития именно малого бизнеса в городах и сельской местности. Возможна и сельская индустриализация в форме среднего бизнеса в крупных селах с населением в несколько тысяч человек (создание предприятий агропромышленного комплекса, легкой промышленности, стройматериалов и т.п.), в том числе для легализации неформальной занятости.

Часть 3
ИЗ ГОРОДА ЗА ВОЗДУХОМ

Глава 3.1

Дачи, дачники и дачеведение

Дачи и дачники

Что такое дача, кто такой дачник? Ответ: городской владелец и (или) пользователь загородной, временно (например, сезонно) посещаемой недвижимости (дома, участка), используемой не только как жилье и не только (не столько) для извлечения дохода. В отечественных дефинициях принято уточнять функции дач и занятия дачников. Обычно называют отдых и подсобное земледелие. Но это не все. Дачник – еще и носитель неких взглядов, ценностей, установок, особой философии, «гибридного», по В.И. Ильину [Илп, 2016], образа жизни.

Как недвижимость и временный второй дом, дача сужает географию движения по сравнению с «вольным» туризмом, стимулируя зато его частоту. По нашей грубой оценке, дачевладельцев с членами их семей в мире примерно 200 млн. Это без арендаторов, посетителей загородных «имений» близких людей для отдыха и помощи в хозяйстве и т.п. Ошибки вероятны, но если каждый из 200 миллионов съездит на дачу 6 раз в год, то весь поток превысит международный туристический. На рис. 1 число дачников показано по макрорегионам мира. Лидируют бывший СССР и Европа. В России только садовых участков – 14 млн (40 млн чел. с учетом коэффициента семейности). В США всех вторых домов – лишь 5 млн (12,5 млн чел.). А вот «дачеведение» у нас пока развито слабо.

Чтобы лучше понять явление, ставшее одним из социальных брендов страны, надо вникнуть в его формы и факторы, историю и географию.

Дву-, три- или многодомье знакомы разным традиционным культурам, кочевым и оседлым. Вспомним о горных и долинных пристанищах (шале, сетерах, кутанах) пастухов и косарей при отгонном и близком к нему хозяйстве. Многие финно-угры и славяне летом жили в больших

селениях у рек, обрабатывая землю, а зимой – в рассеянных по лесам, порой за 300–500 км, охотничьих заимках. Сахалинские нивхи летний дом ставили у моря, где ловили рыбу, зимний – в укрытой от ветра тайге. Эти схемы лишены рекреационной компоненты и двудомны по-своему, адекватно до- и внегородской эпохе и среде. Позже к ним прибегали европейские колонисты в жарких странах. Так, семьи южан-плантаторов в США пережидали влажный зной муссонного лета на лесистых склонах Аппалачей, оставляя плантации и рабов управляющим. Летней столицей Британской Индии называли Шимлу, куда (в отроги Гималаев) уезжали из Дели чиновники.

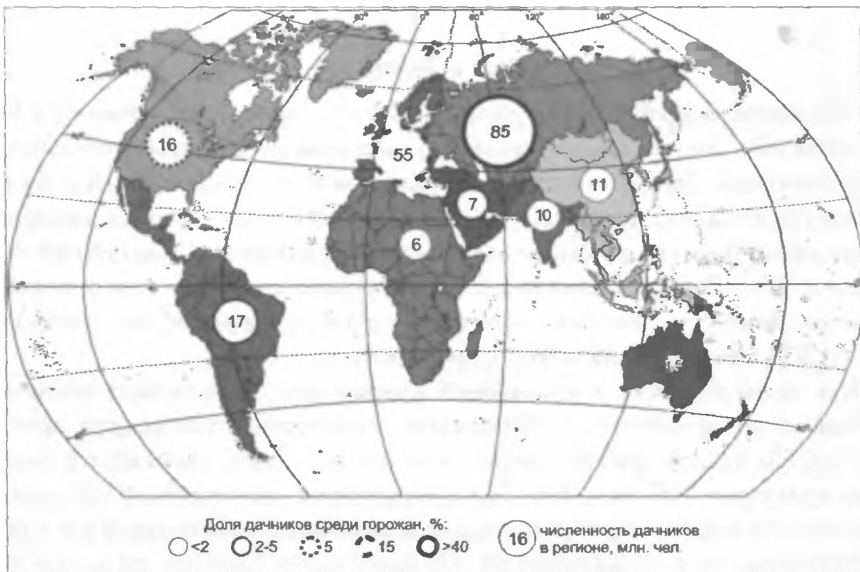

Рис. 1. Число дачников и их доля среди горожан по регионам мира (показанной разной интенсивностью заливки). По оценкам автора

Урбанизация, заметил как-то В.И. Переведенцев, невыносима без рекреации. Это знали римские патриции, чьи летние виллы тянулись по берегам, особенно тирренскому у Остии и Неаполя [Second Home..., 2013, р. 310]. При всей страсти римлян к неге досуга (лат. *otium*, антон. *negotium* – дела) они не сводили к ней функции своих дач и часто ехали из суетной столицы в латифундию, на ферму, чтобы заодно следить за работами. Столетия спустя так поступали помещики в Европе, не считая тех эпох, когда рента сводилась к дани, собиравшейся зимой (полюдьё на Руси, этакий военно-деловой туризм элиты).

Знаменитым античным дачником, сделавшим второй дом первым делом того, что теперь называют дауншифтингом, был император Диокле-тиан. В 305 г. н.э. он удалился из Рима в родную Иллирию (Салону, тепе-решний хорватский Сплит) и на просьбы вернуться отвечал, что ходатаи отстанут, если увидят его чудесную капусту. Отставные китайские чи-новники XV–XIX вв. действовали так же, приобретая усадьбы в Сучжоу (240 км от Нанкина). Ныне он славен как город-музей шелка и садово-паркового искусства благодаря хобби тех самых чиновных пенсионеров.

Итак, дача – феномен всемирно-исторический. Налицо его общечело-веческая суть, но притом и культурное многообразие. Дача прочно укорене-на в России. Зачем ссыльные декабристы строили в сибирской деревне дом, а неподалеку – вроде бы лишнюю дачу? Явно по привычке к летней перемене мест, к дачному бытию. Приводя этот факт, В.В. Шумилова [2013] заключает, что дача у нас – не просто второй дом, но символ: в XVIII в. – благоволения власти, в XIX – среднего класса, после 1917 г. – советской элитарности. С середины XX в. дача в СССР стала собирательным по-нятием и мечтой масс. На первый план в условиях дефицита продоволь-ствия вышла тогда ее подсобно-аграрная роль, чему посвящен самый из-вестный в постсоветском мире монумент на данную тему (рис. 2). А если эта роль неважна, дача все же остается: для тихого отдыха «на природе», творческой самореализации, в виде полезной инвестиции.

Рис. 2. Два образа «дачника-агрария».

Слева: памятник дачникам-огородникам у вокзала в г. Бердянске (Украина)

Справа: садовая скульптура из зелени

И снова: кто же такой дачник? Горожанин, временный селянин? Мест-ный или чужак, путник или домосед? Дауншифтер, как нечто среднее

между карьеристом и пофигистом, работяга или лодырь? Что тянет его к этой раздвоенной жизни? Вместе с теми факторами-аттракторами, которые принято считать объективными, на массовость и поведение дачников влияют традиции, менталитет, явные и неявные установки.

«Философия» дачной жизни

Мировоззрение, ценности, психология дачника чем-то отличаются от таковых у закоренелого горожанина или у сельского жителя, а шире – от философии оседлости и странничества, отшельничества и открытости. Анализ дачных ценностей можно вести по мотивам владения вторым временно обитаемым домом, выявляемым путем опросов при переписях жилья на Западе, но вполне универсальным (рис. 3). Они следующие:

1. Рекреационно-экологические, сопряженные с соответствующими качествами внегородской среды (или только с представлениями о ней).

2. Инвестиционные, хотя и не сводимые к дачной недвижимости (зато она доступна массе россиян благодаря многообразию ее классов и видов).

3. Пенсионные, рассчитанные на смену места и образа жизни в преклонные годы (с учетом интересов и потребностей наследников).

4. Своего рода остаточные, включая наследно-ностальгические, когда дача, хотя бы и редко используемая, – это былой отчий дом, малая родина.

5. Трудовые, связанные с ведением прежних занятий в иной среде либо с их сменой (аграрное, промысловое подспорье и др.), нередко в сочетании с мотивом № 1.

Рассмотрим основные дачные резоны по порядку. Среди прочего для нас важна их национальная и местная специфика, связь с удаленностью или близостью дачи.

Резон 1. Отдых, оздоровление, развлечение (отвлечение от городских ритмов, дел и т.п.). Удовлетворять эти запросы вообще-то можно в разных местах, в том числе без отрыва от города. Мэтр французской географии П. Клаваль [Second Home Tourism, 2013] считает дачи анти-экологичной, асоциальной и ненужной роскошью. Если раньше людей привлекал отдых и спорт на природе, то теперь в городе есть бассейны, фитнес-центры, тренажеры. Вывод: дача – архаичная прихоть богатей. Однако в России это и неверно, и не разделяется миллионами дачников.

Беседы с ними порой вскрывают парадоксы. Вот один жалуется, что дача далеко, осваивать участок трудно, леса рядом нет, купание не то... Но на вопрос «Так зачем?» искренне восклицает «Что вы, а воздух!». Дачу отличает от курорта, от коллективного туризма или спорта еще и возможность уединиться, побыть самим собой, расслабиться в поведении, одежде, питании.

Резон 2. Инвестиция. В ряде стран, включая нашу, дачи доступны разным слоям и кошелькам благодаря их разнообразию: от пригородного замка до дальнего сарая, все равно именуемого фазендой, виллой или бунгало – в меру фантазии хозяев. Инвестиции домохозяйств не ограничены дачной недвижимостью, но она считается сравнительно надежным и перспективным помещением средств. За ним тоже стоит «философия». Для одних это воплощение мечты о доме-крепости по-английски (рис. 4). У других амбиции скромнее, но не следует думать, что только из-за бедности. В иных богатых странах есть своя тяга к скромности (рис. 5). Кстати, инвестиционный резон чаще всего сочетается с другими, выводя его в общем зачете на второе место (см. рис. 3).

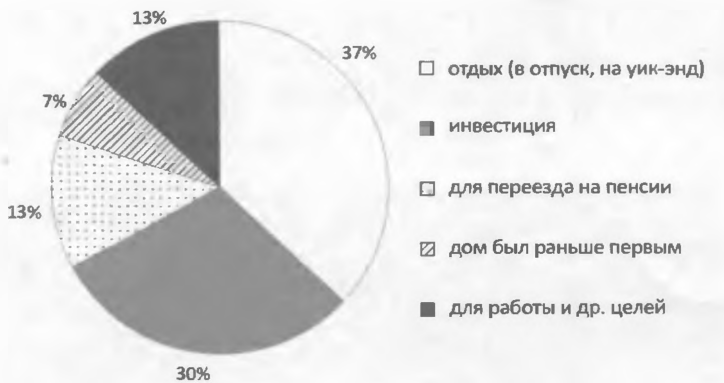

Рис. 3. Мотивы владельцев вторых жилищ, % к сумме указанных причин (респондент мог назвать несколько позиций)

Источник: по данным [English Housing Survey, 2010]

Резон 3. Переезд на постоянное место жительства в будущем: на пенсии, при дауншифтинге с тем или иным расчетом на детей и внуков, учетом их интересов и вкусов. Они могут оказаться утопичными, но дачным философам присущи романтизм и надежды на гармонию поколений. Стесненные жилищные и материальные в целом городские усло-

вия нередко ускоряют дачный исход и опрощение старшей генерации в пользу младших. Тому же способствуют конфликты между ними, когда они признаны и не разрешаются иным путем. В любом случае и почти в любом возрасте дача (как, впрочем, любая недвижимость) становится оплотом жизненной перспективы и некоторой, всегда относительной независимости.

Рис. 4. Дачная крепость в Подмоскowie

Рис. 5. Hytte (хижина, лачужка) в Норвегии

Резон 4. Наследно-ностальгический, «остаточный» мотив: представителям следующих поколений бывает просто жаль отчего гнезда (собственной малой родины). В заботе о нем они видят одновременно и долг, и удовольствие. Впрочем, не все и не всегда. Гнездо может стать полузаброшенным, мало или вовсе не используемым, что чревато его разрушением и утратой (рис. 6). Такие владения, порожденные процессами урбанизации, миграциями в направлении село-город и депопуляцией первого, хозяева могут посещать эпизодически – для надзора, ремонта, в порядке ностальгического туризма (roots tourism). Или, пока не поздно и есть спрос, продавать их на вторичном дачном рынке.

Рис. 6. Руины малой родины: пример бывшей дачи-ностальжи

Резон 5. Трудовой: ведение профессионального дела в иной среде либо его смена для развлечения, приработка, самоснабжения, самореализации, отдыха (тогда этот резон сближается с первым, рекреационным). Все возможно и в ином месте, но дача обычно предоставляет широкий выбор и потенциал чередования занятий (рис. 7). На этот выбор влияют национальные традиции. К примеру, наше подсобное земледелие и сбор

даров леса на Западе не так популярны, в отличие от охоты и рыбной ловли. Но и там «тяга к земле» людям не чужда, хотя часто реализуется в самом городе (немецкие *Kleingarten*, канадские и французские *jardins communautaires* и др.). В одном телеинтервью хозяин садика под эстакадой нью-йоркской надземки уверял, что может снабжать себя и соседей свежей зеленью, и сетовал, что в городе запрещены петухи, чей крик беспокоит жителей, а что поезда гремят день и ночь – неважно. Такие сады, по данному выше определению, не дачи, но к ним близки. Гордятся же домашними продуктами и заготовками, их реальным и мнимым качеством, чистотой и т.п. готовы представители разных культур.

Рис. 7. Примеры многообразия дачных занятий

Каждый резон (ценность) в отдельности нетрудно воплотить в другом, не-дачном русле, а вместе все резоны формируют устойчивую дачную модель бытия и мышления. Она есть у многих народов, однако вари-

аций так много, а признаки порой так размыты, что их нелегко отделить от смежных явлений и ментальностей. Этим и обыденностью феномена («лицом к лицу лица не увидать») можно объяснить, но не оправдать дефицит рефлексии и слабость науки о дачах.

Становление «дачеведения»

В XVIII в. тема терялась в усадебных пасторалях, в идеях отшельничества, возврата к природе по Ж.-Ж. Руссо, подхваченных затем в США Р.У. Эмерсоном, Г.Д. Торо. У нас Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин писали, что Москва пустеет летом, а зимой дворяне в нее съезжаются. Дальше беглых наблюдений дело не шло, но с 1960-х гг. в Европе заструился ручеек научных работ, судя по адресам пионеров – французских, британских, хотя важна и просто их доступность, известность [Трейвиш, 2014].

Франсуаза Крибье, социогеограф, позже геронтолог, заявила о буме вторых жилищ во Франции в 1966 г. [Cribier, 1966], когда считали, что их 0,3 млн (скорее, это число домов иностранцев; всех вторых жилищ тогда было втрое, а теперь на порядок больше). Вскоре в книге «Великая летняя миграция горожан во Франции: эссе по рекреационной географии» [1969] она отметила, что население Большого Парижа тает в августе на 4 млн чел. В книге освещалось расселение отпускников у моря, в горах, в субурбиях, в том числе в собственных вторых домах. Далее тему развили Б. Барбье, К. Терье, Ж.-М. Дзанинетти. Во Франции она всегда тяготела к географии туризма.

В Британии на подходы к ней заметно влияли экономика, социология, культурная антропология недвижимости [Bielckus et al., 1972], хотя у истоков тоже стояли географы. Джон Т. Коппок и Брайан С. Даффилд шли к дачеведению от агрогеографии, анализа отдыха и землепользования в Шотландии. В 1975 г. в Англии и США вышла их книга «Рекреация в сельской местности: пространственный анализ», а в 1977 г. – сборник «Вторые дома: проклятие или благословение?» [Coppock, Duffield, 1975; *Second Homes...*, 1977]. Вопрос так ставился часто: «новая жизнь или поцелуй смерти», «деревни-призраки», «дома не для местных». И ставится снова, когда рост вторых жилищ тревожит экологов, социологов, экономистов.

Но разве эти жилища дачные? Обычно – да. Дело в том, что на Западе, особенно англоязычном, вторым не считают дом, сданный внаем (ведь кому-то он уже первый), по разным причинам не посещаемый никем, дом-трейлер на колесах, клубное совладение или таймшер и вообще все,

что нельзя признать домохозяйством. Остаются в основном дома для отдыха и альтернативных занятий, по-нашему – дачи.

С 1970-х гг. они интересуют британских риэлторов, местные власти, студентов, ученых, чему способствует обилие университетов и локальных работ, в том числе в местах скопления дач (Корнуэлл, восток и север Англии, включая знаменитый Лейк Дистрикт, части Уэльса и Шотландии). Позже появились обзоры литературы. Те, что были найдены в Интернете целиком [The Impact..., 2005; Rapid Evidence..., 2008], охватывали примерно по 80 источников³⁵. Негусто за 30–40 лет, притом с работами по рынку жилья или по району в целом. В других ветвях социологии, демографии, географии их тысячи. Вряд ли хоть один крупный научный журнал постоянно пишет о дачах, трудно назвать автора, для которого эта тема главная. А все же налицо рост публикаций: в XXI в. обзоры нашли их уже больше, чем за весь XX в.

В США дачеведение проникло не позже 1970-х гг. [Coppock, Duffield, 1975; Payne et al., 1975]. Однако научный поток не выявить поиском в Google. Как и по поводу дач в России, всплывают реклама, предложения риэлторов. Авторов и труды по США, Канаде, Австралии легче искать через международные конференции и публикации [Multiple Dwelling..., 2006; Tourism, Mobility and Second Homes, 2004]. В 2010 г. по дачам была защищена географическая диссертация в Южной Африке [Hoogendoorn, 2010]. Об успехах других научных школ судить трудно. Судя по скромному личному опыту зарубежных поездок, бывает скромным и явление. Так, в современном Китае (вопреки истории Сучжоу) и Японии дач мало. Возможно, из-за тесноты и ценности земли в «рисовых культурах» или рестрикций в КНР. Зато у японцев в 2000-х гг. были популярны туры на русские дачи в Приморье, о чем сообщали СМИ, стали появляться дачи в самой Японии, возможно под влиянием соседей.

Россия – страна позднего освоения темы. Ее разработка начиналась до революции и надолго прервалась, хотя большевики подхватили дачную эстафету дворян и разночинцев. Модель двудомной жизни укоренилась в нашем контрастном климате и в образе жизни, обрела свойства массовой мечты о свободе, успехе, частной собственности. А молчание науки нарушалось лишь изредка, например, М.О. Хауке [1960]. Переход на два выходных дня в 1967 г. вызвал садоводческий бум вокруг городов, но не бум публикаций. Темы, как попутной, касались градоведение, рекреационная география, планировочные изыскания [Веденин и др., 1976;

³⁵ В одном обзоре названы еще 35 работ, о которых авторы знали, но которых не смогли получить.

Хромов, 1976; Щитова, 1979). Внимание к ней растет, и все же наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения.

Пока недостает сравнительного материала, трудно рассчитывать на всемирную типологию вторых жилищ, ведь типология вырастает из множества сравнений. Даже попарное сравнение встречается нечасто: Норвегия и США [Williams, Kaltенborn, 1999], Франция и Россия [Gesat, Ortat, 2007], но возникает само собой, когда о стране пишет зарубежный автор [Кошелева, 2009; Lovell, 2003; Traven, 2005]. Сравнений мало и в международных сборниках [Tourism..., 2004; Multiple Dwelling..., 2006 и др.], где статьи порой связаны слабо, давая разве что панораму явления и его анализа под тем или иным углом зрения, без обмена идеями и критикой. Это чревато недооценкой или переоценкой роли дач, их местной специфики, что вкупе с информационными и другими проблемами затрудняет выработку общих подходов и методов анализа.

Так, сборник о «втородомном туризме» в Европе [Second Home Tourism..., 2013] включает 12 статей 22 авторов о 10 странах. Есть статья о России [Nefedova, Pallot, 2013], но о ней одной из всех восточно-европейских стран и, как ни странно, нет о Германии, хотя авторов с материалом найти можно [Dijst et al., 2005]. Венчает сборник большое заключение-эссе П. Клаваля (pp. 309–326), упомянутого выше в роли критика дач, с очерком их истории в Европе, связей с идеалами и географическими представлениями. Указаны два факта, о которых пишут все: 1) трудность оценки числа вторых домов, их размещения и, тем не менее, 2) их явный рост в последние десятилетия. Автор заключает: «туризм второго дома» стал таким важным сектором, что ему уже нельзя позволить развиваться свободно; это источник социальной депривации, он создает экономику, чувствительную к колебаниям, портит ландшафты и среду обитания. Для баланса названы и позитивные эффекты, на которые обращают внимание другие авторы: рост местных рынков, налоговой базы, частичное возмещение утраченного человеческого капитала, его качественное улучшение³⁶.

Эссе Клаваля отчасти компенсирует нехватку компаративистики и обобщений. Тем не менее многие важные вопросы остались открытыми, барьеры – непреодоленными. Они начинаются с определения второго

³⁶ Скупку сельской недвижимости под дачи состоятельными горожанами англоязычные авторы называют деревенской джентрификацией (от gentry – мелкопоместные дворяне). Раньше так обозначали вторичное «облагораживание» городских кварталов, успевших побывать социальными и расовыми гетто.

дома и его отделения от первого, главного, отношения к смежным понятиям. Наряду с избытком типов и названий это затрудняет его выделение для научных и прикладных целей.

Зоран Рока в редакторском введении к тому же сборнику (р. 19–25) приводит 16 терминов-синонимов для дач. Их даже больше. Второй дом зовут сезонным, летним, отпускным, выходным, рекреационным, досуговым, пляжным, загородным (*vacation, holiday, weekend, leisure, beach house, Landsitz, casa de campo*). Есть слова-эндемики и космополиты: *дача* у нас и в ряде других языков; финские *mökki, kesämökki* (июньский домик) и *huvila* (вилла); *коттедж, хибара* (*cabin*), *особняк* (*mansion*), *бунгало, уикэндер* в англоговорящих странах, *château* и т.д. По-разному зовут или не зовут никак мобильность, связанную с этим домом. Так, у нас нет термина для того вида туризма, который звучит в ряде языков как резидентный (*residential*) или трактуется как миграция со сменой образа жизни (*lifestyle migration*). Оба подходят к русской дачной практике, хотя для русского слуха странноваты.

Определения, статистика, оценки

Не ставя задачу уточнения всей пестрой терминологии, попробуем прояснить соотношение категории второго жилья и его «родственников», способы их учета. Иначе не понять, что стоит за часто приводимыми в литературе цифрами.

Британский опыт освещен в обзоре [Oxley et al., 2008]. Приведены основные типы дефиниций: научных, статистических, принятых властями для налогообложения. Их сближает трактовка второго дома как не главного, занимаемого собственником и его семьей не постоянно, а, скажем, на время отдыха, досуга. Разночтения связаны с жильем, снятым и сданным внаем, выставленным на продажу, расположенным в том же поселении (ближе к месту работы) и др. Аналитики отделяют второй дом от курортного, из которого владелец лишь извлекает доход, и других домовладений. Но именно «второй дом» считают термином, обнимающим все прочие, от пляжной хижины до загородного замка [Tourism, Mobility and Second Homes, 2004].

У англичан (без жителей Шотландии, Уэльса, Ольстера) вторых домов 650 тысяч по данным обследования жилья с выборкой 15–20 тысяч владений на 2008–2009 гг. [English Housing Survey, 2010, р. 40–42]. Их гораздо меньше, чем семей, владеющих несколькими домами (1,8 млн). Дело в том, что в 69% случаев эти дома сданы кому-то для постоянного прожи-

вания, еще 10% пустуют из-за перепродажи или куплены для полувзрослого отпрыска на время его учебы, часто вскладчину. Остается 651 тыс. (2,9%) вторых домов-дач. Но в стране их 276 тыс., а 375 тыс. находятся вне ее, во Франции, Испании. В Англии – 240 тыс., 1% жилищ. Данных об их иностранных владельцах нет, и англичане выглядят дачными «нетто-импортерами». Они признают, что по дачам – далеко не лидеры, хотя некоторые авторы [Gallent, Mace, Tewdwr-Jones, 2005] считают оценки заниженными из-за более строгих критериев, чем в других странах.

Они и впрямь разные. Так, Национальный институт статистики Франции (INSEE) числит дом вторым, если он обитаем до 5 месяцев в году, но других жестких требований не выдвигает. И они вряд ли объясняют разрыв в оценках. В том же 2008 г. во Франции числилось свыше 3 млн «вакационных» и нерегулярно обитаемых домов, около 10% всех жилищ. Кстати, в обеих странах второго жилья немало в столицах, включая их самые престижные районы. Часть, возможно, относится к типу *pied-à-terre*, второго дома в городе. Часть – новые *hôtel particulier*, городские особняки французских аристократов, живших в основном в своих поместьях. Но чаще далеко не бедные люди ищут налоговых льгот на второй дом, называя таковым более дорогой столичный.

В США вторые дома – забота Бюро переписей, выявляющего их более полувека. В 1950 г. учитывались обитаемые сезонно, и их было более 1 млн (2,3% всего жилья), а в 2010 г. домов сезонно-рекреационного назначения и нерегулярного посещения стало 4,65 млн (3,5%). Как и в Англии, здесь не считают вторым дом, временно пустующий из-за смены собственника или арендатора, их переезда (с ними будет уже 8 млн). Можно еще добавить дома, которые владельцу трудно оценить как вторые или первые: до 2 млн [Housing..., 2010]. Но и тогда доля вторых домов составит только 5%.

На этом фоне дачная Россия – просто гигант. Ведь только садоводческих участков, коллективных или индивидуальных (ставших таковыми в ходе постсоветского распада кооперативов), которые подлежат регулярному учету наряду с приусадебными и отдельно регистрируемыми огородами, у нас 14 млн. Кроме того, на части огородов (их до 3 млн) в пик правил стоят не просто будки для инвентаря, а летние домики. Плюс классические старосоветские дачи и новорусские виллы «на природе», на курортах дома и за рубежом, унаследованные и купленные жителями больших городов в городках и на селе, которые посещаются в дачном режиме. А сведений о них почти нет. Учет жилья вообще, а второго особенно, у нас вообще поставлен плохо.

Положим, что вторых владений, кроме садовых, 3–6 млн. Тогда всего 17–20 млн, не менее 1/3 семей россиян и до ½ городских, имеют второй дачный дом (см. главы 3.2 и 3.3). Цифры, возможно, неточны, но в любом случае они на порядок больше, чем в странах, о которых шла речь выше. Россия (как ранее СССР) претендует на звание чемпиона мира в абсолютном и относительном зачетах. Соперница во втором зачете – Финляндия, где к 2012 г. значилось 493 тыс. дач-*mökki*, а 170 тыс. сельских домов формально пустовали, но, по оценкам экспертов, на 70% были обжиты как вторые. Вместе это около ¼ всех домовладений и 2/5 семей. Не исключено, что дача доступна даже каждой второй семье, если пользоваться ею могут друзья и родственники. Не очень отстают Португалия с ее 1,1 млн вторых домов по переписи жилья 2011 г., что соответствует трети семей. А вот у норвежцев вторых домов – максимум 450 тыс. на 2,2 млн домохозяйств [Second Home Tourism..., 2013, p. 165, 252, 286]. Но по массе второго жилья всем далеко до России.

Основные типы дачных районов

Места и ландшафты, где повышена абсолютная или относительная концентрация вторых домов, неодинаковы, что связано с генезисом, назначением домов и участков, режимом их посещения. Ниже представлен набросок типологии дачных ареалов на базе их европейского спектра [Трейвиш, 2014], достаточно широкого, чтобы быть универсальным.

Первый, рурально-периферийный тип рождает депопуляция, оставляющая дома их городским наследникам и покупателям. Охватываемые широкие зоны старого аграрного освоения, тип бывает почти повсеместным и рассеянным, как на севере Европы (у нас в Нечерноземье, в Финляндии). Велика доля дач в жилфонде, но не плотность размещения. Скопления возникают в наиболее живописных и доступных местах. На юге «дачеизацию» затрудняло аграрное перенаселение, но тип проникал и туда. В Португалии доля вторых домов выше в горах, покидаемых крестьянами, чем на побережье, куда они переезжают и где дач, как поселения и жилья вообще больше (рис. 8).

Второй тип – курортный, характерный для рекреационно-туристических гор и приморий, часто урбанизированных. Там дачи могут теснить санатории, отели, рестораны, инфраструктуру развлечений³⁷. На

³⁷ Обратная эволюция отмечается нечасто, в местностях вроде озерного края в Висконсине, сочетающих признаки ареалов первого и второго типа. Летние и зимние приюты для туристов, которые некогда содержали местные

курортах высока как плотность, так и удельный вес вторых домов. Это видно на картах Франции (рис. 8), где давно выделялись курорты Средиземноморья и западного побережья. К ним добавились Корсика, разрослись дачные ареалы Альп и Пиренеев. В стране представлены и другие типы. Примерами экспансии первого периферийного типа служит уплотнение второго жилья в Центральном Массиве («французской пустыне»), внутренних районах Бретани, в Нормандии. Есть во Франции и мощные ареалы третьего типа, характерного для субурбий.

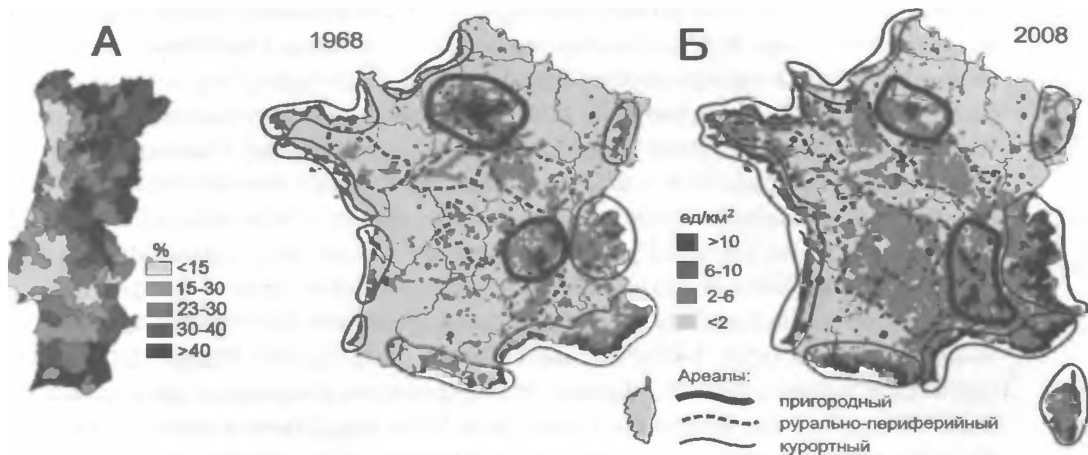

Рис. 8. Доля вторых домов в Португалии в 2001 г.

Динамика их плотности (А) и современные типы дачных ареалов во Франции (Б)

Источник: [Second Home Tourism in Europe, 2013, pp. 145, 260]

Пригородный тип выделяется по числу вторых домов при их невысокой доле, ведь это ареалы концентрации постоянного населения и основного жилья. Как и в случае с курортным типом, городская застройка, инфраструктура и т.д. приводят к вытеснению дачных массивов из ближайшего к ядру пояса. Но куда: в следующую зону удаленности или вовсе за рамки агломерации, в места, относящиеся к другим типам, заранее неясно. Действуют разные факторы: политика, экономические циклы, цены на недвижимость и перевозки. Автобаны, скоростные поезда,

жители, позже заняли дачники из агломераций Миннеаполиса–Сент-Пола и Чикаго. На их владения уже приходится половина всего жилья [Williams, Kaltborn, 1999].

дешевые авиарейсы, выравнивая доступность стран и регионов, расширяют рынки туристических услуг и второго жилья, а кризисы, налоги, бюрократические барьеры осложняют содержание последнего.

Три описанных типа можно считать главными, хотя география вторых жилищ ими не ограничена. Легко представить другие типы, такие, как исторические, запечатлевшие опыт и вкус прежних поколений. Примером служит средняя Луара с ее знаменитыми замками. В XIX в. она стала любимой зоной вторых домов парижских буржуа, которые унаследовали тягу феодалов к долине Луары. На рис. 8 она отнесена к глубинно-сельскому типу (до Парижа сотня километров), но скорее это некий переход между ним и пригородным типом или их комбинация. Подобные случаи нередки. Дачные края на Финском заливе у Санкт-Петербурга часто сочетают приметы пригородного и курортного типов, а лучшие места на Валдае и на Байкале – смесь курортного с периферийным. Участки самой живописной природы и более известные, престижные обычно выделяются на широком сельско-дачном фоне. Такие районы можно квалифицировать как подтипы, которые дифференцируют ландшафты главных типов.

Использованное в типологии соотношение плотности и доли дач «работает» и вне Европы. В США разница районов по этим признакам тоже велика. По доле (10–16%) выделялись такие штаты Новой Англии, как Мэн, Вермонт, Нью-Хэмпшир. А лидерами по обилию вторых домов были Флорида, Калифорния, Нью-Йорк [Housing Characteristics, 2010]. При средней по стране доле второго жилья в 3–10%, отдельные местности, где она достигает 40–50%, можно назвать именно дачными. Встречаются и такие, чаще всего из числа рурально-периферийных, где вторые дома резко преобладают.

* * *

Будущее дач – предмет дискуссионный. С одной стороны, обычно налицо их рост и географическое расширение. Но остаются скептики и критики. Тот же П. Клаваль связал идею втородомья с утопиями города-сада Э. Ховарда и просторного города (Broadacre City) Ф.Л. Райта, а по сути – с пригородным типом, где разница между первым и вторым домом зачастую стерта, их бывает трудно различить. Натуралистические утопии XIX–XX вв., пишет Клаваль, отмирают, однако в обществе потребления по-прежнему велико неравенство, в том числе дачное: людям с низким доходом дом и земля недоступны. Туристы и дачники вносят

немалую лепту в обострение экологических проблем. Следует вывод для политики: дачную экспансию нужно жестче контролировать и даже всячески сдерживать.

В науке нельзя без разномыслия, она обязана видеть явление в его сложности, противоречиях. И адекватно оценивать состояние знаний о нем, т. е. свое собственное. Каково же состояние того довольно молодого направления, которое мы кратко называем дачеведением? Оно развивается не как устоявшаяся дисциплина, а на стыке общественных и естественных наук, их разных отраслей: истории, географии, демографии, социологии, экологии, экономики, архитектуры и др. Поток публикаций у нас и за рубежом дробится поэтому на рукава, и за ним трудно следить. Но неполного знакомства хватает, чтобы признать российское отставание. А ведь мы должны были бы стать мировыми лидерами, учитывая социальный и пространственный масштаб самого феномена, значение дач в жизни ее граждан. Он рос и менялся на глазах исследователей множества других явлений, часто с их личным участием и... без внимания с их стороны.

Впрочем, это не редкость и не парадокс. Примелькавшийся «бытовой» объект не замечают, пока научный интерес к нему не войдет в традицию. Все же обидно, что мы не видим, так сказать, собственного носа, хотя за дачами стоит немалый рынок, в том числе информационно-прикладной – рекламный, риэлторский, строительный. А должны быть и массовые опросы (недешевые, но без них не уточнить даже размеры явления, обойденного статистикой), капитальные монографии, карты, справочники. Они могут появиться и уже появляются в России.

Глава 3.2

Дачи в России

Эволюция и типология

€

«Дача» для россиян – весьма распространенное и емкое понятие, включающее и само строение, притом в разных его архитектурных вариантах и правовых статусах, и прилегающий к нему участок земли, и различные типы его использования. Дачей называют и каменную виллу, и деревенскую избу, и сарайчик с раскладушкой. Она используется горожанами и для рекреации, и для снабжения семьи продуктами, а может рассматриваться и как вложение капитала. И все же это единый феномен, для которого нет другого термина, хотя в официальных документах слово «дача», как правило, отсутствует.

Об исследовании дач за рубежом говорилось в предыдущей главе. В России это тоже стыковое направление разных наук. Дачи изучаются при выявлении стадий урбанизации, при изучении разнообразия жилья горожан в сельской местности, их занятий, предпочтений, достатка, степени социальной дифференциации постсоветского общества. Жизнь на два, а порой и на три дома стала для многих особым стилем жизни. Изучение дач важно и с позиции продовольственного снабжения горожан, а шире – с точки зрения неформальной экономики, поскольку именно на своих крошечных участках в загородных домах в советское время и сейчас горожане могли реализовать многое из того, чего не позволяла регламентация жизни в городских квартирах. При полном отчуждении от собственности это была своеобразная «псевдособственность» – как советский культурный феномен [Хамфри, 2010, с. 213]. В постсоветское время собственность на землю и дома дачниками была оформлена (в отличие от многих сельских жителей), но фактор свободы творчества в устройстве жилья и участка продолжает играть немаловажную роль в популярности дач. Важно и выявление влияния дач на сельскую экономику

в целом, в т.ч. на появление новых видов занятости местного сельского населения, связанных с потребностями дачников.

В российской науке одним из первых обратил внимание на распространение дач вокруг Петербурга коллектив во главе с П.П. и В.П. Семеновыми-Тян-Шанскими [Россия. Полное географическое..., 1900]. Дачный бум вокруг Москвы на рубеже XIX и XX вв. отражен в книге М.О. Хауке (1960). Исследование дач развернулось на излете советской эпохи [Московский столичный регион, 1988; Лухманов, 1989; Петров, 1988; Родоман, 1993 и др.]. В 1990–2000-х гг. миграции горожан между городами и их дачами стали объектом специальных географических исследований [Филиппович, 1994; Бабурин и др., 2003; Нефедова, 2008, 2012; Махрова, 2006; Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2008; Овчинцева, 2012 и др.]. История российских дач и их значимость для горожан с XVII по начало XX в. рассмотрены О. Малиновой-Тзиафета [2013] и другими историками. Их философией и влиянием на городские и сельские сообщества в последнее время интересуются социологи [Покровский, 2014; Пип, 2016].

Можно считать, что формальное закрепление разделения города и деревни произошло в 1795 г., когда была введена Городская обывательская книга. Все, записанные в ней, получали право на жительство в данном городе. Однако часть населения и тогда жила и в городе, и в деревне. Дворяне зимой жили в городских домах, а летом в своих имениях. В городах стояли военные. Практиковался отход крестьян в города на заработки, порой, на длительные сроки. По некоторым оценкам, в XVIII в. в городах жили 50% лиц, не принадлежащих к городскому населению, в т.ч. из крестьянского сословия, а в деревне – до 10% лиц, не принадлежащих к крестьянству [Миронов, 1999, с. 296].

Жизнь на два дома (зимой в городе, летом на даче) характерна для России. У такой традиции глубокие корни. Образцы загородного житья горожан задавала элита, они передавались по принципу эстафет. Само слово *дача*, производное от «давать», так или иначе связано со служилым классом. Бояре и дворяне, проживая и работая в городе, выезжали в свои сельские вотчины и даваемые за службу ближние «кормления» для надзора за ними.

Дачи в XIX и в начале XX в.

Прототипом дач были дворянские усадьбы, многие и называли их дачами. Еще Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» вспоминает грибоедовскую Татьяну Юрьевну, которая

*«Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста.
А летом праздники на даче»*

После 1785 г., получив от Екатерины II освобождение от обязательной службы, дворяне стали разъезжаться по своим имениям, которых между столицами было множество. Дачи вокруг Москвы носили название «подмосковные» и раздавались в соответствии с чинами [Малинова-Тзиафета, 2013, с. 30–31].

В некоторых имениях с целью получения доходов специально выделялись и продавались участки под дачи, например, в имении графа Кейзерлинга в Саблино. Это тем более пользовалось популярностью у петербуржцев, что граф проложил еще и конку до своего имения [Митрофанов, 2013, с. 299]. Старые дачи-имения после революции использовались и для других целей. Например, в Саблино на месте дачи архитектора В.А. Липского до сих пор существует университетская станция, где студенты из Санкт-Петербурга проходят практику [Путешествие, кн. 2, 2015, с. 29–50].

После постройки железных дорог много дач появилось в окрестностях столиц и между ними. В XIX в. они становятся массовым явлением. Газеты в это время пишут о «дачном буме» и «великом дачном переселении», когда дачная жизнь стала доступной людям разного достатка.

Распространение дач в северной столице было связано еще и с тем, что при плохой канализации летом в городе становилось невыносимо из-за зловония [Малинова-Тзиафета, 2013]. Сначала петербуржцы выезжали на летний сезон в те места, которые позже вошли в состав современного города. Строительство новых железнодорожных станций способствовало расширению «дачной» географии, причем в зависимости от интересов и толщины кошелька разные слои населения облюбовывали «свои» дачные места. В поселке Сиверский в 2009 г. был открыт музей «Дачная столица», посвященный дачному быту разных эпох. При этом сам музей разместился в усадьбе конца XIX в., которая изначально была построена как дача немецкого художника и архитектора И.М. Гольмдофа [Путешествие ..., 2015, кн. 1, с. 188–205].

Дачи москвичей в XIX в. также начинались еще на территории современной Москвы. Так, в Петровско-Разумовском или в Останкино располагались элитные дачи, в которых снимали комнаты на лето постоянные клиенты. Однако со второй половины – конца XIX в. дачи начинают становиться атрибутом летней жизни и для населения более

скромного достатка. Так, в селе Всесвятском (ныне – район станций метро «Аэропорт» и «Сокол») после реформы 1861 г. земли стали распродавать и приспособлять под дачи, на которых предпочитали селиться семьи офицеров, служивших в летних военных лагерях на Ходынском поле. Трудно сейчас представить, но на месте многоэтажных домов и многочисленных торговых центров города Химки также были тихие и уютные дачи. «Спутник дачника...» характеризовал эту местность, как в высшей степени живописную и удобную для дачников с огромным сосновым лесом, прудом и речкой Химка, в которой дачники занимаются рыбной ловлей и купаются [1888]. Поселок Сходня на железной дороге, который сейчас входит в состав г. Химки, к началу XX в. также был популярным дачным местом:

«Здесь аккуратными прямоугольными кварталами были построены специально под дачи дома на 4–8 комнат с печами и всеми хозяйственными пристройками, конюшнями, сараями, погребями и пр., ценою от 200 до 600 руб. за лето... В двух верстах от ст. Сходня...людям небогатым и непряхотливым можно снять любую крестьянскую избу за очень дешевую цену» [Митрофанов, 2013, с. 108].

Как и под Петербургом, в окрестностях Москвы в конце XIX в. владельцы имений нарезали и распродавали землю под дачи. Так возник и дачный поселок Фирсановка в имении В.И. Фирсановой – владелицы сандуновских бань в Москве, который ныне вошел в административную черту Химок, и многие другие.

«Окрестности Москвы были прекрасны. Они постепенно обстраивались дачами, и эти деревянные дачи были летом поэтичны. Летом в Москве – духота, жара. Москвичи уезжали по железным дорогам на ближайшие от Москвы станции. Были излюбленные места: Кунцево, Перово, Царицыно, Пушкино, Перловка, и все новые места открывались москвичам. Понравилось Томилино по Рязанской железной дороге, и там, на приволье, в лесу близ речки строили дачи. И какие дачи! Из сосны, с резьбой, финтифлюшками... Эти дачи были как новые игрушки, выглядывающие из леса. Хорошо было жить на даче – как в раю» К. Коровин. «Лоботрясы» [Лаврентьева, 2011, с. 5].

«Дачный» бум был так стремителен, что с 1890-х по 1910-е гг., т.е. за 20 лет, число дачных поселков вокруг Москвы выросло в 6 раз, достигнув более чем 6 тыс. дач, куда в летний сезон переселялось около

40 тыс. чел. [Путешествие ..., кн. 1, 2015, с. 188–205]. Накануне 1917 г. общее число подмосковных дач достигло уже около 20 тысяч [Хауке, 1960], подавляющая их часть располагалась в пешей доступности от железнодорожных станций. Так, в Останкино насчитывалось 238 дач, в которых жило около 2 тыс. чел., а Химки при общей численности населения пристанционного поселка около 1,5 тыс. чел. летом за счет дачников вырастали до 5 тыс. чел.

Однако были и удаленные имения, в которых хозяева также жили в летнее время. Их нельзя отнести к массовым дачам в ближайших пригородах. Тем не менее для их богатых владельцев, представителей элиты того времени, это были тоже дачи. Например, Знаменское-Раек к югу от Торжка в 3 км от автотрассы, которое по современной терминологии можно назвать «дальней дачей», поскольку хозяева Глебовы-Стрешневы жили в Москве и имели еще и «ближнюю дачу» в Покровском (нынешнее Покровское-Стрешнево на северо-западе Москвы).

С конца XIX в. становится все больше дачников-разночинцев. Дачу обычно арендовали на лето, что обходилось дешевле, чем съём квартиры в городе (в это время большинство горожан не были собственниками квартир). Интеллигенция часто занималась на дачах и своим профессиональным делом. К началу XX в. количество дачников увеличивается и на значительном удалении от Москвы и Петербурга. Дачники на Валдае уже в XIX в. становятся настолько массовым явлением, что в валдайском Музее уездного города есть уникальный зал, им посвященный. При этом большая часть валдайских дачников до XX в. была все же из Петербурга.

«На лето много в город Валдай приезжает дачников. Квартиры, дрова, местные припасы не дороги. Климат на высотах Валдая чрезвычайно чистый, здоровый и приятный. Поклонная гора, Поповы горы и другие места доставляют приятные прогулки. Беспременно отчаливающие лодки с желающими прогуливаться на рисующихся среди озера островах свидетельствуют об удовольствиях загородного гуляния» [Дмитриев, 1839].

Известна «Академическая дача» им. И.Е. Репина к северу от Вышнего Волочка, расположенная на реке Мсте. В 1885 г. был возведен восьмигранный павильон, ставший центром ансамбля «Академической дачи», превратившейся в XX в. в творческую мастерскую художников. Сейчас «Академической дачей» называют окрестности этой творческой базы с близлежащими деревнями, в которых находятся дачи художников [Путешествие..., кн. 2, 2015, с. 173–174].

Дачи москвичей и петербуржцев в конце XIX – начале XX века
из книги Е. Лаврентьевой «Хорошо было жить на даче... Дачная и усадебная жизнь
в фотографиях и воспоминаниях». М.: Этерн, 2011

На обложке Дала Е.Т. Исидови
в Мартыновку на Новофертовский
дворец 1880-е гг.

Современные ближние дачи

*Деревянная дача 1960-х гг.
в ближнем Подмоскowie
с участком в 12 соток*

*Дача-вилла («замок») 1990-х гг.
в 20 км от МКАД*

*Домик с огородом на 6 сотках
в садовом товариществе
1960-х гг. в Подмоскowie*

*Дома постройки
1980—1990-х гг. в
садовом товариществе
Ленинградской области*

Современные среднеудаленные и дальние дачи

*Дача москвичей
в садоводческом товариществе
в Конаковском районе
Тверской области,
150 км от Москвы,
2—2,5 часа езды на машине*

*Дачно-деревенский дом
в Мантуровском
районе
Костромской области,
570 км от Москвы,
9 часов езды на машине*

Ландшафты, привлекающие московских дальних дачников

В 1920-х гг. состав дачников резко меняется. Многие имения и богатые дачи были сожжены или национализированы. Все больше становится служебных государственных дач, которые практически бесплатно получали на время или в пожизненное владение партийные функционеры, генералы, хозяйственники, ученые, писатели, артисты. В раннесоветский период обладание дачей было привилегией, хотя ее внешний вид жестко регламентировался. В отличие от усадьбы, дача не имела хозяйственных построек. Правда в середине века стали активно внедряться элементы собственности через куплю-продажу строений (земля прилагалась). Впоследствии многие из них были приватизированы³⁸. Однако тип государственных дач продолжает существовать для властной элиты, в т.ч. и для главных государственных деятелей.

В начале–середине XX в. типовым явлением была летняя аренда сельских домов (в просторечии тоже «дач»). Но это не позволяло вести свое хозяйство на земле. В 1949 г. было выпущено специальное постановление о коллективных садах и огородах с участками площадью до 6 соток. Вскоре они стали самым массовым видом владений дачного типа. Вторая волна садоводства в 1970-1980-х гг. связана с обострением продовольственной проблемы. В ход пошли карьеры, болота, полосы под высоковольтными линиями.

Официально раздаваемых земель все же не хватало. И горожане нашли свои пути экспансии в деревню. Им помогла сельская депопуляция Нечерноземья, обилие пустующих домов в деревнях. Сделки носили фиктивно-теневой характер: избу оформляли на местного жителя. В 1989 г. особым постановлением горожанам разрешили покупку сельских домов (но не земли). Дома и участки доставались городским детям еще и по наследству от деревенских родителей. Зоны дачного «расползания» Москвы и Петербурга сомкнулись и пересеклись на расстоянии 300–400 км от каждого центра (на юге Псковской и Новгородской областей).

³⁸ Разница между государственными дачами, которые «давали» отдельным выдающимся с точки зрения власти личностям, и частными классическими дачами состояла в том, что последние передавались по наследству, а не сдавались в аренду. Например, подмосковный поселок писателей Переделкино формировался в два этапа. По постановлению Совета народных комиссаров СССР «О строительстве дач для писателей» (1934 г.) было выделено 30 участков государственных дач. В 1952 г. распоряжение Совета Министров СССР «О предоставлении Союзу Советских писателей СССР права организовать дачно-строительный кооператив «Советский писатель»» разрешило выделить дополнительные земельные участки для строительства дач за счет собственных средств.

В конце века к прежним типам дач добавился новый — особняки (виллы, коттеджи).

Современные российские дачи имеют типологические черты дачных строений XX в., в большей степени его второй половины. Однако в зонах влияния обеих столиц до нашего времени можно увидеть и представителей дореволюционных дач, и разнообразные образцы начала XXI в. Типология современных российских дач может строиться по двум основным признакам [Нефедова, 2012в]:

- 1) эволюционно сложившимся видам дачных строений и размерам прилегаемых участков земли;
- 2) степени удаленности от столиц и больших городов, жители которых составляют большую часть дачников.

Разнообразие типов дач в России

Можно выделить четыре основных типа современных усадеб горожан [Нефедова, 2012в, 2015г] в сельской местности: классические дачи, дома в садовых товариществах, дома горожан в деревнях и особняки (коттеджи).

Классические деревянные двухэтажные дачи – самый старый тип. Они были и остаются феноменом пригородов крупнейших центров, прежде всего столичных. Массовое строительство таких дач на землях, выделяемых различными ведомствами, пришлось на 1950–1960-е гг. При них всегда были немалые участки (12–20 соток), но их сельскохозяйственное использование, нарастая с 1950–1970-х гг., особенно интенсивным не было. Многие из них вошли в черту городов. Статистика не относит такие дачные массивы к категории сельскохозяйственных земель и точно не знает их общей площади.

Дома в садовых товариществах (в просторечии – сады) – самый массовый вид агрорекреационного землепользования, развившийся после войны и ставший символом окраин и окрестностей любого города. В 1950 г. в садоводческих кооперативах числилось 40 тыс. членов, в 1970 – 3 млн. К 1990 г. садовые участки имели 8,5 млн. семей, к концу 2000-х гг. – около 14 млн семей (почти 40% горожан и почти столько же, сколько домохозяйств сельских жителей). На таких участках возникали убогие строения, размер которых строго контролировался. Переход в 1967–1969 гг. на два выходных дня заставил власти смягчить нормы домостроительства на садовых участках. Но вокруг городов уже возникли массивы полудомов-полусараев, «трущобные свехгорода», по выраже-

нию Б.Б. Родомана [1993], без удобств, пожароопасные и антисанитарные. Правда, дома в новых садовых товариществах, возникших уже в 1990 гг., мало отличаются от дачных.

Помимо садовых раздавались крошечные (2–3 сотки) участки под огороды. На них не разрешались жилые постройки, а земля, в отличие от приусадебной, дачной и садовой, не давалась в собственность. Поэтому они были менее популярны, чем дачи. Чаще их обрабатывали жители малых и средних городов. Однако в последние годы и на этих участках стали появляться дачные строения. Многие дачные, садовые массивы образуют по сути дела особые поселения, не имеющие определенного статуса (см. главу 3.5).

В 1990-х гг. после изменений в земельном законодательстве многие садоводческие кооперативы распались на участки, и статистики называют их теперь «коллективными и индивидуальными садами». Они образовали около 80 тыс. некоммерческих объединений горожан, из них 73 тыс. – садоводческие, 5,5 тыс. – огороднические и 1 тыс. – дачные (см. подробнее о садовых товариществах в главе 3.3). Их внешний вид тоже меняется. Даже в старых товариществах все больше добротных деревянных и каменных домов. Зато сельскохозяйственная составляющая убавилась, хотя и не везде одинаково. Производили они, по данным сельскохозяйственной переписи 2006 г., 12% всех овощей, 21% плодов и 37% ягод. Под Москвой большая часть садовых и особенно дачных участков занята газонами и цветами. Но уже рядом, во Владимирской области, половину участка занимают картофель, овощи и многолетники, а южнее их доля достигает 70–80%.

Сельские дома, унаследованные или купленные горожанами в деревне (иногда в малом городе) – третий тип российских дач, распространяющийся все шире. Сколько их, установить крайне сложно. Их не учитывает сельскохозяйственная перепись, поэтому статистики нет. Для их изучения нужны детальные обследования поселений³⁹.

В постсоветское время дачи и земля стали покупаться, причем стоимость старого деревянного дачного дома в пригородах свелась к минимуму, а наибольшую цену приобрела земля. На большом удалении от крупных городов, наоборот, покупаются дома, а земля почти не имеет цены. В целом разброс цен на дачи вблизи столиц, в особо престижных местах, с одной стороны, и в удаленных районах, с другой, достиг сотен и тысяч раз. Это явное следствие сильной имущественной и социальной поляризации населения. Однако пространственная ценовая дифферен-

³⁹ См. главы 3.7, 3.8 и 3.9 о дальних дачах.

циация позволила сохранить и даже усилить дачные традиции. Дачи стали доступны горожанам с разным уровнем достатка. Это привело и к усилению разнообразия дачных строений, которые отражают социально-экономические и географические контрасты общества.

Особняки, виллы или коттеджи⁴⁰ – четвертый, новейший вид дач, характерный больше для пригородов. В 1990-е гг. их помпезный вид, резкий контраст с окружением наводили на мысли о пробелах в культуре. Похоже, «новые русские» желали восполнить отсутствие феодальных замков в России. Их можно воспринимать и как ответ на длительный прессинг советской уравниловки, открывшуюся возможность сообщить обществу: «смотрите, чего я достиг» и в то же время отгородиться от окружения высоким забором. Правда, в последние годы коттеджи стали скромнее, особенно в провинции. По уровню комфорта они не уступают городским домам и single family houses западных пригородов. Однако есть основания считать их все же не первым, а вторым жильем: владельцы часто сохраняют квартиру и прописку в крупном городе, используя особняки в качестве тех же дач. Их строят в дачных поселках или группируют в особые коттеджные поселки часто с нарушением строительных и экологических норм.

В последние годы появилась еще одна разновидность собственности горожан в деревне, которую условно можно назвать *«поместьем»*. К сельскому дому с участком некоторым горожанам удается прирезать обширный кусок заброшенных земель или леса, т. е. отгородиться не столько забором, сколько пространством.

В образе жизни дачников произошли существенные трансформации [Путешествие ..., кн. 1, 2015, с. 188–205]. Сто лет назад дачный отдых и петербуржцев, и москвичей включал прогулки по окрестностям, катание на лодках и лошадях, пикники, купание, охоту, рыбалку и другие приятные занятия. В домах и беседках слушали граммофон, танцевали, играли в карты и домино; популярностью пользовались «дачные театры» и «дачные балы». Все необходимое покупалось у местных жителей в лавках или разносилось торговцами с утра до вечера.

В раннесоветский период новая элита вновь возрождает дачные традиции, связанные с приятным проведением времени на природе. И даже в 1950-х – начале 1960-х гг., в период детства автора раздела, когда классических ведомственных дач было мало, и они все еще оставались при-

⁴⁰ Коттедж – английское слово, и на родине оно означает небольшой домик, в отличие от российского понимания коттеджа как, в основном, каменного 2–3-этажного дома.

знаком элитарности, в ближайшем Подмоскowie сохранялись еловые и сосновые леса с грибами, слепящие цветущими ромашками луга, почти девственные террасы и поймы многочисленных речек. Каждые выходные приезжали из Москвы гости, и все шли на пляж купаться и загорать. А в остальные дни дети и молодежь, проводящие на дачах лето, собирались на общем дачном пятачке для массовых игр, а вечером – на танцы. И заборы были низкие из редкого штакетника, и большая часть улиц в дачных поселках представляла собой просто тропинки среди травы. Хотя уже появлялись сельскохозяйственные заботы (грядки с клубникой и незабываемые клубничные пенки с белым хлебом).

Все резко меняется, начиная со времен хрущевской «оттепели». С массовым распространением садоводства происходит рост аграрной составляющей в образе жизни и занятиях дачников. Это было обусловлено и законодательно – садовые участки, которые начали массово раздавать, люди были обязаны использовать для производства сельскохозяйственной продукции. Это подстегивалось постоянным продовольственным дефицитом. Кроме того, число самих дачников быстро увеличивалось и многие из недавних горожан, сохранивших ментальность сельских жителей в результате быстрой урбанизации, тянулись к земле.

В начале 1990-х гг. из-за острого дефицита продовольствия и резкого падения уровня жизни посадки картошки, овощей на дачах, как и в личных подсобных хозяйствах сельских жителей, расширились. Однако уже к середине 1990-х гг. и, особенно, в 2000-х массовое сельскохозяйственное производство на дачах постепенно уступает место рекреации. Хотя многое зависит от уровня жизни и менталитета их владельцев.

С обслуживанием многочисленной армии дачников связан бурный рост торговли продуктами и стройматериалами как вдоль дорог, так и в подмосковных городах и поселках. Местные жители, если они еще остались в «дачных» поселениях, так же, как и гастарбайтеры, вовлечены в их обслуживание (работа сторожами, садовниками, помощниками по ведению хозяйства, помощь в ремонте дома, продажа дачникам овощей, реже – молока и мяса).

По степени удаленности от городов можно выделить пригородные (ближние) и дальние дачи. Последние соответствуют периферийно-руральному типу, представленному чаще домами, купленными, унаследованными или построенными в деревнях, и курортному типу (по терминологии главы 3.1). Однако обилие специфических для России садово-дачных товариществ, давно уже вышедших за пределы Московской и Петербургской агломераций на расстояния до 250–300 км, заставляет говорить о

переходном типе среднеудаленных дач [Нефедова, 2012в, 2013а]. Граница между типами размывта, но их функции и роль горожан в сельской местности различаются.

Подробно эти три типа дач будут рассмотрены в следующих главах книги, здесь же наметим лишь их наиболее яркие черты.

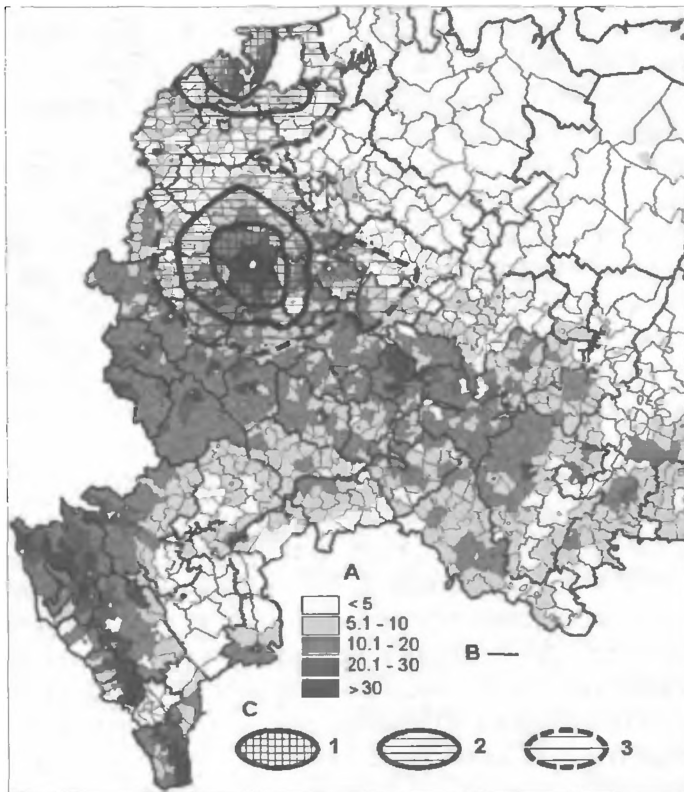

Рис. 1. Зоны дачной экспансии Москвы и Санкт-Петербурга

А – плотность сельского населения по муниципальным районам, человек/кв. км,
Б – типы дач москвичей и петербуржцев: 1 – ближние, 2 – среднеудаленные,
3 – дальние. По оценкам автора

Ближние дачи

Максимальных показателей плотность дачников достигает в пригородах (пригородным домам горожан посвящена глава 3.4). Например, в Московской области можно встретить все типы дач, но ближе к городу

преобладают старые классические дачи и коттеджи, а в более удаленных районах Московской области – садоводческие объединения. По данным земельной статистики, москвичам в 2000-х гг. принадлежало 36% земельных владений в Московской области [Махрова и др., 2008, с. 66]. Немного меньше – владения жителей 80-ти городов Подмосковья. То есть фактически идет вытеснение сельского населения и сельского образа жизни как такового, хотя плотность сельского населения на фоне других регионов России здесь велика (от 60–70 чел./км² в ближайших к Москве районах до 10–20 – на окраинах).

Наши неоднократные визуальные обследования в северном секторе Подмосковья на расстоянии 20–30 км от Москвы в будние дни показали, что большая часть коттеджей используется почти так же, как и окружающие старые классические дачи или дома в садоводческих поселениях. По сути, они служат преимущественно вторым жильем для отдыха и посещения в выходные дни. Однако доля зимующих на дачах и в коттеджах из года в год растет. Например, в старом дачном поселке москвичей, вошедшем недавно в черту г. Королева, зимует треть домовладельцев-москвичей (в начале 2000-х их было менее четверти). И не столько в благоустроенных домах, выросших в поселке недавно, сколько в утепленных старых дачках, поскольку проводят зиму в Подмосковье в основном пенсионеры, которые оставили московскую квартиру детям или сдали ее в аренду.

В том же поселке с дачами, построенными в 1950–1960-е гг., к 2012 г. около трети строений составляли новые дома коттеджного типа. В основном это связано со сменой хозяев. То же происходит и в ближайших деревнях, где более 2/3 домовладельцев – это либо дети местных жителей, которые давно переехали в Москву и используют дома как дачи, либо купившие дома москвичи. Однако доля двух-трех-четырёхэтажных каменных домов в самих деревнях меньше, чем в дачных поселках – около четверти. Это связано с тем, что смена населения в деревнях и реновация домов началась в ближайшем Подмосковье раньше, еще до 1990 г. Коттеджные поселки или целые улицы коттеджных домов, как правило, окаймляют деревни.

Застраиваются новенькими коттеджами и ближайшие к городам сельскохозяйственные земли. В 1990-х гг. коттеджные поселки окружали поля по краям, а в 2000-х гг. коттеджное строительство стало захватывать целые поля, наступать на леса и поймы рек до самого уреза воды. В 2010 г. 92% операций по смене категории земель в Московской области пришлось на перевод сельскохозяйственных земель в другую категорию, в основном под строительство [Гусева, 2012].

Хотя ближние дачи и расположены удобно (по критерию удаленности от города), но они становятся все менее удобными по целому ряду других факторов. Природные ландшафты вытесняются постройками, дачные поселки, переходя один в другой, занимают огромные площади, отдаляя остатки лесов и часто делая недоступными подходы к рекам. Неприятны сильная уплотненность застройки, загазованность дорог. Резко ухудшилась доступность второго жилья из-за постоянных пробок на дорогах, что сильно ограничивает ежедневные поездки на работу. Социальное смещение населения усиливает социальные контрасты и соседские конфликты. При небольших участках это вызывает эффект перенаселенности, в городской квартире ощущение изолированности от окружения ощущается уже более явно, чем на даче.

Сами дачники вблизи городов отгорожены от сельского населения и физически (высокими заборами), и психологически (практически не общаются с местными жителями). Для строительства и ремонта приглашаются работники из других регионов России или из стран СНГ⁴¹ или сотрудники специальных фирм из Москвы или Петербурга. Практически нет контактов и с местными властями (разве что у руководителей дачных кооперативов), которые считают, что от такой концентрации горожан – лишь дополнительные хлопоты. Тем не менее экономический вклад дачников все же ощущается, и в налоговых поступлениях, и в бурном росте торговли продуктами и стройматериалами, причем не только в населенных пунктах, но и на основных трассах.

Среднеудаленные дачи

Среднеудаленные дачи находятся на расстоянии 250–300 км от Москвы и по большей части принадлежат жителям крупных городов. На таком же удалении от мегаполисов можно встретить и коттеджные поселки, построенные на Волге, Оке и Валдае, но гораздо чаще – садовые товарищества или дома в деревнях Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской областей. Чем дальше от Москвы находятся дачи, тем меньше доля организованных садоводческих поселений и тем больше домов, купленных или унаследованных горожанами в деревнях. Отношения горожан с местными жителями здесь

⁴¹ В Подмосковье все больше граждан из Центральной Азии, которые ходят по дачным поселкам и предлагают работу. Есть и специальные рынки гастарбайтеров, например, такой рынок долго существовал рядом с Ярославским шоссе сразу за МКАД.

более тесные, но по мере увеличения числа дачников и уменьшения количества сельских жителей эти связи ослабевают. Недостаток средств для обслуживания горожан в летний период (включая уборку мусора) стал ключевой проблемой местных муниципалитетов, поскольку выделяемые финансы рассчитаны только на покрытие нужд местного населения. Слово «понаехали» имеет тут совсем иной смысл, чем в столице. Местные власти стали придерживать землю, а среди дачников цена на нее растет.

Например, Петушинский район Владимирской области начинается на 95 км от Москвы, примерно столько же составляет расстояние до Владимира. Всего в районе в конце 2000-х гг. было 140 садоводческих товариществ москвичей и жителей городов Московской области (в некоторых до 100–200 участков) при 150 сельских населенных пунктах, в части которых осталось несколько бабушек. В таких деревнях тоже есть московские дачники, а владимирские сюда не добираются. И хотя в 2000-х гг. здесь действовал договор с ГУП Москвы (район предоставлял землю и коммуникации для садовых участков москвичей, а Москва – мусоровозы, автобусы, машины скорой помощи), власти района считают, что от горожан он должен получать больше в виде земельного и экологического налогов.

Более ранние (в конце 1990-х гг.) обследования пограничного с Московской областью Переславского района в Ярославской области показали, что количество дачников в деревнях и их состав зависят не только от природной привлекательности места, но и от его географического положения. Например, в сельском поселении, примыкающем к г. Переславлю-Залесскому с юга, из 1,6 тыс. домовладельцев местных было только 363 человека, то есть около 1/5. Еще 80 домов купили недавние переселенцы. То есть постоянно в селах было прописано чуть больше четверти от общего числа владельцев домов. Остальные – дачники-горожане. Из них москвичей около 400, 100 – из подмосковных городов. Еще 665 хозяев имели прописку в г. Переславлe и получили сельский дом по наследству. На западе района в поселении, расположенном вдоль одной из двух магистралей, связывающих его с Москвой, влияние районного центра почти не сказывалось: там всего 10 домовладельцев, имеющих регистрацию в Переславлe, на 300 местных и столько же москвичей и жителей Подмоскoвья.

В Вяземском районе Смоленской области (он является соседом Московской области второго порядка), удаленном уже более чем на 200 км, расположено 26 московских садоводческих товариществ и множество дач в деревнях, особенно на живописных берегах реки Вязьмы.

Примыкающие к Московской области Боровский, Жуковский и Тарусский районы Калужской области – старая и известная дачная зона

Москвы. И даже в Медынском районе, который, как и Вяземский, является соседом не первого, а второго порядка Московской области и удален от столицы более чем на 150 км, концентрируется множество московских дачников. Население летом, по словам сотрудников администрации, увеличивается в 4–5 раз. Только московских садовых товариществ здесь 18, а сколько москвичей купили дома в деревнях, неизвестно. Кстати, в одной из деревень здесь располагалась дача Лужкова, что стимулировало его создать в районе в период его правления на бюджетные деньги Москвы мощный агрохолдинг «МосМедыньагропром» [Нефедова, 2013].

Современные среднеудаленные дачи между столицами встречаются и в районах, прилегающих к столичным областям с внешней стороны на трассе М10 и по железной дороге. При плотности прописанного населения в Конаковском районе 9,7 чел./км², а в Чудовском – 2,8 чел./км², общая населенность этих районов в летний сезон благодаря дачникам увеличивается в 2–3 раза. Здесь расположены десятки садоводческих товариществ москвичей или петербуржцев. Так, в Конаковском районе Тверской области расположено 134 СНТ с 30 тысячами владельцев. Многие участки недалеко от Волги, выданные в советские годы предприятиями г. Конаково своим жителям (150 км от Москвы), были перекуплены москвичами [Путешествие ..., 2015, кн. 2, с. 235–254]. Кроме того, рядом с национальным парком «Завидово», в котором расположена правительственная резиденция, там, где автодорога пересекает Волгу, множатся коттеджные поселки. По берегам Волги и Шоши и прежде было много домов отдыха и санаториев. Теперь здесь строится новый поселок «Большое Завидово», занимающий 2 тыс. га, с гостиничным комплексом, яхт- и гольф-клубами и коттеджами на разные вкусы и кошельки [Путешествие ..., 2015, кн. 2, с. 235–254]. На побережье Волги к востоку от трассы (120 км от Москвы) на протяжении 20 км почти сплошной полосой стоят коттеджи, принадлежащие преимущественно москвичам, отодвинув скромные садовые товарищества от воды за автодорогу Завидово–Конаково.

Дальние дачи

Из-за повышенной концентрации горожан в пригородах и высоких цен на землю все большее значение в последние годы приобретали дальние дачи. Продолжающаяся урбанизация лишь способствует сезонной экспансии горожан в деревню: молодежь оттуда уезжает, старики умирают, а дома продаются горожанам. Скученность и небольшая площадь участков в садовых и дачных товариществах подталкивают горожан, осо-

бенно жителей крупных центров, к поиску более спокойных мест отдыха. В условиях продолжительной депопуляции сельского Нечерноземья, чем дальше от мегаполисов, тем дешевле пустые дома в деревнях.

Дальние дачи расположены в 300–700 км от города и принадлежат чаще всего жителям крупнейших центров, прежде всего Москвы и С.-Петербурга (см. подробнее в главах 3.7 и 3.8). Такими дачами с видом на будущее место жительства интересуются и северяне [Аверкиева, 2014а]. Особенно много дальних дач между Москвой и Петербургом (что является давней традицией [Путешествие ..., кн. 1, 2015, с. 188–205]), а также к северу и северо-востоку от Москвы. В некоторых живописных местах на берегах рек и озер на периферии регионов даже на большом удалении от Москвы дачники могут летом составлять от 30 до 90% населения деревень.

В отличие от дачников в пригородах, в глубинке жители крупных городов чувствуют себя своеобразной диаспорой и стараются поддерживать друг друга. Появляются новые неформальные центры социальной жизни, тяготеющие к небольшим деревням, как правило, с наиболее активными дачниками. Дачники способствуют созданию новой социальной среды и зарождению элементов малого бизнеса. Это важно для повышения занятости местного населения и удержания молодежи. И все же перспективы массовой дачной миграции москвичей в деревню туманны, особенно в связи с предполагаемым ростом налогов на землю. Пока очевидно, что владельцами дальних и среднеудаленных дач становятся люди в более преклонном возрасте.

Дальним дачам горожан в Костромской и Псковской областях и их перспективам посвящена специальная глава. Здесь же отметим, что эта растущая потребность в дальней даче со стороны горожан, а не восстановление огромных площадей распахки в тайге или прочие грандиозные проекты в обезлюдевших местах, с большей вероятностью могут спасти небольшие деревни.

Для вездесущих москвичей не страшны любые расстояния, особенно, если есть желание приобрести или построить дачу в курортных районах: на Кавказе, в Крыму, на Селигере – им посвящена отдельная глава. Отмечены московские дачники, наряду с иркутянами, даже на Байкале. А неспособность россиян за границей в этой книге мы не рассматривали, хотя такие дачи, в т.ч. с прицелом на доход от сдачи в аренду или на убежище «в случае чего» в Болгарии, Черногории, Хорватии, Греции, на Кипре, Лазурном берегу Франции, в Финляндии, в странах Балтии и т.д., все более популярны у состоятельного населения.

* * *

Дача как собирательное понятие и воплощение русской мечты не есть продукт какой-то особой ментальности россиян. Это результат вписывания близкой всем народам тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в конкретные исторические и географические условия России.

Чем ближе к крупным городам, тем больше сельские дома, деревни, да и вся сельская местность теряют свой первозданный облик из-за вкраплений и даже целых кварталов инородных домов и инородной жизни, и тем больше дачники и местные жители отгораживаются друг от друга. Однако в глубинных сильно депопулировавших деревнях дачники хотя и приводят к смене культурного слоя, но порой являются единственным шансом спасения этих деревень от полного опустошения, предотвращая тотальное сжатие освоенного пространства⁴².

В пригородах можно говорить о первых признаках постиндустриального сервисного развития сельской местности при всей ее российской специфике: высочайшей плотности ближних дач, сохранении сельскохозяйственных предприятий, восстановлении в 2000-х гг. промышленности и т.п. В коттеджных поселках многие живут круглый год, особенно недалеко от Москвы. На некоторых утепленных дачах пенсионеры также остаются зимовать, часто сдавая в аренду московскую квартиру или оставляя ее детям. Однако выявить число переехавших в сельскую местность невозможно, поскольку все они прописаны в Москве.

Среднеудаленные и дальние дачи используются, в подавляющем большинстве, сезонно. При сильном «дачном давлении» в теплое время года деревня оказалась не готова к приему большого потока горожан. И хотя сельское хозяйство и промышленность в удаленных от столиц районах зачастую в большем упадке, чем в пригородах, развитие сервисных функций не стимулируется притоком дачников. Местные власти, воспитанные на идеологии промышленно-сельскохозяйственного развития села, обычно не видят перспектив района, связанных с его дачным переосвоением, хотя другие виды рекреации, включая организованный туризм, часто включаются в программы развития районов. Там, где историко-культурный и экологически ориентированный туризм сочетается с массовым дачным освоением, например, на Валдае, это становится важным фактором развития. Недаром во время интервью автора с пред-

⁴² См.: Угорский проект. Публикации. 2007–2012 www.ugory.ru

ставителем администрации Валдайского района прозвучала такая фраза: «Валдай спасут пенсионеры из мегаполисов».

Существует несколько причин, по которым у нас дачная традиция так и не сменилась характерным для Запада переездом горожан в пригороды или удаленные районы на постоянное место жительства, т. е. процессами субурбанизации и дезурбанизации. Институт регистрации и боязнь потерять прописку в Москве или в Петербурге служит существенным тормозом, в том числе и потому, что возвращение становится невозможным из-за заоблачных цен на недвижимость в столицах. Игнорирование властями реальной численности и перемещений населения приводят к несоответствию им дорожной инфраструктуры, к постоянным пробкам на выездах из городов и в пригородах. Строительство платных автодорог, как и ввод «Сапсана», связывает лишь крупные центры, но не сильно помогает местным жителям и дачникам. Сказывается и низкая обеспеченность сельской местности социальной инфраструктурой, и слабое развитие сервисных услуг, заставляющее людей «держаться» за город. Ведь жизнь только своим домом не ограничивается. Надо иметь возможность лечиться, давать детям хорошее образование, без проблем добираться до работы, магазина, где-то проводить досуг и т.п.

Суровый климат Нечерноземья требует гораздо больших вложений в загородные дома для проживания зимой, чем на территориях с более мягким климатом. Превращение садовых и дачных деревянных строений в дома, пригодные для постоянного проживания, трудоемко или очень дорого, а прослойка тех, кто может позволить себе строительство новых домов и их полное обустройство, невелика.

Да и само массовое распространение сезонной «дачной субурбанизации» тормозит реальную субурбанизацию и дезурбанизацию в России. Территории, «усеянные» дачниками не только вокруг крупных городов, но и на значительном удалении от них, тому яркий пример.

Глава 3.3

Методы изучения дач и результаты их применения

В России, несмотря на распространенность дач, отдельным объектом мониторинга статистических служб они не стали. Справедливости ради стоит отметить, что и в зарубежных исследованиях существуют проблемы с оценкой числа вторых домов и выделения из них собственно дач [Тревиш, 2014], что связано и с неоднозначностью отнесения владений к дачным, и с дефицитом статистики.

Для понимания масштабов распространения дач и по России в целом, и по ее отдельным территориям в условиях отсутствия регулярной статистической информации могут быть использованы разные источники информации, которые могут быть сведены к условно прямым и косвенным методам (табл. 1).

Среди них своей масштабностью или территориальным охватом выделяются периодические выборочные опросы, проводимые социологическими и статистическими службами (ФОМнибус, ВЦИОМ, Росстат и др.), разовые массовые обследования, такие, как сельскохозяйственная перепись 2006 г., и дешифрирование космических снимков, которые позволяют определить количество дачных участков и специфику их размещения. В данной главе будет сделан анализ возможностей использования именно этих источников информации, которые позволяют оценить дачные владения россиян на уровне всей страны, а также провести межрегиональные сравнения. Особенности применения различных подходов к оценке дачных владений на уровне отдельных регионов и муниципалитетов будут рассмотрены в главах 3.4–3.9 на примере Московской, Ленинградской, Тульской, Костромской, Псковской областей.

Таблица 1. Информационные источники для оценки количества дач и дачников

Условно прямые методы	Косвенные методы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Данные сельскохозяйственной переписи (информация о количестве садово-некоммерческих товариществ разных типов и о характере использования земель) 2. Социологические опросы 3. Реестры дачников, создаваемых по инициативе муниципальных и региональных властей 4. Состояние и использование земель садово-дачных образований Союз садоводов России и его региональных отделений 5. Динамика площадей земель, занятых садами и огородами 6. Данные о временной регистрации 7. Учет количества сделок купли/продажи и аренды дач 8. Данные Росреестра о количестве СНТ и числе участков в них (по числу поставленных на налоговый учет «дачных» владений) 9. Данные риэлторских и дивелоперских компаний 10. Подворовой обход 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Космические снимки (локализация и число поселков, количество участков) 2. Данные об объемах пассажиропотоков (по числу проданных билетов в пригородном сообщении) – оцениваются сезонные различия в объеме пассажиропотоков 3. Данные о локализации активности в сетях мобильной связи в рабочие и выходные дни, позволяющие оценить текущее местонахождение людей 4. Данные о сезонных колебаниях объема товарооборота розничной сети торговли (позволяет оценить различия в численности проживающего населения и «вычленил» из них дачников) 5. Полевые исследования и визуальные наблюдения (состояние домов, номера припаркованных машин, наличие цветников и др.) 6. Структура землепользования комитетов по землепользованию

Исследование дач

в зеркале социологических опросов населения

Социологические опросы и обследования, которые проводятся крупными центрами и Росстатом, позволяют как оценить общее число дачных владений по стране в целом и в разрезе городов разной людности, так и увидеть самые разные стороны дачной жизни. Опросы Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) касались всех видов дач. Они показывают, что, с 2005 г., когда началось проведение подобных исследований, доля россиян, имеющих дачи, остается на стабильном уровне (46–50%) [Начинается дачный ... , 2005; Русская дача, 2015].

Большая часть россиян имеет дачные дома, приспособленные для сезонного проживания, причем в динамике наблюдается небольшой рост этого показателя (с 26% в 2005 г. до 29% в 2014 г.). Доля владельцев незастроенных земельных участков существенно ниже, и она, напротив, имеет тенденцию к снижению (13% и 9%, соответственно, в 2005 и 2014 гг.). Еще меньше россиян имеет в своей собственности второе жилье, пригодное для круглогодичного проживания (8%). Развитая в начале и середине XX в. аренда дач, с которой собственно и началась массовая «дачезация» россиян (см. главу 3.2), не пользуется большой популярностью: только 1% опрошенных россиян выбирает такой тип дач [Махрова, 2015].

Этот же опрос ВЦИОМа дает общее представление о характере дачных владений [Русская дача, 2015]. На значительной части участков есть капитальный дом и баня (соответственно, 41 и 39%). Из коммунальных удобств наиболее высок уровень обеспеченности электричеством (76%), водопроводом охвачено чуть более половины дач, «удобства» в доме есть уже в менее чем трети владений. Магистральным газом, который позволяет относительно недорого отапливать дом и использовать его для постоянного проживания, обеспечено только 17% дачных домов. По асфальтированным дорогам в хорошем состоянии добираться на дачу могут только четверть их владельцев [Махрова, 2015].

Значительны различия между дачниками с самыми низкими и самыми высокими доходами. Причем особенно глубоки они по самому дорогому активу – капитальному дачному дому (разрыв достигает около 20%). По «удобствам» и дорогам он составляет примерно 10% (как и по наличию возможности попариться в бане), а по таким видам коммунальной инфраструктуры, как электричество и магистральный газ – от 15 до 17%. Это означает, что наиболее состоятельное население обладает лучшими возможностями для переезда за город. Как показывают замеры, от 20 до 30% такой дачной недвижимости используется в качестве еще одного постоянного жилья. Но процесс идет и среди населения с невысокими доходами, особенно среди пенсионеров, которые переезжают за город даже в недостаточно благоустроенный дом, а свою квартиру в городе оставляют детям или сдают, получая добавку к пенсии [Махрова, 2015].

По сравнению с опросами ВЦИОМа обследования, проводимые Росстатом, дают более скромные результаты распространенности дачного жилья у россиян, что связано с особенностями выборки, в составе

которой слабо представлены группы населения с высокими доходами. Выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств показывают, что в разные годы от 16 до 18% домохозяйств имеют дачу/дом для сезонного проживания. Эти обследования, несмотря на заниженные показатели, позволяют проследить различия в масштабах распространения дач между поселениями разной величины и статуса. Подавляющее большинство респондентов (более 90%) имеют в своей собственности только один вид второго жилья, а наиболее массовая категория этого дополнительного жилья – дома на садовых участках [Итоги комплексного наблюдения, 2011]. Как и следовало ожидать, самый низкий уровень обеспеченности дачами наблюдается у жителей малых городов людностью менее 50 тыс. чел., значительная часть которых, как и в сельской местности, проживает в деревянных домах с «удобствами» во дворе: в них только 6% домохозяйств имеют дом на дачном участке. В средних и больших городах этот показатель увеличивается в два раза, а в крупных и крупнейших городах с населением в 250 и 500 тыс. жителей он достигает 14–16%.

Самый высокий уровень владениями дачами у жителей городов-миллионников, в которых пятая часть домохозяйств имеет дачный дом. Повышенную потребность в дачах именно со стороны жителей таких городов подчеркивает тот факт, что на них приходится почти 40% общего числа владельцев дачных домов. Эти величины согласуются и с данными ВЦИОМа, согласно которым 44% владельцев дач – это жители крупных городов [Итоги комплексного наблюдения, 2011; Русская дача, 2015].

Некоторой неожиданностью стало наличие дач у жителей сельских населенных пунктов, хотя владельцами такого жилья является только 1% сельских домохозяйств. Это касается прежде всего крупных сел, в которых, как правило, существует многоэтажная застройка и «дача» выполняет функцию огорода и сада.

Несмотря на то, что точное количество дачных владений россиян неизвестно, результаты обследований Росстата позволяют оценить дополнительную площадь жилья, генерируемую дачами. Так, площадь сезонного второго жилья, приходящегося на одно городское домохозяйство, составляет 36,6 м². Причем размерами этого сезонного жилья выделяются жители городов-миллионников – 43 м² на одно домохозяйство [Итоги комплексного наблюдения, 2011].

Сколько и где: садовые, огороднические, дачные объединения россиян по данным сельскохозяйственной переписи

Несмотря на отсутствие регулярной «дачной» статистики, некоторую информацию все-таки можно получить из официальных изданий Росстата. Наиболее полным источником сведений о количестве и типах дач, их территориальной организации, а также некоторых особенностях использования земельных участков (в том числе в региональном разрезе) служит не перепись жилья, как это происходит в большинстве развитых стран, а сельскохозяйственная перепись. Первая и пока единственная работа этого рода была проведена в РФ в 2006 г. [Итоги Всероссийской..., 2008]. В настоящее время статистические службы провели аналогичное обследование в 2016 г., но его результаты будут опубликованы лишь в 2018 г. Несмотря на то, что с момента проведения предыдущей переписи прошло почти 10 лет, инерционность сдвигов в традиционных типах дачного расселения позволяет использовать эти данные.

Кроме сельскохозяйственной переписи, данные о количестве семей, владеющих садами и огородами, и занятой ими площади традиционно приводятся в сборниках «Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России». После проведения переписи в 2006 г. в этих сборниках региональный разрез информации о дачах исчез, остались данные только по стране в целом, и практически единственным источником для сравнительного анализа садово-дачных объединений в региональном разрезе стала перепись.

Садовые, огороднические и дачные некоммерческие объединения представляют собой основную часть сезонных владений россиян, по переписи их число составило около 80 тыс. ед. с почти 14 млн земельных участков. Из них освоенные или используемые владения составляют около 80%, и если принять, что один садоводческий участок – это, как минимум 3 человека (а порой и больше, так как это может быть два-три поколения – старшее и их взрослые дети с внуками), то потенциальная численность сезонного населения страны, проживающего в садовых, огороднических и дачных объединениях, составляет около 35 млн чел. [Махрова, 2015].

Динамика числа и видов объединений отражает основные вехи «дачного» развития страны в советский и постсоветский периоды. Хотя историю современных садово-огороднических товариществ можно отсчитывать с конца 1940-х гг., когда было выпущено специальное постановление о коллективных садах и огородах из-за острой нехватки продовольствия

в послевоенные годы (см. главу 3.2), строительство домов на них было разрешено после введения в конце 1960-х гг. второго выходного дня. С этого времени садовые участки с убогими домиками становятся признаком окружения почти любого города.

Однако основное число садовых поселков было создано в позднесоветское и в первое постсоветское десятилетие, когда земля под дачи, сады и огороды выделялась еще бесплатно, а бурный рост их числа говорит о массовости этого явления и колоссальном спросе на дачи (рис. 1). Одновременно с этим примерно с середины 1990-х гг. началась реновация застройки многих садовых товариществ, в которых появились современные дома, включая коттеджи. Совсем иной вид стали иметь и вновь осваиваемые территории под садово-дачные товарищества.

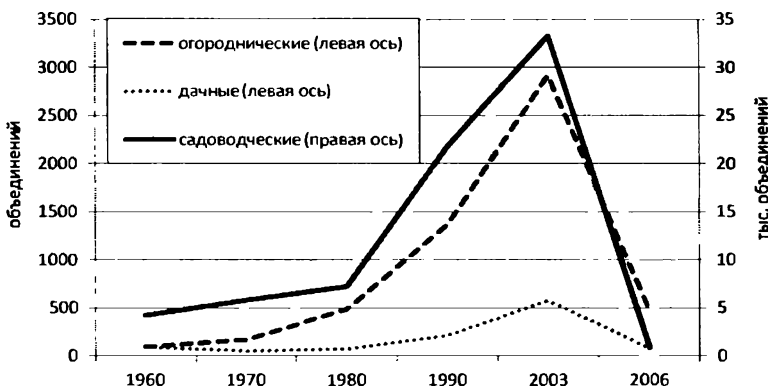

Рис. 1. Динамика общего числа некоммерческих дачно-садовых объединений граждан в России
По данным [Итоги Всероссийской..., 2008]

В середине 2000-х гг. в России в составе всех объединений преобладали садовые товарищества (92%), которые превышали число огородных и дачных объединений более чем на порядок (соответственно, 7 и 1%) (рис. 1). Садовые объединения выделяются высоким уровнем территориальной концентрации: 13 регионов, в которых расположены крупнейшие города и их пригороды, сосредотачивают около 50% всех садовых товариществ [Итоги Всероссийской..., 2008]. Более 10 тыс. всех объединений (15%) находятся в Московской области. На втором месте – Свердловская область (3,2 тыс. объединений) с мощной Екатеринбургской агломерацией, опередившая Ленинградскую область с ее 2,8 тыс. садовых това-

риществ. Кроме этих трех субъектов, в состав десяти регионов-лидеров входят Саратовская, Тульская и Кировская области, республики Башкортостан и Татарстан, а также Пермский и Краснодарский края.

Также много садовых объединений в областях – соседях второго порядка Москвы, где значительная часть участков принадлежит москвичам. Так, 4 из 28 муниципалитетов Тульской области, которые непосредственно граничат с Московской областью, сосредотачивают 20% всех некоммерческих объединений этого региона [Всероссийская сельскохозяйственная..., 2007].

Меньше всего садовых товариществ в республиках Северного Кавказа вследствие невысокой доли городского населения и традиций проживания в собственном доме, дача там – это в основном только дом предков. Небольшое число садовых объединений находится в Москве и Санкт-Петербурге в результате расширения официальных границ городов. Одни из самых низких показателей имеют Магаданская область, Еврейская автономная область, Республика Тыва, что, как и во многих других регионах-аутсайдерах, связано и с неблагоприятными климатическими условиями, и с невысоким уровнем урбанизации, а также с миграционным оттоком населения.

Площадь земель, занимаемая садовыми объединениями по субъектам России, позволяет оценить не только их количество, но при близких размерах земельных участков и степень концентрации занимаемых ими земель. По этому показателю также выделяется Московская область, где размещено свыше 10% всех земель страны под садовыми объединениями. Ленинградская область находится на «законном» втором месте (5,1%), опережая Свердловскую область (2,9%), в которой было создано много садовых товариществ с небольшими участками. Следующие три позиции занимают Башкортостан, Челябинская область и Красноярский край: на каждый из этих регионов приходится более 30 тыс. га. Во всех остальных регионах площадь под садами, дачами и огородами составляет менее 1% от общероссийского показателя.

Региональные различия по доле неосвоенных садовых участков также хорошо отражают спрос на «сады». Больше всего заброшенных участков на юге страны с высокой долей индивидуальных домов с приусадебными участками, а также в регионах с неблагоприятными климатическими условиями и низкой численностью населения (например, Магаданская область, Камчатский край, Республика Алтай). Много неосвоенных участков в национальных республиках Северного Кавказа: так, в Кабардино-Балкарии не используется около половины садовых участков.

Пик образования огороднических объединений пришелся на кризисные 1990-е гг., но так как к середине 2000-х гг. стратегия «выживания на грядках» перестала быть массовым явлением среди горожан, то многие из них заброшены [Итоги всероссийской..., 2008]. Для этого типа дачных владений более привлекательны территории с климатическими условиями, благоприятными для ведения сельского хозяйства (кроме республик Северного Кавказа): основная полоса огородничества расположена в зоне распространения серых лесных и черноземных почв в Европейской части. Еще одно их отличие состоит в том, что огороды тяготеют не к крупнейшим городам, как садовые товарищества, а, напротив, к малым и средним.

Дачные объединения больше характерны для пригородов крупных городов. Более чем в половине регионов РФ они вообще отсутствуют. На Московскую и Ленинградскую области приходится почти 60% всей площади земель дачных объединений страны; высока доля Иркутской и Ростовской областей, а также Ставропольского края. Кроме этих пяти регионов, на остальные 36 субъектов, в которых вообще есть дачные товарищества, приходится всего 18% земель.

Свода данных по садово-огородным и дачным поселкам в разрезе муниципальных районов нет. Информацию о результатах сельскохозяйственной переписи 2006 г. по муниципальным районам централизованно в Росстате получить невозможно, эти данные есть только в региональных отделениях Федеральной службы государственной статистики. Поэтому с помощью статистики исследовать внутрирегиональное распределение дачно-садово-огородных товариществ и коттеджных поселков можно лишь на примере ключевых регионов, совмещая анализ статистических данных с визуальным обследованием и интервьюированием представителей региональных администраций.

***Как используются дачные участки:
межрегиональные различия
по данным сельскохозяйственной переписи***

Данные сельскохозяйственной переписи показывают структуру площади земельных участков граждан по видам использования, что позволяет судить об их современных функциях, причем индикатором рекреационного поведения граждан служит доля площадей под газонами и декоративными насаждениями (рис. 2). Территория типичного дачного

России садового участка наполовину состоит из площади под сельскохозяйственными культурами, а под газоны и декоративные насаждения отводится только 16% (меньше, чем под многолетние насаждения – 18%) [Итоги Всероссийской..., 2008].

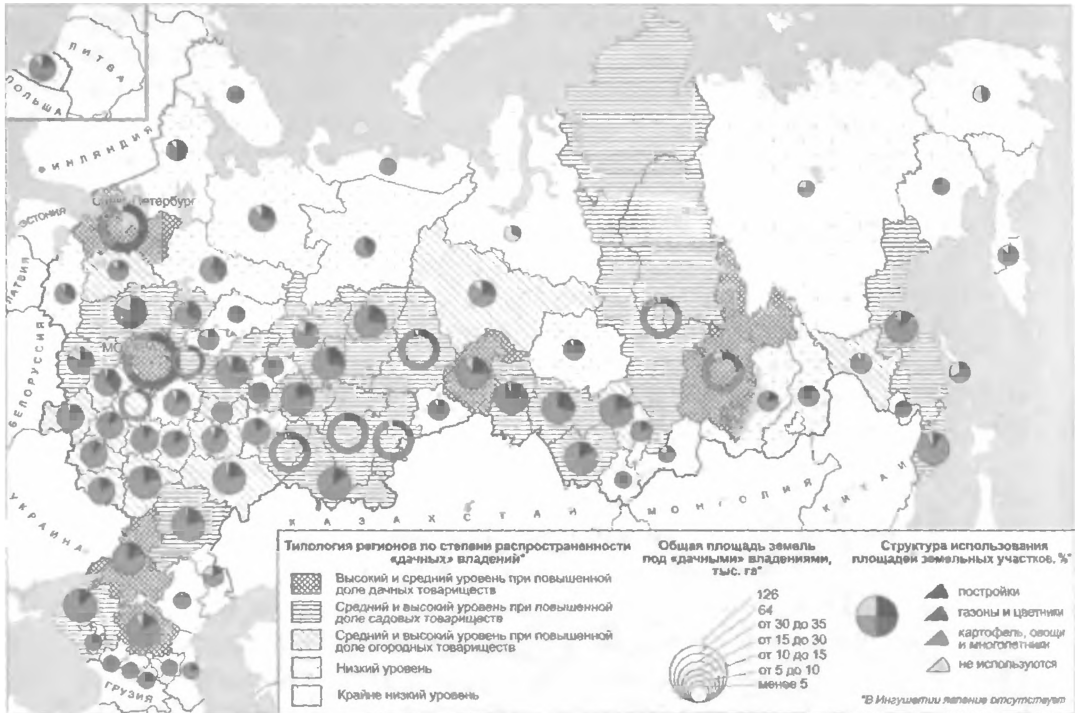

Рис. 2. Распространенность дачных владений и функциональное использование земельных участков в регионах России, 2006 г.

Источник: [Махрова, 2015]

Как следствие, в большинстве субъектов садовые участки сохраняют свою аграрную функцию, и чем южнее, тем в большей степени. Лишь в регионах с неблагоприятными климатическими условиями заметно повышение доли неиспользуемой площади. Но главное исключение – участки в пригородах крупнейших центров. Это видно на примере Московской и Ленинградской областей, в которых не только на участках с классическими дачами, но и в садах более 40% территории занято газонами и цветами.

Таблица 2. Структура использования земель в садово-дачных объединениях в столичных и прочих областях

Тип объединений	Структура использования общей площади земельных участков, %			
	Постройки	Газоны и цветы	Картофель, овощи и многолетники	Не используется
<i>Московская область</i>				
Дачи	19,0	66,0	14,2	0,9
Сады	16,3	49,8	34,7	0,5
Огороды	10,0	38,1	51,5	0,5
<i>Ленинградская область</i>				
Дачи	14,7	38,7	15,7	30,9
Сады	15,8	42,0	37,0	5,3
Огороды	8,1	16,8	67,9	7,4
<i>Новгородская область</i>				
Дачи	7,1	31,2	61,6	0,0
Сады	10,8	12,1	65,0	12,1
Огороды	9,7	12,0	73,2	5,1
<i>Тверская область</i>				
Дачи	0,0	0,0	0,0	0,0
Сады	9,5	21,3	49,9	19,3
Огороды	2,6	2,1	71,1	24,4
<i>Владимирская область</i>				
Дачи	0,0	0,0	0,0	0,0
Сады	11,5	23,3	55,3	10,0
Огороды	1,7	3,5	59,3	35,5
<i>Липецкая область</i>				
Дачи	0,0	0,0	0,0	0,0
Сады	5,9	3,8	89,1	1,7
Огороды	0	1,2	97,0	1,8

Составлено по данным [Итоги сельскохозяйственной...2008]

Структура площади огородных участков практически во всех субъектах РФ показывает, что в них сельскохозяйственная функция доминирует

еще более выражено: в среднем, почти 84% площади занято под посевами сельскохозяйственных культур. Этот показатель также выше в регионах с агроклиматическими условиями, наиболее благоприятными для ведения сельского хозяйства (Курская, Саратовская, Белгородская области и Ставропольский край).

В целом, наиболее модернизированным неаграрным менталитетом выделяются московские и петербургские дачники. Как показывают полевые наблюдения, плантации картошки вообще выступают очень точным индикатором того, кому – москвичам/петербуржцам или местным горожанам – принадлежит дачный участок [Махрова, 2015].

Данные переписи подтверждают и исследования Фонда общественного мнения [Кому и зачем..., 2012]. Согласно его результатам, москвичи используют дачи прежде всего для отдыха, куда можно вывезти детей из города, а не для обеспечения продовольствием. Однако жители городов численностью до 250 тыс. чел. уже рассматривают дачный участок в качестве источника обеспечения семьи продуктами (правда, наравне с отдыхом), а в городах с населением менее 50 тыс. чел. аграрная функция выходит на первое место.

Таким образом, каждый из сегментов «дач» имеет свою региональную специфику. Для садовых товариществ характерна общая закономерность повышения степени распространенности владений с ростом численности населения региона и наличием на его территории крупнейших городов, особенно миллионников, что проявляется в росте числа объединений и площади занимаемых земель при уменьшении количества и доли неиспользуемых участков. Огороднические объединения выполняют в основном аграрную функцию; для них привлекательны регионы с благоприятными климатическими условиями для ведения сельского хозяйства (за исключением Северного Кавказа). Распределение дачных объединений самое неравномерное среди других типов объединений, хотя они, как и сады, тяготеют к крупным городам [Махрова, 2015].

Обобщение данных переписи и результатов опросов показывает, что из-за неоднородности территории не только жители каждого региона, но и каждого населенного пункта имеют свой круг интересов в дачном сегменте их владений. При этом значимость аграрной функции для владельцев дач увеличивается со снижением размера города – места их постоянного проживания – при одновременном уменьшении роли рекреационной функции в результате влияния среды проживания.

Альтернативная сеть дачного расселения: география садово-дачных и коттеджных поселков по данным космических снимков

Недостатки статистики, включая материалы сельскохозяйственной переписи 2006 г., заставили искать новые методы для выявления реального размещения вторых домов горожан, особенно за пределами населенных пунктов. Информация по коттеджным поселкам в открытых источниках представлена весьма скупо, только в отчетах риэлторских компаний. Но и в них основное внимание уделяется строящимся и недавно построенным поселкам, в которых представлен основной объем текущего предложения, что сильно осложняет анализ динамики числа коттеджных образований даже в пределах отдельных регионов, не говоря уже о данных по стране в целом, которые продолжают отсутствовать.

Для восполнения пробелов в данных могут быть использованы результаты дешифрирования космических снимков, на которых хорошо различимы не только организованные садово-дачные, но и коттеджные поселки (рис. 3–6). Эти два массовых типа дач, расположенные вне границ городов или сельских населенных пунктов, занимают огромную площадь. Не имея официального поселенческого статуса, они заметно трансформируют сеть расселения, особенно в окружении городов, концентрируя в летний период сотни и тысячи человек (см. подробнее главу 3.5).

Рис. 3. Пример поселка на открытом месте у дороги

Рис. 4. Пример поселка в поле

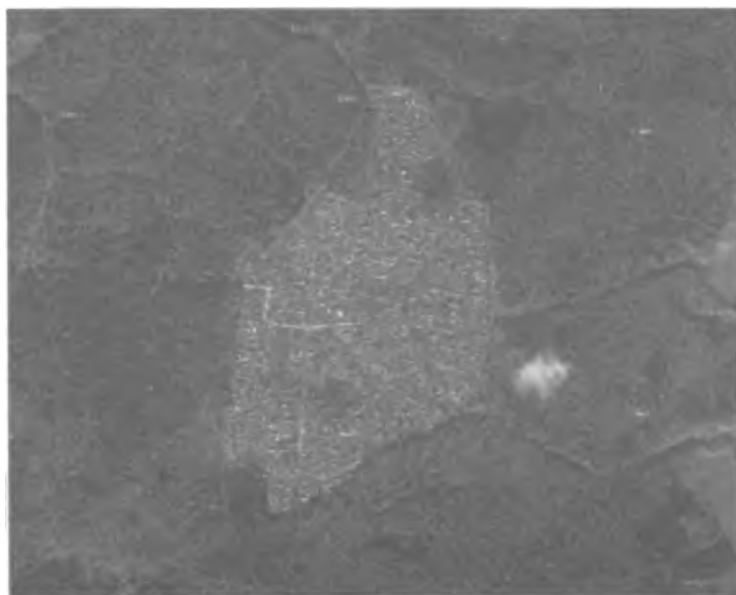

Рис. 5. Пример поселка в лесу

Исходными данными для дешифрирования послужили готовые бесшовные мозаики снимков высокого и сверхвысокого пространственного разрешения, предоставляемые веб-картографическими сервисами Яндекс.Карты, GoogleMaps, BingMaps (Microsoft), ArcGIS.Imagery (ESRI), Геопортал Роскосмос. Поскольку наборы снимков и время съемки у каждого сервиса различаются, их сравнение позволило избежать временной и местами территориальной неопределенности. Для отделения СНТ и коттеджных поселков от территорий населенных пунктов и городов использовался портал Росреестра, однако из-за неполноты информации (не все объекты собственности прошли государственную регистрацию и внесены в публичную кадастровую карту) его использование возможно лишь как вспомогательное при визуальном дешифрировании снимков. Вторым источником верификации данных послужили крупномасштабные топографические карты, по которым производилось уточнение геометрии результатов дешифрирования [Махрова, Медведев, Нефедова, 2016].

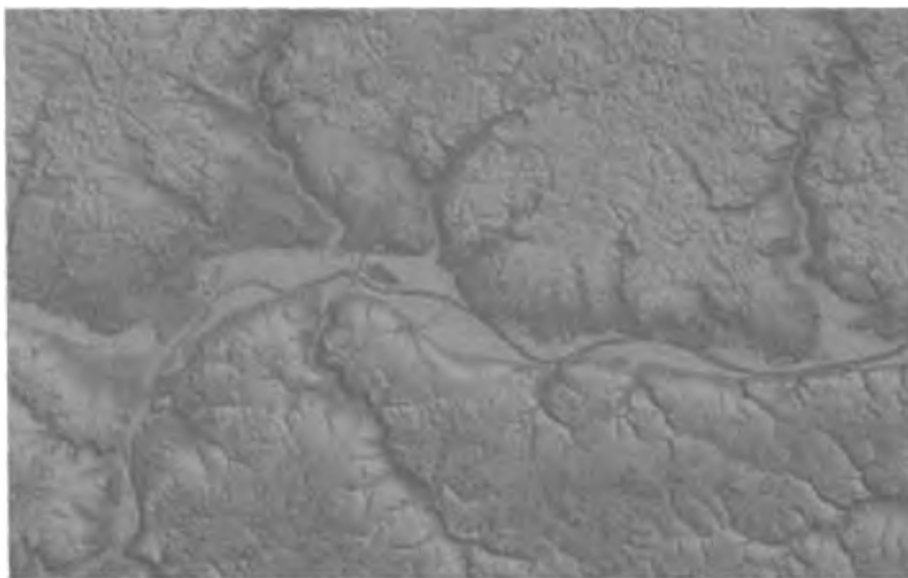

Рис. 6. Пример дешифрирования привязки поселков к гидросети и рельефу

В первом приближении сравнение данных сельскохозяйственной переписи и результатов дешифрирования космических снимков показыва-

ет их неполную согласуемость. Превышение количества некоммерческих объединений граждан по данным сельскохозяйственной переписи над числом садово-дачных и коттеджных поселков, полученных по данным дешифрирования космических снимков, как и отношение количества освоенных земельных участков к числу домов по этим двум источникам, варьирует от 30 до 350% (рис. 7).

Таблица 3. Сравнение системы дачного расселения в разрезе ряда регионов Нечерноземья по данным сельскохозяйственной переписи и результатам дешифрирования космических снимков

	Данные сельскохозяйственной переписи		Результаты дешифрирования космических снимков		Уровень превышения данных сельскохозяйственной переписи над результатами дешифрирования космических снимков	
	Общее число некоммерческих объединений всех видов, ед.	Число освоенных земельных участков, тыс. ед.	Число садово-дачных и коттеджных поселков, ед.	Число домов, тыс. ед.	Отношение количества некоммерческих объединений к числу садово-дачных и коттеджных поселков, %	Отношение числа освоенных земельных участков к числу домов, %
Московская	11692	1136,9	7330	861,2	159,5	132,0
Владимирская	1326	164,2	781	89,7	169,9	183,1
Калужская	1314	133,5	753	73,5	174,5	181,6
Рязанская	666	102,5	291	29,5	228,9	347,5
Смоленская	1147	72,6	614	45,4	186,8	159,9
Тверская	1196	142,2	738	72,2	162,1	197,0
Тульская	2099	191,3	631	80,9	332,6	236,5

Составлено по результатам дешифрирования космических снимков и данным сельскохозяйственной переписи 2006 г.

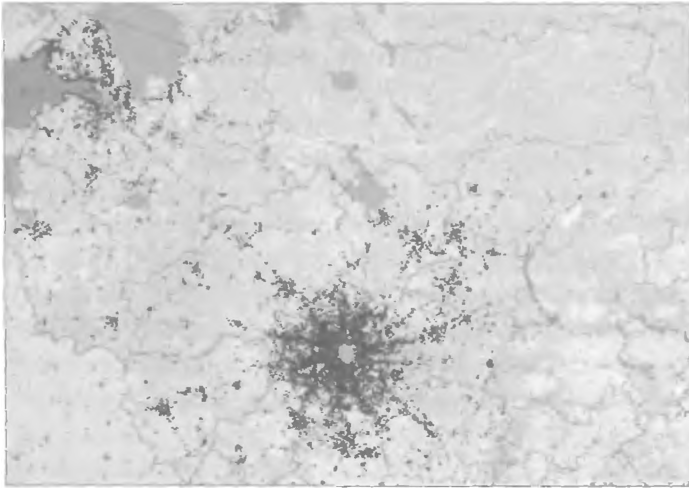
Однако их детальное изучение повышает степень соответствия этих двух источников масштабам и географии системы дачного расселения. Во-первых, число освоенных садово-дачно-огородных участков, где могут расти фруктовые деревья и кустарники или быть грядки, и число

участков с домами сильно отличается в пользу первых, что показывают результаты и различных социологических опросов [Кому и зачем..., 2012, Махрова, Кириллов, 2015]. Кроме того, при дешифрировании космических снимков учитывались дачные поселки разных типов, размещенные только вне границ населенных пунктов, как городских, так и сельских, что уменьшает их количество по сравнению с данными сельскохозяйственной переписи. Так, в Тульской области 30% всех садово-дачных объединений расположено на территории городов [Всероссийская сельскохозяйственная..., 2007]. С учетом этих обстоятельств достоверность результатов дешифрирования космических снимков, которые отражают территориальную организацию самостоятельной сети сезонного дачного расселения вне границ населенных пунктов, а также масштабы дачного жилья в них, становится достаточно высокой.

Анализ географии размещения бесстатусных дачных поселков в центре и на северо-западе России показывает основные центры локализации (рис. 7). Хорошо прочитывается дачное кольцо Москвы, где максимальным сгущением дач выделяется зона ближних пригородов, а высокая концентрация характерна не только для Московской области, но и для дальних пригородов Москвы, которые расположены в соседних регионах. «Протуберанцы» дачных владений москвичей и жителей Подмосковья тянутся вдоль основных авто- и железнодорожных магистралей, практически смыкаясь с дачным окружением Тулы, Калуги, Рязани, Твери и Владимира.

Зона дачного влияния Санкт-Петербурга – менее широкая и плотная, начинаясь в пригородных районах самого города, сосредоточена вдоль побережья Финского залива, Ладожского озера и на Карельском перешейке. Также заметны ареалы на юге области: Гатчинский, Тосненский и Кировский районы с хорошей транспортной доступностью и высоким уровнем концентрации дачных поселков петербуржцев и населения области (подробнее в главе 3.4). Хорошо прочитываются менее широкие дачные кольца всех региональных столиц и их городов, которые также нанизаны на транспортные магистрали или группируются в наиболее живописных местах вдоль берегов рек и озер (рис. 8, 9).

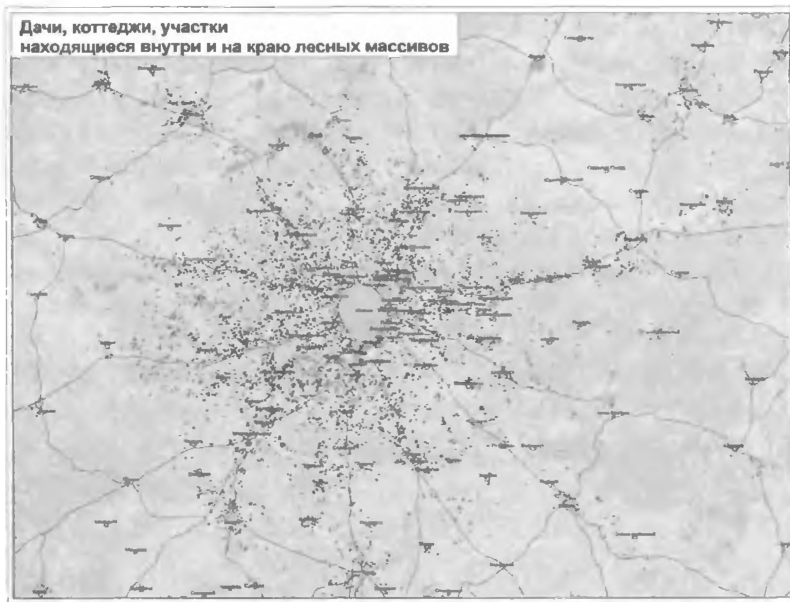
При отсутствии адекватной статистики или сложности ее получения на детальном уровне важным инструментом исследования становится использование космических снимков и анализ карт, позволяющих наглядно показать размещение рекреационных поселений горожан, хотя данный метод имеет и свои ограничения, требующие дополнительных исследований в отдельных ключевых районах.

**Рис. 7. Размещение садовых товариществ и коттеджных поселков вне населенных пунктов в центре и на северо-западе Европейской России
1 точка – 1 поселок
Составлено на основе дешифрирования космических снимков**

**Рис. 8. Пример расположения садовых и коттеджных поселков вне населенных пунктов центральной и северо-западной части Европейской России в 3-километровой зоне вдоль водоемов
Составлено на основе дешифрирования космических снимков**

**Рис. 9. Пример расположения садовых и коттеджных поселков в лесу или на границе леса в Московской области точечным способом (А) и путем расчета плотности поселков (Б)
Составлено на основе дешифрирования космических снимков**

Глава 3.4

От дачных к коттеджным поселкам Пример пригородов Москвы и Санкт-Петербурга

Москва и Санкт-Петербург вместе с городским населением их пригородов генерируют огромную потребность в дачах. Уставших от шума и толкотни жителей этих мегаполисов тянет за город отвлечься от водоворота дел, дать покой голове и размять уставшее тело. Дачное окружение обеих столиц выделяется не только своей мощностью, многообразием типов застройки и занятий, но и опережающим проявлением многих новых тенденций в дачном расселении и жизни дачников.

Численность дачников: результаты применения разных методик

Многочисленность исследований по дачным пригородам Москвы и Санкт-Петербурга, особенно по окружению Москвы, позволяет рассмотреть возможности разных подходов к оценке числа дачников и дачных владений, а также сравнить полученные результаты.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, наиболее полным источником сведений служит сельскохозяйственная перепись 2006 г., которая показала, что в Московской области под коллективными садами, дачами и огородами было занято 125,8 млн га при среднем размере участка 7,4 сотки. Одновременно было уточнено число участков (свыше 1,3 млн владений), а также появилась информация об их размещении в разрезе муниципальных образований. При этом площадь, занимаемая дачными владениями, оказалась почти на 10% меньше, чем в 2003 г. показывали данные Росстата, за счет того, что они включали не только коллективные, но и индивидуальные владения [Сельское хозяйство..., 2004].

Определенные возможности для анализа дачного сегмента дает региональная статистика. Так, на основе данных о наличии земель и их

распределении (форма Мособлкомзема 22-3) можно анализировать динамику земель, занимаемых садовыми товариществами (СНТ), дачами, огородами, индивидуальным жилищным строительством (ИЖС) и личными подсобными хозяйствами (ЛПХ), однако с образованием Реестра доступ к данному источнику информации усложнился. В целом эти данные показывают, что в Московской области на протяжении постсоветского периода происходит увеличение площади земель, прямо или косвенно связанных с сезонным расселением горожан. Особенно активно эти изменения происходили в начале 1990-х гг. – последнем периоде времени, когда земли под дачные владения жителей области и столицы выделялись бесплатно, а не покупались. Одновременно незначительно сокращаются площади владений под огородами при росте площадей под другими видами пользования, хотя в 2000-х гг. по сравнению с 1990-ми эти сдвиги происходят медленнее.

Большой интерес представляла информация Мособлкомстата о числе дачных и личных подсобных хозяйств с выделением владений москвичей и жителей области (форма 1-зем, регион). После 2004 г. эта форма не разрабатывается, но медленные темпы изменения количества имеющихся владений и их структуры позволяют дать приблизительную оценку доли владений москвичей, которая составила около 1% по огородным владениям, примерно 60% в садовых и свыше 70% в дачных объединениях [Махрова, 2006].

В Московской области была предпринята попытка создания реестра дачников, который мог бы стать источником разнообразной информации, включая инфраструктурную обеспеченность садово-огородных товариществ и даже наличие/отсутствие договора на вывоз мусора. Однако эта база получилась со значительными пробелами по отдельным муниципалитетам, а количество учтенных земельных участков составило лишь 0,9 млн единиц. По сравнению с данными сельскохозяйственной переписи меньше и общее количество всех объединений (10,6 тыс. против 11,7 тыс.), но число членов СНТ оказалось существенно выше (1,56 млн чел.). Комментировать эти данные сложно, хотя несомненный интерес представляет анализ отдельных ключей (по муниципалитетам, где садово-дачные объединения не только представлены достаточно полно, но и охарактеризованы с разных позиций).

По Санкт-Петербургу и Ленинградской области основным доступным источником информации остается сельскохозяйственная перепись 2006 г., которая показала, что на территории области расположено 2,9 тыс. садовых и дачных объединений с 891 тыс. участков, а в Петербурге – еще 368 товариществ (Итоги..., 2008). При этом больше половины

всех садово-дачных поселков в Ленинградской области принадлежит петербуржцам, а их доля среди владельцев земельных участков еще выше – почти 70% [Михеева, 2012].

Информации по такому относительно новому объекту дачного сегмента, как коттеджные поселки, в открытых источниках немного, но она показывает, что в отличие от садово-дачных товариществ их число быстро увеличивается: в Москве в 2014 г. оно превысило 1,5 тыс. ед., в окрестностях Санкт-Петербурга в 2015 г. составило около 700, а в самом городе, в основном в его внутренних пригородных районах, расположено свыше 70 поселков [Махрова, Медведев, Нефедова, 2016].

Еще одним источником информации о локализации садово-дачных и коттеджных поселков и общем числе дач служат результаты дешифрирования космических снимков, которые показали, что на территории Московской области находится 7,3 тыс. поселков с 861,2 тыс. домов [Махрова, Медведев, Нефедова, 2016]. Меньшее количество поселков связано с учетом товариществ только вне границ населенных пунктов и только участков с домами. В Ленинградской области количество дачных владений (300 тыс. домов) также было почти в 3 раза меньше, чем число дачных участков по данным переписи. При этом число поселков было оценено в 4,7 тыс. ед., что, напротив, превысило данные переписи за счет отнесения к ним единичных домов и групп из нескольких коттеджей.

Отдельный источник информации – социологические опросы, которые позволяют не только получить оценку числа дачных владений, но и характеризовать многие стороны дачной жизни. В опросах Всероссийского центра изучения общественного мнения и в обследованиях Росстата дачники-москвичи не выделяются. Однако в опросе Фонда общественного мнения (ФОМ) Москва дана отдельной строкой: согласно этим оценкам в 2014 г. 41% опрошенных москвичей имели дачный участок [Дачный..., 2015]. По результатам обследования, проведенного в 2012 г. Институтом гуманитарного развития мегаполиса (ИГРМ), дачным жильем владело 28% респондентов [Бурдяк, 2013]. Еще один опрос, выполненный по заказу Центра экономики инфраструктуры (ЦЭИ) в 2014 г., показал, что уровень охвата дачным жильем составил 35% [Махрова, Кириллов, 2015].

Различия в оценках степени распространенности дач связаны прежде всего с особенностями формулировок задаваемых вопросов, и при их уточнении результаты сближаются. Так, без учета квартир в многоквартирных домах по обследованию ЦЭИ дачами будет обеспечено около трети москвичей (32%). Кроме того, опросы ИГРАМ и ЦЭИ учитывают москвичей, которые владеют дачами, а не дачными участками, как в обследовании ФОМ (Дачный..., 2015; Кому..., 2015; О дачах..., 2015).

Однако в обследовании того же ФОМ в 2013 г., где выясняется доля москвичей, имеющих дачные дома, этот показатель близок к другим оценкам – 31% (О дачах..., 2015).

Таким образом, результаты всех трех опросов (ФОМ, ИГРАМ, ЦЭИ) неплохо согласуются между собой, показывая небольшой разброс значений (от 28 до 32%). Однако эти данные выглядят заниженными по сравнению с экспертными оценками, что может быть связано с общим недостатком большинства опросов: низкий уровень охвата населения с высоким уровнем дохода, для которого характерен не просто более высокий уровень обеспеченности дачами, но и наличие нескольких дач в одной семье.

€

Территориальная организация садово-дачных пригородов Москвы и Санкт-Петербурга

Садово-дачные объединения москвичей, петербуржцев и жителей их пригородов образуют фактически еще одну альтернативную сеть расселения для сезонного проживания. В Ленинградской области по своей мощи она сопоставима с общим числом сельских населенных пунктов (2,9 тыс. ед.), а в Подмосковье в 1,8 раз превышает число сельских поселений (соответственно 10,9 и 6,2 тыс. ед.). Как и по стране в целом, пик создания этих поселков пришелся на 1980-е и 1990-е гг., что иллюстрируют данные по Московской области (соответственно, 28 и 51%) (рис. 1).

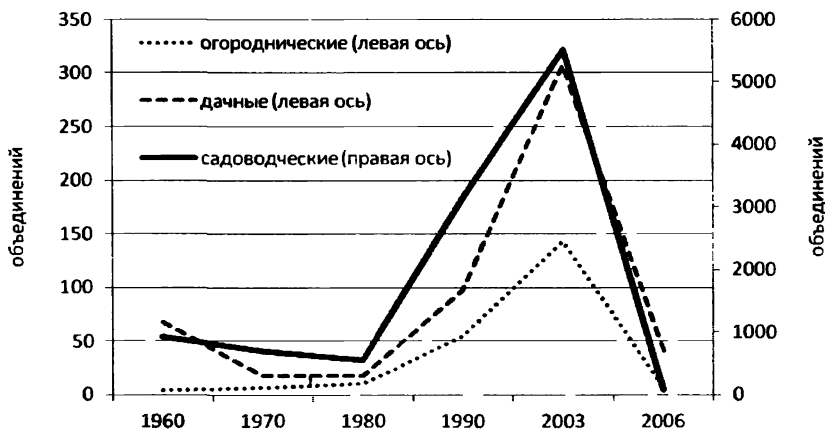
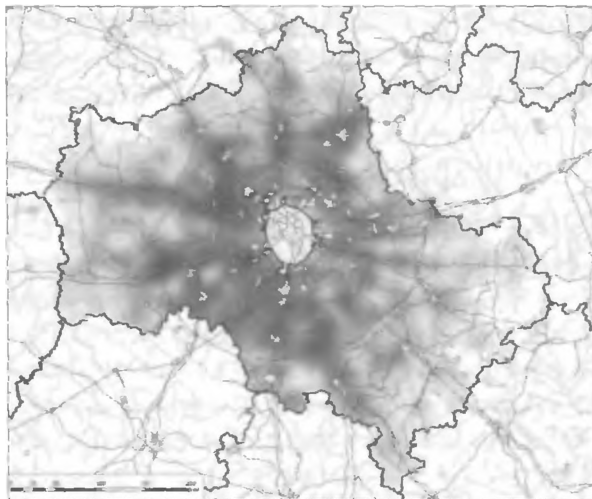
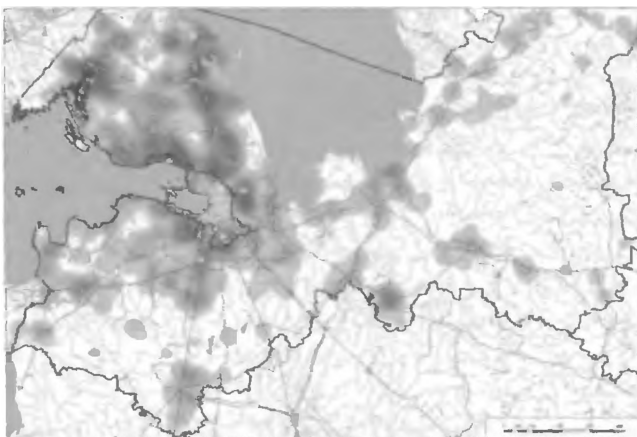

Рис. 1. Динамика образования садово-дачных объединений в Московской области
Источник: данные сельскохозяйственной переписи 2006 г.

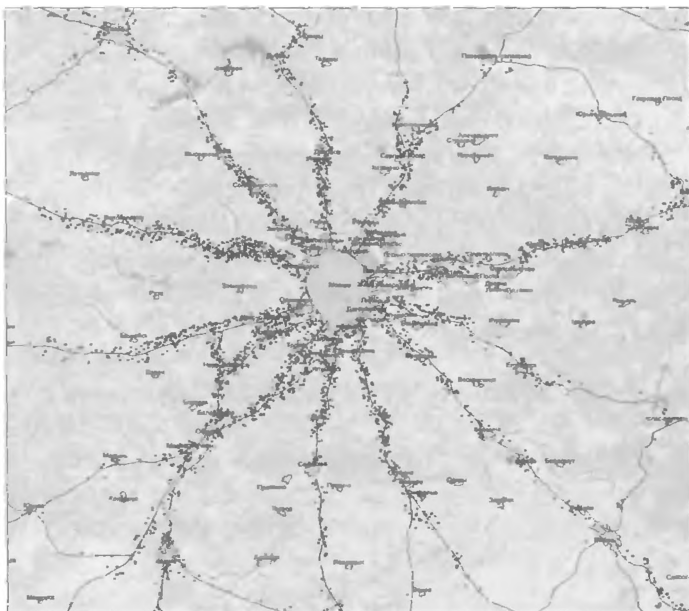
В Московской области эти поселки пронизывают всю ее территорию, в Ленинградской области они сосредоточены в основном в ее западной части (рис. 2, 3). В обеих областях ленты дачных поселков сконцентрированы вдоль основных трасс (рис. 4, 5). При этом некоторые части их территории выделяются огромными массивами дачных поселков, как, например, стык Пушкинского и Щелковского районов (Нефедова, 2011).

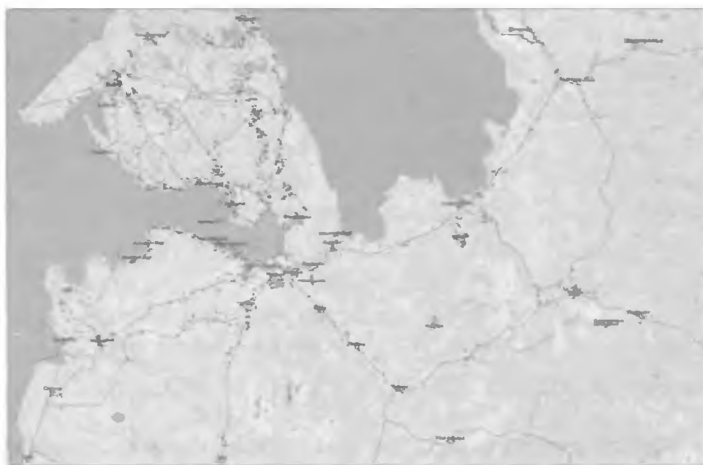
*Рис. 2. Ареалы с разной плотностью дачных поселков в Московской области
Составлено А.А. Медведевым на основе дешифрирования космических снимков*

*Рис. 3. Ареалы с разной плотностью дачных поселков в Ленинградской области
Составлено А.А. Медведевым на основе дешифрирования космических снимков*

**Рис. 4. Концентрация дачных поселков
в 5-км зоне от основных трасс, Московская область**
Составлено А.А. Медведевым на основе дешифрирования космических снимков

**Рис. 5. Концентрация дачных поселков
в 5-км зоне от основных трасс, Ленинградская область**
Составлено А.А. Медведевым на основе дешифрирования космических снимков

Количественное представление о масштабах подобных ареалов дает перечень крупнейших садово-дачных массивов Ленинградской области (табл. 1). В летний сезон потенциальное население таких садоводств, каждое из которых сосредотачивает более 5 тыс. участков, превышает 10–12 тыс. человек, что соответствует наиболее распространенным значениям критериев людности городов, принятых в регионах РФ. Вместе с постоянным населением окружающих населенных пунктов, которое также увеличивается из-за притока дачников, их суммарная численность в летний сезон превышает людность райцентров (Кировска, Луги, Волхова, Приозерска) [Михеева, 2012].

€

Таблица 1. Крупнейшие садоводства Ленинградской области

Крупнейшие садоводства	Число участков	Крупнейшие садоводства	Число участков
<i>Всеволожский район</i>		<i>Гатчинский район</i>	
Дунай-Сады	13500	Чаща	9300
Белоостров	9800	Новый Учхоз	7100
Ново-Токсово	8070	Красницы	6100
Васкелово	7900	Итого в районе	22500
Грузино	6700	<i>Волховский район</i>	
Борисова Грива	5700	Пупышево-Пурово	19500
Итого в районе	51670	<i>Тосненский район</i>	
<i>Кировский район</i>		Трубников Бор	8500
Михайловский-Славянка	13500	Бабино	6500
Синявино	12100	Итого в районе	15000
Горы	6670	<i>Киришский район</i>	
Итого в районе	32270	Посадников Остров	14300
<i>Лужский район</i>		<i>Приозерский район</i>	
Мшинская	24000	Орехово	5000
Дивинская	7630	Всего участков в крупнейших садоводствах	
Итого в районе	31630	191870	

Составлено по [Михеева, 2012]

Состав первой десятки муниципалитетов-лидеров по концентрации дачных владений в первом приближении позволяет показать разность дачного потенциала пригородов Москвы и Петербурга, а также особенности их территориальной организации (табл. 2).

В Ленинградской области, где дачным расселением сильно трансформирована система расселения только на западе, первая десятка лидеров концентрирует свыше 90% всех товариществ и их площадей, причем пять из них (Всеволожский, Выборгский, Кировский, Гатчинский и Тосненский районы) сосредотачивают около 60% всех объединений и их площади. Следующая группа районов (Приозерский, Волховский, Лужский, Кингисеппский, Волосовский, Киришский), которые расположены во втором поясе пригородов, характеризуется средней степенью освоенности дачными поселками всех видов. Остальные районы, за исключением Сланцевского, расположены на востоке области и в большей степени ориентированы на своих, а не петербургских дачников. €

Система дачного расселения Московской агломерации намного мощнее и сложнее: первая десятка муниципалитетов-лидеров показывает, что степень территориальной концентрации здесь ниже, а основная часть дачных владений находится за пределами зоны ближних городов из-за их высокого уровня урбанизированности и сильной застроенности (табл. 2).

Таблица 2. Муниципалитеты-лидеры по размерам садовых и дачных объединений в Московской и Ленинградской областях

Муниципальные районы	Число объединений, единиц	Общая площадь, тыс. га	Муниципальные районы	Число объединений, единиц	Общая площадь, тыс. га
<i>Московская область</i>			<i>Ленинградская область</i>		
Наро-Фоминский	803	9,2	Всеволожский	608	9,9
Сергиево-Посадский	619	6,3	Выборгский	435	9,0
Дмитровский	607	5,7	Гатчинский	296	5,7
Истринский	604	5,9	Киришский	272	3,5
Ступинский	544	5,2	Кировский	224	8,5
Солнечногорский	542	4,5	Ломоносовский	191	3,5
Одинцовский	528	5,6	Приозерский	174	2,8
Раменский	501	6,3	Тосненский	171	5,3
Ногинский	480	5,5	Лужский	157	4,0
Подольский	428	3,6	Волховский	119	3,5
Муниципалитеты, всего	5656	57,8	Муниципалитеты, всего	2647	55,7
Доля от области, %	45,9	48,4	Доля от области, %	90,2	91,7

Составлено на основе данных сельскохозяйственной переписи населения 2006 г.

При этом центр-периферийный градиент проявляется при анализе плотностных, но не абсолютных и удельных показателей количества поселков и численности сезонного населения (рис. 6). Наиболее высокие показатели плотности сети дачного расселения и плотности сезонного населения характерны для ближних пригородов. По мере удаления от Москвы они падают, что характерно и для других характеристик системы расселения и экономики Московской агломерации [Бабурин и др., 2004].

Рис. 6. Структура дачного расселения Московской области по поясам
 Рассчитано автором по данным дешифрирования космических снимков

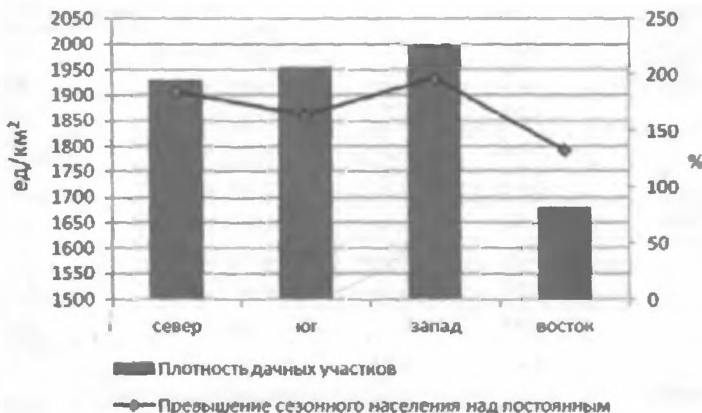

Рис. 7. Структура дачного расселения Московской области по секторам
 Рассчитано автором по данным дешифрирования космических снимков

В секторальной структуре по числу поселков, дачных домов и сезонному населению выделяется запад Подмосковья (около 30% их общего числа), что почти зеркально противоположно пропорциям размещения постоянного населения области. Дачные и садовые товарищества фактически дополняли сеть постоянного расселения из-за их локализации на свободных от застройки территориях, причем СНТ, как правило, располагались на неудобьях, под ЛЭП и других местах, непригодных для сельскохозяйственного использования (рис. 7).

В постсоветский период западный сектор с его традициями дачного освоения усилил свое доминирование, став главным направлением для строительства загородного, чаще коттеджного, жилья. Концентрация поселков происходила здесь, несмотря на его важные природоохранные функции в масштабах всего Московского столичного региона, а, возможно, и благодаря им, так как элитное загородное жилье часто тяготеет к зонам охраны природы [Махрова, 2014; Путешествие.., кн. 1, 2015]. Так, только три района западного направления – Истринский, Наро-Фоминский и Одинцовский – концентрируют пятую часть всего сезонного населения, сосредоточенного в бесстатусных товариществах Московской области. При этом в Наро-Фоминском районе численность летнего населения в этих поселках почти в 5 раз больше, чем постоянного сельского, что дает представление о масштабе пульсации всей системы расселения Московской области в разные сезоны года.

Ленинградская область по своей дачной освоенности, масштабу сети сезонного расселения и численности сезонного населения занимает второе место после Подмосковья. Однако эта пригородная территория имеет ряд отличительных черт.

Во-первых, ближний пояс пригородной зоны вследствие особенностей административно-территориального деления входит в состав северной столицы. Ее так называемые «пригородные» районы (Курортный, Колпинский, Красносельский, Петродворцовый, Пушкинский) сосредотачивают более 70% всех садово-дачных объединений, расположенных в границах города, и 72% от площади этих дачных владений [Михеева, 2012]. Кроме того, там находится множество индивидуальных дачных домов, в том числе сохранившихся с начала – середины XX в.

Такая концентрация дач в черте города и в ближних пригородах приводит к тому, что радиус зоны активного дачного влияния Петербурга значительно меньше по сравнению с Москвой, даже с учетом поправки на их разный демографический потенциал, а центр-периферийный градиент намного круче. И данные сельскохозяйственной переписи, и ре-

зультаты дешифрирования космических снимков показывают, что 2/3 всех садоводческих участков и дачных домовладений находятся в первом поясе муниципалитетов, а еще четверть сезонного жилья приходится на вторую зону. Два периферийных пояса (третий и четвертый) сосредотачивают менее 5% дачных домохозяйств: здесь самая низкая плотность сезонного населения, а его численность ниже численности сельского населения (рис. 8).

Роль западных районов Подмосковья в Ленинградской области выполняет ее север – Выборгский и Приозерский районы (рис. 9). Помимо ближних пригородов популярны районы северо-востока и юга, а также Всеволожский с его огромными садоводческими массивами (Дунай-Сады, Белоостров, Ново-Токсово, Васкелово, Грузино, Борисова Грива), которые концентрируют ¼ крупнейших садоводств Ленинградской области с населением свыше 5 тыс. чел. (табл. 1).

Рис. 8. Структура дачного расселения Ленинградской области по поясам
 Рассчитано автором по данным дешифрирования космических снимков

Еще одна особенность дачного расселения в пригородах Санкт-Петербурга – это большое число дач, которые расположены маленькими группками по два-три строения, что особенно характерно для районов Карельского перешейка с его многочисленными озерами и прибрежной полосой вдоль Финского залива и Ладожского озера. Такое размещение дач связано с инерционностью системы расселения и восходит к традициям хуторского расселения, когда дома предпочитали ставить на значи-

тельном удалении от соседей, в лесу, на берегу озера. Именно Выборгский и Приозерский районы, а также север Всеволожского, выделяются таким «мелкоселенным» дачным расселением; эти три района сосредотачивают более 45% сезонного населения Ленинградской области.

Рис. 9. Структура дачного расселения Ленинградской области по секторам
Рассчитано автором по данным дешифрирования космических снимков

«Новейшая история» становления и развития коттеджных пригородов

На рубеже XX–XXI вв. в развитии субурбий крупнейших российских городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, возникли новые тенденции, связанные с появлением и довольно быстрым распространением организованных коттеджных поселков. Это становится зримым проявлением перемен, происходящих в «дачном» сегменте пригородных зон вследствие реализации новых жилых стандартов наиболее активных и/или состоятельных слоев россиян.

Переход к рынку и связанное с этим изменение социальной структуры населения, включая появление новой системы ценностей, уже в середине 1990-х гг. привели к началу коттеджного строительства. Первые коттеджи «новых русских» представляли собой принципиально новый тип жилья в черте городских и сельских поселений, а также в садово-дачных товариществах, но при сохранении «садово-дачного наследия» советского времени. Снятие ограничений на размеры возводимых строений привело к тому, что в это время огромные замки и дворцы возникали

часто на участках в 6 соток с огородами (в лучшем случае с цветниками) в окружении старых, как правило, деревянных домов. Организованные коттеджные поселки стали появляться позднее – в конце 1990-х гг. Первоначально они строились крупными компаниями для своих работников как корпоративные, но уже к началу 2000-х гг. появились девелоперские компании, которые стали выводить коттеджные поселки на рынок [Махрова, 2015].

Бесспорное лидерство в коттеджном строительстве принадлежит Московскому региону, в котором с начала 2000-х гг. быстро увеличивается количество организованных поселков, построенных в едином архитектурном стиле, обеспеченных коммуникациями, охраной и службой эксплуатации. По оценкам, в 2001 г. в Подмосковье было около 30 коттеджных городков, в 2004 г. – более 300, в 2007 г. – свыше 600 единиц. К 2014 г. было построено уже около 1000 коттеджных поселков и еще примерно 400 находилось на разной стадии строительства [Махрова, Кириллов, 2015; Махрова и др., 2008; Махрова, 2006, 2014]. Увеличение их числа происходило при значительных изменениях форматов строящихся поселков, географии размещения, типах предлагаемого жилья и других индикаторов, отражавших этапы формирования коттеджных пригородов столицы.

Конец 1990-х гг. дал старт началу периода формирования коттеджных субурбий Москвы. Данная новация первоначально была генерирована представителями новой российской элиты и, соответственно, была ориентирована на спрос с их стороны. Коттеджные поселки в этот период отличались камерностью (в «среднем» подмосковном поселке было около 60 домов) при значительных размерах самих домов (средняя площадь превышала 400 м²). Большая часть поселков (77%) располагалась в зоне ближних и средних пригородов (на расстоянии до 40 км от МКАД), а в радиусе до 20 км было сосредоточено их основное количество [Махрова, 2008]. Другая специфическая черта их локализации состояла в том, что 70% поселков концентрировались на западе, юго-западе и северо-западе области (рис. 10). Западное Подмосковье, прежде всего Рублево-Успенское шоссе, закрепило за собой статус территории, наиболее востребованной для размещения коттеджных поселков, что было связано с ее престижностью, в том числе унаследованной от предыдущих эпох, и благоприятной экологической обстановкой. По аналогии с «золотой милей» и «золотым треугольником» в Москве за самой дорогой частью западного Подмосковья между Красногорском, Павловской Слободой, Жаворонками и Переделкино закрепился статус «золотого квадрата» [Махрова, 2008].

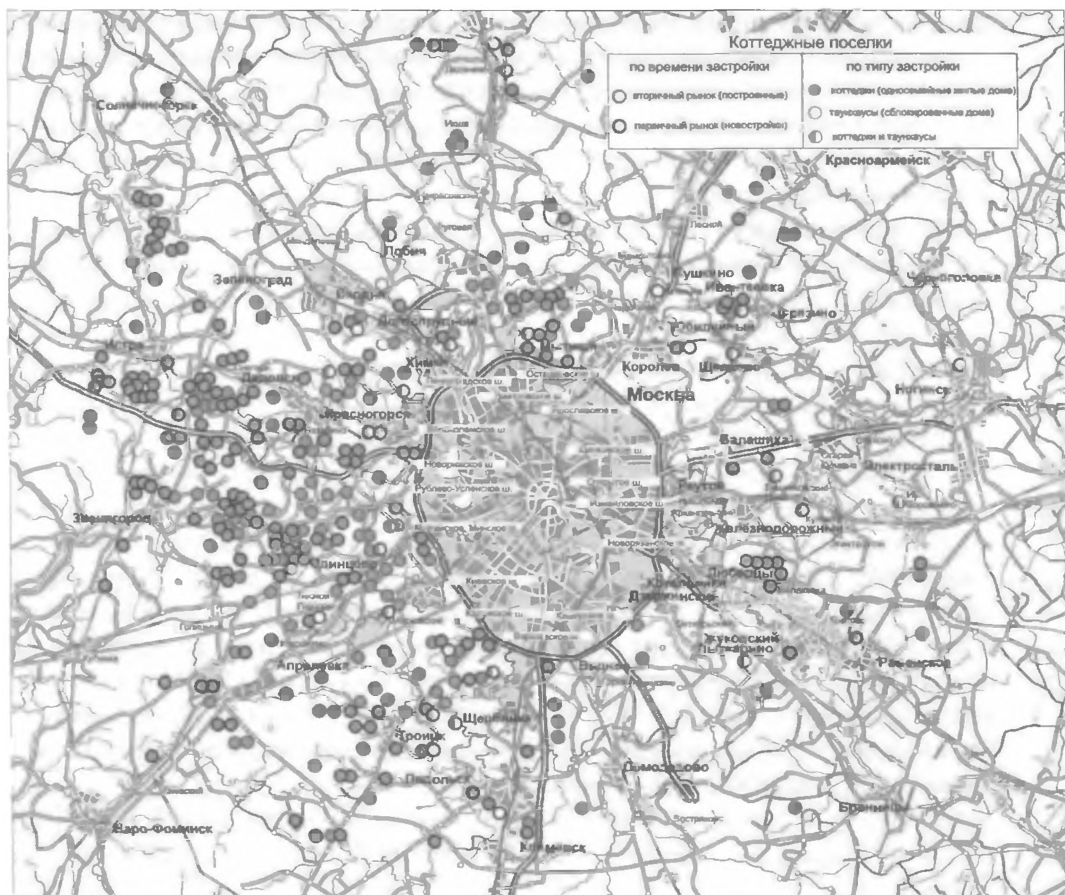

Рис. 10. Коттеджные поселки ближнего Подмоскья, 2005 г.

Источник: [Махрова, 2006]

В предкризисные 2005–2007 гг. под влиянием расширяющегося среднего класса стали проявляться первые признаки демократизации рынка недвижимости, когда увеличение количества коттеджных поселков происходило при их территориальной экспансии одновременно с расширением типов предлагаемого жилья.

В 2007 г. начало этих изменений уже можно было проследить и по сдвигам в размещении, и по изменению «моды» на размеры коттеджей и самих поселков. При постепенном исчерпании территориальных ресурсов зоны ближнего Подмоскья происходит активизация коттеджного строительства на большем удалении от МКАД. Это привело к доволь-

но заметным изменениям в их пространственной организации: большая часть этих образований стала располагаться уже в зоне средних (от 20 до 40 км), а не ближних пригородов, хотя эти значения были очень близки. Еще более существенно увеличилась доля дальнего Подмоскowsья, удельный вес которого за 2005–2007 гг. возрос почти в 10 раз, достигнув 20% [Махрова, 2008].

Территориальная «экспансия» коттеджных поселков сопровождалась подвижками в популярности отдельных направлений. С начала их появления Рублево-Успенское направление было лидером по числу организованных поселков, но уже в 2004 г. рейтинг возглавило Новорижское шоссе, которое выделялось лучшей пропускной способностью и большими территориальными ресурсами [Махрова, 2006]. Калужское направление, ставшее реальной альтернативой Рублевки для жителей юго-запада столицы, занимало третью позицию. Однако активно развивавшееся Дмитровское направление с коттеджными поселками «на воде» и модными горнолыжными базами под Яхромой в 2006 г. обошло Калужское направление и вошло в тройку лидеров по числу предлагаемых поселков, а в 2007 г. поднялось на вторую позицию (рис. 11). Статус территорий с наименьшим числом коттеджных поселков по-прежнему сохраняли направления индустриального востока и юга. Однако этот отрыв постепенно сокращался, и в 2008 г. Симферопольское направление по числу коттеджных поселков поднялось на 5-е место, обойдя бывшего лидера – Рублево-Успенское шоссе.

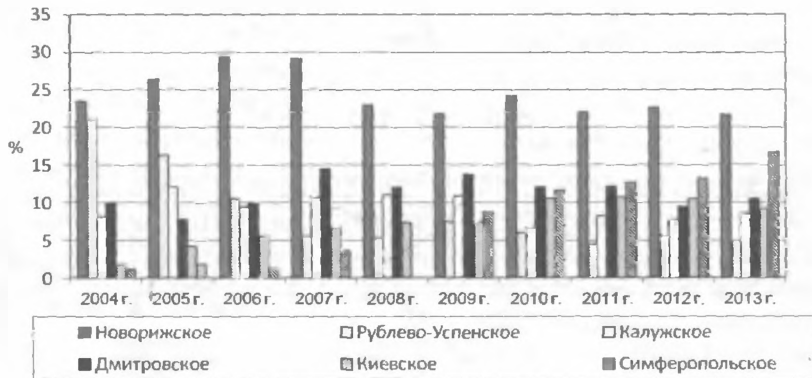

Рис. 11. Структура распределения организованных поселков, застроенных коттеджами, по направлениям-лидерам
По данным портала IRN.RU

Расширение типов жилья в организованных поселках происходило прежде всего в результате строительства более демократичных таунхаусов и жилых комплексов из домов малой и средней этажности (хотя первые таунхаусы появились на Рублевском и Сколковском шоссе, т.е. опять стартовали с наиболее дорогих направлений запада Подмосковья) (рис. 12). К концу 2007 г. на их долю приходилось уже свыше 20% от всех возводимых городков, причем, как и коттеджи, они в основном располагались достаточно близко к Москве (на расстоянии до 10–15 км от МКАД) [Махрова, 2015].

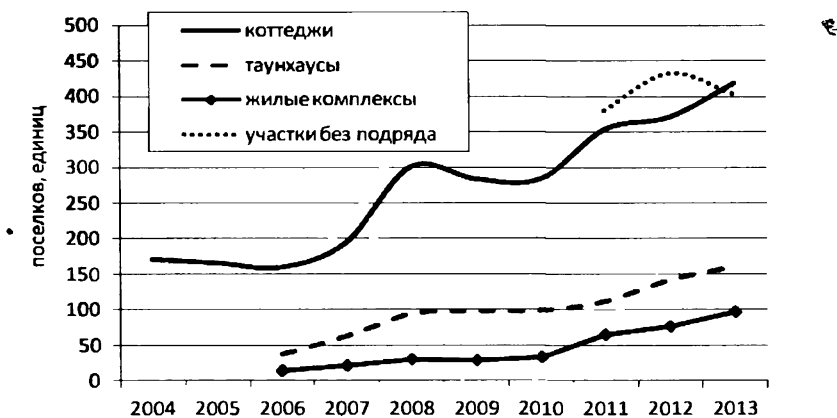

Рис. 12. Динамика числа активных коттеджных поселков разного формата
По данным портала IRN.RU⁴³

Параллельно начинает набирать популярность загородное многоквартирное жилье малой и средней этажности (в основном, с домами высотой в три-пять этажей). Как и поселки с таунхаусами, оно располагалось практически по всем направлениям ближнего и среднего Подмосковья, а его особая привлекательность состояла в сочетании качества предлагаемого жилья и его удобного местоположения с относительно доступными ценами.

К этому времени относится и появление на расстоянии 80–100 км от МКАД поселков с более демократичными деревянными домами меньшей площади (160–300 м²), расположенными на довольно больших участках

⁴³ В данной главе при составлении графиков и таблиц за исключением специально оговоренных случаев учтены так называемые активные поселки, т.е. строящиеся или уже построенные поселки, в которых ведутся продажи.

(15–30 соток). Вместе с деревенскими избами, покупаемыми москвичами в деревнях, такие поселки открывают зону «среднеудаленных» и «дальних дач» (см. главы 3.2 и 3.5) [Нефедова, 2012в].

К таким дачам по своему формату использования и географическому положению, но не по цене, близки и загородные усадьбы или резиденции, располагавшиеся на участках площадью свыше 1 га, где помимо самого дома находились дома для гостей, обслуживающего персонала и охраны, хозяйственные помещения и многое другое. Мода на этот тип жилья распространялась среди наиболее состоятельных слоев населения, которые, как правило, кроме резиденции в дальних пригородах для временного проживания, уже имели квартиру в центре Москвы для постоянного проживания и коттедж в ближнем Подмоскovie для временного проживания или как второе постоянное жилье. Для этих «дворянских усадеб» наиболее привлекательными оказались территории дальнего Подмоскovie и соседних областей, где хорошие условия для рекреации сочетаются с наличием территориальных ресурсов, например, в районах Рузского, Можайского, Иваньковского водохранилищ, на берегах Оки и др. [Махрова, 2008, 2013].

С появлением коттеджных поселков с разным типом жилья все чаще стали строить мультиформатные (смешанные) городки, в которых таунхаусы соседствовали с коттеджами, а виллы и усадьбы – с клубными домами на пять-шесть квартир. Их формат был связан прежде всего с возможностью увеличить плотность застройки, значительно расширить круг потенциальных покупателей и повысить рентабельность проектов в условиях происходившего в это время постоянного удорожания земли.

К этому же времени относится появление участков без подряда, которые предлагали покупателям лоты с подведенными коммуникациями для самостоятельной застройки. В 2007 г. на их долю приходилось около 5% от общего числа поселков, в следующем 2008 г. их удельный вес составил уже более 15%, что совершенно отчетливо показывало наличие спроса на этот продукт.

Большинство поселков при росте объема предложения и растущем разнообразии по-прежнему представляло собой небольшие по размерам поселения со средней площадью около 20 га и среднем количестве домов около 70 единиц. В основном такое жилье использовалось как второе, но, несмотря на возможность постоянного проживания в нем, реально, если оставалась квартира и работа в городе, оно было временным (чаще сезонным) [Махрова, 2008].

Разнообразие пригородных дач петербуржцев

Владение советского образца

*Новые стандарты
дачных домиков и участков*

Кировский район: реновация садовых товариществ

*Новые дома и заборы,
от прежних СНТ остались
только вывеска и дороги*

*Кировский район, СНТ «Гидролог»:
обследование дач участниками проекта*

Карельский перешеек – дачная Мекка питерцев: вода, песок, сосны

Комарово: старые и новые дачи

Брутальность коттеджей

Очарование старых дач

Курортный район Санкт Петербурга: дачи на любой вкус и кошелек

Разнообразие пригородных дач москвичей

*Рублево-Успенское и Минское
шоссе Подмосковья
Изыски «новых русских»*

*Киевское шоссе
Виллы в Крекшино*

И вытесняемые ими дачи в СНТ

*Новая Москва
Калужское шоссе
Стародачный поселок
«Советский писатель»*

Коттеджный поселок эконом-класса в Новой Москве

Время остановилось?..

Огороды близ г. Пушкино

*Окрестности г. Ивантеевка,
«будки» на огородах
и наступающие коттеджи*

В условиях ажиотажного спроса сохранялась ориентация предложения на верхний ценовой сегмент (коттеджи бизнес- и элитного уровня), покупателями которого могло быть только наиболее состоятельное население. Менее состоятельное население реализовывало свою мечту о собственном загородном коттедже, строя дома вне охраняемых поселков (в старых садовых товариществах советского образца или в черте городских и сельских населенных пунктов, расположенных в зоне тяготения Москвы).

После Москвы, пригородам которой принадлежит бесспорное лидерство по масштабам коттеджного строительства, следующее место по развитию этого формата загородного жилья занимают субурбии Санкт-Петербурга, где с начала 2000-х гг. происходит их динамичное развитие. Как и в Подмосковье, начальный этап был связан с появлением элитных поселков, ориентированных на наиболее состоятельных покупателей, которые строились в пригородных районах города и зоне его ближних пригородов в местах с живописным окружением, прежде всего вдоль берегов Финского залива и на Карельском перешейке.

В предкризисные 2006–2007 гг. в окружении Санкт-Петербурга начинают строиться не только элитные поселки, но и поселки, застроенные таунхаусами, малоэтажными комплексами, а также появляются участки под самостоятельное строительство с минимальной инженерной подготовкой. Одновременно начинает происходить небольшое сокращение площади участков и домов, которые все чаще строятся по современным дешевым технологиям. Таким образом, как и в пригородах Москвы, здесь наблюдаются признаки начала «демократизации» коттеджных субурбий.

Современный этап развития коттеджных субурбий

Кризис 2008 г. стал спусковым крючком, давшим старт современному этапу развития коттеджных пригородов, который связан с активным реформатированием коттеджного окружения Москвы и Санкт-Петербурга в сторону эконом-класса.

Резкое сокращение спроса, особенно на наиболее дорогие поселки, потребовал от застройщиков быстрой смены тактики. В пригородах Москвы это привело к тому, что более трети всех проектов независимо от престижности направления, на которых они были расположены, изменили свой формат на более доступный (дешевый). Рост числа поселков всех типов происходил на фоне резкого сокращения городков, застроенных только коттеджами. Одновременно вынужденная ориентация на

запросы покупателей привела к росту числа поселков, застроенных таунхаусами, почти в три, а малоэтажных комплексов – более чем в четыре раза; растет популярность поселков смешанного типа (рис. 12). Причем возведение соответствующей транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры, без чего подобные поселки теперь не принимаются подмосковными властями, увеличивает вероятность их использования для постоянного проживания, способствуя формированию малоэтажной субурбии западного типа.

В условиях кризиса в пригородах Москвы, как и в окружении других крупнейших городов страны, прежде всего Санкт-Петербурга, несомненным лидером стали поселки без подряда, так как их появление фактически предоставило возможность значительной части населения удовлетворить спрос на земельные участки под дачные коттеджи. Самая сложная часть – подведение минимального набора коммуникаций – осуществляется девелоперами или владельцами земли, для покупателей приобретение таких участков означает долгую жизнь на стройке при существенных рисках того, что коммуникации или не будут подведены вообще, или будут подведены не в срок и не в полном объеме. Тем не менее участки без подряда стимулировали распространение моды строить самому, примеря роль если и не строителя, то хотя бы прораба и/или дизайнера. Это привело к появлению не только многочисленных строительных бригад отходников и фирм, работающих с ними, но и многочисленных сайтов в Интернете, на которых идет процесс обучения, передачи и обмена опытом по самостоятельному строительству коттеджей.

Изменение структуры предложения организованных поселков сопровождалось не менее существенными изменениями в их размещении. К настоящему времени фактически вся территория пригородов в радиусе 20–30 км от МКАД плотно заполнена коттеджными образованиями, хотя запад по-прежнему выделяется повышенной концентрацией более дорогих поселков. Особняком продолжает стоять и наиболее дорогое и престижное Рублево-Успенское шоссе, которое от других направлений, включая западные, отличается даже визуально стеной высоких зеленых заборов, за которыми прячутся коттеджные поселки современной элиты страны.

По числу организованных поселков, застроенных коттеджами, Новорижское шоссе с 2004 г. никому не уступало своего лидерства. При этом гораздо менее престижное Симферопольское направление становилось все более востребованным: с 2011 г. оно закрепилось на втором месте, постепенно сокращая отрыв от Новой Риги по числу поселков. Эти два направления концентрируют и наибольшее число участков без подряда.

Локализация поселков, застроенных таунхаусами и жилыми комплексами, более равномерна по разным направлениям. И здесь особо выделяется Рублево-Успенское шоссе, которое сохраняет статус главного элитного направления, где при повышенной доле поселков с коттеджами крайне низка доля наиболее дешевых типов. Новорижское направление выделяется количеством мультиформатных поселков, в которых застройка ведется преимущественно в бизнес- и элитном сегментах (например, поселки Павлово, Маленькая Италия, Новахово, Коровино, Park Avenue и др.), что приводит к сохранению за Новой Ригой статуса территории для поселков преимущественно бизнес-класса.

Динамика основных характеристик коттеджных поселков показывает, что независимо от их формата происходит сдвиг в сторону их демократизации. Сами поселки становятся все более крупными, в них растет количество домовладений. При этом средняя площадь домов (квартир, секций) и площадь участков под ними, также как абсолютная и удельная стоимость владений, становятся меньше. Так, по сравнению с 2006 г. средние цены на таунхаус к концу 2013 г. снизились примерно в два раза, на коттедж – в 2,3 раза, а на квартиру в жилом комплексе – в 3,6 раз. Однако цены остаются по-прежнему высокими. И хотя главным трендом считается разворот в сторону эконом-класса, качественное коттеджное жилье даже демократичного сегмента остается по-прежнему малодоступным для среднего класса [Махрова, 2015].

Современные коттеджные пригороды в Подмосковье, как и в Ленинградской области, значительно уступают садово-дачным объединениям по своей масштабности. Кроме того, организованные поселки более требовательны к местам своего размещения: для них, кроме близости к городу-центру, важное значение имеет благоприятная экологическая обстановка, красота окружающего ландшафта, близость к водоемам. Однако, несмотря на это, в результате территориальной экспансии коттеджные поселки разного класса повторяют общие закономерности локализации загородного жилья.

Большая часть организованных поселков бизнес- и премиум-класса, также как и дачных поселков, тяготеет к зоне ближних и средних пригородов, особенно к западным направлениям. Коттеджные поселки эконом-класса, как и садово-огородные объединения, сосредоточены в среднем и дальнем Подмосковье на менее престижном востоке и юге, причем сам формат поселка, застроен ли он коттеджами или таунхаусами, имеет меньшее значение. Таким образом, территориальное «расслоение» организованных поселков еще существеннее усиливает складывающуюся

территориальную стратификацию загородного жилья и по качеству, и по социальному составу проживающих, и по целевому использованию (для сезонного и временного проживания) [Махрова, 2014].

В Санкт-Петербурге в посткризисный период доминирование среди новых поселков эконом-класса стало практически абсолютным: в 2013 г. на них приходилось более 90%. Самые бюджетные предложения предлагали участки без подряда, представляющие собой большие поселения, похожие на садовые товарищества советского времени (каждый пятый из полусотни таких поселков рассчитан более чем на 400 владений).

Разворот рынка в сторону потребностей среднего класса и появление большого числа объектов эконом-класса, включая поселки без подряда, привело к тому, что, несмотря на кризис, с 2010 г. количество строящихся коттеджных поселков на территории Ленинградской области выросло более чем в три раза. Сравнение числа строящихся организованных поселков в окружении Москвы и Санкт-Петербурга с учетом поправки на их разный демографический потенциал показывает, что они находятся примерно в паритетном состоянии, хотя по развитости, уровню цен, структурному разнообразию и пространственному распространению коттеджное окружение северной столицы намного уступает.

Важной особенностью размещения этих поселков является их близость к Санкт-Петербургу: в зоне ближних и средних пригородов (условно в зоне до 40 км от КАД) расположены почти три четверти всех поселков, причем половина из них – на расстоянии до 20 км (рис. 13). Для коттеджного окружения Москвы такая концентрация была характерна для начала – середины 2000-х гг., а к рубежу 2000–2010-х большая часть поселков располагалась уже в зоне средних (от 20 до 40 км) пригородов [Махрова, 2015].

Вытянутость территории Ленинградской области в широтном направлении при наличии двух таких мощных аттракторов, как Финский залив и Ладожское озеро, приводят к тому, что новые коттеджные поселки появляются в наиболее живописных местах и на периферии. Эта особенность существенно отличает пригороды Санкт-Петербурга от Подмосковья, где сдвиг организованных поселков вглубь происходил по мере исчерпания территориальных ресурсов вначале ближних, а затем и средних пригородов, а не при их наличии.

Роль запада Подмосковья, где находятся наиболее престижные и дорогие коттеджные поселки, в Ленинградской области выполняет север, прежде всего районы Карельского перешейка с его великолепным природно-рекреационным потенциалом, где расположен петербургский

«золотой треугольник»: часть территории между Комарово, Репино и Ленинским. Именно северное направление на протяжении всего периода развития коттеджных пригородов остается наиболее привлекательным, хотя в географии их локализации из-за сдвига в сторону эконом-класса произошли существенные подвижки, хотя и с заметным временным лагом.

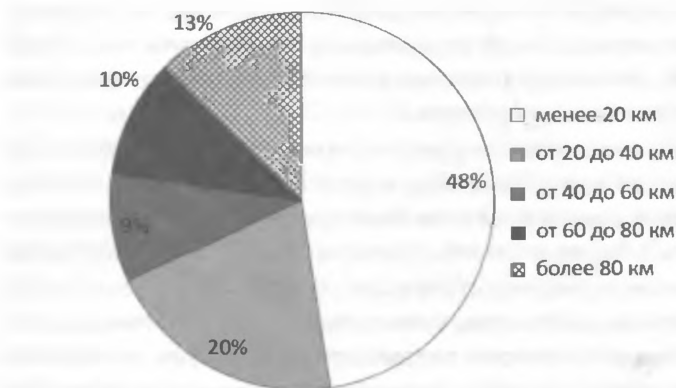

Рис. 13. Распределение коттеджных поселков Ленинградской области и Санкт-Петербурга по удаленности от КАД, 2015 г.

Рис. 14. Распределение коттеджных поселков по районам Ленинградской области и Санкт-Петербурга, 2015 г.

В 2010 г., как и на начальном этапе появления коттеджных поселков, бо́льшая часть новых объектов в пригородах Санкт-Петербурга по-прежнему строилась на наиболее престижных территориях Карельского перешейка, хотя в Московской области к этому времени Дмитровское и Симферопольское направления уже вытеснили не только наиболее статусную и дорогую Рублевку, но и Киевское шоссе. В Санкт-Петербурге подобная реакция рынка проявилась лишь к 2015 г., когда Ломоносовский район с предложением более дешевого формата коттеджных поселков обогнал не только более удаленный Приозерный, но и Выборгский район (рис. 14). Таким образом, пятилетний разрыв от Москвы по этому важному показателю сохраняется.

К настоящему времени активное строительство коттеджных поселков в пригородах Санкт-Петербурга ведется всего лишь в трех районах (Всеволожском, Ломоносовском и Выборгском), на долю которых приходится 2/3 всего объема строительства коттеджных поселков. Всеволожский район по-прежнему концентрирует почти треть нового коттеджного строительства, еще в четырех муниципалитетах (Приозерском, Гатчинском, Курортном, Кировском) строительная активность довольно существенна, остальные 11 районов представлены единичными поселками.

При этом во Всеволожском районе в настоящее время подавляющая часть строящихся городков представлена объектами эконом-класса, а Выборгский район, который еще несколько лет назад занимал второе место по количеству возводимых поселков, в настоящее время из-за удаленности значительной части своей территории сдает свои позиции еще быстрее. Основная часть поселков расположена здесь на расстоянии свыше 20 км от КАД, хотя эти стародачные места сохраняют свою престижность, а строительство северного участка Западного скоростного диаметра усилило их потенциал и для постоянного проживания за городом. Приозерский район из-за своей удаленности (второй пояс пригородов) при всей притягательности Карельского перешейка менее востребован, что особенно проявилось в условиях кризиса. Однако и здесь строительство Приозерского шоссе и разворот предложения в сторону эконом-класса позволили ему остаться среди районов, востребованных для строительства коттеджных поселков.

При сохранении за районами Карельского перешейка статуса наиболее престижных и дорогих в пространственной организации коттеджного строительства происходит постепенный сдвиг к югу, где быстро увеличивается число более дешевых поселков эконом-класса, в том числе поселков без подряда. Это особенно ощутимо в Ломоносовском районе, который не-

посредственно граничит с Петербургом и имеет такой аттрактор, как Финский залив. После строительства КАД он смог реализовать свой потенциал, в том числе и для постоянного проживания за городом, вклинившись между прежними лидерами – Всеволожским и Выборгским районами. Постепенно набирает популярность еще один представитель юга – Гатчинский район, который также граничит с городом и имеет довольно хорошую транспортную доступность. Однако суммарное количество поселков, строящихся в Ломоносовском и Гатчинском районах, меньше чем в одном Всеволожском, хотя коттеджное строительство в нем испытывает сильную конкуренцию за территорию со стороны других функций (рис. 14).

Как уже отмечалось, для Санкт-Петербурга характерно наличие так называемых внутренних пригородных районов. Среди них своим потенциалом для коттеджного строительства традиционно выделяется Курортный район города с его знаменитыми курортными и дачными местами, известными еще с дореволюционных времен (Зеленогорск, Комарово, Репино, Сестрорецк, Солнечный и многие другие). Притягивая своим благоприятным климатом, песчаными пляжами Финского залива, чистым морским воздухом и хвойными лесами, он как бы предваряет основные районы концентрации коттеджных поселков на Карельском перешейке.

Коттеджные поселки в районах Санкт-Петербурга во многом повторяют черты, характерные и для районов Ленинградской области с той лишь разницей, что центр-периферийный градиент нарастает, а не падает с удалением от исторического центра города. Самый престижный и дорогой район севера – Курортный – в последние годы догоняет южный Пушкинский район, причем для этих муниципалитетов характерен высокий уровень не только коттеджного, но и дачного освоения. Довольно много поселков в Петродворцовом районе, который, как и Курортный, вытянулся вдоль Финского залива, но с противоположной стороны. В Красносельском районе, также относящемся к популярным дачным местам еще с дореволюционного времени, коттеджных поселков поменьше. В остальных районах города поселков, которые очень требовательны к своему природному окружению, или совсем нет, или крайне мало, как в Колпинском районе.

В Москве в границах МКАД было совсем немного садово-дачных и коттеджных поселков, однако расширение ее территории в середине 2012 г. оказало довольно неожиданное влияние на появление новых и популярность существующих коттеджных поселков разного типа, что очень рельефно отражает приоритеты покупателей загородного жилья. Территория между Киевским и Калужским шоссе, которая образовала

«основное тело» Новой Москвы, традиционно входила в тройку самых дорогих на рынке загородной недвижимости из-за положения на престижном юго-западе, относительно хорошей экологической обстановки, редкой сети городов и поселений с многоэтажной застройкой, наличия стародачных мест и статусного соседства с госдачами и дачами топ-менеджеров Газпрома. Общее количество уже построенных здесь поселков превышает 80 единиц, причем их основная часть представлена поселками бизнес-класса.

Возможность проживания в собственном доме с лужайкой в черте города должна была бы способствовать росту интереса к организованным поселкам, однако после анонсирования властями планов по расширению столицы уже осенью 2011 г. было отмечено снижение интереса покупателей к загородным объектам на территории Новой Москвы. С ее вхождением в состав столицы рынок вначале замер, а затем стал реформатироваться. Новые проекты элитного уровня и бизнес-класса практически не появляются, на вторичном рынке в существующих поселках идут слабые продажи. Причем в поселках вдоль Киевского шоссе, которые не вошли в состав новых столичных территорий, продажи идут неплохо. Особенно показательно направление структурных изменений по Калужскому направлению, которое полностью вошло в состав Новой Москвы. При сокращении числа и доли поселков с участками без подряда наиболее значительно выросли количество и доля среднеэтажных жилых комплексов и таунхаусов, жилье в которых ближе к городскому, а потенциальные покупатели менее чувствительны к изменениям в окружении.

Фактически Новая Москва стала территорией, где наиболее ярко отражены проблемы всего рынка коттеджного жилья ближнего Подмосковья, связанные с рисками неблагоприятного соседства из-за крупномасштабного строительства многоэтажного жилья и новых магистралей, когда многие поселки оказываются еще и на трассе. Однако самыми непредсказуемыми и опасными стали риски изъятия владений, которые резко возросли после стремительного принятия закона об особом порядке изъятия земель [Махрова, 2015].

* * *

В системе расселения Московской и Ленинградской областей активно происходят изменения, связанные с развитием загородного коттеджного строительства и быстрым ростом загородных коттеджных поселков, застраиваемых жильем разного формата. Однако, несмотря на форми-

рование коттеджных субурбий, наиболее важным и распространенным элементом в системе сезонного расселения по-прежнему остаются традиционные дачные и садово-огородные поселки. Это приводит к тому, что сезонный характер проживания в загородном жилье остается пока еще типичным проявлением российской специфики субурбанизации.

Одновременно с этим в садово-дачных поселках происходят важные трансформации. Старый жилищный фонд в ряде удачно расположенных товариществ, особенно в стародачных местах (так же как и в отдельных деревнях), заменяется коттеджами разного уровня, а они сами постепенно превращаются в загородные коттеджные поселки для постоянного проживания. Такие стародачные поселки, как Малаховка, Мамонтовка, Салтыковка, Комарово, Репино и др., с самого начала функционировали как жилые дополнения Москвы и Санкт-Петербурга с постоянным населением, а привлечение в них на летний отдых москвичей и петербуржцев было важной, но не единственной их функцией.

Худшие по условиям садово-дачные объединения пока сохраняют свой статус сезонного жилья, но и в них идет активное строительство новых домов с автономными системами благоустройства, превращая их во внесезонные дома, которые начинают использоваться для проживания на постоянно-периодичной основе.

В пригородах Москвы и Санкт-Петербурга все более активно начинается развиваться стандартная субурбанизация западного типа, когда значительная часть домов и в коттеджных, и в удачно расположенных садово-дачных поселках начинает использоваться для постоянного проживания, которое в зависимости от жизненного цикла семьи служит вторым или единственным постоянным жильем. Бизнес уже отреагировал на эти процессы появлением загородных школ, частных детских садов, медицинских и торгово-развлекательных центров, а также наращиванием самых разных элементов социальной инфраструктуры в самих коттеджных поселках, которые ориентированы на совместное использование с рядом проживающим населением. На эти пока еще в значительной степени латентные процессы трансформации начинает реагировать и власть, которая пытается не только разработать Кодекс дачников, как это сделано в Подмосковье, но и принять поправки в действующее законодательство, чтобы интегрировать все эти дачные поселки в существующие поселения, уравнивая их жителей в правах с постоянным населением.

Глава 3.5

Бесстатусные поселки дачников за пределами столичных областей

Важная особенность расселения в России состоит в наличии развитой сети сезонных поселков, куда выезжают миллионы горожан в теплый сезон. В данной главе рассматриваются две разновидности дач, формирующие отдельные поселки и заметно влияющие на расселение в областях Нечерноземья: садовые, дачные и огороднические некоммерческие товарищества/объединения (СНТ)⁴⁴ и коттеджные поселки (КП).

В 1990-х гг. СНТ москвичей и петербуржцев стали активно выходить за пределы Московской и Ленинградской областей, существенно увеличивая сезонное население сельской местности. Помимо бесплатного получения официально выдаваемых земель жители крупнейших городов скупали дома и участки в садовых товариществах в соседних с Московской областью районах. Часто они находились на территории городов или сельских поселений, но большинство было расположено все-таки вне границ населенных пунктов. При этом, занимая огромную площадь и концентрируя в летний период сотни и тысячи человек, они не имели официального поселенческого статуса. Попробуем рассмотреть особенности их размещения за пределами населенных пунктов и их роль в системе расселения в сельской местности за пределами столичных областей.

Использование космических снимков позволило выявить не только сами поселки горожан, но и подсчитать число домохозяйств в них. На

⁴⁴ Все эти три вида некоммерческих товариществ граждан условно можно объединить под аббревиатурой СНТ из-за абсолютного доминирования садовых товариществ. Далее по тексту для описания бесстатусных поселков с дачным жильем горожан за исключением специально оговоренных случаев будет применяться это название.

рис. 1 видно, как резко уменьшается плотность садовых и коттеджных поселков за границами Московской области. Тем не менее в прилегающих к ней районах соседних регионов, особенно в Калужской, Тульской и Владимирской областях, их плотность велика. Сравнение статистических данных о местном населении и расчетов, сделанных по результатам дешифрирования снимков⁴⁵, позволило сопоставить численность «статусного» местного и «бесстатусного», преимущественно летнего, населения. Это дало возможность определить влияние крупных городских центров на искажение показателей заселенности в регионах вокруг Московской области и в более удаленных областях (Ивановская, Костромская).

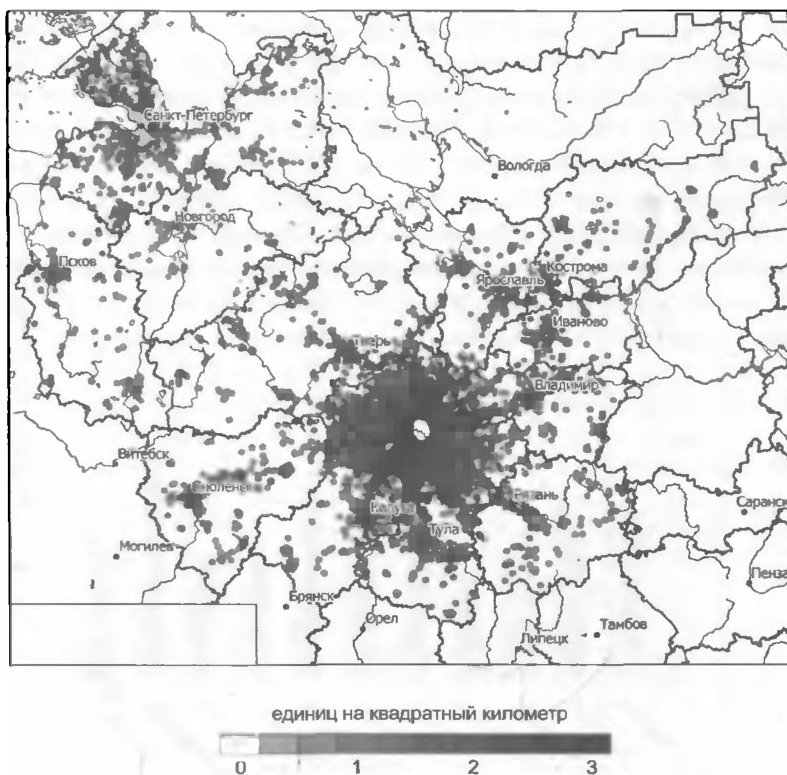

Рис. 1. Плотность размещения садовых товариществ и коттеджных поселков вне населенных пунктов

Составлено А.А. Медведевым на основе дешифрирования космических снимков

⁴⁵ См. главу 3.3 «Методы изучения дач и результаты их применения».

Помимо концентрации у границ Московской области отдельно стоящие сезонные поселки, не имеющие поселенческого статуса, постепенно расширяясь, тяготеют к дорогам и наиболее живописным районам вдоль Волги в Тверской, Ярославской и Костромской областях, Оки в Калужской и Тульской областях, к берегам озер, заповедникам. Количество бесстатусных поселков вне населенных пунктов, число участков в них в областях Нечерноземья приводится в табл. 1.

Учитывая относительную удаленность внеагломерационных дачных поселков, можно предположить, что летом в одном дачном доме относительно длительное время могут жить как минимум два человека (чаще пенсионеры или один родитель с ребенком). Даже с учетом того, что в удаленных районах около четверти участков в СНТ не используется, летом население в таких областях, как Владимирская и Калужская, возрастает в полтора раза, в остальных – на треть или на четверть. При этом средний размер бесстатусных поселков, как правило, больше среднего размера сельских населенных пунктов (рис. 2). Исключение составляют лишь Владимирская и Рязанская области с их более плотной заселенностью. Крупные бесстатусные поселки горожан, население которых в летний сезон достигает 1000 и более человек, вполне сопоставимы с селами, формирующими в Нечерноземье основной каркас сельского расселения. При них часто формируется набор объектов сферы услуг, отсутствующий в соседних деревнях, что усиливает их влияние на окружение.

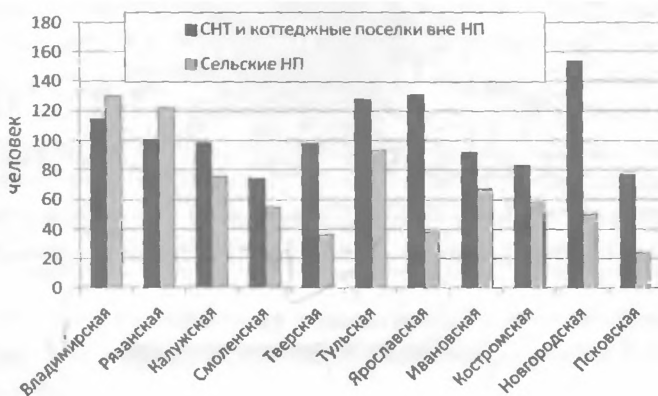

Рис. 2. Соотношение среднего размера бесстатусных поселений горожан-дачников вне населенных пунктов (НП) со средним размером сельских НП, чел.

По данным дешифрирования спутниковых снимков (А.А. Медведев) и расчетам авторов

Таблица 1. Основные показатели по СНТ и коттеджным поселкам вне населенных пунктов за пределами Московской и Ленинградской областей по данным дешифрирования снимков

	Число поселков (СНТ и КП), ед.	Общее число участков в поселках, тыс. ед.	Средний размер одного поселка, число участков	Максимальный размер поселка, число участков	Средний размер сельского населенного пункта, чел.	Отношение численности летнего населения ко всему постоянному населению региона, %	Отношение численности летнего населения к сельскому населению региона, %
Регионы, окружающие Московскую область							
Владимирская	781	89,7	115	931	130	13	57
Калужская	753	73,5	98	974	75	15	61
Рязанская	291	29,5	101	798	122	5	18
Смоленская	614	45,4	74	2235	55	9	34
Тверская	738	72,2	98	1284	36	11	44
Тульская	631	80,9	128	1311	93	11	48
Ярославская	365	48,0	131	563	38	8	42
Удаленные от Москвы регионы дачного освоения местными жителями и москвичами							
Ивановская	275	25,5	92	616	67	2	8
Костромская	379	31,5	83	1246	58	5	18
Регионы дачного освоения местными жителями и преимущественно петербуржцами							
Новгородская	133	35,0	263	10435	50	11	38
Псковская	384	29,7	77	1912	24	9	30

Расчеты проведены по космическим снимкам (А.А. Медведев), а также по [Численность населения..., 2014].

Для выявления особенностей размещения СНТ и КП за пределами Московской и Ленинградской областей в разрезе муниципальных районов было рассмотрено пространственное распределение пяти основных факторов, влияющих на концентрацию таких поселков.

1. Численность населения всех городов на территории муниципального района или в примыкающем к нему городском округе, поскольку владельцами второго жилья в сельской местности обычно бывают горожане.

2. Удаленность района, где расположены СНТ и КП, от областного центра по принципу соседства: от пригородных районов через соседей второго, третьего и последующих порядков до самых удаленных в данном субъекте РФ.

3. Удаленность от Москвы или Санкт-Петербурга и от основных транспортных магистралей. Влияние этого фактора определялось, исходя из физического расстояния от столиц в километрах, которое корректировалось в зависимости от степени удаленности района от железнодорожных и автомагистралей (отражает степень доступности районов для жителей столиц).

4. Степень антропогенного изменения природных ландшафтов, которую косвенно показывает уровень распаханности территории муниципального района.

5. Наличие и тип водоема.

Эти пять факторов, слабо коррелирующих друг с другом, были основными для корреляционного и регрессионного анализа причин размещения бесстатусных поселков. Дополнительно рассматривалась плотность сельского населения в районе, имеющая повышенный коэффициент корреляции с первыми двумя факторами и со степенью распаханности территории (коэффициент корреляции – 0,44–0,54). Высокая плотность местного населения должна, скорее, служить не притягивающим, а отталкивающим фактором для дачников. Однако в российских условиях она означает лучшую инфраструктурную обустроенность территории, наличие магазинов, медицинского и прочего обслуживания. Поэтому для садовых и коттеджных поселков инфраструктурная обустроенность служит фактором, порой более важным, чем живописность и «дикость» природного окружения.

В качестве результирующих факторов рассматривались общее количество участков в бесстатусных поселениях вне населенных пунктов в разрезе муниципальных районов, а также соотношение сезонного и постоянно проживающего, в т.ч. сельского населения (табл. 1).

Корреляционный анализ показал, что наиболее значимым фактором, влияющим на размещение и размер бесстатусных поселков в муниципальных районах (по общему числу домохозяйств), является численность населения ближайшего города ($K_{кор} = 0,68$), что говорит о большой роли местных городских центров в областях в формировании сети таких поселений. Вторым важным фактором служит степень удаленности от Москвы или Санкт-Петербурга ($K_{кор} = 0,48$). Степень антропогенного изменения природных ландшафтов оказалась почти незначимым фактором, а коэффициент парной корреляции с наличием крупного водоема равен 0,27. Все четыре основных независимых фактора объясняют 64% дисперсии распределения общего числа участков вне крупнейших агломераций, при этом численность населения ближайшего города объясняет 52% вариации.

Отчасти это связано с тем, что по космическим снимкам можно выделить далеко не все СНТ и КП, а только те, что находятся вне населенных пунктов. На самом деле участков в КП и СНТ в два раза больше, что показало сравнение с данными сельскохозяйственной переписи 2006 г. (рис. 3).

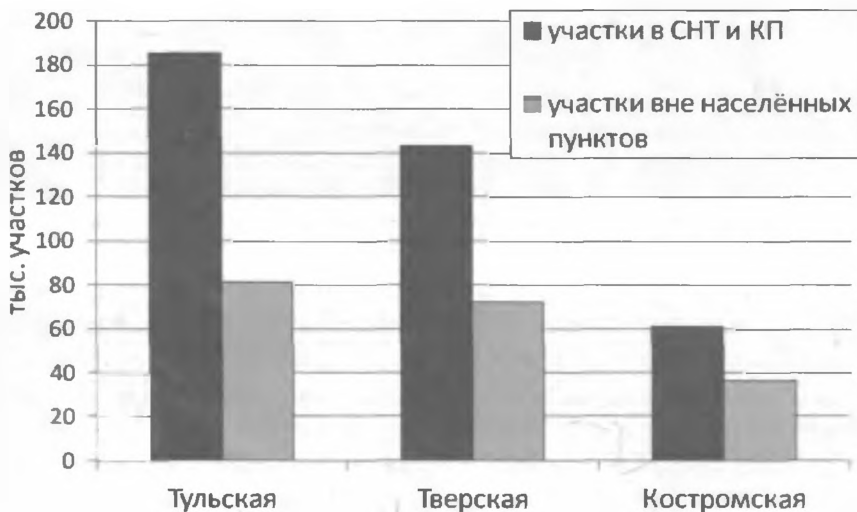

Рис. 3. Соотношение общего количества участков в СНТ и КП, тыс. ед. (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи [2008]) и участков вне населенных пунктов (по данным дешифрирования спутниковых снимков А.А. Медведева)

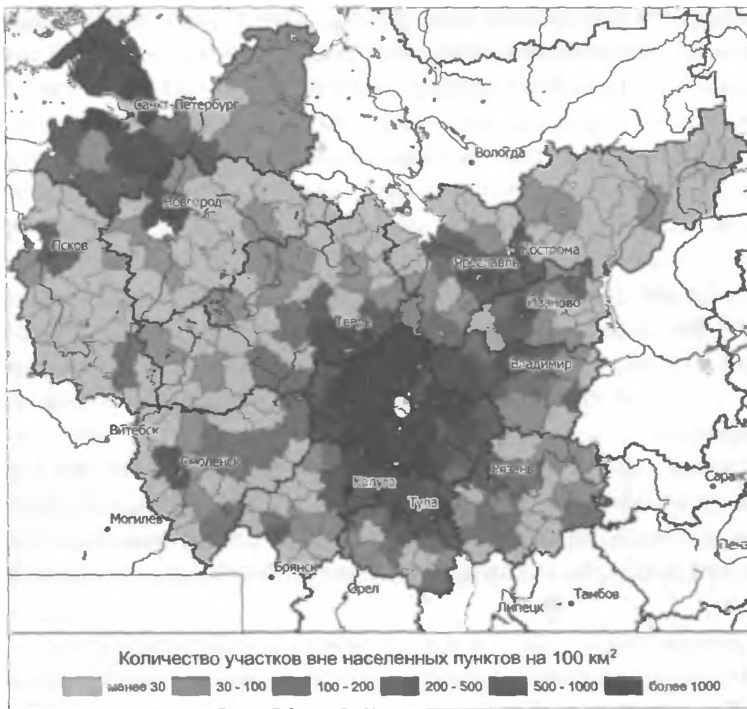

Рис. 4. Плотность размещения участков (домохозяйств) в садовых товариществах и коттеджных поселках, расположенных вне населенных пунктов в муниципальных районах областей Нечерноземья, на 100 км²
Рассчитано по материалам дешифрирования космических снимков

Но даже такие заниженные данные позволяют понять принципы территориального размещения отдельных бесстатусных поселков. На рис. 4 показана плотность дополнительной сети садово-коттеджных поселений по муниципальным районам, что важно для их развития. Максимальная плотность сезонных домохозяйств вне населенных пунктов (более 500 на 100 км²) охватывает Москву плотным кольцом, а повышенная плотность характерна практически для всей Московской области (см. главу 3.4). Хорошо видны и «выплески» садово-коттеджного строительства за пределы Московской области, особенно явные в районах, пересекаемых четырьмя полимагистральями: на С.-Петербург, Калугу, Тулу и Владимир. Интенсивность перемещений населения на этих участках, включая не только рекреационные, но и трудовые поездки, заставляет думать о необходимости корректировки реальных границ Московской агломе-

Река Ока с берегами, усеянными коттеджными и дачными поселками

Разнообразие дачных домов в Заокском районе Тульской области

*Новые дома в дачном поселке на севере Ясногорского района Тульской области
и кухня в одном из них*

*Алексинский район Тульской области:
предложение апартаментов и дачные дома на продажу*

*Пляж на Оке
в Алексинском районе
Тульской области*

*Бойкая торговля
в районе концентрации
дачных поселков*

рации. Выявляется также мощный рекреационный ареал вдоль Волги на стыке Ярославской, Костромской и Ивановской областей, формируемый как москвичами, так и жителями региональных столиц.

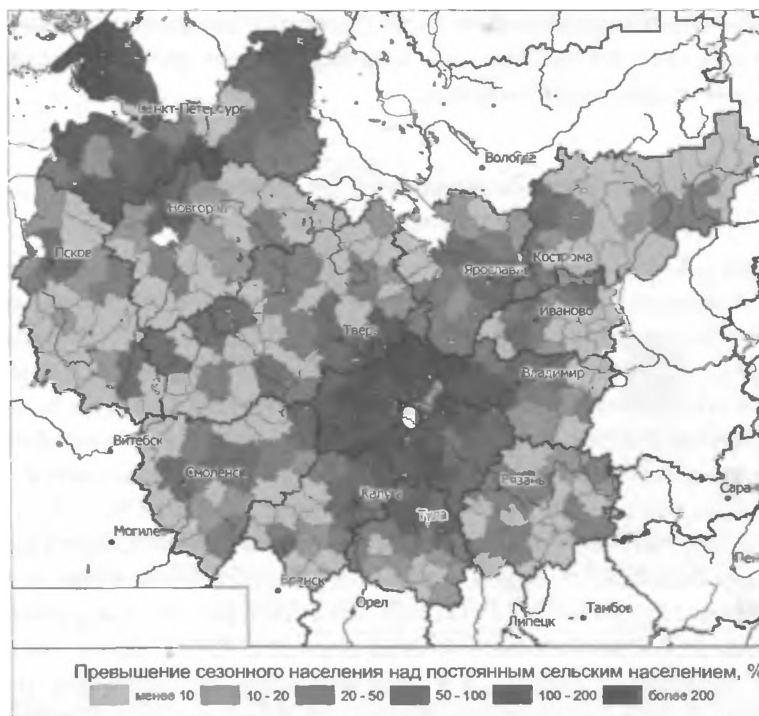

Рис. 5. Отношение численности сезонного дачного населения вне населенных пунктов к сельскому населению в муниципалитетах регионов Нечерноземья, %

По данным о числе домохозяйств в СНТ и КП и численности населения

Зона влияния Санкт-Петербурга меньше, хотя и охватывает всю западную часть Ленинградской области. Выделяется южное направление на Москву с выходом в Новгородскую область, где в районах вдоль авто- и железнодорожной магистралей концентрируются СНТ и коттеджные поселки петербуржцев.

Обе столичные области резко выделяются превышением сезонного городского населения над сельским, хотя плотность последнего в них выше, чем в других регионах Нечерноземья. На рис. 5, показывающем степень превышения сезонного населения над постоянным сельским, влияние садово-коттеджного освоения территории, особенно вдоль всех

полимагистралей между Москвой и С.-Петербургом, более заметно. Кроме этих «коридоров» велика роль бесстатусных поселков горожан в сельском расселении в пригородах больших городов: вокруг Пскова, Новгорода, Ярославля, Костромы и т.д. Но она повышается и в периферийных районах, потерявших большую часть сельского населения, а также вблизи средних и даже малых промышленных центров, предприятия которых выдавали участки своим рабочим.

Пример садово-коттеджного освоения севера Тульской области

В главе 2.5 уже упоминалась специфика Тульской области, сочетающей три мощных фактора пространственной мобильности местного населения: близость к Москве, хорошее сообщение и притягательность для рекреации прибрежных районов вдоль Оки. Отъезд на работу в Москву и Московскую область населения малых городов и деревень компенсируется здесь притоком дачников и трудовых мигрантов, работающих в дачном строительстве. Тульская область остается привлекательной для переезда на постоянное место жительства. Но сельская местность притягивает мигрантов в основном в двух типах районов: в пригородах больших городов, а также в районах вдоль Оки. Более 60% всех садовых товариществ Тульской области находится в муниципалитетах Тульско-Новомосковской агломерации. Остальные больше тяготеют к северным районам, а в периферийных районах юга области с невысоким уровнем урбанизированности, возглавляемых небольшими поселками городского типа и малыми городами, их число невелико из-за отсутствия потребности у населения в дачах [Всероссийская сельскохозяйственная, 2007]. В последние годы в Тульскую область все больше приезжают московские дачники. Особенно «дачно-коттеджным» является Заокский район.

Заокский район. Съезд с трассы М2 на дорогу, идущую вдоль Оки, поражает обилием рекламы распродажи домов в коттеджных поселках и земель под строительство дач и коттеджей (см. фотографии на вклейке). Сельское население района, составляющее 15 тыс. чел., летом, по оценкам сотрудников администрации, увеличивается в 10 раз. Инвентаризации дачников не ведется, эти оценки сделаны по резкому увеличению товарооборота и количества мусора. Среди дачников преобладают москвичи, тульских дачников в этом районе мало, они концентрируются ближе к Туле.

Число горожан, проживающих в сельской местности более одного года (4,4 тыс. чел.), составляет более четверти сельского населения района. Заокский район стал не только местом сезонного наплыва дачников, но и зоной дезурбанизации москвичей, хотя их доля в общем числе горожан-дачников составляет около 3%. В других дачных районах на севере Тульской области она еще меньше (рис. 6).

*Рис. 6. Отношение числа незарегистрированного населения, проживающего в муниципальных районах более года к числу местных жителей, %
По данным администраций рассмотренных районов*

Земельный налог в 2014 г. составлял всего 800 руб. за 15 соток в год. В конце 1990-х гг. местная администрация предпринимала попытку ввести дополнительный налог на обустройство дачных участков, но прокуратура эту инициативу не пропустила. В результате, несмотря на земельный ажиотаж, бюджет района остается дотационным на 60%.

Правда, отдельные сельские поселения на берегу Оки имеют бездотационный бюджет во многом благодаря дачникам. К ним относится Страховское поселение, в котором летом население увеличивается почти в 20 раз. Здесь расположено 50 СНТ в среднем по 200 участков в каждом. Кроме того, все пустующие дома в деревнях скуплены москвичами. Например, в деревне Искань осталось три местных жителя, а 90 домов принадлежат дачникам, из них зимуют всего двое. Сохранилось несколько СНТ 1970–1980-х гг., но большинство появилось в 2000-х. В последние годы разнообразные фирмы, захватывая поля, строят все больше коттеджных поселков. Судя по количеству рекламы и полузаброшенным стройкам, предложение в последние годы явно превышает спрос.

В **Ясногорском районе** летнее население в разных сельских поселениях увеличивается в 3,5–5 раз. В районе 124 СНТ. Однако у жителей Ясногорска дачные дома не популярны. Они предпочитают огороды недалеко от города, где не надо ночевать. Участки, выданные им предприятиями 30–40 лет тому назад, забрасывают (в т.ч. из-за отходничества) или продают москвичам. В то же время, работая в Москве или в Московской области, они строят или отделывают дома в самом Ясногорске (его население 15,7 тыс. жителей) в надежде обосноваться здесь в старости. Столичные дачники частично вытесняют ясногорских и тульских собственников из СНТ, хотя не так активно, как в Заокском районе, поскольку к Оке Ясногорский район выходит только северной окраиной. Именно там, в районе Ивановского сельского поселения, и концентрируются москвичи. В 2000-х гг. в поселении стали специально выделять земли под дачные и коттеджные поселки. В остальных поселениях преобладают дачники, имеющие здесь родственников или унаследовавшие участки и дома. Реже оседают знакомые местных дачников, как правило, покупая дома в деревнях и не формируя отдельных поселков.

Алексинский район пересекает река Ока, вдоль которой и сконцентрированы дачи. Сколько их – не знают ни в районной, ни в сельских администрациях. До Москвы отсюда два часа езды на автомобиле, до Тулы – 40 минут. Дома в СНТ и деревнях покупают не только москвичи и туляки, но и северяне.

Алексин – средний город с населением 58 тыс. чел., в котором 20% всех занятых работает на одном предприятии, производящем тяжелую промышленную арматуру. Вокруг Алексина (173 км от Москвы), расположенного на обоих берегах Оки, было много садовых и огородных товариществ местных жителей. Огороды брошены в 2000-х гг., а садовые участки у реки перекуплены москвичами и туляками.

Буныревское сельское поселение у Оки к северу от Алексина испытывает мощный наплыв дачников. Здесь и раньше было два десятка московских домов отдыха и пансионатов. Сейчас коттеджи строят и москвичи (площадью до 300–500 км²), и туляки (дома поскромнее около 100 км²). Земельный, имущественный налоги и НДФЛ делают поселение бездотационным.

К 1,8 тыс. постоянных жителей летом добавляется 8 тыс. дачников. Кроме того, в 8 СНТ тоже преобладают москвичи. На выходные приезжает масса «дикарей», ночующих на берегу в палатках. Земли под дачи перестали выделять еще в 1990-х, и дачники в основном покупают дома в СНТ или в деревнях у местных жителей. Бизнесмены скупают пансионаты вдоль Оки, переоборудуя часть из них в гостевые дома. Покушаются

и на земли сельскохозяйственного предприятия, которое держит более 1000 голов маточного стада овец.

Буныревское поселение – редкий пример относительно благополучного поселения благодаря наличию рекреационных учреждений. В большинстве администраций муниципальных районов и поселений прибавки в бюджеты от дачников незначительны, а нелюбовь к ним велика. Во многом это связано с тем, что у администраций нет никакой заинтересованности в дачниках. Ведь все нормативы рассчитываются на постоянное население, и в таких районах, как Заокский, Ясногорский, Алексинский Тульской области, наплыв дачников становится проблемой для многих служб, которая обостряется из-за требовательности москвичей. Судя по высказываниям служащих администраций в районах и поселениях, главные претензии к дачникам сводятся к приведенным ниже.

1) Рост нагрузки на местные объекты инфраструктуры

- *«Отдачи от дачников немного, а требований от них всегда хватает. Они постоянно что-то требуют от нас. Большинство обращений и жалоб в администрации от дачников»;*

- *«Нагрузка на больницы и скорую помощь возрастает, а финансируют на проживающих постоянно. Должно быть 0,3 вызова на душу населения в год, а получается в 5 раз больше. Скорая помощь не справляется. А дачники нас обвиняют, что плохо работаем. Из-за дачников в сентябре заканчивается весь годовой бюджет на лечение. И что делать?»;*

- *«Нагрузка на электросети и газ увеличивается. Не хватает местному населению и бизнесу»;*

- *«Магазин у дачного поселка требуют, а у нас полагается ставить магазин, только если более 50 человек постоянного населения»;*

- *«На вывозку мусора дачники деньги не сдают, мусор выкидывают в городе или по дороге. Дороги разбивают. Одни убытки от дачников».*

2) Рост цен и ориентация сферы платных услуг на дачников с более высокими доходами

- *«Дачники приезжают, цены в магазинах возрастают. Как быть местным?»*

3) Сжатие доступного местным жителям пространства

- *«Все леса и водоемы огородили, а нам куда ходить?»*

Наиболее активные представители администраций, в которых много дачников, не раз обращались в свои областные службы по поводу включения в нормативы расчетов и выделения средств на обслуживание не только местного населения, но и дачников. Но безрезультатно. Такие вопросы решаются, вернее не решаются, на федеральном уровне.

* * *

За пределами официальных населенных пунктов уже давно сформирована невидимая статистикой параллельная сеть расселения с пульсирующим населением, причем в районах с сельской депопуляцией эти бесстатусные поселки порой превышают по числу обитателей численность окружающих сел и деревень. Вокруг Московской области и за пределами пригородных районов Санкт-Петербурга можно наблюдать мощное кольцо сельско-городского континуума (см. главу 1.2) с переплетением городских и сельских жителей, расплзающегося на десятки и сотни километров. Это сильно деформирует сложившуюся систему расселения не только в пределах агломераций, но и за их пределами, и требует разработки новых подходов к ее анализу.

Роль горожан в развитии сельской местности пока еще не оценена федеральными и региональными властями. На муниципальном уровне также чаще обращают внимание на негативные последствия летней концентрации пришлого населения: разбитые дороги, увеличение количества мусора, огораживание, повышение цен в магазинах и т.п. Отчасти эти проблемы порождаются общей необустроенностью сельской местности за пределами агломераций, отчасти – неурегулированностью отношений бизнеса и местной власти. Приведенные примеры показывают, что бесстатусные поселки вне населенных пунктов оказывают существенное влияние на сохранение и развитие сельской местности благодаря поддержанию и улучшению имеющейся инфраструктуры, влиянию на местные рынки, созданию параллельной сети услуг и рабочих мест. Есть примеры безубыточности наиболее привлекательных для дачников муниципалитетов за счет налогов с недвижимости. Расширение сети дачно-садовых и коттеджных поселков создает плацдарм для возможной суб- и дезурбанизации горожан в будущем.

Глава 3.6

Пригороды на Юге и Востоке страны: урбанизация или дезурбанизация? €

Дачи на Ставрополье

О специфике Ставропольского края с его природными, пригородно-периферийными и этническими различиями написано в главе 2.10. Наличие больших городов (Ставрополь – 426 тыс. жителей, Пятигорск – 146, Кисловодск – 130, Невинномысск – 118, Ессентуки – 104 тыс.) способствовало не только стягиванию населения на постоянное жительство и на заработки в столицу края и в курортную зону Кавказских Минеральных Вод, но и формированию вокруг них ареалов садово-дачных и коттеджных поселков. Они привлекали местных горожан, сельских жителей и мигрантов из других регионов и стран. Эти ареалы хорошо видны и на космических снимках (рис. 1).

Ставрополь и города Кавказских Минеральных Вод с окрестностями все более явно концентрируют сельское население края. На рис. 2 видно, как постепенно менялся миграционный баланс в районах сельской местности. В начале 1990-х гг. все районы, а особенно западные и южные, показывали прирост населения за счет переезда в Ставропольский край жителей с севера, востока страны и бывших союзных республик. Уже во второй половине 1990-х гг. обозначился отток из северных и восточных районов края, особенно русского населения, с частичной его заменой кавказским населением, переехавшим на постоянное место жительства (ПМЖ) или на временные работы. К концу 2000-х гг. явно обозначились очаги притяжения в виде столицы региона с ее пригородом и агломерации Кавминвод. Притягательность западных районов края уменьшалась медленнее, в 2013 г. остался лишь наиболее благополучный Новоалександровский район в Прикубанье. Особенно привлекателен для миграций на

постоянное место жительства Ставрополь с пригородами (ввод жилья составляет 1,2 и 1,6 м² на человека в 2013 г. соответственно при 0,17 м² в среднем для всех других муниципалитетов).

Рис. 1. Дачно-коттеджные поселки вне населенных пунктов в Ставропольском крае

Составлено А.А. Медведевым на основе дешифрирования космических снимков

Поскольку миграции ориентированы на города и их агломерации, коэффициент корреляции интенсивности миграций и уровня зарплат и оборота розничной торговли на душу населения составляет 0,47 и 0,43 соответственно. Выше всего показатели миграции коррелируют с показателями ввода жилья на душу населения (0,80), а с долей района в промышленности края – всего 0,19, что свидетельствует о преимущественно сервисной ориентации в развитии городов.

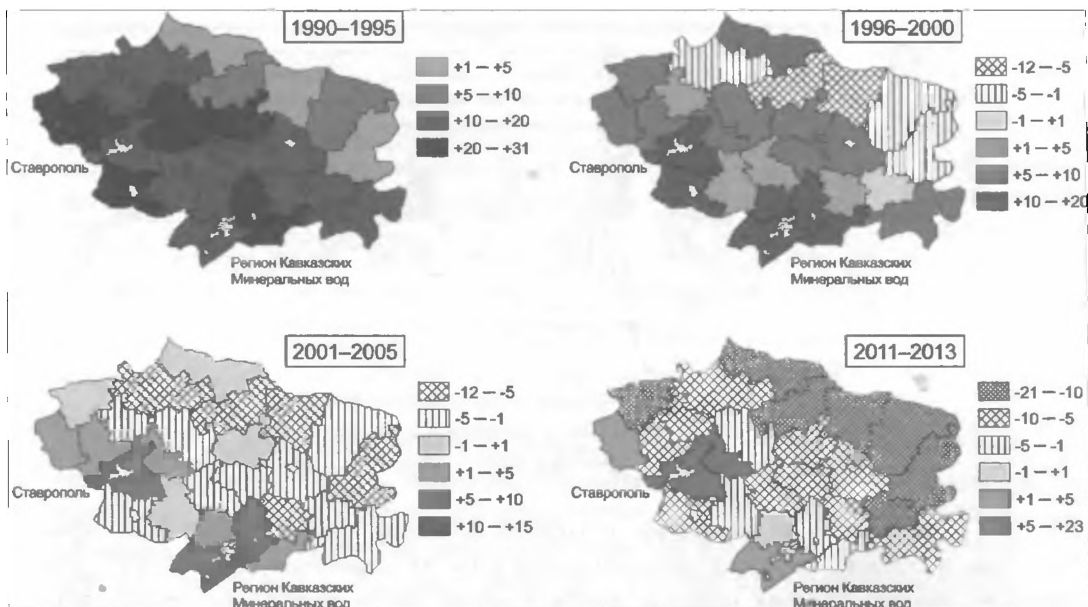

Рис. 2. Нетто-баланс миграций на постоянное место жительства на 1000 человек в 1990–1995, 1996–2000, 2001–2005, 2011–2013 гг. По данным сборников «Основные показатели...», 2010, 2012, 2014, а также данным Ставропольстата о миграциях населения

Ставрополь потерял значительную часть советской промышленности, в городе многочисленные бывшие заводы либо пустуют, либо переделаны в торговые комплексы. Но пока функционирует ряд предприятий оборонного комплекса, пищевой промышленности и др., столица производит 15% промышленной продукции края, больше выпускает лишь Невинномысск (32%) [Ставропольский край, 2014]. Торговый оборот на душу населения в Ставрополе (538 тыс. руб. в 2013 г.) превосходит оборот даже курортного Пятигорска (417 тыс. руб.) с его мощными рынками, он в 10–20 раз больше, чем душевой торговый оборот в сельской местности. Это говорит о сильной натурализации домашних хозяйств края и практике редких поездок в Ставрополь за покупками. В столице региона работают 215 тыс. чел. (19% всех занятых в крае), в агломерации Кавминвод – 20%. В Ставрополе учатся более 70 тыс. студентов. Слабая привлекательность для населения остальных городов хорошо видна на рис. 3. При этом на востоке не только для сельской местности, но и для малых и средних городов в последние годы характерен существенный отток населения.

Рис. 3. Суммарный миграционный прирост населения по трехлетиям с 1985 по 2011 гг. в городах Ставрополя

База данных «Паспорта городов России» 1986–2011 гг., Москва, ФСГС

Садовые товарищества, плотным кольцом окружающие все города, особенно крупные, расположены и на их окраинах. Если учесть, что во многих южных городах значительную часть застройки составляют 1–2-этажные дома деревенского типа, то все вместе это формирует мозаичный сельско-городской континуум с перемежающейся многоэтажной, сельской и дачной застройкой, постепенно переходящей в дачно-сельские пригороды.

В центральном районе Ставрополя на пересеченном рельефе до 40% территории занимает застройка сельского типа со старыми домами. На северо-западе города рядом с ДНТ «Зеленая Роща» расширяется коттеджный поселок, куда переезжают жители Ставрополя, в т.ч. пенсионеры, оставляя квартиру детям. Это жилые капитальные двухэтажные дома стоимостью в несколько млн рублей, почти примыкающие друг к другу. Сотка земли там стоит около 100 тыс. руб. К северо-востоку он переходит в целый квартал садово-дачных товариществ, в которых не разрешена постоянная регистрация, хотя там тоже много капитальных домов. Помимо жителей Ставрополя, такие дома приобретают или арендуют приезжие из сельской местности или из других регионов.

Юго-запад Ставрополя также представляет собой сочетание новой многоэтажной застройки на бывших сельскохозяйственных землях («Город Роз»), соседствующей с несколькими ДНТ в черте города. Капитальные дома перемежаются в них со старыми саманными и небольшими кирпичными домами на крошечных участках по 4–6 соток (земли раздавали еще в 1980-х гг.). В поселки проведен и газ, и водопровод, но большая часть домов используется как дачи. Садовые и коттеджные поселки

тянутся к западу от Ставрополя в сторону Вшивого озера и к северу в сторону Михайловска.

Бывшее село Михайловское, впоследствии Шпаковское (самое крупное в России село с населением в 50 тыс. человек), в 1998 г. получило статус города и новое имя – Михайловск. С тех пор население города бурно растет, в последние годы прибавляя в результате миграций по 2,5–3,5 тыс. в год. В 2015 г. оно достигло 83 тыс. жителей, а к 2030 г. прогнозируется, по среднему варианту, 130 тыс. Расширяясь в сторону Ставрополя, Михайловск слился со столицей края, имея с ней общую границу. Именно он благодаря удобному положению, наличию свободных земель и доступному рынку жилья стал главным аттрактором как для ставропольцев, так и для приезжих.

Михайловск расположен на пути из аэропорта в Ставрополь, и любой прилетевший сюда видит вдоль дороги ровные ряды новеньких коттеджей среди ухоженных полей. Недвижимость в Михайловске в 2–3 раза дешевле, чем в Ставрополе. Земельный участок в 6 соток стоил в 2015 г. 300 тыс. руб, коттедж среднего размера – 1,5 млн руб. Дорога до Ставрополя занимает 20–30 минут. Из 48 тыс. трудоспособного населения Михайловска 20 тыс. работает в Ставрополе. В городе много молодежи, учится она тоже в Ставрополе. Есть и свои предприятия помимо бюджетной сферы: концерн «Цитрон» производит запчасти к автомобилям, тракторам, комбайнам. Планируется строительство автомобильного завода. В районе, который возглавляет Михайловск, работает птицефабрика «Ставропольский бройлер», крупные сельскохозяйственные предприятия, фермеры. Множество малых предприятий, в т.ч. транспортных.

Но зарплаты в Ставрополе выше, поэтому в Михайловске не заполнены вакансии в здравоохранении, образовании, в промышленности. Наплыв мигрантов столь велик, что новых многоэтажных микрорайонов, включая жилой район «Гармония», не хватает. Предприимчивые люди скупают частные дома у стариков с участками по 12 соток, дробят по 3 сотки, строят коттеджи и продают. Есть в Михайловске и свои олигархи, строящие дворцы. Но в основном в город приезжают люди среднего достатка, которым здесь комфортнее, чем в многолюдном Ставрополе. Ведь, несмотря на расширяющиеся зоны многоэтажек, занимаемая ими площадь пока не превышает 100 га, а индивидуальные жилые дома с участками занимают более 1,5 тыс. га. Еще на 350 га расположены садоводческие и огородные товарищества. Многие приезжие покупают или арендуют дома именно в них. По оценкам администрации, реальное население города уже превышает 100 тыс. чел.

Помимо населения сельской местности и малых городов главные центры края привлекают жителей из других регионов России и даже из-за рубежа. По государственной программе «Переселение соотечественников» Ставропольский край в 2000–2010-х гг. принимал русское население (казаков и их потомков) из Казахстана и Киргизии, а также жителей из Восточной Украины, из Запорожской, Одесской, Харьковской и Днепропетровской областей, которым давали гражданство по ускоренной процедуре. С 1 октября 2014 г. по 1 октября 2015 г. приехало 4,5 тысячи чел.

Кроме того, Ставропольский край принял около 70 тыс. вынужденных переселенцев. Им предлагали участки по 20 га на востоке края. Но приезжающие предпочитают западные и южные районы, хотя в городах Кавминвод и в Ставрополе были ограничения на вселение. Около 30% приехавших оказались по факту трудовыми мигрантами. Они не планируют получать гражданство, арендуют жилье и работают по патентам или просто по свидетельству на временное убежище до одного года с возможностью продления. Большая их часть тоже концентрируется в Ставрополе, Михайловске и городах Кавминвод.

На окраинах Ставрополя, городов Кавминвод и вокруг них формируются своеобразные зоны тройного назначения, в которых сочетаются процессы сезонной и всесезонной дезурбанизации жителей городов, урбанизации сельских жителей края и оседание внешних для края мигрантов. Специфика юга России с его гораздо лучшей инфраструктурной обустроенностью обуславливает более или менее презентабельный вид таких пригородов, хотя в ДНТ есть и заброшенные участки с полуразвалившимися домами, и стародачные ареалы, частично заселенные мигрантами. Быстрая реновация участков и застройка целых улиц кирпичными виллами говорят о процессах сегрегации территории пригородов по имущественным возможностям владельцев. Это постепенно приводит к разделению кварталов реальной дезурбанизации с 2–3-этажными особняками от ареалов, притягивающих на постоянное или временное проживание мигрантов с низким достатком. А между ними часто располагаются дачные товарищества с самым пестрым составом домов и владельцев.

Улан-Удэ: «одеревеничивание и дедачеизация» пригородов

Гость бурятской столицы при посадке в аэропорту «Байкал» и на пути к мосту через Селенгу, в центр, видит особое «славное море» сельских по облику пригородов, незаметно переходящих в такие же окраины города.

Ряды типичных для региона темных бревенчатых изб со ставнями изумрудных тонов местами нарушены свежим сайдингом, металлочерепичными, ондулиновыми крышами.

Такие дома легко принять за дачи, хотя настораживает скудная зелень и хаотичная застройка при обилии изгородей, заборов, присущих здешним степным селениям. Разве что мало юрт, коими, говорят, изобилует пригород столицы соседней Монголии. Все это может находиться в поселках, имеющих дачный статус, но служит обычно не вторым, а первым и главным жильем фактических улан-удэнцев, ежедневно едущих в город на работу. ДНТ-СНТ бывали действительно садово-дачными, но сдались под напором спроса со стороны «понаехавших» из сельской Бурятии. Либо спешно оформлены как ДНТ в рамках «дачной амнистии» для легализации сквоттерских практик освоения субурбий, а проще сказать – «нахаловок», продукта самозахвата земельных участков и разностильного самостроя.

В трех муниципальных районах, примыкающих к Улан-Удэ, живут, по статистике, до 120 тыс. чел., что составляет 30% сельского населения Бурятии. Вмещающая в себя пригороды, эти районы все-таки обширнее, но большей может оказаться и фактически численность обитателей субурбий. Вместе с ними Улан-Удэ – наверняка уже полумиллионник. Горожанам порой кажется, что сюда перебралась чуть ли не вся республика.

Явление обсуждают, ему посвящены статьи, книга историка и этносоциолога А.С. Бреславского «Незапланированные пригороды...» [2014]. Причины сельского характера агломерационной зоны автор видит прежде всего в том расселенческом фоне, на котором она возникла и растет. Города Бурятии рассредоточены по ее обширной территории и, кроме столичного Улан-Удэ, невелики. Рядом с ним нет ни одного города. До ближайшего Гусиноозерска с 23 тыс. жителей около 100 км, да и ближайший пгт Селенгинск (13,5 тыс. чел.) – в 85 км непрямого пути по зажатой горами долине. Бурятия относится к тем регионам России, где слово *город* в бытовой речи («еду в город» и т.п.) применяется только к столице, но не к Кяхте, Закаменску, Бабушкину. Ясно, почему так скажут в Республике Алтай или в Ненецком автономном округе, где город и формально один. Но в Северной Осетии скажут то же, хотя там, как в Бурятии, имеется пять городов помимо главного.

Строго говоря, агломерация Улан-Удэ – даже не городская. Ведь это не ступок городских поселений, а один-единственный город с населением 430,5 тыс. чел. (в 2016 г.), окруженный сельским поясом, особенно с запада (левобережье Селенги), юга (между ней и Удой) и востока от го-

рода (вверх по Уде). Местами он вытянут на 20–25 км от центра Улан-Удэ, что соответствует радиусу Москвы до расширения ее территории в 2011–2012 гг. Плотность жителей в нем выше, чем сельского населения всей республики, на порядок, а в Иволгинском районе к юго-западу от города – в 16 раз.

Все материалы А.С. Бреславского подтверждают, что источниками формирования этого пояса остаются спонтанная безвозвратная миграция селян и дезурбанизация улан-удэнцев, у которых нет средств, чтобы улучшить жилищные условия в городе (там цена однокомнатной квартиры равна затратам на покупку загородного участка и постройку на нем пары приличных жилых домов). В обследованных поселках доминировал, притом очень резко, первый поток, усиленный постсоветским крахом крупных агропредприятий и всей сельской экономики, а часто и промышленно-городской. До половины опрошенных жили в этих поселках около столицы республики, сравнительно устойчивой к изменениям хозяйственной конъюнктуры, менее пяти лет. Не приходится удивляться, что за последние десятилетия их площадь и население могли увеличиться в десятки раз. С таким взрывным ростом, пережитым когда-то десятками российских городов, но ими уже почти забытым, связан целый букет локальных инфраструктурных, социально-бытовых проблем. Начиная с вездесущих дорожно-транспортных (хотя у большинства маятниковых мигрантов есть свой автомобиль) и кончая отсутствием мест проведения досуга, ради которого, как и ради работы, приходится ехать в Улан-Удэ.

А вот переселенцев из других регионов России и зарубежных стран здесь почти нет. Что же касается внутриреспубликанских потоков, то в них преобладают этнические буряты. Это накладывает на пригороды Улан-Удэ определенный отпечаток, однако, по сведениям того же Бреславского, для них не характерны ни межкультурные, ни острые социальные конфликты. С другой стороны, в беседах с гостями своего края буряты часто утверждают, что побаиваются уезжать в «русские» города за пределы республики из-за националистов и экстремистов, «неравнодушных» к людям с азиатской внешностью.

Поэтому мобильность здесь в известной мере замкнута, отграничена от внешнего мира. Исключение – удаленные окраины вроде курортно-туристической Тункинской долины на западе Бурятии. Расположенная в 2–3 раза ближе к Иркутску, чем к Улан-Удэ, она привлекает жителей соседнего региона, которые там отдыхают, лечатся и покупают недвижимость дачного или иного назначения.

Специфика процессов субурбанизации и миграций в республике очевидна и четко определена А.С. Бреславским. Нам она интересна, в частности, как пример «обратного хода» в дачном освоении субурбии. Оно развернулось было в советское время в форме периферийно-городских и ближних загородных ДНТ, но было прервано, оттеснено более актуальным для большинства граждан индивидуальным жилищным строительством «с землей» и переходом на режим маятниковых поездок (хотя, между прочим, иные старые садоводства в самом городе сохранились как таковые лучше загородных). Такой исход конкуренции между разными видами недвижимости и мобильности не уникален: явление отмечено в главе 3.1 для Европы, знакомо оно ближайшим стародачным поселениям у порога Москвы и в самой ее черте. Однако вытеснение дач основным жильем московские дачники компенсируют освоением более дальних, обычно уже не пригородных ареалов. А как обстоит дело в Бурятии?

Наших беглых наблюдений при кратком визите в республику явно недостаточно, но из них и из общегеографических соображений вытекает, что рекреация и «дачеизация» вблизи Улан-Удэ могли свестись к северному гористо-лесистому сектору и двум направлениям – вниз по Селенге и по дороге на Турунтаево. Они, кстати говоря, ведут к Байкалу, ближайшие берега которого отстоят от города на 100–130 км, а это нижний порог среднеудаленной дачной зоны по мерке федеральных столиц. В самом деле, вдоль северных дорог и у Байкала растут явно дорогие, престижные объекты сферы отдыха, культуры, медицины, развлечений, как и частные особняки. Вот только неясно, в каком режиме они обитаемы или посещаемы. Это нелегко определить и на Рублевке, на подобных ей «элитных» трассах вблизи Москвы. Среднему улан-удэнцу, видимо, остается совмещать городскую жизнь с сельской в одном пригородном доме или в двух: городском и деревенском, где-нибудь у родственников, земляков.

Сомнителен тезис А.С. Бреславского о том, что субурбанизация в России вообще получила активное развитие лишь за последние 15–20 лет. При этом, конечно, имеется в виду не столько отток мигрантов на ПМЖ из города в пригород (субурбанизация в ее западном понимании), сколько приток в последний извне агломерации. Однако такие процессы давно шли в окрестностях многих центров, в итоге насыщенных не только сельскими, но и городскими поселениями-спутниками. Бреславский сам или со ссылками на К.В. Григоричева [2012; 2013], других авторов указывал на это, сравнивая Улан-Удэ с Иркутской агломерацией. Разница в населении ядер, 430 и 620 тыс. чел., не так уж велика, но при этом городская среда в Иркутске значительно мощнее и плотнее, в его «свите» имеются боль-

шие, средние и малые города, а между ними – коттеджи, дачи, неплохая дорожная и прочая инфраструктура.

Во всей урбанизированной полосе Верхней Ангары, растянутой несколько сильнее, чем допускает дистанционный стандарт агломерации, рассчитанный на возможность ежедневных поездок в ядро, жителей около миллиона. Группировок такого масштаба на той половине территории России, что тянется от Енисея к Тихому океану, можно найти еще только две, Красноярскую и Южно-Приморскую. Это другой, чем в Забайкалье, уровень сложности, другое качество системы расселения (близкой к классу сельско-городского мегаконтинуума) и мобильности людей в ее пределах.

* * *

Приведенные примеры, на первый взгляд, очень похожи. В обоих районах активизировались процессы урбанизации и стягивания населения в крупные центры и ближе к ним. В обоих районах появился резервуар избыточного сельского населения. Однако в Ставрополье ускорение урбанизации связано как с уходом из пригородов важного для региона сельского хозяйства, так и с мощным притоком мигрантов извне. При этом она сочетается с дезурбанизацией населения крупных центров. Это приводит к облагораживанию части старых садовых товариществ, появлению коттеджных поселков и в результате формированию сложной структуры пригородов. В Бурятии урбанизация запаздывала, и сейчас набирает силу. Улан-Удэ с пригородами прирастает только сельским населением. Система замыкается в границах республики. Бедность населения заставляет его искать более дешевые варианты проживания в пригородах, что придает им совсем иной вид, вплоть до вытеснения дач горожан.

Дачи на Юге и Востоке России: урбанизация или дезурбанизация?

ДНТ «Зеленая роща» на северо-западной окраине Ставрополя

ДНТ «Аграрник» (юго-западная окраина Ставрополя) на фоне многоэтажной застройки

Спутник Ставрополя г. Михайловск. Старая станичная застройка в центре

Михайловск. Новые коттеджи

Море сельских пригородов Улан-Удэ

Глава 3.7

Этапы дачной «колонизации» российской глубинки

В любом регионе, даже удаленном от крупнейших центров, можно обнаружить несколько разновидностей дачных владений: дачи жителей местных городов в садовых и дачных товариществах, наследные дома местных горожан в сельской местности, а также дачи москвичей и петербуржцев (реже – жителей других крупных городов), которые чаще покупают или строят дома в деревнях. Традиционные СНТ и ДНТ, участки в которых выдавались жителям малых, средних и больших городов, бывают привлекательными в качестве «дальних дач» москвичей или петербуржцев, только если они расположены в живописных ландшафтах: на берегах рек и озер, вблизи различных достопримечательных объектов: усадеб, монастырей и других памятников истории и культуры. В таких случаях жители крупных центров стремятся выкупить сразу несколько соседних участков (желанный участок должен иметь площадь 15–20 соток, не меньше), строят капитальные дома, подводят коммуникации. Но, в целом, такой формат дач больше распространен в регионах, окружающих Московскую область (среднеудаленные дачи), а для дальних дач он, скорее, является исключением.

В этой главе на примере Костромской области, удаленной от Москвы на 300–600 км, и Ивановской области, расположенной чуть ближе, но не граничащей с Московской, показана специфика дачного освоения территории как местными горожанами, так и москвичами и жителями других крупнейших центров.

Садовые и дачные товарищества Костромской области

Пример распределения садово-дачных поселков Костромской области приводится на рис. 1. Численность официально зарегистрированных участков в садовых некоммерческих товариществах (СНТ) и дачных

некоммерческих товариществах (ДНТ)⁴⁶ по муниципальным районам можно получить в региональных департаментах земельных отношений и имущества, причем никаких оценок использования этих участков и их состояния нет даже в регионах.

Большинство участков в СНТ и ДНТ Костромской области принадлежат жителям этой области, что в значительной степени связано с ее удаленностью от Москвы. Первые участки стали выдаваться в 1950-х гг. вблизи Костромы, на правом берегу Волги, в 1957 г. начал формироваться крупный массив около микрорайона Ребровка на северо-востоке Костромы (сейчас он входит в городскую черту, как и соседние товарищества). Три четверти всех участков расположены в пригороде Костромы и южнее вдоль Волги (в Костромском районе – 58%, в Красносельском и Нерехтском – еще 19%). При этом если вблизи Костромы преобладают типичные садовые товарищества (236 СНТ и всего 9 ДНТ) с участками 6–15 соток, то на Волге в Красносельском районе насчитывается лишь 15 СНТ и еще 9 ДНТ, возникших позднее, в 1990-х гг., с участками в 20–25 и более соток [Аверкиева, Нефедова, 2016].

Даже беглый взгляд на рис. 1 позволяет заметить, что основное количество участков в садовых товариществах расположено в районах сосредоточения относительно крупных предприятий. Выделяются Галичский район (участки от Галичского автокранового завода), Мантуровский, Шарьинский, Нейский, Чухломский (от предприятий деревообработки), Буйский (от Буйского химического завода и участки строителей Костромской АЭС – жителей поселка Чистые Боры). С другой стороны, более поздние дачные некоммерческие объединения с большими участками тяготеют не столько к предприятиям, сколько к природным ландшафтам, прежде всего к Волге, причем не только вблизи Костромы и Краснона-Волге, но и на юге удаленного Кадынского района.

Раньше многие садовые участки в кооперативах (особенно вблизи городов) в большей степени использовались для выращивания овощей, чем для рекреации; зачастую на участках в 6 соток капитальные дома даже не строились. Сейчас участки около малых городов нередко забрасываются, например, в садовом кооперативе около г. Галича в настоящий момент заброшено около 2/3 участков. Прежним владельцам дач обрабатывать участки уже не под силу, а новое поколение не видит смысла возделывать землю, если все продукты можно купить в магазине⁴⁷. В других регионах

⁴⁶ Далее по тексту оба типа товариществ будут обозначаться как дачи.

⁴⁷ Возможно, очередная волна экономического кризиса заставит горожан вернуться на огороды, однако прежней активности использования дач ждать не приходится.

Костромской области дачи в садовых кооперативах сохраняются только в том случае, если они расположены около реки или другого водоема, и возможно их повторное освоение потомками прежних владельцев или новыми хозяевами для летней рекреации.

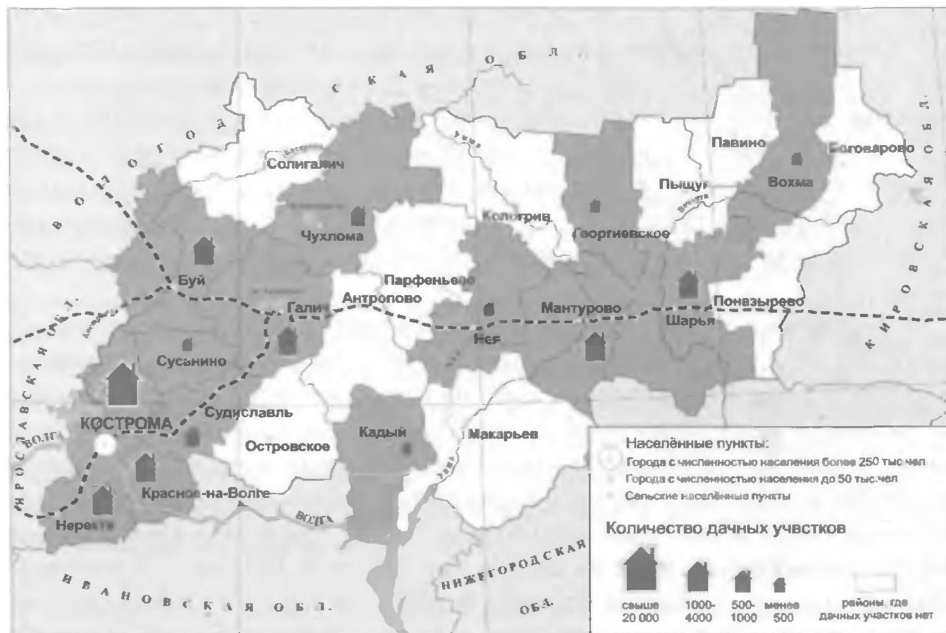

Рис. 1. Дачные участки в составе СНТ и ДНТ по районам Костромской области, 2013 г. По данным Департамента земельных отношений и имущества Костромской области

Дачи москвичей и жителей других крупных городов в Костромской области

Более распространенный вид дачного освоения – это покупка домов в деревнях жителями столиц. Такая практика имеет глубокие корни: деревенские дома для сезонного отдыха москвичи и петербуржцы начали покупать еще в 1970-х гг. Это движение сохраняется до сих пор, а его формы становятся все более многообразными. Существуют сезонно обитаемые дома, дома, владельцы которых проводят в деревне до полугода, постоянно обитаемые дома, дачные дома, купленные с перспективой по-

степенного переезда в сельскую местность и другие. Во многих сельских поселениях встречаются почти все типы перечисленных домовладений, хотя определенная пространственная логика их размещения все же угадывается.

Костромская область как типичный нечерноземный регион служит хорошим полигоном для изучения дальних дач жителей крупных городов. Состав этого сообщества, специфика предпочтений, взаимоотношения с сельским населением и властями, а также пространственное соотношение дальних дач москвичей (реже петербуржцев и северян) и дач жителей Костромы и других городов области и стали главным объектом нашего исследования. Во многом оно явилось продолжением исследований по «Угорскому проекту»⁴⁸, проводимых нами с 2006 г., но с более широким охватом других районов и углубленным анализом разнообразия типов дач.

К периферии можно отнести более 70% территории Костромской области. На этой территории находится более 2 тыс. сельских населенных пунктов. Из них 1450 деревень либо не имеет местного населения, либо насчитывает менее 10 жителей. Часть их давно стала дачными. Во многих малых деревнях преобладают люди старшего поколения, чаще одинокие женщины, молодежь после окончания школы уезжает из деревни. Миграционный отток в Костромской области самый высокий в Центральном федеральном округе, хотя на севере Европейской России, в Архангельской области, республиках Карелии и Коми, он был в 2–3 раза больше. За счет отъезда населения в другие регионы России область ежегодно теряет более 2 тыс. чел. Еще 2,2 тыс. составляет отрицательный баланс рождений и смертей. Правда, полторы тысячи мигрантов из ближнего зарубежья ежегодно частично компенсируют эту убыль коренного населения, однако их потоки направлены преимущественно в Кострому и ее пригород.

Для таких нечерноземных районов (особенно на периферии областей) характерны кризис коллективного сельского хозяйства с увеличением степени его концентрации ближе к центрам регионов. С 1990 г. наблюдается сокращение поголовья скота и уменьшение площади обрабатываемых земель на фоне длительного сокращения численности сельского населения в течение почти всего XX в. и снижения его трудовой мотивации. Надежды на развитие мелких животноводческих хозяйств при обилии пастбищ также не оправдались, причем не только из-за сложных институциональных условий, но и из-за неготовности местного населе-

⁴⁸ См. www.ugory.ru/eksped.htm

ния [Нефедова, 2013, с. 193–233; Аверкиева, 2012; Покровский, Нефедова, 2013].

Покупка москвичами домов в деревнях, чаще расположенных на берегах рек, сохраняет целые деревни, которые, правда, оживают лишь летом. Дачники в таких местах – это особый тип горожан преимущественно старшего и среднего возраста, среднего достатка и в основном интеллектуальных профессий, позволяющих им проводить на дачах длительное время. Но так было не всегда, и поэтому эволюция дачной «колонизации» москвичами удаленной российской глубинки представляет особый интерес, а ее анализ возможен лишь на отдельных примерах локальных дачных сообществ, которые не так многочисленны, как в случае с ближними и среднеудаленными дачами. Более того, в местной сельской среде дачники чувствуют себя своеобразной диаспорой, поэтому стараются общаться друг с другом, не отгораживаясь при этом и от местных жителей, поскольку в разреженном сельском социальном пространстве оба сообщества (и дачное, и местное) оказываются зависимыми друг от друга. Не претендуя на полный охват всех возможных стратегий дачной «колонизации» жителями крупнейших центров нечерноземной глубинки, мы, тем не менее, попытаемся показать ее основные траектории, но сначала проанализируем сложности изучения и методы исследования темы дальних дач и дачников.

Методы исследования дальних дач

Статистику покупки сельских домов никто не ведет, как не проводится и учет самих дачников в летний период. Одним из методов оценки количества дачных домов и количества сезонных жителей можно считать объезд деревень и фиксацию числа дачников в пиковый сезон – с середины июля до конца августа, когда большинство владельцев сельских домов приезжает в отпуск. Выбор именно этого периода связан с особенностями природных и фенологических условий Костромской области: с мая до середины июля отдых в таежных районах осложняется активностью комаров, мошки, клещей, которая сходит на нет к середине июля. К этому времени вода в реках прогревается, а в августе начинается ягодно-грибной сезон.

Дачные дома легко узнать: по номерам припаркованных автомобилей, по наличию цветников, по отделочным и строительным материалам (дачники предпочитают более дорогие). Однако экспедиционный метод позволяет охватить лишь отдельные деревни, не создавая общей кар-

тины. Некоторое время назад в отдельных сельских поселениях все же удавалось получить информацию о сезонных жителях [Нефедова, 2008]: тогда (в начале 2000-х гг.) с сельских администраций области требовали отчет о месте постоянной регистрации (прописки) владельцев участков, однако в последние годы предоставление такой отчетности стало необязательным, и учет вести перестали.

Следует обратить внимание, что методы косвенного учета, например, временной регистрации по месту длительного пребывания (с целью минимизации оплаты услуг ЖКХ за городскую квартиру) весьма ненадежны. Такие данные сельские администрации предоставляют, однако они позволяют учесть лишь часть дачников: многие, не регистрируясь, проживают на дачах лишь пару недель. Также количество приезжих, официально оформляющих свое пребывание на даче, сокращается ввиду установки в квартирах приборов учета воды и газа. Более того, с 2014 г. функции регистрации по месту пребывания переданы из администраций сельских поселений в муниципальные администрации, поэтому руководство сельских поселений больше не владеет такого рода информацией⁴⁹.

Другой вариант косвенной оценки численности дачных домов и дачников – это учет количества сделок с землей и недвижимостью. Такая статистка позволяет оценить наиболее востребованные дачниками районы и сельские поселения. Однако в 2009 г. регистрационная служба полностью перешла в федеральное подчинение, вследствие чего местные органы самоуправления были лишены контроля над учетом сделок, хотя именно поселковые власти, собирающие налоги на недвижимость и землю, больше всего заинтересованы в таких данных. В Костромской области департамент земельных отношений и имущества предпринял попытку получить в федеральной регистрационной службе сведения о сделках с землей, но регистрационная палата была готова предоставить информацию лишь в агрегированном по области виде.

⁴⁹ Насколько адекватны такие оценки, можно судить на примере Ильинского сельского поселения Кологривского района Костромской области. Из 973 жителей поселения дачниками, официально зарегистрированными по месту пребывания на срок менее 1 года, числились всего 29 чел. При этом в ходе полевого обследования поселения в 6 деревнях было выявлено более 50 дачных домов, и во всех в пиковый сезон проживали дачники (от 1 до 3 чел.). В двух полностью «дачных» деревнях, где преимущественно москвичами куплено 25 домов (сезонное население обеих деревень оценивается в 60–70 чел.) по месту пребывания официально не было зарегистрировано ни одного жителя.

Еще один вариант оценки количества дачных владений – это анализ поступления налогов на землю и недвижимость в бюджеты сельских поселений. Поскольку многие сельские жители так и не оформили свои участки в собственность⁵⁰, основными налогоплательщиками становятся дачники. Выяснить, зарегистрированы ли участки, позволяют доступные в Интернете данные Росреестра, однако по ним можно уточнить лишь местоположение зарегистрированных участков в той или иной деревне, но никакой информации о прописке владельцев и обобщений Росреестр не предоставляет.

На региональном уровне оценить фактический размер налогов на землю и имущество, поступающие от владельцев дач, в собственных доходах сельских поселений весьма трудно, и представители департамента финансов Костромской области дают лишь экспертные оценки. По их мнению, экономический эффект от дачников заметен только в отдельных сельских поселениях: пригородных Костромском и Красносельском, а также удаленных Кадыйском и Кологривском районах.

Как правило, главы сельских поселений (по крайней мере, до последних административных укрупнений) хорошо осведомлены о том, какие дома в населенных пунктах принадлежат дачникам, однако такая статистика не собирается. И основной причиной отсутствия интереса к таким данным со стороны местных властей является отсутствие материальной отдачи от подобной осведомленности, поскольку подушевое финансирование рассчитывается исходя из численности постоянного населения без учета численности сезонных жителей. Кроме того, идея учета дачников местными властями требует четкой формулировки термина «дачник» и разработки критериев, по которым владельцы участков и арендаторов можно было бы причислить к этой категории.

Особенности и этапы дачного освоения костромской глубинки жителями столичных городов

Как показал опыт полевых исследований предыдущих лет и экспедиции 2014 г., для жителей крупнейших городов характерны похожие истории дачного освоения многих сел и деревень в удаленных районах. Первые поселенцы-дачники появились в 1970-х гг., и хотя постепенно сменялись импульсы, обновлялись поколения, в каждом десятилетии находились те, кто приезжал сам и привозил с собой друзей. В итоге дачное движение не

⁵⁰ Помимо очевидной дороговизны, многие считают, что «здесь и так все наше» и не видят необходимости оформления, тем более, что за оформлением земли последует обязательная уплата земельного налога.

угасло до сих пор: кто-то ездит в дома родителей, приобретенные 15–20 лет назад, кто-то тянется к друзьям, уже купившим дом в сельской глуши, кто-то целенаправленно ищет дом вдали от больших городов.

Эволюцию освоения сельской глубинки московскими домовладельцами⁵¹ можно проследить на примере нескольких дачных «кустов» в четырех районах Костромской области: Антроповском, Мантуровском, Кологривском и Кадыйском.

Антроповский район. Палкинское сельское поселение. Туриловский «куст» (100 км от Костромы, 450 км от Москвы)

Первые поездки жителей столицы в этот район приходятся на середину 1970-х гг. Тогда выяснилось, что в деревнях вокруг села Турилово (Власово, Шахматово, Крутица, Заречье, Дуброво, Малышево) стоит много пустующих домов, и москвичи стали постепенно их скупать. Причем вложений в деревенские дома почти не требовалось, и в качестве сезонного жилья они могли использоваться с минимальными переделками. Постепенно в деревне Власово выросла дачная «колония»⁵² из семи домов, жившая особенной жизнью: все постоянно общались друг с другом, «каждый день проходили лекции». Это были коренные москвичи 1930–1940-х гг. рождения, многие из которых занимались в деревне научной работой. Примечательно, что дорога с твердым покрытием в деревню отсутствовала, жители пользовались грунтовкой, по которой могли ездить только лесовозы и трактора. Поэтому во Власово «колонисты» добирались в прицепе трактора, перевозившего молоко на переработку с туриловских ферм в Палкино.

Почему у москвичей возникло желание проводить время в столь отдаленных труднодоступных деревнях? Как утверждает один из представителей уже второй волны дачного освоения этих мест, «психополе Москвы росло: сначала от него можно было спрятаться в Пушкино, потом – в Сергеевом Посаде, затем в Александрове ... теперь уже в Костромской области». Многие дачники-поселенцы отмечают непомерное разрастание Московской агломерации, от влияния которой хотелось скрыться. С современных позиций такое движение дачников-колонистов можно рассматривать как вариант сезонного дауншифтинга: переезд в «глухую провинцию у моря» (И. Бродский), в поисках душевной гармонии с потерей благ городского образа жизни.

⁵¹ Термин «дачник» кажется не совсем уместным, т.к. многие проводят в деревне значительную часть года и связывают свое пребывание там не только с рекреацией.

⁵² Определение одного из первых «колонистов».

К концу 1980-х гг. жизнь «колонии» начала затихать: москвичи приезжали уже не каждый год, дома без капитальных вложений ветшали. У многих «колонистов» появилась возможность реализовать себя в городе, поэтому сельское диссидентство перестало быть актуальным. Тем не менее одни дачники все же сменялись другими, а несколько семей постоянно оставались на лето в деревне. В 1991 г. случилось важное событие – до Турилово провели дорогу с асфальтовым покрытием, соединив его с крупным селом Палкино и дорогой регионального значения (Антропово – Кадый), но для «колонистов» это обернулось бедой: деревенские дома начали грабить. Оставшиеся дачники переместились в глубь сельского «куста», спасаясь от зимних вторжений воров. Постепенно деревня Власово обезлюдела, строения разрушились, и в настоящее время уже трудно определить место ее прежнего нахождения.

Вторая волна освоения москвичами туриловского «куста» относится к 1990-м гг. Говорить о единой «колонии» уже не приходится, хотя практически все дачники, расселившиеся по близлежащим деревням, хорошо знали друг друга. Новым ядром сезонной жизни стала деревня Шахматово, где еще в 1970-х гг. обосновался ученый-методолог Н.Г. Алексеев. С возрастом он все больше времени стал проводить в деревне, к нему часто приезжали ученики, принимавшие участие в формальных и неформальных выездных семинарах. Тем не менее к середине 2000-х и эта волна стихает: подрастают дети и внуки, дома приходят в негодность. Н.Г. Алексеев, чей дом в Шахматово сгорел, переезжает в поселок Николю-Полома, а в деревнях туриловского «куста» остаются лишь несколько дачников-домовладельцев, включая и некоторых «первопроходцев». Один из первых «колонистов» вновь меняет деревню, покупая дом в том же туриловском «кусте», где живет вместе с женой и двумя детьми уже круглый год, существуя на средства от аренды московской квартиры.

Следующая третья волна приходится на конец 2000-х гг., когда И. Павлов, директор объединенного колледжа № 11 г. Москвы, один из учеников Н.Г. Алексеева, решает возродить деревню Шахматово отчасти в память своего учителя, отчасти в качестве полигона для студенческих практик и спортивно-досуговых мероприятий. В деревню заново проводят электричество, из соседних деревень перевозят хорошо сохранившиеся дома, и в итоге создается своеобразная база, куда одновременно могут приезжать до 50 чел. Несколько раз в году (на новогодние праздники, в марте, на майские праздники, в летние месяцы и в октябре) деревня Шахматово, которую студенты колледжа называли «Гектар», оживает: здесь проводятся лекции, семинары и мастер-классы ведущих ученых и

деятели искусств. Домовладельцы-дачники из окрестных деревень, не связанные напрямую с «Гектаром», также принимают участие в некоторых мероприятиях.

Интересно, что, несмотря на известность «Гектара» не только в администрации Костромской области, но и в Москве, на проезд туда на семинары и молодежные школы многих известных людей в области науки и искусства, до него от Турилово до сих пор нет дороги. Участники идут пешком несколько километров, а их вещи иногда подвозят на тракторе.

Следует отметить, что влияние горожан на местное сообщество, составляющее не более 30 чел. (половина – в трудоспособном возрасте), велико. Поскольку в деревнях туриловского «куста» совершенно отсутствуют рабочие места (нет ни сельскохозяйственных, ни лесозаготовительных предприятий, ни бюджетных учреждений), все трудоспособные жители заняты обслуживанием дачников и сообщества «Гектар»: одни помогают в строительстве домов, другие осуществляют подвоз гостей со станции в Антропово, третьи снабжают горожан продуктами. Помимо этого, в Палкино с помощью москвичей создается лагерь для молодежи Антроповского района; на средства колледжа № 11 для одной из жительниц деревни Турилово куплена корова; преподаватели колледжа инициировали строительство сельского храма и нашли средства для его постройки.

Мантуровский район. Леонтьевское сельское поселение. Угорский и леонтьевский «кусты» (230 км от Костромы, 570 км от Москвы)

Формирование дачного сообщества в Мантуровском районе также начиналось в 1970-х гг. и происходило от нескольких корней. Мы рассмотрим лишь два наиболее значимых. Первый был связан с потомком местного жителя, москвичом, пригласившим своих друзей-искусствоведов на родину отца. Они были очарованы первозданной красотой и приобрели дом в маленькой деревушке, которая уже тогда почти опустела, поскольку была удалена от сельсовета, расположенного в деревне Угоры. Затем к ним приехали знакомые, которые очень дешево купили несколько домов, и к концу 1970-х гг. в летние сезоны здесь функционировало смешанное деревенско-дачное сообщество.

В те же годы в Мантуровском и Кологривском районах начинают работу несколько научных проектов: орнитологический, программа скрещивания домашнего рогатого скота с зубрами с целью улучшения мясной породы, опытная станция Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Тогда части исследователей-немосквичей пришлось прописаться в районе, т. к. это был единственный способ про-

должить работу в Академии наук. Другие сотрудники купили в деревнях дома, чтобы не только отдыхать, но и работать в районе. Так сформировалось второе сообщество биологов; они «оккупировали» несколько деревень и до сих пор продолжают использовать дома как дачи⁵³.

Оба сообщества «колонистов» скоро объединились, постепенно расширяясь и существуя в спокойном режиме удаленной от Москвы работы вплоть до 1990 г., когда начался новый этап развития, связанный с приездом более активных горожан. В маленькой деревне Полома появились журналисты крупных российских изданий, которые с помощью иностранных коллег в голодное и беспокойное время на рубеже 1990–1991 гг. решили поддержать удаленную деревню. Вот как описывает это событие Марина Лещинская, одна из первых «колонисток»:

«Вечером в Полому въехали грузовики. Однако вместо радостных жителей их встретила гробовая тишина. Избы стояли, трубы дымилась, а людей не было. Все попрятались, решив, что началась война. Наконец кто-то решился выйти и узнать, какая власть на дворе. Выяснив, что это гуманитарная помощь москвичей, все высыпали разбирать продукты и вещи. Но вместо того, чтобы отнести их в избу, тут же перепаковывали в старые мешки и просили шоферов отвезти их в Москву детям».

К этому времени закончилась первая романтическая волна дачной «колонизации», когда еще и деревня была жива, и городские дачники чувствовали себя в ней органично. Местное население не только в этой, но и в других небольших деревнях катастрофически сокращалось. Началась вторая «прагматическая» волна, когда новые дачники пытались спасти и деревню, и себя в ней, но при этом, как показывает пример с гуманитарной помощью, оставались далеки от понимания специфики местной жизни. В деревне эти усилия воплотились в уникальный проект культивирования фермерства.

Поскольку своих кандидатов на занятие подобным бизнесом не осталось ни в этой, ни в соседних деревнях, пришлось, используя журналистские связи, объявить в «Российской газете» конкурс и пригласить фермерскую семью из Свердловской области. Сначала проект казался чрезвычайно удачным: московские дачники выкупили в деревне дом, предоставили немалый кредит из личных средств на обустройство этой семьи. В деревне появился скот, наладилась продажа продукции снача-

⁵³ С тех пор там постоянно живет лишь один сотрудник института, а в 1990-х гг. в другой деревне поселился еще один его коллега, сменив научную деятельность на сельское хозяйство.

ла окрестным дачникам, потом в Мантурово и в Москве. Тогда казалось, что деревня будет жить не только в летний сезон. Однако, несмотря на успешность бизнеса, кредиты, выданные свердловчанам, не отдавались, что вызвало взаимное напряжение, разрастающиеся по мере того, как деятельность фермеров переориентировалась с производства на перепродажу. Дело кончилось скандалом, когда обнаружились финансовые махинации, после чего фермерская семья покинула деревню и переехала в Мантурово. А первые дачники-«колонисты», уже состарившиеся, но трогательно привязанные к деревне и проводившие в ней от месяца до полугода, по-прежнему оставались озабоченными своим будущим в сельской глубинке⁵⁴.

Тем временем дачное сообщество в Угорском и Леонтьевском поселениях продолжало разрастаться, большая часть новых дальних дачников появлялась через друзей и знакомых, приехавших погостить. Новые дачники сместились в наиболее живописные деревни, расположенные на берегу реки Унжи. В 1990-х гг. здесь в маленькой деревушке покупает дом социолог Н.Е. Покровский, вокруг которого впоследствии сформировалась третья научно-исследовательская волна дачного освоения, чем-то напоминающая позднюю шахматовскую. Будучи философом по образованию и социологом по профессии, а, главное, человеком активным и любознательным, он собирал вокруг себя московских ученых, которые к концу 1990-х гг. сформировали своеобразное научное сообщество «Угорский проект». К концу 2000-х гг. этот проект достиг расцвета, его состав постоянно расширялся, включая известных экономистов, географов, демографов и психологов. В силу профессиональных интересов участников «Угорский проект», в отличие от шахматовского, больше ориентирован на изучение окружающей действительности, включая жизнь местного населения, его адаптацию к новым реалиям, жизнь самого дачного сообщества и перспективы его развития.

Ежегодно издаются сборники научных трудов проекта, с 2010 г. каждый год в мае в купленных и переоборудованных дачниками деревенских избах (в деревне пять постоянных жителей) проводятся междисциплинарные научные конференции, собирающие до 60–80 чел. из российских и зарубежных научных центров. И даже в спокойное летнее время «Угорский проект» служит важным звеном, консолидирующим дачников

⁵⁴ Последний проект спасения дачных домов зимой в деревне, где уже не осталось местных жителей, – это установка сигнализации с заключением договоров в охранной фирме г. Мантурово, посредником в ближайшей деревне и т.п.

на большом пространстве. Хотя первые волны дачного освоения до сих пор просматриваются в сообществах биологов и искусствоведов, общение внутри них даже при разбросанности его членов по разным поселкам происходит зачастую активнее, чем общение дачников в одной деревне.

Четвертая волна обозначилась в последние годы и связана с реальным дауншифтингом – круглогодичным проживанием москвичей в деревне. Ее начало было положено приездом семьи биолога и художницы, решивших заняться сельским хозяйством (правда, с сохранением творческих занятий и небольшого бизнеса в Москве). Похожий путь прошла недавно еще одна семья москвичей, которая арендовала 10 га земли, построила новый дом и занялась разбивкой сада: глава семьи – академик РАН – продолжает свои научные труды, а садом занимается в основном его жена⁵⁵.

Дачники владеют половиной земельных участков в Угорском поселении. Правда, в Угорах – бывшем центре поселения – всего третья, зато в малых деревнях их большинство (см. следующую главу 3.8.). При этом динамика местного населения весьма неутешительна. Многие деревни исчезли, а в большинстве осталось лишь несколько бабушек. И лишь в Угорах, куда стягивалось и хозяйство, и население из окружающих деревень, живет около трети населения начала XX в.

Кологривский район. Ильинское сельское поселение. Высоковский «куст» (350 км от Костромы, 700 км от Москвы)

Импульсом дачного освоения высококовского «куста» в еще более удаленном от Москвы и Костромы Кологривском районе также стало желание обосноваться на берегу реки Унжи с песчаными пляжами и сосновыми борами по берегам. Первое появление москвичей в деревне приходится на 1979 г., когда сын академика Я.М. Колотыркина Иван поехал с другом навестить бабушку. Там он обнаружил, что некоторые дома выставлены на продажу, и тут же дал телеграмму отцу: «Вышли 200 рублей, хочу купить дом». Сначала у семьи Колотыркиных был только один дом, постепенно выкупили еще несколько соседних домов (семья большая: академик с женой, взрослые сыновья и дочь, пожилая няня). При

⁵⁵ Еще два случая дауншифтинга москвичей связаны с другими видами деятельности. Первая – чисто творческая – изготовление кукол, которые у дачников и участников научных конференций пользуются большой популярностью. А вот созданная москвичом мини-база для экотуризма с комфортабельными домами в деревне Никитино не находит постоянных клиентов, заполняясь лишь в периоды семинаров, конференций и т.п.

этом семья академика имела и ближнюю дачу в кооперативе «НИЛ» (Наука-Искусство-Литература) около города Истра. Постепенно Колотыркины стали приглашать соседей из «НИЛа» в «свою» деревню, и многие решились купить дальнюю дачу уже здесь, в Кологривском районе.

Эта вторая волна началась в 1990-х гг. и продолжается до сих пор. Как и в случае предыдущего «куста» наблюдались прагматические попытки москвичей вписаться в новые экономические реалии деревни: выкуп колхозных домов, создание фермы, разведение скота. Однако при резком старте москвичи быстро выдохлись, все было брошено, и они превратились в обычных дачников.

К настоящему времени «НИЛовцам» принадлежат четыре дома в деревне, где уже давно не осталось постоянных жителей, в т.ч. один новый дом, построенный в начале 2000-х гг., в котором его хозяин живет с мая по сентябрь, и шесть домов в соседней деревне. Также «НИЛовцы» выкупили дома и в еще двух деревнях (в одной из 15 домов «НИЛовцам» принадлежит 12, в другой – 9 из 10). Некоторые проводят в деревне по полгода, кто-то приезжает только на 1–2 недели, постепенно ремонтируя и перестраивая дома под свои нужды. Примечательно, что владельцы домов и дачники в высококовском «кусте» не только пенсионеры, среди них есть и молодежь – те, кто в детстве общался в подмосковном «НИЛе», теперь переехал на дальнюю дачу.

Как и в описанных выше «кустах», дачники дают работу местному населению из бывшего центра сельского поселения деревни Высоково. Местные жители чинят дома, косят траву, присматривают за домами и принимают на хранение в зимний период дорогостоящую технику. В ягодный сезон существует налаженная система поставки грибов, меда, ягод – достаточно связаться по телефону и назвать необходимое количество. А дачники, со своей стороны, отправляясь в деревню, всегда звонят в Высоково бывшей главе поселения, узнавая, не надо ли привезти из столицы дефицитные товары. Очевидно, что система взаимоотношений местного и сезонного населения налажена очень тонко, одни без других вряд ли смогут существовать.

Эти примеры, несмотря на различия, демонстрируют общие закономерности эволюции освоения жителями мегаполисов дальней периферии. При случайном проникновении в ту или иную деревню/поселение происходили закрепление и формирование нового активного сообщества горожан, но только при наличии объединяющих импульсов: помимо мировоззренческой общности были необходимы и консолидирующие профессиональные интересы. Как правило, все сообщества дачных «ко-

лонистов» переживали одни и те же этапы: романтический в 1970 – начале 1980-х гг., более прагматический в 1990-х. Дальнейшее развитие во многом зависело от личностных факторов: если находился яркий лидер (как, например, в Шахматово или в Угорском поселении), происходила интеграция разрозненного дачного сообщества с формированием научного ядра, вокруг которого объединялись московские дачники, представляющие различные профессии. Если таких лидеров не было, то объединяющими становились интересы профессиональные или соседские по месту выхода.

Приведенные примеры отражают варианты наиболее распространенного типа дальних дач жителей мегаполисов с относительно длительным пребыванием горожан на удаленных дачах (часто дополнительно к ближним в Подмосковье) и минимальным внешним переоборудованием больших деревенских изб северного типа.

Однако в 2000-х гг. даже в таких удаленных от мегаполисов районах дачниками начали строиться новые дома, также появлялись и рекреационные учреждения. Эти тенденции характерны для наиболее престижных мест, главным образом на Волге южнее Костромы, но также и во все более набирающих популярность у горожан местах впадения рек Унжи и Немды в Волгу (юг Макарьевского и Кадыйского районов), т. е. фактически на берегу Горьковского водохранилища. Здесь соединились два вектора: продвижение к живописным волжским берегам и статусное потребление – желание иметь дачу, например, напротив «дачи» премьер-министра Д.А. Медведева в Плесе или поближе к родине А.А. Тарковского около деревни Завражье.

Кадыйский район. Черниховское и Завражское сельские поселения (150–200 км от Костромы, 500 км от Москвы)

Кадыйский район не совсем типичен как район дальних дач. Помимо деревенских изб с дачниками из Костромы, Нижнего Новгорода, Москвы, здесь можно встретить и шикарные каменные коттеджи. Вместо живописных рек и уютных деревушек со старыми домами из почерневших бревен на крайнем юге района глазу открываются почти приморские пейзажи с песчаными пляжами, к которым почти вплотную подходят новые дома и строящиеся туристические базы. Правда, в Завражье в 2008 г. по инициативе губернатора области была создана особо охраняемая территория с блокированием выдачи земель под любое строительство. Однако губернатора не стало, и с дальнейшей судьбой этой территории пока не определились.

Дачи «с видом на жительство»

Один из вариантов домовладений в деревне – это тоже «дальние» дачи, но купленные сравнительно недавно с ориентиром на то, чтобы постепенно проводить в деревне все больше времени. Такие домовладельцы-дачники не исключают, что на пенсии станут жить в сельской местности постоянно. Они более требовательны к сельской инфраструктуре, хотят, чтобы к деревне подходила хорошая асфальтированная дорога или хотя бы грейдированная дорога «с улучшенным покрытием». Для них важно наличие газа, хотя бы баллонного, водопровод. В отличие от дачников-«колонистов», этот тип дачников не стремится к полному уединению. Те, кто планирует перебраться в сельскую местность, предпочитают людные деревни, где еще остались сельские жители, потому что многие осознают необходимость постепенной интеграции в сельский социум, да и благоустройство в крупных селах лучше. Идеальное сочетание условий для покупки дачи – это большое село, желательно – историческое, чтобы присутствовала определенная эстетика, село было вписано в ландшафт, имелся храм и другие доминанты, к которому подведена дорога, а рядом был живописный водоем: река или озеро.

Таким условиям удовлетворяют многие села Ивановской области и отдельные села на юге Костромской. В рамках исследования детально были изучены села Дунилово и Введенье в Шуйском районе Ивановской области, расположенные на двух берегах р. Тезы – старинного торгового пути. В каждом селе есть крупный монастырь (Николо-Шартомский во Введенье и Дуниловский в Дунилово), несколько старинных храмов, оба села расположились в долине Тезы, к ним подведена хорошая дорога, села газифицированы. Они чрезвычайно популярны у дачников! Даже при беглом взгляде на села заметно обилие новых или отремонтированных домов, новые кровли, стальные заборы, в сельских магазинах обязательно присутствуют отделы «для стройки и ремонта». Добраться от Москвы – «4 часа лету», как говорят местные жители. То есть без пробок на своем автомобиле можно доехать за 4–5 часов по Горьковскому или Ярославскому шоссе. Аналогичные примеры встречаются во многих других районах в областях вокруг Московской.

Отдельный подтип среди таких дачников – это «северяне», жители северных и северо-восточных регионов России, которые раньше остальных выходят на пенсию и ищут жилье в центральной полосе России. Их присутствие в сельской местности легко «вычислить» по номерам автомобилей: региональные коды 51 (Мурманская область), 11 (Республика

***Дачная колонизация российской глубинки
Антроповский район Костромской области***

***Деревня Шахматово. «Гектар» – наследие первых дачных колонистов
и учёного-методолога Н.Г. Алексева. Семинар для студентов из Москвы***

***Деревня Малышево: домовладение «второй волны колонистов».
Автомобильной дороги к деревне нет, проедет только тачка***

Окрестности дачной «колонии» Туриловского «куста»

Кологривский район Костромской области

Дачно-деревенские дома Высоковского «куста»

Кологривский лес

***Окрестности
Высоковского «куста»:
унженские пляжи***

Мантуровский район Костромской области

***Публичная конференция Угорского проекта в деревне Медведево с пятью местными жителями
В разные годы собирала от 30 до 70 участников***

Заседания конференции Угорского проекта на бывших сеновалах

Кадынский район Костромской области

Берег Горьковского водохранилища в деревне Завражье на юге района

Новые дома на берегу Горьковского водохранилища

Коми), 86 (Ханты-Мансийский АО), 89 (Ямало-Ненецкий АО) и другие. «Северяне» также стремятся покупать благоустроенные дома в деревнях, где еще осталось сельское население. Сначала они используют дома в режиме дач, приезжая на лето и привозя с собой детей и внуков, а позже перебираются сюда на постоянное место жительства. Зачастую формируются региональные сообщества: многие хотят видеть своих друзей рядом, поэтому подыскивают для них дома по соседству. Так, например, в селе Марьинское Нерехтского района Костромской области около половины постоянно проживающих жителей (52 человека) – «северяне», которые сначала были обыкновенными дачниками, а сейчас получили местную прописку и живут круглый год.

Категория таких дачников (как «северян», так и просто жителей крупных городов, обосновавшихся в крупных населенных пунктах) легче поддается учету. Они проводят в сельской местности по несколько месяцев, поэтому стараются получить временную регистрацию для экономии на коммунальных платежах в городе (особенно это актуально для «северян»). В подробно исследованном Введенском сельском поселении Шуйского района на 1900 местных жителей каждое лето приходится около 400 зарегистрированных дачников, т. е. численность населения увеличивается на 20%. Незарегистрированных дачников, проводящих в деревне все лето, по экспертным оценкам, в 1,5 раза меньше зарегистрированных. Таким образом, численность населения Введенского поселения каждый сезон увеличивается на 31% (на 600 человек), т.е. почти на треть.

Дачники в крупных селах тесно взаимодействуют с местным населением. Интересные заметки о сельской жизни приводит дачница-журналистка Алена Солнцева из «Газеты.гу». Она описывает жизнь деревни Марково в Островском районе Костромской области, близ усадьбы Щельково [Солнцева, 2014]. В структуре описываемого в цикле ее очерков сельского сообщества обязательно присутствуют дачники, проводящие в деревне значительную часть года, а также местные жители, которые уже многие годы живут за счет обслуживания дачников. Такая же ситуация – в селе Дунилово Ивановской области, где даже существует предприятие, которое специализируется на строительстве дачных домов и других работах, а также багетная мастерская, которая обслуживает заказы дачников и их «городских» друзей.

Сотрудники местных администраций уже почти не разделяют жителей сел на «своих» и «несвоих», хотя и ропщут, что проку от дачников мало: бюджетные дотации все равно распределяются исходя из численности постоянного населения. Тем не менее такие дачники еще более

активно участвуют в схемах самообложения, готовы участвовать в культурной жизни села, нередко подают местным жителям пример активной жизненной позиции и сами держат скот, птицу. Для местных администраций такие дачники – перспективные сельяне. В Нерехтском районе главы сельских поселений стимулируют дачников-пенсионеров получать местную прописку, объясняя, что все улучшения в деревне возможны лишь при увеличении постоянного населения и дотаций на каждого жителя.

* * *

Общий географический тренд позднесоветских и постсоветских процессов сводится к сжатию российского заселенного пространства к его основным фокусам – крупным городам и агломерациям. Встречное движение горожан, даже если оно заходит далеко и летом восполняет демографические потери, не ведет к возрождению всей сельской местности и, главное, хозяйства.

Тем не менее представить себе современную деревню за пределами крупных агломераций, даже удаленную от местных центров, без горожан-дачников уже невозможно. Именно они способствуют сохранению многих деревень, почти покинутых местными жителями. Однако невнимание властей к дачникам, забрасывание инфраструктуры, недоступность многих деревень сводит на нет даже усилия энтузиастов.

В периферийных районах остаются лишь «дальние дачи», т.к. слабая инфраструктурная обеспеченность отталкивает потенциальных переселенцев. Здесь сильны сезонные колебания населения, а дачники предпочитают небольшие и живописно расположенные деревни, исходя из того, что если уж забираться так далеко – надо иметь красивый вид из окна и тишину. В более крупных селах и поселках дачников меньше, но иногда появляются такие горожане, которые постепенно планируют переехать в сельскую местность и влиться в местное сообщество.

Горожане в сельской местности (если они не переехали со сменой прописки) почти не поддаются учету и количественной оценке, хотя в летний сезон они обеспечивают заметный прирост населения, когда нежилые деревни «оживают», расцветает торговля, а местные жители работают только на дачников.

Примеры дезурбанизации в России есть, но они отличаются от практики развитых стран. Там она характерна в основном для среднего класса. В России круглый год в сельской местности готовы проводить либо самые богатые горожане в собственных «имениях» и закрытых коттедж-

ных поселках, либо малоимущие, живущие на деньги от сдачи городских квартир.

С другой стороны, уменьшение привлекательности Москвы, помимо психологических и экологических стрессов, связано с повышением имущественного ценза. Стоимость жизни в столице ежегодно растет. Усиливающаяся при экономическом кризисе безработица также начинает «выталкивать» население из городов. Но смогут ли необустроенные дома-дачи в удаленных деревнях при недостаточной инфраструктуре стать постоянным жильем горожан – пока не понятно. К массовому переезду в удаленную сельскую местность (в отличие от пригородов) горожане еще не готовы.

Глава 3.8

Дальние дачи как временное убежище от цивилизации

Псковская область. Примеры дальних дач в деревнях

В Костромской области, дачной колонизации которой посвящена предыдущая глава, почти в каждом районе встречаются дальние дачи москвичей и-петербуржцев. Обследование западных и юго-западных районов Псковской области выявило те же процессы и проблемы. Правда, тип деревенских домов отличается: скотный двор и сенной сарай не соединены с жилой частью мостом, а расположены рядом, формируя структуру типа каре. При этом стиль жизни, занятия, частота и длительность посещений дачных сельских домов горожанами очень типичны.

Спасение дачниками малых деревень можно показать на примере *Невельского района Псковской области*, расположенного на равном удалении от Москвы (525 км) и от Петербурга (530 км). Плисская волость⁵⁶ примыкает к г. Невелю, хотя и растянулась на 53 км после объединения поселений. На 688 местных домохозяйств в ней приходится 720 домов горожан, используемых сезонно. Рис. 1 и 2 показывают, к каким деревням тяготеют местные жители и дачники. Для последних наиболее привлекательны деревни с населением менее 50 человек, а еще лучше – от 2 до 10 человек местного населения. А в необитаемые деревни дачники не стремятся, хотя именно там можно найти больше всего заброшенных, хотя часто и пригодных для жизни, домов.

Похожая ситуация и в северном *Гдовском районе Псковской области*. Берег Чудского озера – известная дачная зона петербуржцев, до которой на машине добираться около 4 часов. Территория лесная (60% покрыто лесом), пашня занимает всего 3%, еще 16% площади под

⁵⁶ В Псковской области сельские поселения официально называются волостями.

древесно-кустарниковой растительностью на зарастающих полях и заболоченных участках. Бывшие советские колхозы здесь прекратили существование или сильно уменьшили посевные площади. Правда, на датские инвестиции к северу от Гдова в сторону С.-Петербурга построена мегаферма, поставляющая туда молоко. Пару колхозов выкупили частники, выращивают скот на мясо. Несколько частников занимаются рубкой леса. Молодежь в основном уезжает в С.-Петербург, активные люди среднего поколения работают в Санкт-Петербурге или в Ленинградской области водителями, охранниками, строителями с периодичностью 20 на 20 дней или меньше. До Петербурга ежедневно идут два автобуса и две маршрутки.

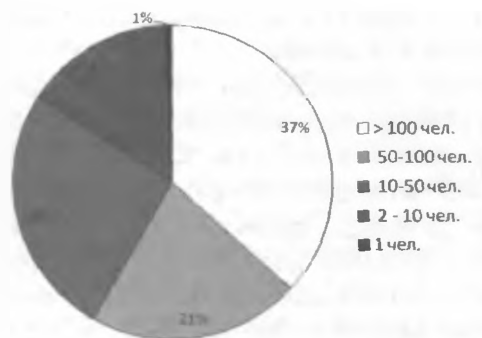

Рис. 1. Структура людности сельских населенных пунктов Плииской волости Невельского района Псковской области, постоянное население, 2014 г.

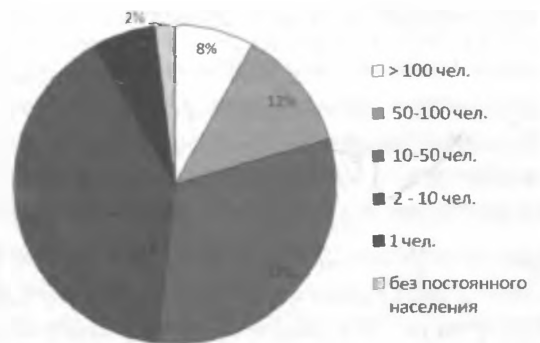

Рис. 2. Структура людности сельских населенных пунктов Плииской волости Невельского района Псковской области, сезонное (дачное) население, 2014 г.

Дома в деревнях, расположенных на берегу озера, скупают дачники из северной столицы и из Мурманска. Есть еще одна категория дачников – эстонцы, которые, несмотря на сложности пересечения государственной границы, бережно сохраняют свои родовые дома в деревнях и используют их как дачи.

Например, в Юшкинской волости, расположенной южнее г. Гдова, в 14 из 32 деревень живет менее 10 человек, еще в трех деревнях местных жителей не осталось вовсе. Самое крупное село – Трутнево, в нем проживает 278 человек, еще в четырех деревнях – по 30–60 человек. В остальных деревеньках – по 10–20 жителей. На все деревни волости приходится 259 местных домохозяйств, еще в 62 домах остаются зимовать городские жители. А более половины из 660 обитаемых домов оживают только летом и иногда зимой на выходные и праздники. Многие дачники проводят в деревне по 3–4 месяца.

Личное подсобное хозяйство местных жителей свелось к посадке картошки и самых необходимых овощей. Еще в начале 2000-х гг. в Трутневе было 70 коров, осталось всего две. Фермеров тоже нет. Для тех, кто не на отходе и не занят в бюджетной сфере, все возможности в последние годы – это помощь дачникам, купившим деревенские дома, строительство новых дачных и гостевых домов на берегу озера. Земельный налог составляет 30% собственных доходов бюджета. Участок в 10 соток (без дома) в деревне стоит здесь 300–400 тыс. руб.

Рядом с деревней Заполье бывшая и уже зарастающая пахота на пригорке с видом на Чудское озеро выкуплена, разгорожена колышками на участки по 12 соток и выставлена на продажу. Пока нет ни деревьев, ни инфраструктуры, но уже появились первые сарайчики будущих дачевладельцев. Разговор с одной из дачниц объясняет мотивы:

«Сами мы из Питера. Там недалеко дача была в садовом товариществе. Тесно очень, кругом дома, люди, машины. Продали и купили здесь два участка, всего 23 сотки. Будем строить дом. Земля здесь плохая, один песок. Придется завозить землю. Озеро недалеко, но вода в нем холодная. Да и ветры сильные. Но зато воздух!!!»

В самой деревне Заполье местных жителей не осталось, из 16 обитаемых дачных домов один хозяин из Мурманска, один из Нарвы (Эстония), остальные петербуржцы. За домами присматривает житель расположенной недалеко соседней деревни.

Южнее, в Спицинской волости, стройные сосновые леса выходят прямо к берегу озера. Здесь к дачным домам в 20 деревнях добавляются тур-

базы на побережье озера. Хозяева, как правило, из Петербурга, работники тоже привозные, местным не доверяют. Им приходится ехать в Петербург в поисках работы или продавать грибы и ягоды дачникам или проезжим на дороге. Рядом с деревней Сосно выстроено несколько небольших коттеджных поселков, в т.ч. элитных за высоким забором. В самой деревне осталось 12 местных домохозяйств, при этом есть еще 105 домов в хорошем состоянии. В этой популярной у дачников волости в деревнях у побережья почти нет заброшенных домов. А в 20 деревнях на 620 местных жителей приходится 180 неместных, проживающих более года.

Бегство от цивилизации: сельский дауншифтинг в Костромской области

Еще более радикально решают проблему дефицита свежего воздуха и личного пространства сельские дауншифтеры. Ими нередко становятся горожане трудоспособного возраста и даже молодежь. Они сдают жилье в городе (как правило, в Москве или в Санкт-Петербурге) и живут в деревне, занимаясь творчеством или работая в режиме удаленного доступа через Интернет. Дауншифтеры встречаются в различных сельских районах Центральной России. В рамках исследованных территорий безусловным лидером по присутствию горожан оказался Кологривский район. В самом Кологриве, который имеет полусельскую организацию и несильно отличается от села, а также в сельских населенных пунктах вокруг него сейчас проживает свыше 50 семей дауншифтеров, среди которых – и бывший руководитель ФАС РФ, и профессор НИУ ВШЭ, и «толстовцы», и ученые разного возраста, и просто молодые семьи из Москвы и Владимира. Многообразие мира дауншифтеров в Кологривском районе показано в фильме «Приключения москвичей на планете Кологрив» режиссера Марии Сапрыкиной.

Дауншифтеры не очень требовательны к условиям: многие хотят уединения и покоя, поэтому выбирают дома в деревнях, исходя из собственных материальных возможностей и наличия базовой инфраструктуры. В Кологривском районе они встречаются как в удаленных деревнях, до которых трудно добраться в распутицу (например, деревня Шаблово), так и в более крупных, «живых» селах. При этом они избегают поселков лесозаготовителей, известных своим пестрым социальным составом и неблагополучной средой. Примечательно, что популярными местами для дауншифтинга становятся районы со сложившимся образом: Кологрив как синоним провинциальной глуши или еще более глухая Чухлома.

В целом, дауншифтинг гораздо менее распространен, чем дачное движение. Он еще труднее поддается количественным оценкам, и местные власти не всегда бывают осведомлены о жизни таких добровольных отшельников. Многие дауншифтеры тесно связаны с городами, не столько с районными центрами, сколько с Москвой или Санкт-Петербургом, где остались их родственники. Автору известна семейная пара дауншифтеров-москвичей из Галичского района, которые уже несколько лет проживали в небольшой деревне на берегу Галичского, ежедневно ездили в Галич на обед в пиццерию и ежемесячно ездили в Москву, чтобы постирать вещи в стиральной машине и воспользоваться другими «благами цивилизации». Насколько такие люди перспективны для села – непонятно.

Убежденных переселенцев из крупных городов в сельскую глушь все же мало. По сравнению с миллионами дачников – это капля в море. Чаще это люди с высшим образованием, бросающие городские занятия, престижную работу совсем или частично ради сельской жизни. Некоторые пытаются совмещать творческие городские занятия с жизнью в деревне. Имея образование, они хотят быть полезными: работать в школе, участвовать в общественной жизни. Хозяйство, даже подсобное, у них все же не интенсивно, хотя встречаются те, кто мечтает именно о сельском хозяйстве, заводит скот, арендует землю. Горожане подходят к любым делам творчески, применяют новые технологии, осваивают новые виды продуктов. Все это нарушает привычный стиль жизни в деревне и вызывает глухое противодействие не только чиновников, но и местного населения. Опыт тех горожан, кто живет в деревне не первый год, показывает, что вписаться в местное сообщество им довольно трудно [Потенциал, 2014, Ойкумена..., 2015].

Существуют и другие варианты присутствия горожан в сельской местности, которые остались за рамками исследования. К ним относятся, например, различные экопоселения и родовые поместья. Их исследованиями занимаются специалисты из разных городов, в частности А.А. Позаненко [2013] из НИУ ВШЭ или А.Е. Карпов из Владимирского госуниверситета [2014]. Принцип создания таких поселений предполагает определенный изоляционизм, т.к. родовые поместья создают последователи различных религиозных (кришнаиты, «анастасиевцы» и др.) или этнических сообществ (неославянские движения, например, «родноверы» и др.). Они не подразумевают вовлечения жителей в сельский социум, поселения строятся вдали от сельских населенных пунктов, обеспечивая лишь «вторичную колонизацию» сельских территорий. Их влияние на сельскую местность требует дополнительных исследований.

Социология глубинки: взгляд собственников дальних дач и местных жителей на перспективы села

Первый подробный опрос был проведен на базе «Угорского проекта» Сообщества профессиональных социологов в Угорском и Леонтьевском сельских поселениях Мантуровского района Костромской области в 2008 г. [Нефедова, 2008]. С помощью студентов удалось опросить представителей 80 местных домохозяйств в 13 деревнях разного размера (с общей численностью местного населения 840 человек и 480 домохозяйств) и 30 наличных дачников по специально разработанным анкетам. В 2014 г. был проведен повторный опрос 29 дачников.

В Угорском сельском поселении (ныне оно объединено с Леонтьевским), расположенном в 570 км от Москвы и в 230 км от Костромы, осталось 12% населения начала XX в. (рис. 3). Оно живет в 10 деревнях. При этом 62% населения сосредоточено в центральном селе Угоры, где оно более молодое. В малых деревнях преобладают женщины старше 60 лет. В таких деревнях дома поредели, много пустующих, разрушающихся домов, а лучше сохранившиеся активно приобретаются дачниками.

Благоустройство домов и местных жителей, и дачников оставляет желать лучшего. Все они на печном отоплении (в домах обычно две печки: русская и голландская), туалет с выгребной ямой на улице или на холодном сеновале, вода в колодце. Местную канализацию имеют единицы. Однако около 60% дачников сознательно не намерены что-либо менять в доме, стремясь сохранить его своеобразие и целостность, и лишь 18% хотят проводить внутреннюю перепланировку, отопление и т.п., не меняя внешний вид домов.

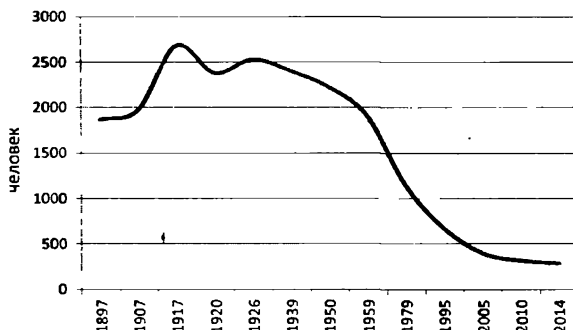

Рис. 3. Динамика численности населения на территории Угорского сельского поселения, с 1897 по 2014 г., чел.

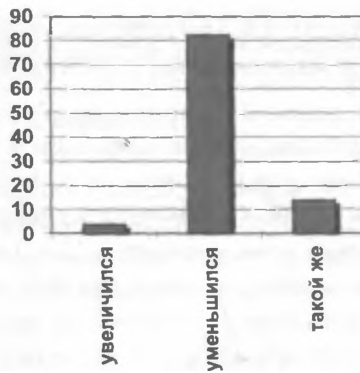

Рис. 4. Изменение объема продукции в хозяйствах населения, % от числа ответивших

Значительная часть местного населения уменьшила выращивание овощей и картофеля на огородах, скота у населения почти не осталось (рис. 4). Опросы населения и данные местной администрации показали, что переход населения к товарному частному сельскому хозяйству даже при кризисе колхозов в таких районах проблематичен. Три фермерских хозяйства на весь Мантуровский район организованы приезжими.

В России популярны рассуждения о крестьянстве как некой самоценности сельской культуры. Однако назвать эту местность крестьянской уже сложно. В трех четвертях опрошенных домохозяйств местных жителей дети уже живут в городах, хотя и навещают своих родителей, помогают им по хозяйству, привнося плоды городской культуры. Кроме того, в каждой деревне можно встретить горожан-дачников, во многих деревнях летом их число превышает количество местных жителей (табл. 1).

Из деревни Бажино дачники к настоящему времени уехали, поскольку с уходом последнего местного жителя дома зимой стали не просто грабить, а разбирать по частям. Пример Угорского поселения показывает, что симбиоз местного сельского и пришлого дачного населения в удаленной нечерноземной глубинке является необходимым условием существования и тех, и других: местное население служит относительным гарантом безопасности жилья дачников, а последние, в свою очередь, поддерживают местных жителей, привозя им продукты и предоставляя работу (в Угорском поселении даже молодые ребята, получая на зиму заказы на ремонт дачных домов, остаются в деревне).

Ориентация сельского населения на города ярко выражена. На вопросы «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в городе» отрицательно

ответили лишь 15% опрошенных. В среднем лишь половина опрошенных местных жителей хотела бы остаться жить в деревне, 32% ориентированы на город и 18% не смогли ответить на этот вопрос.

Таблица 1. Динамика численности населения в деревнях Угорского сельского поселения Костромской области и доля дачников в землепользовании

	Доля жителей городов в числе собственников и арендаторов земельных участков в 2007 г. в %	Оценочно доля дачников в суммарном населении в летний сезон (июль-август), 2007 г. в %	Численность зарегистрированного населения, 2007 г., чел.	Численность зарегистрированного населения, 2013 г., чел.	Местное население 2007 г. в % к 1926 г.	Местное население 2013 г. в % к 2007 г.
Угоры	32	29	227	190	34	84
Давыдово	47	41	40	30	10	75
Медведево	79	75	10	8	5	80
Хлябишино	39	40	59	51	14	86
Дмитриево	92	71	10	0	4	0
Аносово	н/д	н/д	22	18	12	82
Зашильское	71	80	6	0	5	0
Бажино	100	100	0	0	0	
Полома	75	71	10	8	9	80
Ступино	91	91	2	1	2	50
Всего	48	45	386	306	14	79

По данным Угорской сельской администрации Костромской области

Среди дачников преобладают люди среднего и старшего возраста (владельцев до 50 лет всего 15%), среднего достатка и творческих профессий, что отчасти связано с их дачными предпочтениями и с относительно вольным трудовым режимом. Обычно приезжают 1–2 раза в год на 2–4 недели. Тем не менее треть навещается гораздо чаще (3–5 раз в год), и примерно столько же живет в деревне подолгу (все лето, а то и полгода). Поначалу наблюдалось формирование своеобразных профессиональных сообществ: деревни ученых, деревни преподавателей, деревни художников, деревни журналистов. Впоследствии узкая «кластеризация» размывалась. Опросы дачников в 2008 г. показали, что 85% их

численности даже на такой дистанции от Москвы – москвичи. Главным занятием в деревне дачники называли благоустройство своего хозяйства, включая дом и землю. Приусадебные участки у домов в этом месте достаточно большие – 30–50 соток, у некоторых – до 1 гектара. Однако в отличие от пригородов количество земли в собственности или в аренде здесь не имеет пока существенного значения, разве что на будущее. Заборов зачастую вообще нет, а вокруг простираются обширные заброшенные колхозные земли с травой в рост человека. Местные жители используют только небольшие приусадебные участки и огороды за домом под картошку⁵⁷. Скота у населения почти не осталось, хотя дачники готовы покупать у них местную продукцию. Сами дачники обычно не сажают ничего кроме цветов и деревьев.

Около 40% дачников ходят в лес, собирают грибы и ягоды. Многие считают это отдыхом. Треть отметила, что именно здесь они много читают. Около 10% занимаются, помимо своей основной профессии, творчеством (пишут, рисуют, фотографируют). Каждый пятый дачник имеет дачу и в Подмоскovie. Но «ближняя дача» из-за расширения городской застройки, сжатия природных ландшафтов, обилия машин теряет свою функцию жилья на природе.

Отношение к московским дачникам у местного населения по опросам 2008 г. было в основном положительное (рис. 5). Никто не ответил отрицательно. Остальным все равно. Главным достоинством приехавших горожан треть опрошенных местных жителей считает то, что дачники поддерживают и облагораживают дома, тем самым сохраняя деревни.

⁵⁷ В отличие от дачников, которые хорошо знают цену земли, здешние местные жители к земельной собственности равнодушны. Лишь недавно некоторые из них узнали, что земельные паи (по 9 гектар) что-то стоят. Тем не менее половина опрошенных считает, что сельскохозяйственные земли должны принадлежать колхозу, 11% - государству, 6% - кому угодно. И лишь 18% считает, что земля должна принадлежать фермерам, и 15% – жителям. Вслед за вопросом «Кому должны принадлежать сельскохозяйственные земли?» мы обычно задаем вопрос «Нужна ли Вам сельскохозяйственная земля в собственность?» Во многих районах эти два вопроса выявляли определенное раздвоение мышления: люди отвечали, что земля должна принадлежать колхозу, но им самим собственность на землю тоже нужна. На самом деле они подразумевали разные земли: ничейную прежде колхозную землю (так и не осознав, что она теперь тоже их) и свою, приусадебную. Здесь даже такого раздвоения нет: 80% населения в 2008 г. ответило, что им не нужна частная собственность на землю.

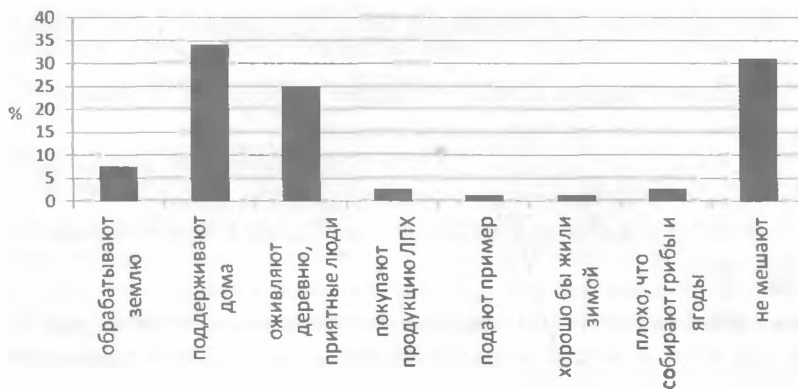

Рис. 5. Ответы местных жителей на вопрос: «За что Вы цените дачников?», в % от числа опрошенных

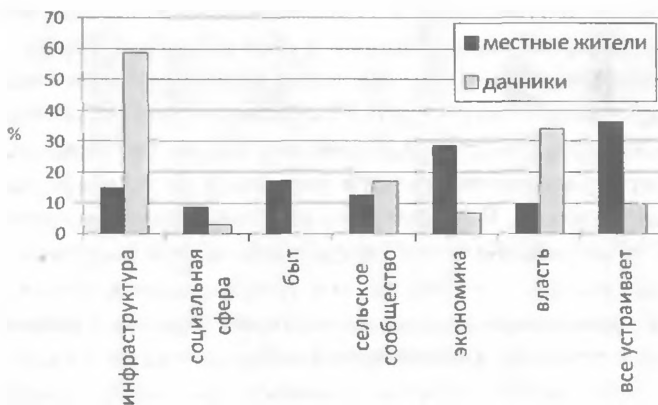

Рис. 6. Ответы местных жителей и дачников на вопрос: «Что Вас не устраивает в сельской жизни?», в % от числа опрошенных

Тем не менее дружба дачников и местных жителей весьма распространена, 72% ходят в гости и помогают друг к другу. Более того, и те и другие понимают, что друг без друга в пустеющих деревнях им уже не выжить. Недаром местные жители отмечают, что они хотели бы, чтобы больше дачников оставалось зимовать.

Обследования 2014 г. подтвердили, что отношение местного населения к дачникам, несмотря на увеличение их числа, было и остается весьма доброжелательным. Приведем лишь несколько высказываний:

- *«беспокойства от дачников нет, приятные люди, интересные»;*
- *«дачников сразу можно поговору отличить, и деньги у них есть, в магазин приходишь, сразу видишь»;*
- *«не строят они ничего, готовые дома покупают и вкладывают в них, главное, сохраняют их и обкашивают вокруг»;*
- *«пусть приезжают, жалко что ли. Плохо, когда покупают и не приезжают».*

И все-таки большинство местных жителей мало пересекаются с дачниками: *«не знаю я всех дачников, их так много, что я в них путаюсь. Дачники сами по себе, местные – сами по себе».*

Исследователи отмечают очевидный конфликт интересов местных жителей и дачников [Дроздов, 2015]. Первые, особенно старшее поколение, ностальгируют о голубеющих полях льна, больших стадах скота. Молодежь более прагматична и безразлична к сельскому хозяйству, ей важна любая хорошо оплачиваемая работа и подходящая социальная среда. Дачники, наоборот, больше всего боятся наплыва людей, строительства современных коттеджей в старинных северных деревнях. Они умиляются дичающими ландшафтами, местными бабушками, а наиболее склонные к отшельничеству готовы мириться и с полным бездорожьем. Правда, таких немного. Большинство горожан все-таки стремится к минимальному обустройству своей временной жизни в деревне.

Ответы на вопрос – *«Что Вас не устраивает в сельской жизни?»* отличались у дачников и у местных жителей (рис. 6). Крайним выражением активной позиции дачников стала фраза одной из них: *«Мы сами организуем свою жизнь здесь».* Главным фактором, раздражающим большинство опрошенных дачников, стала неразвитая инфраструктура (дороги, благоустройство улиц, включая освещение, водоснабжение, отсутствие газификации, утилизации отходов и т.п.). Местные жители, приспособившиеся к отсутствию элементарной инфраструктуры, этот фактор отмечали гораздо реже. Для них гораздо важнее оказались экономические факторы (нет работы, низкие зарплаты, кризис сельскохозяйственного предприятия и т.п.). На втором месте у дачников оказалось недовольство властью. Местные жители оказались явно более покорными. Зато 18% местных жителей отметили тяжелый быт и 9% – неразвитость социальной сферы. Для дачников, живущих здесь летом лишь несколько недель, реже, месяцев, эти факторы оказались почти незначимыми.

Что касается влияния дачников на экономику села, то главные выгоды местные жители видят в возможностях продажи дачникам ягод и подработке при ремонте домов. Правда, готовы к такой работе лишь единицы.

Особый вопрос касался местных сельских традиций: что осталось и что нужно непременно сохранить. Каждый третий вообще затруднился ответить на этот вопрос, а в целом сельские традиции для дачников, приехавших в такую даль, в том числе и ради некоторых из них, оказались важнее, чем для местных жителей (рис. 7). Это противоречит одному из главных тезисов чиновников, объясняющих свою нелюбовь к дачникам тем, что они разрушают сельские традиции.

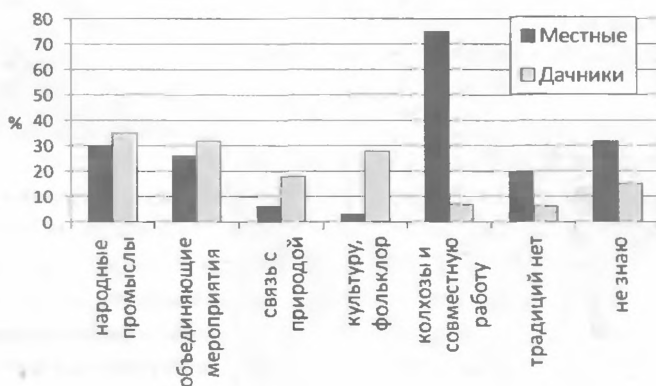

Рис. 7. Ответы на вопрос: «Какие местные традиции надо сохранять?» в % от числа опрошенных

Дело в том, что понимание традиций и инноваций у дачников и местных жителей отличается. Разные временные пласты традиций воспринимаются ими по-разному. Старшее поколение чаще ностальгирует не по старому крестьянскому быту, а по недавним пластам, связанным с колхозным коллективным типом жизни, когда «все делали вместе и горели на работе». Недаром сельская глубинка голосовала в 1990–2000-х гг. за коммунистов, цепляясь за «осколки» ушедшей жизни [Нефедова, 2013а]. Ведь именно при них, дотирующих убыточное здесь сельское хозяйство, местные бабушки были в расцвете сил, активно работали, об этой жизни они и вспоминают.

Горожане-дачники больше ценят местную деревянную бытовую культуру начала XX в. Они стараются не менять внешний вид старых бревен-

чатых изб, хотя внутри часто отделявают по-своему, бережно хранят все артефакты, которые находят в домах, и даже устраивают мини-музеи. В каждом деревенском доме на чердаке и сеновале можно найти предметы старины: сундуки, прялки, инструменты, бочки разных размеров, лопаты, грабли, люльки, кузовки, много кухонных, рыболовных принадлежностей, ложки, сани – все из дерева. Старшее поколение их обычно хранило, а сельская молодежь все чаще сжигает. При этом никаких ремесел у местных жителей не сохранилось. Даже бабушки, хотя и могут собрать ткацкий станок, который они видели в детстве, не умеют ткать. Так что горожане, как это ни парадоксально, часто остаются главными хранителями артефактов сельской бытовой культуры. У федеральных властей нет заинтересованности в возрождении народных ремесел и традиций. Они хотят восстановить колхозное сельское хозяйство, порой бывают озабочены сохранением отдельных архитектурных памятников и заповедников.

Один из вопросов касался будущего того места, где они живут. Он так и был сформулирован: «Что здесь будет через 15–20 лет?». Интересно, что оценки будущего местными жителями оказались более пессимистичными, чем дачниками: 35% местных считает, что ничего не будет, все вымрет. Такой же ответ дал каждый пятый дачник. Правда, еще 10% отметили, что если не будет жителей, то не будет и дачников.

Помимо дачников из крупных городов почти в каждой деревне есть дачники из ближайшего районного центра г. Мантурово (16 тыс. жителей) в основном среднего возраста. Они приезжают в родительский дом (часто с детьми) на выходные или на месяц, занимаются хозяйством, собирают ягоды. Однако если московские дачники активно общаются друг с другом даже в удаленных друг от друга деревнях (большинство московских дачников имеет машины), отношения московских и мантуровских дачников редко становятся тесными: эти сообщества даже более разделены, чем московские дачники и местные жители.

Перспективы дачного освоения удаленных сельских районов неясны. В случае изменения налоговой политики содержание дач может стать непосильным для среднего класса. Если в стране не произойдет никаких социально-экономических катаклизмов, стимулирующих людей к бегству из городов, волны дачного освоения удаленных районов могут начать спадать. Ведь возраст многих современных дальних дачников становится препятствием для передвижения на столь большие расстояния.

В ходе опроса, проведенного среди наличных дачников Угорского поселения летом 2014 г., утверждать с уверенностью, что дети также «при-

Дальние дачи как временное убежище от цивилизации

Костромская область

*Москвичи у своего
деревенского дома
в Костромской глубинке*

*Деревянные предметы быта,
найденные дачниками
на чердаке и в сарае*

Местные жители

Псковская область

***Традиционная деревенская,
а ныне дачная усадьба
с планом типа «каре»
в Красногородском районе***

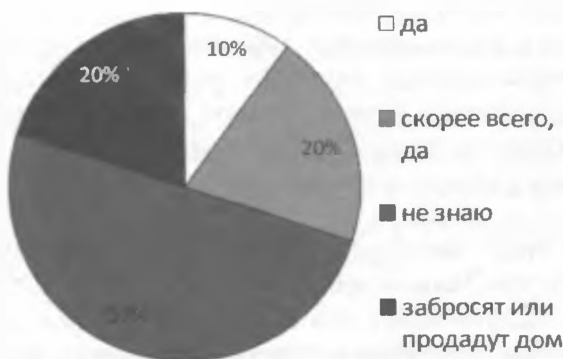
***Неприхотливый быт
питерских дачников
в Псковской глубинке***

***Новые дачи в Псковской
области у Чудского озера***

***Берег Чудского озера,
ожидающий дачного освоения***

растут» к этим местам, как и их родители, смог лишь каждый десятый дачник (рис. 8). Еще 20% сообщили, что дети, скорее всего, будут приезжать, около половины опрошенных не могли ответить на этот вопрос, остальные уверены, что дети продадут или забросят дом. Все зависит от того, в каком возрасте они получают это наследство, каково будет их материальное положение. Очевидно лишь одно – на стремлении к жизни в удаленной деревне сказываются поколенческие различия: проводить значительную часть времени на природе чаще бывают готовы люди преклонного возраста и их внуки.

*Рис. 8. Ответы на вопрос:
«Будут ли Ваши дети приезжать на дальнюю дачу регулярно?»,
в % от числа опрошенных*

На вопрос: «Хотели бы Вы жить на дальней даче постоянно?» половина опрошенных затруднилась ответить, треть ответила отрицательно, и лишь немногие согласились бы, но при условии улучшения качества дорог, приближения к деревне сферы услуг (работающих по заказам магазинов, медицинской помощи, широкополосного Интернета и т.п.). Однако российские власти в последние годы взяли курс на укрупнение сельских локальных администраций и концентрацию услуг в районных центрах и крупных селах. В результате малые деревни при плохих дорогах и отсутствии транспорта выпадают из зоны обслуживания. В рассматриваемом Угорском поселении объединение с соседним Леонтьевским в 2011 г. «удалило» небольшие дачные деревни от центра поселения с 5–7 до 15–20 км.

* * *

Нечерноземная удаленная от городов деревня в отличие от южных районов, где процветает сельское хозяйство, меняет свои ориентиры, в т.ч. и на рекреационно-дачные. Новая экономика здесь будет носить «очаговый» характер. Возможны небольшие охотхозяйства, которые организуют местные власти. Ко всему этому может добавиться ягодный и грибной промысел с переработкой, поставленной на коммерческую основу, как это произошло в Макарьевском районе Костромской области, где небольшое предприятие по переработке даров леса «Царь Берендей» постепенно расширилось до крупного поставщика продукции в столичные сети «Азбука Вкуса» и «Вкусвилл».

В живописных местах именно дачники могут удержать деревни от социального опустынивания, несмотря на сезонность проживания. Помощь дачникам в строительстве и ремонте домов, кошение травы вокруг домов для уменьшения опасности пожаров, присмотр за домами дачников – все это дает работу и местным жителям, и даже задерживает в деревне молодежь.

Вокруг всех этих очагов новой экономики может заново возникнуть и сельское хозяйство. Чаще в небольших объемах, продиктованных нуждами местного обслуживания или сохранившихся или новых перерабатывающих центров. Чистая органическая сельхозпродукция малого бизнеса весьма востребована в крупных городах, несмотря на дороговизну. Правда, заниматься таким бизнесом больше готовы приезжие. Есть отдельные примеры прихода более крупных частных предприятий, в т.ч. филиалов агрохолдингов, с новыми технологиями содержания скота. Но возвращение к крупномасштабному сельскому хозяйству с прежней распашкой в нечерноземной глубинке уже невозможно. Вместе с горожанами-дачниками такая очаговая экономика может стать единственным спасением для сельской местности. Альтернативой таким «очагам» может быть только полное запустение и потеря социального контроля над огромными территориями.

Глава 3.9

Дачи на курортах

Данная глава обобщает результаты локальных исследований дачников в известных курортных районах. Специфика таких районов заключается в том, что часть домов в садовых товариществах и коттеджных поселках в наиболее привлекательных местах на побережье морей и озер или в горах, особенно построенных в постсоветское время, используется для сдачи туристам и отдыхающим. Вместе с арендой домов в частном секторе городов это создает мощный рынок рекреационного жилья, который оказывает влияние и на самих дачников.

Примеры в районе Кавказских Минеральных Вод

Кисловодск – один из самых известных российских бальнеологических курортов, объединяющий 39 санаториев, 12 пансионатов, 26 гостиничных комплексов [Генеральный план, 2013]. Как и вся агломерация, он с 1992 г. входит в «особо охраняемый эколого-курортный регион РФ». Курортная функция осталась ключевой, в ней занято 50% работников. Из-за того, что предприятия рекреационной сферы дают множество рабочих мест, закрываются даже пищевые предприятия. Известный фарфоровый завод перешел на полутеневое производство, передав роспись изделий надомникам. Рабочие места, помимо сферы услуг, люди находят в Пятигорске, Минеральных Водах. Электричка туда ходит каждый час.

Численность постоянного населения Кисловодска – 135 тыс. чел., его рост благодаря миграции (при превышении смертности над рождаемостью) с 1989 г. составил 27%. В последние годы он замедлился, т. к. прибывают чаще пенсионеры, население города стареет. Кроме того, здесь отдыхают и лечатся в санаториях и пансионатах около 220 тыс. чел. в год (40% всего района Кавминвод), численность неорганизован-

ных отдыхающих оценивается еще в 20–25 тыс. чел. При этом гостиницы города незаполнены, доля доходов от них в городском бюджете мала. Во многом это связано с активностью частных, сдающих квартиры отдыхающим.

Большая часть лечебных учреждений находится в историческом центре города, который с севера, запада и юга окружает жилая застройка площадью в 200 га. Главной проблемой являются центральные кварталы, примыкающие к знаменитому Кисловодскому парку. Деревянные, кирпичные, саманные домики составляют около четверти всего жилищного фонда. Канализацией обеспечено 87% городского жилья. Администрация разработала план переселения жителей центра на северо-восток с замещением «Шанхая» гостиницами и санаториями. Однако осуществить это оказалось невозможно, поскольку жилье приватизировано, и сдача комнат составляет основной доход жителей, переезжать они не хотят. Регистрируется индивидуальными предпринимателями лишь часть (13 тыс. коек для сдачи в наем), а по неофициальным данным сдается более 35 тыс. коек. Квартиры в новых многоэтажных домах покупает как местное население, так и приезжие, в т.ч. из Москвы, Петербурга, Ростова-на-Дону, кавказских республик. Это тоже своеобразные «дачи», хотя и в многоэтажках, покупаемые впрок для «доживания» на курорте на пенсии. Частные дома под дачи покупают реже, в основном москвичи и «северяне». Кроме того, при въезде в город выстроено 7 коттеджных поселков с весьма пестрым составом жителей. Наши опросы выявили в них и москвичей, и представителей кавказских республик.

Вдоль железной дороги, идущей к тупиковому кисловодскому вокзалу по долине реки Подкумок, тянутся садовые товарищества. По оценкам администрации, занимаемая ими площадь превышает выделенную официально, *«самозахватов много, все хотят землю на курорте»*. Земля здесь стоит дорого: от 100 тыс. руб. за сотку в пригороде до почти миллиона в городе. Около трети домов в садоводствах обитаемы постоянно, в т.ч. и из-за того, что квартиры в городе сдаются отдыхающим.

В Пятигорске и его пригородах москвичей и «северян» мало, все-таки это большой и шумный город. Он тоже окружен садовыми товариществами. Например, у подножия горы Бештау еще с 1970-х гг. раскинулся целый комплекс СНТ – от 20 до 100 домов в каждом товариществе. На участках в 6 соток остались наследники первых владельцев, но много перекуплено жителями Пятигорска, причем часто по два участка.

Состав домов крайне пестрый: от полузаброшенных хибар до шикарных трехэтажных особняков. Последних, визуальнo, более трети. В них

пенсионеры-родители живут круглый год, а работающие дети используют их как «полудачи», проводя за городом (до Пятигорска всего полчаса езды) много времени. Рядом вдоль Бештаугорской дороги тоже были сплошь СНТ и огороды в сторону г. Лермонтова. Сейчас все домики снесены, а их место занял коттеджный поселок «На Швейке» (участки когда-то выдавались швейной фабрике), в котором явно обосновалась местная элита.

В общем, картина весьма типичная для курортных мест, где недвижимость нарасхват и разные функции жестко конкурируют. Еще сильнее это выражено в приморских районах.

Приморские районы

Использование дач на курортах Черного и Азовского морей специфично. Например, Крым как был, так и остался всероссийской, «всесоюзной» и межгосударственной здравницей. Дачи вездесущих москвичей можно увидеть и там.

Дачи составляли важный элемент отдыха обеспеченных жителей на море уже в конце XIX в. Единичные крымские дачи сохранились в Симеизе и Феодосии. В советское время развивался санаторно-курортный сектор, хотя неофициальная сдача местными жителями домов отдыхающим никогда не прекращалась. Для постсоветских домовладельцев, будь то крымчане, граждане Украины или России, этот бизнес служит существенной статьёй дохода (в сентябре 2015 г. на Южном берегу плата с человека в сутки колебалась от 1 до 3 тыс. рублей в зависимости от расположения и степени благоустройства жилья). При этом доля домовладельцев-нерезидентов в разных местах составляет от 10 до 50%. Для них самих дом на побережье – тоже дача, в которой могут отдыхать они сами, а в остальное время ее можно сдавать внаем. Многие дома в селах и садоводческих товариществах превращены в гостевые.

В 1990-х гг. на Украине шла активная «раздача» земель с коррупционной составляющей. Случались и самозахваты. Бизнесмены скупали земли и здания на побережье. В наиболее востребованных районах Южного берега Крыма возникло много крупных частных многоэтажных гостиниц и пансионатов. От мыса Сарыч до п. Рыбачье все удобные, даже крошечные, участки у моря или хотя бы с видом на него в 2000-х гг. оказались застроенными самыми разными частными домами. Несколько позже процесс активизировался в западном Сакском районе вокруг Евпатории, но на востоке полуострова он все еще находится на начальных стадиях. На

кадастровый учет поставлена лишь десятая часть земель и строений, из-за чего бюджеты городских округов и районов остаются дотационными, несмотря на наплыв отдыхающих. Емкость частных арендных домов на все вкусы и запросы, от скромных пристанищ в селах до особняков в стиле Санта Барбары на месте бывших гаражно-лодочных кооперативов, по заниженным оценкам, превышает 80 тыс. мест. При низких официальных зарплатах этот теневой рынок кормит примерно половину трудоспособного населения.

Правда, в 2014–2015 гг. общий поток отдыхающих уменьшился в полтора раза, изменился и его состав. Даже в сезон наблюдался избыток свободных мест, хотя платежеспособность россиян выше, чем украинцев. Приостановились крупные стройки, но не мелкий арендный бизнес.

На окраинах Ялты на месте огородов уже выросли особняки и коттеджные поселки, примыкающие к крутым склонам гор. Типичные садовые товарищества еще сохранились на окраинах Симферополя и Севастополя и вокруг них, но такой вид дач пользуется здесь популярностью лишь у старшего поколения. Много заброшенных участков, среди которых возникают каменные особняки. От четверти до трети домов обитаемы круглый год. Состав владельцев домов в садовых товариществах и, особенно в кооперативах меняется. Например, в кооперативе «Ветеран», созданном в 1980-х гг. на песчаном берегу в Сакском районе для ветеранов Черноморского флота, реальных ветеранов осталась четверть, столько же москвичей, остальные – украинцы.

Волна российского дачного освоения Крыма нарастает. Люди среднего достатка из самых разных городов (Вологды, Ижевска, Тюмени и т.д.) покупают участки в садовых товариществах, в т.ч. в огромных массивах на окраинах Севастополя, с перспективой переезда сюда. Всюду – дома в процессе строительства. В последнее время резко увеличилось число покупок домов и квартир жителями Донбасса.

Похожие процессы происходят и в Неклидовском районе Ростовской области на берегу Азовского моря. Среднеобеспеченное население российских регионов сначала арендует сельские дома как дачи, которые впоследствии по возможности покупают. Часть домов переходит по наследству горожанам. Более богатые «северяне» (их особенно много) и москвичи строят коттеджи на окраинах поселков и начинают сдавать их отдыхающим. Поскольку многие пансионаты под Таганрогом испытывают трудности, отдыхающие на Азовском море охотно снимают комнаты в благоустроенных особняках.

Пример района озера Селигер

Селигер расположен на севере Тверской области и представляет собой один из культовых рекреационных районов Нечерноземья, сочетающий множество баз отдыха и пансионатов с массовым распространением дачного отдыха в собственных или арендуемых домах. Данные по этому району позволяют сопоставить влияние рекреационных учреждений и дачников на сохранение системы расселения и жизнеспособность проблемной нечерноземной сельской местности.

Основными источниками послужили данные районной и сельских администраций Осташковского района Тверской области о числе зарегистрированных и незарегистрированных жителей в сельских поселениях и отдельных населенных пунктах в 2014 г., возрасте и миграциях населения. Также использовалась информация Энциклопедии российских деревень [Край Селигерский, 2008] об истории и современном облике населенных пунктов, интернет-источники о рекреационных учреждениях района, садовых товариществах, продаже домов и участков, а также обследования поселений района в 2015 г., интервью с работниками администрации поселений, местными жителями и дачниками.

Осташковский район Тверской области служит хорошим полигоном для исследования роли дачников в общей сельской рекреационной системе. Моренные залесенные равнины со множеством озер – один из наиболее привлекательных для рекреации районов Нечерноземья. В то же время наличие множества учреждений отдыха позволяет сопоставить потоки организованной рекреации и дачных миграций, выявить их взаимовлияние. Всего в районе 12 гостиниц и 25 баз отдыха, общей емкостью 4 тыс. мест. Кроме того, появляется все больше небольших частных баз клубного отдыха и гостевых домов.

Селигер представляет собой множество озер, соединенных протоками, с заливами с изрезанными берегами, называемыми плесами, в окружении сосновых и еловых лесов. Большая часть района входит в состав природного парка «Селигер». Населенные пункты чаще расположены по берегам озер. Однако есть и типичные «лесные» деревни, что дает возможность оценки привлекательности для дачников ландшафтов разного типа.

Здесь в XX в. произошло типичное для Нечерноземья опустошение сельской местности. При этом отъезд сельского населения из деревень во второй половине XX в. оказал не меньшее влияние на депопуляцию местности, чем катастрофы первой половины века, включая революцию,

Первую мировую и Гражданскую войны, Великую Отечественную войну (западная часть района была оккупирована немцами, много домов и целых деревень было сожжено) (табл. 1). Заметный толчок развитию района дало строительство крупных баз отдыха в 1960–1970-х гг. Однако это сказалось лишь на росте отдельных поселков при них и лишь подстегнуло отток из остальных деревень. Ему способствовал и выбор отдельных сел в 1970-х гг. как перспективных населенных пунктов со строительством там двухквартирных деревянных домов, развитием социальной сферы. В такие центры переезжали те, кто не уехал в города.

Длительный миграционный отток из большинства деревень привел к заметному старению оставшегося населения и его естественной убыли. Миграционные потоки в последние два десятилетия уменьшились, в ряде поселений наблюдается даже небольшой приток населения. При этом молодое и среднее поколение продолжает уезжать, а значительную часть приезжих составляют люди пенсионного и предпенсионного возраста, часто возвращающиеся в свои ставшие дачными дома. Тем не менее концентрация населения в «перспективных» селах сохраняется. В настоящее время в большинстве сельских поселений от половины до 80% всего населения сосредоточено в одном-двух сравнительно крупных населенных пунктах. Остальные деревни постепенно превращаются в сезонно обитаемые дачные или пустеют.

Центр района – город Осташков (17,1 тыс. жителей) – также теряет население. В 2014 г. естественная убыль составила 196 чел., нетто-миграционный отток – 76 чел. На общие для малых городов проблемы депопуляции, старения населения, недофинансирования ЖКХ и элементарного обустройства, включая дороги, накладываются ограничения и последствия статуса исторического и курортного города и разделения властей вследствие муниципальной реформы 2003 г.

Осташков позиционирует себя как центр курорта «Селигер». В нем расположено около 200 объектов культурного наследия, в т.ч. 179 памятников архитектуры и градостроительства. Однако город производит удручающее впечатление. Несмотря на свое местоположение и огромный наплыв туристов, он кажется совершенно запущенным. Старинные дома разрушаются, многие зияют пустыми глазницами окон, выходов к воде мало, небольшой отрезок асфальтированной набережной абсолютно пуст, нет даже скамеек.

В советское время еще существовали надежды на реконструкцию исторического города, было и финансирование, но деньги потратили на социальные нужды [Вендина, 2015]. В 1990-х гг. здесь, как и везде, «де-

лили землю» и приватизировали наиболее значимые объекты, выведя многие здания из категории исторических памятников. Городской порт также приватизирован, туда не пускают никого, кроме купивших билет пассажиров. Недаром постановление администрации Тверской области «Об особо охраняемой природной территории курорта регионального значения Селигер», выпущенное в 2002 г., было опубликовано только в 2009 г. Все деньги от такой приватизации ушли не в городской бюджет. Новое постановление тверской власти 2011 г. о границах «курортной зоны» фактически легализовало сделки. О ситуации вокруг курортной зоны города и района говорит хотя бы тот факт, что по ней вышло уже 305 постановлений и 805 поправок к ним.

Тем не менее деньги у города есть. После очередной смены собственников набирает обороты, работая в т.ч. на экспорт, главное градообразующее предприятие – старинный кожевенный завод. Правда, для города и окрестностей это стало экологическим бедствием: изношенные очистные сооружения не справляются, жители задыхаются от зловонного запаха. Зато он дает работу около 1000 человек с достойной (около 30 тыс. руб. в 2015 г.) заработной платой. Работают два оборонных предприятия федерального значения: «Звезда» и «Луч», есть швейный цех, предприятия по производству металлических дверей. Для малого города это неплохо.

Проблема в другом – во вражде между городом и районом (Осташков – городское поселение, подчиненное муниципальному району), возникшей после разделения властей в ходе муниципальной реформы 2003 г. Все структуры дублируются, администрации города и района, находясь в одном здании, почти не общаются между собой. Доля собственных доходов бюджета района в 2014 г. составляла всего 20%, остальное – дотации. Идет борьба за ресурсы и перманентная смена властей. Нет никаких инвестиционных существенных для города проектов. Примечательно, что цены на дома в городе в 2–3 раза ниже, чем на аналогичные дома в районе (обычный деревянный дом – 1–2 млн руб.), это говорит о том, что район привлекает больше дачников, чем районный центр.

Примеры дач в сельских поселениях разного типа

Рассмотрим три разных типа сельских поселений Осташковского района. В Ботовском поселении населенные пункты расположены на левом берегу наиболее крупного озера Селигерской системы со множеством рекреационных учреждений (баз отдыха, пансионатов, гостиниц

и т.п.). В Сорожском поселении на правом берегу того же озера меньше рекреационных организаций, но есть такой мощный притягательный для туристов фактор, как монастырь Нило-Столбенская пустынь. Святосельское поселение расположено в северо-восточном лесном углу района, там есть небольшие озера.

Ботовское сельское поселение

Весь левый берег центрального озера Селигер и берега озера Сабро в конце XIX в. были плотно заселены. В 1889 г. почти в 700 домохозяйствах 3,7 тыс. чел. занималось сельским хозяйством, рыболовством и промыслами, работали две школы, земская больница [Край Селигерский, 2008]. Людность сел и деревень составляла 100–200 человек (таблица 2). Во время Великой Отечественной войны здесь шли активные бои, после которых в живых осталось 756 человек. Несмотря на то, что здесь работали три колхоза, объединенные в 1960-х гг. в совхоз, рыбопроизводное хозяйство, лесозаготовительные предприятия, население уезжало.

Новая «приливная» волна была связана со строительством в 1960–1970-х гг. двух крупных рекреационных учреждений. При базе отдыха «Сокол» на 400 мест возник новый поселок Сокол, население которого к 1989 г. выросло до 300 чел. Создание турбазы «Селигер» в усадьбе Толстых стимулировало рост небольшого прежде поселка Новые Ельцы до 350 чел. в 1989 г. Рядом с Соколом в поселке Северное Заречье находится еще одна крупная база отдыха «Хатинь Бор» на 160 чел. Вокруг них – множество гостевых домов и коттеджей на берегу озера. Кроме того, и в других населенных пунктах (Бараново, Ботово, Выворожье, Гуца, Неприе, Николо-Рожок) расположены гостиницы и гостевые дома, появившиеся уже в последние десятилетия. Но после заметного притока населения на обслуживание рекреационных учреждений его численность в деревнях, расположенных на удалении 17–35 км от г. Осташкова, продолжала уменьшаться. В 2014 г. она составляла менее 700 чел. сократившись по сравнению с концом XIX в. более чем в пять раз. При этом организованные отдыхающие увеличивают ее в летний сезон более чем на 1,5 тыс. чел. Кроме того, рядом с деревней Неприе расположены два садовых товарищества: СНТ работников кожевенного завода г. Осташкова и СНТ «Чернобылец», увеличивающие летнее население еще на 300–400 чел.

Новые Ельцы, в которых в 2005 г. турбаза была преобразована в палас-отель «Селигер», и Сокол продолжают концентрировать большую часть жителей, вместе с центром поселения Заборье – это почти 2/3 все-

го населения. В остальных деревнях постоянно живут от 2–3 до 20 человек. Однако, как видно из табл. 1, дома сохранились гораздо лучше, чем постоянное население. Во многом этому способствует их активное использование горожанами, как наследниками сельских жителей, так и москвичами и петербуржцами. Дачники могут увеличить число летних обитателей Ботовского поселения в полтора раза, но это из-за того, что их сравнительно мало в крупных населенных пунктах. В малых деревнях увеличение за счет приезда новых собственников домов возможно в 2–8 раз. В 2014 г. более года проживали 104 человека, не зарегистрированных в данном месте. Это косвенно указывает на то, что значительное число горожан оставалось зимовать в сельских домах. Летом к ним может добавляться еще 800 человек. При этом дачники в этом поселении используют не только усовершенствованные деревенские дома, но и строят новые у воды, включая каменные виллы.

Несмотря на огромные потери местного населения за 125 лет, за счет всех видов рекреации население в благоприятный сезон восстанавливается практически до уровня конца XIX в.

Сорожское сельское поселение

Села и деревни Сорожского поселения вытянулись вдоль правого берега основного озера Селигер от центра поселения Сороги в 5 км от г. Осташкова до Кравотыни, удаленной от города на 19 км. Здесь более плодородные земли и села были крупными (от 200–300 до 700–900 чел.). В конце XIX в. на территории современного Сорожского поселения проживало 7,6 тыс. чел., к 2014 г. постоянных жителей осталось всего 9% от прежнего уровня, а в некоторых деревнях – 1–3% (табл. 2). Такую депопуляцию можно считать демографической катастрофой. При этом, как и в предыдущем случае, домохозяйства (обитаемые дома, в т.ч. и сезонно) сохранились лучше (в разных деревнях от 10 до 50% от числа домов 1889 г.) благодаря городским дачникам: наследникам и новым владельцам, в основном москвичам. Здесь лишь половина населенных пунктов расположена непосредственно на берегу озера, к ним в основном и тяготеют новые дачники. В районе Сороги и Покровского сохранилось сельское хозяйство (СПК «Покровское»). Эти два села концентрируют 51% всего населения. В них дачники чаще представлены наследниками домов.

В Сорожском поселении гораздо меньше учреждений организованной рекреации («Селигерские зори» в дер. Жар, базы отдыха «Пачково» и «Светлица» и др.), их суммарная емкость невелика, порядка 300 мест.

Таблица 1. Роль дачников и других отдыхающих в Ботовском сельском поселении

	Постоянное население, чел.		Осталось постоянного населения в 2014 г. по сравнению с 1889 г.	Осталось домохозяйств постоянного населения	Суммарное летнее население, чел., включая отдыхающих и дачников	Отношение современного летнего населения к постоянному 1889 г.	Превышение современного дачного населения над постоянным
	1889	2014					
Ботовское СП	3702	664	18	65	3834	104	1,4
Заборье	267	46	17	45	75	28	0,6
Бараново	50	14	28	100	255	510	2,9
Ботово	183	5	3	15	107	58	6,4
Выворожье	70	0	0	11	60	86	
Горка	137	1	1	13	23	17	22,0
Гуца	328	38	12	47	213	65	2,8
Дроздово	247	24	10	29	149	60	5,2
Дубье	136	5	4	23	47	35	2,4
Жданское	205	7	3	9	22	11	2,1
Заборки	138	12	9	55	136	99	6,2
Заречье (сев)	163	4	2	44	255	156	7,8
Заречье (юж)	62	12	19	100	78	126	3,0
Звягино	211	19	9	36	48	23	1,5
Конец	338	16	5	40	80	24	4,0
Конево (Хачин)	89	0	0	67	20	22	
Неприе	242	6	2	54	478	198	3,7
Николо-Рожок	30	0	0	80	64	213	
Нов.Ельцы	35	231	660	2120	645	1843	0,1
Радухово	131	4	3	37	44	34	10,0
Собро	120	3	3	18	7	6	1,3
Слобода	366	12	3	15	127	35	4,6
Сокол	0	196			827		0,2
Хутора Дубские	7	2	29	50	17	243	7,5
Шиловка	147	7	5	25	57	39	7,1

По данным [Край Селигерский, 2008] и администрации Осташковского района.

Таблица 2. Роль дачников и других отдыхающих в Сорожском сельском поселении

	Постоянное население, чел.		Осталось постоянного населения в 2014 г. по сравнению с 1889 г.	Осталось домохозяйств постоянного населения	Суммарное летнее население, чел., включая отдыхающих и дачников	Отношение современного летнего населения к постоянному 1889 г.	Превышение современного дачного населения над постоянным
	1889	2014					
Сорожское СП	7639	663	9	31	3809	50	1,2
Сорога	916	184	20	88	217	24	0,2
Глубочица	353	5	1	7	54	15	9,8
Дубок	116	3	3	15	1014	874	3,7
Жар	549	11	2	9	106	19	4,1
Залесье	92	24	26	90	44	48	0,8
Залучье	769	21	3	16	87	11	2,2
Зальцо	436	8	2	3	62	14	6,8
Засельк	275	7	3	19	50	18	6,1
Зорино	130	4	3	23	17	13	3,3
Кравотынь	613	10	2	10	227	37	7,7
Лещины	203	9	4	21	32	16	2,6
Локотец	284	29	10	52	38	13	0,3
Ляпино	272	7	3	9	25	9	2,6
Марьино	94	9	10	40	35	37	2,9
Острица	389	2	1	5	26	7	12,0
Пачково	545	39	7	32	1195	219	2,2
Пески	331	11	3	13	46	14	3,2
Погорелое	268	45	17	58	52	19	0,2
Покровское	120	159	133	367	179	149	0,1
Светлица	250	48	19	34	173	69	0,9
Твердякино	242	9	4	19	61	25	5,8
Троеручица		2			17		0,0
Уницы	392	17	4	16	52	13	2,1

По данным [Край Селигерский, 2008] и администрации Осташковского района.

Главным аттрактором в поселении является монастырь Нило-Столбенская пустынь у деревни Светлица, основанный в конце XVI в. и перестроенный в XIX–XX вв. Его посещали тысячи паломников, прием которых приносил основной доход жителям деревни Светлица, а также расположенных недалеко деревень Жар, Ляпино, Пески. Сейчас монастырь активно посещается туристами, а жители этих деревень традиционно продолжают сдавать дома в аренду на сроки от нескольких дней до нескольких недель. В деревне Светлица население сократилось с 250 в 1889 г. до 48 постоянных жителей. По оценкам самого населения, реально живет в три раза меньше. Основной заработок – сдача комнат туристам, в 2015 г. небольшая комната в традиционном сельском доме обходилась в 600 руб. в день, в доме со всеми удобствами – в 2–3 раза дороже.

Столь престижное место привлекает весьма состоятельных дачников. Прямо у воды в деревне возникла новая улица шикарных вилл с собственными причалами, закрывающими доступ к озеру. По краям деревня также окружена богатыми домами дачников. По оценкам, новые собственники домов дополнительно к арендаторам могут в сезон увеличить население почти вдвое (без учета аренды домов). Предполагается расширение дачной застройки: за деревней на поле продают участки под застройку по 80 тыс. руб. за сотку довольно далеко от уреза воды (для сравнения, в соседней Псковской области стоимость такого участка не превышала 20 тыс. руб. за сотку).

Несмотря на престижность места у монастыря, гораздо большим спросом дачников пользуются деревни на берегу озера, где нет наплыва туристов, например, деревня Кравотынь, сохранившая каменные дома конца XIX в., отнесенные к объектам культурного наследия. В ней осталось лишь 2% былого населения (10 чел.) да еще семь новых городских владельцев живут здесь больше года. Тем не менее в деревне около 50 домовладений: деревянных и каменных старых, а также новых дачных. Многие дома сдаются в аренду москвичам и петербуржцам на отпускное время. Население в летний сезон увеличивается в несколько раз. Насколько увеличивается население с учетом дачников-арендаторов, сложно оценить даже приблизительно. Арендаторы чаще постоянные, приезжающие сюда в отпуск из года в год. Прежде преобладали петербуржцы, добирающиеся сюда 8 часов, теперь – все больше москвичи, дорога которых занимает около 5 часов. В 2015 г. дом со всеми удобствами сдавался за 4–6 тысяч в день (обычно на 2–3 семьи дачников).

По соседству с Кравотынью в лесу недавно появился «Дачный городок» за высоким забором, застроенный богатыми виллами, недалеко –

еще один огороженный дачный поселок. Построен новый небольшой порт с причалами и гостевыми домиками. Помимо дачников, обосновавшихся в деревнях, рядом с деревней Дубок несколько сотен домиков на шести сотках концентрируются в садовых товариществах. Эти участки выдавались от заводов г. Осташкова их работникам. Далеко не все эти дома активно используются, много заброшенных.

В Сорожском поселении дачники, имеющие дома в собственности, в сезон могут увеличить в небольших деревнях население от 2 до 12 раз, а в целом по поселению вместе с организованными отдыхающими – в 6 раз (без учета туристов и дачников-арендаторов). Незарегистрированного населения, живущего здесь больше года, – 130 человек. В отличие от предыдущего поселения, летнее население лишь наполовину способно восполнить потери населения в XX в.

Святосельское поселение

Это типичное лесное поселение (леса занимают 60% всей территории курортного Осташковского района и отнесены к категории защитных). Оно удалено от Осташкова на северо-восток (17–26 км от районного центра). Специфика поселения в том, что через него проходил тракт, ведущий из Москвы через Волоколамск, Ржев и Осташков в Вышний Волочок. Деревни здесь были не очень большие, но дома строились каменные. Многие из них сохранились до сих пор, в т.ч. и благодаря тому, что линия фронта во время Отечественной войны сюда не дошла. Основным занятием жителей были лесные промыслы, включая производство изделий из дерева, и торговля.

Село Святое концентрирует 80% населения. По данным статистики, оно почти не уменьшилось (таблица 3), но это произошло благодаря слиянию двух относительно крупных сел Святое и Саброво. В 1950 гг. в них жило соответственно 249 и 222 чел. В советское время здесь были, как и всюду, организованы колхозы, которые в позднесоветские годы были объединены в крупный животноводческий совхоз «Селигер», а село Святое было признано единственным в сельсовете перспективным населенным пунктом. Здесь были осушены обширные заболоченные территории, велось жилищное строительство. В 2000-х гг. СПК с одноименным названием выжил, сохранив в селе Святое небольшую ферму на 400 голов КРС, есть также ферма в селе Анушино. Лесозаготовки и охота остались основными промыслами жителей поселения.

Дачников в этой лесной глубинке гораздо меньше, чаще это наследники деревенских домов. Горожан, живущих здесь зимой, тоже меньше –

Таблица 3. Роль дачников в Святосельском сельском поселении

	Постоянное население, чел.		Осталось постоянного населения в 2014 г. по сравнению с 1889 г.	Осталось домохозяйств постоянного населения	Суммарное летнее население, чел., включая отдыхающих и дачников	Отношение современного летнего населения к постоянному 1889 г.	Превышение современного дачного населения над постоянным
	1889	2014					
Святосельское СП	2944	509	17	50	930	32	0,8
Святое	447	403	90	263	514	115	0,3
Анушино	487	16	3	11	36	7	1,3
Белкино	267	2	1	3	18	7	8,0
Березово	334	14	4	18	51	15	2,6
Гринино	60	10	17	33	34	57	2,4
Дубенка	103	0	0	0	10	10	
Котчище	195	17	9	30	34	17	1,0
Лежнево	129	9	7	29	69	53	3,3
Лом	77	0	0	0	27	35	
Междуречье,	202	9	4	19	41	20	3,6
Сухлово	372	10	3	17	22	6	1,2
Черный двор	271	5	2	12	45	17	8,0
Черный двор (ст)	0	14			29		1,1

По данным [Край Селигерский, 2008] и администрации Осташковского района.

*Дачи на курортах
Кисловодск и Пятигорск*

Курортная зона в центре Кисловодства и коттеджные поселки в предгорьях

Окрестности Пятигорска. Модернизация садовых товариществ

Крым

*Одна из уцелевших дач XIX века —
вилла Ксении в Симеизе*

*Коттеджи на месте садово-огородных участков
в окрестностях Ялты*

*Самозахваченный участок
на склоне у мыса Сарыч*

*Дачи в кооперативе «Ветеран» на месте
бывшего гаражно-лодочного кооператива*

*Пустынный пляж
в Сакском районе
у кооператива «Ветеран»*

У озера Селигер

Осташков. Сохранившиеся и разрушающиеся дома «столицы Селигера»

Монастырь Нило-Столбенская Пустынь у деревни Светлицы на юго-восточном берегу Селигера, привлекающем туристов и дачников

Деревня Светлица. Новые коттеджи, построенные вплотную к берегу Селигера

*Старые каменные дома,
сдаваемые в аренду
дачникам,
и новые дачи
в деревне Кравотынь
на юго-восточном
берегу Селигера*

около 40 человек. Тем не менее в малых деревнях горожане увеличивают летнее население от полутора до восьми раз. Несмотря на катастрофическую убыль населения (в большинстве деревень осталось от одного до девяти местных жителей), 10–30% домохозяйств сохранилось, в т.ч. благодаря дачникам.

Из 12 населенных пунктов пять расположены на берегах озер Сонино, Березовское, Глубокое, они весьма привлекательны для московских дачников. В них строится немало новых дачных домов. Рекреационных учреждений, кроме небольшой базы отдыха «Лежнево», здесь почти нет, как и СНТ. Летнее население может в благоприятный сезон достигнуть трети населения 125-летней давности, оно почти вдвое больше зимнего.

Анализ трех разных типов сельских поселений в районе, потерявшем в XX в. большую часть своего населения, показывает, что численность неорганизованных дачников-горожан, наследников домов или купивших дома в деревнях в сезон может достигать величины, сопоставимой с численностью местного населения, а их общая доля в летнем населении – колебаться от трети до двух третей. Наибольшая доля горожан-дачников отмечается в Сорожском поселении, где меньше курортных учреждений. В Ботовском поселении их также много, но доля их ниже из-за нескольких крупных учреждений организованного отдыха и множества мелких, а в Святосельском их доля меньше из-за менее привлекательных для новых городских дачников ландшафтов (табл. 4). В первых двух поселениях в ближайшем будущем около половины деревень станут летними дачными.

Таблица 4. Дачные населенные пункты и численность дачников в трех сельских поселениях Осташковского района

	Число населенных пунктов		Число населенных пунктов, наиболее перспективных для дачников	Численность населения, чел.				Доля дачников в % в деревнях и СНТ в летнем населении
	Всего	В т.ч. дачных		Зарегистрированное местное	Незарегистрированное живущее >1 года	Оценочно на дачах в деревнях	Оценочно в СНТ	
Ботовское	24	7	13	664	104	800	400	32
Сорожское	23	9	11	663	130	640	2000	70
Святосельское	13	1	3	509	40	300	0	28

Попытки определения числа дачников носят лишь оценочный характер по соотношению постоянно обитаемых и используемых сезонно домов, хотя при локальном обследовании в каждом поселении муниципальные власти обычно знают, сколько домов пустует и сколько реально используется в летний период дачниками. Однако пока эти сведения не интересуют вышестоящие власти, они не фиксируются регулярно в статистической отчетности.

Роль регулярных миграций горожан на собственные или традиционно арендуемые дачи пока еще не осознана муниципальными и региональными властями в должной мере. Недаром в Схеме территориального планирования Осташковского района [2008] в качестве основной специализации указаны туризм и сельское хозяйство. Захваты прибрежной полосы как индивидуальными дачниками, так и коттеджными поселками и садовыми товариществами стали постоянным явлением. Благодаря спросу на землю возросла и ее кадастровая стоимость.

Общий набор негативных оценок дачного движения представителями власти совпадает с теми, что мы слышали в других районах. Это и обилие мусора, на уборку которого у бедных муниципалитетов нет денег, и увеличение нагрузки на разнообразные службы и на природные ландшафты. Район, признанный в 2002 г. курортом местного значения, действительно, имеет ограничения по нагрузке на береговую линию и водоемы. При общей численности зарегистрированного населения, включая г. Осташков, в 23 тыс. чел. и единовременной туристическо-курортной нагрузке, определяемой в 4 тыс. чел., суммарная эколого-рекреационная емкость с учетом устойчивости ландшафтов (27,3 тыс. чел.) фактически достигнута [Схема территориального планирования Осташковского района, 2008]. При этом дачники в расчет даже не принимаются. А ведь через район проходит еще и масса неорганизованных «диких» туристов, негативно влияющих на прибрежную полосу.

Но именно такой туризм планировщики предлагают развивать, хотя, как показывает опыт, «дикие» туристы в отличие от отдыхающих в стационарных учреждениях и сравнительно долго живущих дачников не приносят району доходов, ведь, приезжая на машинах, они все привозят с собой. Недаром в районе обсуждается введение курортного сбора за его посещение туристами. Также предлагается развивать модный ныне экологический туризм (предполагается 65% всех туристов), спортивно-экстремальный туризм (14%), событийный туризм, деловой, культурно-познавательный, паломнический и другие виды туризма, включая агро-

туризм с приобщением к деревенскому укладу жизни, хотя последний в России не получил распространения.

Его отчасти и заменяют дачи, которые как фактор развития территории местные и региональные чиновники упорно не хотят принимать во внимание. А ведь дачники из крупных городов не только обживают дома в умирающих деревнях и строят там новые, они сохраняют саму систему расселения, а, следовательно, и характер освоенности территории, ее жизнеспособность.

У представителей районной администрации в отличие от региональных и федеральных властей роль дачников все-таки получает признание: *«дачники – это выгодно, приезжают образованные, самодостаточные люди, имеющие средства, покупают продукты и товары, дают работу местным жителям»*. В качестве других позитивных высказываний представителей администрации можно отметить следующие:

– *«На туризме денег не получишь, приезжают на своих машинах со всем своим. Дачники выгоднее, хоть что-то в бюджет попадает, плюс малый бизнес стимулируют – но он без налогов, только для населения, не для бюджета»*.

– *«Дачники создают ядро местного сообщества, стимул самоорганизации»*.

– *«Стоимость земли дачники увеличивают. В районах, где большой спрос на землю, администрации оправдывают свое существование»*.

– *«Почвы у нас бедные, сельское хозяйство в современных условиях неперспективно. Пусть хоть дачники будут... Хоть дома сохраняют»*.

* * *

Приведенные примеры показывают, что дачи, даже в районах с весьма успешными стационарными рекреационными учреждениями, играют важную роль, влияя и на расселение, и на динамику населения, и на его занятость и доходы, и в целом на развитие местности. Они способствуют обновлению и совершенствованию инфраструктуры жилого фонда. Сами курортные районы, обладая привлекательными ресурсами, привлекают дачников, часто весьма состоятельных. Лучше обустроенная жизнь в курортных местах, особенно теплых, часто удлиняет сроки пребывания на дачах, стимулируя тем самым дезурбанизацию горожан. И даже в районах с сильным миграционным оттоком местного населения

общее число отдыхающих способно значительно компенсировать его потери. Роль дачников здесь особенно важна, поскольку они, в отличие от клиентов санаториев и турбаз, рассеяны по деревням.

Почти все стратегии развития курортных районов стимулируют гостиничные или туристические сегменты рекреационного комплекса, хотя частные гостевые дома и коллективные садоводства являются важной составляющей рекреационного использования ресурсов территории. Эта разветвленная структура мелкого частного бизнеса складывалась десятилетиями. Честная конкуренция может оставить ему соответствующее место как в ценовом раскладе, так и в системе развлечений. Главное – не допустить «выдавливания» мелких собственников благодаря лоббированию крупных компаний вместо сложной работы по легализации теневого мелкого бизнеса.

Заключение

Кому и зачем нужно знать

о возвратной пространственной мобильности населения

Ситуация в любой точке географического пространства – это всегда местная версия общемировых, региональных, национальных процессов, но вместе с тем и нечто особое, уникальное. Расселение и территориальное устройство всей России предстает в образе архипелага немногих центров в океане периферии. Тенденции 2000-х гг. усиливали неравномерность развития, отрыв центров от периферии, рост различий в состоянии и привлекательности разных городов и сельских ареалов. Среди прочего это видно и по потокам возвратно-мобильного населения.

Для нынешней России характерны два мощных встречных потока мигрантов: центростремительный на постоянное место жительства и на временную работу той или иной длительности из сельской местности, малых и средних городов в крупные, и центробежный поток из больших городов на дачи с сезонным или недельным ритмом. Несмотря на разнонаправленность, эти потоки в целом углубляют пространственную поляризацию и очаговость развития. Центростремительные потоки указывают на все большее сжатие освоенного пространства. Концентрация мест приложения труда с более высокой оплатой в крупных городах отчасти компенсируется модернизацией экономики за их пределами, но отъезд наиболее трудоспособного населения консервирует депрессию удаленных территорий, особенно в Нечерноземье и на востоке страны. Дачники, со своей стороны, осваивая сельскую местность далеко за пределами густонаселенных пригородов, все-таки тяготеют к живописным и транспортно доступным местам.

В то же время сама мобильность населения как потребность в перемене мест и занятий, ее принципиальная возможность, потоки возврат-

ных и безвозвратных мигрантов (причем первые, как показали анализ и оценки, гораздо многочисленнее вторых) стали одним из важнейших каналов социальной интеграции российских пространств, формирования в нем сельско-городских континуумов разного типа и масштаба. Приступая к исследованию ряда видов возвратных передвижений россиян по стране, мы заранее знали, что дефицит данных не позволит дать полную количественную и качественную характеристику потоков. Но старались по возможности расширять спектр применяемых методов и круг обследуемых территорий, чтобы прояснить если не всю картину, то общесоциальную роль и географическую специфику изучаемых форм возвратной мобильности. Две из них, мобильность отходников и дачников, не просто широко у нас распространены, но очень по-особому, по-русски, называются и связаны с особым образом жизни – на два дома. Такое «междоумье» для миллионов россиян стало нормой, вошло в плоть и кровь, обросло своеобразной философией. Оно часто непонятно зарубежному наблюдателю, считающему такую жизнь то ли болезненным вывихом, то ли странным излишеством. В этой книге мы попытались показать, что за этими явлениями стоят глубокие причины – географические, культурно-исторические, экономические, институциональные.

Современное отходничество остается одним из немногих средств самоспасения жителей глубинки от безработицы, безденежья, уныния и пьянства. Однако интерес к этому явлению недостаточен, как и его учет, который можно было бы наладить через органы местного самоуправления. Они толком не знают, кем управляют, сколько людей реально живет на месте, где они работают, как и куда передвигаются. Отсутствующее местное население во многих местах заменяется дачным, численность которого часто сопоставима с массой отходников. Эти процессы интересуют местные власти разве что из-за лишних забот, а региональные и федеральные – почти не интересуют, хотя дачники давно стали заметной силой сохранения и развития сельской местности.

Отходничество отражает размеры теневого рынка труда. Активизация трудовой мобильности населения в ходе перемен и кризисов служит важным фактором адаптации к новым условиям, сглаживая их негативные эффекты. При невозможности или нежелании переезжать в города отход заменяет нехватку престижной и выгодной работы в месте проживания. Растет и маятниковая трудовая миграция в пригородах. Все это смягчает напряжение на рынке труда, позволяя активным работникам и их семьям поддерживать достойный уровень жизни. В лучшем положении находятся ареалы с плотной сетью крупных городов, хотя зоны при-

тяжения ими, особенно Московской агломерацией, трудовых мигрантов сильно расширились.

На рубеже веков главными факторами трудовых миграций были выталкивающие, а к концу 2000-х гг. – скорее притягивающие: хороший заработок, возможность закрепиться в городе, привычка к новому ритму жизни. В итоге при выезде в другие регионы значительной части трудоспособного населения в местах оттока оставались незанятыми важные для муниципалитетов рабочие места, в т.ч. в бюджетной сфере. Кроме того, местные бюджеты лишились части собственных доходов, поскольку по действующему законодательству НДФЛ уплачивается по месту труда, а не жительства. Таким образом, районы и города выхода мигрантов, в отличие от самих отходников, теряли от его распространения, как и от теневой занятости населения на месте. Впрочем, следует признать, что любое улучшение благосостояния граждан сказывается на социально-экономическом самочувствии города или района хотя бы благодаря росту покупательной способности. Решение проблем занятости, особенно там, где не было сильной депопуляции, лежит в сфере стимулирования на федеральном и региональном уровнях развития в глубинке малого и среднего бизнеса (например, в виде сельской индустриализации сравнительно крупных населенных пунктов).

Города–аттракторы мигрантов получили массу выгод, включая недорогую рабочую силу, дополнительные налоговые поступления, дополнительный спрос на товары и услуги, приобретаемые трудовыми мигрантами во время их пребывания в городе. Все это также усилило социально-экономическую поляризацию российского пространства.

Положительный эффект от внешней занятости наблюдается в пригородах крупных центров. Хотя они сами отдают работников в крупные города, близость к ним привлекает как возвратных трудовых мигрантов, так и переселенцев. Ведь проникнуть в крупный центр из-за ценовых барьеров на жилье очень трудно. В ряде мест на этом эффекте базируется рост производства, торговли и услуг, строительный бум. Ярким примером служит Московская область. Есть и более скромные локальные примеры: Михайловск на пороге Ставрополя, Березовский и Среднеуральск недалеко от Екатеринбурга, Сосновоборск под Красноярском и др. Однако при слабом центре эффекты могут быть и негативными. Кроме того, скученность населения в пригородах способствует обострению транспортных проблем и росту социальной напряженности.

Последние кризисные события в стране несколько меняют ситуацию. С одной стороны, рост реальной, не фиксируемой статистикой безработи-

цы в регионах продолжает выталкивать людей в крупные центры. С другой стороны, сами эти центры не очень стабильны и выбрасывают на рынок труда своих безработных, в т.ч. бюджетников. Но их трудовые «ниши» настолько различны, что новые крупногородские безработные вряд ли заменят непритязательных отходников из деревень и малых городов. А вот закрытие предприятий, замораживание строек, на которых работали отходники, может способствовать их вынужденному возвращению в места проживания и переходу семей на самообеспечение и полунизищенское выживание. Тем не менее опыт предыдущих кризисов начала 1990-х гг., 1998 г., 2008–2009 гг. показывает, что пространственная поляризация восстанавливается довольно быстро, если не меняются институты.

Многие пригородные эффекты связаны с дачниками, усилившими жилищную экспансию городов путем возведения рядом с ними вторых, дачных, домов. А строятся они, как и многоэтажки, чаще всего руками временных трудовых мигрантов. Но не только здесь влияние таких мигрантов и дачников носит синергетический характер. В удаленных деревнях отходники, выделяясь среди местных жителей и привнося в деревню элементы городской жизни, порой быстрее находят общий язык с дачниками. Вместе они все же выполняют в сельской местности роль проводников инноваций.

Дачи также стали важным адаптационным механизмом, позволившим в условиях России совмещать преимущества городского и сельского образа жизни. Исследования показали, что дачный мир многообразен: тут и деревенская изба в 700 км от Москвы с минимумом удобств, и шикарная вилла в пригороде, но тоже обитаемая сезонно или в праздники, выходные дни. Обилие самых разных дач по размерам, уровню обустройства и – не в последнюю очередь – по удалению от центров сделало их доступными разным слоям населения, укрепляя дачную традицию и роль дачи как социально-ландшафтного бренда России (одним из признаков бренда служит знакомство со словом за рубежом, пусть не повсеместное, без перевода).

Поразительна устойчивость феномена российской дачи, пережившего разные эпохи и крутые повороты истории. Секрет, видимо, состоит в вышеупомянутом разнообразии самих дач и их функций. В более благополучные периоды экономических подъемов или стабильности дача служит полем приложения семейного капитала, местом для творчества, отдыха, развлечений. В годы кризисов обычно усиливается ее подсобно-аграрная функция и... та же рекреационная как более дешевая по сравнению с курортной (ведь инвестиции уже были сделаны).

Облик сельской местности также сильно различается в зависимости от количества горожан-дачников, их социальной принадлежности, вкусов, интересов. Обычно чем ближе к Москве или другому крупному городу, тем чаще сельские дома и целые деревни теряют свой первозданный облик, застраиваясь инородными домами, и тем сильнее дачники и местные жители отгораживаются друг от друга. Лишь в удаленных районах сохраняется тесный дачно-сельский симбиоз, типичный для начальных этапов переосвоения сельской местности горожанами. В районах депопуляции дачники – это порой единственный шанс на спасение от тотального сжатия освоенного пространства, но эта их роль хронически недооценена как российским обществом, так и властью.

Процессы дезурбанизации характернее для пригородов, что вместе с солидными вложениями делает пригородные дачи наиболее устойчивыми. Опасность грозит им с другой стороны – от безудержного расширения многоэтажной застройки. А относительная дешевизна дальних дач при социальном опустошении периферийных районов придает им эфемерность. Впрочем, обследования говорят о том, что если существует сложившееся сельское (даже только сезонное) сообщество или харизматичный лидер, то у дальних дач (пусть со сменой владельцев) есть будущее.

Возможности и готовность дачников участвовать в местной жизни все-таки имеют ограничения субъективного и объективного характера, связанные с кратковременностью пребывания, возрастом дачников, особенно в дальних деревнях, их достатком, интересами и т.п. Полное зимнее обезлюдение деревни повышает риски жизни в ней, хотя бы по линии безопасности и доступности медицины. Таким образом, превращение деревень в дачные – не панацея для сельской России. Вместе с тем продолжать игнорировать этот вид регулярных миграций горожан как фактор сохранения населенных пунктов и развития территории неразумно.

С другой стороны, привлекательность Москвы снижают как психологические и экологические стрессы, так и рост «имущественного ценза»: дороговизна столичной жизни уже «выталкивает» часть москвичей из мегаполиса. Хотя время их пребывания на дачах, в том числе дальних, может быть увеличено, это обычно не самые глухие места. Постоянная жизнь и работа далеко в глубинке маловероятны, российские природные и инфраструктурные условия к тому не располагают. Массовый переезд в деревню молодых горожан, имеющих возможность работать в режиме удаленного доступа, реален только в дальних поясах столичных агломераций. До тех пор, пока в удаленные сельские районы не придут

современные технологии, не будет налажена соответствующая инфраструктура, они будут привлекать лишь сезонное население и энтузиастов-отшельников. А поскольку постоянное население сельской нечерноземной глубинки из года в год сокращается, региональным и местным властям пора осознать роль сезонного и другого некоренного населения в жизни сельских территорий.

Общий вывод таков: только совместная забота горожан и местных жителей спасет оставшиеся фрагменты культурного ландшафта Нечерноземья от надвигающегося исчезновения. Именно растущая потребность горожан в даче, а не восстановление огромных площадей распахки в тайге и прочие грандиозные проекты для обезлюдевших мест, могут сохранить деревни и с ними – относительную освоенность в лесной зоне России. Это должно стать сигналом для федеральных и региональных органов, создающих концепции развития сельской местности, в которых, как правило, нет места городским дачникам как движущей силе деревни. И заодно для местных властей, которые, в отличие от многих жителей, не рады наплыву строптивых образованных городских дачников. Конечно, ими трудно управлять, но с ними можно плодотворно сотрудничать.

Пока же дачники, зарегистрированные в городах, существенно повышают сезонную нагрузку на дорожную и социальную инфраструктуру сельских районов и не учитываются при финансировании муниципалитетов. По мнению многих руководителей районов, Федеральный закон № 131⁵⁸ должен быть переделан таким образом, чтобы финансирование выделялось не на местных жителей, а на территорию, включающую как постоянное, так и временное, в т.ч. дачное, население. Тогда местные власти будут больше заинтересованы в привлечении дачников.

Приходится констатировать, что современным властям чужды и неудобны как факты, так и идеи пространственной мобильности населения, равно как и сложных, гибридных, пульсирующих форм расселения. Чиновник привык иметь дело с дискретными территориями и четкими рубежами, которые определяют его полномочия. Многомиллионные потоки пассажиров и колебания людности не могут игнорировать только те, кто отвечает за транспорт, энерго- и водоснабжение. Прочие управленцы видят в мобильности горожан и сельских жителей одни неудобства. Их отношение к возвратным перемещениям населения за редкими исключениями негативное или безразлично-пассивное. Разрабатываемые

⁵⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

ими планы и программы регионального и муниципального развития, как правило, не считаются с непонятными градиентами и непостоянством «своего» населения. Все социальные и административные показатели, задачи и нормы рассчитаны на цифры постоянные, хотя это сплошь и рядом всего лишь статистическая фикция. Для управленцев важен административный и (теперь даже в первую очередь) муниципальный статус территорий, зачастую не связанный с реалиями социально-экономического пространства.

Особую проблему в России представляет историческая слабость коммунального начала вообще и межмуниципальной, межселенной координации в особенности. Именно этой слабостью иногда (чаще кулуарно, чем открыто) объясняют принимаемые выше по вертикали решения о слиянии, укрупнении, расширении территориальных единиц. При ином подходе (в духе зарубежных ассоциаций и союзов), как думают сторонники таких действий, насущные задачи развития утонули бы в согласованиях, конфликтах, протестах, а проблемы поселений и регионов копились бы и обострялись. Проблем, включая те, что не могут быть решены без участия соседей, действительно немало. Но если не пробовать решать их «снизу», через взаимодействие, то соответствующие навыки и не появятся. А «сверху», как известно, всего не разглядеть и не учесть. Поэтому наука никак не может игнорировать процессы и явления, меняющие территориальные структуры, даже когда эти изменения не очень заметны со стороны и касаются не столько географических объектов, сколько отношений и связей между ними.

Так или иначе, знание предпосылок, масштабов и направлений потоков возвратных перемещений людей и их последствий для жизни населения, экономики регионов и муниципальных районов заставляет менять традиционные подходы к населению и системам его расселения, методы их изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева К.В.* Инновации в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны России как ответ на «сжатие пространства» // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 4. С. 40–51.
- Аверкиева К.В.* Горожане в деревне: особенности «дачного» освоения сельской местности в Костромской и Ивановской областях // Социология. Естествознание. Общество. Сборник научных статей и материалов научной конференции / Под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2014а. С. 57–62.
- Аверкиева К.В.* Малые города меж двух столиц: трансформация промышленной специализации и проблемы сохранения индустриального наследия // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: Сборник статей / Отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дишин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2014б. Т. 1. С. 71–81.
- Аверкиева К.В.* Современная структура занятости сельского населения Нечерноземья и роль отходничества в занятости сельских жителей // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 1. С. 25–37.
- Аверкиева К.В., Землянский Д.Ю.* Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 2. С. 75–81.
- Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г.* Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103–128.
- Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.
- Андреев Е.М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

- Антонов Е.В.* Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 г. // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 2. С. 54–63.
- Бабурин В.А., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г.* Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена, 2003.
- Бабурин В.А., Кириллов П.А., Махрова А.Г.* Система расселения Московского столичного региона на рубеже веков: преемственность и новации // Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 6. С. 60–68.
- Белобородов И.И.* Всероссийская перепись населения: искажение этнической реальности // Научный интернет-журнал «Семья и демографические исследования». 31.03.2014. URL: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/5271/> (дата обращения 15.04.2015).
- Белозеров В.С.* Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Население Юга России: трансформация производства, расселения и образа жизни в современных геополитических условиях. Ставрополь: Ставропольский гос. университет, 2009. С. 2–13.
- Бердяев Н.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Интеллигенция в России. 1905–1910. М. 1991. С.24–42.
- Богоров В., Новиков А., Серова Е.* Самопознание города // Археология периферии. М., 2013. С. 380–405. URL: http://issuu.com/mosurbanforum/docs/_d_uf_380-405_data (дата обращения 25.01.2015).
- Богословский В.В., Юрчук К.И.* Ярославский край. Электронный ресурс. URL: <http://www.yaroslavskiy-kray.com/143/otkhodnichestvo.html> (дата обращения 15.07.2016).
- Браде И.* Между дачей и фешенебельной резиденцией. Взгляд с Запада // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 33–38.
- Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 2. С. 19–29.
- Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.
- Бугроменко В.Н.* Транспортная доступность, ТГП и нерешенные проблемы транспортной географии // Географическое положение и территориальные структуры: Памяти И.М. Маергойза. М., 2012. С. 403–421.
- Бурдяк А.* Субурбанизация в России: решает ли дача жилищный вопрос? // Экономическая политика. 2013. № 2. С. 82–96.

- Варшавская Е., Денисенко И.* Россияне, не готовые работать // Демографический еженедельник Демоскоп Weekly. №663–664. 16 – 29 ноября 2015 г.
- Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. 2-е изд. СПб., 1881. Т. I.
- Веденин Ю.А. и др.* Формирование дачных поселков и садовых кооперативов на территории Московской агломерации // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1976. № 3. С. 72–79.
- Великий П.П.* Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Великий П.П., Бочарова Е.В.* Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 30–37.
- Вендина О.И.* Осташков, Торопец, Пушкинские горы. Развитие малых городов, не упомянутых Радищевым // Путешествие из Петербурга в Москву. Кн. 2. 2015. С. 308–329.
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: О.Г.И., 1998.
- Вишневский А.Г., Дмитриев Р.В.* Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития / Ред. Л.М. Синцорова. Вып. 3. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 197–230.
- Владимирский Н.Н.* Отход крестьянства Костромской губернии. Кострома: издание Костромского Губстатотдела, 1927.
- Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии / Ред. А.Н. Масленикова.* Вологда: Издание Вологодского Губернского Земства, 1903.
- Воробьева О.Д.* Новое в миграционной политике России – законодательство и практика // Миграционные процессы и проблемы адаптации и интеграции мигрантов: Сб. материалов Международной научно-практической конференции 15–19 октября 2015 г. Ставрополь, 2015. С. 100–106.
- Всероссийская перепись населения 2010 г., материалы сайта http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года (предварительные итоги по краткой программе по муниципальным районам и городским округам). Вып. № 3. Т. 2–4. Тула: Туластат, 2007.
- Генеральный план городского округа города-курорта Кисловодск. Т. 1. Кисловодск, 2013.
- Гольц Г.А.* Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981.

- Гонтмахер Е.* Отходники: жизнь вне государства // Капитал страны. Федеральное интернет-издание. 31 октября 2013. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/othodniki_zhizn_vne_gosudarstva/ (дата обращения 15.05.2016).
- Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013.
- Григоричев К.В.* От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI в. // Изв. Иркутского гос. ун-та. Серия: политология, религиоведение. 2012. № 2 (9). Ч. 2. С. 44–51.
- Гуныко М.С.* Взаимосвязи малых городов и сельских районов в Центральной России. Автореф. дисс. ...канд. геогр. наук. М.: Институт географии РАН, 2015.
- Гуныко М.С., Глезер О.Б.* Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 42–52.
- Гуриев С.* Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е изд., перераб. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010.
- Гусева Е.С.* Трансформация функций сельской местности Подмосковья за 20 лет рыночных преобразований // Региональные исследования. 2012. № 2 (36). С. 47–58.
- Данилов В.П.* Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Исторические записки. Т. 94. М.: Наука, 1974. С. 55–122.
- Данилова З.А.* Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 115–118.
- Демографический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1995; ФСГС, 2013, 2014.
- Денисенко М.Б., Карачурина А.Б., Мкртчян Н.В.* Миграционный потенциал лиц, ищущих работу, и безработных (по результатам социологического обследования) // Демоскоп Weekly. № 397–398. 9–22 ноября 2009.
- Дмитриев И.* Путеводитель от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно. М.: Университетская типография, 1839.
- Доклад о состоянии и прогнозах ситуации на рынке труда Ставропольского края. Ставрополь: Министерство труда и соц. защиты населения Ставропольского края, 2014.
- Долгов А.А.* Современные миграционные процессы в Ростовской области: региональный анализ // Миграционные процессы: пробле-

- мы адаптации и интеграции мигрантов: Сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, Институт соц.-политич. исследований РАН, 2014. С. 53–56.
- Дроздов А.В.* О сообществах горожан в деревнях Нечерноземья // Проблемы региональной экологии. 2015. № 3. С. 61–66.
- Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения / Под ред. Т. Малеевой. М.: РАНХиГС, 2016.
- Жбанков Д.Н.* Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губернское издательство, 1891.
- Жбанков Д.Н.* Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866–1883 гг. Кострома, 1887.
- Зайдфудим П.Х.* Реабилитация жизненной среды российского Севера. М.: Госкомсевер России, 1993.
- Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991.
- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В.* Внутренняя миграция в России: правовая практика. М.: Центр миграционных исследований, 2007.
- Зайончковская Ж.А.* Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 3–18.
- Заусаева Я.Д.* Оценка численности отходников в малых городах России // Демоскоп Weekly. № 575–576. 18 ноября – 1 декабря 2013.
- Землянский Д.Ю.* Подвижность местного и пришлого населения в Приокских районах за пределами Московской области // Социология. Естествознание. Общество. Сборник научных статей и материалов научной конференции. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2014. С. 62–65.
- Зубаревич Н.В.* Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т соц. политики. 2010.
- Зубаревич Н.В.* Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6 (57). Ноябрь – декабрь. С. 6–19.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (в 9 т.). Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Кн. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
- Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2011 году. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html (дата обращения 10.01.2015).

- Калугина З.И.* Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: экономика и социология. 2012. № 2 (74). С. 45–67.
- Карпов А.Е.* Феномен поселений родовых поместий как одна из современных форм дезурбанизации (на примере Владимирской области) // V Международная научная конференция «Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогностика процессов развития регионов Ближнего Севера России». 2–4 мая 2014 года. М.: Грифон, 2014. С. 15–21.
- Кириллов Л.А.* К вопросу о внеземледельческом отходе крестьянского населения // Труды императорского Вольного экономического общества. Т. I. Кн. 3. СПб., 1899. С. 265–299.
- Кому и зачем нужна сегодня дача? Опрос ФОМнибус. 22 апреля 2012. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10432> (дата обращения 10.04.2015).
- Короленко С.А.* Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях // Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. СПб., 1892. С. 80–81.
- Костаков В.Г.* Трудовые ресурсы села // Знание – сила. 1983. № 2. С. 15–18.
- Кошелева К.* Культ Mökki // STOP in Finland – Вся правда о Финляндии. № 7 (89), 26.08.2009 URL: <http://www.stopinfin.ru/archive/111/2097/> (дата обращения 15.07.2016).
- Край Селигерский. Вчера. Сегодня. Завтра. Осташковский район Тверской области. Энциклопедия российских деревень / Сост. И.П. Минаков. 2-е изд. Ржев, 2008.
- Крылов П.М.* Типологизация современных региональных транспортных систем России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2007. № 4. С. 66–75.
- Кузьмин А.И., Носов А.А., Давиденко А.Н., Илинбаева Е.А.* Опыт теоретического и эмпирического исследования маятниковой трудовой миграции в регионах России // Журнал экономической теории. 2013. № 3. С. 259–264.
- Курицев А.Н.* Ротационный характер отходничества крестьян на рубеже XIX – XX веков // Научные ведомости. Курский гос. ун-т. Курск, 2007. № 8 (39). Вып. 4. С. 93–97.
- Лаврентьева Е.* «Хорошо было жить на даче...» Дачная и усадебная жизнь в фотографиях и воспоминаниях. М.: Этерн, 2011.
- Лейзерович Е.Е.* Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы

- (полимасштабный анализ). Сб. докл. XXV секции МАРС / Ред. С.С. Артоболовский, А.М. Синцеров. М.: ИГ РАН, 2008. С. 173–181.
- Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3.
- Лола А.М.* Основы градovedения и теории города (в российской интерпретации). М.: КомКнига, 2005.
- Лухманов Д.Н.* Несельскохозяйственное сельское расселение в РСФСР – современная структура и динамика // Эволюция расселения в СССР. Ч. 2. М.: Академия наук СССР, Польская Академия наук, 1989. С. 60–80.
- Лухманов Д.Н.* Эволюция сельского расселения // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен. М., 2001. С. 225–277.
- Малинова-Тзиафета О.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Мальцева Е.С.* Региональный рынок труда и проблема маятниковой трудовой миграции // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 1. № 40–3. С. 41–44.
- Махрова А.Г.* Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. № 2. С. 29–34.
- Махрова А.Г.* Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. 2008. № 2 (17). С. 13–20.
- Махрова А.Г.* Трансформация расселения в Московском регионе в постсоветский период // География населения и социальная география. Вопросы географии. № 135. 2013. С. 245–269.
- Махрова А.Г.* Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014а. № 4. С. 10–16.
- Махрова А.Г.* Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014б. № 4. С. 49–59.
- Махрова А.Г.* Сезонная субурбанизация в регионах России // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 4. С. 59–68.
- Махрова А.Г., Кириллов П.А.* Пульсация населения Московского столичного региона // Социология. Естествознание. Общество. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности». 12–13 декабря 2014 года. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов», ООО «Вариант». 2014. С. 44–49.

- Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* Сезонная миграция расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г.* Роль бесстатусных поселков вторых домов горожан в системе расселения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 2. С.64–74.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008.
- Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А.* Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro-contra. Москва как физическое и социальное пространство. № 6 (57) ноябрь–декабрь, 2012 а. С. 19–32.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. № 517–518. 1–19 августа 2012б.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Центрально-Российский мегалополис: поляризация пространства и мобильность населения // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 4 (в печати).
- Махрова. А.Г., Нефедова Т.Г.* Пространственные урбанистические структуры в центре России // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Екатеринбург, 2013. С. 281–298.
- Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайонцковской, Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010.
- Милов Д.* Отходничество // Советская историческая энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/12820> (дата обращения 12.05.2016).
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Т. 1. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999.
- Митрофанов А.* Москва – Петербург. Станционный путеводитель. М.: КоЛибри, 2013.
- Михеева З.А.* Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб., 2012.
- Мкртчян Н.В.* Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. Социальная политика: экспертизы, рекомендации, обзоры. 2009. № 11. С. 149–164.
- Мкртчян Н.В.* Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центропериферийных отно-

- шений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 2011. С. 416–430.
- Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–30.
- Мкртчян Н.В., Кашицкий И.С.* Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Ред. Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова. М., 2014. С. 123–140.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 3–21.
- Моисеенко В.М.* Внутренняя миграция населения. М.: ТЭИС, 2004а.
- Моисеенко В.М.* Снижение масштабов внутренней миграции населения России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004б. № 7. С. 47–56.
- Моисеенко В.М.* Неземледельческий отход в России во второй половине XIX – начале XX столетия: основные этапы изучения и характеристика // Расселение населения. Памяти Б.С. Хорева (1932–2003 гг.) / Под ред. И.А. Даниловой, Н.Г. Джанаевой, Р.В. Дмитриева. М. 2012. Вып. 19. С. 192–219.
- Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда. Опыт географического исследования. М.: Институт географии РАН, 1988.
- Мукомель В.И.* Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 236–263.
- Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. М.: Госкомстат России, 1990.
- Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Ред. С.В. Захаров. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015.
- Начинается дачный сезон. Скажите, есть у Вас дача, дом за городом, свой участок земли? URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=543&q_id=38998&date=28.04.2005 (дата обращения 10.01.2015).
- Неретин А.С.* Современное состояние и развитие железнодорожной магистрали Москва–Санкт-Петербург // Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Петербургом. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015. С. 87–112.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбани-

- зации на рубеже веков / Отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города – лидеры современных регионов: формальные и неформальные // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: О.Г.И, 2005. С. 281–307.
- Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006.
- Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
- Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / Под ред. Н.Е.Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. С. 98–120.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–56.
- Нефедова Т. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразии районов на юге России. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, Институт географии РАН, 2012а.
- Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения сельского пространства России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012б. № 3. С. 7–23.
- Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012в. Т. 48(3). С. 204–216.
- Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2013а.
- Нефедова Т.Г. Большой, средний, малый город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена, 2013б. С. 171–191.
- Нефедова Т.Г. Миграционная привлекательность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 106–136.
- Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015а. № 2. С. 93–101.
- Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015б. № 3. С. 41–56.
- Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в современной России. Предпосылки. География // Демоскоп-Weekly. № 641–642, 643–644. 4–17 мая, 18–31 мая 2015в.
- Нефедова Т.Г. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп-Weekly, № 657–658. 5–18 октября 2015 г.

- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
- О дачах и дачниках. «ФОМнибус». 14 июля 2013. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11029> (дата обращения 22.01.2015).
- Обследование населения по проблемам занятости. М.: ФСГС, 2013, 2014 URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm. (дата обращения 12.02.2015).
- Овчинцева Л.А. Экономическое значение и социальная роль садовых товариществ // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 3(234). С. 50–55.
- Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография / Общ. ред. и сост. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга, 2016.
- Основные показатели социально-экономического положения районов и городов Ставропольского края. Ставрополь. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган по Ставропольскому краю. 2010, 2012, 2014.
- Отмена отходничества. Правовой портал. URL: <http://ppt.ru/news/63724> (дата обращения 13.05.2016).
- Отходники в советское время. Sarov.info 1 июня 2008. URL: <http://sarov.info/forum/viewtopic.php> (дата обращения 13.05.2016).
- Ильиных В.А., Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А. Отходничество // Историческая энциклопедия Сибири URL: <http://sibhistory.edu54.ru/> (дата обращения 13.05.2016).
- Отходничество в Лезгистане XIX–XX вв. Особенности распространенного социального явления прошлого. URL: http://flnka.ru/glav_lenta/7006-othodnichestvo-v-lezgistane-xix-xx-vv.html (дата обращения 13.05.2016).
- Отхожие промыслы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах. Том 82. СПб., 1897.
- Очерки по истории родных мест. Отходничество. URL: <https://sites.google.com/site/ocerkipoistoriiirodnyhmest/othodnicestvo-selskih-rabocih> (дата обращения 13.05.2016).
- Панферов В.П. Местная сеть путей сообщения и условия ее формирования. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Пацюрковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010.

- Петров Н.В.* Попытка выявления «летних» и «зимних» границ Московской агломерации // Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона. Препринт. М.: Академия наук СССР, Польская академия наук, 1988. С. 160–167.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н.* Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24. № 1 С. 31–75.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М.: Новый хронограф, 2013.
- Плюснин Ю.М., Слободской-Плюснин Я.Ю.* Взаимоотношения бизнеса и власти на местном уровне // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта: Колл. научн. монография / Сост. и под ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. С. 212–238.
- Позаненко А.А.* Поселения родовых поместий как новая форма жизни на селе // Регион в период модернизации: социальные институты. Материалы II Международной научно-практической конференции, 5 апреля 2013 г. / Науч. ред.: Д.А. Шпилев. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. С. 163–173.
- Покровский Н.Е.* «Лаптем щи хлебать не заставишь». Почему спасти русскую деревню будут не китайцы, а жители российских мегаполисов // Lenta.ru. 20.11.2014. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/11/20/village/> (дата обращения 20.02.2015).
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.* «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера // Новые идеи в социологии: монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 314–339.
- Полуэктов А.П.* Область эффективного применения автобусного и железнодорожного транспорта на малоделятельных пригородных участках и координация их работы: дисс. ... канд. тех. наук. М., 1968.
- Полян П.* Территориальные структуры – урбанизация – расселение. Теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Под ред. Н.Е.Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.*
- Приваловский А.Н.* Факторы развития локальных транспортных сетей // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 2. С. 51–58.
- Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015.*

- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2. Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года) / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015.
- Регионы России. М.: ФСТС, 1998, 2002, 2013, 2014, 2015.
- Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002.
- Родоман Б.Б.* Проблема сохранения экологических функций пригородной зоны Москвы // Проблемы землепользования в связи с развитием малоэтажного жилищного строительства в Московском регионе. М.: Московский областной совет народных депутатов, 1993.
- Россия 1913-го. Статистико-документальный справочник. СПб. Институт российской истории РАН, 1995.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 3. Озерная область. СПб. Издание А.Ф. Девриена, 1900.
- Рощина Т.Г.* Работа на выезде как фактор повышения уровня жизни населения (на примере малых городов России) / Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 2008.
- Русская дача: милый дом без удобств, газа и подъездных путей // Пресс-выпуск № 2605. Омнибус-ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114861> (дата обращения 22.01.2015).
- Рыбников А.А.* Основные вопросы плана сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1928.
- Рыбников А.А.* Перенаселение и борьба с ним // Морозов М., Юньев И. Экономическая география: Хрестоматия / Под ред. Н.Н. Баранского. Т. II. СССР. М.: Издательство ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1929. С. 60–111.
- Рязанцев С.В.* Внутренняя миграция населения в России: региональные особенности и перспективы // Народонаселение. 2004. № 3. С. 113.
- Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. 2004: Стат. сб. М.: Росстат, 2004.
- Солдатова Н.В.* Динамика расселения Вологодской области во второй половине XX – начале XXI века. Вологда: ВГПУ, 2010.
- Солнцева А.* Деревенские жители: цикл очерков. Газета.ru. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/08/21_a_6184777.shtml?_sbrid_=1491e95a5eebaed8a29590ec26701b94_JQhEAA (дата обращения 30.11.2014).
- Спутник дачника по окрестностям Москвы, замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. М., 1888.

- Ставропольский край 2014. Статистический ежегодник. Ставрополь: Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган по Ставропольскому краю, 2014.
- Схема территориального планирования Осташковского района Тверской области, СПб.; Тверь: НПИ пространственного планирования «ЭНКО», 2008.
- Тикунов А.В. Интегральные показатели пространственных моделей развития стран мира. М.: Либроком, 2009.
- Титова Е.В. История деревни Первитино Лихославльского района Тверской области // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XVI всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18–19 декабря 2014 г. / Под ред. К.А. Аверьянова. М., 2015 С. 221–222.
- Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения // Российская глубинка – модели и методы изучения. М.: Эслан, 2012. С. 49–62.
- Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Об агломерированном расселении // Разнообразии как фактор и условие территориального развития. Ч. I. М.: Эслан, 2014. С. 63–68.
- Толковый словарь С.И. Ожегова, онлайн-версия.
- Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.
- Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009.
- Трейвиш А.И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп-Weekly. № 655–656. 21 сентября – 4 октября 2015.
- Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: региональное измерение // Вопросы географии. Вып. 141. Проблемы регионального развития России. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 51–72.
- Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция, инновация в развитии российского крупногородского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации. / Под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. Ойкумена. Смоленск, 2003. С. 54–71.
- Трифонов А.А., Махрова А.Г. Проблемы миграционного движения населения в больших городах / МГЦНТИ. Проблемы больших городов. Вып. 7. М., 1985.
- Труд и занятость. Статистический справочник. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2013. (1995, 2001, 2007, 2010, 2013),
- Улюкаев А. Что делать. Версия Минэкономразвития // Ведомости. № 4092. 09.06.2016.

- Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Фадеева О.П. Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. 2013. №5 (467). С. 29–47.
- Федеральный закон от 25.01.2002 № 8-ФЗ «О Всероссийской переписи населения» (в ред. Федеральных законов от 28.11.2009 № 293-ФЗ, от 27.07.2010 № 204-ФЗ).
- Филиппович Л. Горожане за городом // Ваш выбор. Научно-политический журнал регионов. 1994. № 3 (10). С. 24–26.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда / Ин-т социального анализа и прогнозирования. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
- Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. М.: Издательство «НАТАЛИС», 2010.
- Хауке М.О. Пригородная зона большого города. М: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960.
- Хромов Ю.Б. Планировочная организация зон отдыха в городах и групповых системах расселения. Л.: Стройиздат, 1976.
- Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В. Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов // Институты развития демографической системы общества. Сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием / Под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. Екатеринбург, 2014. С. 184–187.
- Численность и миграции населения Российской Федерации в 2012 году. М.: ФСГС, 2013.
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. М.: ФСГС, 2014. (то же 1990, 2010, 2013, 2015)
- Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. Российские трудовые мигранты и иностранные работники – коллеги? конкуренты? // Демоскоп-Weekly. № 579–580. 16–31 декабря 2013.
- Шаповал Д.Г. История сел Дунилово и Горицы: от неолита до современности. Шуя: Изд-во «Полицентр», 2013.
- Шаховской Н.В. Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903.
- Шитова Ю., Шитов М. Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе // Демоскоп-Weekly. № 569–570. 30 сентября – 13 октября 2013.
- Шитова Ю.Ю. Маятниковая миграция в Подмоскovie: комплексный социально-экономический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009.

- Шитова Ю.Ю.* Маятниковая трудовая миграция в Московской области: методический и прикладной анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 1. С. 63–79.
- Шитова Ю.Ю.* Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах. Дисс. ... докт. экон. наук. Дубна, 2010.
- Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А.* Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскowie // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 112–122.
- Шумилова В.В.* Создание мифологемы дачи в поэзии конца XIX – начала XX века. URL: http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2921:-----xix---xx-&catid=113:-7&Itemid=192 (дата обращения 13.12.2013).
- Щитова Н.А.* География рекреационных потребностей населения городов разного типа (на примере Ставропольского края) // Географические аспекты исследования рекреационных систем. М.: МФГО, 1979. С. 78–88.
- Экономическая активность населения. М.: ФСНС, 2002, 2009, 2011, 2014.
- Энгельгардт А.Н.* Письма из деревни. М.: Алгоритм, 2010.
- Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. 2-е изд. СПб., 1881.
- Aybek С.М., Huinink J., Muttarak R.* (Eds.). Spatial Mobility, Migration, and Living Arrangements. Cham, Heidelberg etc.: Springer, 2015.
- Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Bielckus С.Л., Rogers А.Е., Wibberley G.P.* Second homes in England and Wales: A study of the distribution and use of rural properties taken over as second residences. London: Wye College School of Rural and Related Studies, 1972.
- Cairncross F.* The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change our Lives. Harvard Business Press, 2001.
- Cloke P.J.* Key Settlements in Rural Areas. London: Methuen, 1979.
- Commuter Adjusted Daytime Population: 2006–2010 5-year American Community Survey. URL: <https://www.census.gov/hhes/commuting/files/2013/WP2013-26.pdf> (дата обращения 12.02.2015).
- Commuting Patterns in the UK, 2011 / Part of 2011 Census, Origin-destination Statistics on Migration, Workplace and Students for Local Authorities in the United Kingdom Release. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census/origin-destination-statistics-on-migration-workplace-and-students-for-local-authorities-in-the-united-kingdom/sum---commuting-patterns-in-the-uk--2011.html> (дата обращения 02.01.2015).

- Coppock J.T., Duffield B.S.* Recreation in the Countryside: A Spatial Analysis. London: Macmillan; N.Y.: St. Martin's Press, 1975.
- Cribier F.* 300,000 résidences secondaires // *Urbanisme*. 1966. № 96-7. P. 97–101.
- Cribier F.* La grande migration d'été des citadins en France: essai d'une géographie de la récréation. Editions du C.N.R.S. Mémoires et Documents. 1969.
- Dewey R.* The Rural-Urban Continuum: Real but Relatively Unimportant // *American Journal of Sociology*. 1960. Vol. 66. № 1. P. 60–66.
- Dijst M. et al.* Second Homes in Germany and The Netherlands: ownership and travel impact explained // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2005. Vol 96. № 2. P. 139–152.
- English Housing Survey. Household report 2008–09. London: Department for Communities and Local Government Publications, 2010. URL:https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/6695/1750765.pdf
- Fielding A.J.* Migration and urbanization in Western Europe since 1950 // *The Geographical Journal*. 1989. Vol. 155. № 1. P. 60–69.
- Florida R.* Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life. Philadelphia: Basic Books, 2008.
- Gallent N., Mace A., Tewdwr-Jones M.* Second Homes: European Perspectives and UK Policies. Aldershot: Ashgate, 2005.
- Gessat E., Ortat N.* Circuler entre ville et campagne. Evolution de l'usage des résidences secondaires en France et en Russie // Luginbühl Y. (ed.). Nouvelles urbanités, nouvelles ruralités en Europe. Bruxelles etc.: Peter Lang, 2007. P. 111–118.
- Geyer H.S., Kontuly T.* A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // *International Regional Science Review*. 1993. Vol. 15. № 3. P. 157–177.
- Gibbs J.* The evolution of population concentration // *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. № 2. P. 119–129.
- Golubchikov O., Phelps N., Makhrova A.* From closed city to edge city? Governing growth at the periphery of Moscow - the case of Khimki // Phelps N., Wu F. (eds). *International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World?* Palgrave-MacMillan, 2011. P. 177–191.
- Hägerstrand T.* Space, time and human condition // *Dynamic allocation of urban space*. Lexington, MA: Lexington Books, 1975. P. 3–14.
- Hoogendoorn G.* Second homes and local economic impacts in the South African post-productivist countryside. A dissertation for a PhD in

- Geography. Bloemfontein, University of the Free State, Faculty of Humanities, November 2010. – 206 p. URL:<http://etd.uovs.ac.za/ETD-db/theses/available/etd-10192011-134815/unrestricted/HoogendoornG.pdf>
- Housing Characteristics: 2010 from 2010 Census Briefs URL:<https://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-07.pdf>
- Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. London: S. Sonnenschein & Co., Ltd. 2nd edition. 1902. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0657/index.php> (дата обращения 12.01.2016).
- Ilin V.* Bertween city and village: Models of dual lifestyles in Russia // *The Future We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 3rd ISA Forum of Sociology. Vienna, 2016.
- Ioffe G., Nefedova N., de Beurs K.* Agrarian transformation in the Russian breadbasket: contemporary trends as manifest in Stavropol' // *Post-Soviet Affairs*. December 2013 URL:<http://www.tandfonline.com/loi/rpsa20> (дата обращения 10.01.2015).
- Kritz M.* International Migration to Multiple Destinations // *The World in the Mirror of International Migration*. Scientific series International Migration: Russia and the Contemporary World. Vol. 10. Moscow: MAX Press, 2002.
- Lovell S.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. London: Cornell University Press, 2003.
- Lynch K.* Rural-urban interaction in the developing world. London; New York: Routledge, 2005.
- Makhrova A., Molodikova I.* Land market, commercial real estate and remolding of Moscow's urban fabric // *The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. Dordrecht, The Niderlands: Springer, 2007. P. 95–110.
- Meyrowitz J.* No Sense of Place. N.Y.: Oxford University Press, 1985.
- Miner H.* The folk-urban continuum // *American Sociological Review*. 1952. №. 17. P. 529–537.
- Multiple Dwelling and Tourism / McIntyre N., Williams D., McHugh K. (eds.)*. Oxfordshire, UK, Cambridge MA: CABI Publishing, 2006.
- Nefedova T., Pallot J.* The Multiplicity of Second Home Development in the Russian Federation: A Case of “Seasonal Suburbanisation”// *Roca Z. (ed.) Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses*. Farnham, UK; Berlington, USA: Ashgate Publishing, 2013. P. 91–121.
- Okolski M.* «Migration pressures on Europe» // *D. van de Kaa et al. (eds.) European Populations: Unity in Diversity*. Boston, London, Kluwer Academic Publishers, 1999.

- Payne B.R., Gannon R.C., Irland L.C.* The second-home recreation market in the northeast: a problem analysis of economic, social and environmental impacts. U.S. Dept. of the Interior, Bureau of Outdoor Recreation, Northeastern Forest Experiment Station. Radnor (Pa.), 1975.
- Oxley M. et al.* Rapid Evidence Assessment of the Research Literature on the Purchase and Use of Second Homes. Fareham: National Housing and Planning Advice Unit, 2008.
- Redfield R.* Tepoztlán, a Mexican Village: A Study of Folk Life. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1930.
- Richardson H.W.* Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. Vol. 45. P. 67–85.
- Second Homes: Curse or Blessing? Coppock, J.T., Ed. Pergamon Press, 1977.
- Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK; Burlington, USA: Ashgate Publishing, 2013.
- Sorokin P.A., Zimmerman C.C., Galpin C.J.* A Systematic source book in rural sociology. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1930.
- Sorokin P., Zimmerman C.* Principles of Rural-Urban Sociology. New York: Holt, 1929.
- Wallace A. et al.* The Impact of Empty, Second and Holiday Homes on the Sustainability of Rural Communities: a Systematic Literature Review. York: The University of York, 2005. URL <http://www.york.ac.uk/media/chp/documents/2005/SecondHomes.pdf>
- The urban-rural continuum // Migration and rural development: selected topics for teaching and research. FAO Economic and Social Development Paper. №. 3. Rome: FAO, 1978.
- The urban-rural continuum // Some considerations on specific aspects of migration: URL <http://www.fao.org/docrep/x1372t/x1372t05.htm>. 1998.
- Thrift N.* Spatial Formations. L.: Sage, 1996.
- Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground / Hall C.M., Muller D.K. (Eds.). Clevedon, UK: Channel View Publ., 2004.
- Traven V.* La Datcha en Russie de 1917 à nos jours. Paris: Sextant, 2005.
- Urry J.* Consuming Places. L.: Routledge, 1995.
- Williams D.R., Kaltenborn B.P.* Leisure places and modernity: The use and meaning of recreational cottages in Norway and the USA // Crouch D. (ed.) Leisure/Tourism Geographies. Practices and geographical knowledge. London; NY: Routledge, 1999. P. 214–230.

World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography.
Washington, DC: The World Bank, 2009.

Zelinsky W. The hypothesis of mobility transition // Geographical Review.
1971. Vol. 61. № 2. P. 219–249.

BETWEEN HOME AND... HOME

The return spatial mobility of population in Russia

*K.V. Averkieva, E.V. Antonov, P.L. Kirillov, A.G. Makhrova,
A.A. Medvedev, A.S. Neretin, T.G. Nefedova, A.I. Treivish*

CONTENTS

Introduction

Part 1. Urbanization, mobility and the rural-urban continuum

- 1. Russia's urbanization and population mobility**
- 2. Mobility in rural-urban continuum**

Part II. To the city for work

- 2.1. The evolution of distant work (otkhodnichestvo)**
- 2.2. Contemporary socio-economic preconditions of labor mobility in Russia**
- 2.3. Transportation as a prerequisite and an indicator of the return mobility**
- 2.4. Methods used to study Russian labor migration at the regional, municipal and local level**
- 2.5. Vectors of contemporary labor migrations**
- 2.6. Human labor mobility, according to the all-Russian 2010 census data**
- 2.7. Labor mobility as a way of crisis adaptation for urban labor markets in the Urals, Siberia and the Far East**
- 2.8. Labor commuting as a way of life in metropolitan areas. The case of Moscow region**
- 2.9. Where to find a job in countryside. The examples of Black-Soil and non-Black-Soil zones**
- 2.10. From the South to Moscow in search of a job. The case of Stavropol Kray**

Part III. Out of the city for fresh air

- 3.1. Dachas, dachniks and dacha studies**
- 3.2. Dachas in Russia. Evolution and typology**
- 3.3. Methods of dacha studies and some results**

Summary

3.4. Suburbs of Moscow and St. Petersburg: from 'garden partnerships' to 'cottage settlements'

3.5. Dacha settlements lacking official status outside metropolitan areas

3.6. Suburbs in the South and the East: urbanization or de-urbanization?

3.7. The stages of the dacha "colonization" in Russia's backwoods

3.8. Remote dachas as a temporary refuge from civilization

3.9. Dachas at the resorts

Conclusion

Literature

Summary

Information about the authors

SUMMARY

This book is devoted to spatial (geographical) human mobility in its wide sense. The primary focus of the book is a discussion of the regular return migrations inside Russia. The latter do not involve the participants who change their place of permanent residence, but, rather, their temporary relocation to 'another place' with the purpose of work or leisure. By the twenty-first century, population mobility has become one of the both symbols and mottos agent of the societal development. Besides personal motivations, the factors shaping this mobility and the directions of the flows depend on the stage of development, and, moreover, on fluent and spatially varying socio-economic parameters. The book deals with the preconditions for population mobility associated with the polarization of Russian space, and with the dynamics of economy and employment. Two main types of human mobility are analyzed in detail, i.e., mobility of labor (daily commuting and more distant work with the weekly and longer-term cycles), and seasonal migration of Russian urban residents to their exurban estates (*dachas*). A double-home life-style is typical for dacha-dwellers (*dachniks*) as well as for long distant workers (*otkhodniks*). The distances of regular movements between homes can reach hundreds of kilometers. The book describes the evolution of such migrations, the methods for studying them, the main vectors and scales of the movements, and the specifics of the choice of nearest and distant places for work or dacha life. The study covers both the whole of Russia and its various regions: northern and southern, eastern and western, suburban and peripheral. It helps to reveal the real numbers of population living in different places on a daily, weekly, monthly and seasonal basis.

The book is addressed to anyone scholars and students interested in the history and modernity of Russia, its geography and socio-cultural processes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкиева Ксения Васильевна, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
xsenics@yandex.ru

Антонов Евгений Викторович, аспирант географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
antonovmtg@gmail.com

Кириллов Павел Линардович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и отдела социально-экономической географии Института географии РАН
linard@mail.ru

Махрова Алла Георгиевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и отдела социально-экономической географии Института географии РАН
almah@mail.ru

Медведев Андрей Александрович, кандидат географических наук, заведующий отделом картографии Института географии РАН
a.a.medvedeff@gmail.com

Неретин Александр Сергеевич, аспирант Института географии РАН
sanyaneretin@yandex.ru

Нефедова Татьяна Григорьевна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
trene12@yandex.ru

Трейвиш Андрей Ильич, доктор географических наук, главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН
trene12@yandex.ru

Научное издание

К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова,
А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова, А.И. Тревиш

МЕЖДУ ДОМОМ И ... ДОМОМ

Возвратная пространственная мобильность населения России

Издатель *Леонид Янович*

Корректоры *Алла Морозова*

Ирина Башлай

Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*

Обложка *Владимир Хананов*

Налоговая льгота -
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Подписано к печати 28.X.2016
Формат 70x100/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Печатных листов 31,5
Тираж 300 экз. Заказ № К-7211

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон +7-916-651-3094
Реализация +7-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
<http://www.novhron.info>

Отпечатано в АО ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

«НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

9 785948 813677